

СТЕПНЫЕ НАРОДЫ ЕВРАЗИИ
STEPPENVÖLKER EURASIENS

II

Аскольд И. Иванчик

КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ

Steppenvölker Eurasiens   Степные народы Евразии
Band II   Том II

Askold I. Ivantchik   Аскольд И. Иванчик
Kimmerier und Skythen   Киммерийцы и скифы

DEUTSCHES ARCHÄOLOGISCHES INSTITUT
EURASIEN-ABTEILUNG

INSTITUT FÜR ALLGEMEINE GESCHICHTE DER RUSSISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
ZENTRUM FÜR VERGLEICHENDE ERFORSCHUNG DER ALTEN ZIVILISATIONEN

STEPPENVÖLKER EURASIENS

Herausgegeben von
Askold Ivantchik und Hermann Parzinger

INTERNATIONALES BERATUNGSGREMIUM

Vorsitzende: G. Bongard-Levin (Moskau), H. Kyrieleis (Berlin)

A. Askarov (Tashkent), K. Bajpakov (Alma-Ata)
V. Bočkarev (Sankt-Petersburg), H.-P. Francfort (Paris), Gh. Gnoli (Rom),
B. Hänsel (Berlin), Th. Höllmann (München), K. Jettmar (Heidelberg), G. Kossack (München),
C. Lamberg-Karlovsky (Cambridge, Mass.), B. Litvinskij (Moskau),
V. Molodin (Novosibirsk), M. Moškova (Moskau),
R. Munčaev (Moskau), M. Piotrovskij (Sankt-Petersburg),
D. Raevskij (Moskau), P. Toločko (Kiew)

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ГЕРМАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ЕВРАЗИЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

СТЕПНЫЕ НАРОДЫ ЕВРАЗИИ

Под редакцией

Аскольда Иванчика и Германа Парцингера

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели: Г. М. Бонгард-Левин (Москва), Х. Кюриеляйс (Берлин)

А. А. Аскарлов (Ташкент), К. М. Байпаков (Алма-Ата),
В. С. Бочкарев (Санкт-Петербург), К. Йеттмар (Гейдельберг),
Г. Коссак (Мюнхен), К. Ламберг-Карловски (Кембридж), Б. А. Литвинский (Москва),
В. И. Молодин (Новосибирск), М. Г. Мошкова (Москва), Р. М. Мунчаев (Москва),
Г. Ньюли (Рим), М. Б. Пиотровский (Санкт-Петербург), Д. С. Раевский (Москва),
П. П. Толочко (Киев), А.-П. Франкфор (Париж),
Т. Хёллманн (Мюнхен), Б. Хензель (Берлин)

STEPPEVÖLKER EURASIENS
Band II

Askold I. Ivantchik

KIMMERIER UND SKYTHEN

Kulturhistorische und chronologische Probleme der Archäologie
der osteuropäischen Steppen und Kaukasiens
in vor- und frühschythischer Zeit

Moskau 2001

СТЕПНЫЕ НАРОДЫ ЕВРАЗИИ
Том II

Аскольд И. Иванчик

КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ

Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии
восточноевропейских степей и Кавказа
пред- и раннескифского времени

Москва 2001

Степные народы Евразии, II
Steppenvölker Eurasiens, II

Аскольд И. ИВАНЧИК, Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Москва 2001

Askold I. IVANTSIK, Kimmerier und Skythen. Kulturhistorische und chronologische Probleme der Archäologie der osteuropäischen Steppen und Kaukasiens in vor- und frühskythischer Zeit. Moskau 2001

Русское издание

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА ИМ. АЛЕКСАНДРА ФОН ГУМБОЛЬТА

- © Аскольд И. Иванчик, 2001
- © Центр сравнительного изучения древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН, 2001
- © Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts, 2001
- © Палеограф, 2001

ISBN 5-89526-008-X (Русское издание)
ISBN 5-89526-009-8 (Немецкое издание)

Отпечатано в ОАО Типография «Новости»

*Моим родителям
Тамаре и Игорю Иванчик*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ВВЕДЕНИЕ	12
ЧАСТЬ 1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОХОДОВ ЕВРАЗИЙСКИХ НОМАДОВ В МАЛОЙ АЗИИ	14
Глава 1.1. Проблема «киммерийской культуры»	15
1.1.1. Свидетельства письменных текстов о материальной культуре киммерийцев	16
1.1.2. Термин «киммерийская культура» и проблема идентификации археологической культуры исторических киммерийцев	16
Глава 1.2. Погребальные комплексы евразийских номадов в Малой Азии	21
1.2.1. Кочевнические погребения на Норшунтепе	21
1.2.2. Кочевнические погребения у Имирлера и Амасьи	42
1.2.3. Археологическая культура исторических киммерийцев и ее соотношение с «раннескифской» культурой	55
Глава 1.3. Отдельные находки «скифского типа» в Малой Азии	58
1.3.1. «Скифские» находки из Кармир-Блура и других урартских памятников	59
1.3.2. «Скифские» находки VII в. до н. э. в Анатолии и Палестине	67
1.3.3. Археологические следы походов кочевников в Ионии и Лидии	71
1.3.4. Киммерийская бутероль из Сард	74
1.3.5. Псевдокочевнические предметы из Сард и других малоазийских памятников	81
Глава 1.4. Переднеазиатские изображения «евразийских номадов»	98
1.4.1. Рельеф Ашшурнацирпала II из Нимруда	98
1.4.2. Другие изображения «номадов»	105
ЧАСТЬ 2. ПРЕДСКИФСКАЯ И РАНЕСКИФСКАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ПРЕДКАВКАЗЬЯ: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ	114
Глава 2.1. Проблемы хронологии	115
2.1.1. Датировка начала «келермесского» этапа раннескифской культуры	115
2.1.2. Проблемы относительной хронологии предскифских памятников	120
2.1.3. Проблемы абсолютной хронологии предскифских памятников	123
Глава 2.2. Культурные связи Европы и Передней Азии в предскифский и раннескифский период: проблемы развития конской узды	137
2.2.1. Проблемы хронологии закавказских памятников второй половины II—начала I тыс. до н. э., содержащих металлические предметы конской узды	138
2.2.2. Удила с кольчатыми окончаниями и отдельными псалями	158
2.2.3. Удила с жесткокрепленными псалями в Передней Азии и Европе	180

2.2.4. Урартская и раннескифская узда начала VII в. до н. э.	203
2.2.5. Бляшки конской сбруи из Носачевского кургана	210
2.2.6. Бубенцы из Квитковского кургана	220
Глава 2.3. Проблема «переднеазиатских элементов» в предскифской культуре Северного Кавказа	228
2.3.1. Шлемы «переднеазиатского» типа на Кавказе	228
2.3.2. Бронзовые пекторали	247
2.3.3. Чешуйчатые панцири	257
2.3.4. Колесницы на Северном Кавказе	261
Экскурс 2.4. Датировка Хазанлу IV	263
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	281
КАРТЫ	284
БИБЛИОГРАФИЯ	288
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	310
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	312
УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН ИМЕН	317
УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ	319

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа представляет собой переработанный вариант второй части моей реабилитационной диссертации, защищенной в июне 1996 г. в Университете Фрибура (Швейцария). Она является результатом исследований, которые я вел с конца 80-х годов в Москве, Фрибуре (1990–1992) и Гейдельберге (1993–1995). Основной текст был завершен в сентябре 1995 г.; некоторые изменения и дополнения, не затронувшие, впрочем, сути моих интерпретаций, я смог сделать при подготовке окончательного варианта данной работы во время пребывания в Центре эллинских исследований в Вашингтоне (1996–1997), а также позже в Страсбурге (1997–1998) и Москве. Вышедшие после 1997 публикации, однако, не могли быть здесь учтены.

Я благодарен многим лицам и учреждениям, помогавшим мне во время работы. В первую очередь я хочу назвать моего учителя Эдвина Арвидовича Грантовского, с которым я регулярно обсуждал многие аспекты этой работы до его трагической гибели в 1995 г. Многим я обязан Г. М. Бонгард-Левину, который постоянно оказывал мне поддержку во время моей работы в Москве, сначала в Институте востоковедения, а затем в Центре по сравнительному изучению древних цивилизаций Российской Академии наук. Я благодарен Марселю Пьерару, Харальду Хауптманну, Карлхайнцу Деллеру, Курту Раафлаубу, Деборе Бедкер и Жерару Сибери, которые способствовали моей успешной работе во Фрибуре, Гейдельберге, Вашингтоне и Страсбурге. Марсель Пьерар, Харальд Хауптманн и Жак Скамп выступили рецензентами моей диссертации, высказав при этом ряд полезных замечаний и соображений. Я благодарен всем коллегам, которые на разных стадиях работы знакомились с разными ее частями и делились со мной своими соображениями и замечаниями, позволившими улучшить окончательный текст, особенно Георгу Коссаку и Карлу Йеттмару, а также У. Л. Дитц, И. М. Дьяконову, М. Н. Погребовой, Д. С. Раевскому, С. Р. Тохтасьеву и др. Я признателен Аделе Билль, вместе с которой мы готовили немецкий текст книги, и Герману Парцингеру, который взял на себя труд его окончательного редактирования. Благодарю также А. Трифонову и В. Красильникову, выполнивших рисунки к книге. Особо я хочу поблагодарить Фонд Александра фон Гумбольдта, чья щедрая финансовая поддержка обеспечила проведение моих исследований в Гейдельберге, где была написана большая часть этой книги, а также ее публикацию. Я признателен также кантону Фрибур и Центру эллинских исследований, которые финансировали мою работу во Фрибуре и Вашингтоне.

Бордо, январь 1999

ВВЕДЕНИЕ

История (в узком смысле слова) евразийских степей начинается достаточно поздно — в VIII–VII вв. до н. э.: именно в это время появляются первые упоминания их населения в письменных текстах. Более ранний период всецело принадлежит праистории и для его изучения мы располагаем лишь данными археологии. Благодаря письменным текстам нам впервые становятся известны имена некоторых народов, населявших евразийские степи в это время, равно как и ряд деталей их истории. История западной части евразийских степей этого периода связана, прежде всего, с двумя народами, упоминаемыми письменными текстами — киммерийцами и скифами.

Появление письменных источников, разумеется, неизмеримо расширяет наши возможности при реконструкции истории населения евразийских степей по сравнению с предыдущим периодом, при изучении которого мы вынуждены опираться лишь на данные археологии. Однако появление новой категории источников ставит перед исследователем ряд новых проблем, с которыми не приходится сталкиваться чистому праисторику. Занимаясь изучением истории евразийских степей скифского периода, исследователю постоянно приходится решать вопросы, связанные с согласованием свидетельств письменных и археологических источников. Например, говоря об этнической истории более ранней эпохи, он вынужден оперировать лишь условными наименованиями археологических культур. Говоря же о скифском периоде, он не может более ограничиваться этим и должен выяснять соотношение той археологической реальности, которая восстанавливается в ходе анализа результатов раскопок, с картиной, воссоздаваемой по письменным текстам, в частности, использовать не только условные наименования археологических культур, но и выяснять, каким образом они соотносятся с реальными этносами, названия которых сохранены письменными текстами.

Центральной проблемой изучения истории степей Восточной Европы в первой половине I тыс. до н. э. остается выяснение того, какой археологической реальности соответствуют этносы киммерийцев и скифов, описанные в письменных текстах. Проблема эта достаточно сложна, так как хорошо известно, что археологическая культура далеко не всегда однозначно соответствует этносу и что, в частности, различные этносы могут принадлежать одной и той же археологической культуре. Главным событием этого периода с археологической точки зрения является формирование так называемой «раннескифской» культуры, достаточно быстро вытеснившей культуры, характерные для степей предыдущей эпохи. Наименование этой культуры «раннескифской» хорошо обосновано и ее связь с историческими скифами вряд ли может вызывать сомнения. Иначе обстоит дело с киммерийцами, археологическая идентификация которых по-прежнему служит предметом дискуссий. Первая часть предлагаемой работы посвящена этой проблеме: выяснению того, какая археологическая реальность скрывается за сообщениями письменных источников о киммерийцах. Для ее решения приходится обращаться не только и даже не столько к материалу, происходящему из степей, которые были, судя по всему, коренной территорией обитания киммерийцев, но и прежде всего к районам Передней Азии. Эти области, служившие объектом военных набегов киммерийцев и, очевидно, достаточно маргинальные для их культуры, имеют, однако, то достоинство, что именно с ними связано подавляющее большинство письменных источников, упоминающих этот народ, и притом источников наиболее достоверных.

Поэтому именно эти районы имеют приоритетное значение при анализе проблем, требующих согласования данных письменных и археологических источников, а именно такой проблемой является вопрос об археологической культуре исторических киммерийцев. Здесь же рассматривается и вопрос о соотношении археологических памятников, оставленных киммерийцами и их современниками, ранними скифами.

Вторая часть работы посвящена в основном хронологическим аспектам проблемы. Проблема датировки смены предскифской культуры раннескифской в степях восточной Европы остается дискуссионной, причем разброс мнений здесь достаточно велик — от середины VIII до начала VI в. до н. э. Во второй части работы я пытаюсь собрать те данные, которые позволяют привязать наиболее поздние памятники предскифской культуры и наиболее ранние памятники раннескифской культуры к существующим системам абсолютной хронологии, прежде всего хронологии Передневогосточной, а также и центральноевропейской. Именно такая процедура представляется мне наиболее подходящей для установления даты перехода от предскифской к раннескифской культуре в восточноевропейских степях. Наконец, еще один аспект проблемы остается в поле моего внимания в обеих частях работы: культурные связи населения степей конца предскифского и раннескифского периода с их соседями, прежде всего с населением Кавказа, Передней Азии и Центральной Европы.

ЧАСТЬ 1

Археологические свидетельства походов евразийских номадов в Малой Азии

Кочевники евразийских степей впервые появляются в поле зрения письменных источников во второй половине VIII в. до н. э. Первые достоверно нам известные события истории этих кочевников — их походы в Переднюю и Малую Азию, где они вступили в непосредственный контакт с народами, обладавшими письменностью (урартами, ассирийцами, греками и др.), благодаря чему, собственно, и стали нам известны. Походы евразийских кочевников в Переднюю Азию начались не позже 714 г. до н. э., когда они впервые упоминаются в ассирийских текстах, и продолжались, видимо, в течение всего VII в. до н. э. Достаточно многочисленные письменные источники позволяют в общих чертах реконструировать историю этих походов¹. В то же время они оставили и материальные следы, выделение и идентификация которых представляет особый интерес для исследования различных сторон истории евразийских номадов. Так, анализ этих данных необходим для изучения проблемы их взаимоотношений с народами Передней и Малой Азии, включая малоазийских греков, которая должна решаться на основе использования всего комплекса доступных источников — как письменных, так и археологических. Происходящие из Малой Азии археологические данные чрезвычайно важны и для выяснения культурного и этнического облика самих кочевников, в том числе соотношения между двумя основными их группами, упомянутыми в письменных текстах — киммерийцами и скифами. Одним из аспектов этой проблемы является идентификация археологической культуры реальных исторических киммерийцев — проблема, много дискутировавшаяся в науке, но не получившая до сих пор приемлемого для всех решения. Другой частью той же проблемы является и вопрос о культуре ранних скифов, прежде всего о датировке ее возникновения и характере ранних этапов развития.

¹ Ivantchik 1993; Иванчик 1996.

Проблема «киммерийской культуры»

Первая проблема, которая встает перед нами, когда мы пытаемся выявить археологические следы пребывания евразийских кочевников в Малой Азии — это вопрос о том, кем с археологической точки зрения были киммерийцы, т. е. проблема киммерийской археологической культуры. Идентификация археологической культуры киммерийцев и установление ее соотношения с культурой скифов может дать дополнительные свидетельства и по проблеме их языковой и этнической принадлежности. Эта проблема должна была бы, конечно, решаться в первую очередь на основании лингвистических данных. Такие данные, однако, слишком скудны и двусмысленны. Наличный лингвистический материал, связанный с киммерийцами, ограничивается их самоназванием **Gimē/ir*¹, а также тремя сохранившимися в аккадских источниках именами киммерийских царей. Самоназвание киммерийцев не имеет удовлетворительной этимологии и не может быть использовано для выяснения этнической принадлежности этого народа. Три имени киммерийских царей также дают не вполне ясную информацию. Первое из них, *^mTe-uš-ra-a*, возможно, является иранским по происхождению, однако предлагавшиеся его этимологии ненадежны и имеют те или иные формальные недостатки, причем и иное, неиранское (например, хурритское), происхождение данного имени также не исключено². Имя второго киммерийского царя, *^mDug-dam-me-i / Λύδαμς*, скорее всего имеет малоазиатское происхождение, а его иранские этимологии не убедительны³. Наконец, третье имя, *^mSa-an-dak-KUR-ru*, имеет в первой части имя киликийского божества *Sand/ta*. Интерпретация второй части имени зависит от прочтения предпоследнего знака — здесь равно возможно как чтение *-kur-*, так и *-šad-*. В первом случае имя киммерийского царя оказывается лувийским по происхождению. Во втором элемент *-kšatru* может быть истолкован как передача иранского *xšaθra* и тогда имя окажется композитным анатолийско-иранским⁴. Последние два имени, видимо, отражают тесные политические и, возможно, династические контакты между лувийским, и специально киликийским, населением Анатолии и киммерийцами. Таким образом, ни одно из трех известных киммерийских имен не имеет несомненной иранской этимологии, а два почти наверняка связаны с Анатолией.

¹ Анализ сохранившихся фиксаций названия киммерийцев и реконструкцию его первоначальной формы, а также разбор разных этимологий этого названия, см. Ivantchik 1993, 127–154; Иванчик 1996, 132–159. Здесь же см. критику высказанного И. М. Дьяконовым предположения о том, что название «киммерийцы» было не настоящим этнонимом, а обозначением скифских мобильных отрядов. На мой взгляд письмен-

ные, прежде всего клинописные, источники свидетельствуют о том, что киммерийцы и скифы были двумя разными, хотя и близкими по культуре этносами.

² Ivantchik 1993, 61–62; Иванчик 1996, 64–65.

³ Ivantchik 1993, 115–118; Иванчик 1996, 122–124.

⁴ Ivantchik 1993, 120–124; Иванчик 1996, 127–131.

1.1.1 СВИДЕТЕЛЬСТВА ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ КИММЕРИЙЦЕВ

Скудные собственно лингвистические материалы, как мы видели, не дают ничего определенного для решения проблемы киммерийского этноса и языка. В нашем распоряжении, следовательно, остаются лишь косвенные данные. Часть из них содержится в аккадских клинописных источниках⁵, упоминающих «киммерийские» луки и стрелы и некие «киммерийские» ремни, по-видимому, бывшие деталями конской упряжи. Большая часть этих текстов датируется ахеменидской эпохой, однако некоторые из них относятся и к нововавилонской эпохе, хронологически близкой деятельности исторических киммерийцев в Передней Азии. В нашем распоряжении имеется, кроме того, инвентарный список новоассирийской эпохи, вероятнее всего, времени правления Асархаддона или Ашшурбанипала, в котором упоминается «киммерийская обувь» (ADD 1039 = SAA 7, 120, II, 7–8). Кроме того, чрезвычайно важно, что в поздневавилонских текстах название «киммерийцы» используется для обозначения скифов и саков. Речь идет не только о деловых документах, но и о царских надписях Ахеменидов, составлявшихся параллельно на персидском и вавилонском, а также и других (эламском, арамейском) языках. В этих надписях древнеперсидскому названию *Sakā*, обозначающему, судя по контексту, не только среднеазиатских саков, но и северопричерноморских скифов, регулярно соответствует аккадское *Gimirrāia*⁶.

Все это свидетельствует о культурной близости киммерийцев и скифов, представлявших, очевидно, один и тот же, новый для Передней Азии, культурный и военный тип. Связанные с этим типом культуры новые прогрессивные формы вооружения, прежде всего лук и стрелы, названные греками впоследствии «скифскими», а также, видимо, и новый вид конской упряжи (два основных элемента «скифской триады»), впервые, очевидно, стали известны народам Месопотамии именно от киммерийцев. Только этим обстоятельством можно объяснить закрепление за ними названия «киммерийских», а также и то, что новые становившиеся известными жителям Месопотамии народы того же культурно-хозяйственного типа (скифы в широком смысле слова, среднеазиатские саки) отождествлялись ими с киммерийцами. Итак, данные аккадских письменных источников позволяют заключить, что реальные киммерийцы, с которыми ассирийцам приходилось сталкиваться в конце VIII–VII вв. до н. э., были в культурном отношении близки позднейшим скифам.

1.1.2 ТЕРМИН «КИММЕРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА» И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ КИММЕРИЙЦЕВ

Данный вывод подводит нас к вопросу о киммерийской археологической культуре. Термин «киммерийская культура» широко распространен в археологической литературе. Он был введен уже самыми первыми исследователями предскифских культур Северного Причерноморья⁷ в качестве их наименования. Такое использование данного термина основывается на неограниченной доверии рассказу Геродота об изгнании скифами киммерийцев из Северного Причерноморья и последующем заселении их страны. Достоверность этого рассказа не подвергалась ни сомнению, ни анализу, и вопрос о со-

⁵ Тексты см. Дандамаев 1977, 30–39; Dandamayev 1979, 95–109; Dandamayev 1992, 159–162.

⁶ Единственный аккадский текст, в котором несомненно упоминается термин *Saka* — СТ 55, 93: 9 (Сиппар, эпоха Да-

рия I).

⁷ Самоквасов 1908, 41 сл; Ebert 1921, 386 ff; Tallgren 1926; Городцов 1928.

ответствии археологических данных свидетельствам письменных источников о киммерийцах по существу даже не ставился⁸. В то же время само понятие «киммерийцы» принадлежит сфере письменных текстов и должно, вне всякого сомнения, рассматриваться прежде всего именно на их основе. Соотнесение термина «киммерийцы», обозначающего реальный народ, история которого отражена письменными источниками, с данными археологии уже по чисто методическим соображениям возможно лишь после детального изучения письменных текстов. Разумеется, такого рода исследование не входит в задачи археологических работ, так что неудивительно, что применяемый в археологической литературе термин «киммерийская культура» стал лишь условным традиционным наименованием предскифских культур. В то же время неверное понимание условного термина «киммерийская культура» как понятия, обозначающего археологическую культуру реальных исторических киммерийцев, привело к бесплодным и бессмысленным дискуссиям об отождествлении той или иной конкретной предскифской культуры с историческими киммерийцами⁹. В настоящее время наиболее распространена точка зрения А. И. Тереножкина с различными модификациями, согласно которой киммерийцам принадлежали предскифские памятники черноморовского типа и типа Новочеркасского клада¹⁰. В последнее время были сформулированы серьезные возражения против традиционного употребления в литературе даже термина «скифская культура» и отмечены aberrации, к которым подобное употребление приводит¹¹. В еще большей мере данные возражения относятся к киммерийцам, поскольку так называемая «киммерийская» культура имеет значительно меньше прав на то название, которое она носит.

Как кажется, методически верным является совершенно иной подход к проблеме идентификации археологической культуры реальных киммерийцев. Первым этапом такого исследования должно быть подробное изучение письменных источников и выделение на его основе районов несомненной локализации исторических киммерийцев. Изучение археологических данных, происходящих из этих районов, и должно дать ответ на вопрос об их археологической культуре. При исследовании письменных свидетельств о киммерийцах приоритет принадлежит аккадским текстам, обладающим высокой степенью достоверности и составленным одновременно с контактами ассирийцев и киммерийцев. Это не означает, однако, что данные античных источников должны игнорироваться. Они требуют специального анализа с целью выявления исторической информации и ее отделения от поздних ученых построений и мифологизации, однако зачастую эти источники способны осветить те события киммерийской истории, которые не попали в поле зрения клинописных текстов. Подробное исследование аккадских текстов, дающих информацию о киммерийцах, проведено мною в другом месте¹². Там же, а также в других работах¹³ я обсуждал и связанные с проблемой классические тексты, что позволяет перейти к сопоставлению этих данных с археологическими материалами.

Поскольку на основании письменных источников нами установлена культурная близость киммерийцев и скифов, которая должна была отразиться и в археологических данных, из рассмотрения следует исключить те районы, где киммерийцы и скифы (*Iškuzāia* аккадских текстов) находились вместе. Такими районами были восточные границы Ассирии, районы Мидии и Манны, где запросы царей Асархаддона и Ашшурбанипала к богу Шамашу фиксируют совместное пребывание скифов и киммерийцев.

И. Н. Медведская, разделяющая мнение о культурной близости киммерийцев и скифов вплоть до неразличимости их археологических культур, полагает, что памятники, найденные на территории Урарту, в Мидии и восточном Луристане, следует относить к киммерийцам, а происходящие из при-

⁸ Положение здесь изменилось лишь в самое последнее время, см. Алексеев 1992; Медведская 1992; Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993.

⁹ Историю вопроса см. Sulimirski 1960, 45–65; Тереножкин 1973, 7–19; Алексеев 1992, 70–77.

¹⁰ Тереножкин 1976.

¹¹ Погребова, Раевский 1992, 51–52. Несмотря на справедливость этих замечаний, в данной работе, за неимением луч-

шего, используются традиционные термины «раннескифская культура», «скифский звериный стиль» и под. Очевидно, однако, что эти чисто археологические термины вовсе не идентичны понятиям «археологическая культура / звериный стиль реального этноса скифов».

¹² Ivantchik 1993; Иванчик 1996.

¹³ См. особенно Иванчик / Ivantchik, в печати.

урмийского района (Манна) — скифам¹⁴. Такое разделение достаточно странно — ведь письменные источники фиксируют активную деятельность в Манне не только скифов, но и киммерийцев (SAA 4, 24; SAA 10, 111). В то же время на территории Мидии зафиксирована деятельность как киммерийцев, так и скифов (SAA 4, 35, 36, 39, 40, 65, 66, 71). Что касается памятников на территории Урарту, особенно на севере и востоке страны, то здесь также можно предполагать наличие обоих народов, пришедших в Переднюю Азию через Кавказ. Во всяком случае о присутствии скифов на территории Хубушкии нам известно (SAA 4, 23). Районы Манны и Мидии, а также и восточной части Урарту, должны быть поэтому исключены из рассмотрения и объектом нашего внимания должны стать именно районы Анатолии, где пребывание киммерийцев зафиксировано аккадскими текстами, а скифы письменным источникам неизвестны по меньшей мере в течение первых трех четвертей VII в. до н. э.¹⁵ Пребывание скифов в Малой Азии не фиксируется клинописными текстами, а античные авторы знают о нем лишь для более поздней эпохи (сведения о пребывании скифского отряда в Лидии при Алиатте).

Прежде, чем перейти к анализу кочевнических памятников Передней Азии, следует сделать еще одно замечание. Для того, чтобы иметь возможность выделить археологические памятники исторических киммерийцев и отделить их от памятников исторических скифов, надо быть уверенным, что ни один из этих двух терминов не покрывает другой и не употребляется в клинописных текстах VII в. до н. э. собирательно (как название скифов в античной литературе или тех же киммерийцев в поздне-авилонских текстах). Подобное предположение высказывалось И. М. Дьяконовым¹⁶, по мнению которого в текстах, составленных вавилонскими (но не ассирийскими) писцами, название *Gimirrāia* могло обозначать и реальных скифов, употребляясь расширительно, как в текстах нововавилонской и ахеменидской эпохи, где оно обозначало и среднеазиатских саков, и причерноморских скифов. При этом он полагал, что ассирийские писцы, в отличие от вавилонских, последовательно различали скифов и киммерийцев, поскольку происходили из Северной Месопотамии и были лучше знакомы с этими кочевниками. Ряд возражений против этой гипотезы я уже приводил¹⁷. Подчеркну, однако, еще раз, что аккадские источники конца VIII—VII вв. до н. э. последовательно различают две группы кочевников, называвших себя «киммерийцы» и «скифы». То, что в обоих случаях речь идет о самоназваниях, удостоверяется фиксацией обоих слов в достаточно близкой форме в двух самостоятельных традициях, греческой и аккадской (Κιμμέριοι / *Gimir(r)āia* и под., Σχύθαι / *I/Aškuzāia*, с протетическим гласным, добавленным во избежание запрещенного в аккадском двусогласного начала слова); заимствование этих этнонимов из одной традиции в другую исключено.

Само появление в аккадских текстах названия *Iškuzāia* свидетельствует о том, что термин *Gimirrāia* в VII в. до н. э. еще не стал собирательным обозначением народов скифо-сакского культурного облика, как это произошло позже, в вавилонских текстах ахеменидской эпохи. Действительно, группа того же военно-культурного облика, что и киммерийцы, ставшие известными ассирийцам раньше, была названа не их именем (как то было бы сделано на 150 лет позже, когда название киммерийцев стало собирательным), а самообозначением этих воинов. Употребление терминов *Gimirrāia* и *Iškuzāia* на равных правах в одних и тех же текстах (в «анналах» Асархаддона, в запросах к оракулу Шамаша, см. особенно запрос SAA 4, 24, где они стоят рядом) свидетельствует об их принадлежности к одному уровню этнической номенклатуры. Если предположить, что название «киммерийцы» уже в это время было собирательным, такое использование двух терминов было бы столь же невозможным, как сочетание «les Allemands et les Brandebourgeois» во французском или «die Franzosen und die Lyoner» в немецком. Наряду с этими двумя конкретными обозначениями вполне определенных групп воинственных всадников, аккадские тексты VII в. до н. э. использовали, действительно, и собирательные тер-

¹⁴ Медведская 1992.

¹⁵ Это обстоятельство недооценивает Г. Коссак (Kossack 1994, 32). Он не разделяет различные регионы Передней Азии, в которых письменные источники фиксируют присутствие киммерийцев и скифов. Это отношение к Передней Азии как к неразделимому единству и недостаточное внима-

ние к данным клинописных текстов приводит его к пессимистическому выводу о невозможности различения археологических следов пребывания двух групп кочевников в Передней Азии.

¹⁶ Дьяконов 1956, 265; Diakonoff 1981, 118—119.

¹⁷ Ivantchik 1993, 79, 86—94; Иванчик 1996, 83, 90—97.

мины, такие как *ummān manda* и *zēr halqāti*. Они покрывали не только киммерийцев и скифов, но и других враждебных Ассирии варваров, например мидийцев.

Следует учитывать, кроме того, и характер аккадских текстов: это не ученые сочинения историко-этнографического характера, как греческая проза, а в основном тексты вполне прагматического содержания (донесения разведки, административная переписка, запросы к гадателям по конкретным военным и политическим проблемам и под.). Они описывают актуальные события и их роль состоит не в интерпретации и реконструкции этих событий, а в максимально точной передаче информации. Так, например, авторы запросов к оракулу Шамаша, в которых сохранились многочисленные упоминания киммерийцев и скифов, стремились предельно детально и недвусмысленно сформулировать вопросы, перечисляя при этом все возможные угрозы, которых стремились избежать (ср., например, длинные и мелочные перечисления всех возможных лиц, могущих представлять опасность для царя, в запросах, посвященных его благополучию, например SAA 4, 139). Учитывая эту жанровую особенность запросов к оракулу, трудно предполагать, что их составители допускали неточность в наименовании потенциальных противников Ассирии, обозначая реальных скифов названием киммерийцев, даже если и согласиться в принципе с возможностью расширительного употребления этого этнонима в столь раннее время. Как ни трактовать названные тексты, ни у кого не вызывает сомнения, что обе группы, как скифы, так и киммерийцы, были активными действующими лицами в политической жизни эпохи Асархаддона. Употребление одного термина вместо другого создавало бы двусмысленность, и крайне сомнительно, что авторы запросов к оракулу могли ее допустить, подвергаясь риску получить от божества двусмысленный или неточный ответ. Кроме того, как уже указывалось, существует по крайней мере один запрос к оракулу, в котором названия киммерийцев и скифов сохранились рядом (в некоторых других текстах название одного из этих народов рядом с другим восстанавливается с достаточно большой уверенностью). Важно при этом, что имена киммерийцев и скифов включены здесь в список возможных противников, причем в этом списке они стоят не рядом: «будь то киммерийцы, [или урарты], или маннеи, или скифы, [или ...]цы, или любой враг». Такой порядок перечисления совершенно исключает возможность того, что «скифы» для автора запроса являлись лишь подгруппой «киммерийцев»: в таком случае невозможно объяснить, почему их упоминания разделены упоминаниями маннеев и [урартов] (восстановление надежно), хотя ни те, ни другие не могли, очевидно, обозначаться собирательным названием «киммерийцы». На мой взгляд очевидно, что все упомянутые в этом списке названия принадлежат к одному уровню этнической номенклатуры и ни одно из них не покрывает другое. Нет никаких оснований предполагать иное словоупотребление в других текстах близкой даты, относящихся к тому же жанру и составленным тем же кругом лиц.

Разумеется, расширительное употребление названия киммерийцев, в первую очередь для обозначения среднеазиатских саков, надежно засвидетельствовано частью аккадских текстов. Однако эти тексты не только датируются гораздо более поздним временем (они относятся к нововавилонской и ахеменидской эпохам), но и принадлежат иной писцовой традиции. Их авторы принадлежали к вавилонским канцеляриям, в отличие от авторов запросов к оракулу бога Шамаша, писем царского архива и большинства других относящихся к проблеме текстов, которые были связаны прежде всего с двором ассирийских царей (хотя часть из них и пользовалась нововавилонским письмом). Традиции канцелярий Северной и Южной Месопотамии различались и раньше, однако эта разница стала, очевидно, еще резче с завоеванием Вавилоном независимости и превращением в главного соперника Ассирии, вскоре приведшего ее к гибели. После падения Ассирии вавилонские писцы стали единственными носителями традиций аккадоязычных канцелярий, и именно их традиции, а не традиции ассирийских канцелярий Северной Месопотамии, наследовали ахеменидские писцы. Из-за отсутствия данных невозможно установить, когда название киммерийцев стало употребляться расширительно для обозначения среднеазиатских саков, но весьма вероятно, что такое его значение было характерно лишь для вавилонской, но не ассирийской писцовой традиции. Видимо, оно возникло в той среде, в которой различие между двумя этническими группами было несущественно и где важнее было их сходство. В Ассирии VII в. до н. э. ситуация была совершенно иной — скифы и киммерийцы были не только активными участниками политических событий, но и локализовались, по крайней мере отчасти, на

различных территориях и, по всей видимости, нередко занимали разные позиции по отношению к ней (есть основания полагать, что скифы одно время были союзниками Ассирии, тогда как киммерийцы, по-видимому, всегда оставались ее врагами). Напротив, для вавилонян, особенно начиная с конца VII в. до н. э., различие между киммерийцами, скифами и саками было несущественным, поскольку ни те, ни другие, ни третьи не представляли для них опасности, да и вообще не играли сколько-нибудь существенной роли в их жизни. Следует отметить, что киммерийцы в это время еще не окончательно исчезли из поля зрения переднеазиатских народов (их «изгнание из Азии» приписывается лидийскому царю Алиатту), хотя и не играли той роли, что прежде. Однако перенесение имени киммерийцев на родственных им по культурному типу саков могло произойти и позже: киммерийцы не обязательно должны были оставаться в это время живой реальностью — достаточно было сохранения воспоминаний о них. Подобные случаи долгого существования этнонима после исчезновения его реального носителя хорошо известны. Так, византийцы называли скифами гуннов, славян и некоторые другие народы спустя многие столетия после исчезновения реальных скифов из степей Причерноморья. Итак, мне кажется наиболее вероятным, что название киммерийцев стало употребляться расширительно, в первую очередь для обозначения среднеазиатских саков, писцами Нововавилонского царства в самом конце VII или VI в. до н. э. Говорить о подобном употреблении этнонима в более раннее время, и особенно в ассирийских канцеляриях, нет оснований. В любом случае некорректно было бы переносить выводы, сделанные на основании анализа словоупотребления текстов нововавилонской писцовой традиции, на тексты, представляющие совершенно иную новоассирийскую традицию.

Все это позволяет считать, что, когда аккадские источники VII в. до н. э. говорят о киммерийцах или скифах, они имеют в виду группу кочевников, которая действительно называла себя соответствующим термином. Поскольку скифы и киммерийцы в этих источниках разграничены территориально, возникает возможность разграничения археологических памятников, оставленных киммерийцами и скифами. Конечно, можно было бы предположить, что кроме этих двух групп евразийских кочевников в Передней Азии присутствовали и другие, не называвшие себя ни скифами, ни киммерийцами. Такое предположение, однако, совершенно умозрительно и представляется излишним. Во всяком случае, известные к настоящему времени достаточно многочисленные источники упоминают только эти две группы, и только о них и можно всерьез говорить при анализе находок «скифского типа» в данном регионе.

Погребальные комплексы евразийских кочевников в Малой Азии

1.2.1 КОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА НОРШУНТЕПЕ

Некоторое время назад было опубликовано четыре чрезвычайно важных и выразительных комплекса, происходящих с территории Анатолии. Все они являются остатками кочевнических захоронений. Два из них обнаружены на акрополе Норшунтепе, неподалеку от Малатьи в верхнем течении Евфрата¹. Первое представляет собой непо потревоженное конское захоронение. Камера, в которой оно совершено, имеет размеры 3,50 × 2,20 м и высоту около 3 м. Ее стены толщиной 0,50–0,60 м сложены из камня всухую, а пол состоит из плотно утрамбованного слоя глины, лежащего поверх галечного слоя. На глубине около 70 см от верхнего края камеры лежали скелеты двух жеребцов и двух собак, еще примерно на 20–30 см глубже — скелет кобылы. Животные, очевидно, были убиты на месте погребения — хребет кобылы перерублен с помощью обнаруженной здесь же секиры, а один из жеребцов был убит ударом копья со стороны лопатки через грудь² (Рис. 1; 2). Погребение перекрыто строением, которое датируется по находящейся в нем керамике VII в. до н. э. Г. Коссак полагает, что разрушение поселения, к которому принадлежит данное здание, связано с гибелью Урарту во второй половине VII в. до н. э. и датирует погребение первой половиной или серединой этого столетия³. Сам владелец погребенных коней, очевидно, в данной камере похоронен не был, в связи с чем возможны две интерпретации данного сооружения. Согласно одной из них речь может идти о кенотафе. Аналогии таким погребениям на раннескифских памятниках достаточно хорошо известны. Так, например, в полностью раскопанном раннескифском могильнике Нартан в Кабардино-Балкарии обнаружено 4 кенотафа, содержащих достаточно богатый погребальный инвентарь и захоронения коней (в одном из них обнаружен скелет одного коня, в другом трех)⁴. Это предположение может объяснить и наличие в комплексе предметов вооружения, неуместных в конском погребении, сопровождавшем основное захоронение, а также и то, что скелеты коней помещены не на полу погребальной камеры, а значительно выше. Согласно другой интерпретации, которую предлагает автор раскопок Х. Хауптманн, данное сооружение связано с другим, находящимся на расстоянии 22 м к юго-юго-востоку от первого. Связь двух сооружений устанавливается в первую очередь на основании сходной ориентации их строительных остатков.

¹ Hauptmann 1983, 251–270; ср. Hauptmann 1972, 105–107; Hauptmann 1976, 72–73; ср. Медведская 1992, 96–99, рис. 3.

² Ср. еще сообщение о погребении трех коней в отдельном сооружении (видимо, без человеческого скелета) среди урартских захоронений возле деревни Лич к северу от озера Ван (возле Патноса). К сожалению, никаких сведений о погребальном инвентаре или характере сооружения не приводится:

Ögün 1978, 66; Ögün 1978a, 648. Конские захоронения не характерны для урартских погребений, хотя в них часто находят конскую упряжь.

³ Kossack 1987, 63, ср. Hauptmann 1983, 269, Anm. 112.

⁴ Батчаев 1985, 38–44, Таб. 44–46; 49; 51–53; Махортых 1991, 40; Алексеев 1992, 50.

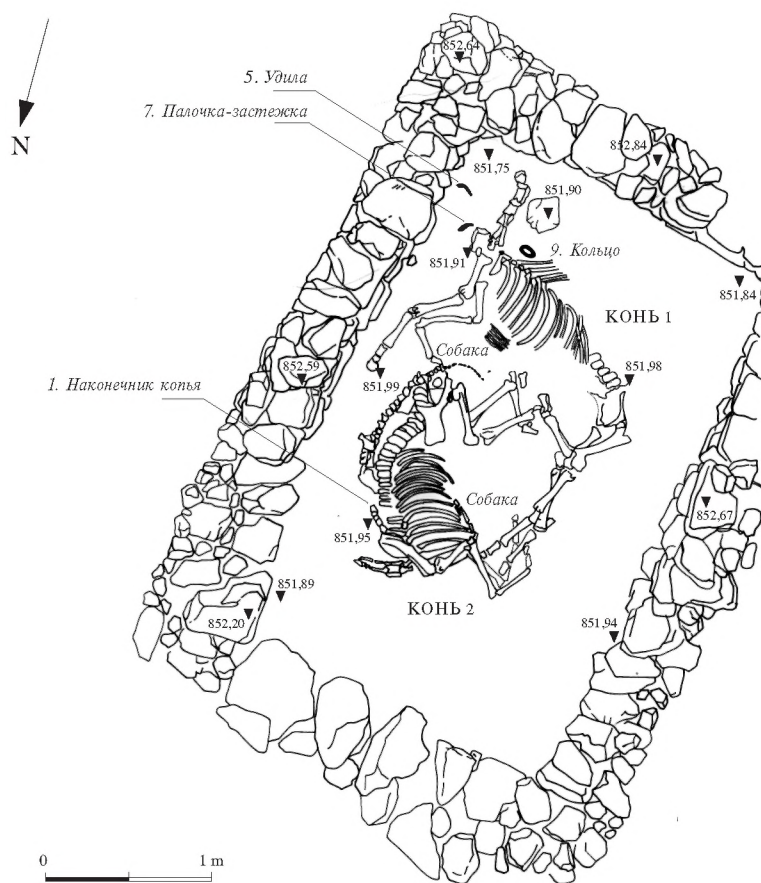

Рис. 1 План погребения на Норшунгепе. Кони 1 и 2
По Hauptmann 1983, Abb. 2

Второе сооружение представляет собой квадратную камеру размером примерно 6×7 м и углубленную примерно на 6 м (Рис. 3). Она была построена на каменном фундаменте со стенами шириной от 1,40 до 2,50 м и округлыми углами. Стены самой камеры сложены из сырцовых кирпичей, причем на уровне примерно 60–80 см от фундамента в сырцовой стене фиксируется слой, состоящий из черепков пифоса, видимо, укрепляющий конструкцию. Погребальная камера перекрывала более раннюю глубокую яму, возможно, применявшуюся в культовых целях. Судя по всему, эта яма была использована для сооружения описанной погребальной постройки. При этом ее верхняя часть была расширена и в ней построена углубленная погребальная камера. В заполнении верхней части ямы прослеживаются три слоя камыша, очевидно, связанных с погребальным сооружением. Нижний слой примыкает к каменному фундаменту, второй расположен на 0,50–0,80 м выше и третий на 2,60 м выше второго. Неясно, полностью ли камера была помещена в яму или углублена лишь частично. Верхняя часть сооружения не фиксируется — возможно она была разрушена позднейшими постройками (яма и находящаяся в ней камера перекрыты культурными слоями). По-видимому, в камере находилось захоронение, полностью разграбленное еще в древности. Внутри обнаружены остатки человеческого скелета и многочисленные пластинки железного чешуйчатого панциря, а также фрагменты железных топора и ножа. Вне камеры находились чешуйки того же панциря и бронзовый трех-

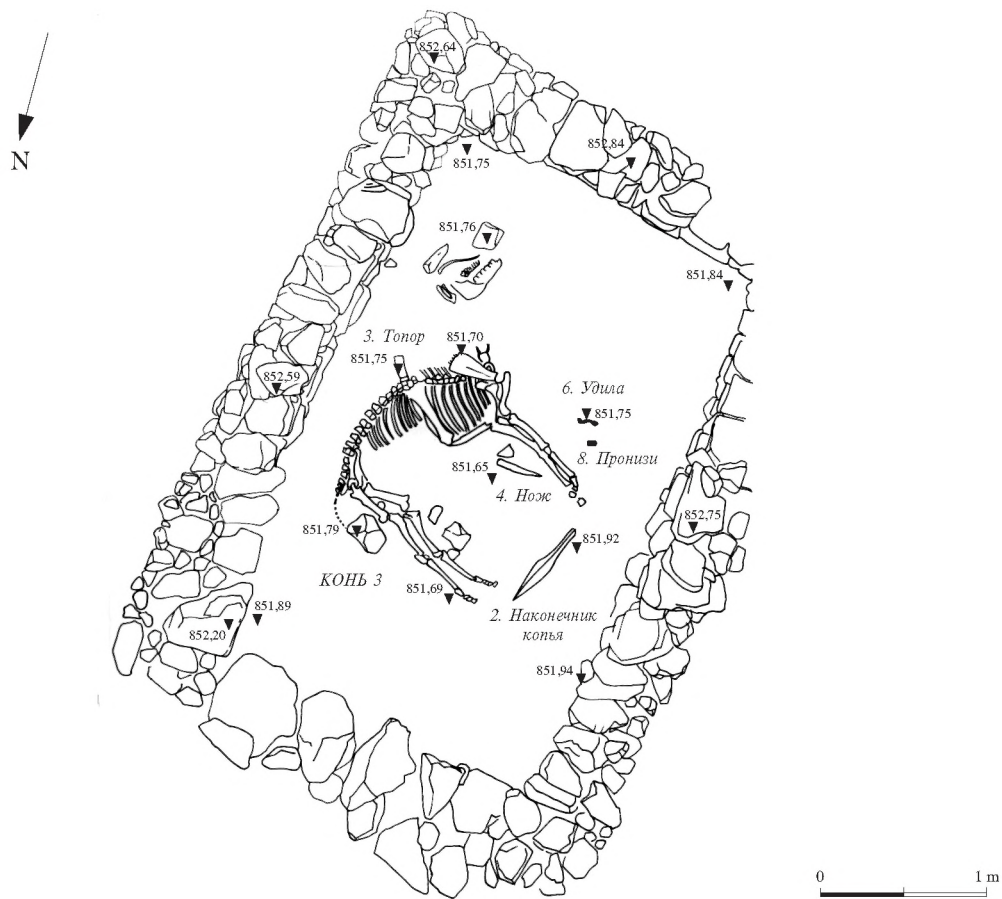

Рис. 2 План погребения на Норшунтепе. Конь 3
По Hauptmann 1983, Abb. 3

лопастной наконечник стрелы с боковым шипом скифского типа⁵. По мнению Х. Хауптманна, эта камера была предназначена для захоронения владельца лошадей, погребенных отдельно. Данное предположение, однако, не бесспорно. Хотя в скифских погребениях сопровождающие конские захоронения и бывают удалены от костяка их владельца (часто они лежат, например, у входа в погребальную камеру, хотя часто и внутри самой камеры), они все же находятся в рамках одного погребального сооружения, кургана. Расстояние же между двумя захоронениями на Норшунтепе, как представляется, слишком велико для того, чтобы их можно было относить к единому комплексу. В то же время оба сооружения, по-видимому, действительно, были построены в очень близкое время, если не одновременно. Наличие в обоих предметах скифского облика (во втором случае речь идет лишь о единственном наконечнике стрелы, найденном возле погребальной камеры) усиливает данное предположение. Поэтому можно думать, что речь идет не о едином комплексе, а о двух захоронениях близкого времени, одно из которых было кенотафом.

Обнаруженный при конских захоронениях инвентарь включал бронзовые предметы конской упряжи: кольчатые удила с витыми стержнями, палочку-застежку, кольцо с подвижной муфтой (у скелета

⁵ Hauptmann 1976, 73, Taf. 47, 6.

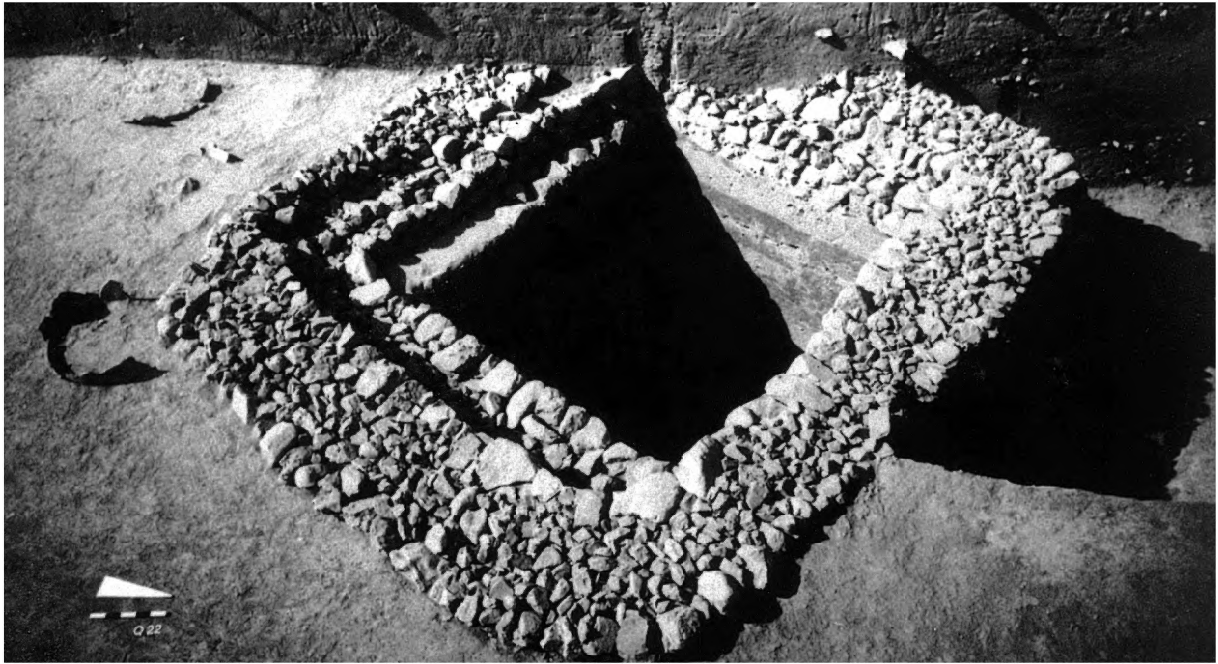

Рис. 3 Камера второго погребения на Норшунтепе
По Hauptmann 1983, Taf. 54, 2

первого жеребца), стремчовидные удила и две пронизи, украшенные головками грифобаранов (у скелета кобылы). Кроме того, здесь же найдены железные предметы вооружения: топор, два длинных наконечника копья, два изогнутых ножа (Рис. 4). Топор и одно из копий, как уже упоминалось, были использованы для убийства погребенных коней.

Часть инвентаря данного погребения находит близкие аналогии в урартских и закавказских материалах. Это касается прежде всего характерных кольчатых удили с витыми стержнями, распространенных в Закавказье, Иране, а затем и Урарту начиная с IX в. до н. э. и в течение VIII–VII вв. до н. э. (см. ниже). Найденная вместе с этими удилами палочка-застежка, по мнению Х. Хауптманна, находит достаточно близкие аналогии в скифских комплексах. Он указывает аналогичные находки в курганах Старшая могила⁶, Журовка 406, 432 и 4477, Дарьевка⁸, Репяховатая могила 1 и 2⁹ (Рис. 5). Следует, однако, заметить, что указанные предметы не вполне соответствуют находке из Норшунтепе. Прежде всего, все они сделаны из кости, а не из бронзы, и значительно отличаются по форме. Еще важнее, пожалуй, что они имеют иное функциональное назначение: все указанные Х. Хауптманном предметы служили не элементами конской сбруи, а застежками колчанов, совместно с остатками которых они и найдены в погребениях¹⁰. Ту же функцию выполняли и каменные застежки сходной формы, которые обнаружены в ряде погребений Северного Кавказа (южная могила кургана 1 и курган 9 у хутора Красное знамя)¹¹. Подобные застежки из бронзы или камня известны и в Иране¹². Аналогичные застежки

⁶ Іллінська 1951, 201, таб. II, 1; Іллінська 1968, таб. 2, 1.

⁷ Ильинская 1975, таб. 8, 7; 12, 4, 14.

⁸ Ильинская 1975, таб. 34, 16–17.

⁹ Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 36, рис. 6, 38; 14, 10, 20.

¹⁰ Іллінська 1951, 201, таб. II, 1; Ильинская 1968, 25; Ильинская 1975, 23, 25, 26, таб. 8, 7; 12, 4, 14; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 36, 43–44, рис. 6, 38; 14, 10, 20. Г. Коссак (Kossack 1987, Abb. 27, 33) ошибочно указывает, что

застежка из Старшей могилы изготовлена из бронзы. См. сводку подобных застежек от горитов: Черненко 1981, 36–42, 144–145, рис. 22–25.

¹¹ Петренко 1983, 46, рис. 61–63.

¹² Ghirshman 1939, 59, pl. XXIX, 6, 7; Herzfeld 1941, 142, fig. 258; Kossack 1989, 119. Ср. также находку пары аналогичных застежек из камня в слое начала VII в. до н. э. Гордиона: Anderson 1980, 336, Nr. 151, fig. 21.

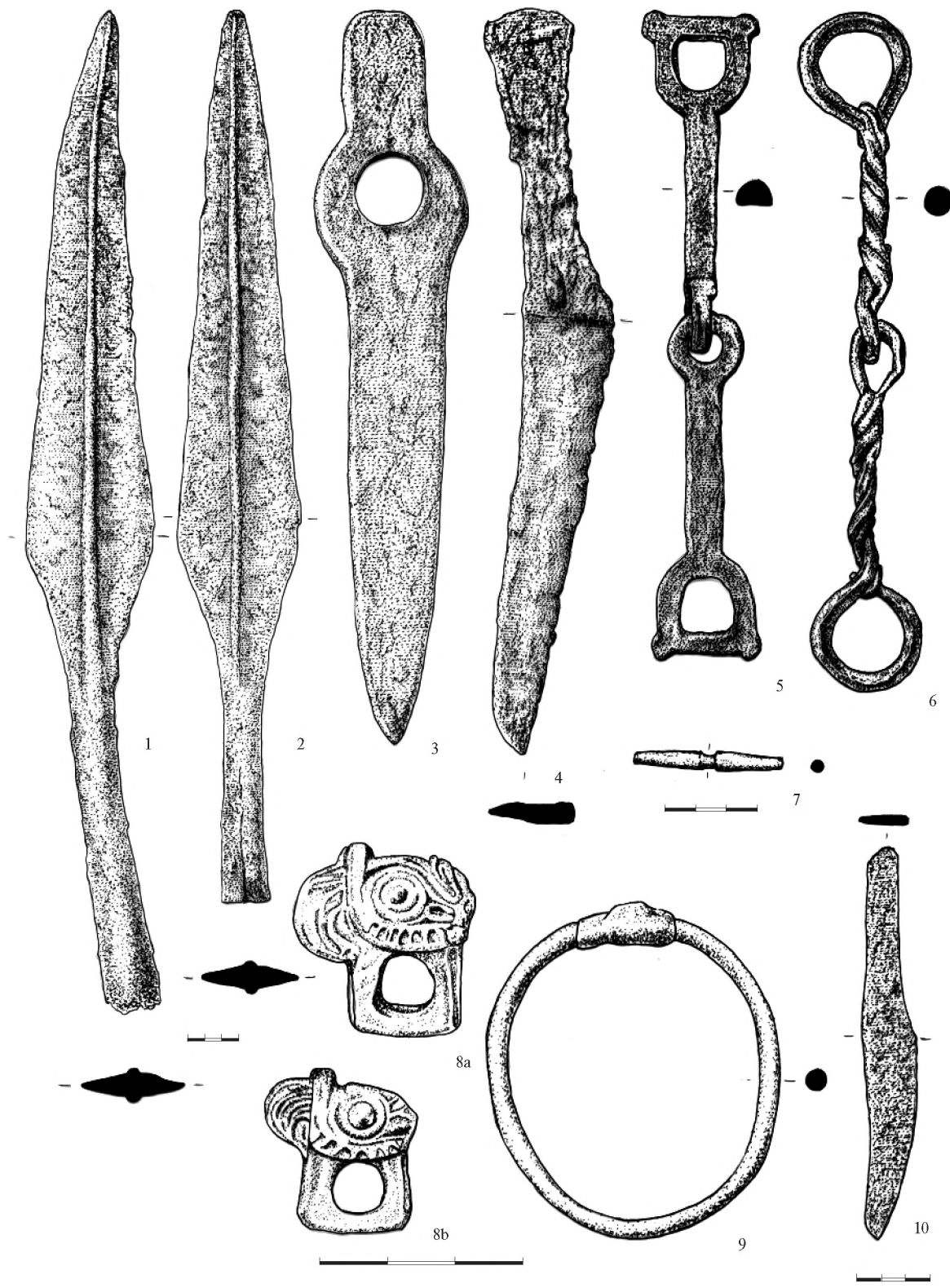

Рис. 4 Инвентарь погребения на Норшунгепе. 1–4, 10. Железо; 5–9. Бронза
По Hauptmann 1983, Abb. 4

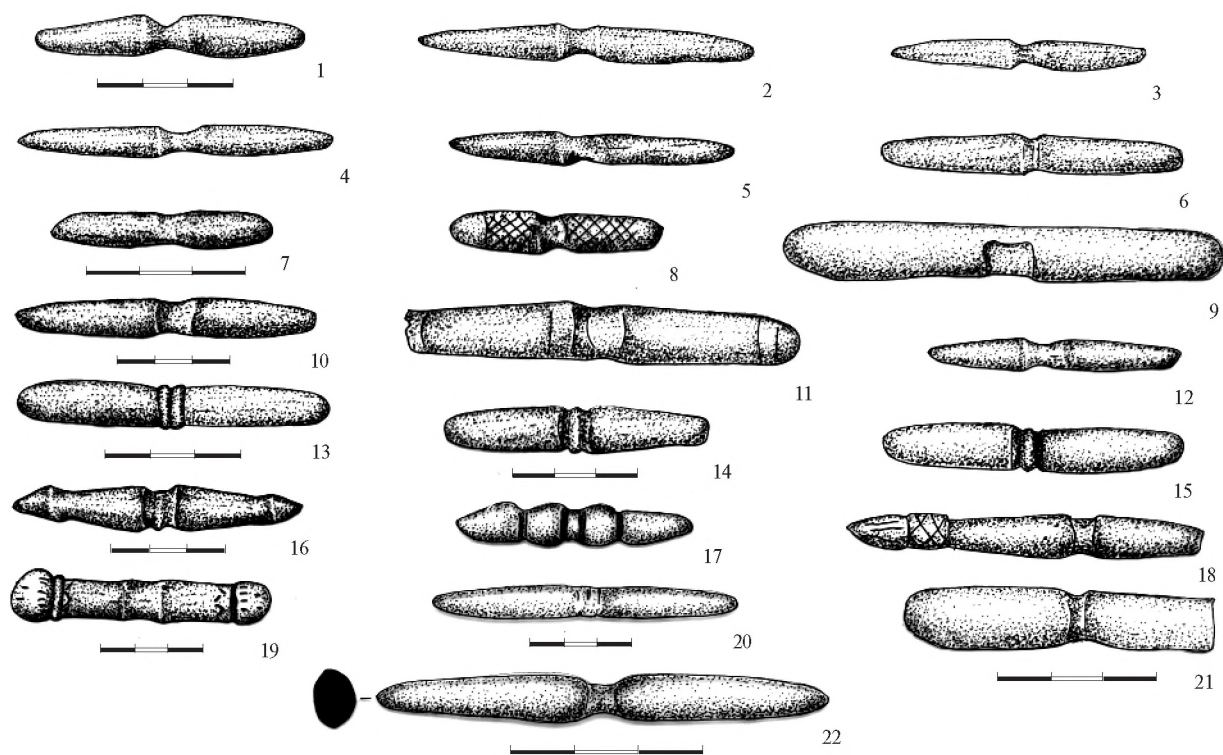

Рис. 5 Раннескифские застезки горитов.

1. Старшая могила; 2. Белоглинка; 3. Прусы; 4. Журовка 447; 5, 16. Журовка 432; 6, 19, 20. Журовка 406; 7. Три Брата; 8. Осняги; 9, 10. Дарьевка; 11. Перебыковцы; 12. Койсуги; 13–15. Репяховатая могила; 17. Луки; 18. Комаровский могильник; 21. Эшкакон 4; 22. Залесье. Кость

По Черненко 1981, рис. 24

использовались и для крепления меча на поясе. Изображения таких предметов известны на ассирийских рельефах Саргона II (все изображенные персонажи разоружены, поэтому застезка и видна)¹³ (Рис. 6). Кроме того, такой предмет из слоновой кости найден вместе с мечом в гробнице 3 саламинского некрополя на Кипре (видимо, конец VII в. до н. э.)¹⁴. По-видимому, значительно ближе палочке-застезке из Норшунтепе бронзовые застезки с прорезью, которые были обнаружены вместе с удилами того же типа (кольчатые с витыми стержнями) в Малом кургане в Мильско-Карабахской степи¹⁵ (Рис. 7, 1, 5) и в Мингечаурских курганах¹⁶ (Рис. 73, 2, 3, 5, 6). Следует подчеркнуть, что палочки-застезки с прорезью, используемые как элементы сбруи, особенно широко распространены именно в памятниках Закавказья, где они встречаются вместе с конской уздой с XIII в. до н. э.¹⁷ Кроме того, в некоторых раннескифских курганах Северного Кавказа подобные бронзовые застезки-палочки также иногда использовались в конской узде (они обнаружены вместе со стремечковидными удилами)¹⁸, что,

¹³ Botta, Flandin 1849, pl. 106; 107; 123–133; 136. Изданные здесь рельефы из дворца Саргона в Дур-Шаррукине воспроизводятся также в издании Albenda 1986. В основе этого издания лежат обнаруженные автором оригиналы рисунков Э. Фландана, в некоторых случаях имеющие незначительные расхождения с выполненными по ним гравюрами, воспроизведенными в издании 1849 г. Здесь же опубликованы фотографии немногих уцелевших рельефов Дур-Шаррукина (остальные утонули в Шатт-эль-Араб при транспортировке в 1855 г.).

¹⁴ Karageorghis 1967, 38, Nr. 96, pl. XLV; LXXIX.

¹⁵ Иессен 1965, 27.

¹⁶ Асланов, Ваидов, Ионе 1959, таб. XXXIX, 2; XL, 1, 5; Kossack 1983, Abb. 20, 7.

¹⁷ Kossack 1989, 119–121, со ссылкой на погребение XIII в. до н. э. у Карели близ Гори и более поздние памятники (Бешташени в Триалети, Калакент, Карабулак, Баллукая, Ходжалы). Ср. ниже.

¹⁸ Петренко 1983, 46, рис. 47; Черненко 1981, 42, рис. 25, 8, 9; Петренко 1990, 68; Махортых 1991, 53.

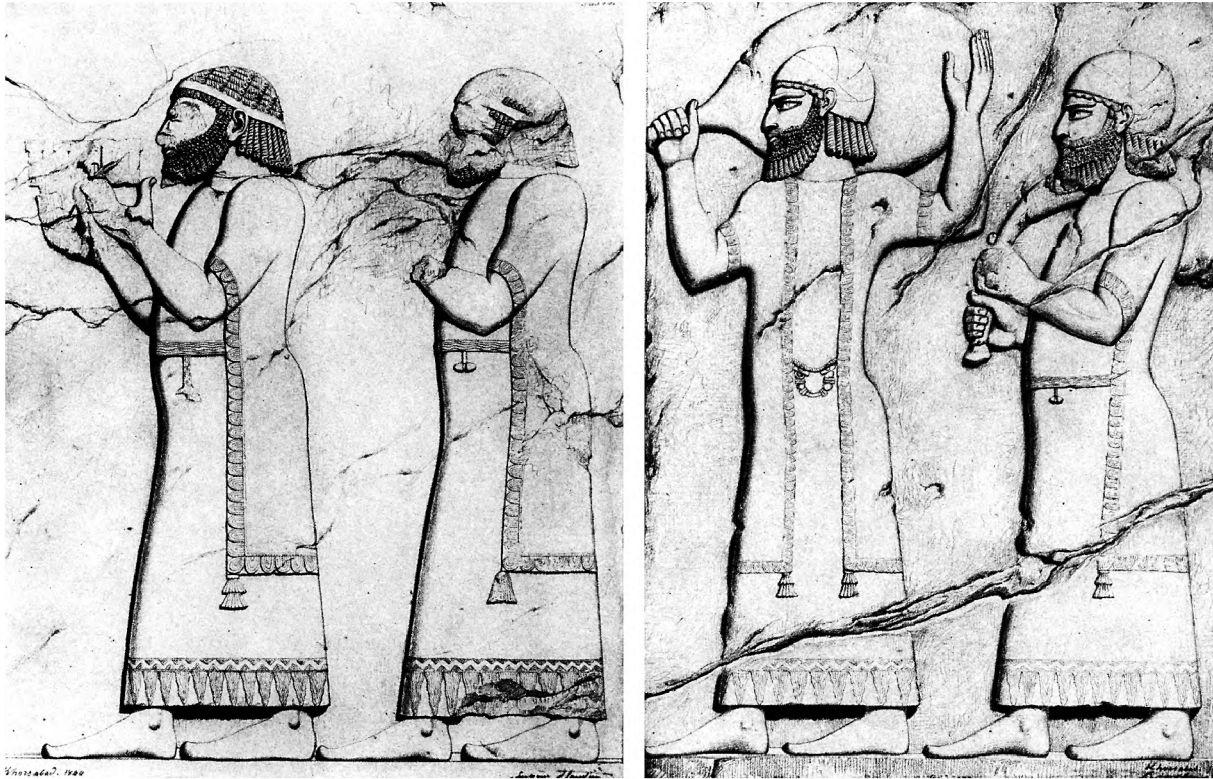

Рис. 6 Ассирийский рельеф из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине (помещение 6)

По Albenda 1986, pl. 68–69

возможно, объясняется закавказским влиянием. Таким образом, использование бронзовой палочки-застежки в узде коня из Норшунтепе является скорее закавказской чертой, хотя оно известно и в раннескифской среде.

Найденные здесь же наконечники копий Х. Хауптманн также считал скифскими, указывая в качестве ближайшей аналогии находки в Келермесском кургане¹⁹. Представляется, однако, что указанные И. Н. Медведской урартские копья из Топраккале (Рис. 8, 1) и могильника Хртаноца в Армении (ошибочно указан Кармир-Блур как место находки копий)²⁰ (Рис. 8, 2) по пропорциям и форме ромбического пера значительно ближе к находкам на Норшунтепе. Однако упомянутый ею наконечник копья из Бастама²¹ слишком мал по размеру и имеет слишком короткую втулку. Аналогичные железные копья с более или менее ярко выраженными углами при переходе от пера ко втулке хорошо известны, кроме Хртаноца, и в других памятниках на территории Армении, относящихся к VII в. до н. э. (Навур, Чоратан, Дилижан и др.)²² (Рис. 8, 3–6). Известны они в Закавказье и северном Иране и в более раннее время²³. Близки по форме наконечникам копий из Норшунтепе также наконечники из Калакента (Парадисфестунг, погребение 3), однако они меньше по размеру²⁴. Раннескифские копья, включая келермесские (можно указать еще копья из курганов Старшая могила, Журовка 406, Репяховатая могила 1 и 2 и др.) (Рис. 8, 7–11), имеют более плавные очертания пера и более широкую

¹⁹ Hauptmann 1983, 263 со ссылкой: Мелькова 1964, 37 сл, таб. 12, 14 (отдел 1, тип 2). Ср. Галанина / Galanina 1997, 102–105, 224, таб. 12, 8,9.

²⁰ Медведская 1992, 99, ср. Wartke 1990, 123–125, Abb. 31, Taf. XXXVIII, b,c; Мартиросян 1964, 270, рис. 105, 1,2, здесь

же другие аналогии.

²¹ Kroll 1988, 58, Abb. 2, 6, Taf. 37, 2.

²² Есаян 1966, 18, табл. I, 7,8; Есаян 1976, табл. 116, 1–7.

²³ Погребова 1977, 74–77.

²⁴ Nagel, Strommenger 1985, 54, Taf. 5, 10,11.

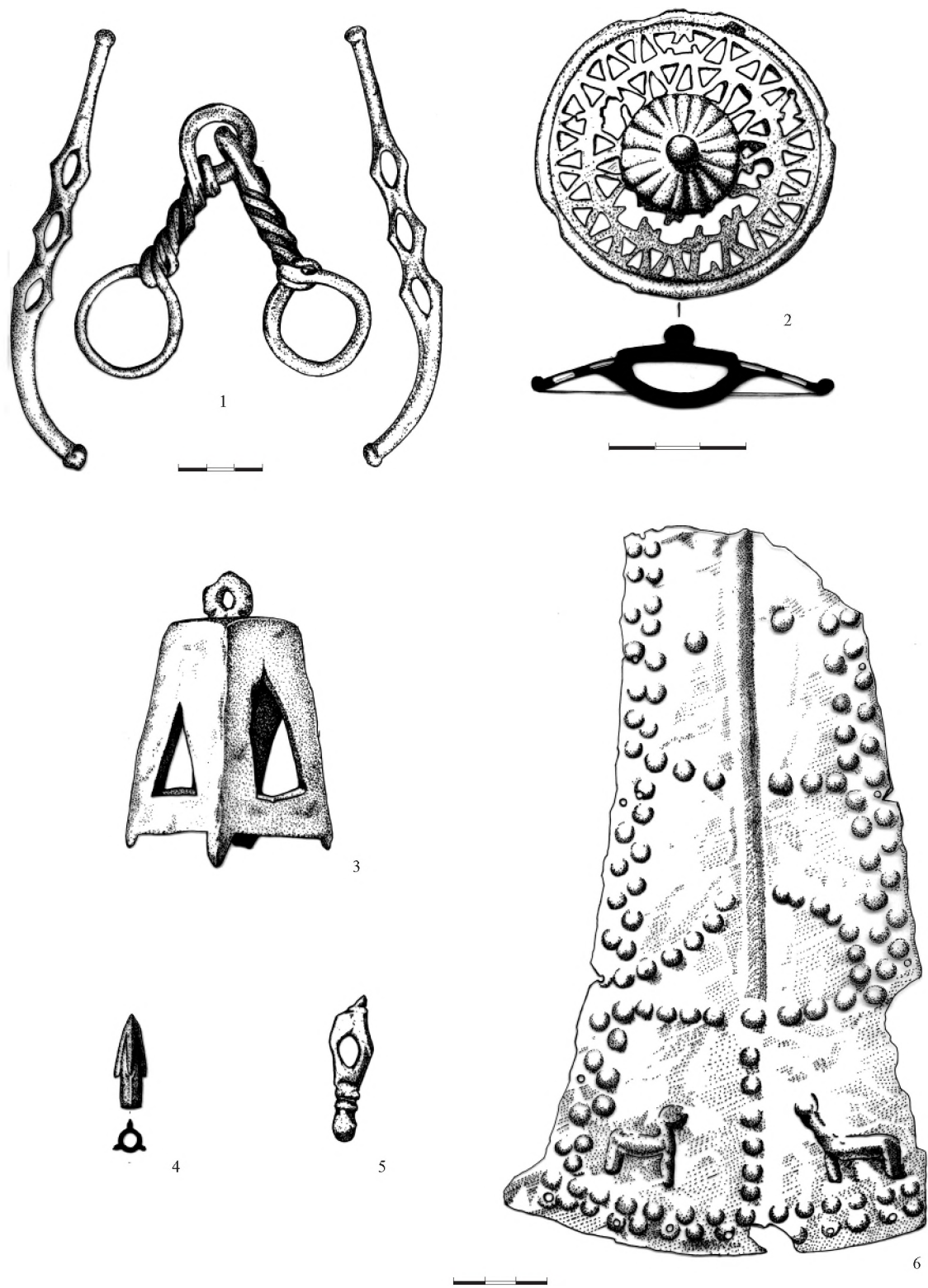

Рис. 7. Бронзовые предметы из погребения Малого кургана (Азербайджан).
 1. Удила и псалии; 2. Фалар; 3. Колокольчик; 4. Наконечник стрелы; 5. Застежка; 6. Конский налобник
 По Иессен 1965, рис. 10–12

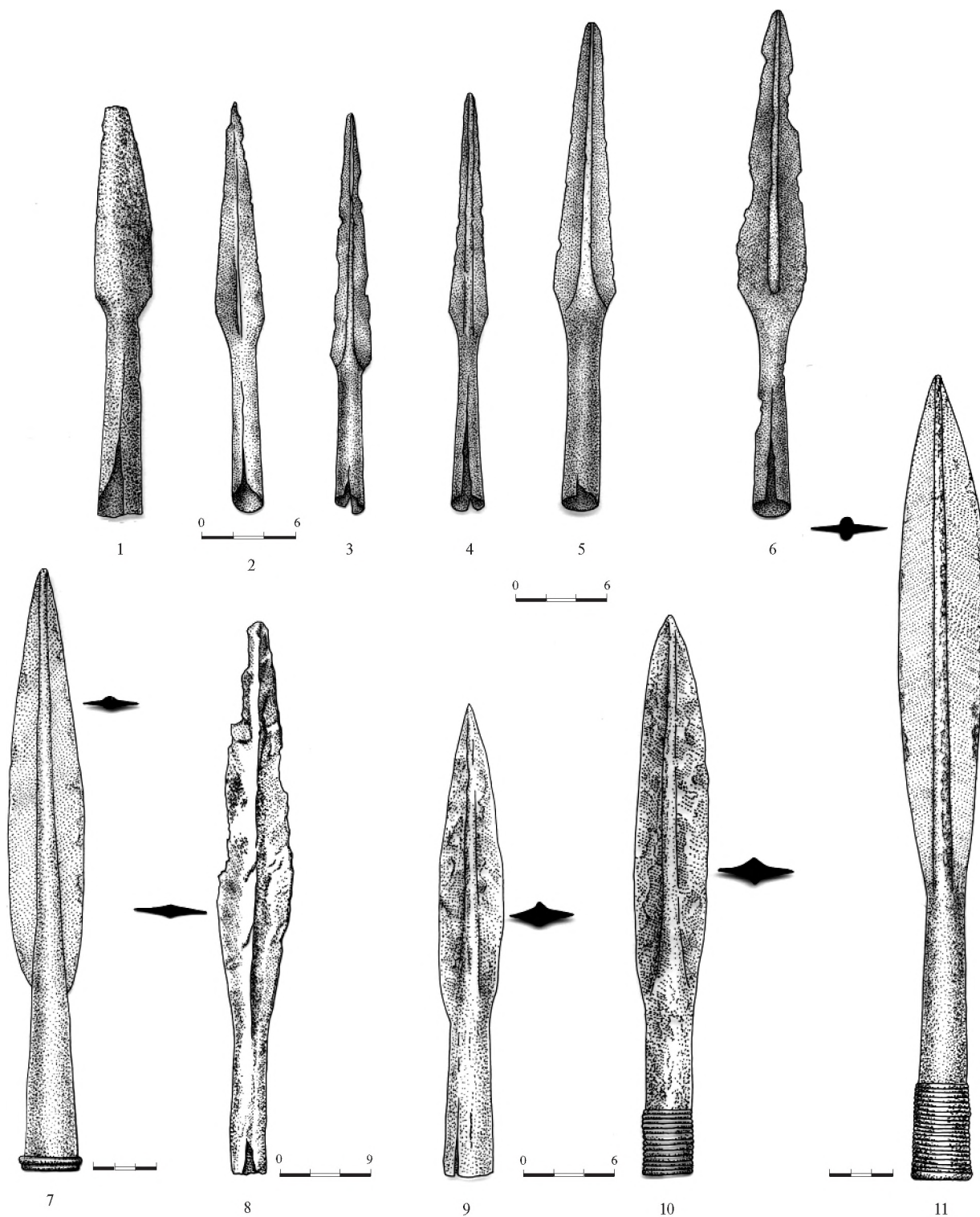

Рис. 8 Железные наконечники копий.

1. Топраккале; 2. Хртаноц; 3. Навур; 4. Чоратан; 5, 6. Дилижан;

7. Старшая могила; 8. Келермес; 9, 10. Репяховатая могила; 11. Макеевка 491

По Wartke 1993, Taf. 24 (1); Мартиросян 1964, 272, рис. 105, 2 (2); Есаян 1976, рис. 116, 1,2,4,6 (3-6);
Мелокова 1964, таб. 12, 8,10 (7, 11); Галанина / Galanina 1997, Таб. 12, 9 (8); Ильинская, Тереножкин 1987, 247 (9, 10)

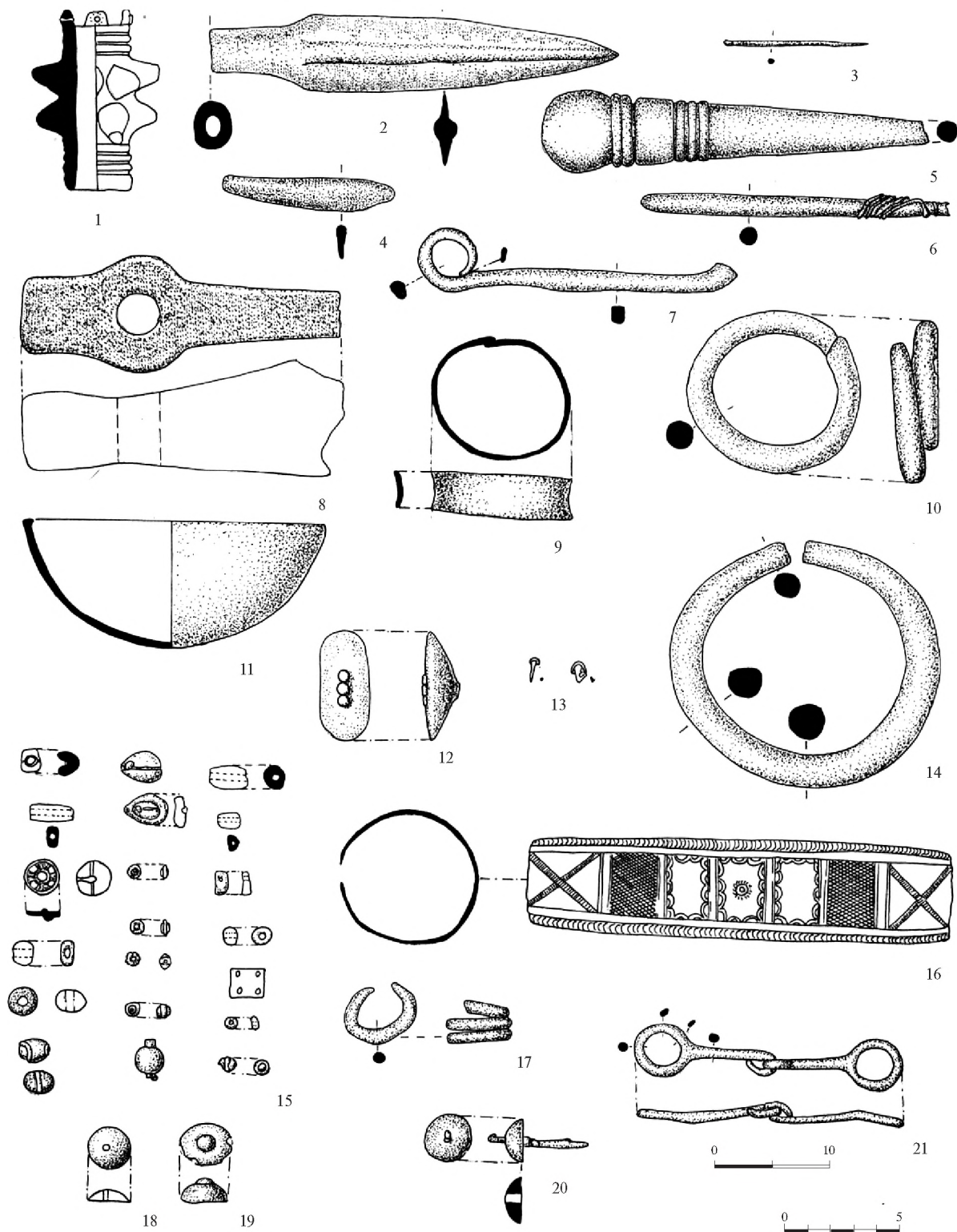

Рис. 9 Инвентарь погребения В 10а, β 6 Динха-тепе II
 По Muscarella 1974, fig. 36

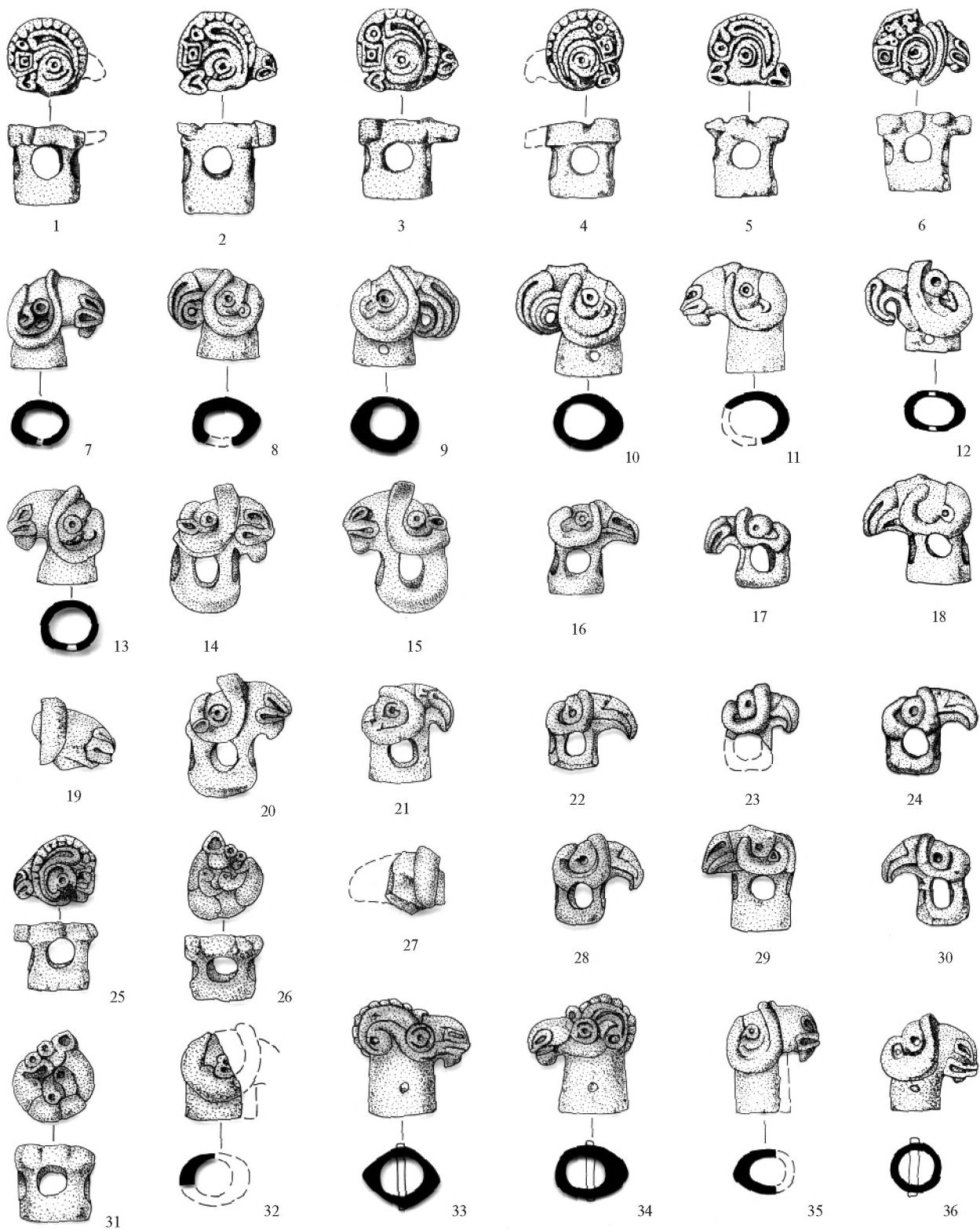

Рис. 10 Костяные элементы конской узды (пронизи и наконечники псалий) из Келермесских курганов 1 и 2 Веселовского
 По Kossack 1987, Abb. 18, 20, 21

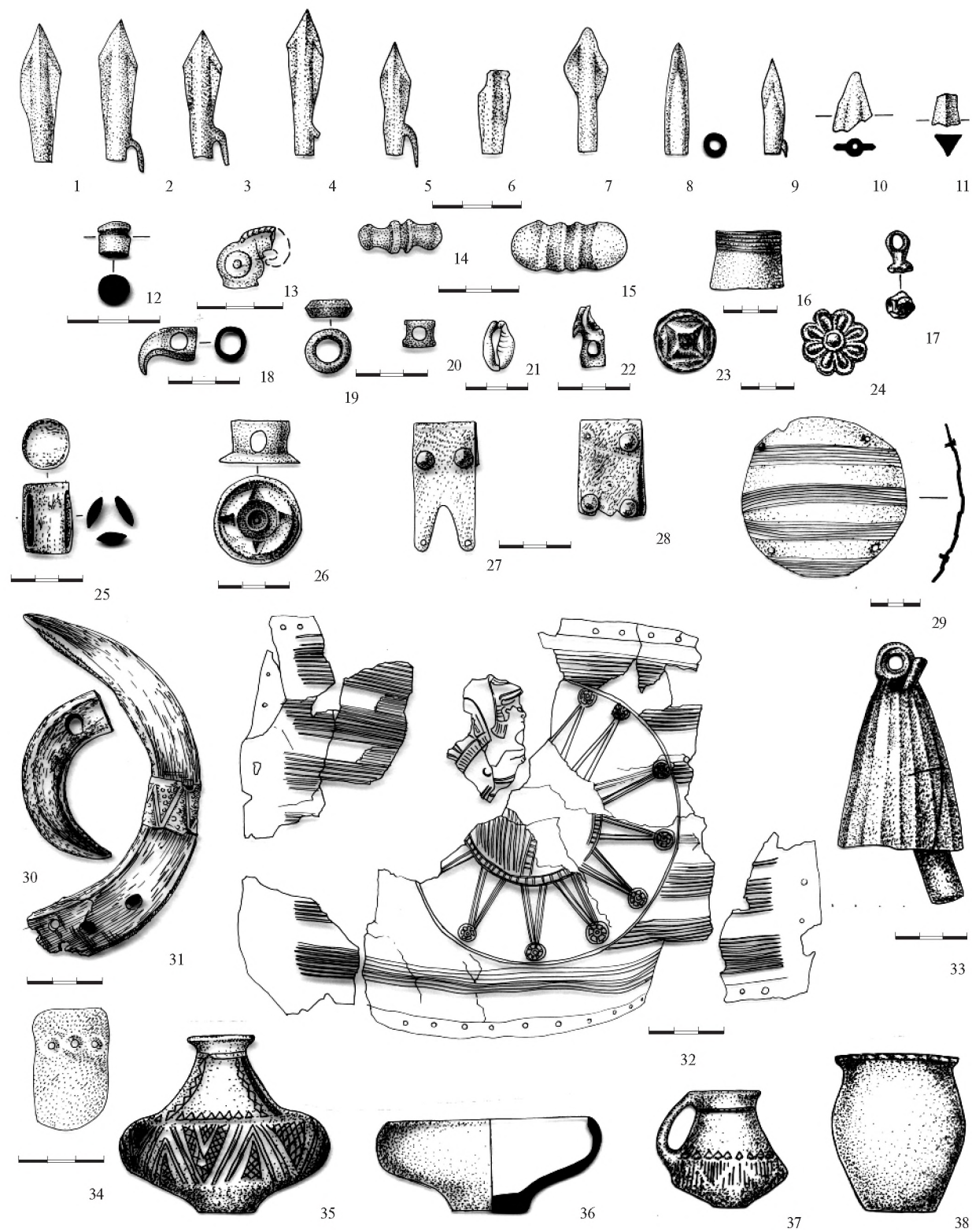

Рис. 11 Инвентарь южного погребения кургана 1 у хут. Красное Знамя.
 1–11, 16, 20, 25, 26, 29, 32, 33. Бронза; 12, 13, 17, 22, 30. Кость; 14, 15. Камень; 18, 19. Серебро;
 21. Раковина каури; 23, 24, 27, 28. Золото; 31. Кость и золото; 34. Железо; 35–38. Глина

По Петренко 1983, 47; Петренко в печати

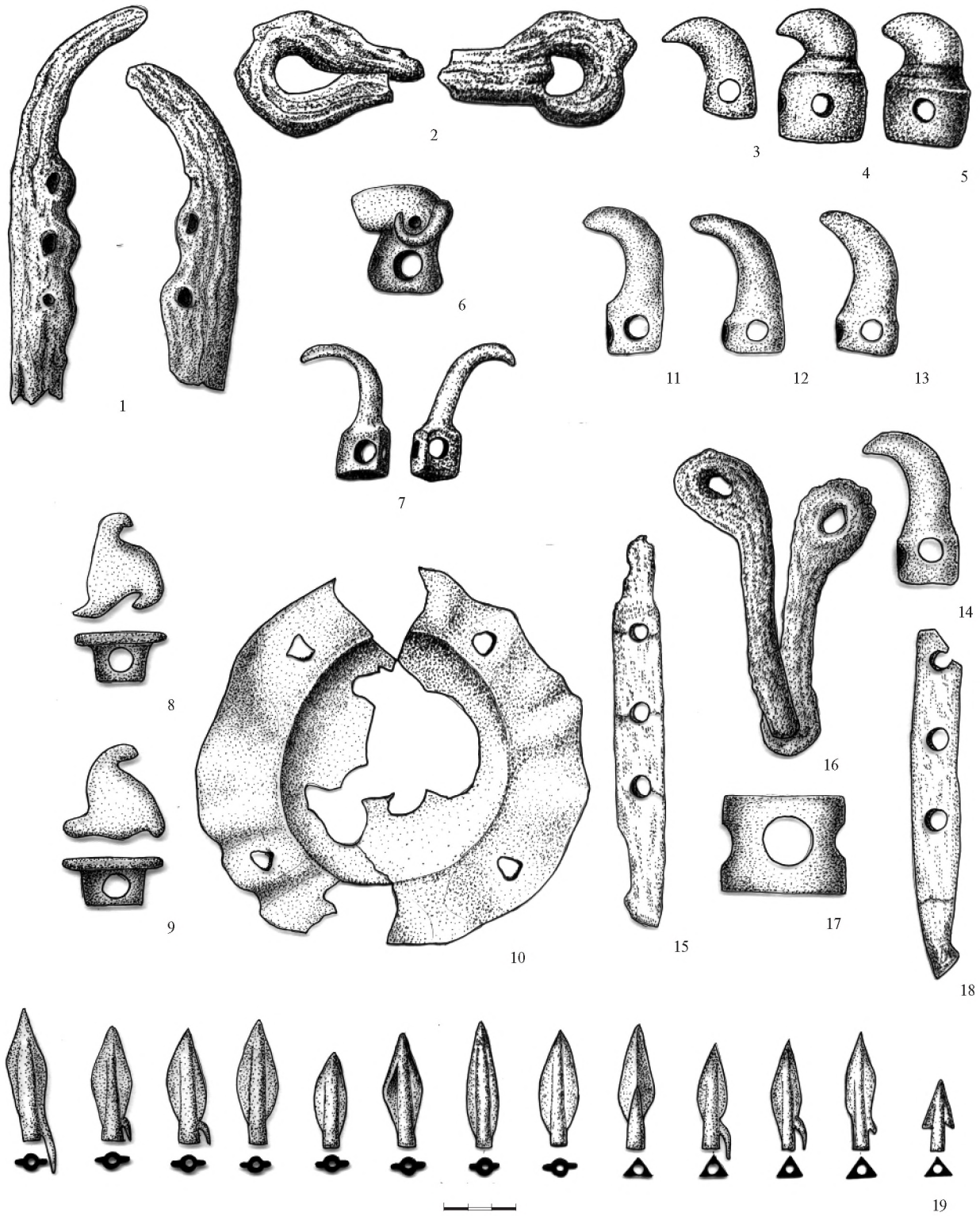

Рис. 12 Уздечные наборы и наконечники стрел скифского типа из Кармир-Блура.
 1–6. Конская уздечка из помещения 25; 7–10. Уздечка коня, погибшего при штурме крепости; 11–18. Конская уздечка из помещения 18; 19. Наконечники стрел. 1, 2, 16. Железо; 3–9, 11–14, 17, 19. Бронза; 10. Серебро; 15, 18. Кость

По Ильинская, Тереножкин 1987, 37

втулку. Поэтому представляется, что копья, как и удила с витыми стержнями, должны быть отнесены к урартской или закавказской части инвентаря погребения. Находящийся в могиле топор также находит ближайшие аналогии в закавказско-иранских, а не скифских, материалах, в частности, в одном из погребений на Динха-тепе II, которое, вероятно, датируется IX в. до н. э. (погребение В 10а, β 6)²⁵ (Рис. 9, 8). В этом погребении, кроме секиры, обнаружено также копье близкого копиям из Норшунтепе типа, а также предметы конской узды и неполный расчлененный скелет лошади (Рис. 9, 2, 21). Изогнутые ножи также характерны именно для урартских и закавказских памятников и не находят себе близких аналогий в рамках раннескифской культуры²⁶.

Тем не менее в инвентаре имеются и весьма характерные предметы, принадлежащие скифскому кругу вещей. Это прежде всего бронзовые стремечковидные удила и бронзовые пронизи, выполненные в зверином стиле. Пронизи имеют форму грифобарана с круглым глазом, обрамляющим его снизу рогом, имеющим на себе фестончатый орнамент, и ухом, расположенным возле глаза. Все детали тщательно проработаны.

Бронзовые удила того же типа, что на Норшунтепе, обычны на раннескифских памятниках: они обнаружены в курганах у хутора Алексеевский, в Келермесских курганах, раскопанных Веселовским и Шульцем, а также в Жаботинских 2 и 524, Тенетинка 183, Старшая могила, Репяховатая могила 1 и 2, Гуляй город 38 и многих других.

Бронзовые пронизи в виде голов грифобаранов не имеют столь близких аналогий. Их принадлежность раннескифской культуре не вызывает, однако, ни малейших сомнений. Изображения грифобарана, помещавшиеся, как правило, на предметах конской узды (пронизях или окончаниях псалиев), являются одним из самых ярких признаков раннескифской культуры. При этом они характерны именно для восточноевропейских степей и лесостепей, не распространяясь на восток далее территории савроматской культуры²⁷. Пожалуй, наиболее близки к пронизям из Норшунтепе пронизи и наконечники псалиев, происходящие из Келермесских курганов 1 и 2, раскопанных Веселовским (Рис. 10)²⁸. Они близки не только по форме, но и по отдельным деталям, в частности, по украшению рога фестончатым орнаментом. Правда, на келермесских вещах такой орнамент украшает верхнюю часть рога грифобарана, а не находится под его глазом, как на пронизях из Норшунтепе. Наиболее существенным различием между этими вещами является их материал — келермесские вещи изготовлены из кости, тогда как пронизи из Норшунтепе бронзовые. Костяная пронизь в виде головы грифобарана обнаружена также в кургане 1 у хутора Красное Знамя (южное погребение), который, видимо, относится к келермесскому периоду (Рис. 11, 22)²⁹. Бронзовые пронизи в виде грифобаранов известны на более поздних памятниках (Журовка 407³⁰, Гуляй город 38³¹, Захарейкова могила 1³², Поповка 9 и 10³³), однако их форма гораздо схематичнее. Подобная схематичная бронзовая пронизь была найдена и на Кармир-Блуре³⁴ (Рис. 12, б). Кроме того, подобная схематичная бронзовая пронизь хранится в музее Метрополитен в Нью-Йорке (Рис. 13)³⁵. Точное место ее находки неизвестно — она была приобретена Э. Херцфельдом в Хамадане в Иране. С пронизями из Норшунтепе можно сопоставить также происхо-

²⁵ Muscarella 1974, 64–67, fig. 36; Медведская 1992, 99 (с ошибочным указанием на принадлежность погребения слою Динха III).

²⁶ Пиотровский 1950, 37, рис. 17; Kroll 1988, 156, Abb. 1, 1; Wartke 1990, 103–109, Abb. 24; Мартиросян 1964, 270, рис. 105, 3–5; Мартиросян 1967, 232, рис. 6; Деведжан 1981, 62, табл. XXIII, 3,5; ср. Медведская 1992, 97–99.

²⁷ Медведская 1992, 88–90; Погребова, Раевский 1992, 128–135, с возведением данного мотива к луристанским бронзам.

²⁸ Галанина 1983, таб. 8, 1,2,5,6,22,23; 9, 8; Galanina 1985, Taf. 8, 1,2,5,6,22,23; 9, 8; Kossack 1987, Abb. 18, 15,23,24,37; Галанина / Galanina 1997, 124–129, таб. 21, 174–177,183,184; 22, 239. Указываемые Х. Хауптманном в качестве аналогий

находки на Кармир-Блуре (Haupmann 1983, 264) гораздо дальше от пронизей из Норшунтепе по форме и орнаментации. К тому же они изготовлены из кости, а не бронзы.

²⁹ Петренко 1983, рис. 20.

³⁰ Ильинская 1975, 24, таб. X, 10,11.

³¹ Ильинская 1975, 14, таб. II, 30,31.

³² Ильинская, Мозоловский, Тереножкин 1980, 61, рис. 36, 1,2.

³³ Ильинская 1968, 59–60, таб. LI, 1,11.

³⁴ Пиотровский 1952, 37.

³⁵ Muscarella 1988, 383, Nr. 503. Ср. Herzfeld 1941, 271, fig. 374.

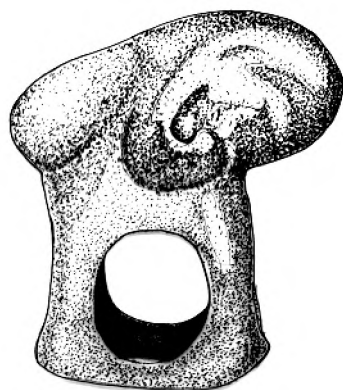

Рис. 13 Бронзовая пронизь из музея Метрополитен, Нью-Йорк
По Muscarella 1988, 383, Nr. 503

дящую из Кармир-Блура роговую головку грифобарана с клювом, украшенной фестончатым орнаментом (Рис. 14, 11)³⁶. Наряду с удилами со стремечковидными окончаниями, бронзовые пронизи в виде головок грифобаранов из Норшунтепе являются наиболее ярким признаком, позволяющим атрибутировать этот комплекс носителю раннескифской культуры. Судя по всему, данный элемент материальной культуры ранних кочевников, в отличие от ряда других, не был заимствован переднеазиатскими народами и может считаться надежным диагностирующим признаком именно раннескифской археологической культуры. Более того, в рамках самой этой культуры он также ограничен хронологически — подобные предметы неизвестны на памятниках самого раннего, жаботинского, этапа и входят в употребление лишь на келермесском этапе. Они использовались и в следующий период развития раннескифской культуры (третий этап по схеме Г. Коссака — И. Н. Медведской), а затем вышли из употребления. При этом для последнего периода характерны сильно схематизированные, часто изготовленные из бронзы, головки грифобаранов, тогда как аналогии детализации головок из Норшунтепе и их орнаменту происходят именно из келермесского этапа (хотя остальные подобные предметы сделаны из кости). Таким образом, «скифская» часть комплекса вещей конского погребения из Норшунтепе может быть отнесена именно к келермесскому периоду раннескифской культуры.

Кроме перечисленных находок в погребении из Норшунтепе обнаружен еще один предмет конской упряжи — бронзовое кольцо с обломаной подвижной муфтой. Данный элемент инвентаря — единственный в погребении, который может быть связан с предскифской культурой типа Новочеркасского клада. Действительно, подобные кольца встречаются в комплексах этого типа, в том числе и в тех, которые включают элементы раннескифской культуры. Особенно распространены подобные находки на Северном Кавказе. Так, они обнаружены в погребениях у Лермонтовского разъезда и у хутора Алексеевский³⁷ (оба комплекса имеют в своем составе раннескифские вещи), в Пшишском кладе³⁸ (с двукольчатыми удилами), в кургане Уашхиту³⁹ и других. Встречаются они также и в поздненовочеркасских памятниках на территории Лесостепи (Бутенки и Квитки)⁴⁰ и причерноморских степей (Преображенское, Аксай)⁴¹ (Рис. 15; 16, 26–27). Еще в 60-е годы А. Н. Мелентьев предположил, что подобные кольца служили для скрепления конской упряжи с ярмом колесницы. При этом, на основании характера износа колец, обнаруженных вместе с другими предметами конской упряжи в составе Аксайского клада, он предположил, что подобные предметы закреплялись на ярме в верти-

³⁶ Пиотровский 1950, 96, рис. 64. Г. Коссака (Kossack 1987, Abb. 25, 4) ошибочно указывает, что она сделана из бронзы.

³⁷ Иессен 1954, 117–123; Ильинская, Тереножкин 1987, 20–23.

³⁸ Эрлих 1991, рис. 5.

³⁹ Эрлих 1990, 60; Эрлих 1994, 27, 32–33, таб. 5, 26–27.

⁴⁰ Ковпаненко 1962, 67, рис. 2, 1, 2; Ковпаненко, Гупало 1984, 45, рис. 6, 12.

⁴¹ Сводку находок см. Эрлих 1994, 32–33, 46–47; Вальчак 1997а, 40–56.

кальном положении кольцом кверху⁴². На эту интерпретацию не обращалось должного внимания до тех пор, пока В. Р. Эрлих не обнаружил два подобных кольца при раскопках кургана Уашхиту в Адлгее, где они были найдены вместе с четверкой лошадей и остатками колесницы. На основании этой находки В. Р. Эрлих вернулся к предположению А. Н. Мелентьева и, на мой взгляд, совершенно справедливо констатировал, что подобные бронзовые кольца служили частью колесничной упряжи, а не сбруи верховых коней⁴³. При этом он, однако, колеблется в определении функционального назначения этих колец. Решающим аргументом в пользу истолкования подобных колец как деталей колесничной упряжи вообще (В. Р. Эрлих) и их использования для скрепления сбруи с ярмом в частности (А. Н. Мелентьев) являются, к сожалению, не использованные упомянутыми авторами находки прекрасно сохранившихся колесниц с запряженными в них лошадьми в некрополе Саламина (Кипр). Богатейшие погребения с колесницами на саламинском некрополе датируются между последней четвертью VIII и концом VII вв. до н. э.⁴⁴ Среди металлических деталей колесниц, найденных вместе с хорошо сохранившимися в ряде случаев деревянными деталями, обнаружено большое количество колец (как бронзовых, так и железных). Их находки вместе с остатками ярма колесницы свидетельствуют о том, что они крепились к этому ярму, причем закреплялись на нем вертикально, как и предполагал А. Н. Мелентьев. При этом кольца ярма известны в нескольких разновидностях. Некоторые из них жестко закреплялись в вертикальном положении, однако в большинстве случаев кольца имеют муфту, завершающуюся штырем, который укреплялся в деревянном ярме. Кольцо, таким образом, закреплялось свободно. В некоторых случаях кольцо имеет муфту без штыря, которая, в свою очередь, скреплялась с закреплявшимся на ярме штырем или гвоздем — такие кольца наиболее близки причерноморским⁴⁵ (Рис. 17; 18).

Следует, однако, отметить, что в непогребенном погребении из Норшунтепе нет никаких свидетельств наличия колесницы или того, что погребенные здесь кони предназначались для запряжки в нее, а не для верховой езды. Кроме того, муфта на этом кольце обломана и в комплексе оно представлено лишь в единственном экземпляре, тогда как в комплексах, где такие кольца использовались для колесничной упряжи, они всегда встречаются в паре⁴⁶. Можно предположить поэтому, что в погребении из Норшунтепе данное кольцо использовалось не по первоначальному назначению, причем такому использованию не мешало отсутствие на нем отломанной привески. Это предположение объяснило бы и его более архаичный облик по сравнению с остальными элементами комплекса. Насколько известно, погребение на Норшунтепе является единственным комплексом, где подобное кольцо встречено вместе с предметами келермесского этапа раннескифской культуры. Впрочем, находки колесниц на Кипре показывают, что подобные кольца использовались в упряжи колесниц не только в евразийских степях, но и в Передней Азии (правда, пока в других районах они не идентифицированы как детали колесниц), причем известны они здесь и в пределах VII в. до н. э. Можно предполагать поэтому, что кольцо из Норшунтепе принадлежит не степной, а местной части инвентаря погребения. Форма укрепленной на муфте детали, которая могла бы уточнить происхождение данного предмета, неизвестна, поскольку она не сохранилась. Таким образом, вовсе не обязательно связывать этот предмет с культурой типа Новочеркасского клада, и уж во всяком случае его находка в комплексе первой половины VII в. до н. э. никак не может датировать памятники этого типа тем же временем, как считает В. Р. Эрлих⁴⁷. Действительно, на Норшунтепе кольцо обнаружено в составе комплекса, включающего характерные предметы более позднего, келермесского, облика, и весь комплекс должен датироваться по своим наиболее поздним составляющим.

⁴² Мелентьев 1967, 42–44.

⁴³ Эрлих 1990, 59–60; Эрлих 1994, 38–41.

⁴⁴ Публикацию см. Dikaios 1963, 126–210 (гробница 1); Karageorghis 1967 (гробницы 2, 3, 47, 50); Karageorghis 1973, 4–121 (гробница 79). Ср. Karageorghis 1975, 32–154.

⁴⁵ Такие кольца использованы, например, в колеснице В из гробницы 79, запрягавшейся четверкой коней. Они были

укреплены на краях загнутых кверху концов ярма и через них, очевидно, проходил повод пристяжных коней: Karageorghis 1973, 30, Nr. 220 / 8A, pl. LXXIX; CCLIV, fig. 10. Ср. Karageorghis 1967, 82–84, 87, Nr. 66–69, 98–102, pl. LXXXV; CXLIII.

⁴⁶ Эрлих 1994, 41.

⁴⁷ Эрлих 1994, 91.

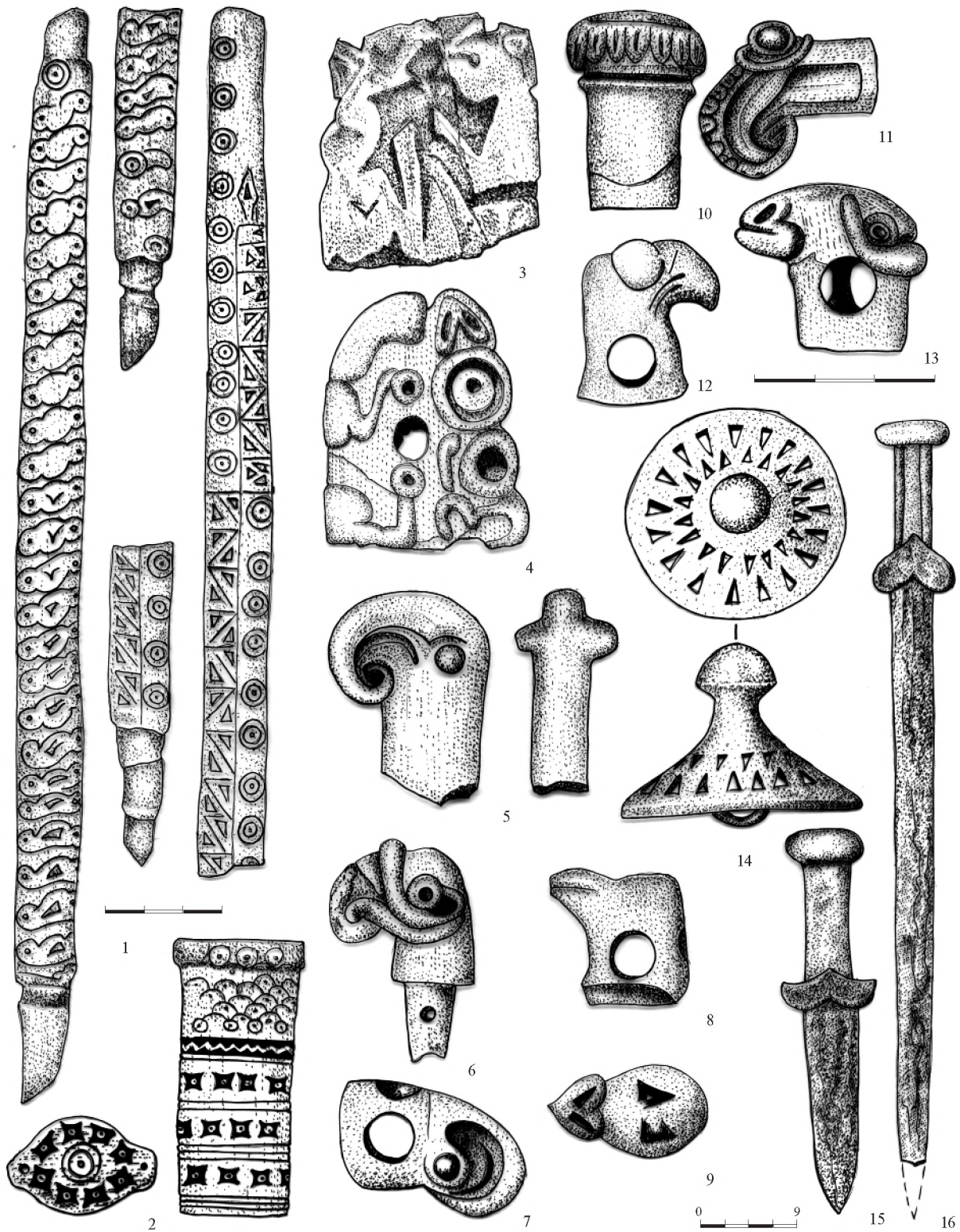

Рис. 14 Изделия «скифского» типа из Кармир-Блур.
 1–6, 10, 11, 13. Кость; 7–9, 12, 14. Бронза; 15, 16. Железо
 По Ильинская, Тереножкин 1987, 35

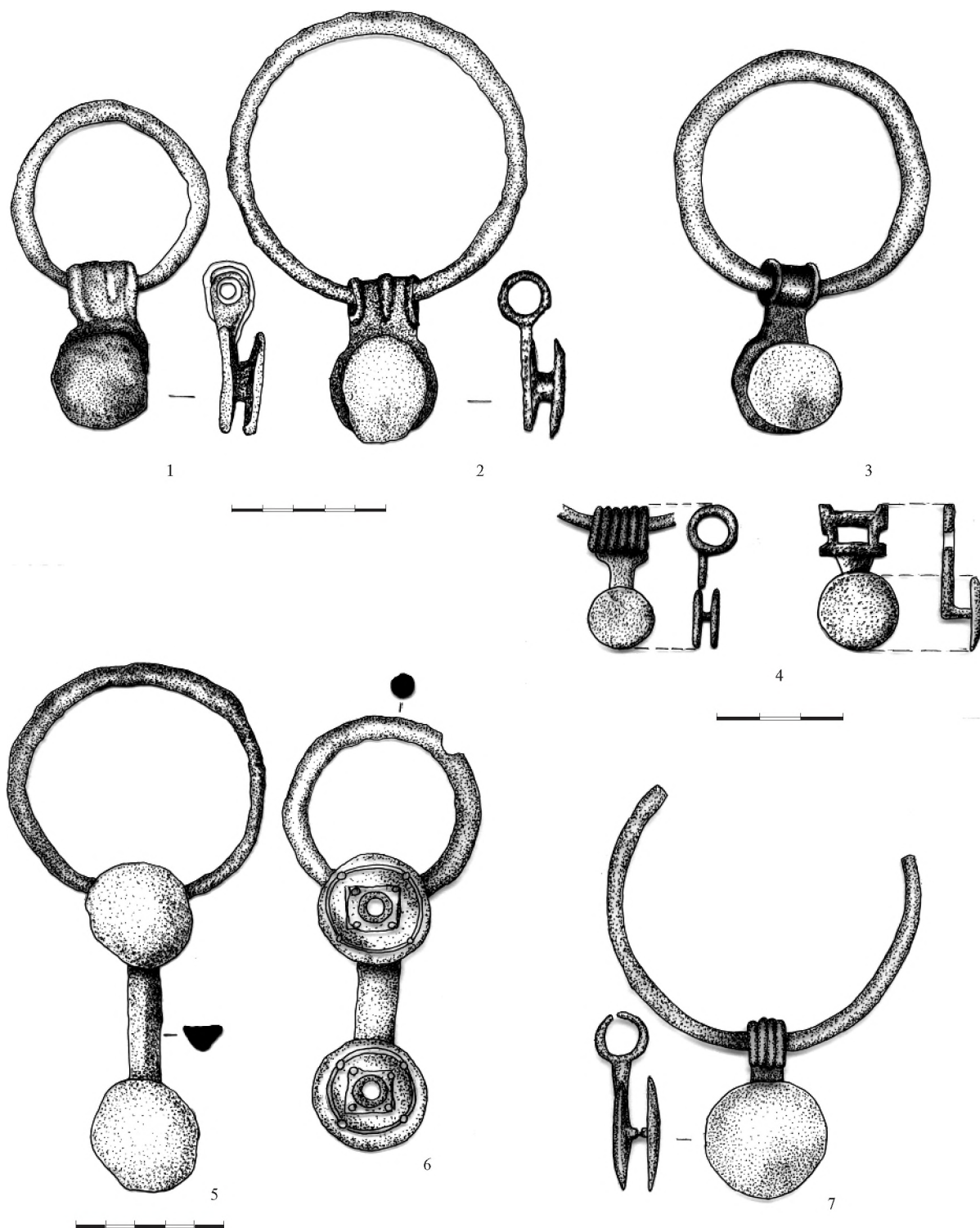

Рис. 15 Бронзовые кольца с муфтой.

1, 2. «Пшишский клад» 1988 г.; 3. Хутор Алексеевский;

4. Лермонтовский разъезд; 5. Могильник Пшиш; 6. «Аксацкий клад»; 7. Квитки

По Вальчак 1997а, рис. 1, 7, 8 (1, 2), рис. 2, 2, 3 (5, 6); Ильинская, Тереножкин 1987, 21, 23 (3, 4);

Ковпаненко, Гупало 1984, Рис. 6, 12 (7)

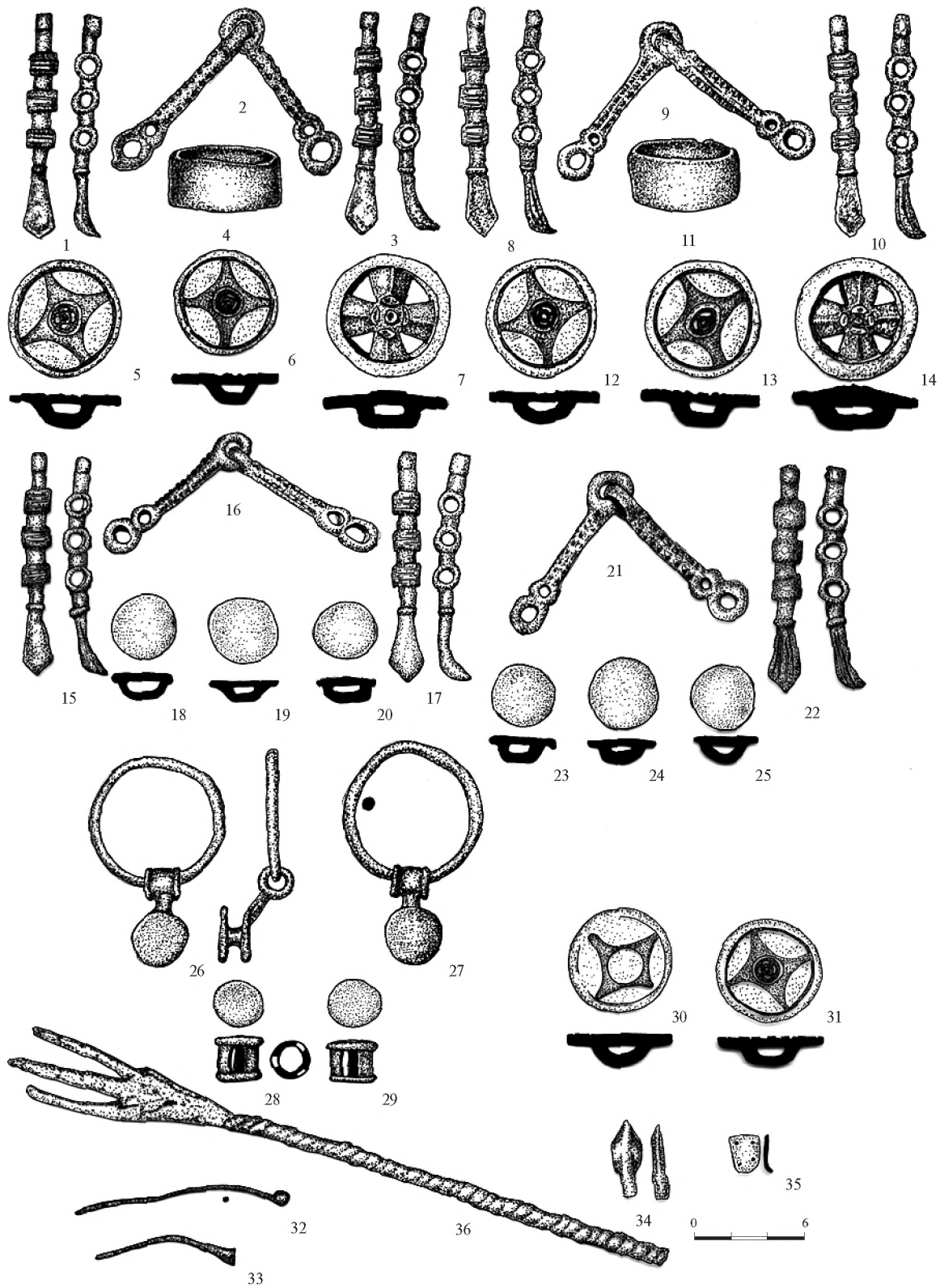
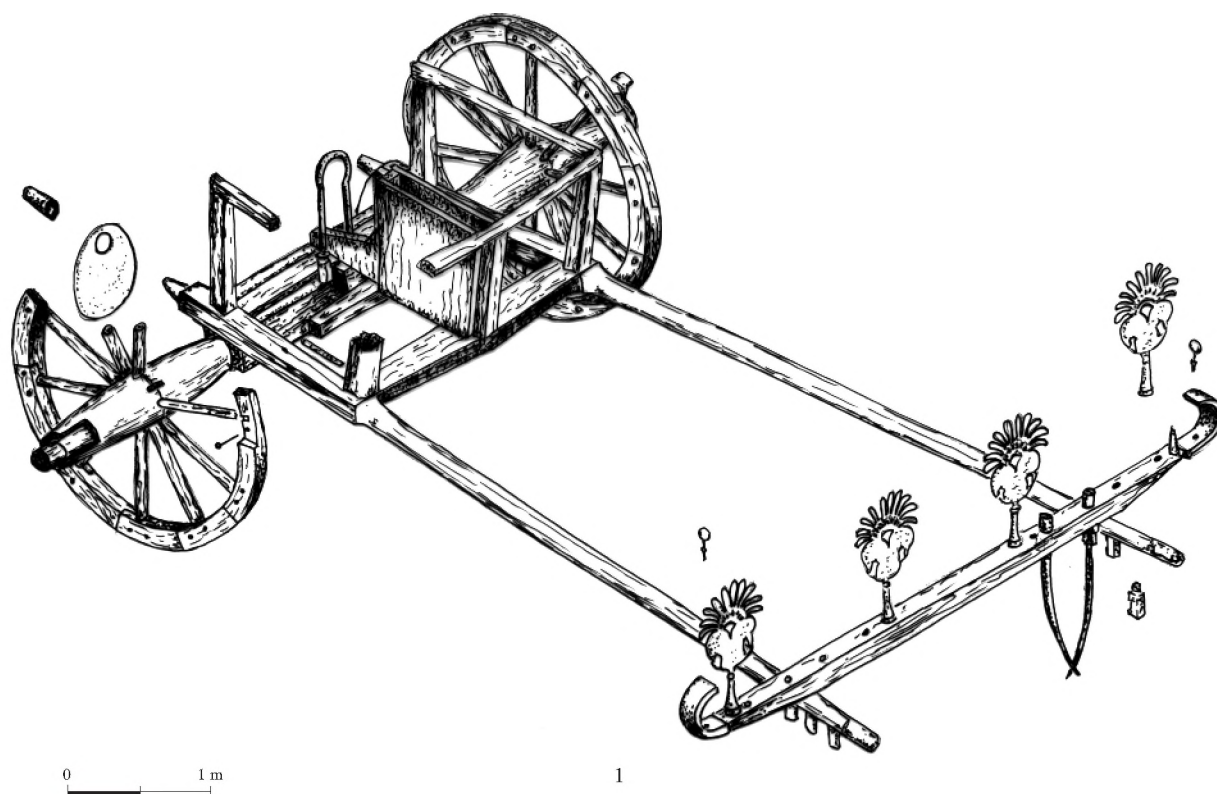

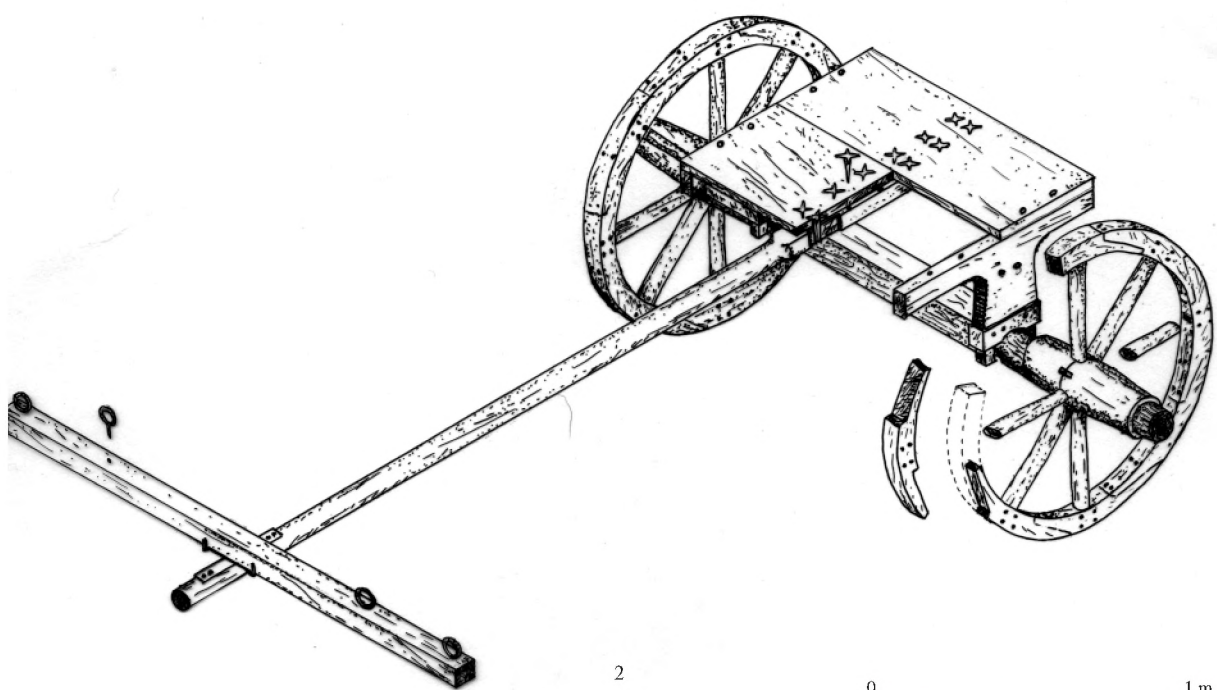
Рис. 16 Инвентарь кургана Уашхиту в Адыгее. 36. Железо, остальное бронза

По Эрлих 1994, рис. 5

1

2

Рис. 17 Реконструкция колесниц из некрополя Саламина (Кипр). 1. Гробница 79, В; 2. Гробница 2
По Karageorghis 1967, pl. CXV (1); Karageorghis 1973, fig. 10 (2)

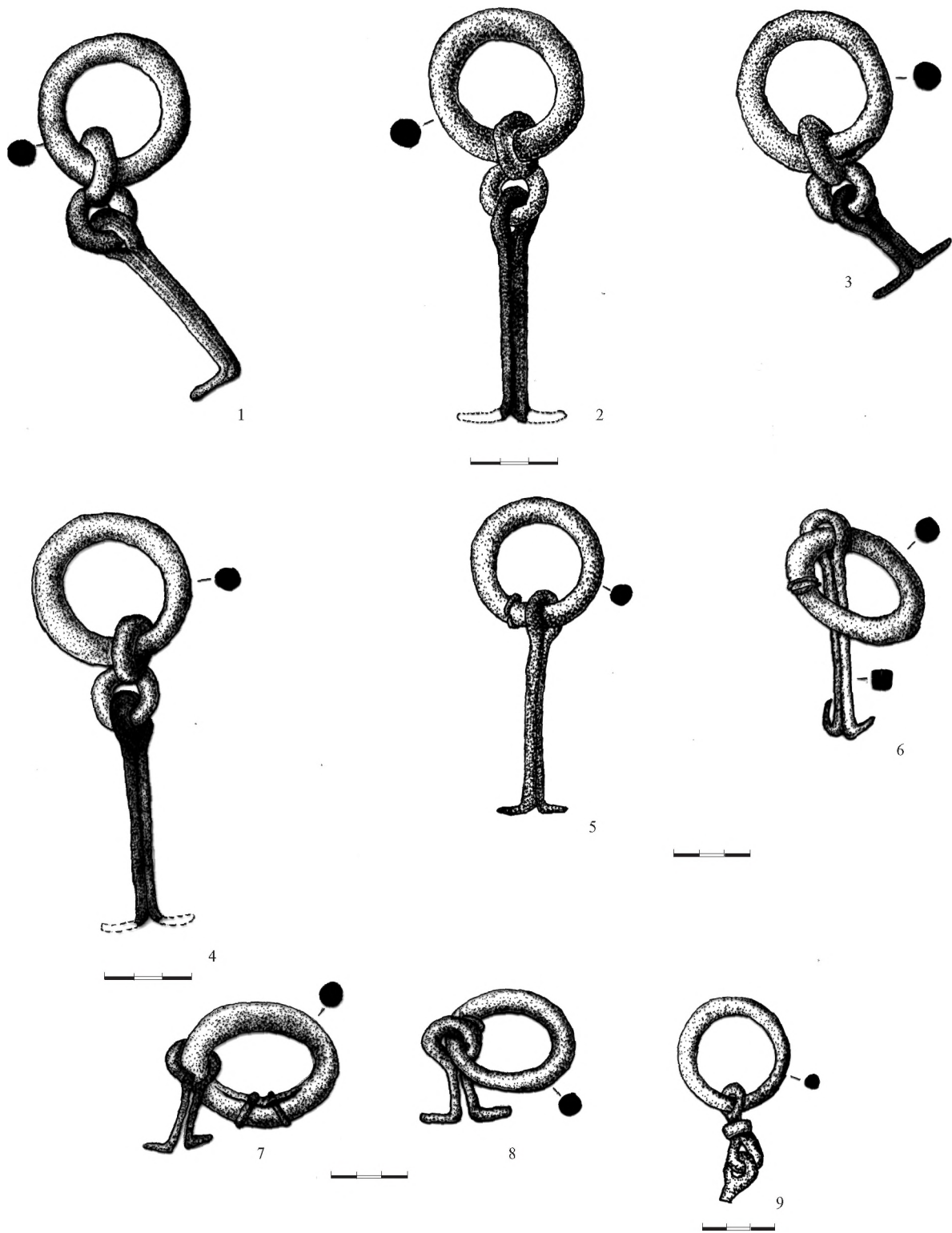

Рис. 18. Кольца от ярма колесниц из некрополя Саламина (Кипр).
 1–8. Колесница из гробницы 47; 9. Колесница В из гробницы 79
 По Karageorghis 1967, pl. CXLII–CXLIII (1–8); Karageorghis 1973, pl. CCLIV (9)

Говоря о сочетании в погребениях из Норшунтепе скифских вещей с закавказскими (или урартскими), следует упомянуть о подобной же картине в ранних кочевнических памятниках, обнаруженных на территории Закавказья. В качестве примера можно привести Малый курган в Мильско-Карабахской степи⁴⁸, некоторые погребения грунтового могильника Мингечаура⁴⁹, Тлийского могильника⁵⁰ и многие другие⁵¹. Комплексу из Норшунтепе, пожалуй, наиболее близок комплекс Малого кургана, где также найдены бронзовые удила с витыми стержнями, палочка-застежка с прорезью и трехлопастной наконечник стрелы «скифского» типа (*Рис. 7, 1, 4, 5*).

1.2.2 КОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ У ИМИРЛЕРА И АМАСЬИ

Другой яркий кочевнический комплекс, происходящий из Анатолии — погребение, обнаруженное в 1971 г. в результате грабительских раскопок у дер. Имирлер близ Амасьи — включает только предметы «скифского» облика⁵². Здесь также, как и на Норшунтепе, была обнаружена квадратная погребальная камера (размеры около 2,80 × 2,80 м), стены которой представляют собой нерегулярную каменную кладку без раствора. Камера была примерно на 1,20 м углублена в скальную значительно выветрившуюся породу. Ее пол состоит из плотно утрамбованной глины. Внутри камеры при ее исследовании были найдены сильно разрушенные грабительскими раскопками остатки скелетов человека и по меньшей мере одной лошади. В данном комплексе обнаружен длинный железный⁵³ меч (длина 78,8 см) с сердцевидным перекрестием и брусковидным навершием, клинок которого согнут пополам, биметаллический клевец (железный клинок и бронзовая втулка), уплощенный бронзовый рифленый вток (видимо, принадлежащий ручке того же кльца), бронзовые стремечковидные удила и семь бронзовых двухлопастных наконечников стрел (четыре листовидных, в том числе один с боковым шипом, два плавноромбических и один ромбический, все три с боковыми шипами) (*Рис. 19*). Кроме того, в погребении был найден также золотой браслет, который вскоре после грабительских раскопок был продан неизвестному лицу и оказался недоступен для исследователей, а также еще 21 наконечник стрел, также проданный частному лицу (часовщику Мухиттину Чалишкану из Амасьи) и потому неопубликованный.

Найденные в Имирлере бронзовые удила принадлежат к тому же хорошо известному на раннескифских памятниках типу, что и удила из Норшунтепе (см. выше). Не менее характерен и типичный для раннескифской культуры меч с сердцевидным перекрестием, брусковидным навершием и длинным клинком⁵⁴. Подобные мечи часто встречаются в раннескифских комплексах. Вероятно, один из самых ранних экземпляров обнаружен в погребении у Лермонтовского разъезда (навершие меча не сохранилось) (*Рис. 20, 1*)⁵⁵. В этом комплексе со скифским мечом сочетаются предскифские вещи типа Новочеркасского клада (*Рис. 20*). Из других ранних комплексов можно назвать погребение 27 из могильника Самтавро⁵⁶ (*Рис. 21, 13*), погребения 68, 85, 93, 94, 106, 128, 129, 164, 216 Тлийского могильника (часть из найденных здесь мечей имеет достаточно длинный клинок, другие являются

⁴⁸ Иессен 1965, 22–30.

⁴⁹ Халилов 1971, 185–187.

⁵⁰ Техов 1980, 219–257.

⁵¹ Сводку закавказских памятников, соединяющих в себе элементы раннескифской и местных культур см. Есаян, Погребова 1985, 21–37.

⁵² Ünal 1983, 65–81; Hauptmann 1983, 268–269; Kossack 1987, 67, Abb. 26; ср. Горелик 1987, 51–53; Алексеев 1992, 85–86; Медведская 1992, 95–96, рис. 2.

⁵³ Согласно указанию Х. Хауптманна (Hauptmann 1983, 268) рукоять меча сделана из бронзы, однако В. Унал в своем описании (Ünal 1983, 66) этого не подтверждает, отмечая лишь наличие на рукояти остатков дерева.

⁵⁴ Скорий 1981, 19–25; Алексеев 1992, 85; Горелик 1993, 32–33, таб. XV, 12–15; XVI, 1, 2.

⁵⁵ Иессен 1954, 122–123; Ильинская, Тереножкин 1987, 21–22.

⁵⁶ Ильинская, Тереножкин 1987, 28–29.

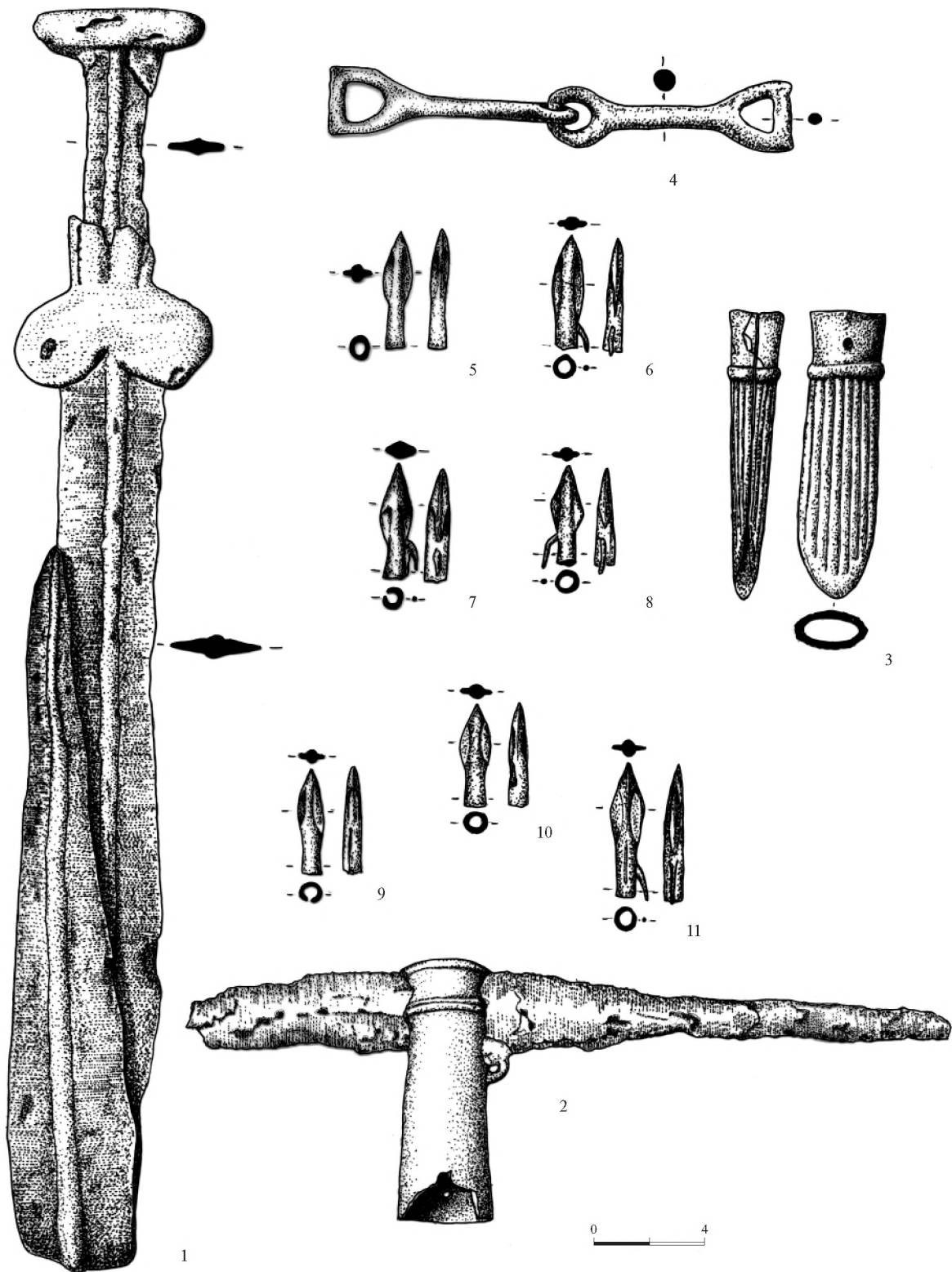

Рис. 19 Инвентарь погребения у Имирлера. 1. Железо; 2. Железо и бронза; 3–11. Бронза
По Kossack 1987, Abb. 26

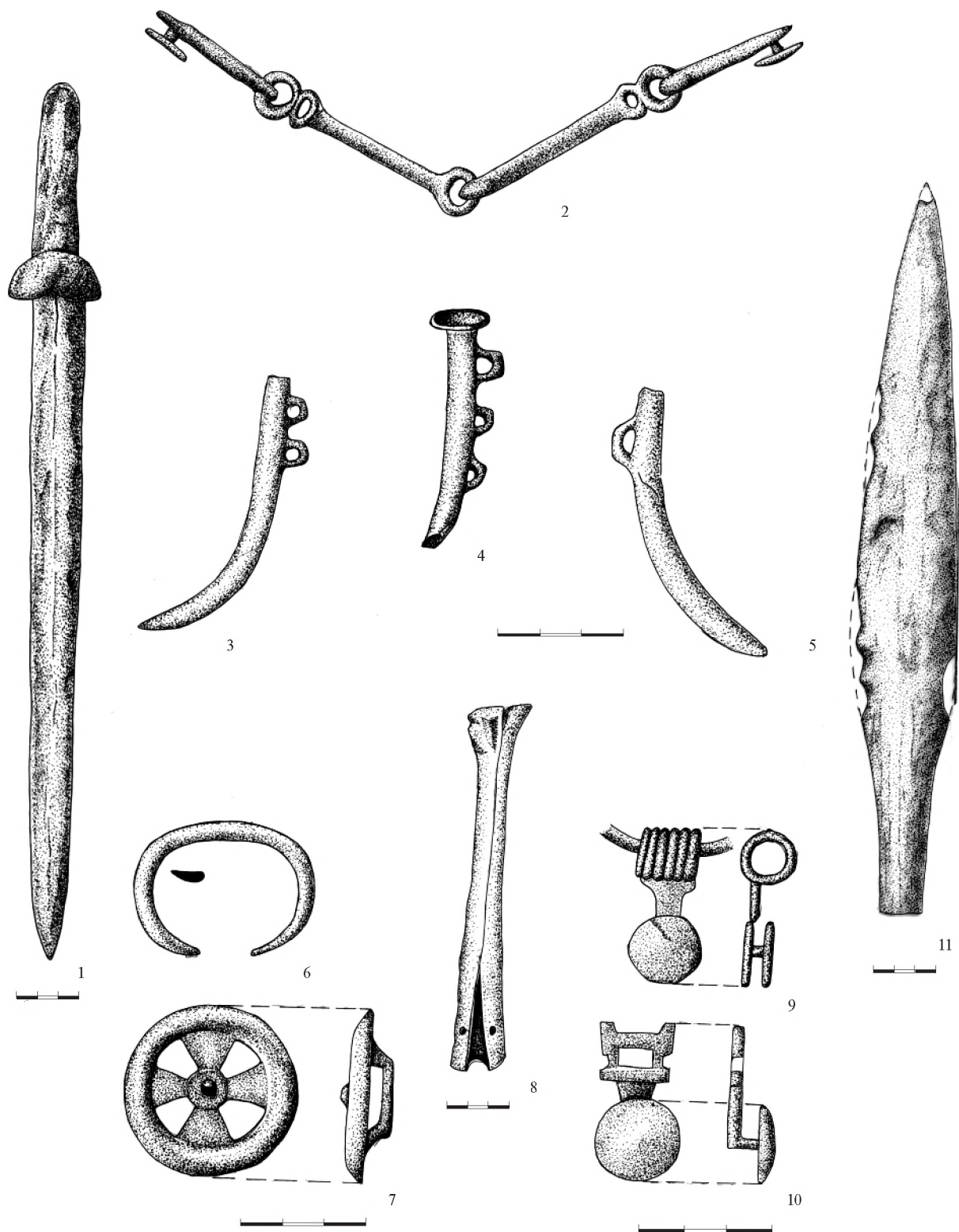

Рис. 20 Инвентарь погребения у Лермонтовского разъезда.

1, 11. Железо; 2–10. Бронза

По Ильинская, Тереножкин 1987, 21

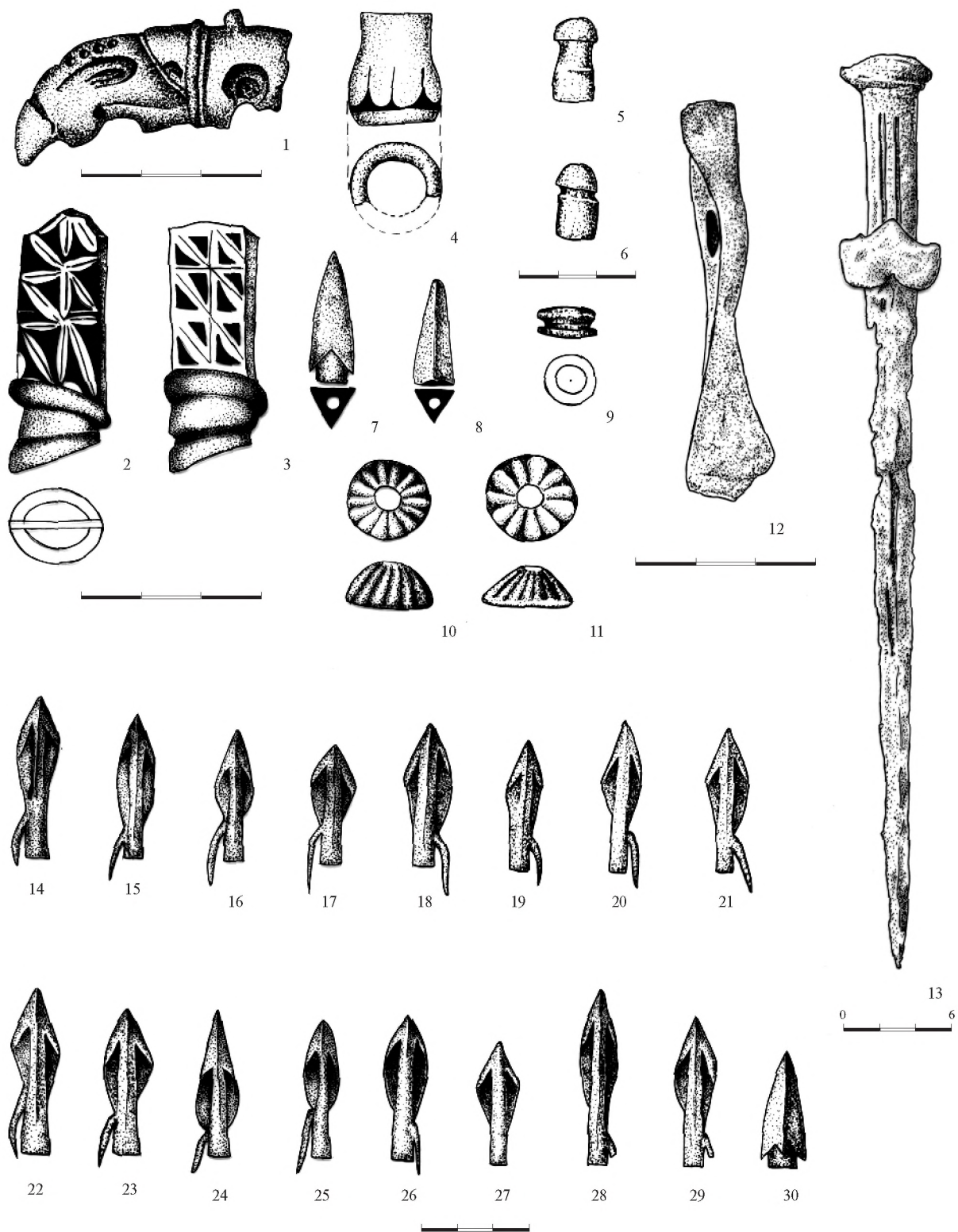
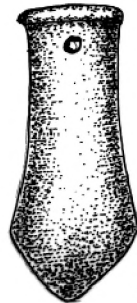
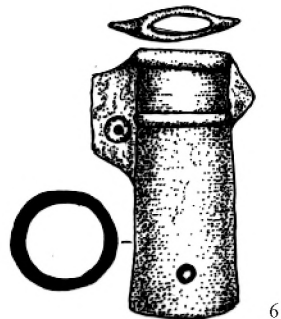
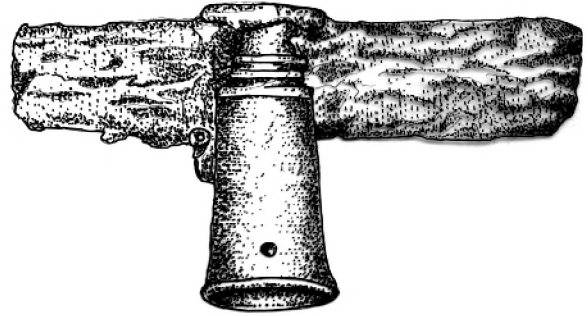
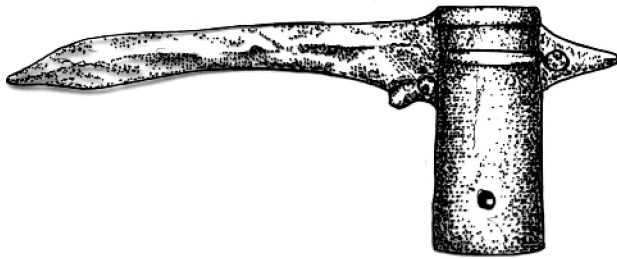
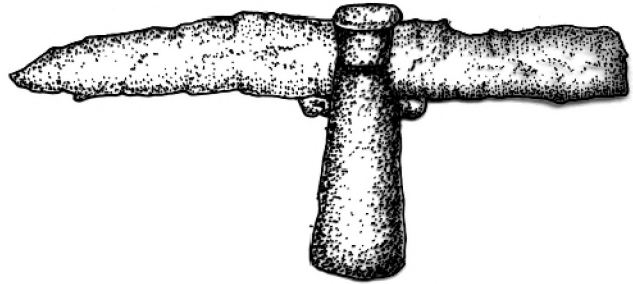
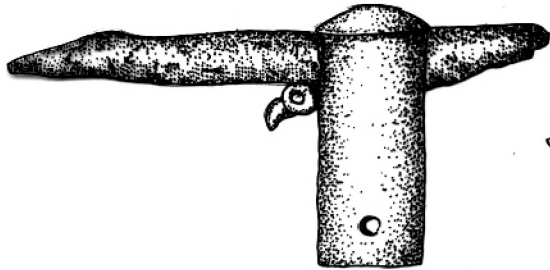
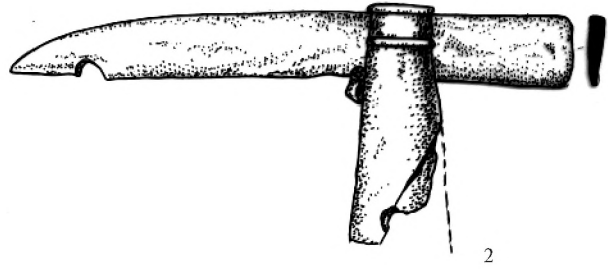
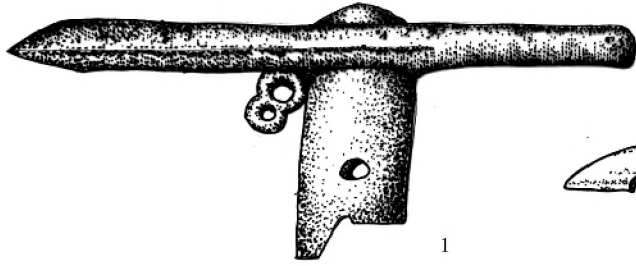

Рис. 21 Находки из могильника Самтавро (Грузия).
 1–11. Инвентарь погребения 106; 12–30. Инвентарь погребения 27. 1–6, 9–11. Кость; 7, 8, 14–30. Бронза; 12, 13. Железо
 По Ильинская, Тереножкин 1987, 29

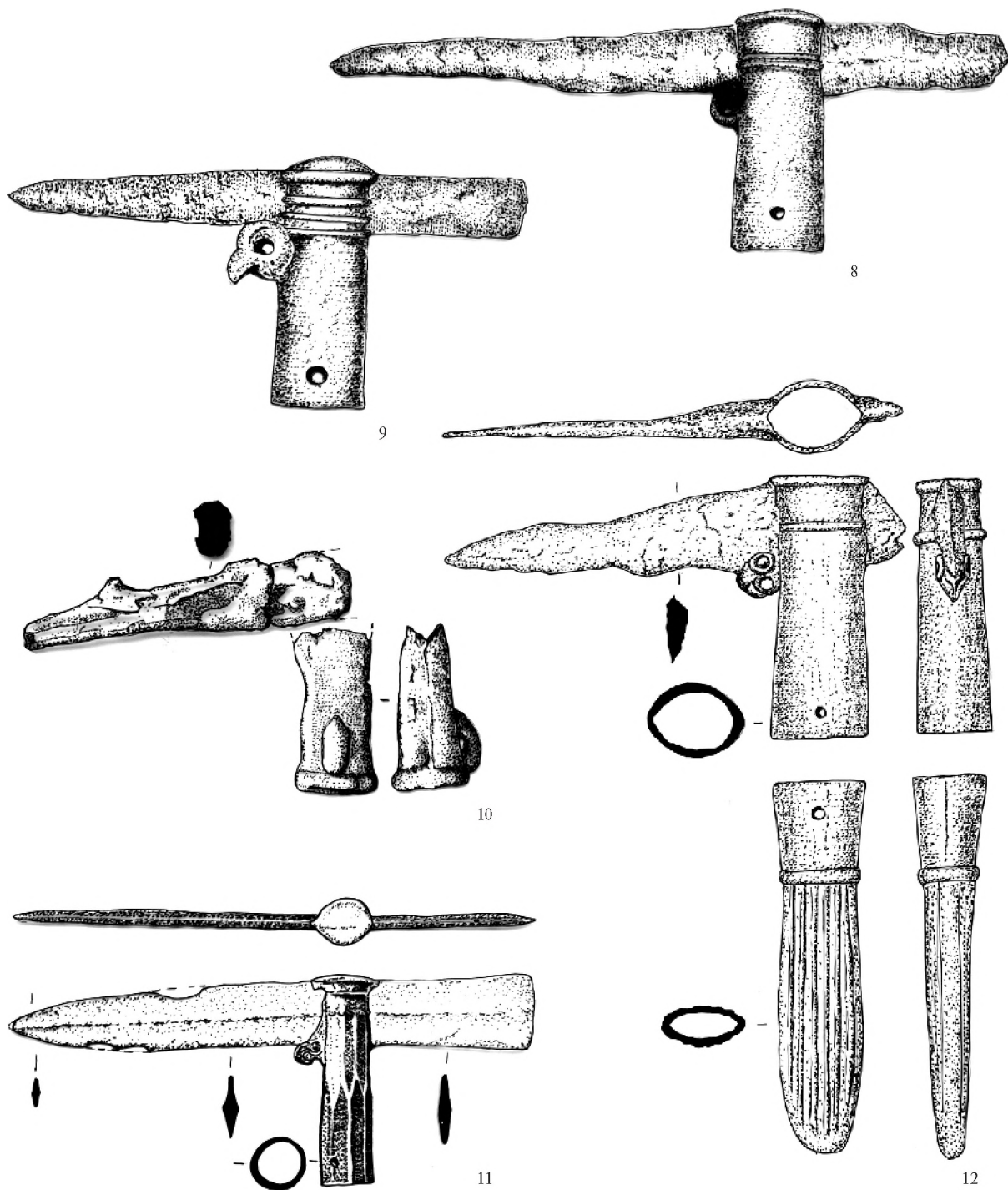

Рис. 22 Боевые клевцы.

1. Минусинск; 2. Сулак у Оренбурга; 3. Ананьино; 4. Место находки неизвестно, Музей Метрополитен, Нью-Йорк;
 5. Перкальский могильник у Пятигорска; 6. Могильник Гунделен; 7. Могильник Уйгарак, курган 84; 8. Погребение у Имирлера;
 9. Район Муша; 10. Могильник Сакар-чага 6, курган 23; 11. Орехово Луганской обл.; 12. Анатолия, Археологический музей
 Стамбула. 1. Бронза; 4. Серебро и железо, остальные бронза и железо

По Пиотровский 1989, рис. 7 (1, 3, 9); Смирнов 1964, рис. 77, 16 (2); Фаркаш 1992, рис. 2–3 (4); Козенкова 1995, таб. XX, 4 (5);
 Виноградов 1972, рис. 30, 12 (6); Вишневская 1973, таб. XX, 1,2 (7); Kossack 1987, Abb. 26, 2 (8);
 Яблонский 1991, рис. 10, 14 (10); Каталог 1993, рис. 53 (11); Müller-Karpe 1995, Res. 1 (12)

короткими кинжалами)⁵⁷, знаменитые мечи из Мельгунова и Келермеса (первый курган Шульца)⁵⁸, из Старшей могилы⁵⁹ и др. Таким образом, бронзовая узда и длинный железный меч из Имирлера имеют близкие аналогии в пределах всего раннескифского периода, однако не позволяют точнее определить его положение внутри этого круга памятников. Пожалуй, такие выводы можно сделать на основании сохранившихся в погребении наконечников стрел. Из семи опубликованных наконечников (еще двадцать один наконечник неопубликован и остается недоступным) лишь один принадлежит самому раннему, так называемому жаботинскому, типу ромбовидных бронзовых двухлопастных наконечников. Все остальные относятся к более позднему типу листовидных или плавноромбических двухлопастных наконечников так называемого келермесского типа. Обычно считается, что вытеснение двухлопастных ромбических наконечников жаботинского типа листовидными и плавноромбическими приходится на келермесскую эпоху и в самих Келермесских курганах жаботинские наконечники уже отсутствуют⁶⁰. В то же время в Келермесских курганах присутствуют и появляющиеся несколько позднее трехлопастные наконечники стрел, которые в комплексе Имирлера отсутствуют. Несмотря на то, что количество опубликованных стрел из Имирлера незначительно, они все же позволяют сделать некоторые выводы. Преобладание листовидных наконечников позволяет поместить данный комплекс в келермесский период. В то же время наличие в нем одной стрелы жаботинского типа и полное отсутствие трехлопастных наконечников позволяет относить Имирлер к раннему этапу келермесского периода, видимо, несколько раньше Келермесских курганов Веселовского.

Весьма своеобразной деталью имирлерского комплекса является обнаруженный в нем биметаллический клевец. Он имеет железный клинок и бронзовую, овальную в разрезе и расширяющуюся книзу втулку с отверстием для гвоздя в нижней части. В верхней части втулки, под клинком, имеется петля, оформленная в виде головки хищной птицы с загнутым клювом. Второй сходный клевец обнаружен несколько восточнее, в районе Муша (к западу от озера Ван) (Рис. 22, 9)⁶¹. Еще один биметаллический клевец вместе с бронзовым рифленным втком от его ручки, чрезвычайно близкий имирлерскому, хранится в Стамбульском археологическом музее (Рис. 22, 12)⁶². Он, очевидно, происходит из грабительских раскопок на территории Турции, но о месте и обстоятельствах его находки ничего неизвестно. Подобные биметаллические клевцы необычны для памятников раннескифской культуры⁶³. Чужды они и для Передней Азии, однако их находки известны в Приаралье (Уйгарак, курган 84), южном Приуралье и Поволжье (Ананьино, Оренбург), Сибири (Минусинск и другие) (Рис. 22, 1–3, 7)⁶⁴. Клевцы с этих территорий, как и клевцы из Имирлера, Муша и Стамбула, имеют аналогично оформленную расширяющуюся книзу втулку с отверстием для гвоздя и петлей возле клинка, оформленной обычно в виде головки хищной птицы, и сходную форму клинка⁶⁵. По-видимому, данный вид

⁵⁷ Техов 1980, 219–257.

⁵⁸ Черненко 1980, 7–30; Галанина / Galanina 1997, 92–101, 222–223, таб. 7–9.

⁵⁹ Ильинская 1968, 24, таб. I, 1.

⁶⁰ Іллінська 1973, 13–26; Полін 1987, 21–22, ср. Петренко 1990, 62–74; Алексеев 1992, 85–86. По последним уточненным данным среди трех серий келермесских наконечников (70–75 скипевшихся в два комка наконечника из кургана 2 Веселовского, 145 экземпляров из раскопок Шульца и 76 экземпляров из раскопок кургана 24 в 1980 г., отождествляемого с курганом 3 или 4 Шульца) все же имеется единственный наконечник жаботинского типа, что, однако, существенно не меняет картину: Галанина 1995, 40–46, рис. 3; Галанина / Galanina 1997, 104–115, рис. 27.

⁶¹ Пиотровский 1989, рис. 7, 8.

⁶² Inv. Nr. 7736, приобретен в 1968 г. Сердечно благодарю Г. Коссака, предоставившего в мое распоряжение рисунок этого в то время неопубликованного клевца. Публикацию см.

теперь Müller-Karpe 1995, 233–238, Leh. 14, С.

⁶³ Ср. Іллінська 1961, 34–36; Мелокова 1964, 68. Единственный клевец этого типа, происходящий из причерноморских степей — недавно опубликованная случайная находка из района к востоку от Донецка (с. Орехово, Антрацитовский район Луганской области): Каталог 1993, 45–46, рис. 53; Подобед 1994, 181–185 (Рис. 22, 11). Следует отметить, что и эта находка происходит с восточной периферии собственно скифской культуры, не слишком удаленной от Поволжья.

⁶⁴ Hauptmann 1983, 269; Kossack 1983, 181, Karte 3; Пиотровский 1989, 9, рис. 7; Алексеев 1992, 86; Курочкин, Субботин 1993, 59–64, рис. 1, ср. Фаркаш 1992, 170, рис. 2–3.

⁶⁵ Збруева 1952, 104–107, таб. XXII; Смирнов, Петренко 1963, 29, таб. 14, 34; Вишневская 1973, 97–98, таб. XX, 1–2; XXVII, 7; Членова 1981, 4–7, рис. 1–2; Кузьминых 1983, 140–142, таб. LVI (бронзовые и биметаллические экземпляры); Пиотровский 1989, рис. 7.

оружия появился в районе Тагарской культуры (Минусинская котловина и прилегающие районы южной Сибири), где широко распространены бронзовые прототипы биметаллических клевцов рассматриваемого типа. Впоследствии они распространились на запад, в том числе в район Ананьинской культуры, а также в южное Приуралье, Приаралье и далее на Кавказ и в Переднюю Азию⁶⁶. Все три обнаруженных в Малой Азии клевца (из Имирлера, Муша и Стамбульского музея) точно соответствуют описанным, включая и такую характерную деталь, как петля в виде головки хищной птицы у основания клинка. Несколько отличается от них плохо сохранившийся клевец из кургана 23 могильника Сакар-чага 6 в южном Приаралье — он имеет петлю в нижней части бронзовой втулки (Рис. 22, 10)⁶⁷. Два (а не три, как иногда указывается в литературе) подобных биметаллических клевца происходит с Кавказа — из Перкальского могильника в окрестностях Пятигорска⁶⁸ и из Гунделена⁶⁹ (Рис. 22, 5, 6). Поскольку данный вид оружия на собственно скифских памятниках неизвестен, но зато обнаружен в тех районах, где письменные источники фиксируют пребывание киммерийцев, можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с элементом материальной культуры именно исторических киммерийцев. В таком случае использование биметаллических клевцов было бы одним из немногих известных элементов, позволяющих выделить материальную культуру киммерийцев из состава общей «раннескифской» культуры. Впрочем, наличный материал слишком ограничен и не позволяет сделать окончательные выводы. Можно также предположить, что находки биметаллических клевцов отражают путь продвижения киммерийцев (или одного из элементов, входивших в состав киммерийских групп) из Центральной Азии или южного Приуралья через Кавказ в Переднюю Азию, однако подобный вывод на основе лишь одной категории находок остается все же не более чем гипотезой.

Кроме погребального комплекса у Имирлера примерно в том же районе (долина между Ташова и Лядиком к северу от Амаксы, точное место находки неизвестно) также при грабительских раскопках было обнаружено еще одно захоронение кочевника, однако оно полностью разграблено. Единственное, что осталось от погребального инвентаря — набор из 250 наконечников стрел (Рис. 23); об остальных находках информация отсутствует⁷⁰. Этот набор, однако, не оставляет сомнения ни в культурной принадлежности, ни в датировке погребения. Все происходящие из него наконечники, за исключением пяти пулевидных, двухлопастные бронзовые. Подавляющее их большинство листовидные и плавноромбические, хотя имеется и несколько ромбических наконечников «жаботинского» типа. В то же время совершенно отсутствуют трехлопастные наконечники стрел. Это свидетельствует о том, что данное погребение, вероятно, одновременно погребению у Имирлера и должно также относиться к начальному периоду келермесского этапа раннескифской культуры, видимо, несколько раньше Келермесских курганов Веселовского. Дополнительным аргументом для датировки этого колчанного набора являются весьма характерные рельефные метки в виде «следа птичьей лапы» на нескольких наконечниках (Рис. 24, 5–7)⁷¹. Подобные метки известны на наконечниках скифского типа из Богазкёя (Рис. 24, 8)⁷², датированных второй четвертью — серединой VII в. до н. э. (см. ниже), и из ранних памятников скифского облика в Приуралье, на что обратил внимание А. Ю. Алексеев (Рис. 24, 1–4)⁷³. Любопытно, что аналогии этому оригинальному способу орнаментации наконечников происходят из того самого района, где были распространены биметаллические клевцы типа найденных в Имирлере и Муше. Это обстоятельство может служить еще одним указанием на локализацию исторических киммерийцев до их прихода на Кавказ и в Переднюю Азию.

⁶⁶ Сводку материала и обоснование центра происхождения клевцов см. Курочкин, Субботин 1993, 59–64. Против: Членова 1997, 15.

⁶⁷ Яблонский 1991, 81, рис. 10, 14; Яблонский 1996, 43, рис. 19, 16. По мнению В. А. Подобеда (1994, 182), речь идет не о бронзовой втулке клевца, а о кельте.

⁶⁸ Егоров 1955, 60, рис. 20, 3; Крупнов 1960, 205, таб. XXXVI, 4 (неточный рисунок); Мелокова 1964, 68, таб. 21, 4; Козенкова 1995, 75, таб. XX, 4. Г. Коссак ошибочно включает этот клевец дважды в свою сводку находок этого типа: Kossack

1983, 181 (с указанием на находки в Минеральных водах и Пятигорске).

⁶⁹ Виноградов 1972, 125, 346, рис. 30, 12; Козенкова 1995, 75, таб. XX, 5.

⁷⁰ Ünal 1983, 70–78, Abb. 3–7.

⁷¹ Ünal 1983, Abb. 7, 247, 249, 250.

⁷² Boehmer 1972, Taf. XXXI, 902.

⁷³ Смирнов 1964, рис. 8, 1; Исмагилов 1988, рис. 6, 36, 40, 54; Алексеев 1992, 86.

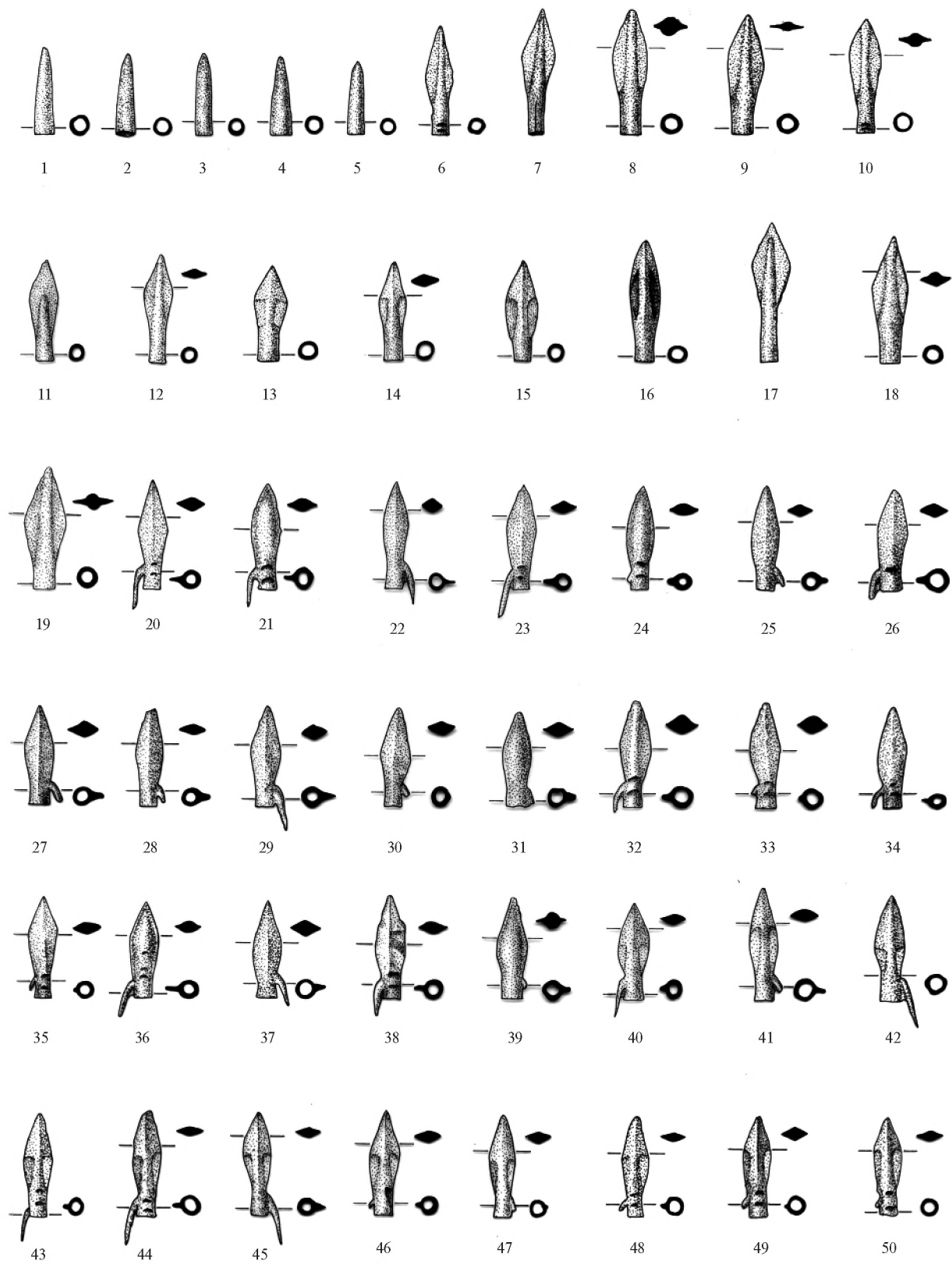

Рис. 23 Наконечники стрел из разграбленного погребения между Ташовой и Лядиком близ Амасьи (1—50)

Рис. 23 Наконечники стрел из разграбленного погребения между Ташовой и Лядиком близ Амаьси (51–99)

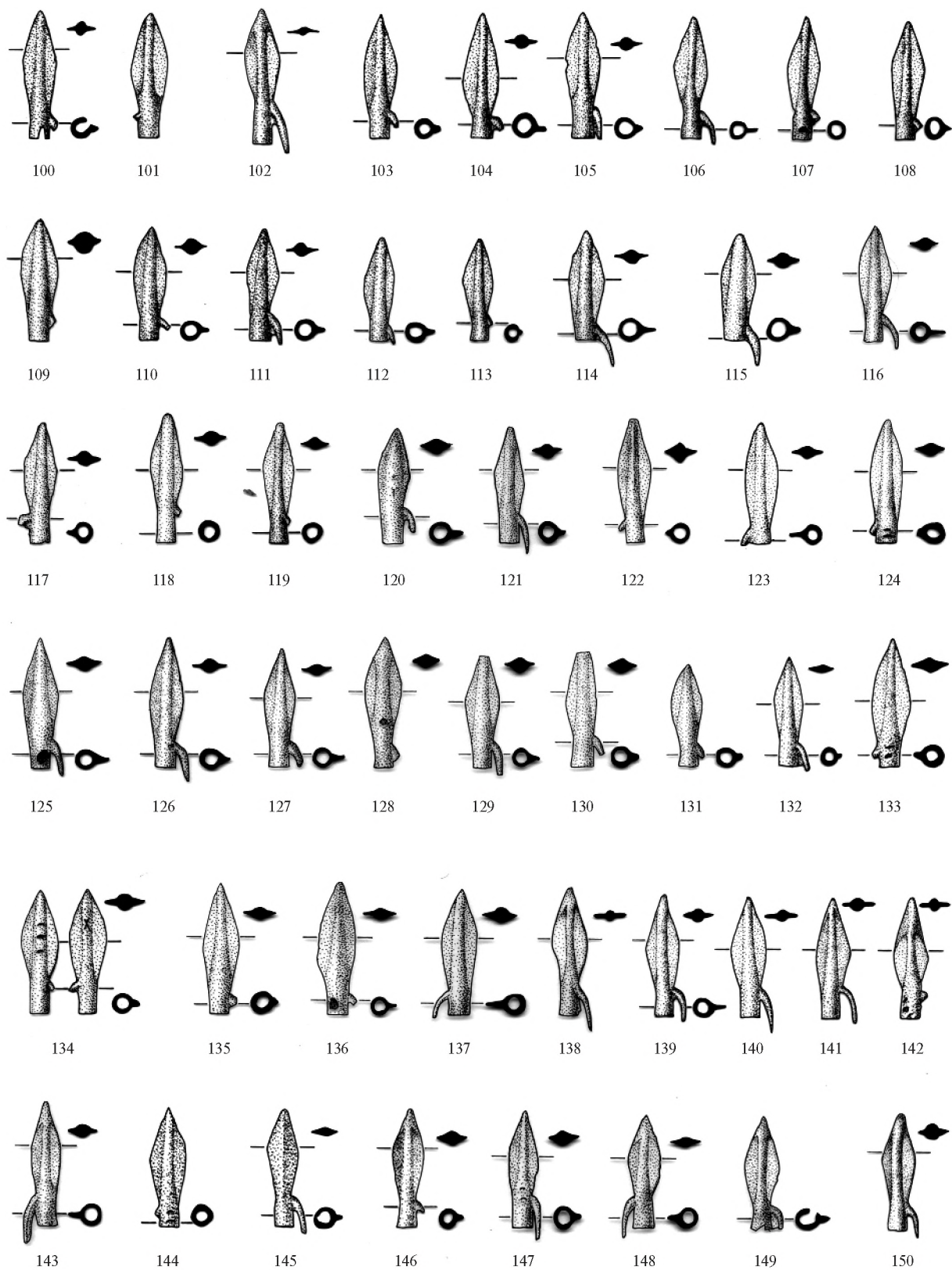

Рис. 23 Наконечники стрел из разграбленного погребения между Ташовой и Лядиком близ Амасьи (100–150)

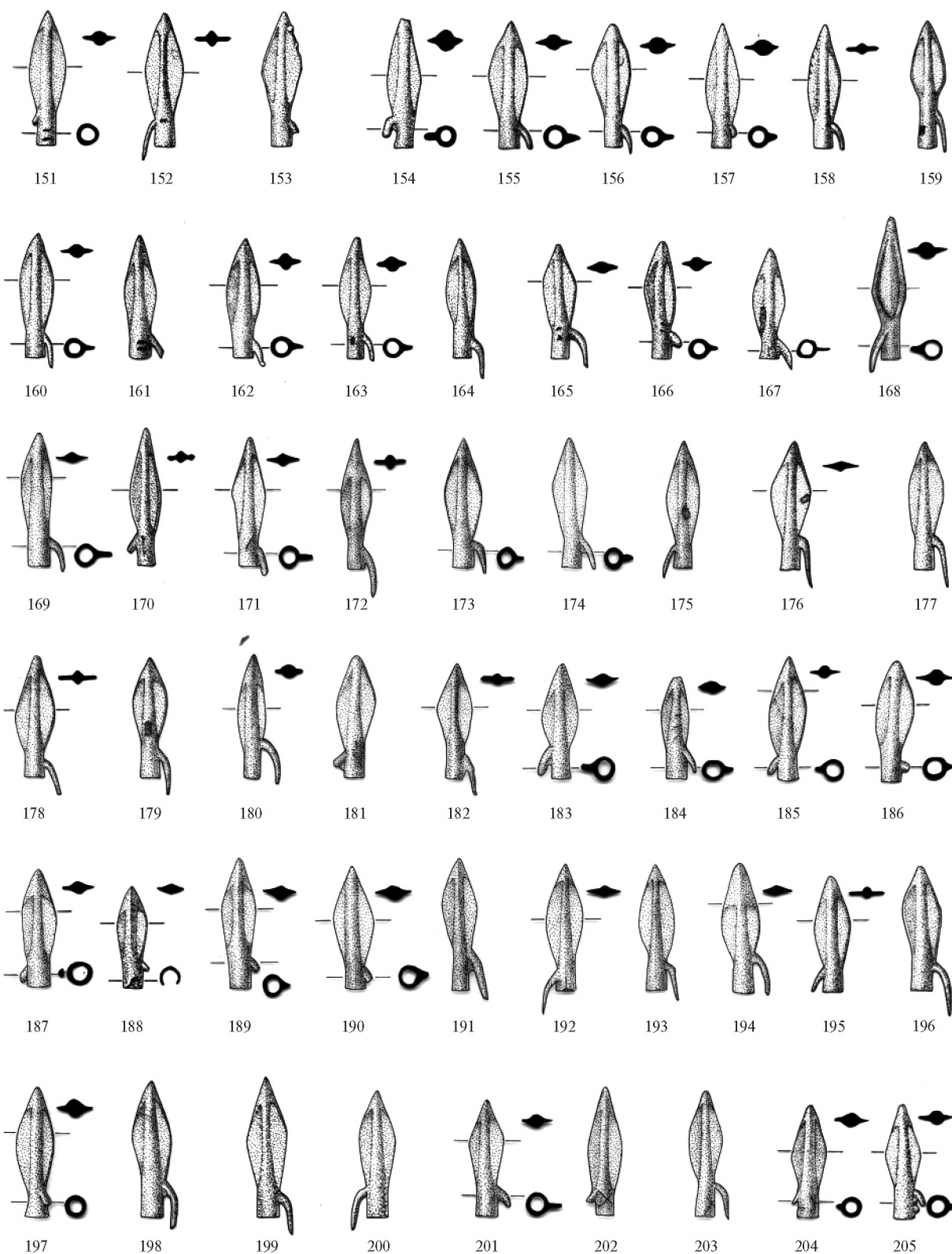

Рис. 23 Наконечники стрел из разграбленного погребения между Ташовой и Лядиком близ Амасьи (151–205)

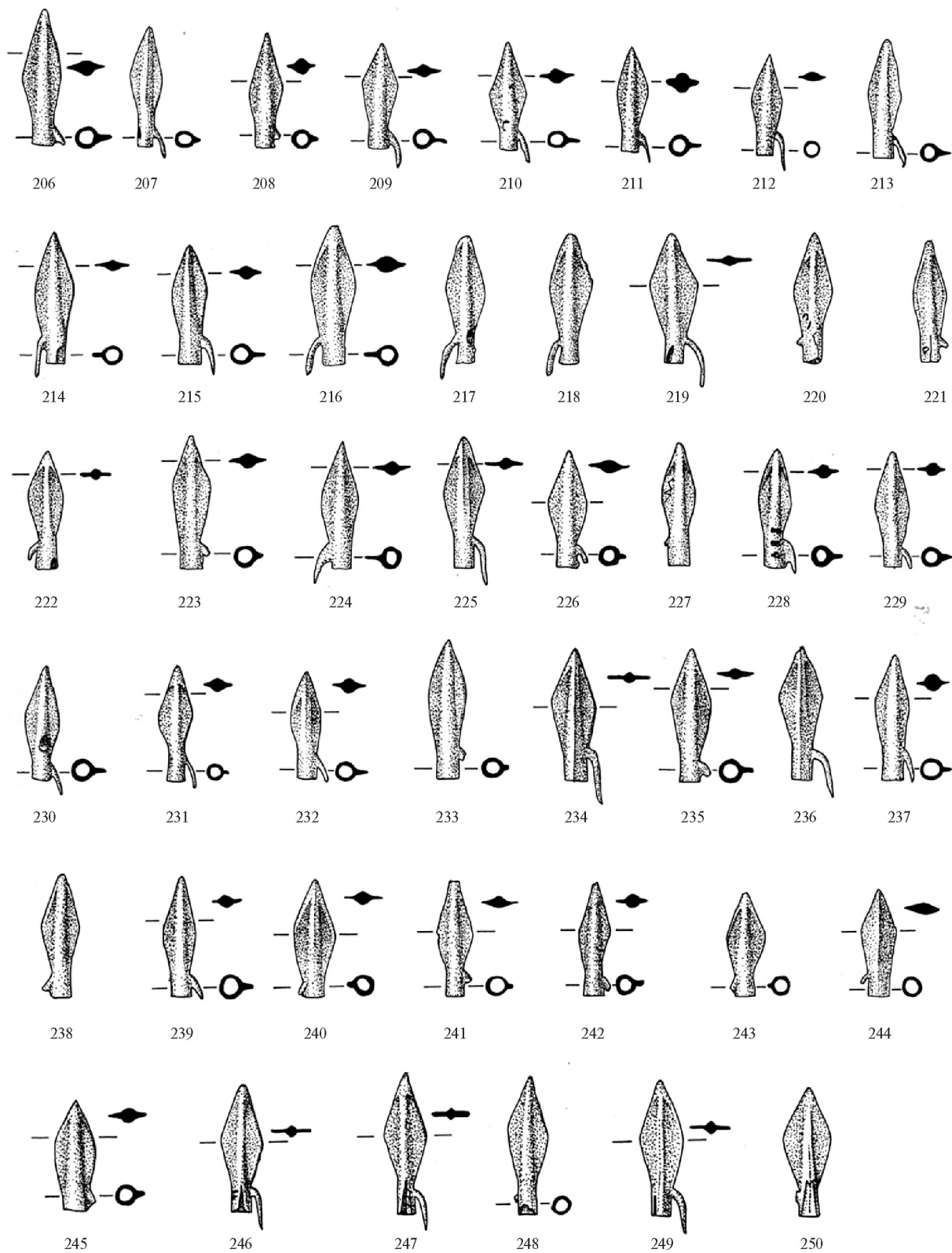

Рис. 23 Наконечники стрел из разграбленного погребения между Ташовой и Лядиком близ Амасьи (206–250)

По Ūnal 1983, Abb. 3–7

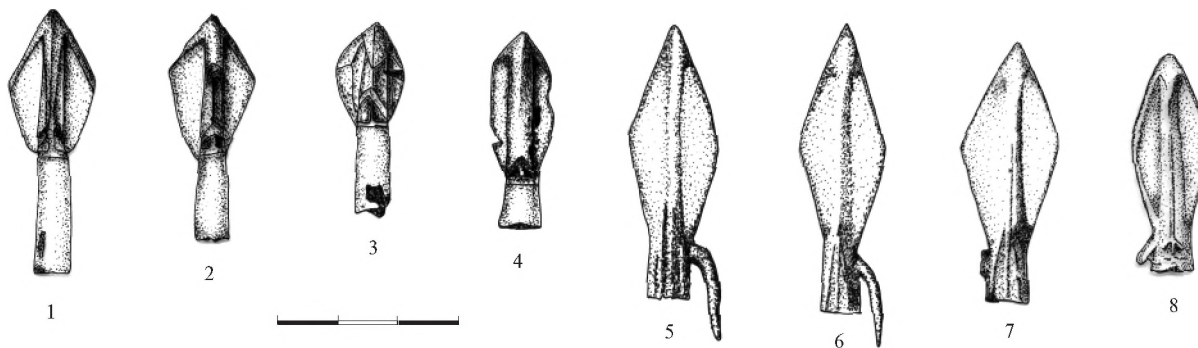

Рис. 24 Бронзовые наконечники стрел с рельефными метками в виде «следа птичьей лапы».

1–3. Гумарово; 4. Новая Белогорка, курган 2, погребение 38;

5–7. Разграбленное погребение между Ташовой и Лядиком; 8. Богазкёй

По Исмагилов 1988, рис. 6, 36,40,54 (1–3); Смирнов 1964, рис. 8, 1 (4); Ünal, 1983, Abb. 7, 247,249,250 (5–7);
Boehmer, 1972, Taf. XXXI, 902 (8)

1.2.3 АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКИХ КИММЕРИЙЦЕВ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С «РАНЕСКИФСКОЙ» КУЛЬТУРОЙ

Завершая разбор кочевнических погребений в Малой Азии, следует остановиться на их погребальном обряде. Во всех трех случаях, когда удастся ознакомиться с погребальными сооружениями (два в Норшунтепе и одно в Имирлере, о погребальном обряде четвертого сведений нет), выясняется, что речь идет о каменных углубленных в землю склепах (в двух случаях), или о сырцовом сооружении на каменном фундаменте (возможно, оно было не полностью опущено в яму, а лишь углублено). Подобные погребальные сооружения в целом нехарактерны для раннескифской культуры. Для раннескифских памятников как степи, так и лесостепи, характерны погребения в грунтовых ямах, часто с деревянными конструкциями, или в деревянных склепах⁷⁴. Каменные гробницы зафиксированы в основном на территории Крыма, но здесь, как правило, речь идет о каменных ящиках⁷⁵, несопоставимых с каменными склепами Норшунтепе и Имирлера. Единственная группа раннескифских памятников, в которой находят близкие аналогии малоазийским сооружениям — это погребения центрального Предкавказья, где были распространены каменные склепы квадратной или подквадратной формы. Как правило, они сооружались на уровне древнего горизонта, однако известны случаи, когда каменный склеп был углублен в землю (Красное знамя 4) или вовсе сооружен в яме (Красное знамя 2). Как и в погребальном сооружении из Норшунтепе, при оформлении выкида использовался камыш⁷⁶. Примечательно при этом, что зона применения каменных склепов в раннескифских памятниках Северного Кавказа весьма ограничена локально. Они сосредоточены в центральном Предкавказье, тогда как на северо-восточном Кавказе и в Прикубанье одновременно использовались деревянные сооружения или погребения в грунтовых ямах. За пределами центральнокавказского региона известен единственный каменный склеп.

⁷⁴ Ольховский 1978, 83–97; Мурзин 1984, 48–63.

⁷⁵ Мурзин 1982, 51; Мурзин 1984, 52.

⁷⁶ Петренко 1983, 44–45; Петренко 1989, 217–218; Махор-
тых 1991, 19–25.

На основании данных из Малой Азии можно предположить, что погребения в каменных склепах, наряду с использованием биметаллических клефцов с изображением птичьей головки под клинком, являются еще одной локальной особенностью археологической культуры киммерийцев, выделяющей ее среди других памятников раннескифской культуры. Примечательно, что на всей территории раннескифской культуры засвидетельствованы только три находки биметаллических клефцов интересующего нас типа, и две из них происходят как раз из того района, где были распространены каменные склепы: один был найден у Пятигорска, другой несколько южнее, у села Гунделен. Все это позволяет предположить, что отмеченные две черты материальной культуры (использование биметаллических клефцов, украшенных петлей в виде птичьей головки, и применение в погребальном обряде каменных или каменно-сырцовых склепов) отличали исторических киммерийцев от других носителей «раннескифской» культуры. Наличие одновременно обоих этих признаков в локально ограниченной группе раннескифских памятников центрального Предкавказья позволяет предположительно атрибутировать киммерийцам не только обнаруженные в Малой Азии захоронения, но и эту группу памятников или ее часть.

Предположение о принадлежности «раннескифских» памятников центрального Предкавказья (или их части) именно историческим киммерийцам находит подтверждение и в письменных источниках. «Страна Гамир», то есть область, занятая киммерийцами во время их конфликта с Урарту в 714 г. до н. э., локализовалась именно в южной части центрального Закавказья⁷⁷. Важно отметить в связи с этим, что именно в центральной части Кавказа имеется ряд удобных проходов, в результате чего он перестает быть той естественной преградой, разделяющей Предкавказье и Закавказье, какой является в других местах. Недаром и в более позднее время именно здесь Кавказ не был границей расселения этносов — достаточно упомянуть осетин, живущих по обе стороны Кавказского хребта. Интересно в связи со сказанным, что закавказские памятники, имеющие элементы скифской культуры, и находки вещей скифского типа сосредоточены как раз в центральном Закавказье, оставаясь более редкими в его восточной и западной частях (за исключением Абхазии)⁷⁸. Таким образом, локализация «страны Гамир» клинописных текстов в центральном Закавказье косвенно подтверждает сделанное на основе археологических данных предположение о принадлежности «раннескифских» памятников центрального Предкавказья киммерийцам. Разумеется, незначительное количество известных несомненно относящихся к киммерийцам памятников Анатолии дает слишком мало материала, чтобы считать это предположение доказанным, однако данная гипотеза, кажется, наилучшим образом объясняет имеющиеся разнохарактерные данные.

Рассмотренные комплексы приводят к однозначному выводу о характере киммерийской археологической культуры. В том, что малоазийские комплексы принадлежат именно киммерийцам, *Gimirraia* аккадских текстов, а не скифам, *Iskuzāia* тех же текстов, нет никаких сомнений. Присутствие скифов на данных территориях, во всяком случае в пределах первых трех четвертей VII в. до н. э., источниками не фиксируется⁷⁹. Напротив, деятельность киммерийцев в районах, близких к Имирлеру и Норшунтепе, достаточно подробно описывается аккадскими текстами начиная с 670-х гг. до н. э. Согласно «анналам» Асархаддона, в 679/8 г. до н. э. киммерийцы, возглавляемые царем Теушпой, были разгромлены ассирийцами в табальской области Хубушна, видимо, к юго-западу от Норшунтепе. Ряд запросов к оракулу бога Шамаша сообщает об активной деятельности киммерийцев в 678–675 гг. до н. э. в Мелиде, районе, непосредственно прилегающем к Норшунтепе. Около того же времени датируется и запрос к оракулу SAA 4, 1, который упоминает о совместных действиях киммерийцев и мушков, т. е.

⁷⁷ Ivantchik 1993, 26–28; Иванчик 1996, 28–34.

⁷⁸ Есаян, Погребова 1985, 20. Сводку таких памятников см. Там же, 21–37.

⁷⁹ Совершенно безосновательны попытки Г. Н. Курочкина (1994, 119–120) приписать анатолийские кочевнические памятники не киммерийцам, а скифам эпохи их «владычества над Азией» и датировать их в соответствии с этим предполо-

жением второй половиной VII в. до н. э. Автор игнорирует археологические даты анатолийских находок, которые в ряде случаев недвусмысленно указывают на первую половину VII в. до н. э. Кроме того, и сами рассуждения автора о «скифском владычестве» основаны на некритическом доверии рассказу Геродота, которое в настоящее время выглядит настоящим анахронизмом (ср. о «скифском владычестве» Ivantchik, 1999).

фригийцев, видимо, в районе недалеко от Имирлера. Присутствие киммерийцев во Фригии и соседней с ней Вифинии вполне достоверно фиксируется и достаточно многочисленными античными источниками, по меньшей мере частично восходящими к местной устной традиции (Strabo I, 34,21; Eustath. Ad Od. XI, 14; Steph. Byz. s. v. Συνασσός; Arr. Bith.: FGrHist 156, F76, ср. F 60; Schol. Apoll. Rhod. I, 1126, ср. II, 140a, 723, 780/83a; Heracl. Pont. Fr. 129 Wehrli). Несколько более поздним временем, чем сообщения о действиях киммерийцев в Мелиде, датируется запрос SAA 4, 18, который сообщает о возможности совместных действий киммерийцев и урартов против ассирийцев в Шубрии, районе, расположенном к востоку от Норшунтепе. Кстати, Муш, где был найден биметаллический клевец, предположительно определяемый как киммерийский, располагается в той же области. Ассирийские источники эпохи правления Ашшурбанипала также сообщают об активных действиях киммерийцев в Малой Азии — от Лидии на западе до Киликии и западных границ Ассирии на востоке⁸⁰.

Итак, кочевнические погребения в Имирлере и Норшунтепе могут быть идентифицированы как киммерийские. В полном соответствии с косвенными данными аккадских текстов киммерийцы принадлежат к той же археологической культуре, что и ранние скифы, возможно с незначительными локальными особенностями. Культура малоазийских киммерийцев может быть точнее определена как келермесский этап «раннескифской» культуры. Видимо, ее известные памятники ненамного более ранние, чем Келермесские курганы Веселовского. Письменные и археологические источники позволяют датировать эту культуру временем между началом 70-х и началом 30-х годов VII в. до н. э. Не исключено и некоторое расширение датировок в обе стороны. Так, возможно омоложение верхней границы датировки (но не для комплексов из Норшунтепе, относимых по условиям находки к первой половине VII в. до н. э.), поскольку отсутствие упоминаний киммерийцев в аккадских текстах после 639 г. до н. э. может объясняться не исчезновением самого народа с исторической сцены, а бедностью и отрывочностью самих источников этого периода. Более того, античной традиции известно о пребывании киммерийцев в Малой Азии еще в период правления лидийского царя Алиатта, которому приписывается их окончательное изгнание (Herod. I, 16; Polyae. VII, 2, 1). Ясно, однако, что до тех пор, пока в Малой Азии не будут найдены предметы предкелермесского, жаботинского, этапа раннескифской культуры (такие находки и вообще отсутствуют в Передней Азии), начало келермесского этапа можно датировать временем не позже начала 670-х гг. до н. э., а скорее всего и раньше (ср. ниже)⁸¹.

⁸⁰ Анализ названных текстов см. Ivantchik 1993, 57–76, 95–125; Иванчик 1996, 77–79, 100–131.

⁸¹ Ср. хронологию раннескифской культуры, предложенную И. Н. Медведской (1992, 86–107).

Отдельные находки «скифского» типа в Малой Азии

Названными памятниками исчерпывается список кочевнических комплексов на несомненно киммерийской территории. Остальные памятники такого рода или происходят из районов, где письменные источники фиксируют одновременное пребывание киммерийцев и скифов (территории Маны и Мидии), или являются изолированными находками вне комплексов. Эти находки подтверждают сделанный на основе изучения погребальных комплексов вывод о принадлежности исторических киммерийцев с археологической точки зрения «раннескифской» культуре, а точнее ее келермесскому этапу, а также датировку этой культуры. В малоазийских памятниках, в том числе в тех городах, которые были, согласно письменным источникам, разрушены киммерийцами, обнаружено значительное количество предметов скифского облика.

Наиболее многочисленной категорией подобных находок, являются, пожалуй, наконечники стрел. Наконечники стрел «скифского» типа как в Малой Азии, так и в других районах (Греции, Сирии и Палестине, Месопотамии, Иране и др.) обнаружены чуть ли не на всех исследованных поселениях¹. Однако эти находки практически ничего не дают для наших целей, поскольку «скифские» стрелы были достаточно быстро приняты на вооружение народами Переднего Востока и использовались повсеместно, так что их находка в том или ином месте не может служить свидетельством реального пребывания там скифов или киммерийцев². В связи с этим характерна, например, ситуация, раскрытая при раскопках Смирны. Во время осады города лидийцами около 600 г. до н. э. его защитники пользовались стрелами с двухлопастными наконечниками «скифского» облика, часто с боковым шипом, а нападавшие лидийцы — трехлопастными, «скифскими» же, наконечниками³. Можно упомянуть также находку нескольких тысяч (почти все трехлопастные) наконечников стрел «скифского» типа в Персеполе⁴. С реальными номадами, пожалуй, могут быть сопоставлены лишь самые ранние образцы таких стрел из Малой Азии, датируемые второй четвертью — серединой VII в. до н. э. Несмотря на то, что киммерийцы, видимо, находились там и позже, принесенные ими наконечники стрел «скифского» типа в это время уже достаточно широко использовались и другими народами.

¹ Сводку находок см. Sulimirski 1954, 282–318; Boehmer 1972, 111–115; ср. также Cleuziou 1977, 187–199; Muscarella 1988, 107–108; Ökse 1994, 24–32.

² Попытки использовать такие находки как прямые свидетельства пребывания скифов или киммерийцев в том или ином месте иногда встречаются до сих пор, ср. например Yamauchi 1982, 97–99; Yamauchi 1983, 94–95. В этой работе находка нескольких стрел «скифского» типа в Иерусалиме, в контексте, связанном с его осадой вавилонянами в 586 г.

до н. э., используется как свидетельство того, что «скифские наемники» служили в войске Навуходоносора и даже были его авангардом. Такое толкование находок этих стрел, как и другие подобные построения, не выдерживает никакой критики: стрелы «скифского» типа в конце VII — начале VI в. до н. э. были распространены в Передней Азии повсеместно и использовались, конечно, и нововавилонскими лучниками.

³ Nicholls 1958/1959, 128–134.

⁴ Schmidt 1957, 99, Tab. IX, 76.

1.3.1 «СКИФСКИЕ» НАХОДКИ ИЗ КАРМИР-БЛУРА И ДРУГИХ УРАРТСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Сосуществование в комплексе Норшунтепе «раннескифских» вещей с урартскими свидетельствует о достаточно интенсивном культурном взаимодействии киммерийцев, принадлежавших археологически раннескифской культуре, с их соседями урартами, что привело к заимствованию ими некоторых элементов урартской материальной культуры. Очевидно, заимствование шло и в обратном направлении, ярким свидетельством чего служат находки на Кармир-Блуре.

Крепость Тейшебаини (Кармир-Блур) была построена урартским царем Русой II примерно одновременно с находящейся южнее крепостью Бастам. Обе они были разрушены приблизительно в одно время и более не восстанавливались. Долгое время гибель Кармир-Блура датировали началом VI в. до н. э. Главным основанием такой датировки было предположение о том, что эта крепость погибла одновременно с урартским государством. Последнее событие датировалось в первую очередь на основании упоминания названия Урарту в вавилонской хронике Набопаласара под 609/8 г. до н. э.⁵ и в пророчествах Иеремии (51, 27–28) 594 г. до н. э. Предполагалось, что Урарту не могло быть уничтожено ранее этих дат⁶. Данная датировка была подтверждена реконструкцией правления нескольких царей между последним известным урартским царем Сардури III, упомянутым в ассирийских «анналах» редакции А (цилиндр Рассама), видимо, составленных в 643/2 г. до н. э., и предполагаемой датой падения Урарту. Тезис о существовании этих дополнительных царей, не засвидетельствованных ни в одной официальной надписи, обосновывался упоминанием ряда типичных для урартского царствующего дома имен, явно не принадлежавших известным царям, в надписях на печатях и предметах. Совокупное правление этих дополнительных урартских царей должно было заполнить не менее чем пятидесятилетний промежуток, отделяющий последнее достоверное упоминание урартского царя от предполагаемой даты уничтожения урартского царства⁷. Датировка падения урартского царства и разрушения Тейшебаини началом VI в. до н. э. долгое время была общепринятой. В свою очередь, она была главной опорой для определения хронологии раннескифской культуры, поскольку давала чуть ли не единственную абсолютную дату раннескифских вещей, позволяя привязать датировку скифской археологической культуры к ближневосточной хронологии. По существу, именно на датировках скифских вещей из Кармир-Блура и строились в первую очередь хронология как самой раннескифской культуры, так и ее появления в причерноморских степях.

В последнее время, однако, новые данные заставили серьезно усомниться в правильности традиционной даты гибели Тейшебаини и Урарту в целом. Раскопки урартской крепости Бастам, проводившиеся немецкой экспедицией, позволили установить время ее разрушения. Здесь был обнаружен склад продовольственных припасов, среди которых находилось около 1200 булл, содержащих имена урартского царя Русы II и нескольких принцев⁸. Склад сгорел в момент гибели крепости. Эта находка позволяет относить гибель Бастама ко времени правления Русы II и датировать ее самое позднее серединой VII в. до н. э. Однако еще важнее другой вывод. Как уже указывалось, большая часть обнаруженных в Бастаме булл являются царскими печатями Русы II с характерными именно царскими атрибутами. Наряду с ними в том же складе обнаружены, очевидно, одновременные им печати нескольких принадлежавших к царскому дому принцев, занимавших достаточно высокие посты в государственной администрации. Часть принцев может быть идентифицирована с теми персонажами, которых предлагалось считать «дополнительными» урартскими царями⁹. Таким образом, по крайней мере часть тех членов урартского правящего дома, которые ранее считались царями, в действительности были только принцами и по большей части современниками, а не следовали друг за другом.

⁵ Grayson 1975, 96, Chr. 3: 72; Chr. 4: 3.

145–154.

⁶ Дьяконов 1951, 32–34; Пиотровский 1959, 116.

⁹ Kroll 1984, 151–170, особ. 161–164, ср. Медведская 1992,

⁷ УПД, 29.

100–101.

⁸ Публикацию печатей см. Seidl 1979, 137–149; Seidl 1988,

В результате отпадает главный аргумент в пользу продления существования урартского царства. Из предполагаемых поздних царей достоверно засвидетельствовано лишь правление Русы III, сына Эримены, упомянутого в качестве царя, например, в надписях УКН 287, 292, 293, 295, 296 и 458а. По предположению С. Кроля именно он, а не Руса II, время правления которого, таким образом, сокращается, упомянут в надписях Ашшурбанипала около 655/654 г. до н. э.¹⁰, однако в такой трактовке нельзя быть уверенным. Остальные предполагаемые поздние урартские цари, скорее всего, никогда не правили, а были лишь принцами.

Что касается Сардури, сына Сардури, упомянутого с царским титулом в надписи на обломках бронзового щита из Кармир-Блура (УКН 459), то нет оснований датировать его правление второй половиной VII в. до н. э. Судя по уникальности надписи этого царя, он правил весьма недолго, причем ничто не мешает относить его еще к VIII в. до н. э. Его правление можно поместить, например, между Сардури II и Русой I, приход которого к власти, как известно, был связан с некой смутой и беспорядками. Неисключено, что Руса I был узурпатором. Предложенная датировка правления Сардури, сына Сардури подтверждается тем, что все обнаруженное на Тейшебаини парадное оружие относится, судя по надписям на нем, ко времени царей VIII в. до н. э. — Менуа, Аргишти I, Сардури II и Русы I. Оружия, принадлежавшего более поздним царям, здесь не обнаружено. Щит Сардури, сына Сардури принадлежит к той же группе находок и, очевидно, должен датироваться тем же временем.

Единственным основанием традиционной даты гибели Урарту остается, таким образом, упоминание этой страны в вавилонских хрониках и пророчествах Иеремии. Однако С. Кроль, а вслед за ним И. Н. Медведская, убедительно показали, что название Урарту в этих источниках используется лишь как географическое понятие, а не политический термин, обозначающий независимое государство, как оно использовалось и позже, в аккадских версиях царских надписей Ахеменидов¹¹. Кроме того, соответствующая фраза в книге Иеремии может быть лишь литературным топосом, отражающим реальную ситуацию первой половины VII в. до н. э. и ко времени Иеремии бывшим уже анахронизмом¹².

Кармир-Блур и Бастам, а также ряд других урартских крепостей в этом регионе, входили в единую оборонительную систему, воздвигнутую Русой II для обороны восточных рубежей Урарту. Видимо, они погибли также примерно одновременно¹³. Раскопки Бастама позволяют датировать разрушение этих крепостей правлением Русы II, т. е. того же царя, который их построил¹⁴. Скорее всего, это событие приходится на 650-е гг., т. е. крепости Бастам и, возможно, Тейшебаини существовали не более двадцати лет. Даже если предполагать, что Кармир-Блур погиб позже Бастама¹⁵, два события не могли быть

¹⁰ Kroll 1984, 163.

¹¹ Kroll 1984, 166–167; Медведская 1992, 100–102. К этой точке зрения присоединился в последнее время И. М. Дьяконов (1994, 115), который полагает, что Урарту в пророчестве Иеремии обозначает уже подчиненную Мидии территорию (вассальное царство). При этом он отмечает, что употребленный в данном случае термин *urartu* не обязательно указывает именно на царство, но может обозначать всякое государственное образование, например номы Египта (Is. 19, 2). Речь, таким образом, может идти лишь о некоей административной единице в составе Мидии, точный статус которой текст Иеремии определить не позволяет. Ср. также Медведская 1994, 132. Близкую точку зрения высказывает и Э. А. Грантовский (1994, 45), который тем не менее поддерживает здесь традиционное мнение о датировке гибели Урарту. Однако, если у Иеремии Урарту обозначает какую-то территорию в составе Мидии, то этот текст не может использоваться для поздней датировки гибели Урарту, поскольку отражает ситуацию уже после этого события.

¹² Zawadzki 1988, 151–152. Это предположение, впрочем, необязательно; ср. аргументы против него Дьяконов 1994, 115.

¹³ Kroll 1976, 175; ср. Медведская 1992, 100–103.

¹⁴ Находки на Кармир-Блуре писем с печатями Сардури, сына Русы (УПД 1, 2 = УКН 333, 455), который, видимо, идентичен царю Сардури III, не могут датировать гибель крепости, поскольку были составлены, видимо, когда он еще был царевичем.

¹⁵ Д. С. Раевский (1993, 82–83) и М. Н. Погребова (1993, 87–88) отстаивают традиционную датировку гибели Кармир-Блура, не приводя никаких новых аргументов в ее пользу и не замечая того, что те аргументы, на которых она строилась в свое время, более не действительны. Они ограничиваются по существу лишь предположениями о том, что город мог существовать и после общей гибели Урарту. В одной из своих недавних работ И. М. Дьяконов (1994, 114–115) также полагает, что Кармир-Блур пережил Бастам и царствование Русы II, однако согласен при этом, что Тейшебаини, как и Бастам, существовало в течение жизни одного поколения.

разделены значительным промежутком времени. Ссылки на присутствие в слоях Кармир-Блур вещей, типичных для памятников VII–VI вв. до н. э.¹⁶, ничего не доказывают, поскольку абсолютные датировки этих памятников строились в значительной степени на датировках Кармир-Блур. Налицо, таким образом, замкнутый круг.

Как уже говорилось, находки так называемых скифских вещей на Кармир-Блуре свидетельствуют об определенном влиянии материальной культуры кочевников, скорее всего киммерийцев, на урартское население, во всяком случае на население урартской периферии. Археологический контекст свидетельствует о том, что гарнизон Тейшебаини использовал некоторые «раннескифские» (киммерийские) предметы или предметы, их копирующие, хотя вряд ли в этом случае может идти речь о скифском (киммерийском) гарнизоне, как полагает А. Ю. Алексеев¹⁷. Так, в кладовых Тейшебаини обнаружены бронзовые наконечники стрел скифского типа, принятые урартами на вооружение наряду с их традиционными железными черенковыми наконечниками (*Рис. 12, 19*)¹⁸. Кроме стрел, в цитадели найден уже упоминавшийся длинный акинак раннескифского типа (длина 88 см) и несколько фрагментов мечей и кинжалов скифского облика, а также костяной наконечник ножен в виде свернувшегося животного (*Рис. 14, 4, 15, 16*)¹⁹. Особенно интересно, что на Кармир-Блуре обнаружены не только готовые предметы в зверином стиле, но и следы их производства. В так называемой «комнате привратника» найдены заготовки из оленьего рога, сделанная из кости рукоять ножа и вырезанная из кости головка грифобарана²⁰. В других местах обнаружено еще пять костяных головок орла, барана и грифобарана, одна из которых находилась возле распиленных заготовок (*Рис. 14, 5, 6, 10, 11, 13*)²¹. Кроме того, находка двух уздечных наборов «скифского» типа в кладовых крепости (помещения № 18 и 25) свидетельствует, видимо, о том, что урарты могли заимствовать у кочевников не только стрелы, но и конскую упряжь (*Рис. 12, 1–6, 11–18*)²².

Все это показывает, что население периферийной урартской крепости Тейшебаини не только использовало предметы в киммерийско-скифском стиле, но и занималось их изготовлением. Это, в свою очередь, заставляет с осторожностью подходить к изолированным и сделанным вне комплексов находкам стрел «скифского» типа или предметов звериного стиля. Они могут свидетельствовать не только о пребывании скифов или киммерийцев в том или ином месте, но и просто отражать влияние скифской (киммерийской) материальной культуры. Кстати, раскопки того же Кармир-Блур говорят о том, что стрелы скифского типа применялись не только защитниками крепости, но и штурмовавшим ее противником. Кроме того, из раскопок Кармир-Блур происходит еще один уздечный набор скифского облика, который, возможно, принадлежал одной из лошадей нападавших (*Рис. 12, 7–10*)²³. Вооружение и узда «скифского» типа могли, следовательно, в это время применяться различными, в том числе противоборствующими, народами.

Среди прочих находок скифского типа на Кармир-Блуре были обнаружены костяные пластины, украшенные концентрическими кругами и врезными треугольниками и оканчивающиеся изображением копыта, а также изделия с изображением четырехлучевого солярного знака (*Рис. 14, 1, 2*)²⁴. Аналогии орнаменту в виде концентрических кругов известны как в предскифской, так и в начале ранне-

¹⁶ Погребова 1993, 88.

¹⁷ Алексеев 1992, 40.

¹⁸ Пиотровский 1950, 93, рис. 63; Пиотровский 1959, 241. Впрочем, на Аргиштихинили, например, урарты, вероятно, пользовались лишь своими традиционными стрелами, а находки стрел «скифского» типа (двух- и трехлопастных) связываются с врагами, разрушившими крепость: Мартиросян 1974, 171–173, рис. 108. Ср., однако, здесь же находку конского уздечного набора «скифского» типа, видимо, применявшегося жителями города, и матрицы для производства изделий в зверином стиле с изобразительным мотивом, близким

имеющемуся на келермесской секире: Тирацян 1978, 106–114; Есаян, Погребова 1985, 27.

¹⁹ Пиотровский 1959а, 177.

²⁰ Пиотровский 1950, 95–96.

²¹ Пиотровский 1954, 142; Пиотровский 1959, 242.

²² Пиотровский 1950, 92–93, рис. 61, 62; Пиотровский 1954, 142–143; Пиотровский 1959, 242–243.

²³ Пиотровский 1950, 93; Пиотровский 1954, 142–143, рис. 2.

²⁴ Пиотровский 1955, 17–18, 43–46, рис. 9; Ильинская, Тереножкин 1987, 34–35.

скифской культуры, а в виде врезанных треугольников — в памятниках жаботинского периода. Такой орнамент засвидетельствован, например, на костяных псалях из Жаботинского кургана № 2 (Рис. 25, 7, 8)²⁵ и из погребения 106 могильника Самтавро (Рис. 21, 2, 3)²⁶. На основании этих аналогий И. Н. Медведская отнесла их именно к этому, самому раннему, периоду раннескифской культуры. Поскольку эти костяные пластины были обнаружены вместе с царским парадным оружием VIII в. до н. э., которое было перенесено на Тейшебаини при его постройке из соседней крепости Эребуни, она предположила, что пластины первоначально попали на Эребуни около 714 г. до н. э., когда киммерийцы впервые появляются в поле зрения аккадских источников²⁷. Это предположение вполне возможно: в связи с этим следует напомнить, что описанное в ассирийских письмах столкновение урартов с киммерийцами во время неудачного похода Русы I в «страну киммерийцев» (Gimir) произошло в близком районе. Сама «страна Гамир», которая, вероятно, хотя бы на краткое время стала киммерийской базой, локализуется поблизости от крепостей Эребуни и Тейшебаини, к северу от них²⁸. Следует, однако, заметить, что подобные костяные пластины, украшенные врезными треугольниками и завершающиеся изображением конского копыта (очевидно, псалии) встречаются и на памятниках келермесского этапа. Они обнаружены в комплексе кургана 16 могильника Нартан²⁹ вместе с зеркалом с ручкой на обороте, типичным для келермесского этапа, и бронзовыми трехлопастными и двухлопастными наконечниками стрел «келермесского» типа (Рис. 26, 1–9, 25, 28–30). Таким образом, и найденные на Тейшебаини пластины вполне могут датироваться, как и остальные предметы скифского облика в Передней Азии, келермесским периодом.

Кроме Тейшебаини и Аргиштихинили, находки предметов «скифского» облика известны и на других урартских памятниках. Для датировки «келермесского» этапа раннескифской культуры особое значение имеют находки бронзовых двухлопастных стрел «скифского» типа, сделанные при раскопках урартской крепости Бастам. Ее разрушение, как указано выше, надежно датируется серединой VII в. до н. э. Все обнаруженные здесь наконечники стрел этой разновидности принадлежат «келермесскому» типу листовидных наконечников. Часть их, обнаруженная в урартском слое³⁰, благодаря контексту

²⁵ Вязьмитина 1963, 158–170, рис. 2–5; Ильинская 1975, 19, таб. VI, 10, 11; Ильинская, Тереножкин 1987, 234, 239; Kossack 1987, Abb. 10, 14, 15. В. Ю. Зуев (1993, 38–52) предпринял попытку передатировать комплекс второго Жаботинского кургана и отнести его к эпохе более поздней, чем Келермесские курганы. Главным основанием для ранней датировки этого комплекса является находка в нем удила со стремечковидными окончаниями скифского типа совместно с удилами с двукольчатыми окончаниями новочеркасского типа, что и позволяет отнести данный комплекс к эпохе перехода от Новочеркасской к раннескифской культуре. В. Ю. Зуев подвергает сомнению комплексность находки, ссылаясь на невысокое качество документации раскопщика кургана В. В. Хвойко и на то, что в первой публикации отсутствуют рисунки удила, найденных, согласно его сообщению, во втором кургане. Поэтому В. Ю. Зуев считает недостоверным факт находки в погребении удила с двукольчатыми окончаниями. Его аргументация не кажется мне достаточно убедительной. В. В. Хвойко, в самом деле, не приводит рисунка удила в своей публикации, однако он не только сообщает об их находке, но и говорит, что они были сходны по виду с другими удилами, рисунки которых были помещены в том же издании, ссылаясь при этом на изображение удила не только со стремечковидными, но и двукольчатыми окончаниями. В. Ю. Зуеву

приходится отвергать это прямое указание, предполагая здесь ошибку или небрежность автора, для чего, на мой взгляд, нет достаточных оснований. Второй его аргумент (Зуев 1993, 40): отсутствие других комплексов, в которых бы подобные удила встречались вместе, просто неверен. «Новочеркасские» и раннескифские удила обнаружены совместно в размытом кургане в Чишхо (Адыгея): Тов 1989, рис. 3–6, ср. также Полин 1994а, 147. Другие приведенные В. Ю. Зуевым соображения, касающиеся иконографии изображений на роговых псалях, не кажутся мне достаточно вескими для того, чтобы отвергнуть прямые указания раскопщика, касающиеся состава комплекса второго Жаботинского кургана. Мне кажется поэтому, что этот курган можно по-прежнему относить к числу предкелермесских и полагать, что он действительно содержал удила новочеркасского типа.

²⁶ Ильинская, Тереножкин 1987, 28–29, рис. 3; ср. Ильинская 1973, 12.

²⁷ Медведская 1992, 105, прим. 20.

²⁸ Анализ источников см. Ivantchik 1993, 19–55; Иванчик 1996, 21–58.

²⁹ Багчаев 1985, 36–37, табл. 41, 28–30.

³⁰ Kroll 1979, 166, Abb. 16, 30–31, Taf. 51, 1; Kroll 1988, 157, Abb. 2, 3–4.

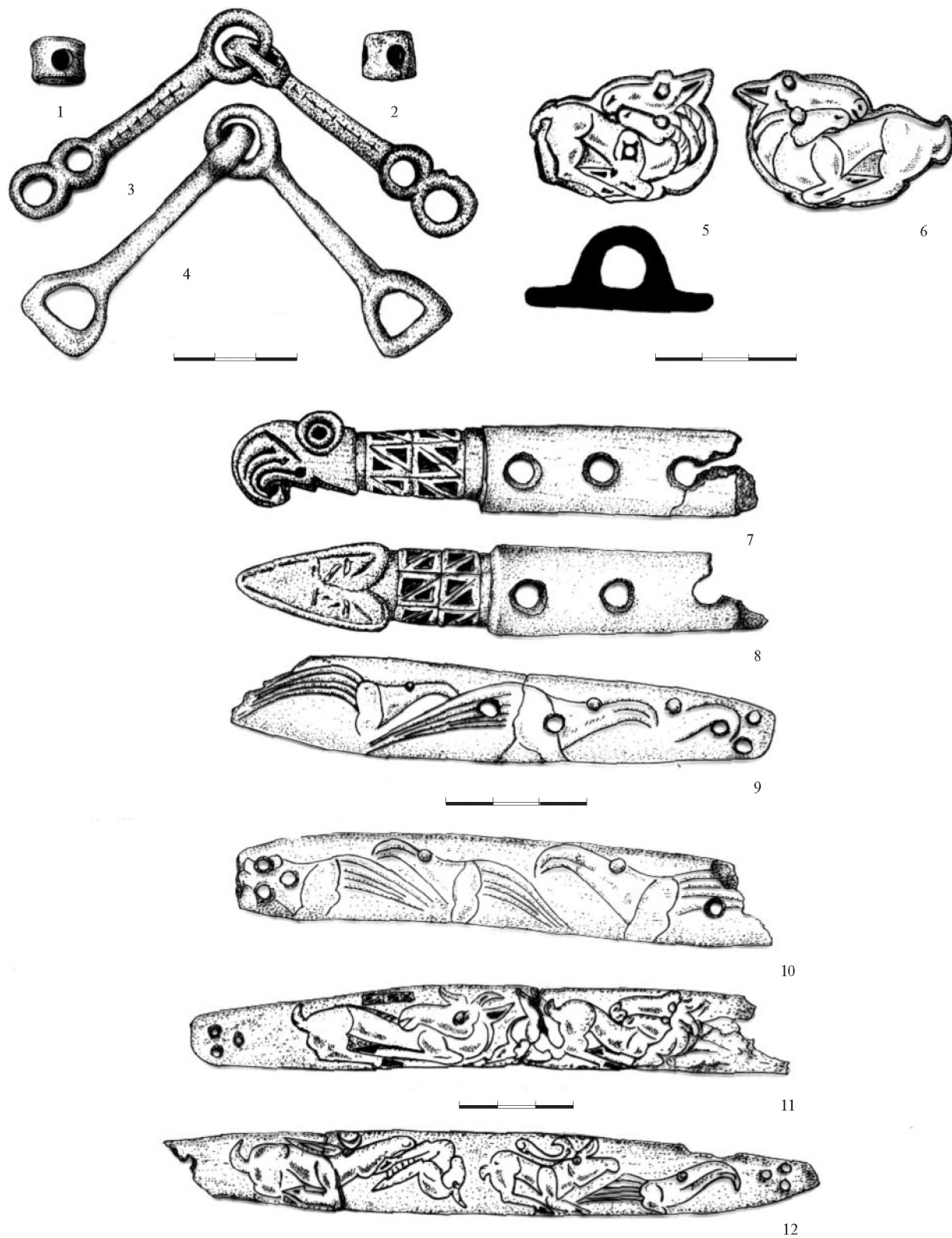

Рис. 25 Инвентарь погребения кургана 2 у с. Жабогин. 1, 2, 5–12 Рог; 3, 4 Бронза
По Вязьмитина 1963, рис. 1–5

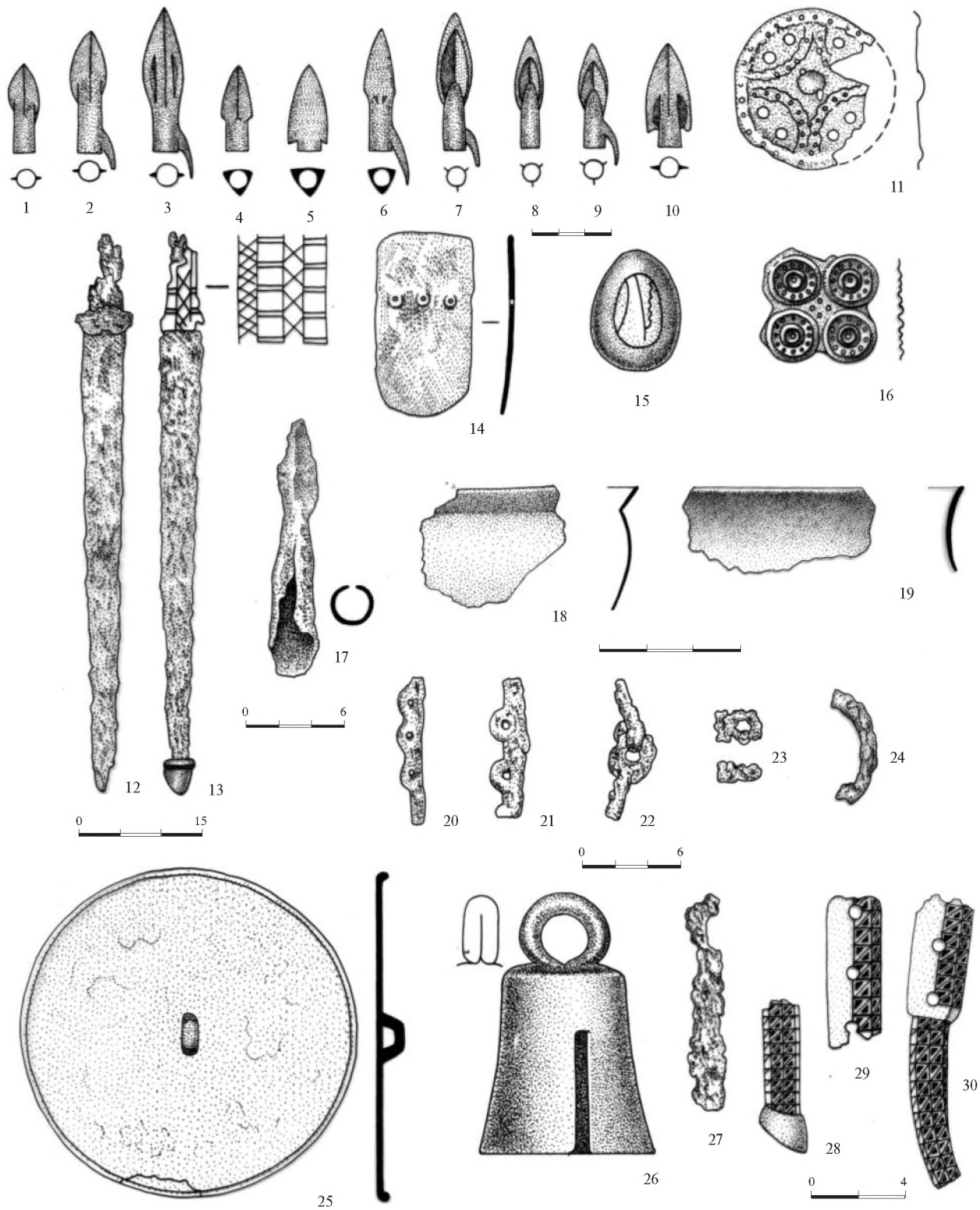

Рис. 26 Инвентарь погребения кургана 16 могильника Нартан.
 1–10, 18, 19, 25, 26. Бронза; 11, 16. Золото; 12, 14, 17, 20–24, 27. Железо; 13. Железо и золото; 15. Раковина каури; 28–30. Кость
 По Багчаев 1985, таб. 41

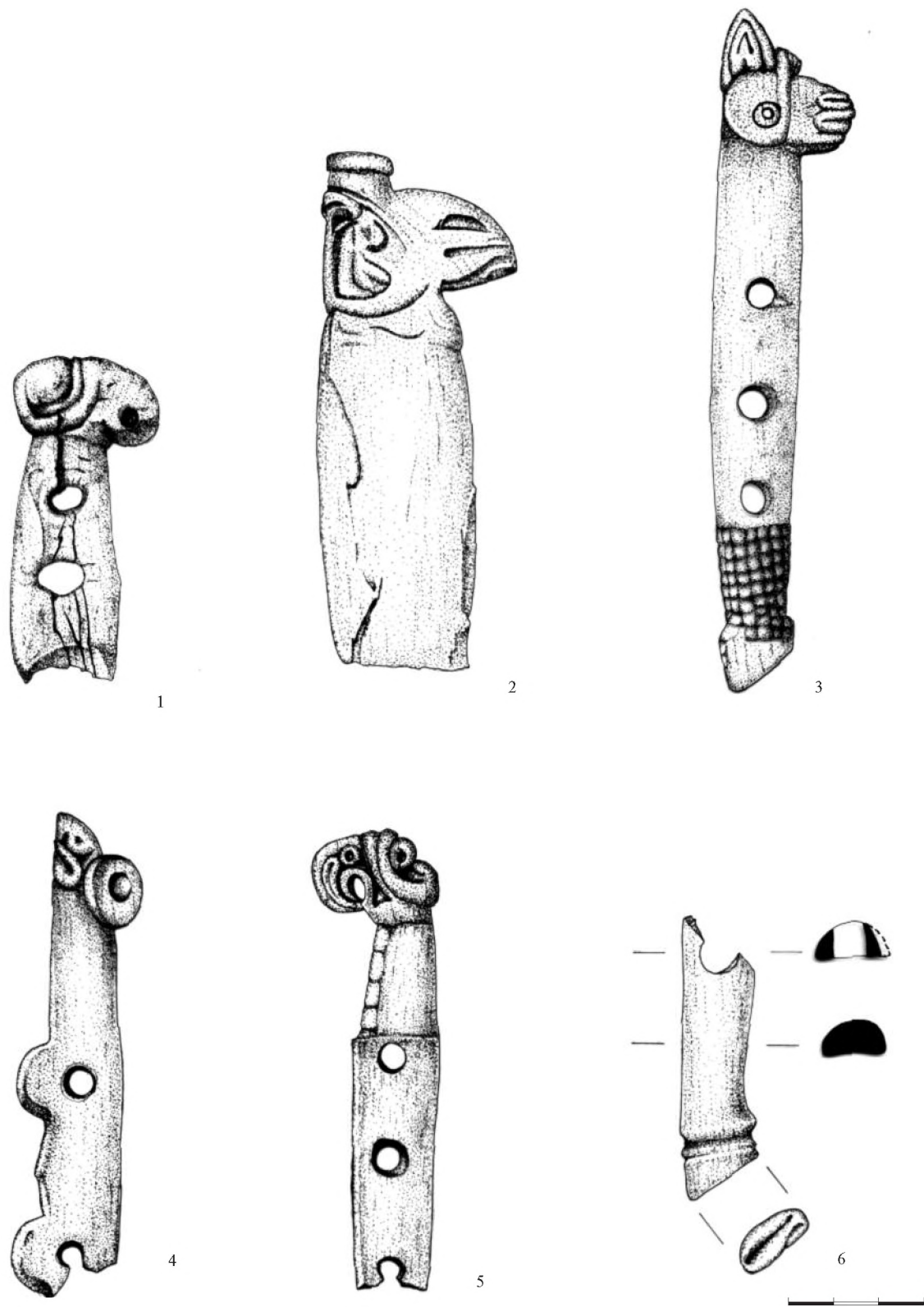

Рис. 27 Костяные псаали «скифского» типа.
 1, 2. Хазанлу III; 3. Капланту; 4–5. Чавуштепе; 6. Нуш-и Джан
 По Hauptmann 1983, Abb. 5, 12–16 (1–5); Curtis 1984, fig. 16, Nr. 431 (6)

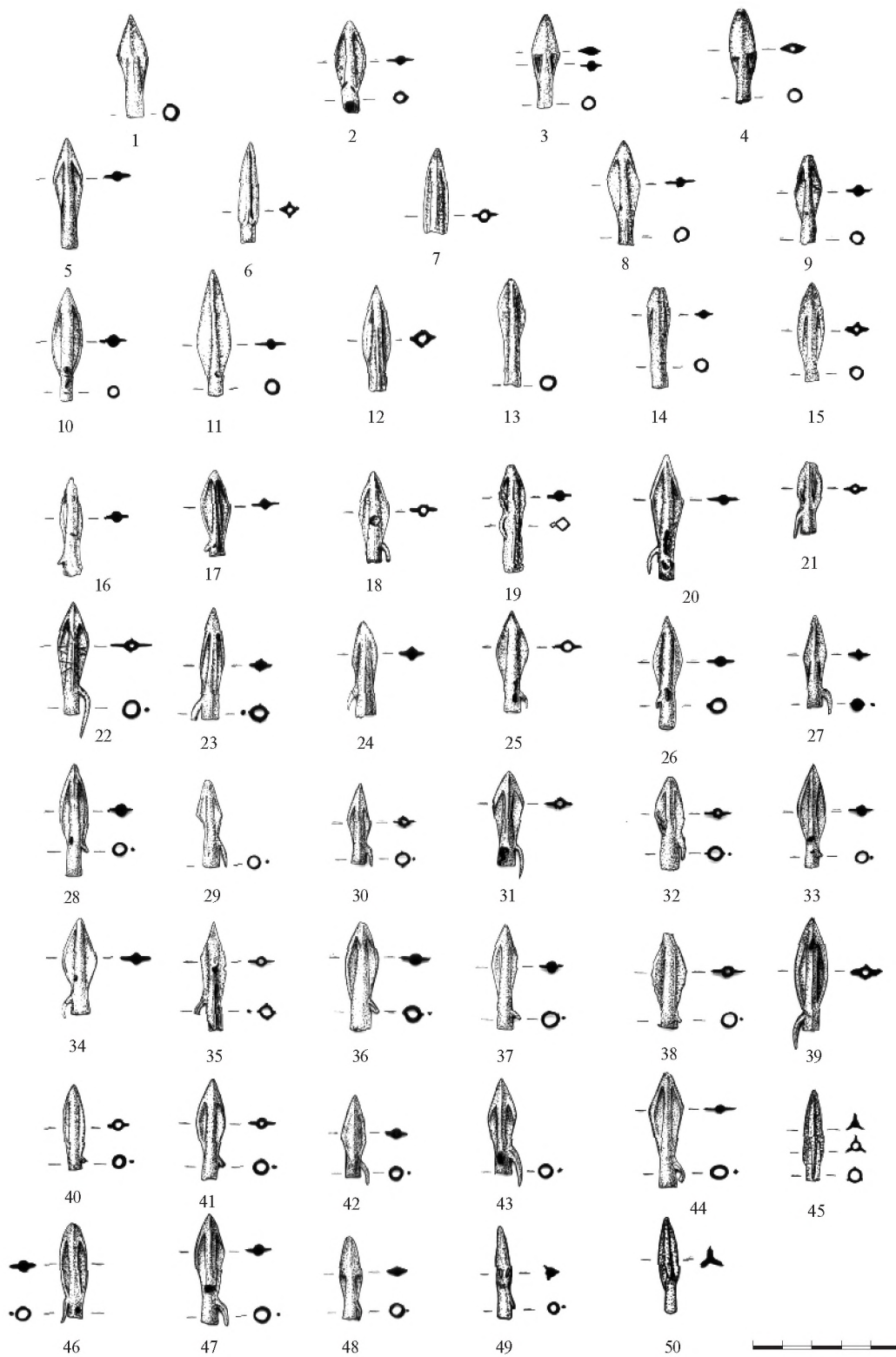

Рис. 28 Бронзовые наконечники стрел из Богазкёя
По Boehmer 1972, Taf. XXX, XXXI

находки уверенно датируется эпохой правления Русы II (около 680–650 гг. до н. э.), когда существовала эта крепость. Применялись ли эти наконечники гарнизоном крепости или ее разрушителями, и кем были эти последние, остается неясным, однако использование «келермесских» стрел в первой половине VII в. до н. э. получает еще одно подтверждение. Остальные находки стрел этого типа на Бастаме происходят из смешанных слоев и могут относиться как к первой половине VII в. до н. э., так и более позднему времени³¹.

Кроме того, следует упомянуть находку трехлопастного наконечника стрелы «скифского» типа при раскопках урартской крепости Каялыдере, расположенной к западу от оз. Ван (*Рис. 30, б*). Здесь этот наконечник был обнаружен в храмовом комплексе³². Автор раскопок склонен датировать разрушение крепости началом VII в. до н. э. Однако, даже если она была разрушена и позже, трудно предполагать, что крепость пережила середину столетия. Эта находка, таким образом, является еще одним свидетельством использования трехлопастных стрел «скифского типа» в первой половине, а возможно и начале VII в. до н. э.

Влияние киммерийской (археологически раннескифской) материальной культуры на военное дело Урарту не ограничивалось лишь периферией, хотя, возможно, и было там сильнее. Так, в урартском городе Чавуштепе, расположенном в центральных районах Урарту неподалеку от столицы Тушпы, обнаружено два костяных псаля с окончаниями в виде головок грифобаранов (*Рис. 27, 4, 5*)³³, достаточно типичных для келермесского этапа раннескифской культуры, а также двух- и трехлопастные наконечники стрел скифского типа³⁴. При раскопках других урартских крепостей, которые проводились в последнее время на территории Турции, регулярно встречаются отдельные наконечники стрел «скифского» типа, зачастую в контексте VII в. до н. э.³⁵ Особенно интересна находка 75 таких наконечников, застрявших в южной стене крепости Аянис Кале, расположенной неподалеку от урартской столицы³⁶. Эти наконечники вне всякого сомнения принадлежали стрелам врагов, штурмовавших крепость и таким образом синхронны ее гибели в середине — второй половине VII в. до н. э.

Находки скифских вещей в Иране, включая Хазанлу (*Рис. 27, 1, 2*) и так называемый «клад из Зивие», принадлежат тому же кругу, что и рассмотренные предметы, обнаруженные на «киммерийских» территориях в Передней Азии. Однако поскольку письменные источники фиксируют здесь одновременное пребывание и киммерийцев, и скифов, то выяснить, какому из двух народов принадлежат эти памятники, не представляется возможным.

1.3.2 «СКИФСКИЕ» НАХОДКИ VII В. ДО Н. Э. В АНАТОЛИИ И ПАЛЕСТИНЕ

Среди анатолийских находок «скифских» предметов особое значение имеют 50 наконечников стрел этого типа, обнаруженных в Богазкёе (*Рис. 28*). Три из них трехлопастные, около десяти двухлопастные ромбические «жаботинского» типа, а большинство листовидные³⁷. Это соотношение почти

³¹ Kroll 1979, 154, 158, 162, 164, Abb. 3, 1–2; 10, 8; 15, 1; 16, 30–32, Taf. 51, 2–4; Kroll 1988, 160, Abb. 3, 3–4.

³² Burney 1966, 79, fig. 21, 10.

³³ Erzen 1978, 56, Abb. 41, Taf. 47 a,b; Kossack 1987, Abb. 10, 2,3.

³⁴ Erzen 1978, 53, Abb. 38.

³⁵ См. например Имамоглу Хуюк (район Малатьи): Uzunoğlu 1988, 72, Abb. 4; Юкары Анзаф Кале (окрестности Вана): Belli, Yalçın 1993, 57, Zeichn. 6 b, Abb. 1, 2; Ван Кале: Tarhan, Sevin 1990, 438, Abb. 22, 8; Tarhan 1993, 282, ср. также много-

численные находки наконечников стрел скифского типа и клювовидной уздечной пронизи в слоях Па и Пб фригийской крепости Каман-Кале Хуюк, находящейся в 100 км от Анкары. К сожалению, этот слой имеет достаточно широкую дату. См. ежегодные отчеты о раскопках С. Омур в Казы Сонулаги Топлантиси 10–16, 1988–1994. Благодарю Х. Хауптманна, указавшего мне на эти публикации.

³⁶ Çilingiroğlu 1990, 203.

³⁷ Boehmer 1972, 109–111, Taf. XXX; XXXI.

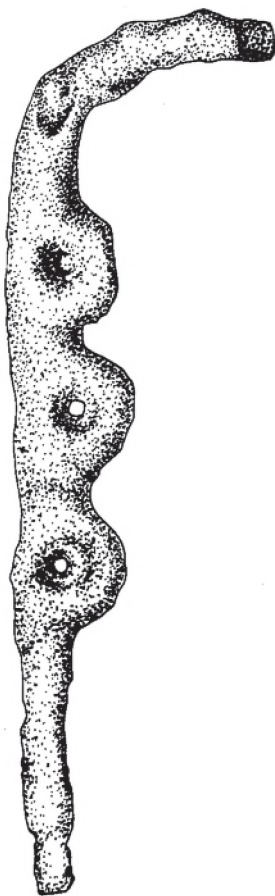

Рис. 29 Трехпестельчатый железный псалий из Богазкёя
По Boehmer 1972, Taf. LVIII, 1695

точно соответствует соотношению форм в наборах стрел из Имирлера и из окрестностей Амасьи. Главное отличие состоит в появлении, правда, в незначительном количестве, трехлопастных стрел. Это может свидетельствовать о несколько большей древности указанных погребальных комплексов по сравнению с находками в Богазкёе. Следует напомнить в связи с этим, что трехлопастной наконечник стрелы был обнаружен также в разграбленном захоронении в каменно-сырцовом склепе на акрополе Норшунтепе, а также в крепости Каялыдере, относящихся к первой половине VII в. до н. э. (Рис. 30, 6). В связи с датировкой времени появления трехлопастных наконечников стрел «скифского» типа следует упомянуть еще находку четырех подобных наконечников в «мидийском слое» поселения Нуш-и Джан в западном Иране, который относится ко второй половине VIII – первой половине VII в. до н. э. (Рис. 30, 1–4)³⁸. Все эти данные указывают, таким образом, на появление наконечников этого типа уже в пределах первой половины VII в. до н. э.

Большинство наконечников стрел «скифского» типа были найдены на Богазкёе в слое I и лишь отдельные экземпляры в слое II и начале слоя I. Эти слои датируются второй четвертью – серединой VII в. до н. э.³⁹, что полностью соответствует свидетельствам письменных источников об активности киммерийцев в этом регионе в данную эпоху. Можно полагать, что названные находки являются археологическими следами деятельности киммерийцев — независимо от того, принадлежали ли снабженные ими стрелы самим киммерийцам (что наиболее вероятно), или были местными подражаниями. Это, в свою очередь, подтверждает тезис о том, что киммерийцы с археологической точки зрения относились к раннескифской культуре келермесского периода.

В том же первом слое Богазкёя был найден также железный трехпестельчатый псалий (Рис. 29)⁴⁰. Подобные псалии широко распространены в раннескифских памятниках: они найдены, например, в Келермесских курганах Веселовского 1 и 2⁴¹, в курганах Старшая могила⁴², Солодка 1 и 2⁴³, Аксютинцы 6 (1886 г.)⁴⁴ и мно-

гих других. Датировка железного псалия из Богазкёя второй четвертью – серединой VII в. до н. э. позволяет связывать его, как и наконечники стрел из того же слоя, с киммерийцами.

Еще одна хорошо датированная находка раннего «скифского» наконечника стрелы (двухлопастной ромбовидный) была сделана в третьем фригийском слое (финальная фаза) Машат Хуюка в центральной Анатолии (Рис. 30, 5)⁴⁵. По условиям находки наконечник датируется началом, самое позднее первой половиной VII в. до н. э. Найденный здесь наконечник стрелы, таким образом, также может быть соотнесен с киммерийцами.

³⁸ Curtis 1984, 22, 27–28, fig. 6, Nr. 259–262.

³⁹ Boehmer 1972, 111.

⁴⁰ Boehmer 1972, 162, Taf. LVIII, Nr. 1695.

⁴¹ Галанина 1983, таб. 5, 5,7; 6, 6,7; 7, 1,8,9,10; 9, 21,22,35,36 и др. = Galanina 1985, Taf. 5, 5,7; 6, 6,7; 7, 1,8,9,10; 9, 21,22,35, 36 и др.; Галанина / Galanina 1997, 120–121, Taf. 17, 86; 18, 113; 19, 127,141,142; 20, 160,243; 22, 274,278; 23, 284; 24, 401,414; 25, 338,346,372 и др.

⁴² Ильинская 1968, таб. IV, 1.

⁴³ Ильинская 1968, таб. XII, 5,20.

⁴⁴ Ильинская 1968, таб. XVIII, 13.

⁴⁵ Özgüç 1982, 137, pl. 62, 10. Второй обнаруженный здесь наконечник «скифского» типа найден во втором фригийском слое и датируется второй половиной VII – серединой V вв. до н. э.

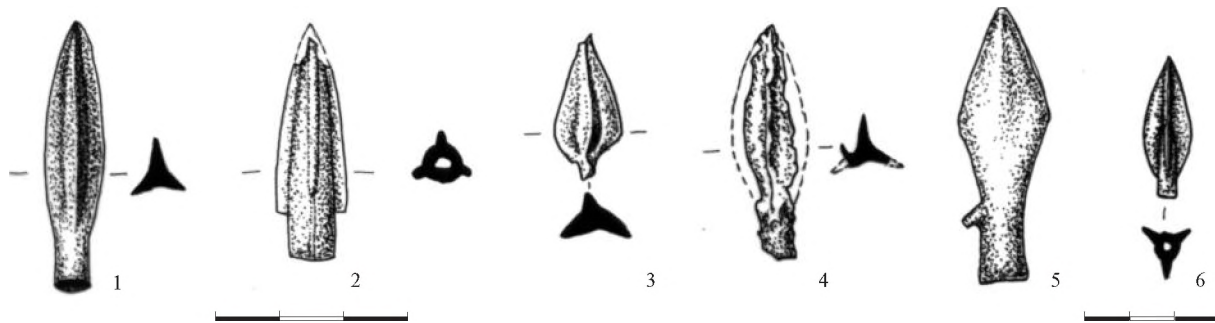

Рис. 30 Бронзовые наконечники стрел.

1–4. Нуш-и Джан; 5. Машат Хуюк; 6. Каялдыере

По Curtis 1984, fig. 6, Nr. 259–262 (1–4); Özgüç 1982, pl. 62, 10 (5); Burney 1966, 79, fig. 21, 10 (6)

Как уже указывалось, с реальными номадами могут связываться лишь самые ранние находки в Анатолии наконечников стрел «скифского» типа, которые датируются не позже середины VII в. до н. э. К сожалению, они датированы столь точно крайне редко. В большинстве случаев не удается точно определить их время и для наконечников часто принимается суммарная дата VII–V вв. до н. э. В этом отношении весьма характерно высказывание автора раскопок в Сардах Дж. Ханфманна⁴⁶: «Наиболее вероятно, что они (наконечники стрел) являются свидетельством персидской атаки во время последнего сопротивления Креза в 547 г. до н. э., однако не исключены ни киммерийские штурмы в VII в. до н. э., ни ионийское нападение в 499 г. до н. э.» На других малоазийских поселениях картина аналогичная, хотя те или иные фиксируемые на них слои разрушения часто с большим или меньшим основанием приписывают киммерийскому вторжению.

Так, слой пожара Гордиона связывается с вторжением киммерийцев⁴⁷ на том основании, что в перекрывающем его слое, предшествовавшем ахеменидским напластованиям, были обнаружены фрагменты керамики первой половины – середины VII в. до н. э. Однако находки «скифских» стрел здесь или плохо стратифицированы, или относятся к персидской эпохе⁴⁸. Каких-либо несомненных материальных следов пребывания киммерийцев в Гордионе не обнаружено⁴⁹. Идентификация же слоя пожара с нашествием киммерийцев строится исключительно на соображениях историко-хронологического характера. Однако если изменится датировка этого слоя, то данное разрушение более не сможет приписываться нашествию киммерийцев и его придется связывать с каким-то другим событием⁵⁰.

Безусловно ошибочна попытка связать с киммерийцами находки двухлопастных втульчатых наконечников стрел в «Городе Мидаса» (Cité de Midas)⁵¹. Эти наконечники происходят из слоя V–IV вв. до н. э. («notre ville»)⁵² и, следовательно, датируются на два века позже, чем пребывание киммерийцев в Малой Азии.

С киммерийским вторжением связывались и находки «скифских» стрел во фригийских слоях Алишара. Как отмечали авторы раскопок, такие наконечники появляются в IV слое Алишара и в большом числе встречаются в V слое⁵³. Однако эта информация мало что дает — первоначально IV слой датировался временем около 1400–1200 гг. до н. э. (хеттский период), а в V слой включались все куль-

⁴⁶ Hanfmann 1961, 36.

⁴⁷ Ср. Edwards 1959, 263–264; Young 1960, 243; McClellan 1975, 114–115; DeVries 1990, 388–389; Voigt 1994, 272–273.

⁴⁸ Young 1953, 164–165, fig. 10, с датировкой комплекса сгоревшего здания, в котором найдены наконечники, серединой VI в. до н. э.

⁴⁹ Ср. Young 1964, 55–56.

⁵⁰ Ср. обсуждение датировки этого слоя и возможности его удревнения Voigt, Young 1999, 201, 202, n. 4.

⁵¹ Махортых 1994, 30.

⁵² Haspels 1951, 3–5 (датировка), 97, pl. 42, a, b.

⁵³ Schmidt 1932, 264–265, fig. 348; Schmidt, Krogman 1933, 66, fig. 89; von der Osten 1937, 287, 441, fig. 496 (первый ряд, второй ряд справа); von der Osten 1937, 110, fig. 107.

турные остатки от падения хеттского царства до эллинизма⁵⁴. Впоследствии, однако, эти датировки были пересмотрены: выяснилось, что IV слой относится к «постхеттскому и фригийскому» периоду, а V слой был условно назван «слой второй половины I тыс. до н. э.», причем в него были включены культурные напластования начиная примерно с VII в. до н. э. до эллинизма включительно⁵⁵. Как видим, это уточнение дает немного. Граница между двумя слоями была помещена в пределах VII в. до н. э. и связана с нашествием киммерийцев, на основании чего ее отнесли к началу века. Однако по существу она осталась неопределенной, поскольку разграничение и датировка слоев в значительной степени опирались не на собственно археологические данные, а на интерпретации исторического характера. Следует учитывать и то обстоятельство, что немногочисленные находки «скифских» стрел в IV слое, датированном XII–VII вв. до н. э., могли попасть туда и в результате нарушений, не зафиксированных авторами раскопок, методы которых были далеки от совершенства. Итак, находки стрел скифского типа в Алишаре не дают практически никакой информации по киммерийской проблеме. Нельзя исключать того, что самые ранние экземпляры наконечников этих стрел связаны с деятельностью киммерийцев, однако отделить эти наконечники от более поздних, применявшихся чуть не всеми армиями того периода, не представляется возможным.

Ничуть не лучше ситуация в киликийском городе Тарсе, в окрестностях которого активная деятельность киммерийцев также надежно фиксируется письменными источниками. Согласно данным аккадских текстов, киммерийцы действовали в этом районе, часто в союзе с местными царствами Хилакку и Табал, по меньшей мере с 70-х до начала 30-х гг. VII в. до н. э., когда упоминания о них вообще исчезают из клинописных текстов. Скудные данные киммерийской ономастики также, возможно, свидетельствуют об особых связях киммерийцев с Киликией⁵⁶. Античная традиция также знала о киммерийском пребывании в Киликии — именно в этих местах Страбон справедливо локализует гибель киммерийского царя Лигдамиса (I, 3,21). Поэтому было бы логично ожидать открытия материальных следов пребывания киммерийцев в данном районе. Действительно, в Тарсе обнаружены наконечники стрел «скифского» типа. Их распределение по слоям следующее: «раннее железо» (около 1100–850 гг. до н. э.) — 2, «среднее железо» (около 870–700 гг. до н. э.) — 5, «ассирийский период» (около 700–600 гг. до н. э.) — 7, «архаический период» (около 600–520 гг. до н. э.) — 10, эллинистический период (слой III — начала II в. до н. э.) — 2, не стратифицировано — 2⁵⁷. Очевидно, находки «скифских» стрел в двух нижних слоях объясняются их нарушениями, в результате чего происходило перемещение более поздних материалов в ранние напластования. Что касается находок наконечников в «ассирийском» слое VII в. до н. э., то часть из них может в принципе быть соотнесена с киммерийцами. Однако нет никакой уверенности в том, что речь не идет о результатах механического нарушения культурных слоев, как это имело место с более нижними напластованиями. Кроме того, слишком широкая датировка слоя (весь VII в. до н. э.) затрудняет атрибуцию определенному народу тех наконечников, которые не были перемещены, а изначально принадлежали слою. Речь здесь может идти не только о киммерийцах, но и о любом другом народе, участвовавшем в бурных событиях конца VII в. до н. э., связанных с падением Ассирии (например, о мидийцах или вавилонянах). Кроме того, более чем вероятно, что само население Киликии, долго контактировавшее с киммерийцами и состоявшее с ними в союзнических отношениях, заимствовало киммерийское оружие, как это сделали другие передневозвосточные народы. Материалы Тарса, таким образом, также не дают никакой несомненной информации.

Следует еще упомянуть находки «скифских» наконечников стрел в Самарии, которую Р. Бёмер включил в число тех немногих пунктов, где стрелы скифского облика с уверенностью датируются VII в. до н. э.⁵⁸ (другие пункты: Богазкёй, Кармир-Блур, Зендан-и Сулейман, Ашшур, Кархемиш⁵⁹).

⁵⁴ Schmidt 1932, 25–27; Schmidt, Krogman 1933, 1.

⁵⁵ von der Osten 1937, 448 ff.

⁵⁶ Ivantchik 1993, 114–124; Иванчик 1996, 122–131.

⁵⁷ Goldman 1950, 389, fig. 264, 2; Goldman 1963, 14, 371–374, pl. 174.

⁵⁸ Boehmer 1972, 114.

⁵⁹ Находки наконечников стрел в Ашшуре и Кархемише, также как в ряде других ассирийских городов, судя по всему, являются свидетельствами войны, приведшей к гибели Ассирии. Скифы в этой войне, видимо, не участвовали, а главным

Здесь они обнаружены в основном в пределах восьмого слоя, а также в эллинистических слоях, куда попали в результате нарушений более древних напластований. Кроме того, два наконечника (двухлопастной листовидный и трехлопастной, оба с шипом) обнаружены в по-видимому не нарушенных напластованиях седьмого слоя (№13 и 14), а еще один попал в этот слой в результате нарушения⁶⁰. Датировка двух наконечников стрел скифского типа из Самарии временем VII слоя, судя по всему, достаточно надежна. Сам VII слой связывается с деятельностью нового населения Самарии, поселенного там ассирийским царем Саргоном II около 720 г. до н. э.⁶¹ после депортации еврейского населения города. Его хронологическая граница со следующим, VIII слоем, который датируется VII–VI вв. до н. э., не определена. Ясно лишь, что VII слой не доходит до конца VII в. до н. э., поскольку керамика этого времени, встречающаяся в восьмом слое, в седьмом отсутствует⁶². Итак, два названных наконечника стрел могут быть датированы по условиям их находки концом VIII – около третьей четверти VII в. до н. э. Связывать их напрямую с киммерийцами, по-видимому, невозможно, поскольку письменные источники не содержат никаких свидетельств о проникновении этого народа столь далеко на юг. Естественно, казалось бы, связать эти находки со скифами, которые, согласно сообщениям античных авторов, совершили поход в Палестину вплоть до границ Египта. Поход скифов, однако, трудно точно датировать, поскольку данные античной хронографии по этому поводу крайне ненадежны и сбивчивы, а параллельные источники для ее проверки отсутствуют⁶³. Трудно, однако, себе представить, чтобы этот поход мог произойти в то время, когда Ассирия еще существовала и могла контролировать свою территорию. Наиболее вероятно поэтому, что наконечники стрел из Самарии датируются временем раньше появления скифов в Палестине. Можно предполагать, что они являются одним из ранних свидетельств распространения стрел скифского типа в Переднеазиатском регионе и их использования ближневосточными армиями. В таком случае ранние наконечники стрел из Самарии не имеют прямого отношения ни к киммерийцам, ни к скифам, а должны были использоваться самими самарийскими жителями.

1.3.3 АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ ПОХОДОВ КОЧЕВНИКОВ В ИОНИИ И ЛИДИИ

Перейдем к городам Лидии и Ионии, часть из которых была разрушена киммерийцами⁶⁴. В Милете до сих пор не удается с достаточной уверенностью проследить археологические остатки киммерийского разгрома. Отождествление пожара дома геометрической эпохи, расположенного к востоку от храма Афины, который произошел, видимо, в начале VII в. до н. э., с киммерийским нашествием⁶⁵ чисто умозрительно и не основано ни на каких реальных данных.

Раскопки в Мелии, неподалеку от Паниония на западном побережье Малой Азии, также не дали в этом отношении вполне определенных результатов. Известное письмо Лисимаха к гражданам Самоса (283/2 г. до н. э.) по поводу тяжбы Самоса и Приены о праве владения местечком Батинетида⁶⁶ свидетельствует о том, что киммерийцы во главе с Лигдамисом захватили эту территорию и владели ею

противником ассирийцев были мидийцы, вооруженные луками и стрелами «скифского» типа. См. подробно: Zawadzki 1988. Датировку наконечников стрел из Кархемиша 604 г. до н. э. см. уже Woolley 1921, 125, pl. 22 b. Здесь же найдена форма для отливки подобных стрел, что, очевидно, свидетельствует об их производстве на месте: Woolley 1921, 130–131, pl. 23 b.

⁶⁰ Kenyon 1957a, 452–453, fig. 110, 3–11, 13, 14.

⁶¹ Tadmor 1958, 33–40; ср. Becking 1992.

⁶² Kenyon 1957, 97–98.

⁶³ Ср. Ivantchik, 1999, 497–520.

⁶⁴ Анализ письменных источников см. Ivantchik 1993, 95–126; Иванчик 1996, 100–131.

⁶⁵ Hommel 1959/1960, 39.

⁶⁶ Welles 1966, 46–51, Nr. 7.

несколько (три ?) лет, причем населявшие область греки бежали на острова. Поэтому авторы раскопок атрибутировали два найденных здесь бронзовых наконечника «скифского» типа (двухлопастной и трехлопастной)⁶⁷ киммерийцам. Обнаруженные наконечники застряли в стенах акрополя (Калетепе), куда они могли попасть при разрушении города. В такой интерпретации наконечников стрел нет ничего невозможного, однако следует отметить, что крепость Мелии была восстановлена после киммерийского разгрома и продолжала еще долго оставаться в центре разнообразных вооруженных конфликтов как в VII в. до н. э., так и позже⁶⁸. Поэтому названные стрелы, самостоятельные основания для датировки которых отсутствуют, могли принадлежать и любому другому врагу, например, лидийцам.

Античные источники сообщают, что киммерийцы во главе с Лигдамисом сожгли или пытались сжечь храм Артемиды в Эфесе (Callim. Ad Dian. (III), 251–258; Hesych. s. v. Λύδαμης). Основываясь на этом сообщении, автор первых раскопок храма Артемиды Эфесской полагал, что киммерийцы уничтожили обнаруженный им самый ранний «храм А» и связывал с киммерийским разгромом зафиксированный во время раскопок горелый слой⁶⁹. Сомнения в правильности этой интерпретации высказывались давно⁷⁰, а результаты недавних раскопок Артемисия заставили окончательно от нее отказаться. Прежде всего, более поздние исследования не обнаружили никаких следов разрушения архаического храма войной или пожаром, либо других свидетельств киммерийского вторжения⁷¹. Более того, новые раскопки заставили пересмотреть и историю развития святилища. Согласно этим данным, ранний храм Артемиды (которым был не «храм А», оказавшийся постройкой эпохи Креза) в виде периптера, был построен во второй половине VIII в. до н. э. Он погиб в результате катастрофического наводнения в VII в. до н. э., вскоре был восстановлен и подвергся значительной перестройке лишь после 600 г. до н. э.⁷², т. е. киммерийское нашествие на нем никак не отразилось. Под стереобатом храма Артемиды крезовой постройки действительно прослежен отделенный от него прослойкой песка слой угля и пепла, смешанных с землей. По мнению автора раскопок А. Баммера, неясно, идет ли речь о слое разрушения, или о насыпанном под фундамент крезова храма при его строительстве укрепляющем слое, о котором упоминает Плиний (Plin. N. h. 36, 25), или даже просто об остатках жертвоприношений, не помещенных против обыкновения в ботрос, как это уже было отмечено при раскопках алтаря Артемиды⁷³. Более того, даже если толковать упомянутый слой как свидетельство пожара, неясно с каким вторжением его связывать — киммерийским, или с нападением лидийского царя Алиатта, видимо, в конце VII в. до н. э.⁷⁴ В связи с этим следует отметить, что при раскопках расположенной неподалеку Смирны не обнаружено никаких материальных следов киммерийского разгрома, хотя слой, связанные с разрушением города лидийцами при Алиатте и персами в 545 г. до н. э., фиксируются достаточно отчетливо. Обнаруженные в Смирне наконечники стрел «скифского» типа найдены в слоях 610–545 гг. до н. э. и, очевидно, относятся именно к этим двум событиям⁷⁵. Свидетельства античных авторов об уничтожении киммерийцами храма Артемиды Эфесской остаются, таким образом, без археологических подтверждений. На этом основании нельзя, однако, отказывать им в доверии, поскольку следы киммерийского разгрома могли при последующих перестройках исчезнуть. Впрочем, стоит заметить в связи с этим, что из сообщения Каллимаха неясно, удалось ли Лигдамису осуществить свой нечестивый замысел (из контекста можно понять, что не удалось). Прямо на уничтожение

⁶⁷ Kleiner, Hommel, Müller-Wiener 1967, 135–138.

⁶⁸ Kleiner, Hommel, Müller-Wiener 1967, 95–96.

⁶⁹ Hogarth 1908, 239, 245.

⁷⁰ Историю вопроса см. Atzinger 1970, 1654–1657; Bammer 1983/4, 92–94; Bammer, Muss 1996, 33–38.

⁷¹ Bammer 1983/4, 94; Bammer 1984, 74; Bammer 1988, 213; Bammer 1991, 75, ср. Brein 1978, 722–723. В последней публикации (Bammer, Muss 1996, 32) А. Баммер подтверждает отсутствие каких-либо следов пожара VII в. до н. э. в центральной части святилища, однако упоминает наличие горе-

лого слоя примерно 650/40 гг. до н. э. в восточной части храмового двора. Если это действительно следы пожара (что нуждается в дополнительном подтверждении), то оно может быть связано с киммерийским вторжением.

⁷² Bammer 1988b, 1–31; Bammer 1990, 137–160; Bammer 1991, 63–83; Bammer 1993, 137–161; Bammer, Muss 1996, 33–38.

⁷³ Bammer 1978, 517–521; Bammer 1973/1974, 57–58.

⁷⁴ Veters 1989, 88.

⁷⁵ Nicholls 1958/59, 128–134; Akurgal 1983, 54, 72–76, Taf. N, 3.

храма Артемиды Лигдамисом указывает лишь Гесихий, автор поздний, но опирающийся на эллинистические источники.

Несколько отличная ситуация фиксируется при раскопках Сард. Несмотря на то, что здесь было найдено достаточно большое количество наконечников стрел «скифского» типа⁷⁶, эти находки, как уже указывалось, плохо стратифицированы и их связь с тем или иным историческим событием остается неясной. В то же время слой разрушения Сард киммерийцами фиксируется и идентифицируется достаточно уверенно. Речь идет о достаточно четко выраженном слое пожарища, являющемся частью третьего лидийского слоя и особенно ярко прослеженном в секторе «Дом бронз». Пожар был вызван, очевидно, внезапным нападением, и при раскопках обнаружены останки по меньшей мере пятнадцати индивидуумов, погибших в результате этого нападения. В то же время разрушение Сард не вызвало сколько-нибудь заметного кризиса города, он был быстро восстановлен и, согласно данным раскопок, продолжал процветать. Пожарище в третьем лидийском слое датируется по находкам в перекрывающем его пласте около середины VII в. до н. э.⁷⁷ Все эти данные хорошо согласуются со свидетельствами письменных текстов о разрушении Сард киммерийцами, так что идентификация слоя пожарища в третьем лидийском слое Сард с киммерийским нашествием представляется достаточно хорошо обоснованной.

Анализ письменных источников о взятии Сард киммерийцами показывает, что в реальности это событие имело место лишь единожды и, видимо, связано с гибелью Гига от рук киммерийцев в 644 г. до н. э.⁷⁸ Сообщения античной традиции о двойном взятии Сард восходят к достаточно поздним ученым конструкциям и хронологическим выкладкам эллинистической эпохи, принадлежащим прежде всего Каллисфену. Главной задачей этих выкладок было установление хронологии жизни ряда античных поэтов, в первую очередь Каллина и Архилоха. Геродот, сообщая о разрушении Сард киммерийцами, считал, что это событие имело место лишь однажды и относил его к правлению наследника Гига, царя Ардиса. Эта датировка также является результатом сложных хронологических калькуляций и объясняется исходя из принятой Геродотом общей схемы хронологии восточных царских династий, значительно завышенной по сравнению с реальностью. Сделанный в результате анализа письменных текстов вывод о том, что Сарды были взяты киммерийцами лишь единожды, как кажется, находит подтверждение в материалах раскопок этого города. Авторы этих раскопок отмечают, что ими был зафиксирован лишь один слой разрушения в рамках VII в. до н. э. — никаких признаков второго взятия города археологически не фиксируется⁷⁹.

Достоверность свидетельства Геродота (I, 15) о том, что киммерийцы захватили Сарды за исключением акрополя, вряд ли может быть проверена данными археологии. При раскопках на акрополе Сард не обнаружено никаких свидетельств киммерийского разгрома, однако и сами слои VII в. до н. э. там выражены очень плохо и практически не сохранились⁸⁰. Это обстоятельство заставляет воздержаться от решительного суждения о достоверности сообщения Геродота, хотя из общих соображений оно вполне правдоподобно.

⁷⁶ Waldbaum 1983, 32–35, pl. 3.

⁷⁷ Hanfmann 1964, 14; Mitten 1966, 44; Hanfmann 1967, 32–33; Hanfmann 1972, 185, 228–229, fig. 139; Hanfmann, Mierse, Foss u. a. 1983, 28, 41, 63, 68, 235 n. 10, 238 n. 5. В последнее время, однако, была предпринята передатировка третьего лидийского слоя в секторе «Дом бронз» и относящегося к нему пожарища. Дж. Шеффер, основываясь на фрагментах двух коринфских сосудов, обнаруженных в этом слое, которые она датирует 750–720 гг. до н. э. (Коринфский позднегеометрический, LG), считает необходимым отнести весь слой ко второй половине VIII в. до н. э.: Schaeffer 1997, 5–7, 17–20, ср. то же мнение Э. Ремеджа: Hanfmann, Mierse, Foss u. a. 1983, 29 и возражения Дж. Ханфманна: Hanfmann, Mierse, Foss u. a. 1983,

238, n. 5. В этом случае слой разрушения, разумеется, не может быть связан с киммерийцами и должен объясняться каким-то иным вражеским набегом. Следует, однако, заметить, что в том же слое была обнаружена и более поздняя керамика, в частности фрагменты среднепротокоринфских сосудов 690–650 гг. до н. э., а в непосредственно перекрывающем его слое — позднепротокоринфские фрагменты 650–630 гг. до н. э.: Schaeffer 1997, 23, 25, 26, 27, 28, Nr. Cor 12, 13, 21, 22, 27, 29, 31, 32 и т. д.

⁷⁸ Иванчик / Ivantchik, в печати. Ср. Ivantchik 1993, 105–114; Иванчик 1996, 110–121.

⁷⁹ Hanfmann, Mierse, Foss u. a. 1983, 28.

⁸⁰ Hanfmann, Mierse, Foss u. a. 1983, 43.

1.3.4 КИММЕРИЙСКАЯ БУТЕРОЛЬ ИЗ САРД

Несмотря на то, что слой киммерийского разгрома в Сардах выражен достаточно ярко и вряд ли можно усомниться в его исторической идентификации, в нем почти отсутствуют находки, которые могли бы характеризовать материальную культуру штурмовавших Сарды киммерийцев.

По-видимому, единственным предметом из раскопок Сард, который может быть со значительной долей уверенности атрибутирован киммерийцам, является костяная пластинка в виде свернувшегося кольцом животного (*Рис. 31; 32*). Изображение сильно стилизовано, но речь идет, очевидно, о кошачьем хищнике⁸¹. На его голове выделены большой круглый глаз, обведенный ободком, и подковообразное ухо. Открытая пасть изображена в виде полуовала, границы которого обозначены двойной линией. Между двумя линиями находится насечка. Аналогичные две линии с насечками между ними расположены на голове зверя (от глаза до уха) и на его животе. Возможно, это стилизованное изображение шерсти. На теле животного схематично намечена лопатка и показано бедро, лапы завершаются спиралевидным или кольцевым окончанием. Достаточно длинный хвост животного, примыкающий к его пасти, завершается таким же окончанием. Эта пластинка, скорее всего служившая наконечником ножен акинака, обнаружена в слое, непосредственно перекрывающем слой киммерийского разгрома, среди расписной керамики, датируемой около середины VII в. до н. э.⁸²

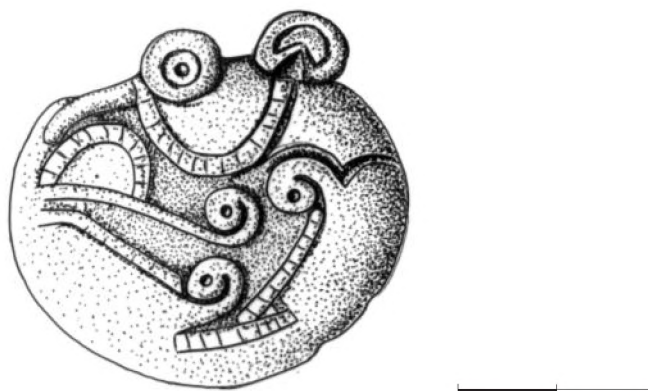

Рис. 31 Костяная пластинка из Сард с изображением свернувшегося хищника
По Mitten 1966, fig. 5

⁸¹ Трактовка зверя авторами раскопок как грифона вряд ли обоснована — никаких следов орлиной головы на пластинке не видно. Предположение о том, что здесь идет речь о теленке, как и атрибуция предмета ахеменидскому или мидо-персидскому искусству (Buchholz 1980/81, 66, Anm. 78), основано на ложном представлении о происхождении мотива свернувшегося зверя в кочевническом зверином стиле от бутеролей ахеменидских акинаков (см. ниже) и противоречит как близким аналогиям из скифо-сибирского мира, так и датировке слоя, в котором обнаружен данный предмет. С. С. Сорокин (1978, 186—187) считает, что здесь изображена собака. Это толкование не кажется обоснованным.

⁸² Detweiler, Hanfmann, Mitten 1967, 151, fig. 3; Hanfmann, Swift 1966, 10—14, fig. 9; Mellink 1966, 13—15, pl. 41, 13; Hanfmann, Detweiler 1966, 92, fig. 2; Mitten 1966, 45, fig. 5; Schefold 1967, Abb. 342 a (хорошая фотография); Hanfmann 1972, fig. 124; Hanfmann, Mierse, Foss u. a. 1983, 68; ср. Сорокин 1978, 186—187. Здесь содержится неверное указание на некие «мидийские торговые и ремесленные постройки», якобы сооруженные в Сардах в VII в. до н. э. В действительности в районе, о котором идет речь, раскрыты остатки лидийского рынка. Ср. также: Ghirshman 1979, 23, fig. 1 (неточная прорисовка).

Рис. 32 Костяные пластинки из Сард
По Greenewalt, Cahill u. a. 1990, fig. 34

В том же секторе, обнаружено еще три костяных круглых пластины, трактуемых как образцы звериного стиля (Рис. 32)⁸³. Одна из них представляет собой, очевидно, также наконечник ножен⁸⁴. К сожалению, эта пластинка очень плохо сохранилась — она была расколота, и изображение свернувшегося зверя на сохранившемся фрагменте может быть восстановлено лишь по аналогии с описанным выше предметом. На нем, кажется, различается задняя лапа зверя с характерным спиралевидным или кольцевидным окончанием, лопатка и начало передней лапы. По указанию автора публикации, данная пластинка найдена в слое конца VII — начала VI в. до н. э. Из того же слоя происходит еще одна значительно меньшая по размеру костяная пластинка, которую ее публикатор интерпретирует как пуговицу⁸⁵. Сюжет нанесенного на нее изображения удастся распознать и идентифицировать лишь с большим трудом и без уверенности в верности интерпретации, так что к предметам кочевнического стиля ее можно отнести лишь с натяжкой. На ней можно распознать изображение головы птицы. Выделяется крупный глаз, изображенный в виде трех concentрических окружностей (вполне обычный для скифского искусства прием) и, возможно, клюв, закрученный спиралью. Значение еще одного мотива, находящегося под клювом, однако, неясно, что ставит под сомнение всю интерпретацию. Кроме того, следует заметить, что расположение изображения в центре пластины не традиционно для скифского искусства, да и вообще все изображение может быть воспринято просто как геометрический орнамент.

Вторая круглая пластинка, несколько большего размера, была обнаружена в том же секторе, но в смешанном слое⁸⁶. Ее издатель толковал изображение как две противопоставленных головки хищных

⁸³ Greenewalt 1973, 33–34, fig. 11 (фотография плохого качества); Greenewalt, Cahill, Dedeoğlu, Herrmann 1990, 166–167, fig. 34–37.

⁸⁴ Странным выглядит утверждение публикатора этого предмета (Greenewalt, Cahill, Dedeoğlu, Herrmann 1990, 173, n. 50) о том, что изображения свернувшегося зверя в кочевническом искусстве не встречаются на бутеролях. Это высказывание, конечно, связано не с малым числом обнаруженных и опу-

бликованных бутеролей, как полагает автор, а с его прискорбным незнанием соответствующей научной литературы (далеко не только русскоязычной). Примеры, далеко не исчерпывающие всего многочисленного списка таких бутеролей, см. ниже.

⁸⁵ Greenewalt, Cahill, Dedeoğlu, Herrmann 1990, 173, n. 49, fig. 34.

⁸⁶ Greenewalt 1973, 33–34, fig. 11.

птиц. Действительно, на пластинке находится изображение двух симметрично расположенных круглых «глаз», трактованных в традиционной для звериного стиля манере как кружок, обведенный ободком. Между ними находится спираль, которая может быть истолкована как клюв одной или обеих птиц. Кроме того, два глаза соединены двойной прямой линией.

Из четырех описанных предметов с киммерийцами более или менее уверенно благодаря условиям его находки может быть связан первый, наиболее выразительный. Если верна датировка слоя, в котором обнаружена эта пластина (в чем нет оснований сомневаться), то она относится примерно к середине VII в. до н. э., то есть как раз к тому времени, когда киммерийцы взяли Сарды в 644 г. до н. э. Остальные три предмета найдены или в более позднем (конец VII – начало VI в. до н. э.), или в недатированном контексте. Условия находки, конечно, не исключают возможности более ранней датировки самих предметов и их атрибуции киммерийцам, однако в данном случае мы не можем быть уверены, что их нельзя приписать и скифам. Согласно античным источникам, пребывание какого-то отряда скифов в Сардах датируется временем Алиатта, то есть как раз концом VII – началом VI в. до н. э. Поэтому более осторожным представляется использовать для идентификации киммерийской культуры лишь первую пластину, датированную серединой VII в. до н. э. На счастье, она является наиболее выразительной из четырех названных предметов и с наибольшей уверенностью может быть отнесена к кочевническому звериному стилю. Интерпретация ее изображения как известного мотива свернувшегося хищника не вызывает сомнений.

Изображение свернувшегося хищника, в большей или меньшей степени стилизованное, является, по-видимому, одним из самых оригинальных и характерных элементов кочевнического «скифского» звериного стиля⁸⁷. Проблема его происхождения сложна и дискуссионна. Наиболее вероятным кажется предположение о происхождении этого изобразительного мотива из Китая; его прототипы, видимо, можно найти в древностях эпохи западного Чжоу (1027–771 гг. до н. э.)⁸⁸. Впоследствии он распространяется в центральноазиатском регионе (Аржан, Уйгарак и др.) и становится одним из основных мотивов «скифского» звериного стиля. Высказывались и другие точки зрения о его происхождении: в частности, о самозарождении мотива в раннескифской среде кавказского региона (в памятниках «саккызско-келермесского круга») и о независимом параллельном развитии в центральноазиатско-сибирском регионе⁸⁹. Данное предположение противоречит, однако, иконографической близости между уже самыми ранними изображениями свернувшегося зверя в искусстве центральноазиатского и причерноморско-кавказского регионов, а также хронологическому приоритету ранних центральноазиатских памятников (курган Аржан) перед памятниками круга Зивие и Келермеса.

Аналогичные пластинке из Сард изображения свернувшегося хищника чрезвычайно многочисленны в раннескифском искусстве, хотя полной аналогии ей найти не удастся (впрочем, полностью аналогичные изделия этого типа в самих скифских памятниках также чрезвычайно редки)⁹⁰. Все они

⁸⁷ См. об этом мотиве Членова 1967, 118–119, таб. 27; Шкурко 1969, 31–39; Ильинская 1971, 72–84; Сорокин 1972, 75–78; Баркова 1983, 20–31; Чежина 1984, 61–64; Погребова, Раевский 1992, 104–122; Курочкин 1993, 92–98; Членова 1993, 69–70, рис. 13; Кисель 1994, 111–119; Переводчикова 1994, 29–32, 42–46; Полидович 1994, 63–78; Brentjes 1994, 147–164.

⁸⁸ Jettmar 1979, 155; Hüttel 1979, 11–12, Abb. 1, 4–6; Kossack 1987, 27–30, Abb. 2–3; Курочкин 1993, 96–98. В. А. Кисель (1994, 116) предпочитает говорить о формировании этого образа в районе восточного Казахстана, Алтая, Тувы и Монголии.

⁸⁹ Погребова, Раевский 1992, 104–122, здесь же обзор других мнений по проблеме.

⁹⁰ Б. Брентъес (Brentjes 1994, 161) полагает, что бутероль из

Сард находит себе аналогии лишь в северокавказских находках, но не в степных и лесостепных памятниках, которые он почему-то считает более поздними, чем северокавказские и, в отличие от них, бесспорно скифскими. Вообще в своей статье автор исходит из превратных представлений об относительной и абсолютной хронологии памятников раннескифской культуры и обнаруживает незнание с новой литературой по этой тематике. Как будет видно из дальнейшего, бутероль из Сард находит аналогии не только в северокавказских, но и в других памятниках келермесского этапа раннескифской культуры. Отмечу еще, что мой взгляд на соотношение киммерийцев и скифов и их культур излагается Б. Брентъесом (Brentjes 1994, 161) неточно. Причина этого, вероятно, в том, что он судил о нем лишь по устному изложению в докладе, прочитанном в 1994 г. в Берлине.

объединяются общими стилистическими элементами в единую группу, однако эти элементы на разных предметах присутствуют в разных сочетаниях. Иногда на них воспроизводится не все тело зверя, а лишь его наиболее значимые элементы (лапы, хвост, глаз, ухо, пасть). Глаз и ухо, часто выступающие за контур предмета, на котором находится изображение, обычно (но не всегда) имеют соответственно форму круга, обведенного ободком, и сердцевидную или подкововидную форму. Открытая пасть часто имеет форму полуовала. Обычно она непосредственно примыкает к достаточно длинному хвосту, завершающемуся кружком или спиралью. Такое же завершение имеют чаще всего и лапы. Лапа показано как правило только две (зверь изображен в профиль), причем при всей их условности почти всегда отмечена лопатка при передней лапе и бедро при задней.

Все эти характерные элементы присутствуют на изображении хищника из Сард. Весьма близка ему костяная бутероль из кургана Дарьевка 2 близ Шполы (*Рис. 33, б*). Изображенный на ней сильно стилизованный зверь также имеет круглый обведенный ободком глаз и подкововидное ухо (они, правда, не выступают за контур бутероли), его лапы с намеченными бедром и лопаткой также завершаются спиральями, а имеющий такое же завершение хвост также подтянут к пасти (которая, впрочем, закрыта). Погребение кургана Дарьевка 2 датируется по обнаруженной в нем головке льва из слоновой кости восточногреческой работы в пределах второй половины VII в. до н. э.⁹¹

Следует назвать также группу происходящих из кавказского региона бронзовых и костяных наконечников ножен, которые обнаруживают тесное родство между собой и более отдаленное — с находкой из Сард. Этой последней особенно близок наконечник из кургана 21 Нартанского могильника (*Рис. 33, 4*)⁹², имеющий аналогичную трактовку уха и лап зверя (их окончания, а также лопатка и бедро) и подобное же расположение хвоста относительно (правда, закрытой) пасти. Комплекс кургана 21 Нартанского могильника, видимо, примерно одновременен или несколько старше Келермесских курганов Веселовского и может быть датирован около середины — третьей четверти VII в. до н. э.⁹³ Из других кавказских находок, входящих в ту же группу (бронзовые и костяные бутероли из погребений 164, 216 и 258 Тлийского могильника, из с. Рук в Южной Осетии⁹⁴, из окрестностей Майкопа⁹⁵, из Фаскау⁹⁶, *Рис. 33, 1, 2, 5, 7, 8*), особенно близка сардской пластинке бутероль из погребения 216 Тлийского могильника (схожи прежде всего трактовка лап, особенно передней, и хвоста, а также расположение хвоста относительно пасти животного), хотя и остальные перечисленные предметы по этим признакам сближаются с находкой из Сард. Достаточно близка находке из Сард также бронзовая бутероль из курганного погребения у хут. Степной близ Гудермеса (*Рис. 33, 9*)⁹⁷, особенно по трактовке лап и хвоста. Находки из Келермесских курганов также дают достаточно близкие аналогии пластинке из Сард. Здесь можно назвать изображения свернувшегося хищника на бронзовом зеркале из второго кургана Веселовского⁹⁸ (трактовка уха и пасти, лап, в том числе лопатки, и хвоста) (*Рис. 33, 18*), на лапах и хвосте знаменитой пантеры из первого кургана Шульца (*Рис. 33, 13*)⁹⁹ (сходство в трактовке глаза и пасти, окончаний лап, положения хвоста относительно пасти), на костяных уздечных пронизях из кургана 24, т. е. третьего кургана Шульца (трактовка уха и глаза, лап) (*Рис. 34, 2–3*)¹⁰⁰. К келермес-

⁹¹ Ильинская 1973, 14–15, рис. 5, 6; Ильинская 1975, 53–54, таб. XXXIV, 3; Kossack 1983, 154, Abb. 34, 5; Kossack 1987, 76, Abb. 31, 1a.

⁹² Батчаев 1985, таб. 51, 20.

⁹³ Ср. Петренко 1990, 65–73; Махортых 1991, 76; Алексеев 1992, 48–50; Медведская 1992, 93–95.

⁹⁴ Техов 1980, 233, 235, 236, рис. 15, 6; 17, 5; 19, 2–3; 21; 23; Kossack 1983, 143, Abb. 28, 1; 34, 7–8.

⁹⁵ Ильинская, Тереножкин 1987, 53, рис. 15–18, особенно близок № 15 по трактовке передней лапы, глаза и уха.

⁹⁶ Ильинская, Тереножкин 1987, 45, рис. 3.

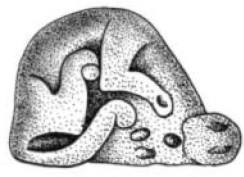
⁹⁷ Ильинская, Тереножкин 1987, 47, рис. 3.

⁹⁸ Kossack 1987, Abb. 19, 1; Галанина / Galanina 1997, 138–

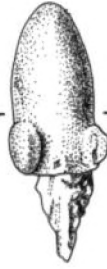
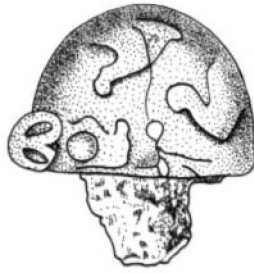
143, 239, Taf. 31, 223.

⁹⁹ Галанина / Galanina 1997, 116–121, 224–225, Taf. 3, 13.

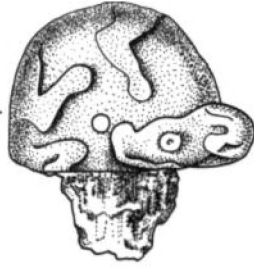
¹⁰⁰ Галанина, Алексеев 1990, рис. 6, 3–6; Schiltz 1994, 74, Abb. 53, с ошибочным указанием на место находки («Kelermes, Kurgan Nr. 1»); здесь же (Abb. 53) приведена фотография костяного кольца с изображением свернувшегося зверя из кургана Темир-гора в Крыму с ошибочным указанием на его происхождение из Келермесского кургана 2. Ср. подобные пронизи из второго кургана Веселовского (*Рис. 10, 26, 31; 34, 1*); Галанина 1983, таб. 9, 10, 12 = Galanina 1985, Abb. 9, 10, 12; Галанина / Galanina 1997, 240–241, 247, Taf. 16; 22, 258, 259, 374–377.

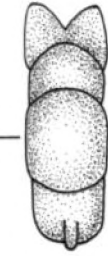
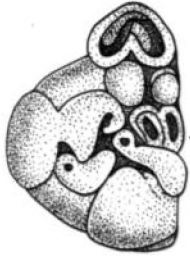
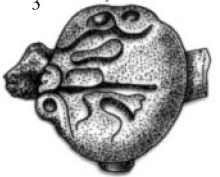
1

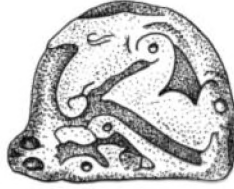
2

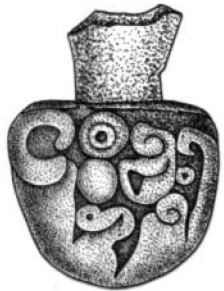
3

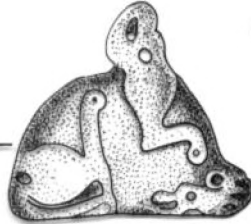
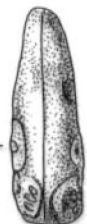
4

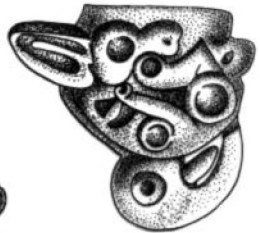
5

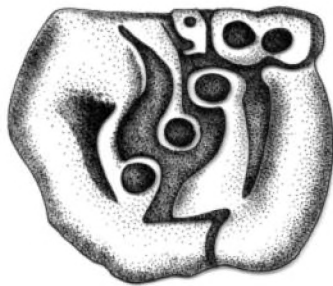
6

7

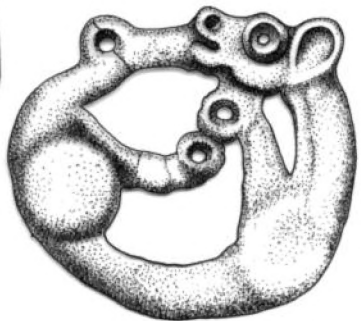
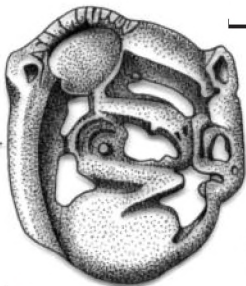
8

9

10

11

12

13

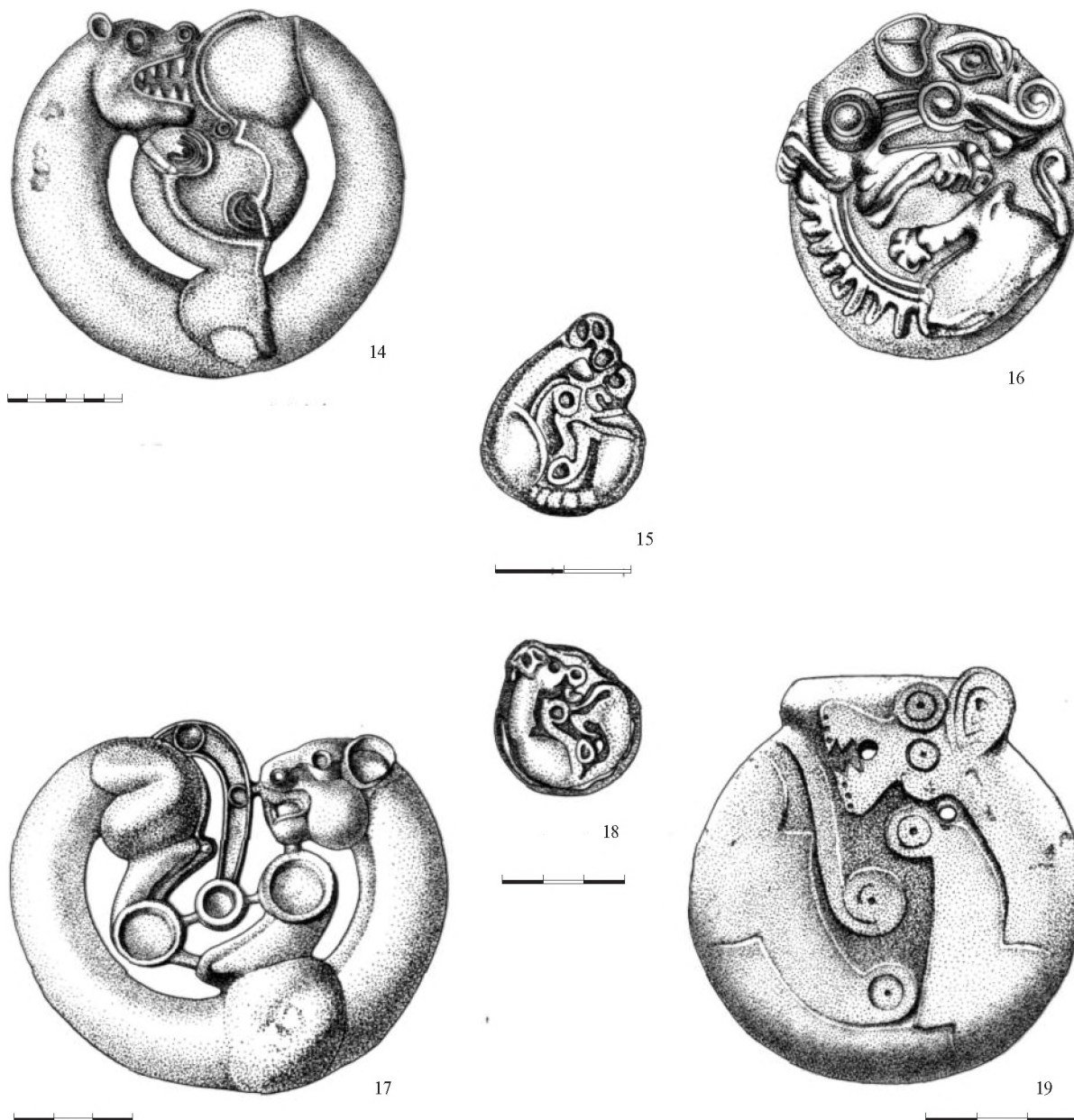

Рис. 33 Изображения свернувшегося зверя в кочевническом зверином стиле.

1. Бутероль из с. Рук, Южная Осетия; 2. Бутероль из погребения 164 Тлийского могильника; 3. Бляха из кургана 482 у с. Басовка; 4. Бутероль из кургана 21 некрополя Нартан; 5. Бутероль из погребения 216 Тлийского могильника; 6. Бутероль из кургана 2 у Дарьевки; 7. Бутероль из погребения 258 Тлийского могильника; 8. Бутероль из Фаскау, Осетия; 9. Бутероль из кургана у хут. Степной близ Гудермеса; 10. Бляха из кургана 499 у с. Басовка; 11. Бляшка из кургана 33 могильника Уйгарак; 12. Бляшка из кургана 27 могильника Уйгарак; 13. Деталь бляхи в виде пантеры из Келермесского кургана 1 Шульца; 14. Бляха из кургана Аржан, Тува; 15. Ручка зеркала из района Краснодарского водохранилища; 16. Бляха из Зивие, иранский Курдистан; 17. Бляха из Сибирской коллекции Петра I; 18. Ручка зеркала из Келермесского кургана 2 Веселовского; 19. Бутероль из коллекции Барбье-Мюллер в Женеве, место находки неизвестно. 1–3, 8–12, 14, 15, 18. Бронза; 4–7, 19. Кость; 13, 16, 17. Золото

По Техов 1980, рис. 21, 1,2,4,5 (1, 2, 5, 7); Ильинская, Тереножкин 1987, 47; 45, 3; 331, 3,23 (3, 8–10); Батчаев 1985, таб. 51, 20 (4); Kossack 1987, Abb. 34, 5; 22, 1,2,4,9; 19, 1 (6, 13, 14, 16–18); Вишневецкая 1973, таб. IX, 8,16 (11, 12);

Пьянков, Тарабанов 1997, рис. 4 (15); Barbier 1996, fig. 7 (19)

ским весьма близко также изображение свернувшегося зверя на бронзовом зеркале, происходящем из района Краснодарского водохранилища (Рис. 33, 15)¹⁰¹.

На пластине из Сард отсутствует изображение носа свернувшегося хищника, что достаточно редко встречается на скифских вещах. Однако аналогии и такому способу изображения головы животного имеются — кроме уже упомянутых бутеролей из погребений Тлийского могильника, из с. Рук и Фаскау можно еще назвать пронизи и бляхи из курганов Басовка 482 и 499 (Рис. 33, 3, 10)¹⁰².

Аналогии пластинке из Сард, происходящие из более восточных областей (Уйгарак, Аржан, Сибирь) (Рис. 33, 11, 14, 17)¹⁰³ значительно дальше, чем причерноморско-кавказские предметы, хотя родство как общей композиции, так и отдельных деталей (трактовка лап и хвоста, пасти) очевидно. Впрочем, одно из изображений свернувшегося зверя, происходящее из Уйгарака (идентичные бронзовые бляшки из курганов 27 и 28) (Рис. 33, 12), несколько ближе кавказским находкам и пластинке из Сард¹⁰⁴. Кроме перечисленных, следует упомянуть еще сходную с пластинкой из Сард костяную бутероль неизвестного происхождения, которая хранится в собрании Барбье-Мюллер в Женеве (Рис. 33, 19)¹⁰⁵. Изображенный на ней зверь очень напоминает сардского как по общей композиции, так и трактовке лап и хвоста. Однако поскольку ни место, ни обстоятельства находки бутероли неизвестны (можно подозревать, что речь идет о территории Турции или Ирана), этот предмет практически ничего не может дать для наших целей. Следует заметить еще, что знаменитая бляха с изображением свернувшегося зверя, которой приписывается происхождение из Зивие (Рис. 33, 16)¹⁰⁶, значительно дальше от бутероли из Сард, чем перечисленные скифские и центральноазиатские вещи. Зверь на ней изображен гораздо более реалистично и, пожалуй, единственная деталь, которая объединяет его с названными предметами — это сердцевидная форма уха. Подводя итог, можно отметить, что, хотя и не удастся найти полной аналогии пластинке из Сард, в которой объединялись бы все ее характеристики, общая композиция и все детали изображения свернувшегося хищника на ней находят многочисленные параллели в раннескифских памятниках, особенно памятниках кавказского региона. Атрибуция пластинки искусству раннескифского звериного стиля не вызывает, таким образом, сомнений.

Мотив свернувшегося зверя, в отличие от ряда других принесенных кочевниками новаций, остался чужд не только малоазийскому, но и персидскому искусству и, видимо, за пределами скифо-сако-сибирского культурного круга не был распространен¹⁰⁷. Поэтому костяная пластинка из Сард вряд ли может принадлежать кому-нибудь, кроме кочевников скифской культуры. Учитывая, что данная находка хорошо стратифицирована и датирована (она происходит из слоя, непосредственно перекрывающего слой киммерийского разгрома и датируется по окружающему материалу около середины VII в. до н. э.), ее истолкование как материального свидетельства пребывания киммерийцев в Сардах становится более чем вероятным. Мы получаем, таким образом, еще одно свидетельство материальной культуры исторических киммерийцев — в их искусстве, по-видимому, использовался мотив свернувшегося в кольцо зверя с основными характерными и для раннего скифского искусства стилистическими элементами (круглые глаза, обведенные ободком, подкововидные уши, стилизация лап в виде спиралей или кружков и др.).

¹⁰¹ Пьянков, Тарабанов 1997, 67–69, рис. 4, 1.

¹⁰² Ильинская, Тереножкин 1987, 331, рис. 3, 20–23, на этих же предметах аналогично сардской пластинке изображена шерсть животного.

¹⁰³ Kossack 1987, Abb. 2, 3, 5, 6, 8, 9.

¹⁰⁴ Вишневецкая 1973, 114–115, табл. IX, 8; X, 12.

¹⁰⁵ Schiltz 1994, Abb. 48; Barbier 1996, 12, 36–37, Nr. 6, fig. 7.

¹⁰⁶ Ghirshman 1964, fig. 158; Kossack 1987, Abb. 2, 4.

¹⁰⁷ Он встречается также на ахеменидских бутеролях V в. до н. э., однако уже в сильно деградировавшем и видоизменен-

ном виде (так, часто на бутеролях изображается не хищник, а копытное, причем подкововидное ухо хищника превращается в рога). Подобные мотивы на ахеменидских акинаках явно являются производными от кочевнических образцов: Bernard 1976, 227–246, особ. 243–246; Сорокин 1978, 75–78; Переводчикова 1983, 96–102; Переводчикова 1994, 173–179. Ср. Stucky 1976, 13–23, где предполагается независимое развитие мотива в ахеменидском искусстве и даже мидо-персидское влияние на скифский мотив. Критику см. Bernard 1976, 227–246.

1.3.5 ПСЕВДОКОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ САРД И ДРУГИХ МАЛОАЗИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ

При раскопках Сард были найдены и другие предметы, выполненные в зверином стиле и связываемые авторами этих раскопок с материальной культурой кочевников, скифов или киммерийцев. Прежде всего, здесь было обнаружено две бронзовых пронизи, одна в форме головы орла или ястреба, другая — в виде стилизованного клюва (*Рис. 34, 4, 5*)¹⁰⁸. На первой из них достаточно реалистично изображена голова хищной птицы с круглым рельефным глазом. Загнутый клюв имеет пропорциональные размеры, его внутренний контур показан четко и реалистично. Несмотря на то, что в этой головке на первый взгляд можно увидеть влияние скифского звериного стиля, она не находит себе близких аналогий в причерноморских материалах. Указываемые Х. Хауптманном¹⁰⁹ аналогии для данной пронизи принадлежат другому, достаточно распространенному в раннескифских памятниках типу клювовидных пронизей и не могут быть напрямую сопоставлены с находкой из Сард. Зато, действительно, находке из Сард весьма близки указанные Дж. Вальдбаум и Х. Хауптманном пронизи, хранящиеся в Музее изящных искусств в Бостоне и в одном немецком частном собрании (*Рис. 34, 6, 7*)¹¹⁰. К сожалению, ни точное место, ни обстоятельства находки этих пронизей неизвестны; важно, однако, что они также происходят из Малой Азии. Кроме того, еще две подобные пронизи хранятся в Музее Метрополитен в Нью-Йорке (*Рис. 34, 8, 9*)¹¹¹. Одна из пронизей (из коллекции Э. Херцфельда) происходит также из Малой Азии. Другая, по словам ее прежнего владельца Б. Берри — из Сибири, однако эта информация не достоверна и в Сибири подобные предметы неизвестны. Все эти пронизи объединены общей реалистичной трактовкой головы птицы, одинаковыми ее пропорциями и сходной проработкой деталей. Следует заметить, что на двух из них глаз не круглый и выпуклый, как на других, а имеет миндалевидную форму¹¹². Все это не находит близких параллелей в рамках раннескифского звериного стиля. Для раннескифского уздечного набора в высшей степени характерно использование костяных и бронзовых пронизей в виде головы грифобарана, в той или иной степени стилизованных, однако изображение головы хищной птицы на пронизях не столь распространено. Впрочем, этот мотив довольно часто встречается на предметах скифского звериного стиля, однако он трактуется совершенно иначе. Для скифского искусства характерно гораздо более условное изображение. Круглый, обычно обведенный ободком глаз птицы сильно увеличен и часто замещает чуть ли не всю голову. Клюв еще больше гипертрофирован, причем загнут он гораздо больше, чем на малоазийских пронизях, и часто вовсе закручен в спираль. В качестве примера можно упомянуть бронзовые пронизи из кургана №9 у хут. Поповка (*Рис. 35, 2*)¹¹³, найденные там совместно с железными удилами, предметы узды из кургана Дарьевка 2 близ Шполы (*Рис. 35, 3*)¹¹⁴, наконечники ножен меча из погребения 246 Тлийского могильника (*Рис. 35, 6*)¹¹⁵, Наргана 6 (*Рис. 35, 4*)¹¹⁶, Репяховатой могилы 2 (*Рис. 35, 7*)¹¹⁷, погребения 8 кургана Новоалександровка 7 (*Рис. 35, 1*)¹¹⁸ и др. Пожалуй, единственным предметом из скифского ареала, сопоставимым с малоазийскими пронизями, являются две бляхи из кургана 2 у с. Волковцы (раскопки Мазараки 1897 г.) (*Рис. 35, 5*)¹¹⁹. Это реалистически трактованные и детализированные бронзовые головки птиц. Комплекс погребения, видимо, относится к V в. до н. э. Однако эти бляшки стоят особняком среди произведений скифского звериного стиля. В данном случае не исключено, учитывая достаточно позднюю дату погребения, греческое культурное влияние.

¹⁰⁸ Waldbaum 1983, 40–41, pl. 6.

¹⁰⁹ Hauptmann 1983, 266, Anm. 90.

¹¹⁰ Hauptmann 1983, Taf. 56, 9–10; Waldbaum 1983, pl. 6.

¹¹¹ Muscarella 1988, 383, Nr. 504, 505. Ср. Herzfeld 1941, 271, fig. 374.

¹¹² Hauptmann 1983, Taf. 56, 9; Muscarella 1988, 383.

¹¹³ Ильинская 1968, 59, таб. ЛП, 1.

¹¹⁴ Ильинская 1975, таб. XXXIV, 4; Kossack 1987, Abb. 33, 10.

¹¹⁵ Техов 1980, 235, рис. 18, 2–3; 21, 6.

¹¹⁶ Батчаев 1985, таб. 21, 23.

¹¹⁷ Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 42–43, рис. 11, 7; 12, 2.

¹¹⁸ Коренько, Лукьяшко 1982, 156, рис. 6, 3.

¹¹⁹ Ильинская, Тереножкин 1987, 321–322, 324.

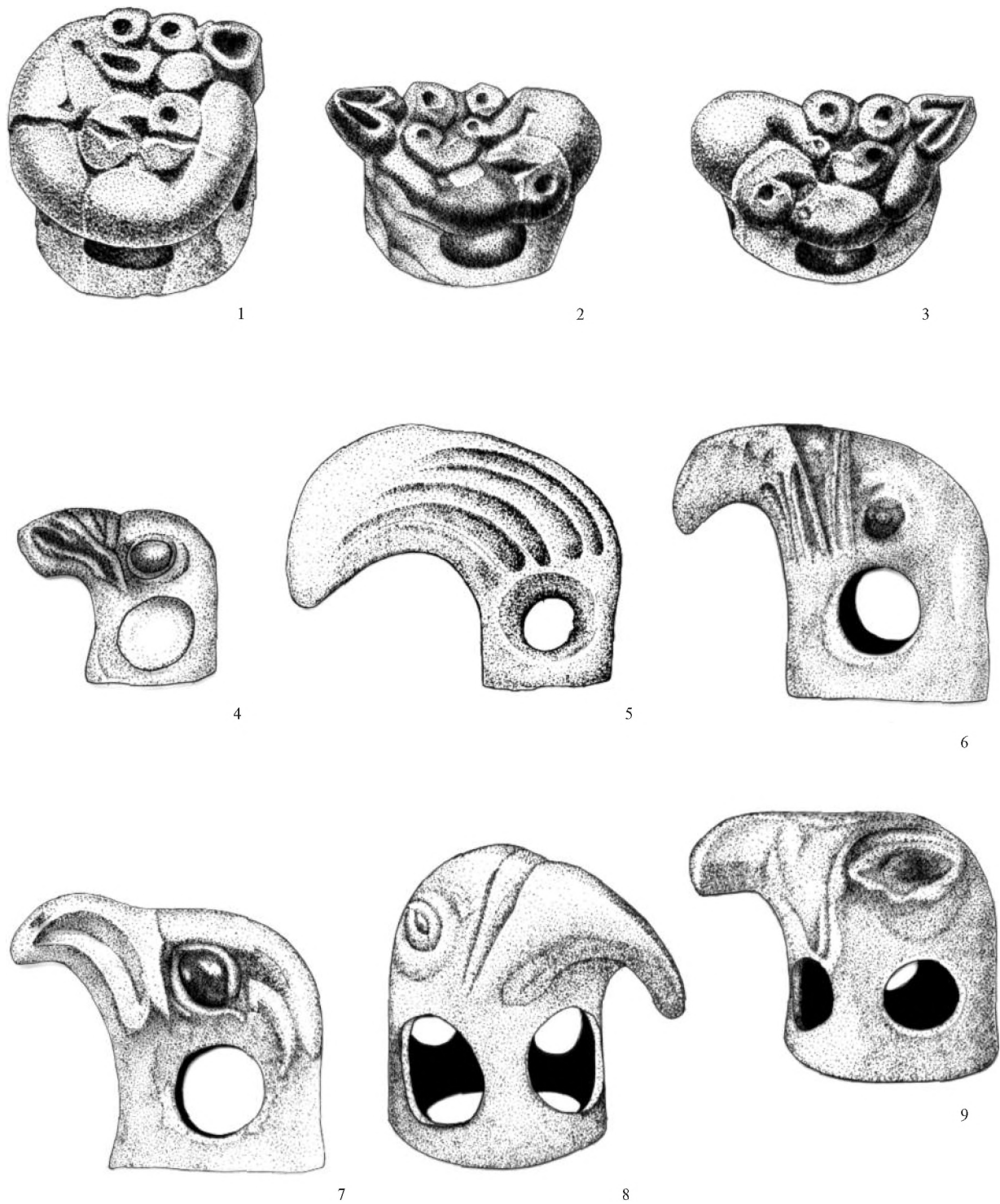

Рис. 34 1–3. Костяные пронижи с изображением свернувшегося хищника из Келермесских курганов. 4–9. Бронзовые пронижи. 1. Курган 2, раскопки Н. И. Веселовского; 2, 3. Курган 24, раскопки Л. К. Галаниной; 4, 5. Сарды; 6–9. Место находки неизвестно; 6. Частное собрание, Германия; 7. Музей изящных искусств в Бостоне; 8, 9. Музей Метрополитен, Нью-Йорк
 По Галанина / Galanina 1997, таб. 16, 259,374,375 (1–3); Calmeyer 1985, Abb. 7 (4, 5); Hauptmann 1983, Taf. 56, 9,10 (6, 7); Muscarella 1988, 383, Nr. 504, 505 (8, 9)

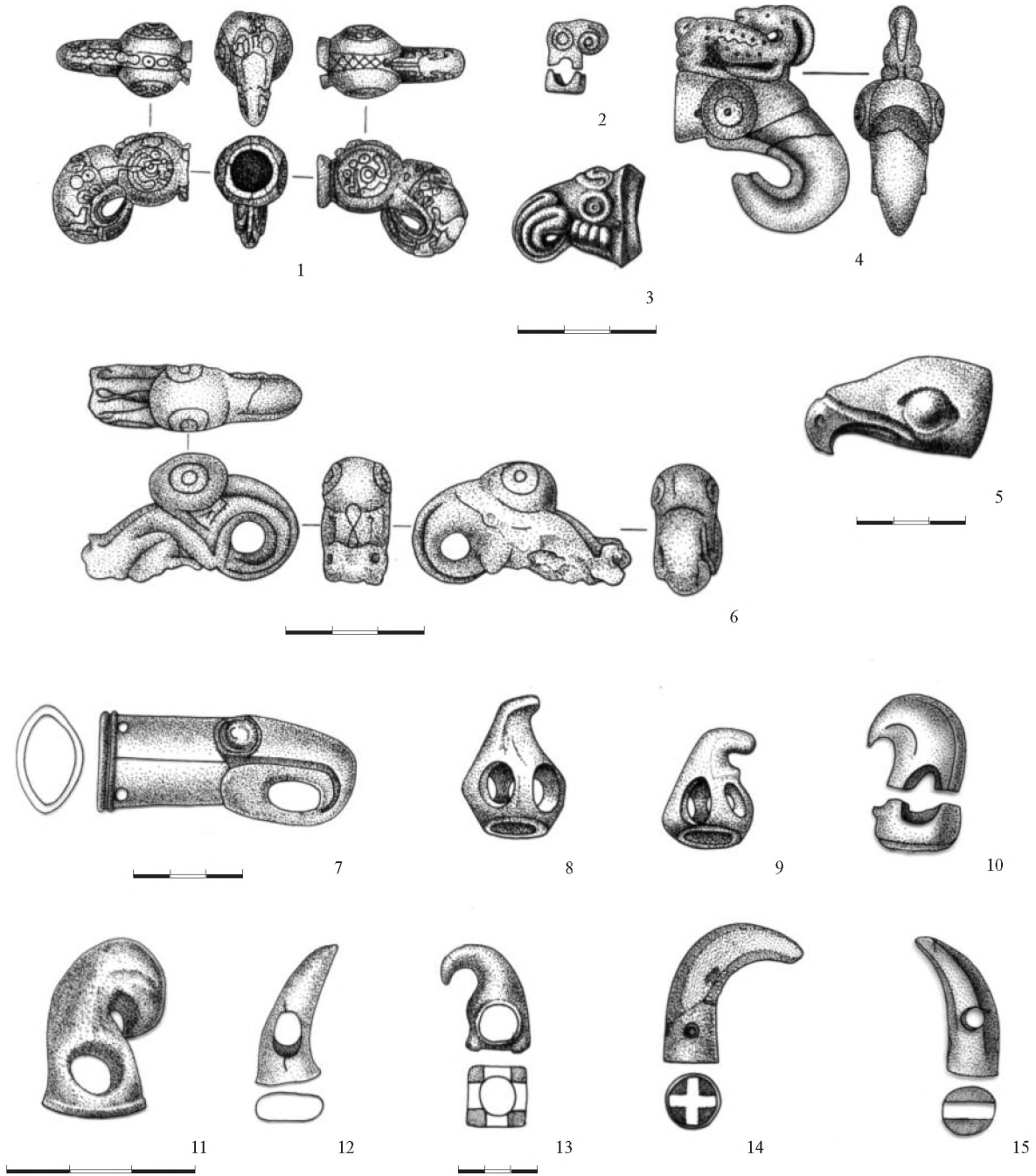

Рис. 35 1–7. Изображения головы хищной птицы в кочевническом зверином стиле. 8–15. «Клювовидные» и «когтевидные» пронижи. 1. Наконечник ножен из погребения 8 кургана 7 у с. Новоалександровка; 2. Пронизь из кургана 9 у хут. Поповка; 3. Деталь узды из кургана 2 у с. Дарьевка; 4. Наконечник ножен из кургана 6 могильника Нарган; 5. Бляшка из кургана 2 у с. Волковцы (раскопки 1897); 6. Наконечник ножен из погребения 246 Тлийского могильника; 7. Наконечник ножен из погребения 2 кургана Репяховатая могила; 8. Курган 466 у с. Аксютинцы; 9. Курган 478 у с. Волковцы; 10. Курган 38 у с. Гуляй город; 11. Погребение 1 кургана Захарейкова могила; 12. Погребение 2 кургана Репяховатая могила; 13. Каменноостровский могильник; 14, 15. Персеполь. 1, 3, 4, 6. Кость; 2, 5, 7–11, 13. Бронза; 12. Коготь медведя; 14, 15. Камень

По Kossack 1987, Abb. 32,1 (1); Ильинская 1968, таб. XIII, 2; XXXIX, 24; LII, 1 (8, 9, 2); Ильинская 1975, таб. XXXIV, 4 (3); Батчаев 1985, таб. 21, 23 (4); Ильинская, Тереножкин 1987, 21, рис. 4; 243; 324 (13, 10, 5); Техов 1980, рис. 21, 6 (6); Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 11, 7; 19; 36, 1 (7, 12, 11); Schmidt 1957, pl. 79, 4–5 (14, 15)

Итак, несмотря на то, что в иконографии анатолийских пронизей ощущается некоторое родство с произведениями звериного стиля, отсутствие прямых аналогий им в собственно скифских причерноморских или кавказских памятниках и концентрация подобных вещей в Малой Азии позволяет предполагать, что в данном случае речь идет о некоей местной группе изделий, вовсе не обязательно связанной генетически со скифским (или киммерийским) искусством. Изображения хищной птицы, орлиноголовых грифонов и т. д. были весьма распространены в искусстве разных народов Передней Азии и Эгеиды. В связи с этим можно упомянуть также многочисленные изображения хищной птицы из слоновой кости (конец VII – начало VI вв. до н. э.), обнаруженные при раскопках эфесского Артемисия¹²⁰. С каким народом следует связывать данную группу пронизей, остается неясным — речь здесь может идти не только о киммерийцах или скифах (какая-то часть их, видимо, находилась в Лидии при Алиатте), но и о персах, и о каком-нибудь собственно малоазийском народе, например, самих лидийцах, использовавшем изображения головок хищных птиц в упряжи коней.

В немалой степени такое отсутствие определенности связано с невозможностью более или менее уверенно датировать вещи, о которых идет речь. Единственным основанием датировки мог бы быть археологический контекст находки пронизи в Сардах. Она была обнаружена в помещении, находящемся рядом с алтарем Кибелы и предположительно истолкованном как дом жреца¹²¹. Материал, найденный вместе с головкой птицы, датируется второй четвертью — серединой VI в. до н. э.¹²², однако сама она может относиться и к более раннему времени. Во всяком случае, пронизь использовалась в Сардах явно вторично и не по назначению — она была залита свинцом, а ее находка в культовом комплексе, связанном с алтарем Кибелы, учитывая роль ястреба в представлениях о ней¹²³, делает предположение о культовом использовании данной головки весьма вероятным. Хронологический разрыв между временем активности киммерийцев в Малой Азии и археологической датировкой, пусть и неточной, головки ястреба, усиливает предположение о ее принадлежности, как и других подобных изделий, некоей малоазийской школе, не связанной с киммерийцами или скифами.

Вторая пронизь «скифского типа» из Сард также найдена вне всякой связи со слоем киммерийского разгрома, в недатируемом смешанном слое¹²⁴. Она, напротив, принадлежит широко распространенному типу клювовидных пронизей, в той или иной мере стилизованных. Они известны в очень многих раннескифских памятниках, начиная с погребения 1921 г. Каменноостского могильника в Кабардино-Балкарии, сочетающего элементы предскифской и раннескифской культур¹²⁵, а также в курганах Аксютинцы 466 и 3 (1886 г.)¹²⁶, Волковцы 478¹²⁷, Гуляй город 38¹²⁸, Константиновка 244¹²⁹, Захарейкова могила 1¹³⁰ и др. (Рис. 35, 8–13).

Этот тип пронизей был, однако, заимствован у кочевников и другими народами — сначала урартами (ср. выше о находке подобных вещей в составе уздечных наборов из Кармир-Блура) (Рис. 12, 3–5, 7, 11–14), а затем персами. Подобные пронизи не только обнаружены при раскопках Персеполя и в некоторых других местах (Рис. 35, 14, 15)¹³¹, но и ясно различимы на многочисленных изображениях коней персов на персепольских рельефах и других изображениях ахеменидской эпохи (Рис. 36)¹³². Таким образом, и соотнесение данной пронизи с каким-либо конкретным народом затруднено и она

¹²⁰ Jacobsthal 1951, fig. XXXIV, a–d.

¹²¹ Hanfmann, Waldbaum 1970, 17–19; Hanfmann, Mierse, Foss u. a. 1983, 36.

¹²² Mitten 1968, 112.

¹²³ Hanfmann, Mierse, Foss u. a. 1983, 36.

¹²⁴ Waldbaum 1983, 40–41, pl. 6.

¹²⁵ Иессен 1941, рис. 4, 4.

¹²⁶ Ильинская 1968, таб. XIII, 2; XIX, 8.

¹²⁷ Ильинская 1968, таб. XXXIX, 24.

¹²⁸ Ильинская 1975, таб. II, 32.

¹²⁹ Ильинская 1975, таб. XIII, 16.

¹³⁰ Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 59, рис. 36, 1.

¹³¹ Schmidt 1957, 100, pl. 79, 3–5; Muscarella 1988, 219–220, с литературой. См. также Omura 1991, 323, Res. 7, 2 (фригийская крепость Каман-Кале Хуюк в 100 км от Анкары).

¹³² См. Calmeyer 1985, 125–144, Taf. 38–50. Ср. Bernard 1965, 271–273; Özgüç 1982, 123, pl. 64, 1a–b; I (расписная чаша последней четверти VI в. до н. э.); Muscarella 1988, 219–220; Kossack 1989, 118–119.

1

2

3

Рис. 36 Изображения коней ахеменидской эпохи. 1, 2. Персеполь, рельефы ападаны; 3. Расписная чаша из Машат Хуюка
По Calmeyer 1985, Taf. 39, 41 (1, 2); Özgüç 1982, pl. 64, 1a (3)

также не может считаться несомненным свидетельством материальной культуры киммерийцев или скифов¹³³.

Кроме двух названных бронзовых пронизей в Сардах было обнаружено еще две бронзовых бляшки, стиль которых также напоминает скифский звериный стиль. При раскопках акрополя среди находок поздневизантийской эпохи была обнаружена бляха с изображением кабана¹³⁴, а несколько позже в эллинистическом слое — близкая к первой по стилю бляха с изображением горного козла (Рис. 37, 1, 2)¹³⁵. Примечательно, что последняя не закончена и по-видимому представляет собой производственный брак, что свидетельствует о ее изготовлении на месте, в Сардах. Данная находка сделана неподалеку от того места, где несколько раньше была обнаружена другая незавершенная бракованная бронзовая пластина с орнаментом в виде розеток¹³⁶. Это может свидетельствовать о локализации в данном районе металлургической мастерской.

Кабан на бронзовой пластинке размером 9,50 × 4,50 см изображен с поджатыми ногами, расположенными параллельно под телом. Вдоль всей спины идет гребень шерсти, морда и тело моделированы достаточно детально и реалистично. Пластинка с изображением козла меньше по размеру (5,30 × 4,20 см). Козел изображен с подогнутыми под туловище ногами, причем копыто сильно согнутой передней ноги располагается над копытом задней. Голова козла повернута назад, борода падает на спину. Длинный, разделенный на сегменты, рог резко загибается назад и примыкает своим концом к длинной шее животного, огибая большое ухо. В целом по своей манере две описанные бляшки образуют очевидное стилистическое единство. Обе обсуждаемые бляшки с изображениями животных имеют на обратной стороне однотипные петли для крепления. Они могли использоваться в качестве элементов конской узды, однако такое их применение ничем не доказывается — ни одна из подобных блях не была обнаружена вместе с другими элементами конского убора.

Ближайшие аналогии бляшкам из Сард происходят также из западной Малой Азии. Это прежде всего бляшка с изображением козла из Измита на Мраморном море, являющаяся почти точной копией бляшки из Сард (Рис. 37, 3)¹³⁷. Другая чрезвычайно близкая бляшка находится в одном цюрихском частном собрании. Место ее находки, к сожалению, не известно (Рис. 38, 1)¹³⁸. Сходная бляшка с изображением козла (Рис. 37, 4)¹³⁹ и две бронзовых пронизи несколько иной конструкции с изображением козла и кабана находятся в коллекции Британского музея (Рис. 39, 1, 2)¹⁴⁰. Козел здесь изображен в другой позе — его голова не развернута назад, а смотрит вперед, однако ноги расположены вполне аналогично изображению на бляшке из Сард. К сожалению, ни точное место, ни обстоятельства находки этих бляшек неизвестны. Указывается лишь, что одна из них, с изображением козла, была куплена в Троаде, что позволяет предположить ее происхождение с северо-запада Малой Азии. Еще одна очень близкая названным пронизь с изображением козла была найдена при раскопках дорического храма V в. до н. э. на акрополе Гелы в южной Сицилии (Рис. 39, 3)¹⁴¹. Подобная же пронизь, происходящая из Турции, хранится в одном американском частном собрании, а другая, несколько отличающаяся по трактовке изображенного животного и происходящая из Сирии — в Лувре (Рис. 38, 2, 3)¹⁴². Весьма близко названным также изображение козла на бронзовом предмете неясного назначения (рукоять?), обнаруженном в позднем слое (видимо, VI в. до н. э.), перекрывающем фригийские

¹³³ Попытки представить находки подобных пронизей как свидетельство присутствия киммерийцев или скифов (см. особенно Ghirshman 1977, 27–37; Ghirshman 1983, 86–87), таким образом, лишены оснований.

¹³⁴ Hansen 1962, 27–36.

¹³⁵ Waldbaum 1983, 67–72.

¹³⁶ Hanfmann 1962, 11–12, fig. 8; Hanfmann, Detweiler 1964, 27, fig. 4.

¹³⁷ Otto 1941, 81–88, Abb. 1–2; Waldbaum 1983, 68, pl. 17, 5–6.

¹³⁸ Stucky 1985, 120, Taf. 65, Nr. 22.

¹³⁹ Barnett 1962/1963, 99, pl. 50 a; Waldbaum 1983, 68–69, pl. 17, 7–8.

¹⁴⁰ Hogarth 1908, 177, fig. 33; Otto 1941, 83, Abb. 3–4; Kossack 1987, Abb. 5, 2, 3 (с ошибочным указанием на происхождение из Эфеса и слоновую кость как материал).

¹⁴¹ Orlandini 1956, 8–10, Tav. III, 1–2; Stucky 1985, 120, Taf. 36, 5.

¹⁴² Stucky 1985, 120, Nr. 17, 19, Taf. 37, 1–2, 3–4.

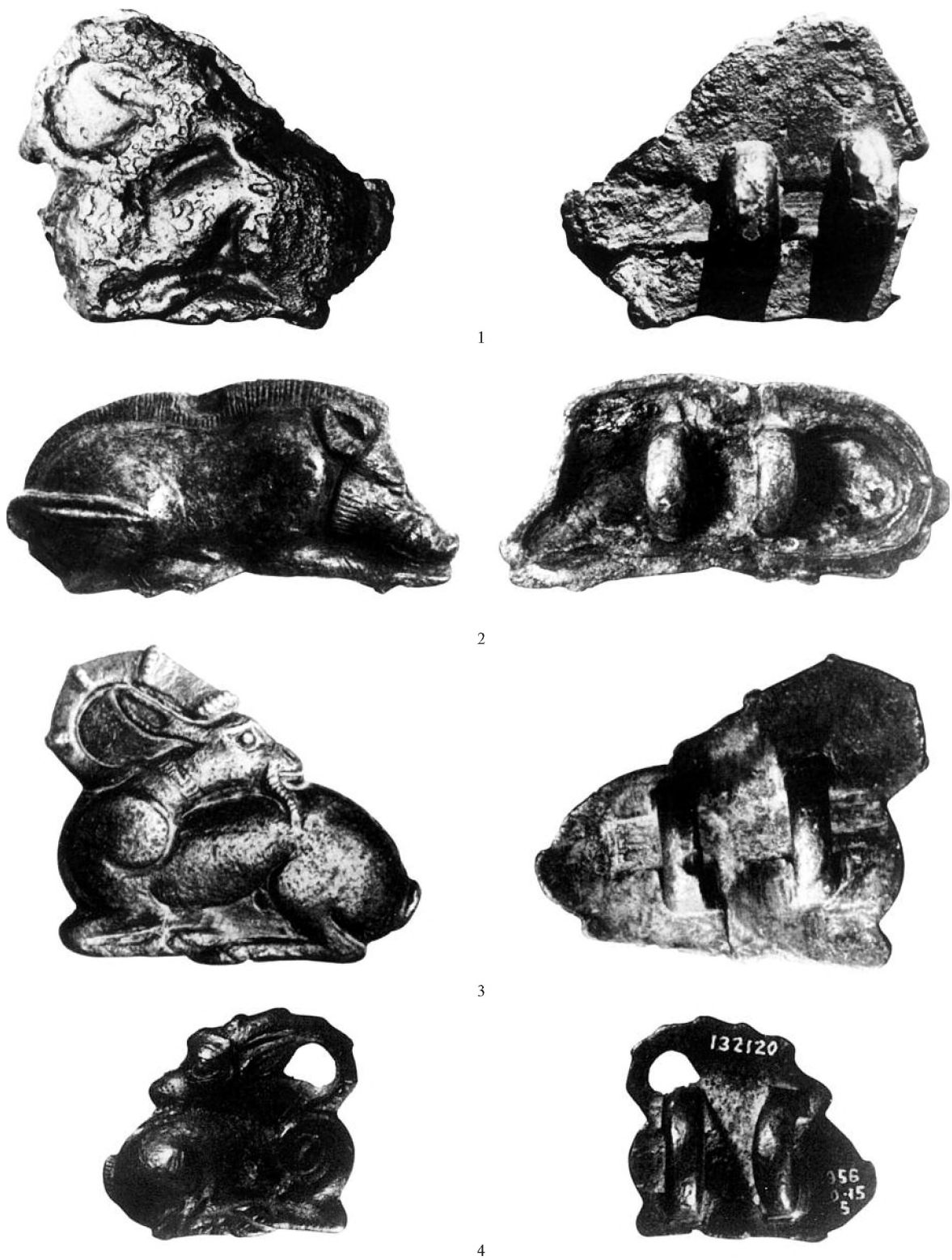

Рис. 37 Бронзовые пластинки с изображениями горных козлов и кабанов. 1, 2. Сарды; 3. Измит; 4. Троада (?), Британский музей
По Waldbaum 1983, fig. 17, 1–8

1

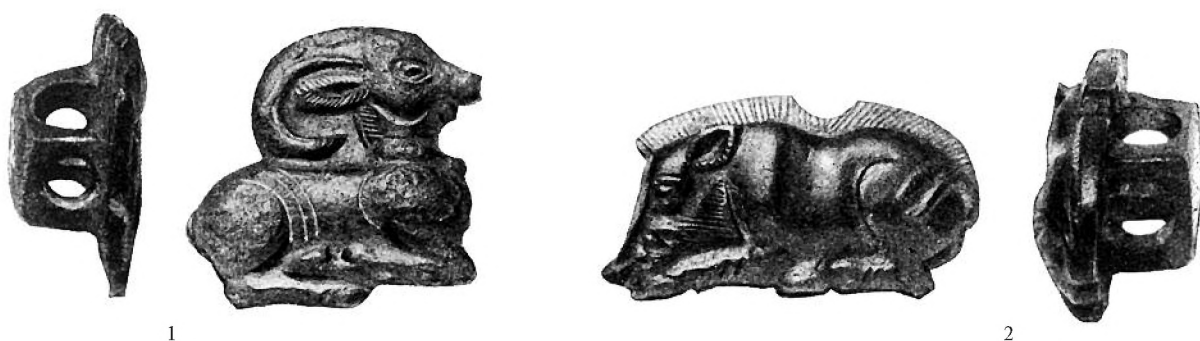
2

3

Рис. 38 Бронзовые пластины и пронизи с изображениями горных козлов. 1. Место находки неизвестно, Цюрихское частное собрание; 2. Турция, частное собрание, США; 3. Сирия, Лувр

По Stucky 1985, Taf. 37, 1-4; 65

1

2

3

4

5

Рис. 39 Изображения горных козлов и кабанов. 1, 2. Пронизи из Малой Азии (?), Британский музей;
3. Пронизь из Гелы, Южная Сицилия; 4. Пластина из Богазкёя; 5. Предмет из Богазкёя. 1–3, 5. Бронза; 4. Кость
По Hogarth 1908, fig. 33 (1, 2); Stucky 1985, Taf. 36, 5 (3); Boehmer 1972, Taf. IX, 172; LXVII, 1890 (5, 4)

постройки на Богазкёе (*Рис. 39, 5*)¹⁴³. Здесь же в смешанном слое был обнаружен обломок костяной пластины с изображением близкого типа (*Рис. 39, 4*)¹⁴⁴. Еще две аналогичных бляшки с изображением козлов, одна из которых происходит из Турции, а место находки другой неизвестно, хранятся в бостонском Музее изящных искусств (*Рис. 40, 1, 2*)¹⁴⁵. Известен и еще ряд подобных блях неизвестного происхождения из бронзы или кости, изображающих козлов или кабанов и хранящихся в различных собраниях¹⁴⁶.

К данной группе вещей примыкают многократно упоминавшиеся в литературе бляшки из слоновой кости, найденные при раскопках Артемисия в Эфесе. Одна из них изображает козла, а другая кабана (*Рис. 40, 3, 4*)¹⁴⁷. На бляшке с изображением козла имеется орнамент в виде двух вписанных в круг многолучевых розеток, расположенных на бедре и лопатке животного. Эфесские изделия из слоновой кости стилистически чрезвычайно близки упоминавшимся бронзовым бляшкам, хотя в трактовке ног кабана заметно отличие — они не подогнуты под тело, а расположены параллельно друг к другу под углом к нему, так что кабан как бы припал на них. Эфесские бляшки, в отличие от большинства других, могут быть датированы по археологическому контексту (обе бляшки из Сард и бляшка из Гелы явно найдены во вторичном контексте). Они были обнаружены среди других многочисленных изделий из слоновой кости под основанием фундамента Артемисия, куда, видимо, при крезовой перестройке попала часть более ранних жертвенных даров. Весь комплекс обнаруженных здесь предметов достаточно уверенно датируется второй четвертью VI в. до н. э. — временем, непосредственно предшествовавшим перестройке святилища Крезом, однако часть вещей относится к более раннему времени — в основном к первой половине VI в. до н. э.; имеются и более ранние предметы¹⁴⁸.

В последнее время данная группа вещей пополнилась двумя важными находками, происходящими из датированных слоев Эфеса. При раскопках австрийской экспедиции в Артемисии было обнаружено еще два изображения копытных из слоновой кости (горного козла и барана), один из которых весьма близок старой находке из раскопок Д. Хогарта¹⁴⁹. Козел изображен в той же позе, с головой, обращенной назад, и имеет, как и козел на известной пластине, круги на лопатке и бедре (*Рис. 41, 1*). Вторая пластина из слоновой кости, с такой же «коробкой» для крепления на задней стороне, как и на старых находках, изображает барана в другой хорошо известной позе, с головой, смотрящей вперед (*Рис. 41, 2*)¹⁵⁰. Стилистически, однако, эта фигура довольно существенно отличается от других находок данной группы. Эти предметы происходят из слоя, перекрытого хорошо фиксируемой желтой плотной поверхностью эпохи Креза и перекрывающего слой тонкого песка. Обнаруженные здесь находки датируются между концом VII и серединой VI в. до н. э. и в основном являются жертвенными дарами Артемиде Эфесской, связанными с находящимся здесь алтарем. Слой также насыщен многочисленными костями жертвенных животных и пеплом с углем, оставшимися от жертвоприношений¹⁵¹. Учитывая находку в Богазкёе предмета с изображением козла в слоях VI в. до н. э., можно датировать данную группу предметов первой половиной VI в. до н. э.

Что касается места производства данной группы предметов, то предположение об их скифском происхождении основывается лишь на внешнем впечатлении близости предметам скифского зве-

¹⁴³ Boehmer 1972, 69–70, Taf. IX, Nr. 172.

¹⁴⁴ Schirmer 1969, 51, Taf. 39, Nr. 173; Boehmer 1972, 185–186, Taf. LXVII, Nr. 1890.

¹⁴⁵ Waldbaum 1983, 69, pl. 18, 1–2, 7–8; Stucky 1985, 119–120, Nr. 13, 18.

¹⁴⁶ Amandry 1965, 153; Stucky 1985, 119–121; Stucky 1987, 160–164.

¹⁴⁷ Hogarth 1908, 163–164, pl. 21, 5; 23, 2 (козел); 26, 3 (кабан).

¹⁴⁸ Jacobsthal 1951, 85–95; Robinson 1951, 156–167; Robinson 1956, 1–8; Atzinger 1970, 1686–1688. В. Атцингер датирует интересные нас предметы между 560 и 550 гг. до н. э.,

однако основания этой датировки неясны. Ср. Bammer 1990, 148–150.

¹⁴⁹ Bammer 1988, Abb. 54–55; Bammer 1988a, 12–15, Abb. 16; Vettors 1989, 89, Taf. V; Bammer 1992, 186, 190, pl. 8 a–b. Ср. *Ibid.*, pl. 8 c; Bammer, Muss 1996, 30, Abb. 26.

¹⁵⁰ Vettors 1973, 183, Taf. VI; Bammer 1973/1974, Taf. 5, 1; Bammer 1984, Abb. 72, 104; Stucky 1987, 161, Taf. 19, 3–4; Bammer 1988, Abb. 51; Bammer 1992, 186, 189, pl. 9 a–b; Bammer, Muss 1996, 30, Abb. 27.

¹⁵¹ Bammer 1988a, 1–4, 23; Bammer 1991, 66, ср. Bammer 1973/1974, 53–54; Brein 1978, 721–723; Bammer, Brein, Wolff 1978, 126, 143.

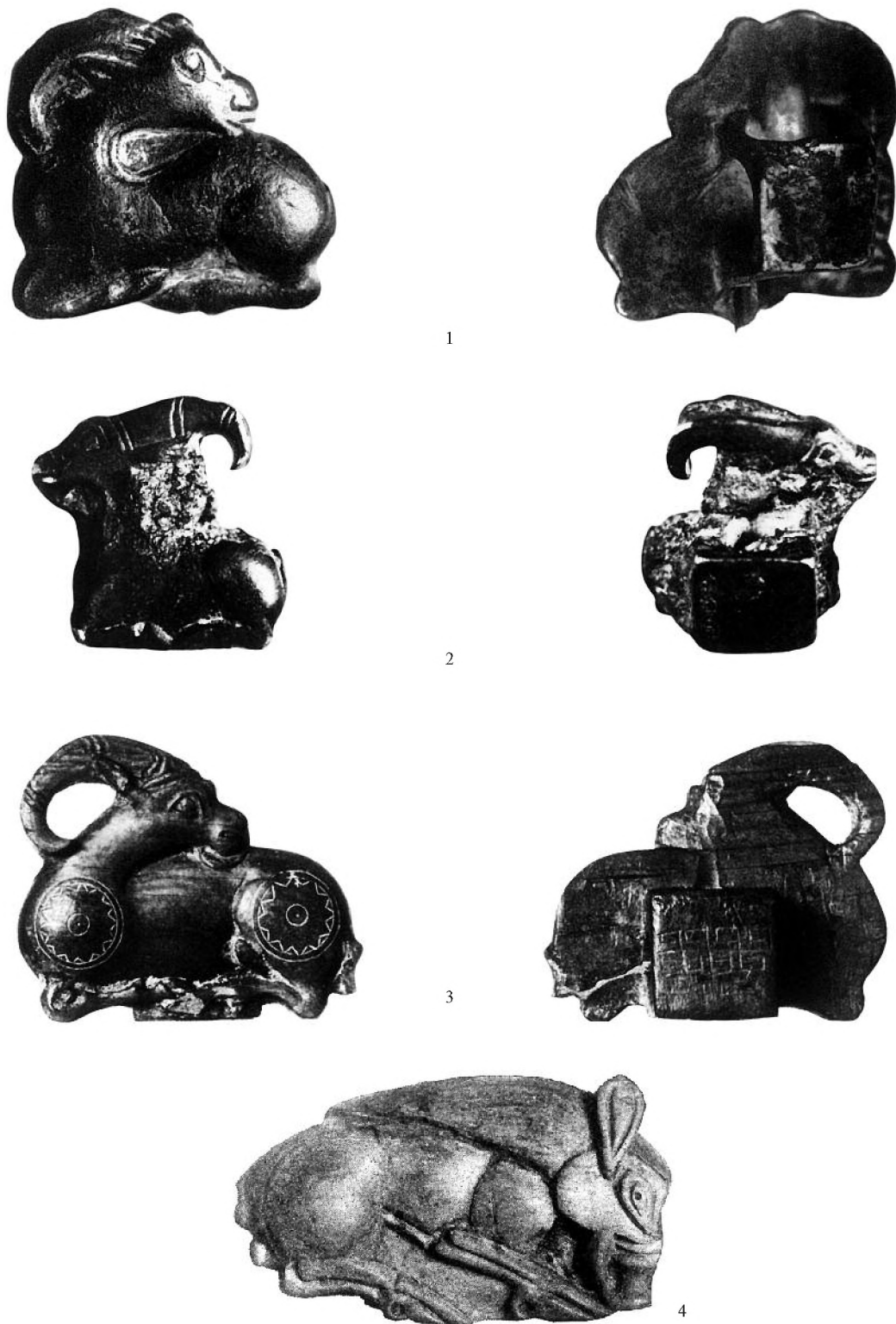

Рис. 40 Пронизи с изображениями горных козлов и кабанов. 1. Турция, Музей изящных искусств в Бостоне; 2. Место находки неизвестно, Музей изящных искусств в Бостоне; 3, 4. Эфесский Артемисий. 1, 2. Бронза; 3, 4. Слоновая кость

По Waldbaum 1983, fig. 18, 1–2, 7–8 (1, 2); Hogarth 1908, fig. 23, 2; 26, 3a (3, 4).

1

2

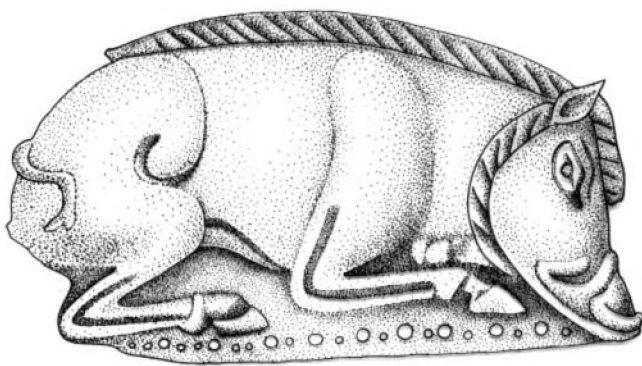
Рис. 41 Пластины из слоновой кости с изображениями горного козла и барана. Эфесский Артемисий
По Vammer, Muss 1996, Abb. 26, 27

1

2

3

4

Рис. 42 Бляшки с изображениями кабанов и горного козла.

1. Иран; 2. Курган у с. Архангельская слобода; 3. Курган 6 у с. Александровка; 4. «Зивие». 1. Бронза; 2–4. Золото
По Stucky 1985, Taf. 38, 2 (1); Schiltz 1994, fig. 292 B (2); Ильинская, Тереножкин 1987, 111 (3); Godard 1950, fig. 39 (4)

рино́го стилия. При этом следует отметить, что аналогии в скифских памятниках, на которые можно указать, значительно дальше от малоазийских бляшек, чем они между собой. Так, например, можно назвать золотую бляху с изображением кабана, найденную в кургане №6 у с. Александровка (учхоз «Самарский») в Днепропетровской области (Рис. 42, 3)¹⁵². Эта бляха, однако, имела другое функциональное назначение и была не частью конской узды, а украшением ножен меча. Другая аналогия датируется значительно более поздним временем. Речь идет о шести украшавших колчан золотых пластинах с изображением кабанов, которые были обнаружены в курганном захоронении рубежа V–IV вв. до н. э. у с. Архангельская слобода в Херсонской области (Рис. 42, 2)¹⁵³.

В то же время еще в 40-е гг. на основании сопоставления эфесских костяных предметов с некоторыми лидийскими рельефами высказывалось предположение об их лидийском происхождении¹⁵⁴. Находка бракованной бляшки с изображением козла в Сардах подтверждает это предположение. Не менее важна концентрация подобных изделий в северо-западной Малой Азии при незначительном количестве сколько-нибудь близких аналогий в скифских памятниках Северного Причерноморья. Наконец, на ранних лидийско-ионийских электровых монетах фигурируют изображения животных, которые могут быть сопоставлены с изображениями на пластинах¹⁵⁵. Наиболее вероятно датировка этих предметов, как и пронизей в виде реалистично исполненных головок хищной птицы, первой половиной, вероятно ближе к середине, VI в. до н. э. Таким образом, данная группа находок, скорее всего, не имеет никакого отношения к материальной культуре киммерийцев, вторжения которых в Лидию и Ионию датируются значительно более ранним временем. Можно было бы связывать эти предметы с влиянием на лидийское искусство скифов, о пребывании какой-то группы которых в Лидии в связи с лидо-мидийским конфликтом при Алиатте сообщают античные авторы. Такое предположение, однако, не обязательно. Исследование П. Амандри¹⁵⁶ показывает, что некоторые так называемые «скифские» мотивы звериного стилия, в том числе и изображение копытного, прежде всего козла, с повернутой назад головой, в действительности имеют глубокие (с III тыс. до н. э.) ближневосточные корни и могли войти в лидийское искусство без всякого участия скифских или киммерийских кочевников. Источником влияния на лидийское искусство мог быть и Иран, учитывая интенсивные лидо-мидийские, а затем лидо-персидские контакты в течение VI в. до н. э. Характерно при этом, что в рамках скифского мира достаточно близкую, хотя и не полную аналогию малоазийским предметам, кроме упоминавшейся бляхи из кургана №6 у с. Александровка, составляют бляшки с изображением козла из знаменитого «клада у Зивие» в иранском Курдистане (Рис. 42, 4)¹⁵⁷. Особая роль передне-восточных и иранских традиций в стиле предметов из этой группы достаточно хорошо известна. Еще важнее то, что имеются также бронзовые бляшки с изображением кабанов, чрезвычайно сходные с малоазийскими как по стилю, так и по деталям крепления на оборотной стороне и происходящие с территории Ирана (Рис. 42, 1)¹⁵⁸. В то же время подобные перечисленным малоазийским изделиям бронзовые бляшки с изображением козлов, происходящие из Ирана, на которые ссылаются П. Амандри и Р. Штуки¹⁵⁹, хотя и обнаруживают определенное родство с малоазийскими находками, однако отличаются от них большей схематичностью, иной трактовкой деталей и т. д. Они явно составляют обособленную со стилистической точки зрения группу.

¹⁵² Ковалева, Волкобой, Марина и др. 1978, 331–332, фото; Ковалева, Волкобой, Костенко и др. 1978, 13, рис. 2, 1–2; Ковалева, Мухопад 1982, 98, 100–101, рис. 5, 3; 6; Ильинская, Тереножкин 1987, 99, 111 (рис.); Мурзин 1984, 29, рис. 15.

¹⁵³ Лесков 1972, 56–59, рис. 35, 37; Черненко 1981, 55–56, рис. 36; Переводчикова 1986, 13, рис. 3, 3. Ср. также резное изображение кабана на деревянном саркофаге из второго Башадарского кургана на Алтае: Руденко 1960, 46–51, рис. 27а. Кабан на серебряной позолоченной пластине из первого Уляпского кургана в Адыгее (V–IV вв. до н. э.) изображен совсем в другой позе: Leskov 1990, 28–29, Abb. 182; Katalog

1993, 69, Nr. 25.

¹⁵⁴ Barnett 1948, 18.

¹⁵⁵ См., например, изображение головы кабана на монете, найденной в Эфесе в одном слое с пластинкой с изображением козла: Vammer 1988a, 18, Abb. 29; Vammer 1991, 66–67, Fig. 5.

¹⁵⁶ Amandry 1965, 149–160.

¹⁵⁷ Godard 1950, fig. 39; Ghirshman 1979, pl. III.

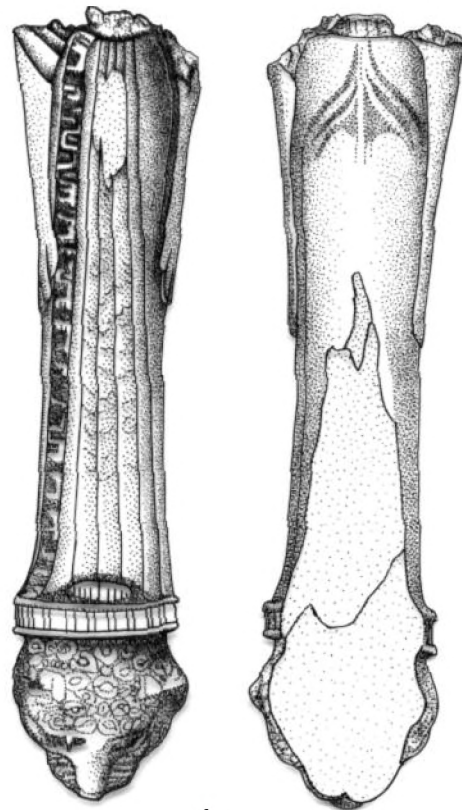
¹⁵⁸ Amandry 1965, 153, pl. XXIX, 3,4,6,7; Stucky 1985, Taf. 38, 2.

¹⁵⁹ Amandry 1965, 153; Stucky 1985, 119–121.

1

2

3

Рис. 43 Находки из эфесского Артемисия.

1. Золотая подвеска в виде головы быка, увенчанной головой льва;
2. Бронзовая подвеска-бубенец;
3. Статуэтка богини из слоновой кости

По Bammer 1991, fig. 10 (1); Bammer, Muss 1996, Abb. 28, 29 (3, 2)

Можно констатировать, следовательно, что малоазийские бляхи, вероятно лидийского происхождения, сделанные как из бронзы, так и кости, представляют собой особую группу, стоящую особняком как от собственно иранских, так и от скифских предметов. Вопрос происхождения этого стиля достаточно сложен — здесь можно иметь в виду как разнообразные влияния, так и наследование малоазийских традиций. В частности, следует упомянуть костяную резьбу так называемого «фригийского звериного стиля» VIII в. до н. э., развивавшуюся и в более позднее время, включая персидскую эпоху, и вряд ли имеющую какое-нибудь отношение к кочевническому искусству¹⁶⁰. Вероятно, местное производство изображений различных животных в западной Малой Азии было связано здесь с культом богини, почитавшейся как *λότνια θηρών*, в частности Артемиды Эфесской. Разнообразные изображения животных, обнаруженные в эфесском Артемисии, служили вотивными объектами, которые посвящались в святилище наряду с реальными жертвами¹⁶¹. Эти предметы (включая находки из Сард, Эфеса и Трояды, принадлежащие рассматриваемой группе), которые связаны с местными религиозными представлениями и местной изобразительной традицией, в любом случае нет никаких оснований считать киммерийскими или скифскими.

Истолкование этих предметов как киммерийских в недавнее время привело к появлению гипотезы об «участии киммерийцев в культе» Артемиды Эфесской и даже об их причастности к основанию ее храма¹⁶². Выше уже указывалось, что находки пластин с изображениями козлов не могут подтверждать эту теорию как потому, что они достаточно далеки от образцов кочевнического звериного стиля, так и по хронологическим соображениям — они скорее всего относятся к первой половине VI в. до н. э., когда киммерийцы уже перестали играть существенную роль в Малой Азии. Кроме этих пластин, А. Баммер считает «киммерийской» также обнаруженную здесь же золотую подвеску в виде головы льва, находящейся на голове быка, ссылаясь при этом на сходные находки из Келермесских курганов (*Рис. 43, 1*)¹⁶³. Указанные им аналогии не вызывают сомнения, однако келермесские предметы давно были идентифицированы как детали мебели ассиро-вавилонского типа, которая входила в состав добычи, награбленной скифами во время их переднеазиатских походов. Эти предметы совершенно чужды степной традиции и находят себе аналогии среди изделий передневосточной тюреттики¹⁶⁴. Таким образом, золотая подвеска также не имеет отношения к степным кочевникам и должна быть связана с Передней Азией.

Невозможно связывать с киммерийцами и две бронзовые подвески в виде бубенцов, одна из которых украшена стилизованными головками птиц (*Рис. 43, 2*)¹⁶⁵. Прежде всего следует отвести приводимые А. Баммером аналогии. Найденные на Самосе колокольчики, на которые он ссылается, не имеют никакого отношения к эфесским бубенцам: они открытые снизу и имеют коническую или восьмигранную форму¹⁶⁶. Часть этих колокольчиков принадлежит хорошо известному урартскому типу. Ниже я подробно рассматриваю вопрос о распространении и датировке колокольчиков и бубенцов, поэтому здесь ограничусь лишь краткими замечаниями (подробное обоснование и ссылки на литературу читатель найдет в главе 2.2.6). Бубенцы найденного в Эфесе типа совершенно не известны в степях. Ближние аналогии им можно найти в иранских и в меньшей мере в закавказских памятниках, где они были распространены еще в начале II тыс. до н. э. Примерно с середины VIII в. до н. э. подобные бубенцы распространяются в Центральной и Южной Европе, сначала в памятниках т. н. «фрако-киммерийского» горизонта (Северная Италия, Венгрия, Богемия, Хорватия), а затем и на западных Балканах, в

¹⁶⁰ Young 1963, 354–356; Kohler 1964, 58–62, pl. XVII–XX; Boehmer 1972, 185–186, Nr. 1887, pl. LXVI; Young 1964, 283, pl. 84, 14 (резные пластины, изображающие ястреба, напавшего на зайца, возможно уже персидской эпохи), ср. также еще одну костяную пластину из Богазкёя: Beran 1962, 56–57, Abb. 47–48; Boehmer 1972, 185–186, Taf. LXVII, Nr. 1891.

¹⁶¹ Bammer 1988a, 12–18; Bammer, Muss 1996, 64, 80–82.

¹⁶² Bammer 1991, 66–67; Bammer, Muss, 29–32.

¹⁶³ Bammer 1988a, 15–17, Abb. 24–27; Bammer 1991, 66–67.

¹⁶⁴ См. Галанина 1991, 17, рис. 1, 1–3; Галанина / Galanina 1997, 154–155, 227, 232, Taf. 4; 27, 91,92; 42, 35,36, с литературой.

¹⁶⁵ Bammer 1988b, 23, Abb. 32; Bammer, Muss 1996, 32, Abb. 29.

¹⁶⁶ Jantzen 1972, 81–84, Taf. 79, 80.

Македонии и Греции. Очевидно, с одной из этих территорий и должны быть связаны бубенцы из Эфеса. Находки других предметов анатолийского, палестинского, египетского и др. происхождения в эфесском Артемисии достаточно многочисленны¹⁶⁷. Чрезвычайно странно выглядит попытка приписать кочевникам женскую фигуру из слоновой кости, стоящую на базе, оформленной в виде головы пантеры (*Рис. 43, 3*). Эта фигура, имеющая вполне греческий облик¹⁶⁸, совершенно чужда степному искусству. Ни один из приведенных А. Баммером предметов не может быть, следовательно, связан со степными кочевниками. Ничуть не убедительнее и его попытка связать с киммерийцами легенды об амазонках, которые по греческой традиции играли роль в основании культа Артемиды Эфесской. Образ амазонок, хорошо известный уже автору «Илиады» (Г 189, Z 186, ср. В 814)¹⁶⁹, всегда был связан с Малой Азией и первоначально не имел никакого отношения к степным кочевникам. По-видимому, греки стали ассоциировать амазонок со скифами не раньше V в. до н. э. (Hdt. IV, 117)¹⁷⁰.

Другие вещи из Малой Азии, очевидно, никак не связанные с киммерийцами или скифами, время от времени также атрибутируются им. Так, например, Э. Акургал¹⁷¹ нашел возможным определить серебряную чашу, обнаруженную в Уние к востоку от Самсуна как «позднекиммерийское» изделие. Оставляя в стороне вопрос о значении странного термина «позднекиммерийский», следует заметить, что чаша явно принадлежит кругу ахеменидского искусства (о чем свидетельствует и часть приведенных самим Э. Акургалом аналогий) и никак не связана с киммерийцами или скифами¹⁷².

Примерно то же можно сказать и о сделанном недавно М. Н. Погребовой замечании о наличии «элементов скифского комплекса в слое II Деве Хуюка близ Кархемиша, датированного VI в. до н. э.»¹⁷³ В действительности некрополь II Деве Хуюка датируется вовсе не VI в. до н. э., а временем между 480 и 380 гг. до н. э.¹⁷⁴ В нем обнаружены не только трехлопастные наконечники стрел «скифского» типа¹⁷⁵, но и шесть акинаков (типично персидское оружие), при одном из которых найден бронзовый наконечник ножен, являющийся чуть ли не точной копией наконечника, изображенного на одном из персепольских рельефов¹⁷⁶. Именно этот акинак и находящаяся при нем бутероль хорошо датированы найденным с ними в одном захоронении чернолаковым аттическим киликом, относящимся ко времени вскоре после 480 г. до н. э.¹⁷⁷ В некрополе Деве Хуюк II обнаружены и другие подобные бутероли, стиль которых типичен вовсе не для скифского, а для ахеменидского искусства. Интерпретация данного памятника не вызывает никаких сомнений. Очевидно, речь идет о некрополе, использовавшемся для захоронения воинов одного из гарнизонов персидской армии. Разумеется, в составе этого гарнизона могли быть и представители, например, среднеазиатских саков, однако ничто в инвентаре захоронений не подтверждает этого предположения — речь может идти и о самих персах, и о представителях других народов персидской империи. Ясно, во всяком случае, что некрополь не имеет ни малейшего отношения ни к киммерийцами, ни к скифам эпохи переднеазиатских походов.

¹⁶⁷ Vammer 1991/1992, 16–54.

¹⁶⁸ В более ранней публикации сам А. Баммер называет ее «eine ionische Elfenbeinkore»: Vammer 1988a, 5, отмечая точное влияние в том, что женская фигура стоит на голове хищника.

¹⁶⁹ Ср. Huxley 1960, 122–124.

¹⁷⁰ Другие источники см. Gutschmid 1894, 113, где предполагается, что греки связали давно известные им легенды об амазонках с евразийскими номадами после того, как познакомились с савроматами, в обществе которых женщины-воительницы играли важную роль. Это предположение кажется

весьма вероятным. Об амазонках см. подробно Blok 1995, специально о поздней дате их связи со скифами Blok 1995, 410–419.

¹⁷¹ Akurgal 1967, 32–38.

¹⁷² Ср. Moorey 1980, 139.

¹⁷³ Погребова 1993, 87, прим. 3.

¹⁷⁴ Moorey 1980, 7–8, 10.

¹⁷⁵ Moorey 1980, 64–65.

¹⁷⁶ Stucky 1976, 19, Abb. 11; Bernard 1976, 234, Nr. 10; Moorey 1980, 54, fig. 9.

¹⁷⁷ Moorey 1980, 23.

Переднеазиатские изображения «евразийских номадов»

Следует упомянуть еще утверждения, которые время от времени приходится встречать в литературе (причем часто с неточными ссылками на первичные публикации материала), о том, что нам известны изображения скифов или киммерийцев времени переднеазиатских походов, сделанные местными народами.

1.4.1 РЕЛЬЕФ АШШУРНАЦИРПАЛА II ИЗ НИМРУДА

Прежде всего следует рассмотреть рельеф Ашшурнацирпала II (884–858 гг. до н. э.) из Нимруда (*Рис. 44, 1*), который часто используется как свидетельство проникновения скифов или киммерийцев в Переднюю Азию уже в первой половине IX в. до н. э. На нем изображены какие-то всадники, вооруженные луками¹, которых преследуют ассирийцы на колеснице. Э. А. Грантовский уже отмечал, что толкование данного рельефа как изображения скифов (добавим, и киммерийцев) невозможно по историческим соображениям, а отличия этнографического облика изображенных на рельефе всадников от известных данных о предках западных иранцев (персов, мидян и др.) сильно преувеличено². Он склонен считать изображенных здесь всадников представителями тех западноиранских племен, присутствие которых в IX в. до н. э. в районе центрального Курдистана и прилегающих областях надежно засвидетельствовано ономастическими данными³ и с которыми здесь сталкивались ассирийцы при Ашшурнацирпале⁴. Следует заметить в связи с этим, что изображенные на рельефе всадники используют правчих, управляющих двумя идущими рядом конями, сидя на одном из них и освобождая тем самым руки сидящих на втором коне воинов. Использование правчих было характерно именно для переднеазиатских всадников, в то время, как иранские номады (скифы и киммерийцы) отказались от

¹ В.М. 124559: Budge 1914, pl. XXIV, 2. Данный рельеф первоначально толковался как изображение сирийцев: Hall 1928, 35, pl. XVI, 2, вслед за ним: Bossert 1951, 75, Abb. 967. Затем было предложено видеть в нем самое раннее изображение скифов: Sulimirski 1954, 290–293; Sulimirski 1970, 397, вслед за ним: Dyson 1965, 208; Young 1967, 20; Meade 1968, 131; Yamauchi 1982, 70–71; Yamauchi 1983, 92, с некоторым изменением («киммерийцы времени начальных набегов»): Ильинская 1982, 45–47; Ильинская, Тереножкин 1987, 75–77; очевидно, также под влиянием Т. Сулимирского М. Вейфлер говорит

о «северных иранцах»: Wäfler 1975, 266–267, Anm. 1356.

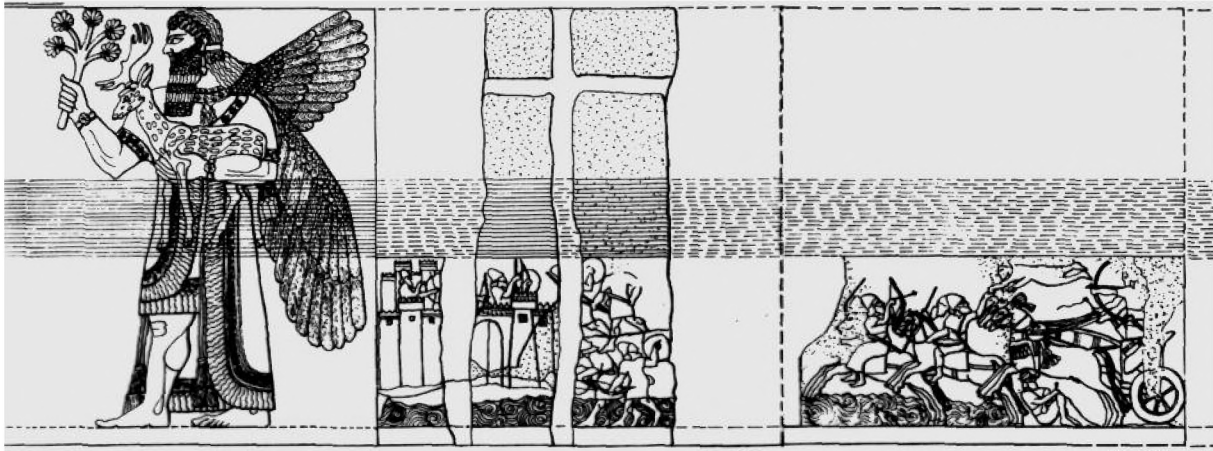
² Грантовский 1970, 370–372.

³ Грантовский 1970, *passim*.

⁴ Сходное мнение (иранцы Загроса) см. Winter 1983, 23, fig. 13. В опубликованной несколько ранее работе она сопоставляет изображение этих всадников с некоторыми обнаруженными на Хазанлу IV вещами, в частности конским нагрудником и одним из шлемов: Winter 1980, 4–5, 14, 24. Население Хазанлу IV было, очевидно, маннейским (т. е. не иранским).

1

2

3

Рис. 44 Рельефы Ашшурнацирпала II из Нимруда.
1. Рельеф В.М. 124559 (помещение В, плита 27); 2. Реконструкция рельефов помещения В дворца Ашшурнацирпала II в Нимруде; 3. Рельеф на плите 28 из того же помещения

По Budge 1914, Taf. XXIV, 2 (1); Meuszyński 1981, Taf. 3 (2); Meuszyński 1975, 64, fig. 17a (3)

них и каждый их воин-лучник сам управлял собственным конем. Данное наблюдение служит дополнительным аргументом против идентификации изображенных на нимрудском рельефе всадников с киммерийцами или скифами. Кроме того, на примыкающей к этой части рельефа плите был изображен город (или, во всяком случае, крепость) на берегу реки, защитниками которого были конные лучники и который атаковали ассирийцы (*Рис. 44, 2, 3*). Как у стен крепости, так и внутри нее изображены пешие воины, одетые также, как конники⁵. Вряд ли кто-нибудь рискнет предположить, что киммерийцы или скифы в эпоху Ашшурнацирпала не только присутствовали на границах с Ассирией, но и владели здесь городами, которые были вынуждены защищать в ходе ассирийских походов. Наконец, и техника стрельбы назад, которая считалась, например, М. Вефлером главным аргументом в пользу идентификации изображенных на рельефе всадников со скифами или киммерийцами, не может связываться лишь с ними. М. И. Ростовцев, посвятивший этому тактическому приему специальную работу, также приписывал его изобретение киммерийцам и скифам, благодаря которым, как он считал, этот прием стал известен в Передней Азии в конце VIII—VII в. до н. э.⁶ Этим временем он датировал самые ранние, по его мнению, изображения стреляющего назад всадника, ссылаясь при этом на найденную в Ашшуре печать с изображением охоты на быка (*Рис. 45, 1*), и три «финикийских» чаши. Опубликовавший использованную М. И. Ростовцевым печать О. Вебер, однако, датирует ее «около 1000 г. до н. э.»⁷. Переиздавший ее Э. Херцфельд относил печать к значительно более раннему времени — ранее печатей т. н. «пунктирного стиля», т. е. еще ко II тыс. до н. э.⁸ Впрочем, судя по всему, эта печать относится к группе ассирийских печатей IX—VIII вв. до н. э.⁹ Встречаются изображения «парфянского выстрела» и на других месопотамских печатях, относящихся к IX—VIII вв. до н. э.¹⁰ Иногда стреляющие назад всадники изображаются парами, однако, по крайней мере в одном из этих случаев оба всадника пары — стрелки, не использующие правчих¹¹. К тому же времени относится и ряд печатей с изображениями всадника, стреляющего через голову коня на скаку¹².

Таким образом, «парфянский выстрел» не был совершенно неизвестен в Передней Азии и до киммерийских и скифских походов. Другое дело, что как этот прием, так и стрельба с коня на скаку, очевидно, не применялись в то время в массовом порядке, а могли демонстрироваться лишь отдельными виртуозами вольтижировки, да и то скорее не в битве, а на охоте (недаром редкие изображения стреляющего с коня лучника имеются именно в сценах охоты, а не сражений).

⁵ Or. Dr. III, N.W. XXX (slab 28). Эта часть рельефа не была увезена в Лондон и осталась в Нимруде: Layard 1849, 392–393; Gadd 1936, 136; Abu es-Soof 1963, 66; Meuszyński 1981, 24, Taf. 3, 2. Публикацию фотографии см. Meuszyński 1975, 64, fig. 17–17a.

⁶ Rostovtzeff 1943, 181.

⁷ Weber 1920, Nr. 514 (VA 5191).

⁸ Herzfeld 1938, 37, 50, 53–55, Nr. 134, Abb. 233.

⁹ Parker 1955, 103; Moortgat 1966, 70, 144, Nr. 653, Taf. 77.

¹⁰ Porada 1948, 74–75, pl. XC, Nr. 624: всадник стреляет назад на скаку, целясь в крылатого быка, у ног лошади лежит обезглавленный человек; датируется эпохой Саргона II по сходству лошадиной упряжи с изображениями на глазурованных кирпичиках из Ашшура (*Рис. 45, 2*).

¹¹ Parker 1955, 103, pl. XIV, 3, ND. 2197: пара всадников в сцене охоты на быка (?) (*Рис. 45, 4*). Судя по двойному изображению луков, оба всадника пары — стрелки. Б. Паркер замечает, что кроме двойного изображения головы лошади на печати нет никаких признаков второй лошади или всадника, однако на фотографии ясно различаются две линии луков, а

также, вероятно, две головы и два тела всадников. Б. Паркер, очевидно, считает вторую голову всадника, находящуюся за плечом первого, изображением колчана. По стилю печать датируется VIII в. до н. э., обнаружена в смешанном контексте — вместе с находками, относящимися к эпохе от Ашшурнацирпала II до Ашшурбанипала; Doumet 1992, 77, Nr. 136: всадник стреляет в быка, обернувшись назад на скаку (*Рис. 45, 3*). За головой его лошади имеется изображение еще одной, однако другие детали изображения второй лошади или всадника отсутствуют. Печать относится к «линейному» новоассирийскому стилю (в основном IX—VIII вв. до н. э.).

¹² Moortgat 1966, 75, 151, Taf. 87, Nr. 746 (VA 831): всадник (царь ?) стреляет на скаку в львиноголового демона (*Рис. 45, 5*). Печать датируется по стилю эпохой Саргона II. Ср. печать, видимо, того же времени Herzfeld 1938, 50, Nr. 135: всадник, преследующий рогатое копытное, стреляет в него через голову коня (*Рис. 45, 6*). Никаких следов второго коня или всадника нет. Печать происходит из раскопок Гезера, где обнаружена в «четвертом семитском» слое (около 1000–550 гг. до н. э.): Macalister 1912, vol. II, 346; vol. III, pl. CCXIV, 24.

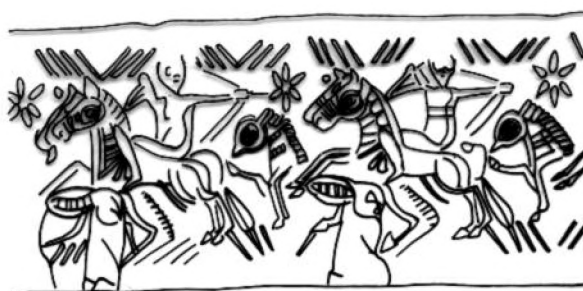
1

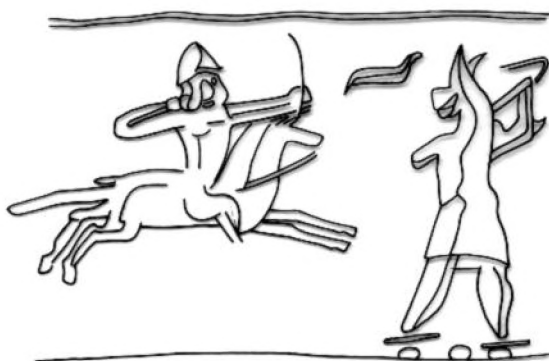
2

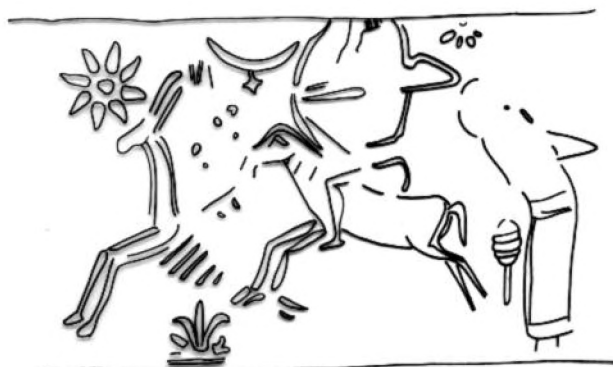
3

4

5

6

Рис. 45 Изображения конных лучников на ассирийских печатях

По Weber 1920, Nr. 514 (1); Porada 1948, pl. XC, Nr. 624 (2); Doumet 1992, Nr. 136 (3); Parker 1955, 103, pl. XIV, 3 (4);
Moortgat 1966, Taf. 87, Nr. 746 (5); Herzfeld 1938, Abb. 234 (6)

Кроме названных следует упомянуть еще достаточно многочисленные изображения стреляющих на скаку вперед, через голову лошади, или назад («парфянский выстрел») всадников в сценах охоты на урартских бронзовых поясах (Рис. 46)¹³. К сожалению, за единственным исключением, место и обстоятельства находки всех этих поясов неизвестны; нет на них также и надписей, так что они могут быть датированы лишь на основании сопоставления с датированными экземплярами и стилистического анализа. Х.-Й. Келльнер датирует такие пояса второй половиной VIII – второй половиной VII вв. до н. э.¹⁴ Связано ли появление таких изображений со знакомством со степными всадниками, остается неясным. Во всяком случае, все конные стрелки на урартских поясах по своей одежде и оружию ничем не отличаются от самих урартов, например, находящихся в колесницах, и нет никаких оснований предполагать, что здесь изображены чужеземцы. Итак, нет оснований приписывать изобретение «парфянского выстрела» скифами или киммерийцам — можно говорить лишь о том, что они впервые стали применять его в массовом порядке в бою, стали использовать как тактический прием. При этом Э. А. Грантовский уже отмечал, что вряд ли мы можем говорить о монополии одних лишь скифов и киммерийцев на использование конных лучников — вполне вероятно, что этим видом войск широко пользовались и другие иранские народы, например, марды, названные Плутархом (Luc. 31, 9) ἰλλτοτοξόται¹⁵.

Однако следует подчеркнуть, что в действительности всадники на рельефе Ашшурнацирпала вовсе не применяют настоящий «парфянский выстрел». В самом деле, «парфянский выстрел» — это стрельба назад всадника, который отпускает поводья лошади и управляет ею только при помощи шенкелей. Враги ассирийцев же поводья не отпускают — один из всадников стреляет из лука, а другой управляет двумя идущими рядом лошадьми. Вряд ли можно говорить и о сознательном применении тактики этого «псевдопарфянского выстрела»: ассирийский рельеф изображает, как обычно, разгромленного и бегущего врага, который еще пытается отбиваться. В этом смысле совершенно аналогично изображение разгрома ассирийцами арабов на рельефах северного дворца Ашшурбанипала¹⁶: сидящие по двое на верблюдах арабские воины отступают, отстреливаясь от ассирийцев и, разумеется, стреляя при этом назад (Рис. 47). При этом тоже один из арабских воинов стреляет из лука, а другой управляет верблюдом: разница лишь в том, что арабы на рельефе Ашшурбанипала сидят вдвоем на одном животном, а всадники на рельефе Ашшурнацирпала — на двух идущих рядом. Достаточно близкое изображение сохранилось еще на бронзовом ведрке, очевидно, ассирийской работы, которое происходит из западного Ирана (со слов владельца коллекции, где оно находится) (Рис. 48). На нем также изображена спасающаяся пара вражеских всадников, которых преследуют стреляющие из луков ассирийцы (?), наступающие на колесницах и верхом. Один из преследуемых врагов обернулся и поднял руку в таком же жесте, как и всадник на рельефе Ашшурнацирпала¹⁷. Подобные изображения бегущих врагов имеются и на других ассирийских рельефах, например на рельефе эпохи Ашшурбанипала из помещения XXXIII юго-западного дворца Куюнджика¹⁸. Двое врагов пытаются спастись верхом; они обернулись назад и подняли руку в таком же жесте, как и один из бегущих на рельефе Ашшурнацирпала (вероятно, жест выражает мольбу, отчаяние, страх или подобное). Разница здесь лишь в том, что они уже потеряли оружие и даже не пытаются сопротивляться, а одного из них настиг ассирийский воин. Сходное изображение имеется и на рельефе Синаххериба из юго-западного дворца Куюнджика¹⁹.

¹³ Всадники, стреляющие вперед: Kellner 1991, 30, 36–37, 43–44, 50, 51, 54–55, 82, Taf. 2–5, 12–13, 24–27, 35, 37, 43, 87, Nr. 11, 13, 14 (крылатые кентавры), 55 (крылатые кентавры: время Аргишти II), 95 (конец VIII – середина VII в. до н. э.), 97–98, 130, 140, 174, 445. Всадники, стреляющие назад: Kellner 1991, 30–31, 33, 44, 47–48, 55, 59, 62, Taf. 4–9, 26–27, 32, 46–47, 51, 58–59, Nr. 12, 13, 19, 36, 99 (конец VIII – середина VII в. до н. э.), 115, 182 (VII в. до н. э.), 205, 224. Ср. еще изображение стреляющих назад всадников в сцене охоты на бронзовом щите из Ираклиона (Крит), отно-

сящемся, видимо, к VIII–VII вв. до н. э.: Kunze 1931, 8–12, 208–209, Taf. 10–20, Beil. 1, 4c.

¹⁴ Kellner 1991, 19–20; Kellner 1991a, 145–147, Nr. 2, 4, 5.

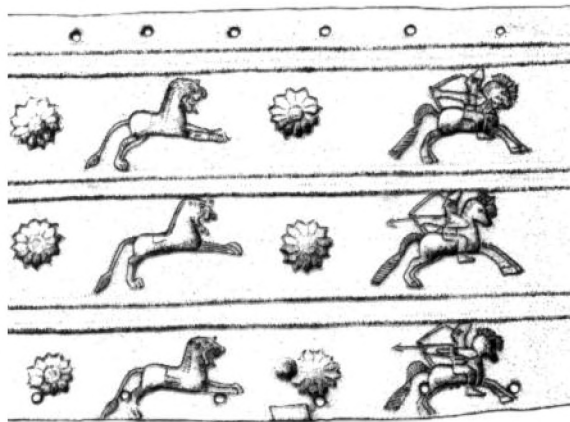
¹⁵ Грантовский 1970, 371.

¹⁶ Or. Dr. VII, 29 (оригинал не сохранился), В.М. 124925-6: Barnett 1976, pl. XXXII–XXXIII.

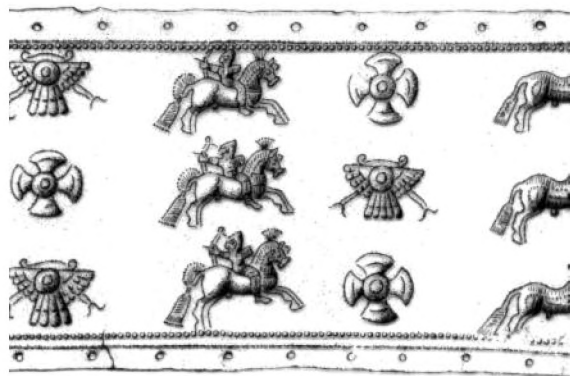
¹⁷ Seidl 1985, Abb. 1, Taf. 26.

¹⁸ Paterson 1915, pl. 62–64 (В.М. 124801).

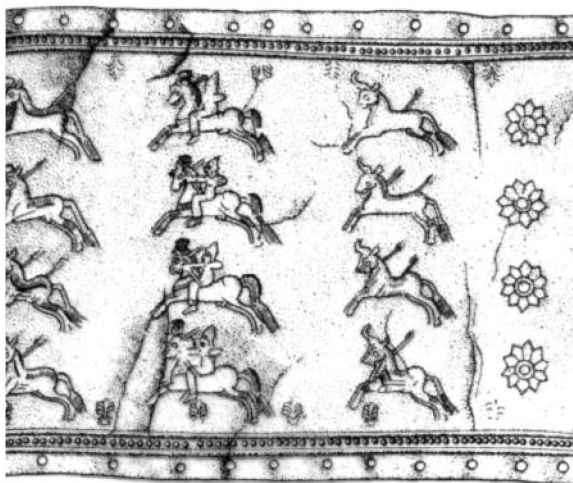
¹⁹ Smith 1938, pl. XXXVII.

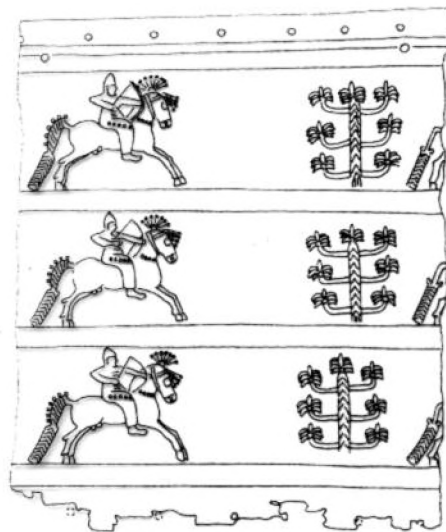
1

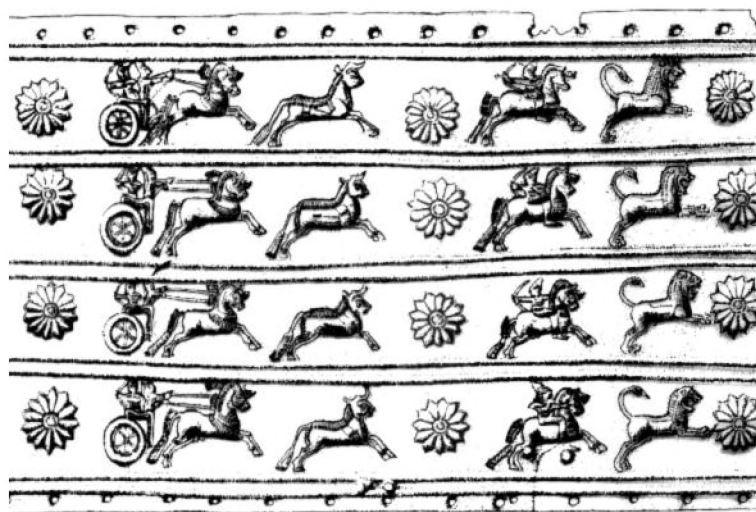
2

3

4

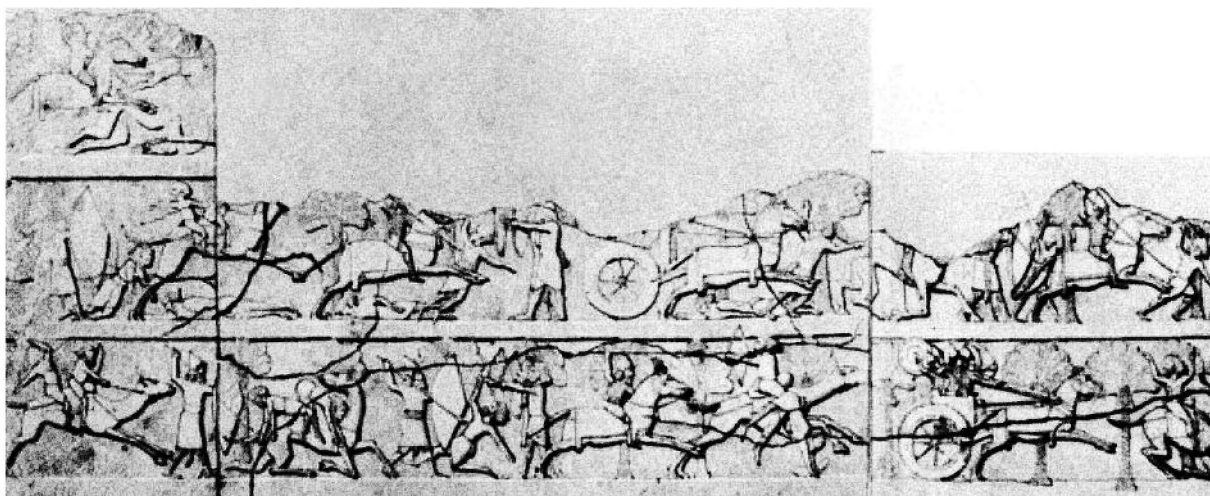
5

Рис. 46 Изображения конных лучников на урартских бронзовых поясах
По Kellner 1991, Taf. 5, 27, 35, Nr. 12, 13, 97, 99, 130

1

2

Рис. 47 Разгром арабов ассирийцами. Рельефы Северного дворца Ашшурбанипала. 1. В.М. 124925-6; 2. Or. Dr. VII, 29
По Barnett 1976, pl. XXXII-XXXIII

Итак, враги ассирийцев, изображенные на рельефе Ашшурнацирпала, не имеют никакого отношения к скифам или киммерийцам. Это конные лучники, но применяющие обычный для передневосточных армий этого периода способ управления лошастью с помощью правчего. Стрельбу назад («псевдопарфянский выстрел») они вряд ли применяют как сознательную тактику — они бегут и стреляют назад, вынужденные к тому крайними обстоятельствами. К тому же речь идет не о кочевниках, а об оседлом народе, защищающем от ассирийцев одну из своих крепостей. Предлагавшаяся уже в литературе идентификация этих воинов с иранским или каким-то иным (по самому рельефу, конечно, нельзя сказать ничего определенного об их языковой принадлежности) населением нынешнего Курдистана, куда Ашшурнацирпал согласно письменным источникам совершал походы, может быть признана убедительной.

1.4.2 ДРУГИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ «НОМАДОВ»

В качестве примера других изображений «скифов» или «киммерийцев» приводятся фигурки всадников из Мемфиса, Кархемиша, Нейраба и др.²⁰ В то же время еще Э. Миннс, из работы которого в конечном итоге скифологи заимствовали изображения этих всадников из Мемфиса, датировал их V в. до н. э. и считал изображениями саков, входивших в контингент расквартированных в Египте персидских войск²¹. Аналогичные статуэтки обнаружены не только в Нейрабе, но и во множестве других пунктов Сирии, и везде они датируются эпохой Ахеменидов и даже эллинистическим временем²². Еще М. И. Ростовцев замечал по их поводу: «Сотни подобных статуэток ахеменидского периода найдены во всех поселениях, которые были заняты персидской армией»²³. Речь, таким образом, идет о весьма массовом материале ахеменидской и эллинистической эпохи, не имеющем никакого отношения к скифам и киммерийцам эпохи переднеазиатских походов. Возможно, это изображения воинов персидских (а позже, видимо, и селевкидских) контингентов, в состав которых входили и среднеазиатские саки. Однако предположение о том, что упомянутые достаточно схематичные фигурки изображают именно их, должно быть еще доказано²⁴.

Здесь же следует упомянуть упорно повторяемое в ряде работ отождествление конных воинов кочевнического облика, изображенных на терракотовых клазоменских саркофагах (*Рис. 49–51*)²⁵ и на «этрусской» вазе из Ватиканского музея (№ 231) (*Рис. 52*)²⁶, с киммерийцами или скифами эпохи переднеазиатских походов²⁷. Такое отождествление ни на чем не основано, а учитывая, что все названные изображения относятся к третьей четверти VI или первой трети V вв. до н. э.²⁸, и невозможно по

²⁰ См., например Sulimirski 1954, 305; Yamauchi 1982, 84, 96–97; Ильинская 1982, 38–42; Ильинская, Тереножкин 1987, 73–74.

²¹ Minns 1913, Addenda et corrigenda, XXXVII–XXVIII, fig. 0, 1–5.

²² См. например Pézard 1922, 104, pl. XVI, 1–2; Carrière, Barrois 1927, 205–206, pl. LII, 43–45, 51–53; Woolley 1938, 163, pl. X, ср. Woolley 1921, pl. 20; Woolley 1952, 257–258, pl. 70.

²³ Rostovtzeff 1935, 188.

²⁴ Сводку материала и исследование этой группы статуэток см. Elayi 1991, 181–206, Tab. I–X. Разумеется, ни о скифах, ни о саках речь здесь не идет. Автор подчеркивает вопиющий

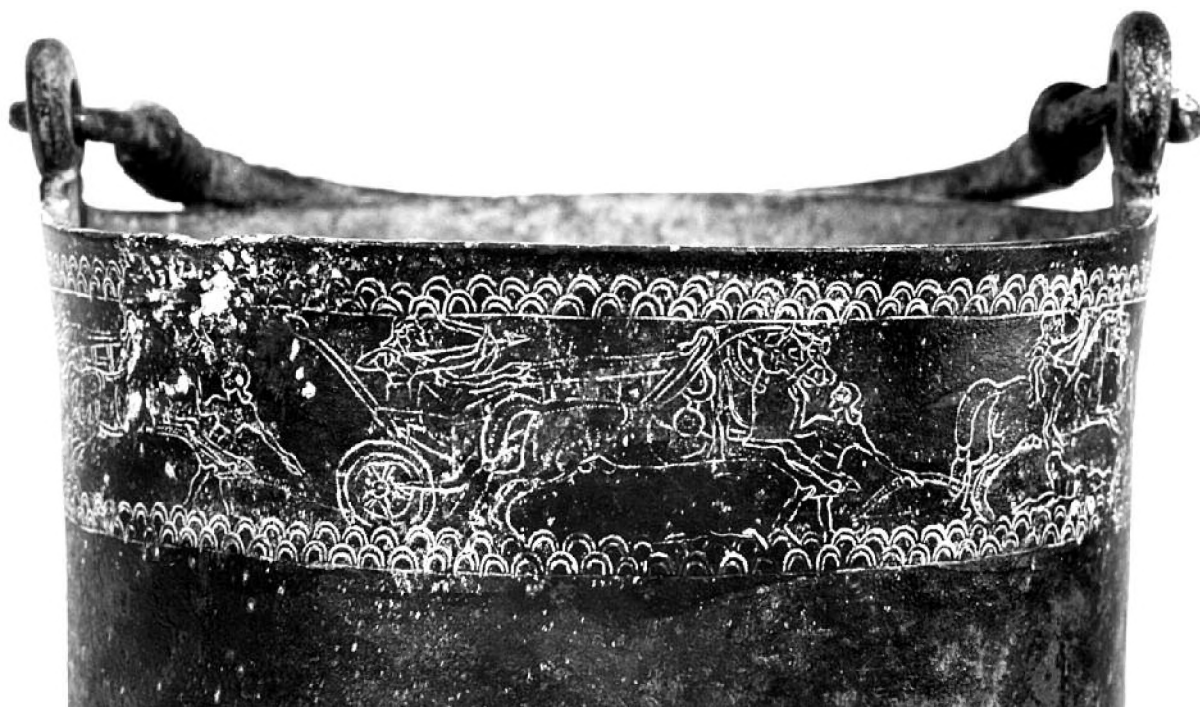
характер этих статуэток и указывает на их связь с изображениями Астарты.

²⁵ Murray 1898, pl. I; Cook 1981, 31–34, 37–39, fig. 22, pl. 40, 41, 52, 54 (G 1, G 11, G 13).

²⁶ Beazley 1947, 1, pl. I, 1–2; Albizzati s.a., fig. 25, 26. Ср. сходную сцену на аттическом диносе второй четверти VI в. до н. э.: Graef, Langlotz 1925, Taf. XXXI, Nr. 606 (*Abb. 53–54*).

²⁷ Дьяконов 1956, 235, рис. 41; Дударев, Махортых 1981, 37–48; Ильинская 1982, 45; Членова 1984, 30; Дударев 1991, 70–71 и др.

²⁸ Beazley 1947, 1; Cook 1981, 59–61, 148 (около 500–470 гг. до н. э.).

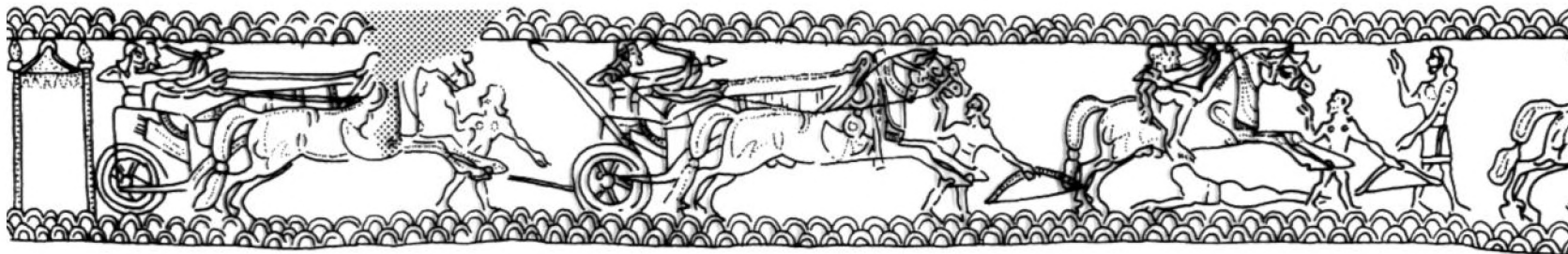

1

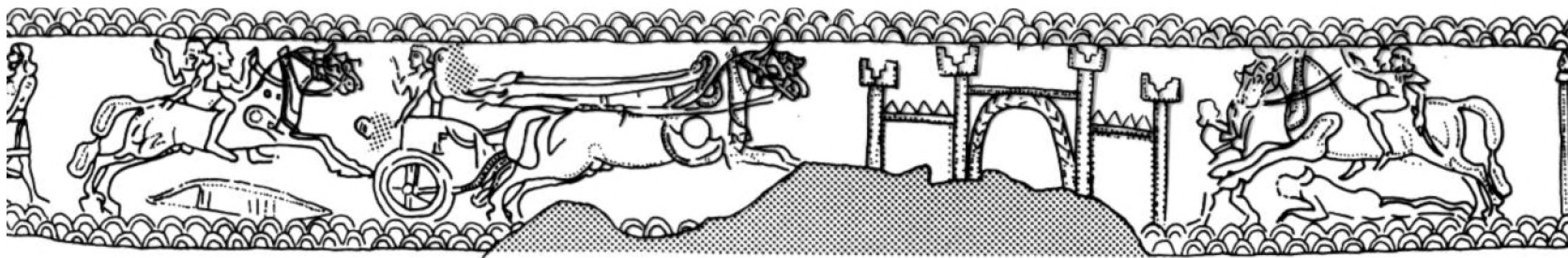

2

Рис. 48 Батальная сцена на бронзовом ассирийском ведерке (1, 2)

3а

3б

Рис. 48 Батальная сцена на бронзовом ассирийском ведре
По Seidl 1985, Abb. 1, Taf. 25, 26

Рис. 49 Изображение на клазоменском саркофаге из Британского музея (В.М. 96.6-15.1)

По Murray 1898, pl. 1

Рис. 50 Деталь изображения на клазоменском саркофаге из Британского музея (В.М. 96.6-15.1)

По Cook 1981, pl. 41

1

2

Рис. 51 Детали изображений на клазоменских саркофагах.

1. Измир, Basmahane 3493; 2. Париж, Лувр, СА 1024

По Cook 1981, fig. 22, pl. 54

1

2

3

4

Рис. 52 «Этресская» амфора из музея Ватикана (№ 231)
По Beazley 1947, pl. I, 1–2 (1, 2); Albizzati s.a., fig. 25, 26 (3, 4)

Рис. 53 Аттический динос
По Graef, Langlotz 1925, Taf. XXXI, Nr. 606

Рис. 54 Деталь того же диноса
По Graef, Langlotz 1925, Taf. XXXI, Nr. 606

хронологическим соображениям. Учитывая датировку названных изобразительных памятников, всадники на них могли бы отождествляться скорее с воинами, входившими в состав персидского войска, включавшего различные национальные контингенты²⁹. Национальная принадлежность этих всадников неясна, но, возможно, речь может идти о среднеазиатских саках, участие которых в персидском войске хорошо известно.

В качестве курьеза можно упомянуть еще толкования вавилонских изображений стреляющих из лука крылатых кентавров XIII в. до н. э. как евразийских номадов и попытки связывать их с древнейшими киммерийцами или скифами³⁰. Такое толкование, разумеется не имеет никаких оснований, а изображения разных мифических существ, использующих самые разные виды оружия, в том числе и лук, были достаточно распространены в месопотамском искусстве II тыс. до н. э. Крылатый кентавр, часто с хвостом скорпиона и двумя головами (человеческой и львиной) был, по всей видимости изображением созвездия, представляющего некое второстепенное божество вавилонского пантеона. Его изображения, обычно с луком, хотя иногда и без него, достаточно часто встречаются на вавилонских и ассирийских печатях и рельефах *kudurrū* (межевые камни) XIV–XII вв. до н. э. (есть и одно изображение еще III тыс. до н. э., эпохи III династии Ура – Исины, без лука)³¹ и, разумеется, не имеют ничего общего с евразийскими номадами.

²⁹ Сводку различных мнений по поводу интерпретации этих всадников см. Kirchner 1987, 123–125. Большинство авторов склоняется к тому, что это персы или греки в персидской одежде.

³⁰ Sulimirski 1970, 395, fig. 90. Ср. Sorokin 1990, 145–147, который связывает с конными номадами (киммерийцами и ски-

фами) кентавров не восточной, а античной традиции. Эта связь столь же неосновательна.

³¹ См. сводку материала и его интерпретацию Seidl 1989, 176–178, ср. Herzfeld 1936/1937, 132–135; Porada 1948, 90–91, Nr. 749, pl. CXIII; Moortgat 1966, 68, 142, Nr. 617, Taf. 74; Parker 1977, 264, Nr. 28; Matthews 1990, 82, 98.

ЧАСТЬ 2

Предскифская и раннескифская культура Северного Причерноморья и Предкавказья: проблема исторической интерпретации и хронологии

В предыдущей части мы выяснили, что оставленные евразийскими номадами в Малой Азии памятники с археологической точки зрения относятся к келермесскому этапу раннескифской культуры. Памятники, относящиеся к первым трем четвертям VII в. до н. э., уверенно связываются с историческими киммерийцами; те, что относятся к последней четверти VII и началу VI в. до н. э., а также кочевнические памятники VII в. до н. э. из Закавказья и Ирана, могут быть отнесены как к киммерийцам, так и скифам. С археологической точки зрения оба народа крайне трудноразличимы.

Вывод о принадлежности киммерийцев и скифов эпохи переднеазиатских походов к келермесскому этапу раннескифской культуры имеет принципиальное значение не только для хронологии, но и для исторической интерпретации причерноморских кочевнических памятников. Он несовместим с традиционной исторической картиной, строившейся на основе этих памятников и, следовательно, требует пересмотра этой картины. Созданная на основе археологических данных историческая реконструкция оказывала значительное влияние и на интерпретацию письменных источников. Так, традиционная идентификация исторических киммерийцев с Новочеркасской культурой и датировка второй половиной VII в. до н. э. смены этой культуры раннескифской подразумевала, что появление скифского населения в Причерноморье, сопровождавшееся вытеснением киммерийцев, происходило чуть ли не на глазах первых греческих колонистов. Этот вывод приводил к тому, что античная традиция, повествующая об этих событиях, прежде всего сочинение Геродота, считалась в высшей степени заслуживающей доверия, поскольку она воспринималась как восходящая к свидетелям соответствующих событий. Однако, как указывалось, сама археологическая теория, отождествляющая киммерийцев с носителями предскифских культур, появилась в немалой степени под влиянием Геродота. Возникал, таким образом, замкнутый круг: археологи создавали свои реконструкции, в значительной степени основываясь на Геродоте, в достоверности сведений которого не сомневались. Историки и филологи, в свою очередь, подтверждали достоверность геродотовского рассказа тем, что он соответствует реконструкции исторических событий, созданной по данным археологии.

Проблемы хронологии

2.1.1 ДАТИРОВКА НАЧАЛА «КЕЛЕРМЕССКОГО» ЭТАПА РАНЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Не только в Анатолии, но и в районах к востоку от Ассирии, и даже в Закавказье, встречаются почти исключительно раннескифские вещи келермесского периода. Вещи более раннего, жаботинского этапа здесь практически неизвестны. Костяные пластинки с резьбой из Тейшебаини, толковавшиеся как указание на этот период, находят аналогии в памятниках как жаботинского, так и келермесского этапа и, следовательно, вполне могут быть отнесены к последнему. Это обстоятельство могло бы свидетельствовать о начале келермесского периода раннескифской культуры уже в рамках VIII в. до н. э., когда исторические источники фиксируют первое известное столкновение переднеазиатских цивилизаций с киммерийцами (в 714 г. до н. э.). Источники сообщают в это время не только о пограничном столкновении на севере Урарту, но и появлении киммерийцев гораздо южнее, в районе Манны.

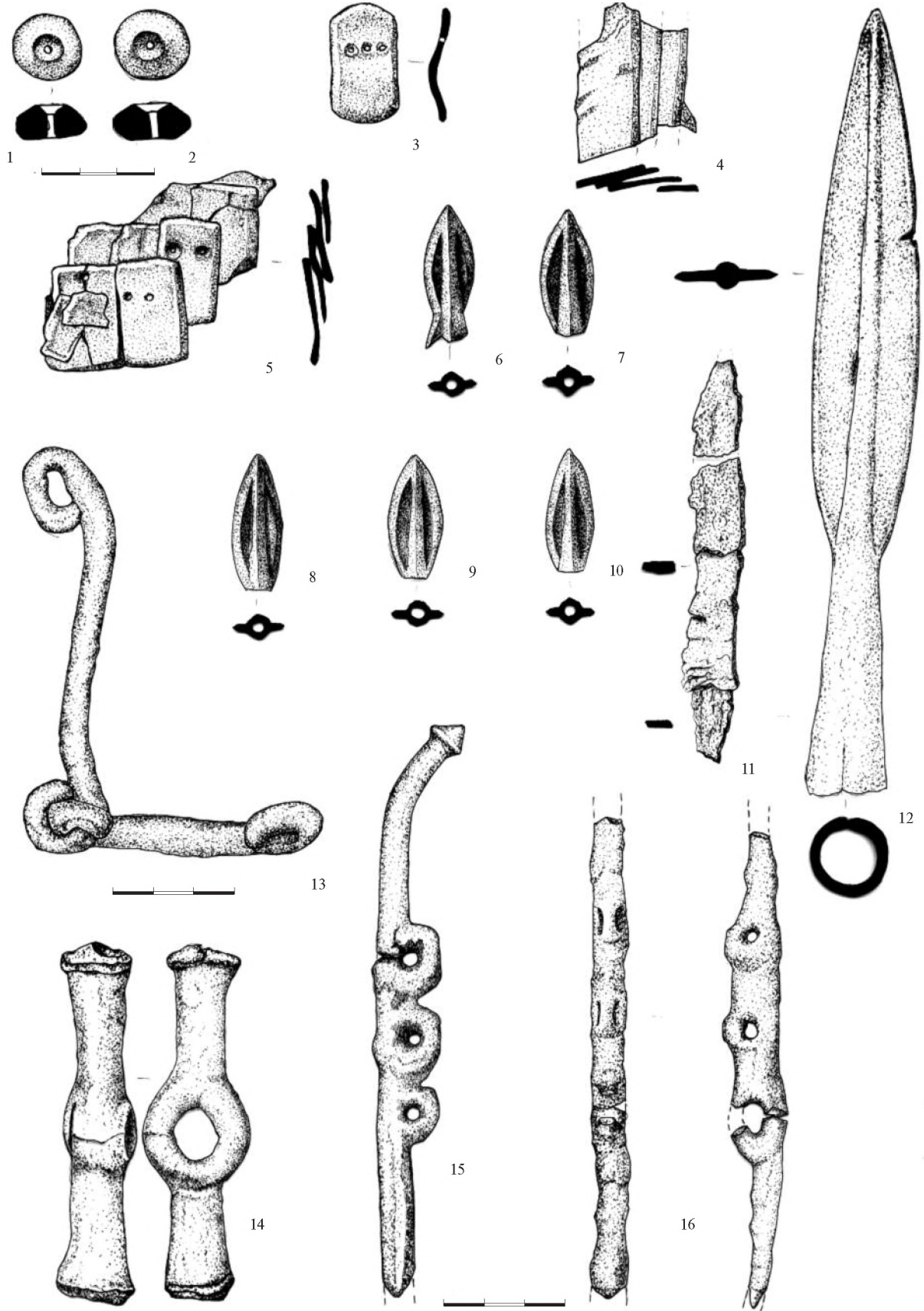
В связи с возможностью такой датировки особый интерес приобретает раннескифский комплекс кургана 15 у Стеблева в Поросье, авторы публикации которого пытаются обосновать его датировку VIII в. до н. э. (Рис. 55)¹. Комплекс включает предметы конской упряжи, типичные для келермесского этапа — железные однокольчатые удила и трехпетельчатые стержневидные псалии с загнутым концом (анalogии многочисленны, включая оба Келермесских кургана Веселовского), а также фрагменты железного чешуйчатого панциря, достаточно часто встречающиеся в комплексах этого времени². Ряд других предметов комплекса (железный наконечник копья, керамика) также достаточно хорошо представлен в памятниках этого времени, но находит аналогии и в комплексах предыдущего периода. Атрибуция данного комплекса к келермесскому этапу раннескифской культуры, таким образом, вряд ли может вызвать сомнение. Особый интерес среди находок представляют железный боевой молот и бронзовые наконечники стрел лавролистной формы с внутренней втулкой. Эти предметы, особенно наконечники стрел, практически неизвестны в памятниках раннескифской и предскифской культур Северного Причерноморья и Предкавказья, однако находят себе близкие аналогии в южной Сибири, Казахстане и Средней Азии³. Мы уже отмечали наличие элементов материальной культуры того же

¹ Ключко, Скорий 1993, 71–84.

² Распространение чешуйчатых панцирей вовсе не обязательно связывать с переднеазиатскими походами киммерийцев и скифов, как это часто делается. Такие панцири были известны в Закавказье еще во II тыс. до н. э., а на Северном Кавказе появляются в предскифскую эпоху в памятниках но-

вочеркаского типа; отсюда они распространялись дальше на север (см. ниже). Тем самым снимается одно из возражений против ранней датировки стеблевского комплекса, как и других памятников, содержащих остатки панцирей (Курочкин 1994, 118).

³ Ключко, Скорий 1993, 80–81, с литературой.

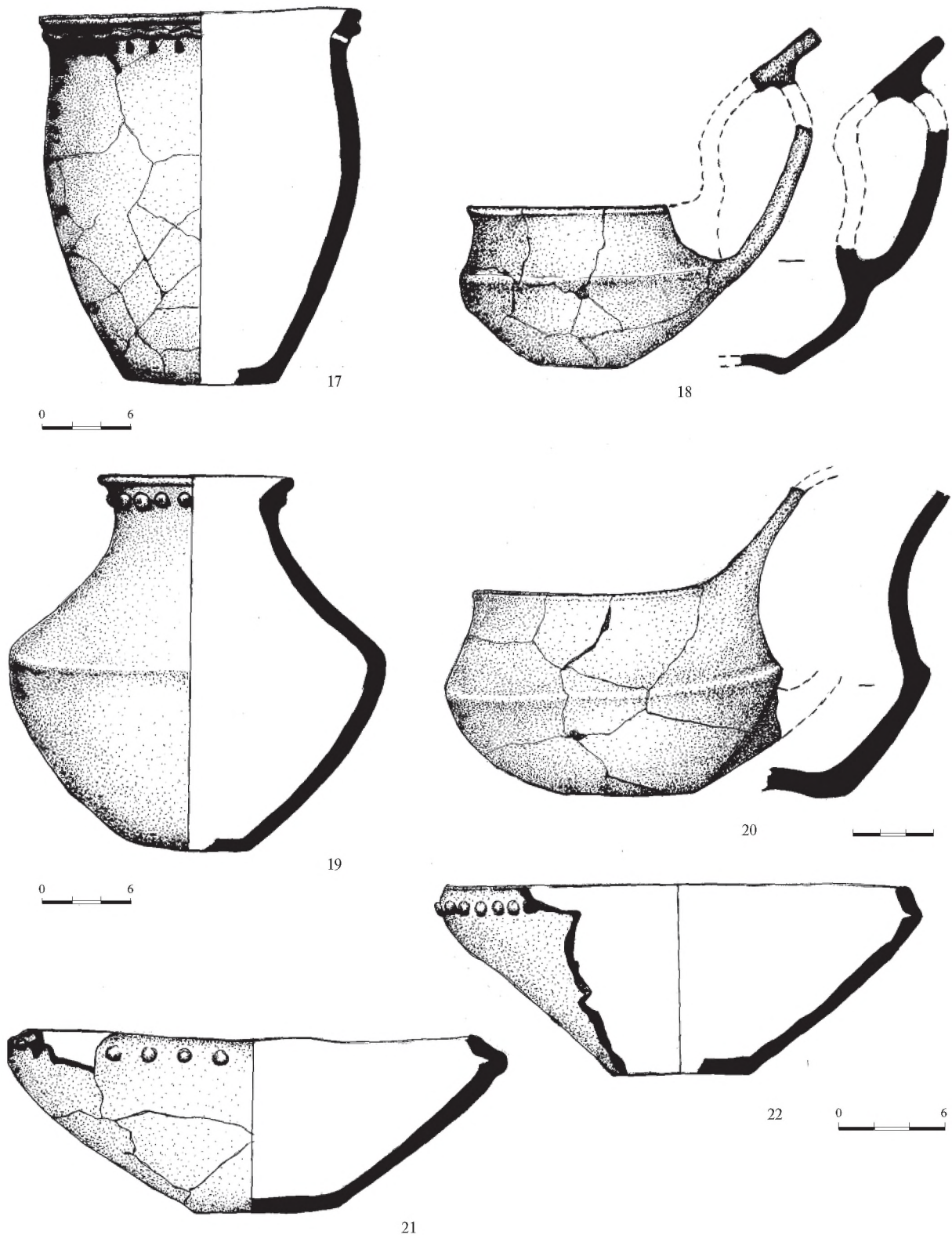

Рис. 55 Инвентарь погребения кургана 15 у с. Стеблево. 1–5, 11–16. Железо; 6–10. Бронза; 17–22. Глина
 По Клочко, Скорий 1993, рис. 3–5

происхождения (прежде всего, биметаллические клеветцы) в кочевнических памятниках Малой Азии и Предкавказья, также относящихся к келермесскому периоду раннескифской культуры. Стеблевский комплекс является еще одним доказательством существования таких связей. Наконечники с внутренней втулкой, ближайшие аналогии которым В. И. Ключко и С. А. Скорый справедливо находят в достаточно многочисленных среднеазиатских и казахстанских памятниках IX–VIII вв. до н. э., служат главным основанием для датировки стеблевского комплекса временем не позже VIII в. до н. э. Если эта датировка справедлива, она может служить важным аргументом в пользу отнесения начала раннескифской культуры еще к VIII в. до н. э. В связи с этим следует отметить, что среди материалов Уйгаракского могильника известен всего один наконечник этого типа, найденный в кургане 84 вместе с бронзовыми стремечковидными удилами и биметаллическим клеветом⁴, тогда как остальные наконечники с внутренней втулкой принадлежат к более позднему типу четырехгранных или ромбических в сечении наконечников⁵. Та же картина характерна и для колчаных наборов раннесакских могильников Сакар-чага 5 и 6⁶ и Южный Тагискен⁷.

Еще одним указанием на раннюю датировку начала келермесского этапа являются находки в комплексах этого времени (в частности, два экземпляра в кургане 2 Веселовского, один в кургане 1 Шульца Келермесского некрополя) литых бронзовых шлемов «кубанского» типа, которые используются в течение достаточно ограниченного промежутка времени и вскоре выходят из употребления⁸. Наиболее обоснованной в настоящее время представляется гипотеза о происхождении этой группы шлемов из северного Китая, где находки очень близких экземпляров известны в эпоху западного Чжоу, а затем, видимо, такие шлемы перестают использоваться⁹. Находки шлемов этого типа известны и на промежуточных территориях — в Поволжье, Средней Азии и южной Сибири, т. е. там же, где фиксируются и находки биметаллических клеветцов типа найденных в Имирлере и Муше. Поскольку окончание эпохи западного Чжоу относится к 771 г. до н. э., вряд ли можно датировать заимствование этого типа шлемов в Среднюю Азию, а затем на Северный Кавказ, много позже этой даты.

Предположение об отождествлении киммерийцев, да и ранних скифов, с носителями предскифских культур Северного Причерноморья, особенно Предкавказья, и сейчас наиболее распространено в литературе. Достаточно сказать, что по меньшей мере три монографии по данной теме, опубликованные в последнее время, аргументируют именно такую точку зрения¹⁰. Однако уже неоднократно отмечалось отсутствие в Передней Азии древностей предскифских археологических культур. Утверждение С. В. Махортых¹¹ о том, что в Передней Азии известны находки наконечников стрел предскифского типа ошибочно. Во всех случаях, в том числе и в тех, на которые он ссылается, речь идет о наконеч-

⁴ Вишневецкая 1973, 89, таб. XX, 10.

⁵ Вишневецкая 1973, 90–91.

⁶ Яблонский 1991, 85–86, рис. 6, 7, 10; Яблонский 1996, 34–42, рис. 35.

⁷ Итина, Яблонский 1997, 46–53, рис. 70.

⁸ В последнее время появились данные, позволяющие предположить, что шлемы этого типа доживают до середины — третьей четверти VI в. до н. э. При раскопках кургана 9 у с. Куцеволовка Кировоградской области было обнаружено каменное надгробное изваяние, изображающее воина в головном уборе, который трактуется как шлем «кубанского» типа. Дата основного захоронения кургана определяется обнаруженными в нем греческими амфорами серединой — третьей четвертью VI в. до н. э. Наиболее вероятно, что изваяние относится к этому погребению и, следовательно, датируется тем же временем, что могло бы засвидетельствовать использование «кубанских» шлемов в указанное время: Бокий, Ольховский 1994, 151–163. Все же предположение о бытовании

«кубанских» шлемов до третьей четверти VI в. до н. э. нельзя считать окончательно доказанным до находки такого шлема в одном из комплексов этого времени.

⁹ Варенов 1992, 100–104; Алексеев 1992, 37–38. Ср. Комиссаров 1988, 78–79. М. В. Горелик (1993, 168–169) предпочитает возводить эту группу шлемов к западноиранским и урартским прототипам, однако они гораздо дальше по своей форме от «кубанских» шлемов, чем китайские, в чем убеждает и собранный самим автором материал, см. Горелик 1993, таб. LXII. Ср. Курочкин 1993, 98. Предположение о заимствовании этих шлемов в Китай от «народов моря» XIII–XII вв. до н. э. через Кавказ и степи (Горелик 1993, 171) кажется крайне маловероятным. Ср. также Членова 1993, 62–63; Галанина / Galanina 1997, 114–117. Авторы этих работ солидаризируются с М. В. Гореликом, не приводя дополнительных аргументов в пользу его гипотезы.

¹⁰ Дударев 1991; Эрлих 1994; Махортых 1994.

¹¹ Махортых 1994, 22, 29–30.

никах стрел т. н. скифского типа, двухлопастных («келермесские», иногда «жаботинские») или трехлопастных (ср. выше). Ошибочно и сопоставление наконечников стрел, найденных «в Амлаше», которые якобы являются «редчайшими для этого региона», с наконечниками из Носачева и Белоградца. Во-первых, трехлопастные наконечники стрел, изредка находимые в комплексах типа Новочеркасского клада, например в Носачеве¹², имеют совершенно иную форму и несопоставимы с наконечниками из Ирана. Во-вторых, эти три (а не два, как пишет С. В. Махортых) трехлопастных наконечника, обнаруженные в 9 погребении у деревень Эмам и Томаджан на южном побережье Каспийского моря¹³ вовсе не являются «редчайшими» в регионе — напротив, они принадлежат к типу, чрезвычайно широко распространенному в Иране начиная со второй половины VII в. до н. э. и позже. Достаточно упомянуть, например, находку около четырех тысяч таких наконечников в Персеполе (см. выше о наконечниках «скифского» типа, в том числе о тех находках, на которые ссылается С. В. Махортых). Кроме того, погребение из Эмама, о котором идет речь, нет оснований датировать VIII–VII вв. до н. э.; оно вполне может принадлежать и к значительно более позднему времени.

Г. Н. Курочкин привел недавно еще один аргумент в пользу поздней датировки ряда памятников келермесского этапа раннескифской культуры (Старшая Могила, Волковцы, Аксютинцы и др.)¹⁴. Ссылаясь на результаты анализов металла бронзовых изделий, происходящих из названных памятников¹⁵, он заключает, что эти предметы «изготовлены на производственной базе античных городов Северного Причерноморья» и, следовательно, должны быть произведены позже основания этих городов и начала их «широких деловых контактов» со скифами на рубеже VII–VI вв. до н. э., что и определяет дату соответствующих комплексов. В действительности металлографическое исследование В. А. Косикова вовсе не позволяет сделать таких заключений. Сделанные им выводы касаются не места производства анализируемых изделий, а лишь происхождения металла, послужившего для их изготовления. Автор выделяет несколько групп рудных месторождений (волго-камская, волго-уральская, карпато-трансильванская, северо-кавказская, днепровского Правобережья), среди которых имеется и группа определяемая как «сырье рудных баз античных городов Северного Причерноморья». Следует заметить, что конкретное содержание последних остается неясным: нигде не оговаривается, о каких, собственно, месторождениях идет речь. Можно предположить, что автор имеет в виду, что эти изделия изготовлены из металла, схожего с металлом, использовавшимся в металлургическом производстве греческих мастерских. Подавляющее большинство проанализированных автором предметов изготовлено при этом из металла, происходящего из различных источников (очевидно, в результате вторичной переплавки металлического лома). Следует обратить особое внимание на то, что речь не идет об изготовлении соответствующих предметов греческими ремесленниками — во всех случаях, включая и те, когда эти предметы произведены из «руды античных городов», они изготовлены вне всякого сомнения скифскими, а не греческими мастерами. Это неудивительно — греки вовсе не были первооткрывателями рудных месторождений, которыми они впоследствии пользовались. Хорошо известно, что наличие рудных месторождений было одним из существенных факторов, влиявших на выбор греческими колонистами мест для поселений (некоторые исследователи даже считают возможным говорить на этом основании о «сырьевой колонизации»), в том числе и при колонизации Северного Причерноморья¹⁶. Это означает, что к моменту основания греческих колоний Причерноморья те месторождения, которые впоследствии стали «рудной базой» их ремесленников, были хорошо известны и разрабатывались (и вероятно уже давно) местным населением. Таким образом, греческие колонии не были единственным источником металла, происходящего из этих месторождений. Тот факт, что часть раннескифских бронзовых изделий изготовлена из того же металла, что и продукция греческих ремесленников, не позволяет поэтому заключить, будто металл для этих изделий поставлялся греческими колонистами. Скорее всего, он происходит из разработок этих месторождений, которые велись местными жителями до основания греческих колоний. Таким образом, аргумент Г. Н. Курочкина не имеет силы.

¹² Ср. Тереножкин 1976, 80, 135, рис. 45, 9.

¹³ См. Samadi 1959, 40; Samadi 1959a, 190, fig. 26.

¹⁴ Курочкин 1994, 118.

¹⁵ Косиков 1992, 39–83.

¹⁶ См. Treister 1996, 146–181, с литературой.

Немного больше, чем в Передней Азии, предскифских находок даже и в Закавказье — здесь можно назвать лишь единичные находки деталей конской сбруи новочеркасского облика на территории Грузии (Сурмушский клад и Ксанское ущелье) (Рис. 56, 1–5)¹⁷. Сторонники отождествления киммерийцев с носителями предскифских культур строят свои предположения в значительной степени на допущении того, что самые ранние проникновения степняков в районы, входившие в поле зрения авторов клинописных текстов, могли не оставить материальных следов. За неимением находок предскифских вещей в Передней Азии предпринимались попытки обнаружить, напротив, переднеазиатские предметы в предскифских памятниках Причерноморья и истолковать их как следы киммерийских походов. Недавно В. Р. Эрлих свел воедино подобные аргументы¹⁸, отстаивая идею о том, что военные походы номадов в Переднюю Азию начались еще в новочеркасское время и, соответственно, идентифицируя киммерийцев с носителями Новочеркасской культуры. Кроме того, те же самые данные являются и важнейшим основанием для датировки памятников новочеркасского типа. В самом деле, если удастся доказать, что носители этой культуры принимали участие в походах киммерийцев в Переднюю Азию, то отсюда будет следовать, что она существовала во время этих походов, т. е. доживала по меньшей мере до первой половины VII в. до н. э. Таким образом, появились новые аргументы в поддержку традиционной интерпретации археологического материала, которая противоречит как предложенной в первой части идентификации археологической культуры киммерийцев, так и подразумеваемой ею хронологии раннескифских и предскифских памятников.

Нам придется специально остановиться на разборе аргументов такого рода, тем более, что удревление начала келермесского этапа раннескифской культуры самое позднее до начала VII, а возможно и до конца VIII в. до н. э., требует и пересмотра принятых датировок предскифских памятников, в частности относящихся к новочеркасскому кругу.

2.1.2 ПРОБЛЕМЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПРЕДСКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Проблема относительной и абсолютной датировки предскифских памятников довольно часто в последнее время привлекает внимание исследователей, однако ее нельзя считать решенной. Несмотря на существенные успехи в отдельных частностях, это справедливо даже для относительных датировок предскифских памятников. Важнейшей проблемой здесь, пожалуй, остается соотношение между памятниками черногоровского и новочеркасского типов. В свое время А. А. Иессен, выделивший эти две группы, считал новочеркасские памятники более древними, а раннескифские — непосредственным продолжением черногоровских¹⁹. Этому способствовало в первую очередь сходство многих предметов инвентаря, характерных для черногоровских и раннескифских памятников, прежде всего конской узды (удила со стемечковидными окончаниями и трехдырчатые псалии). Впоследствии, однако, А. И. Тереножкин, первоначально считавший памятники черногоровского и новочеркасского типа одновременными, отнес первые к ранней ступени предскифской эпохи (с датировкой 900–750 гг. до н. э.), а вторые — к поздней (с датировкой 750–650 гг. до н. э.)²⁰. Главным основанием такого

¹⁷ Иессен 1953, 64, рис. 8; Воронов 1980, рис. 2, 20; Алексеев 1992, 80. Утверждение Я. Боузека, что в Кармир-Блуре были найдены «удила и другие предметы типа Черногоровки» (Bouzek 1983, 151) ошибочно. Непонятно, что он имеет в виду, упоминая здесь же находки стрел «киммерийского» типа в Анатолии. О находках стрел «скифского» типа см. выше; предскифские формы здесь не засвидетельствованы. Ср. Тохтасьев 1993, 90.

¹⁸ Эрлих 1994, 83–97. Статья Эрлих 1994а, 168–175 является лишь кратким изложением части третьей главы названной монографии. Ссылки на нее поэтому в дальнейшем не даются. Ср. также Эрлих 1994б, 134–150, где кратко излагаются некоторые положения монографии. Против: Полин 1994а, 147–148.

¹⁹ Иессен 1953, 99–102; Иессен 1954, 119, 127–129.

²⁰ Тереножкин 1975, 3–4; Тереножкин 1976, 198–207.

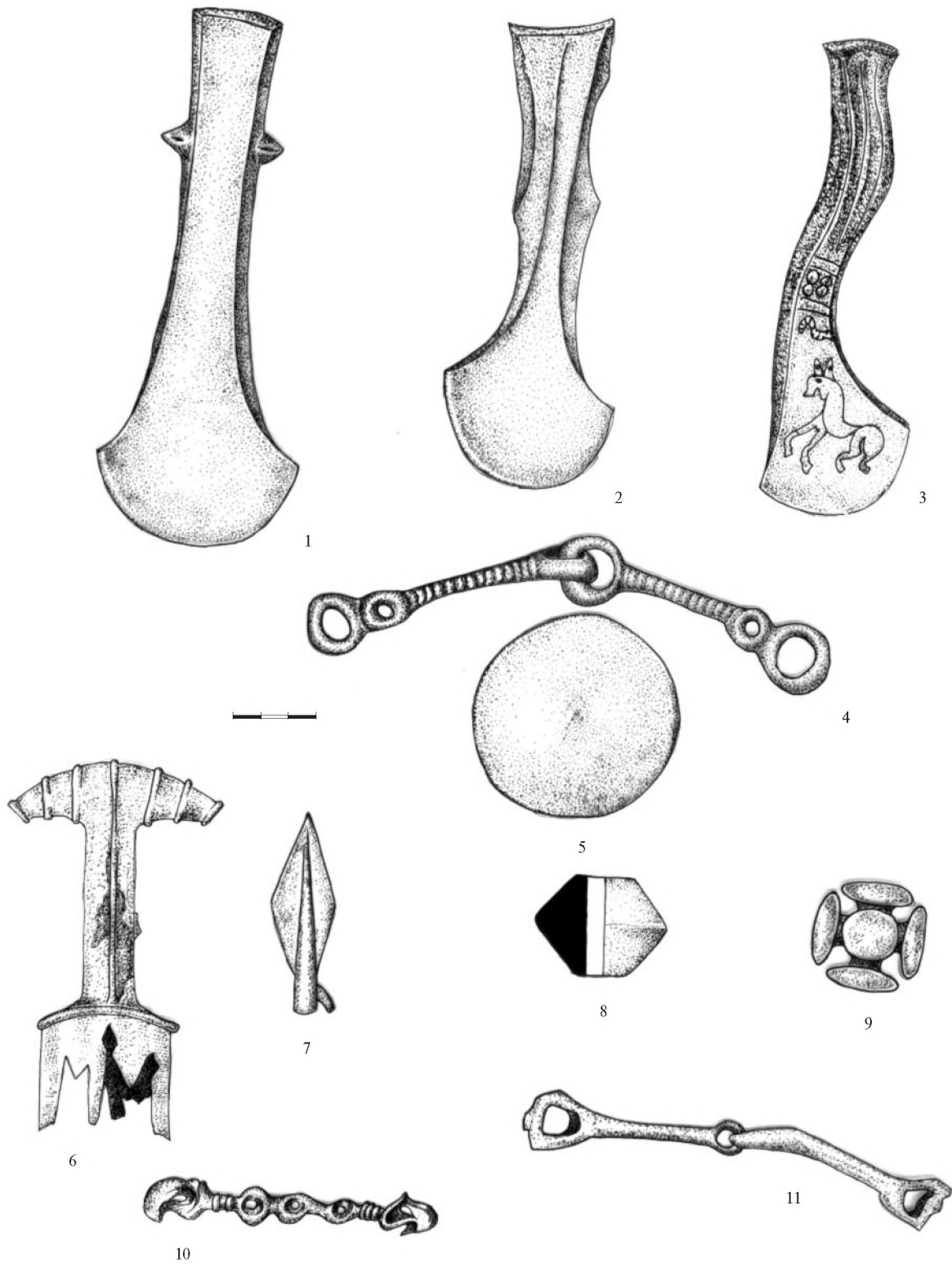

Рис. 56 1–5. Клад бронзовых вещей из Сурмуши, Грузия.
 6–11. Бронзовые предметы из погребения 39 Кубанского могильника
 По Коридзе 1965, рис. 28 (1–5); Анфимов 1975, рис. 2, 1,3; 3, 5,6; 4, 1,5 (6–11)

определения относительной хронологии памятников черногоровского и новочеркасского типа были результаты раскопок Н. В. Анфимова в Прикубанье, где им было исследовано два могильника — Николаевский и Кубанский²¹. Погребения первого из них содержали предметы узды черногоровского (стремчовидные удила, трехдырчатые псалии), второго — новочеркасского (двукольчатые удила, трехплетельчатые псалии) типов. При этом в погребении 39 Кубанского могильника обнаружены стремчовидные удила и трехдырчатый псалий с зооморфными окончаниями в сочетании с ромбовидным наконечником стрелы «жаботинского» типа, что свидетельствует о принадлежности этого погребения уже раннескифской эпохе (*Рис. 56, 7, 10, 11*)²². Автор раскопок определил, что Николаевский могильник несколько старше Кубанского, хотя время их существования частично совпадало и оба могильника относятся к одной эпохе. Главным основанием для такого вывода, насколько можно судить, было преобладание в первом бронзовых наконечников копий над железными притом, что во втором могильнике все копы были железными.

Решение А. И. Тереножкиным проблемы соотношения черногоровской и новочеркасской группы памятников оставляет ряд проблем нерешенными — оно не объясняет, например, странный хронологический разрыв в использовании однотипных стремчовидных удили, а также близость и других компонентов черногоровских и раннескифских памятников. Эти проблемы стали еще острее после публикации материалов богатейшего кургана Аржан в Туве²³. По ряду показателей (в том числе по характеру конской упряжи) материал кургана сближается с памятниками черногоровского типа, что позволило многим исследователям (в том числе самому А. И. Тереножкину) говорить о черногоровско-аржанском периоде²⁴. С другой стороны, он содержит ряд предметов, выполненных в зверином стиле и сближающих его с раннескифской культурой.

В последнее время стало накапливаться все больше материалов, свидетельствующих о сосуществовании, по крайней мере частичном, новочеркасских и черногоровских памятников и о территориальной разграниченности их ареалов²⁵. Таким образом, ставится под вопрос адекватность предложенной А. И. Тереножкиным схемы и возникает возможность предполагать наличие преемственности между уздой черногоровского и раннескифского типа и другими категориями находок этих двух групп памятников. Впрочем, вывод о частичном сосуществовании черногоровских и новочеркасских памятников не обязательно противоречит тому, что в целом черногоровские памятники более ранние, чем новочеркасские. Однако он скорее всего свидетельствует о том, что вторые не являются прямым продолжением первых и, видимо, принадлежали носителям другой этнической группы.

Несколько иной вариант решения этой проблемы был предложен В. И. Клочко и В. Ю. Мурзиным. Согласно этой гипотезе предполагается наличие двух волн кочевников, принесших в Причерноморье сначала черногоровскую, а затем раннескифскую культуру. Сходство двух культур объясняется их общим происхождением — обе они являются отделившимися в разное время ответвлениями культуры, непрерывно существовавшей в Центральной Азии и представленной, в частности, курганом Аржан. При этом черногоровские памятники, в соответствии с относительной хронологией А. И. Тереножкина, признаются более ранними, чем основная часть новочеркасских²⁶. Проблема взаимоотношения черногоровских и новочеркасских памятников во многом остается неясной. Ясно, однако, что принятая А. И. Тереножкиным линейная хронологическая схема, в которой черногоровские памятники сменяются новочеркасскими, а те — раннескифскими, не соответствует известным сейчас данным. Доказанным может считаться и по крайней мере частичное сосуществование памятников двух групп.

²¹ Анфимов 1961, 103–126; Анфимов 1971, 170–177.

²² Анфимов 1975, 41–42, 45–46, рис. 2, 3; 3, 5–6.

²³ Грязнов 1980; Griaznov 1984.

²⁴ Ср., однако, в последнее время возражения против выделения этого периода, сопровождающиеся омоложением датировки Аржана: Членова 1997.

²⁵ Лесков 1984, 147–152; Дубовская 1989, 63–69, с указа-

нием на ряд комплексов, содержащих одновременно предметы узды новочеркасского и черногоровского типов (против Скорый 1991, 14–25); Бокий, Горбул, Отрошенко 1991, 173–183; Махортых 1994, 48–50; Полин 1994, 156–158. Обзор см. Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993, 51–76.

²⁶ Клочко, Мурзин 1987, 12–19; Клочко, Мурзин 1989, 61–71; Мурзин 1990, 15–28.

Подробное рассмотрение этой проблемы не входит в нашу задачу. Для выяснения датировки формирования раннескифской и окончания существования Новочеркасской культуры достаточно датировать лишь самые поздние предскифские памятники. Группа таких памятников, часто соединяющих элементы предскифской (Новочеркасской) и раннескифской культур, выделяется в настоящее время достаточно уверенно (Енджа, Белоградец, Бутенки, Квитки, Носачево, Уашхиту, Чишхо и др.). Эти памятники, очевидно, синхронны или ненамного старше раннескифских памятников «жаботинского» периода, от которых отличаются лишь количественным соотношением «новочеркасских» и «раннескифских» элементов. Нашей задачей является, таким образом, датировка этих памятников, а также рассмотрение тех аргументов, с помощью которых доказывалось участие носителей культуры новочеркасского типа в переднеазиатских походах.

Эти задачи в значительной степени совпадают — в самом деле, абсолютные датировки памятников новочеркасского типа должны строиться именно на предметах, которым приписывается передне-восточное происхождение, поскольку именно эти предметы позволяют привязать относительные даты, полученные чисто археологическими методами, к передневосточной абсолютной хронологии. Другим способом привязки является синхронизация предскифских памятников Причерноморья и Предкавказья с гальштаттскими материалами. Однако в последнем случае речь идет все же о синхронизации между собой двух систем относительной хронологии. Абсолютная хронология Гальштаттской культуры в конечном итоге, как и хронология степных культур, строится на внешних данных — на привязках к древневосточной или эгейской хронологии. Последняя же для периода между концом микенской и геометрической эпохой также почти не имеет собственных оснований для абсолютной датировки.

2.1.3 ПРОБЛЕМЫ АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПРЕДСКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В основе абсолютной хронологии предскифского периода до сих пор лежат прежде всего сопоставления А. И. Тереножкиным этих памятников с памятниками Центральной Европы²⁷. Речь идет в основном о сопоставлениях предметов черногоровского типа с так называемыми «фрако-киммерийскими» памятниками²⁸, которые возникают в период На В2 и в основном относятся к периоду На В3. Синхронизируя на основании этих аналогий памятники черногоровского типа с периодами На В2 и 3, А. И. Тереножкин датирует их IX — первой половиной VIII вв. до н. э. Основываясь на том, что среди «фрако-киммерийских» древностей отсутствуют вещи, сопоставимые с новочеркасскими, а также на приведенных выше соображениях относительной хронологии, А. И. Тереножкин помещает все памятники новочеркасского типа между черногоровскими и раннескифскими.

В самом деле, памятники «фрако-киммерийского» пласта в Центральной Европе могут служить достаточно весомым аргументом при датировке предскифских памятников. Поскольку их принадлежность к периоду На В (самое позднее — к рубежу На В3 и На С) вряд ли может вызывать сомнения²⁹, переход от периода На В к периоду На С дает надежный *terminus ante quem* для тех комплексов, которые находят аналогии среди «фрако-киммерийских» древностей. Переход от периода На В3 к периоду На С (Гальштатт в узком смысле слова) обычно датируется около середины — третьей четверти VIII в. до н. э., а сам период На В3 помещается в первую половину — середину VIII в. до н. э.³⁰ Эта

²⁷ Тереножкин 1965, 63–85; Тереножкин 1976, 197–208.

²⁸ Основные материалы опубликованы: Gallus, Horváth 1939; Ср. Кеменцеи 1986, 145–153, Chochorowski 1993, с литературой.

²⁹ Ср. Kossack 1986, 135; Chochorowski 1993, 181–202; Хох-

ровски 1994а, 156–161.

³⁰ von Merhart 1969, 94–103; Pittioni 1954, 541; Müller-Karpe 1959, 227–228 (с обобщенной датировкой На В3 VIII в. до н. э. Эта дата основывается на датировке ступени Tarquinia III VII в. до н. э., которая в свою очередь основана на находке

датировка основывается прежде всего на синхронизации с периодом На С италийских памятников горизонтов Venacci II, Este III, Bologna III, Tarquinia III. Эти последние, в свою очередь, достаточно надежно датируются по содержащимся в них восточным и греческим импортам. Особое значение имеет находка в одном из погребений периода Tarquinia III фаянсовой вазы с надписью египетского фараона Бокхориса, правление которого датируется около 720–710 гг. до н. э.³¹, что определяет последнее десятилетие VIII в. до н. э. как надежный *terminus ante quem* для начала периода На С. С периодом На С синхронизируются также некрополи ряда греческих колоний в Италии, тогда как догреческие погребения, например, некрополя Кум, содержащие среди прочего греческую импортную керамику первой половины VIII в. до н. э., синхронны периоду На В3. Поскольку дата основания самых ранних греческих колоний в Италии, в том числе Кум, падает примерно на середину VIII в. до н. э., датировка окончания периода На В3 может считаться достаточно хорошо обоснованной и вряд ли может быть значительно изменена. Эта датировка была недавно подтверждена и результатами исследования материалов самого эпонимного памятника Гальштаттской культуры — Гальштаттского могильника. Для ранней группы исследованных здесь памятников (Н 1А), соответствующих началу периода На С, получены дендрохронологические даты, указывающие на конец третьей четверти VIII в. до н. э. (две даты 727 и одна 731 гг. до н. э.), что позволяет датировать немногие выделенные здесь комплексы более раннего времени (Н 0, конец На В3 — начало На С) самое позднее серединой VIII в. до н. э.³²

Обосновывая абсолютную хронологию своей черногоровской ступени центральноевропейскими параллелями, А. И. Тереножкин не приводил никаких данных того же рода, которые могли бы обосновать датировку новочеркасских памятников серединой VIII — серединой VII вв. до н. э. Несколько позже Г. И. Смирнова, развивая его результаты и в значительной мере основываясь на работе Г. Коссака³³, привела некоторые другие данные, позволяющие обосновать абсолютную хронологию предскифских памятников³⁴. Она вполне убедительно синхронизировала поздние памятники лесостепной Чернолесской культуры, памятники группы Сахарна-Солончены (Молдавия) и черногоровского типа с центральноевропейскими периодами На В1–2, в меньшей степени На В3, а также с синхронными балканскими памятниками. Однако и в ее работе никаких данных для абсолютной датировки памятников новочеркасского типа, которые она считает синхронными «жаботинским» (позднейшим предскифским), не приводится.

Абсолютная хронология А. И. Тереножкина и его последователей, как мы видели, строится прежде всего на представлении о том, что памятники новочеркасского типа являются непосредственным продолжением и развитием черногоровских и, следовательно, должны датироваться позже их. Как уже указывалось, это представление не соответствует имеющимся фактам. Вторым основанием его хронологической системы является утверждение, что с «фрако-киммерийскими» древностями (а следовательно, с периодами На В2–3) могут быть синхронизированы лишь памятники черногоровского типа, тогда как новочеркасские среди них аналогий не имеют. При этом А. И. Тереножкин, очевидно, имеет в виду прежде всего трехдырчатые псалии (удила из этих памятников в основном имеют кольчатые или D-образные окончания и столь же несхожи с черногоровскими, как и новочеркасскими). Это утверждение, однако, абсолютно не соответствует действительности, и противоречит и приводимым им

вазы Бокхориса (см. ниже). Однако эта ваза указывает на последние два десятилетия VIII в. до н. э. и свидетельствует о начале этапа Tarquinia III и соответственно На С уже в рамках VIII в. до н. э.); Kossack 1959, 50–56 (датирует границу между На В и На С около 720–700 гг. до н. э., относя гробницу с вазой Бокхориса к первой половине VII в. до н. э.); Dehn, Frey 1962, 200 (та же датировка); Gabrovec 1966, 15–39, ср. Gabrovec 1975, 338–385 (переход от На В к С происходил в Словении постепенно в пределах середины — второй половины VIII в. до н. э.); Kossack 1970, 118–119 (датировка границы На В и На С около 730–710 гг. до н. э.); Parzinger 1988,

124–125 (датировка начала горизонта I, соответствующего началу периода На С, около 750/740 г. до н. э.); Drack 1989, 59–62, 89 (датировка перехода к На С около 750 г. до н. э.); Pate 1992, 138 (самые ранние комплексы На С датируются «ранее последней четверти VIII в. до н. э.»); Chochorowski 1993, 202–203; Хохоровски 1994а, 159–160 (период На В3 датируется 880–750/740 гг. до н. э.) и др.

³¹ Bywanck 1936/37, 181–188.

³² Hodson 1990, 68–69.

³³ Kossack 1980, 109–141.

³⁴ Смирнова 1985, 33–53.

самим данным. «Фрако-киммерийские» древности дают ничуть не меньше аналогий новочеркасским, чем черноговорским памятникам, на что уже давно указывал Г. Коссак³⁵. Здесь можно назвать и образцы типичного «новочеркасского» орнамента (солярные значки, в том числе на бронзовых бляшках, спиралевидный орнамент), и крестовидные пронизи³⁶, и трехпестельчатые псалии, в том числе находимые в одном комплексе с трехдырчатыми «камышевахского» и «цимбальского» типов³⁷, и «конно-головые» скипетры³⁸, и кольца с подвижными муфтами, очевидно, от колесничной упряжи³⁹, и биметаллические мечи и кинжалы, которые находят ближайšie аналогии именно в северокавказских комплексах новочеркасского типа (Рис. 57)⁴⁰, и др. (см. ниже). Таким образом, с «фрако-киммерийскими» бронзами вполне могут быть синхронизированы находки не только черноговорского, но и новочеркасского типов. Это доказывает, что последние уже существовали не позже начала периода На В3, однако мало что дает для датировки перехода от новочеркасской к раннескифской культуре.

Следует заметить при этом, что и сам А. И. Тереножкин приводил некоторые данные, которые противоречат его абсолютной хронологии. Кроме уже указанных предметов с «новочеркасским» орнаментом из Центральной Европы, большое значение имеет комплекс из села Бутенки Полтавской области, содержащий многочисленные предметы узды (четыре пары двукольчатых удил с дополнительными звеньями и рифлением двумя рядами квадратиков на мундштуках, 9 трехпестельчатых лопастных псалиев, два кольца с подвижной муфтой, восемь блях) и два наконечника стрел «новочеркасского» типа (Рис. 58, 1–27)⁴¹. Этот комплекс обычно причисляется к числу позднейших новочеркасских. В состав комплекса входило два железных наконечника копья со слегка расширяющимся книзу листовидным пером и двумя отверстиями на нем. Как справедливо указывают Г. Т. Ковпаненко и А. И. Тереножкин, эти наконечники не находят близких аналогий среди предскифских и раннескифских наконечников Северного Причерноморья, зато они схожи с находками из Италии⁴². Речь идет о наконечниках копий из некрополя Кум второго предэллинического периода и из клада Адерно в Сицилии (Рис. 58, 28, 32)⁴³, которые синхронизируются с периодом На В3 и датируются не позже середины VIII в. до н. э. Еще одна аналогия наконечникам из Бутенок — наконечники из венгерского клада Комлод (Рис. 58, 29–31)⁴⁴, также относящегося к периоду На В3. А. И. Тереножкин отмечает также близость по форме наконечников копий из Бутенок и из кургана у с. Енджа в Добрудже, который стоит на границе между новочеркасской и раннескифской культурами. Следует добавить, что наконечники копий такой формы с двумя отверстиями в нижней части пера нередко встречаются и в Центральной Европе в памятниках периода На В, а также и в Греции⁴⁵. Поскольку комплекс из Бутенок по общему мнению относится к позднему этапу Новочеркасской культуры и примерно синхронен таким ярким комплексам, как Енджа и Квитки, указанные данные являются одним из свидетельств в пользу датировки этой группы памятников не позднее середины VIII в. до н. э.

³⁵ Kossack 1980, 112–114; Kossack 1987, 35. Ср. Махортых 1996, 224–225.

³⁶ Gallus, Horváth 1939, pl. XV, 1–4; XXIV, 11–13; XXXVI, 10; XLV, 1,2,3,8,9; XLVI, 2; LI, 4,7, LII, 2–4; LIV, 4–5; LVI, 1,3,5; LIX, A, 2–5; LX, 8 (Ugra, Ispánlak, Székesfehérvár, Somlyóvásárhely, Kisköszeg, Somlyóhegy, Vetropác, Nagyenyed); Pittioni 1954, Abb. 356, 3,8–10,12 (Stillfried); Вински 1955, 33, 36–37, таб. II, 6, сл. 16, 21–23 (Адашевы, Сотин, Новы Бановицы). Ср. Тереножкин 1976, 174–181; Chochorowski 1993, 95–97.

³⁷ Gallus, Horváth 1939, fig. 1, pl. XII, 4–5; XVIII, 3,4,9; XLI, 5–6; XLIII, 1; LXVI a–b (Csákberény, Ugra, Vácszentlászló, Gyula); Chochorowski 1993, 64–66, Abb. 2, 16–19; 3.

³⁸ Сводку материала см. Эрлих 1990, 247–250. Ср. Cho-

chorowski 1993, 129–134, Abb. 15.

³⁹ См. специально Эрлих 1994, 42–48.

⁴⁰ Podborsky 1970, 147–163; Козенкова 1975, 65–70; Bukowski 1976, 57–73; Kemenczei 1991, 65–68; Дуларев 1991, 40–46; Chochorowski 1993, 113–122.

⁴¹ Ковпаненко 1962, 66–72; Тереножкин 1976, 69–70.

⁴² Ковпаненко 1962, 70; Тереножкин 1965, 78–79; Тереножкин 1976, 143–144.

⁴³ Müller-Karpe 1959, 28–29, 38, Abb. 54, 10; 55, 2; Taf. 8, 1–2.

⁴⁴ Gallus, Horváth 1939, pl. XXI, 1–3; Chochorowski 1993, 127, Abb. 14, 1.

⁴⁵ Weber 1944, 147–148, 152, Taf. 57, a–d; 59, a; Sprockhoff 1954, 34, Abb. 3, 7–8,10–11; Bukowski 1976, 74–76, Ryc. 5.

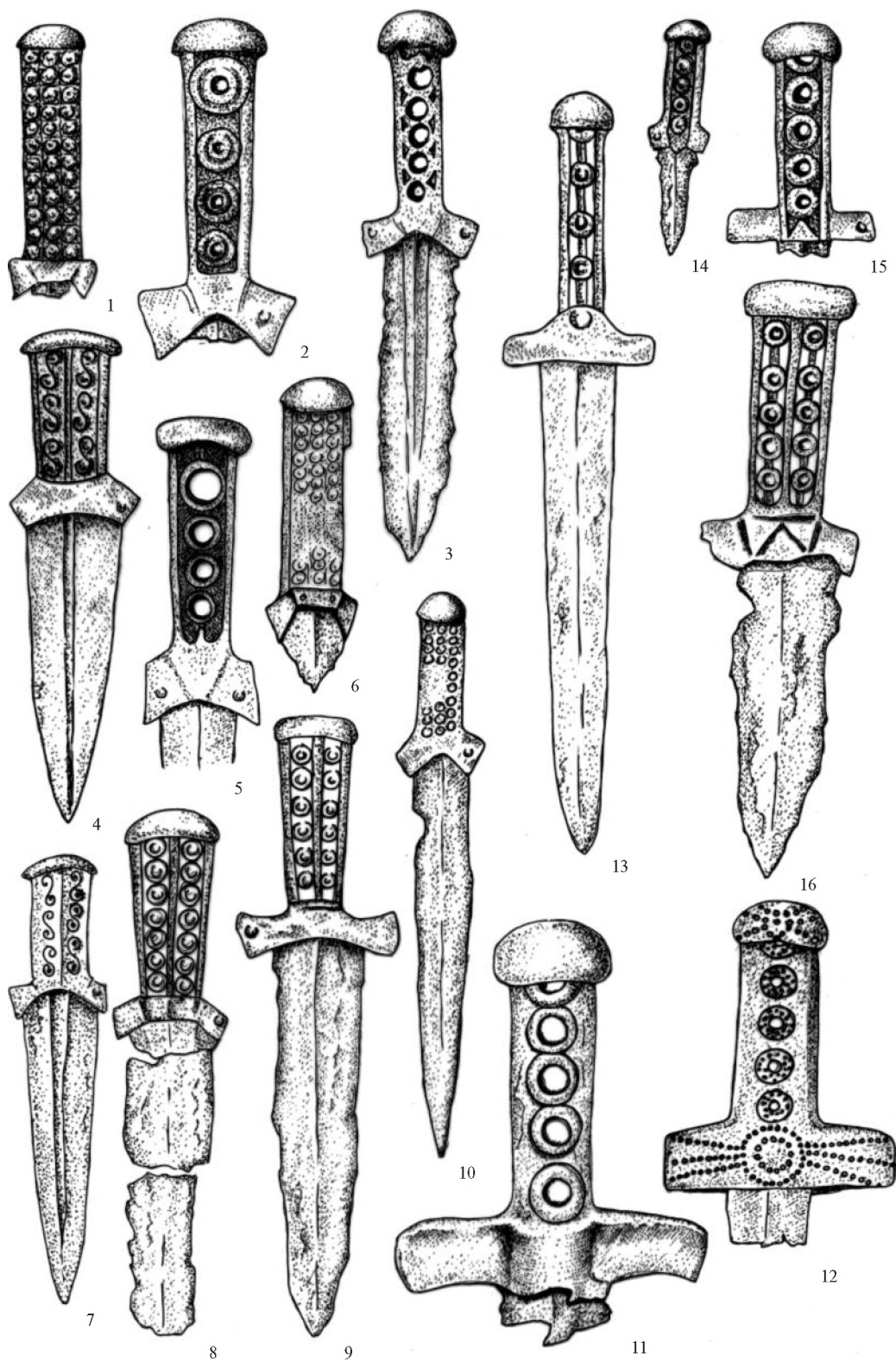

Рис. 57 Биметаллические кинжалы.
 1–12. Северный Кавказ; 13–16. Памятники «фрако-киммерийского» круга из Центральной Европы
 По Козенкова 1975, рис. 10

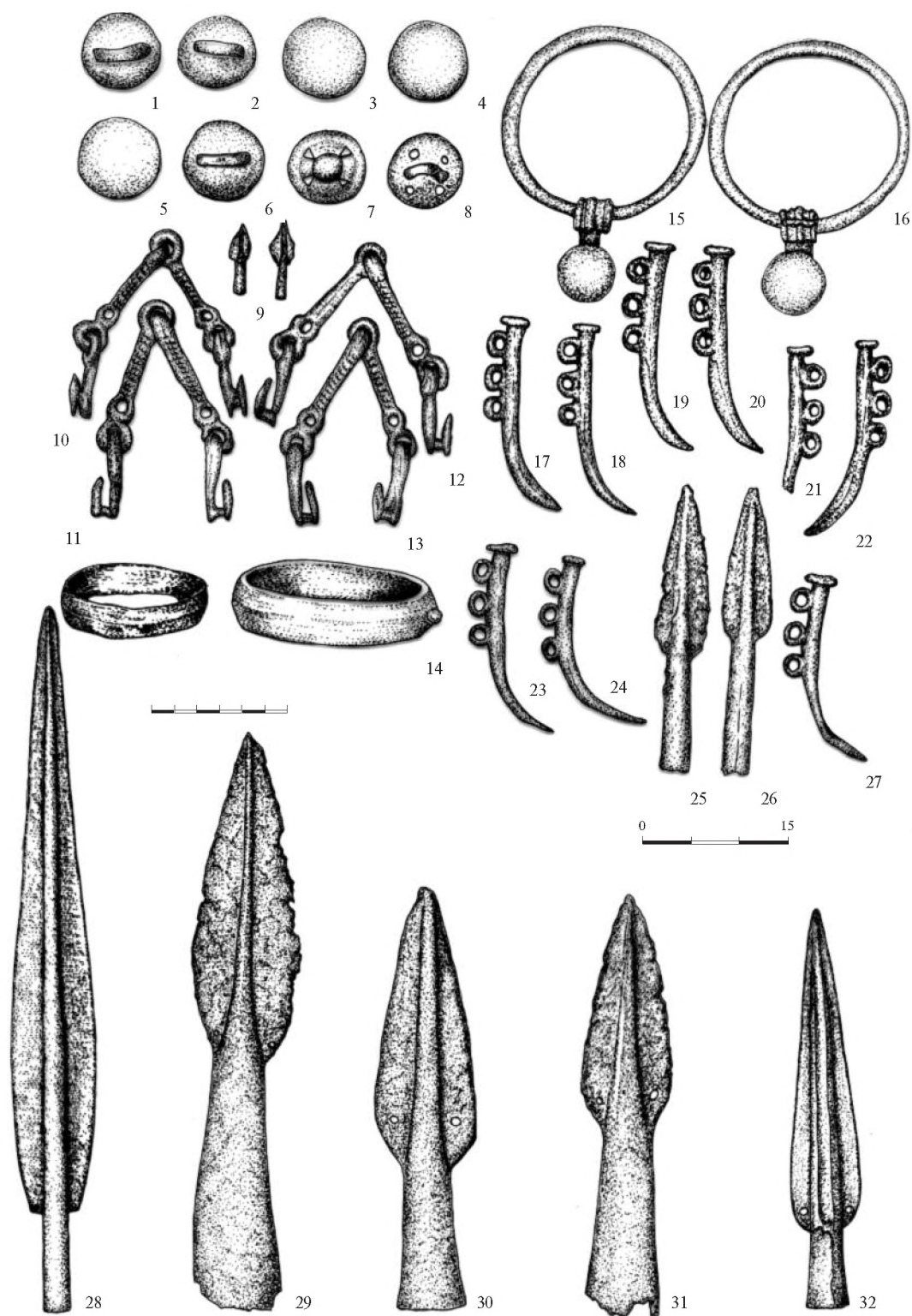

Рис. 58 1–27. Инвентарь погребения у с. Бутенки. 28–32. Наконечники копий. 28. Клад Адерно, Сицилия; 29–31. Клад Комлод, Венгрия; 32. Некрополь Кум, Италия. 1–24, 27, 28. Бронза; 25, 26, 29–32. Железо

По Тереножкин 1976, рис. 38 (1–27); Müller-Karpe 1959, Abb. 55; Taf. 8, 1 (28, 32);

Gallus, Horváth 1939, Taf. XXI, 1–3 (29–31)

В. Р. Эрлих, как уже указывалось, вслед за А. И. Тереножкиным склонен датировать переход от предскифской к раннескифской культуре примерно серединой VII в. до н. э., хотя исходит при этом из несколько иных представлений об относительной хронологии предскифских памятников. Эти представления основываются прежде всего на анализе конской узды из Закубанья, в первую очередь взаимовстречаемости в различных комплексах удила и псалий различных типов. Аналогичный анализ был им вместе с С. Б. Вальчаком проделан и для других районов Восточной Европы, однако его результаты опубликованы лишь в самой краткой форме⁴⁶. При анализе для псалий была разработана новая типология, а для удила использована типология А. А. Иессена⁴⁷, основанная на форме их внешних петель (двуколычатые, одноколычатые и стремечковидные). В эту типологию было внесено лишь небольшое изменение — внутри группы стремечковидных удила было выделено два варианта — черногородовский и раннескифский. Такое разделение, однако, в значительной мере остается искусственным и диктуется не различием форм двух вариантов удила, а тем, что они были обнаружены в двух группах памятников — более архаичных черногородовских и более поздних собственно раннескифских. Еще А. И. Тереножкин отмечал, что они в ряде случаев неотличимы, а мелкие отличия, характерные для черногородовских экземпляров, встречаются и на раннескифских удилах⁴⁸. Попытки найти четкие критерии, позволяющие уверенно отличать черногородовские удила от раннескифских были до сих пор неудачны⁴⁹. Предложенное В. Р. Эрлихом разделение типа III Иессена на «треугольноконечные» (черногородовские) и «стремечковидные» (раннескифские) удила также вполне условно⁵⁰. Выделенный им для раннескифских удила признак «особое выделение подножки стремечка» совершенно субъективен, да и сам автор признает, что он не является абсолютным.

На основе анализа взаимовстречаемости конских удила и псалий В. Р. Эрлих построил схему развития форм конской узды в предскифских памятниках и, соответственно, их относительную хронологию. Эти памятники были разделены на две хронологические группы. В первую, по мнению В. Р. Эрлиха, входят уздечные наборы, включающие одноколычатые, треугольноконечные и двуколычатые удила, иногда с ложновитым рифлением, соединяющиеся с трехпетельчатыми псалиями двух разновидностей — прямыми стремечковидными и лопастными пластинчатыми. В рамках первой группы, таким образом, признается сосуществование всех трех видов удила, т. е. памятников черногородовского и новочеркасского типов, хотя двуколычатые удила, по мнению В. Р. Эрлиха, относятся к поздней части группы. Переход ко второй хронологической группе характеризуется, прежде всего, исчезновением одноколычатых и треугольноконечных (черногородовских) удила. В эту группу входят комплексы, содержащие двуколычатые удила, иногда имеющие рифление в виде квадратиков и сочетающиеся с более поздними разновидностями трехпетельчатых псалий — прежде всего, стержневидными лопастными, а также изогнутыми. В третью группу включаются комплексы, уже содержащие стремечковидные удила «раннескифского» типа в сочетании с трехпетельчатыми стержневидными псалиями с зооморфными окончаниями, а также трехдырчатыми псалиями «сиалковского» типа. Время существования этой группы, по мнению В. Р. Эрлиха, частично совпадает с последним периодом существования второй группы, а отличия между ними не хронологические, а культурные. Таким образом, в рамках первого периода отмечается сосуществование узды черногородовского и новочеркасского (ранние варианты) типов, а в рамках второго — существование классической новочеркасской узды, которая на позднем этапе сосуществует с раннескифской. Проведенный анализ является несомненным шагом вперед в изучении относительной хронологии предскифских памятников, однако, к сожалению, ограничивается лишь одной категорией материала. Эта система игнорирует не только все остальные категории находок (например, оружие, керамику и т. д.), но даже и подавляющее большинство комплексов, содержащих не петельчатые, а дырчатые псалии. Так, В. Р. Эрлих парадоксальным образом не включает в свою схему комплекс кургана Уашхиту, публикации которого, в первую очередь, и посвящена его моно-

⁴⁶ Эрлих 1991, 31–47; Вальчак, Эрлих 1993, 17–19; Эрлих 1994, 52–73. Ср. теперь Вальчак 1997, 88–119, без обоснования абсолютной хронологии выделяемых групп.

⁴⁷ Иессен 1953, 52.

⁴⁸ Тереножкин 1976, 149–150.

⁴⁹ Ср. Ложкин, Петренко 1981, 70–71; Вальчак 1994, 131–133; Махортых 1994а, 123–124.

⁵⁰ Эрлих 1994, 56.

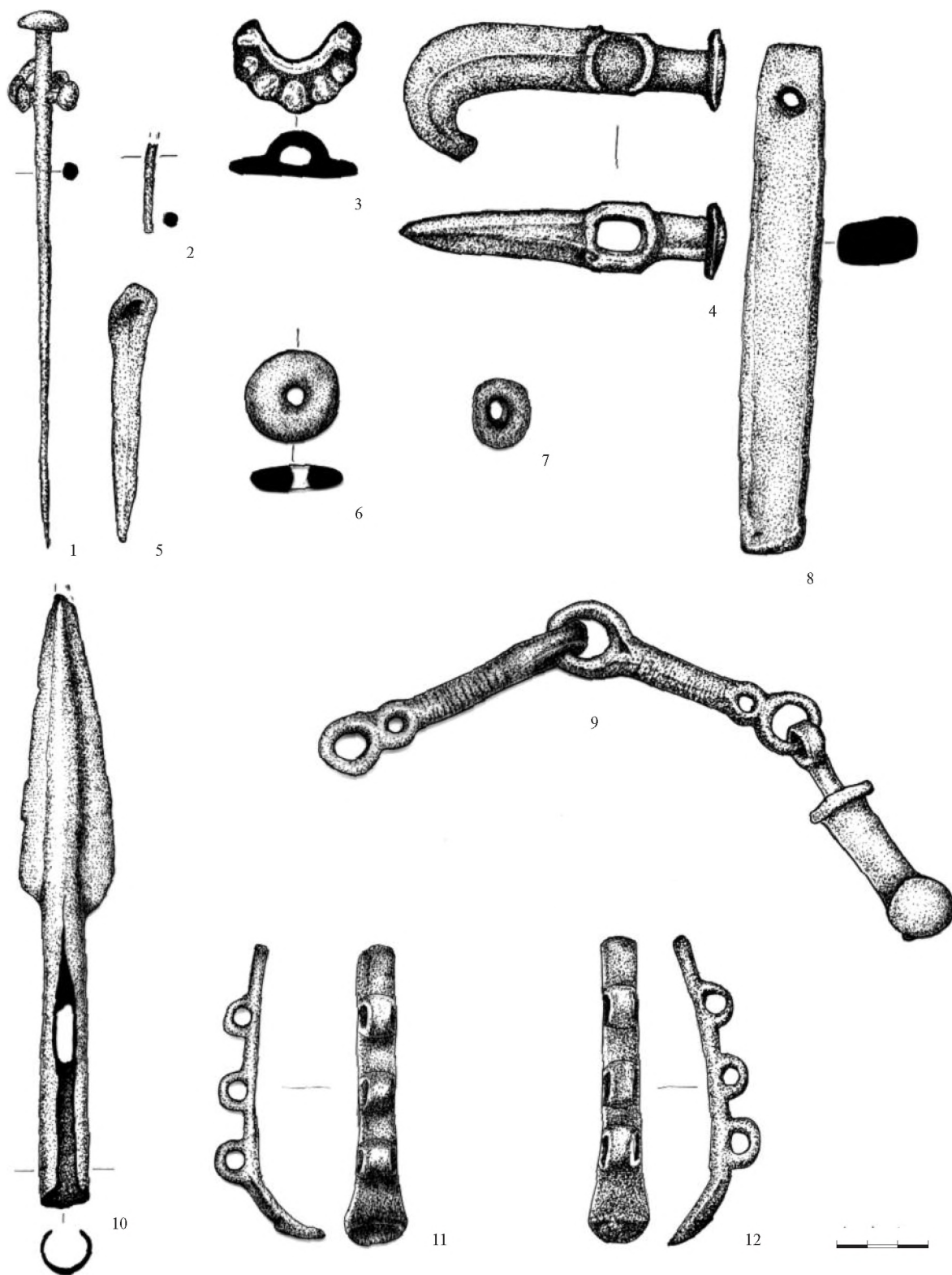

Рис. 59 Инвентарь погребения 35 могильника Фарс. 2, 5. Кость; 6–8. Камень; остальное бронза
По Эрлих 1994, таб. 13

графия. Этот комплекс содержит трехдырчатые псалии с лопастями (тип «Уашхиту-Жаботин», по терминологии В. Р. Эрлиха) вместе с двукольчатыми удилами. Псалии этого типа рассмотрены автором отдельно и без связи с этой схемой⁵¹.

Абсолютная хронология выделенных В. Р. Эрлихом групп обоснована гораздо слабее, чем относительная. Весь свой первый этап он датирует на основании комплекса погребения 35 могильника Фарс (Рис. 59), в который входит птицеголовый топорик-скипетр. Основываясь на близости этого скипетра экземпляру, обнаруженному в составе клада Прюдь, он синхронизирует оба комплекса. Клад из Прюдь, очевидно, относится к периоду На В2 и датируется в пределах IX в. до н. э. (Рис. 60)⁵². Следует отметить при этом, что погребение Фарс 35 содержит в своем составе двукольчатые удила и, следовательно, принадлежит к поздней части первой группы (если, в самом деле, однокольчатые и треугольноконечные удила в рамках первой группы предшествуют двукольчатым, как то считает В. Р. Эрлих). Датировка этого погребения позволила бы, следовательно, датировать не всю группу, а лишь ее позднюю часть.

Первоначально В. Р. Эрлих принимал синхронизацию клада из Прюдь с погребением Фарс 35 без оговорки и, соответственно, относил свой первый этап, более или менее соответствующий черноголовскому этапу А. И. Тереножкина, или во всяком случае его начало, к IX в. до н. э.⁵³ Впоследствии, однако, он обратил внимание на то обстоятельство, что клад из деревни Прюдь содержит бронзовые кольца с привесками, которые В. Р. Эрлих считает деталями колесничной упряжи и которые в причерноморских памятниках встречаются только с уздой «классического» новочеркасского типа (т. е. относящейся ко второму периоду Эрлиха) или в памятниках, переходных к раннескифским. Кроме того, он замечает, что и скипетр из могильника Фарс имеет более архаичный облик, чем его аналог из клада у деревни Прюдь⁵⁴. Таким образом, в действительности этот клад должен был бы синхронизироваться не с первой хронологической группой Эрлиха, а со второй, представленной «классической» новочеркасской уздой, возможно, с ее началом. Итак, вторая хронологическая группа Эрлиха (классическая «новочеркасская» узда с двукольчатыми удилами и трехпестельчатыми стержневидными лопастными псалиями) должна по меньшей мере частично синхронизироваться с гальштатским периодом В2 и начинаться еще в IX в. до н. э.⁵⁵

Такой вывод подрывает представления В. Р. Эрлиха об абсолютной хронологии предскифских памятников и неприемлем для него. Поэтому он отказывается от датировки клада у деревни Прюдь периодом На В2 и относит его к концу VIII – первой половине VII в. до н. э., т. е. уже к периоду На С. Это предположение уже было подвергнуто справедливой критике В. И. Козенковой⁵⁶, которая отметила, что состав находок этого клада, в первую очередь кельтов, никак не может быть согласован с такой передатировкой и характерен именно для периода На В2. В. Р. Эрлих не оспаривает этого, однако отмечает, что клад должен датироваться по своему самому позднему элементу, каковым он считает детали колесничной упряжи, в частности, кольца с подвесками. Поскольку эти предметы он датирует не раньше конца VIII в. до н. э., то к тому же времени относит и весь клад. Таким образом, В. Р. Эрлих подразумевает, что основная часть клада (33 бронзовых кельта и другие предметы), как и керамический сосуд культуры Гава, в котором он находился (что особенно неправдоподобно), по меньшей мере на век древнее, чем его «восточные» элементы, т. е. кольца с подвесками и конноголовый скипетр. Такое предположение кажется мне невероятным, и автор, на мой взгляд, должен был оказаться здесь перед выбором: или попытаться омолодить «древнюю» часть комплекса, а значит и связанные с ним клады типа Буксентласло-Надьзанк и Хайдубоссормени, или удревнить его «восточные» элементы. Он, однако, не делает ни того, ни другого. Более того, в своем рассуждении он исхо-

⁵¹ Эрлих 1994, 102–103.

⁵² Kemenczei 1981, 29–41; Kemenczei 1981a, 86–88; Смирнова 1985, 34; Kossack 1986, 126–127; Kossack 1994, 21. Ср. Kemenczei 1984, 55–56, 95; Chochorowski 1993, 187–191.

⁵³ Эрлих 1991, 38–39.

⁵⁴ Эрлих 1994, 63–64; Эрлих 1997, 19–34. Ср. Дударев 1995, 27–28.

⁵⁵ Ср. Kossack 1986, 127–135.

⁵⁶ Козенкова 1996, 87–88.

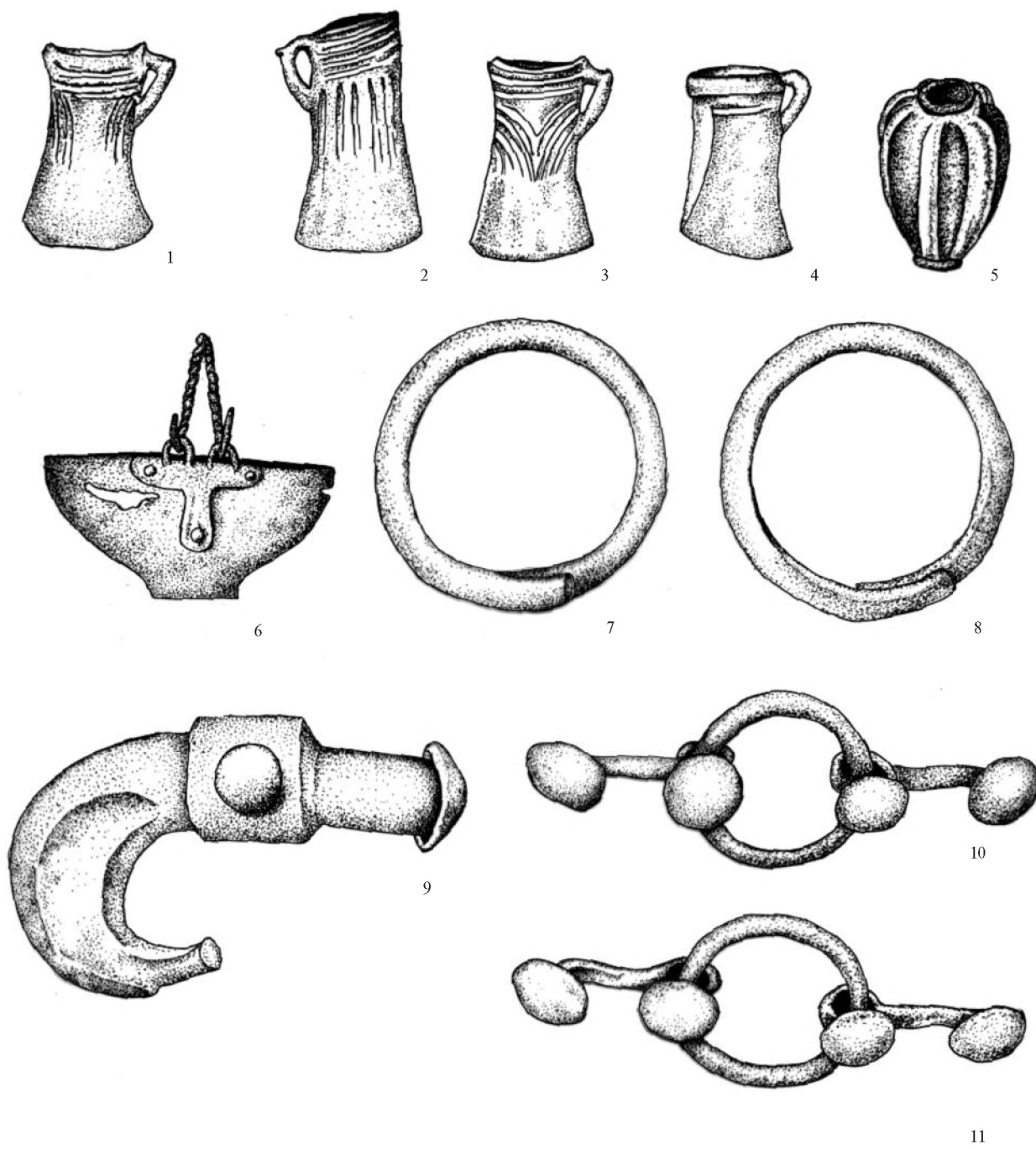

Рис. 60 Клад у дер. Прюдь, Венгрия. Бронза
По Эрлих 1997, рис. 1

дит из того, что дата обнаруженных в кладе колец с подвесками установлена абсолютно надежно и они сами могут датировать другие вещи комплекса. В действительности это далеко не так: абсолютные даты «новочеркасских» находок, включая и названные кольца, по-прежнему составляют проблему. В сущности, первоначально и сам В. Р. Эрлих, как мы видели, использовал клад Прюдь в качестве главного хронологического репера при определении возраста первой из выделенных им групп предскифских памятников. Когда же выяснилось, что этот репер указывает на совершенно иную датировку, чем предполагала его схема, предметы «новочеркасского» типа превратились из датируемых в датирующие. Более того, В. Р. Эрлих теперь склонен и вовсе отрицать значение центральноевропейских материалов для датировки предскифских памятников и утверждает, что они обладают собственной системой привязок к абсолютной хронологии и что эти даты приоритетны по отношению к центральноевропейским⁵⁷. Такое утверждение представляется чересчур оптимистичным. По сути, системой привязок к передневожостной, а позже к греческой, хронологии обладают лишь раннескифские памятники, тогда как все «новочеркасские» привязки достаточно сомнительны и допускают по меньшей мере различные толкования, о чем речь ниже. На мой взгляд, таким образом, клад Прюдь должен по-прежнему датироваться эпохой На В2. Поскольку он содержит предметы, представленные в новочеркасских памятниках (детали колесничной упряжи и топорик-скипетр), то может использоваться в качестве хронологического репера для датировки этих памятников и указывает на их частичную синхронность с эпохой На В2.

Главной опорой для абсолютной датировки своей второй хронологической группы В. Р. Эрлих считает комплекс одного из погребений Клинь-ярского могильника, содержащий удила новочеркасского типа и шлем, который он считает ассирийским и датирует концом VIII в. до н. э. (*Рис. 61, 1–14*). Как определение, так и датировка этого шлема представляются более чем спорными, однако к рассмотрению этой проблемы мы вернемся ниже. Верхняя дата этой группы, по В. Р. Эрлиху, определяется комплексами келермесского типа, для которых он принимает датировку третьей четвертью VII в. до н. э.⁵⁸

Еще одной хронологической привязкой, на этот раз для своей третьей группы, характеризующей уже использование узды раннескифского типа (удила со стремечковидными окончаниями), В. Р. Эрлих считает находку трехдырчатых псалиев, встречающихся иногда со стремечковидными удилами, в погребении 15 иранского некрополя Сиалк В. Синхронизировав это погребение со своей третьей группой, он стремится передатировать его, отнеся к концу VIII – первой половине VII вв. до н. э. К датировке погребения 15 некрополя Сиалк В я еще вернусь, здесь же отмечу лишь, что приводимые аргументы не убеждают, поскольку автору не удается указать ни одного предмета из сиалковского некрополя, надежно датируемого VII в. до н. э.⁵⁹ Иных оснований для абсолютной датировки предскифских памятников В. Р. Эрлихом не приводилось.

На некоторые данные, позволяющие найти хронологические реперы для ранних новочеркасских памятников указали недавно В. И. Клочко и В. Ю. Мурзин⁶⁰. Они отметили два комплекса, в которых двуколычатые удила архаического облика найдены вместе с предметами центральноевропейского происхождения. Одной из таких находок является погребение у с. Радионовка в Днепропетровской области (*Рис. 61, 15, 16*), где такие удила обнаружены вместе с наконечником копья, который находит аналогии в материалах периодов На А1–2⁶¹. Следует, однако, отметить, что подобные копья использовались в карпато-дунайском регионе и позже. Аналогии им среди материалов периода На В уже указывались⁶². Кроме того, копье и удила происходят из разрушенного кургана и их принадлежность к одному и тому же погребению сомнительна⁶³. Копье из погребения у с. Радионовка, таким образом, не определяет однозначно датировку найденных здесь двуколычатых удил.

⁵⁷ Эрлих 1997, 31.

⁵⁸ Эрлих 1994, 64–65, 88–90. Именно клинь-ярский комплекс В. Р. Эрлих считает главным «репером», привязывающим новочеркасские памятники к новоассирийской хронологии: Эрлих 1997, 32.

⁵⁹ Эрлих 1994, 67–68.

⁶⁰ Клочко, Мурзин 1989, 61–71. Ср. Махортих 1992, 25–26.

⁶¹ Петрунь 1969, 75–76, рис. 3; Клочко, Мурзин 1989, 67, рис. 1.

⁶² Козенкова 1975, 56–58.

⁶³ Ср. Полин 1994, 156.

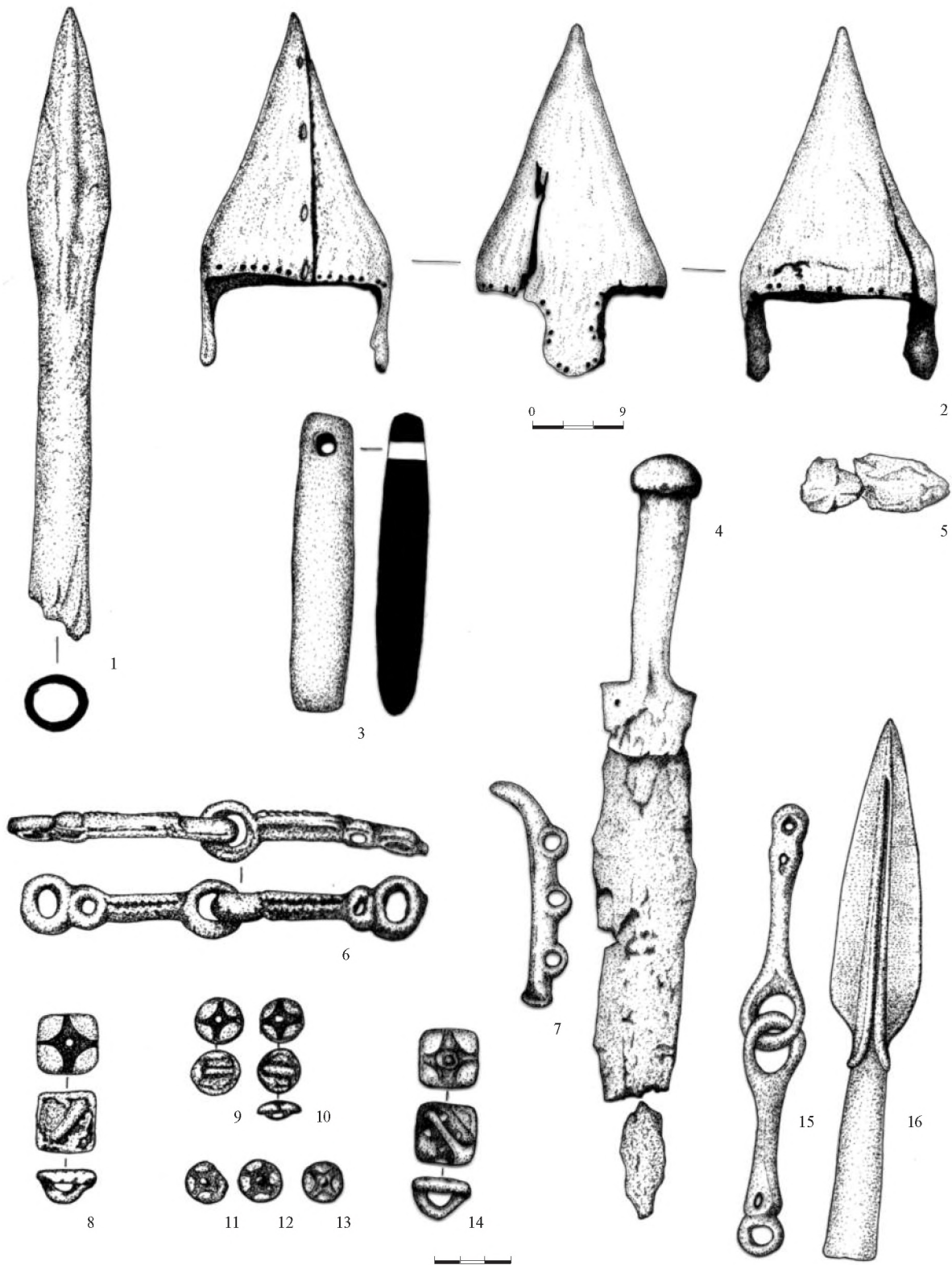

Рис. 61 1–14. Инвентарь погребения 186 могильника Клиньяр III у Кисловодска. 15, 16. Находки из разрушенного кургана у с. Радионовка. 1, 5. Железо; 3. Камень; 4. Железо и бронза; остальное бронза.

По Kossack 1994, Abb. 10 (1–14); Клочко, Мурзин 1989, рис. 1 (15, 16)

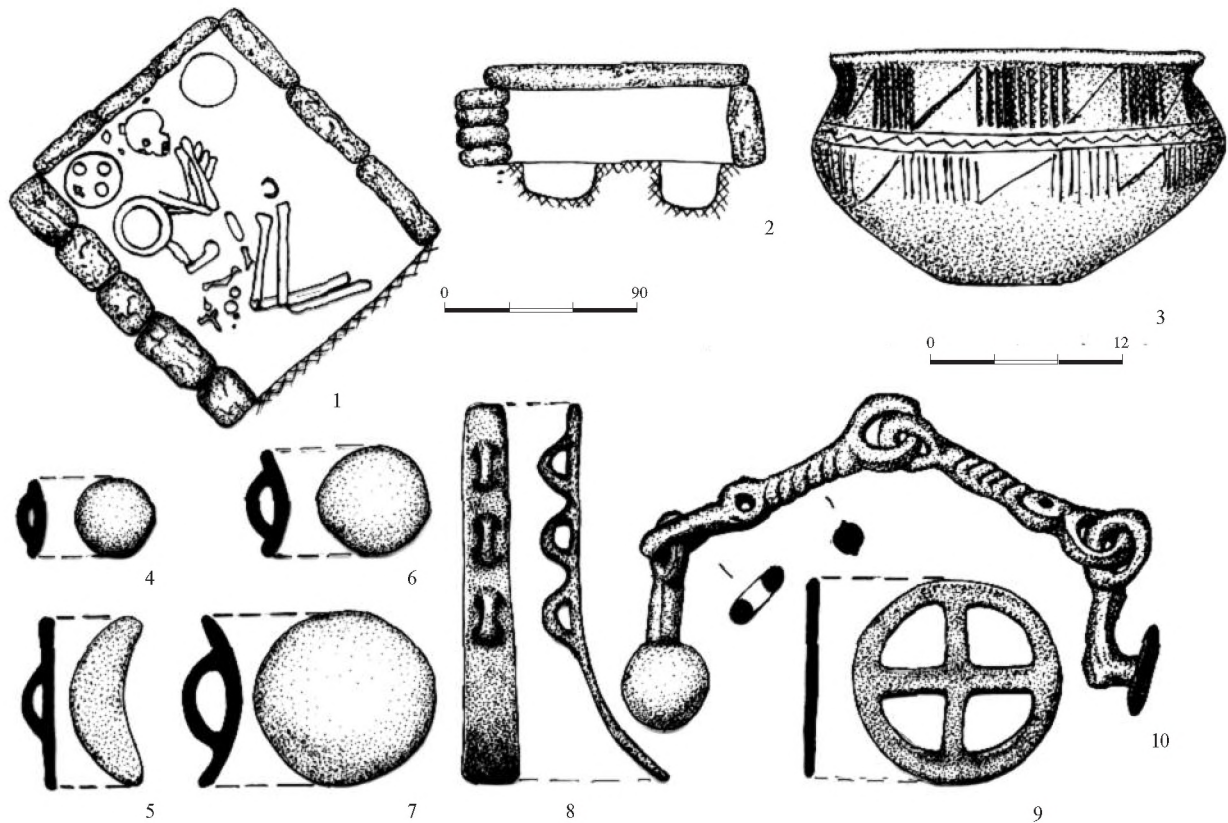

Рис. 62 Инвентарь погребения 34 могильника на территории Кисловодской мебельной фабрики (1–10)

Второе свидетельство такого рода — погребение 34 из могильника, раскрытого на территории Кисловодской мебельной фабрики (Рис. 62). Здесь двуколычатые удила с дополнительными звеньями и ложновитым рифлением в сочетании с трехпетельчатыми пластинчатыми лопастными псалиями (сочетание, типичное для первой хронологической группы Эрлиха) обнаружены вместе с двухлопастными втульчатыми наконечниками стрел с широким пером и шиповидными окончаниями лопастей (Рис. 62, 15, 16)⁶⁴. находка стрел этого типа уникальна на Северном Кавказе, однако они известны в Центральной Европе, где, появившись еще в памятниках бронзового века, используются в течение всего периода На А. В некоторых группах памятников (район Дрездена, западнодунайско-майнская группа и район Одера-Нейссе) такие наконечники использовались и в течение периодов На В1–2, когда окончательно выходят из употребления (очевидно, в X–IX вв. до н. э.)⁶⁵. находки сходных стрел известны и в других предскифских памятниках (Малая Цимбалка, Высокая могила), однако они значительно дальше от кисловодских, чем центральноевропейские. Таким образом, имеются основания первую хронологическую группу Эрлиха, в которую входят комплексы, содержащие новочеркасские удила архаического облика, а также кольчатые и треугольноконечные (черногорские) удила, датировать X, самое позднее IX в. до н. э. и синхронизировать по меньшей мере с периодом На В1, а воз-

⁶⁴ Виноградов, Дударев, Рунич 1980, 188–191, рис. 4, 6–7, 14, 19; Клочко, Мурзин 1989, 67–68. Против: Полин 1994, 156.

⁶⁵ Mercer 1970, 173–185.

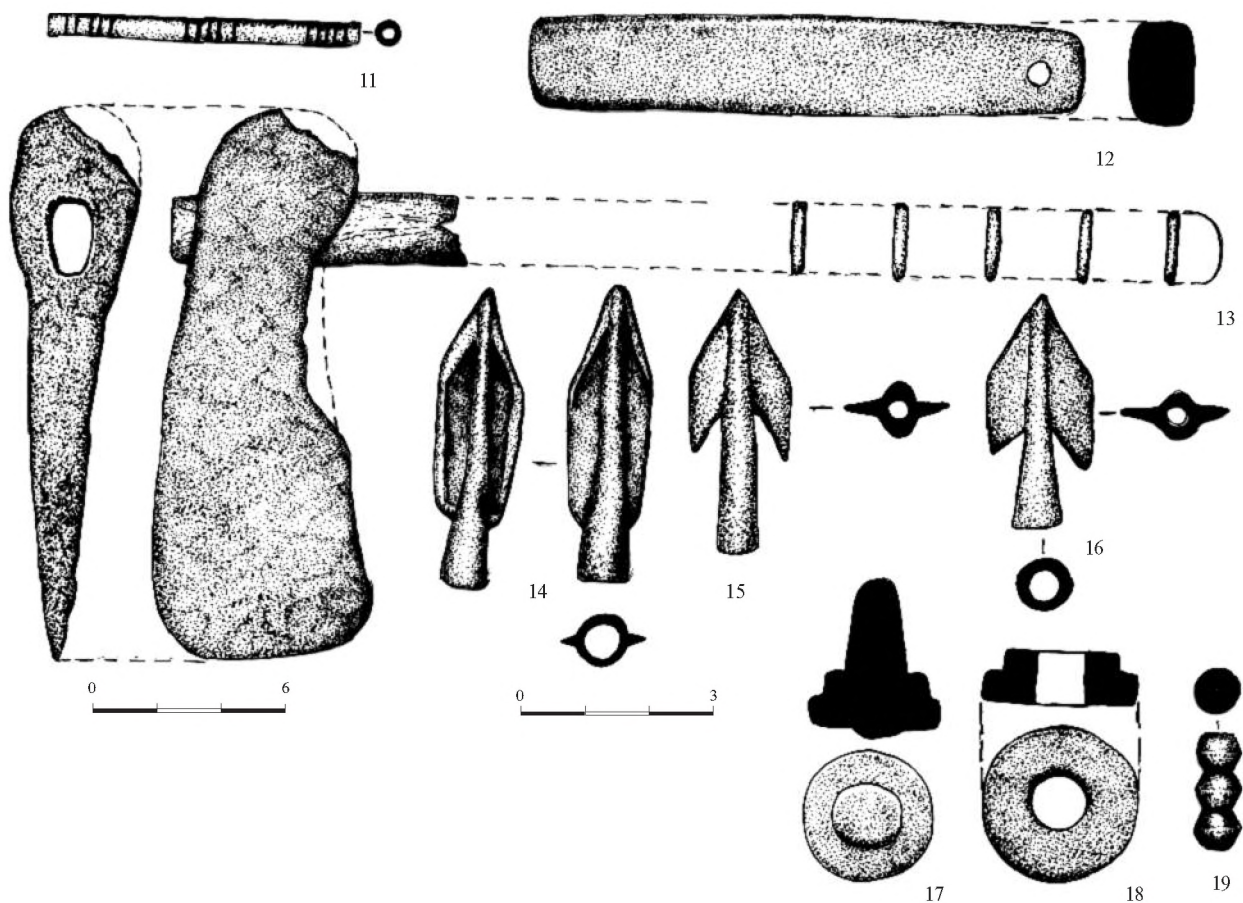

Рис. 62 Инвентарь погребения 34 могильника на территории Кисловодской мебельной фабрики.

3. Глина; 12. Камень; 13. Железо; 4–11, 14–19. Бронза

По Эрлих 1994, таб. 19; Козенкова 1995, таб. II, 2–4 (14–16), XX, 1 (13), XXV, 7 (10)

можно, по крайней мере частично, и концом На А. Впрочем, проблема происхождения данного типа наконечников стрел остается спорной⁶⁶.

Центральноевропейские материалы дают и еще одну опорную точку для хронологии начала раннескифского периода. При раскопках укрепленного поселения Смоленице-Мольпир в западной Словакии было обнаружено значительное количество наконечников стрел скифского типа, которые явно использовались местным населением в течение всего периода существования поселения⁶⁷. Среди наконечников преобладают трехлопастные, широко представлены и двухлопастные и трехгранные наконечники, причем их формы характерны для поздних комплексов раннескифской эпохи. Поселение существовало в течение периодов На С2 и На D1, т. е. во второй половине VII – начале VI вв. до н. э.,

⁶⁶ Ср. Махортых 1994, 45. Об этих наконечниках см. также Козенкова 1995, 10.

⁶⁷ Dušek, M., S. 1984, Taf. 9, 3,22,24–26; 10, 9–11,13–15; 15, 7–8; 20, 5,7; 24, 6; 31, 2–4,6–8; 32, 10–14,16–24,26–34,36–58; 35, 5,7,9,10,12,14,16,19,21,23; 37, 16; 45, 25,27,29–35,37–40,42,44; 50, 10,12; 53, 9–11; 68, 11–13,15; 69, 1–9; 83, 17–19,

23,24; 90, 20,22; 94, 25,26; 97, 27,29–30; 100, 4; 104, 11–12,14–16; 114, 14,17; 116, 21–23,25,26; 118, 35–37; 129, 27–28,30; 130, 20; 140, 26; 146, 31,33; 150, 2,3,5; 151, 10; 157, 3,16–19, 23–26,28–30,37–41,43–45; 158, 12–16,18–20,27,35–37, 39–41,44–46,50,53,54; 164, 12,15–17,22–29; 165, 23–29; 177, 4, 5,7; 181, 2,7; 182, 28. Ср. Хохоровски 1994, рис. 3–6.

причем ни один найденный здесь предмет не датируется более поздним временем⁶⁸. Таким образом, уже во второй половине VII в. до н. э. наконечники стрел скифского типа, причем не самых ранних типов, достаточно широко использовались по крайней мере частью населения Центральной Европы⁶⁹. Вряд ли приходится сомневаться, что они были заимствованы из степей, где, таким образом, их появление следует датировать более ранним временем. Таким образом, мы получаем еще одно основание для датировки начала келермесского этапа раннескифской культуры ранее середины VII в. до н. э.

Перейдем теперь к рассмотрению тех предметов, которые служили аргументами участия новочеркасцев в переднеазиатских походах.

⁶⁸ Parzinger, Stegmann-Rajtár 1988, 162–178; Parzinger 1993, 213–214.

⁶⁹ Я. Хохоровски (1994, 50–51, здесь же предыдущая литература) без достаточных оснований связывает все обнаруженные здесь наконечники с разрушением поселения. Для некоторых из них (например, открытых на боевой площадке или у ворот) это может быть правильным, однако большинство наконечников, обнаруженных в культурных напластованиях

внутри жилищ среди других предметов, невозможно связывать с вражеским нападением — они явно использовались населением городища. Вызывает сомнения и прямое отождествление нападающих врагов со скифами на основании того, что они использовали наконечники стрел скифского типа. В Центральной Европе в VI в. до н. э. такие наконечники, очевидно, были распространены не меньше, чем в Малой Азии.

Культурные связи Европы и Передней Азии в предскифский и раннескифский период: проблемы развития конской узды

Среди археологических материалов, характеризующих как раннескифскую культуру, так и предскифскую культуру типа новочеркасского клада, одним из важнейших является конская узда. Различные формы конской узды служат также одним из критериев датировки соответствующих культур и выяснения характера их связей с соседями. Так, применение некоторых нетипичных для степной зоны ее разновидностей предскифским населением Причерноморья служило основанием для того, чтобы предполагать их заимствование из Передней Азии и рассматривать как свидетельство участия этого населения в переднеазиатских походах.

Для датировки различных предскифских и раннескифских видов конской узды особое значение имеют материалы Закавказья и Ирана. Узда этого региона имеет собственные традиции развития, отличные от степных. Тем не менее обе традиции, степная и закавказско-иранская, находились в постоянных контактах и влияли друг на друга. Наличие этих связей, в том числе, возможно, и заимствований, позволяет связать две традиции между собой. Соответственно, возникает возможность найти хронологические привязки для предскифской культуры в передневосточной хронологии.

Попытки сопоставления причерноморской узды с передневосточной уже предпринимались, однако они ограничивались, как правило, использованием лишь отдельных примеров из переднеазиатских материалов. Общая же картина развития переднеазиатской узды при этом зачастую игнорировалась, что приводило к ошибочным выводам. Так, анализируя узду некрополя Сиалк В в Иране, И. Н. Медведская однозначно считала конструкцию, применявшую кольчатые удила и отдельно изготовленные трехдырчатые псалии, скреплявшиеся с ними посредством ремней, новацией в Иране VIII в. до н. э. и связывала их с центральноевропейским влиянием¹. Другой пример — уже упоминавшаяся работа В. Р. Эрлиха. Он уделил в ней особое внимание появлению в Причерноморье удил с жесткоскрепленными псалиями типа «Енджа — Константиновка», развившихся на основе обычных удил новочеркасского типа. Появление этой формы узды он считает результатом «импорта идей» из Передней Азии и одним из свидетельств участия носителей культуры типа новочеркасского клада в переднеазиатских походах киммерийцев². Как мы увидим ниже, оба представления неверны.

Для того, чтобы правильно понять взаимоотношения между передневосточной и степной традициями развития конской узды, необходимо рассматривать каждый отдельный факт не изолированно, а в том контексте, к которому он принадлежит. Только такое рассмотрение способно дать надежные основания для синхронизации отдельных явлений, относящихся к двум традициям, и их датировки. Поэтому, привлекая передневосточные аналогии для датировки тех или иных форм степных удил или

¹ Медведская 1983, 64–72; Медведская 1994, 123–124.

² Эрлих 1994, 85–86.

псалий, необходимо иметь в виду общую картину развития переднеазиатской узды, уделяя особое внимание тем районам, где следует ожидать наиболее тесных контактов с евразийскими степями — Закавказью, Ирану и Урарту.

2.2.1 ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ЗАКАВКАЗСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II – НАЧАЛА I ТЫС. ДО Н. Э., СОДЕРЖАЩИХ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ КОНСКОЙ УЗДЫ

Насколько можно судить, самой ранней формой металлической узды, применявшейся в Закавказье, были двухчастные удила с напускными дисковидными псалиями, имеющими многочисленные аналогии в памятниках второй половины II тыс. до н. э. в микенской Греции и Передней Азии. Датированные экземпляры этого типа удил помещаются между XV и XII вв. до н. э. (Газа, XV в.; Шаркишла в восточной Каппадокии, XV–XIV вв.; Тель-Амарна, начало XIV в.; Рас Шамра, XIII в.; Фивы, XIII в.; Микены, XIII–XII вв., ср. также изображения таких псалий на фресках XIII в. из Микен, Тиринфа и Орхомена) (Рис. 63, 1)³. Аналогичные по форме костяные и роговые дисковидные псалии, применявшиеся, очевидно, с ременными удилами, были широко распространены и в евразийских степях на огромных пространствах от Подунавья до северного Казахстана со второй четверти II тыс. до н. э. и в течение его второй половины (Рис. 63, 2)⁴.

В Закавказье металлические удила с напускными дисковидными псалиями были обнаружены во втором (шесть экземпляров) и восьмом (два экземпляра) курганах Лчашена вместе с прекрасно сохранившимися деревянными повозками (Рис. 63, 3–5)⁵. Кроме того, четыре экземпляра аналогичных удил входили в состав клада бронзовых вещей в Квемо-Сасирети в Грузии (между Тбилиси и Гори) (Рис. 64, 7, 9)⁶. С материалом лчашенских курганов весьма сходны материалы из погребений первой хронологической группы могильника Артик, что позволяет их синхронизировать⁷. Важным основанием для датировки ранней группы погребений Артика и лчашенских курганов являются находки в памятниках этого круга печатей митаннийского и эламского стиля. В погребениях первой группы Артика (№53, 422, 625) было обнаружено три таких печати, две из которых датируются XV–XIII, а одна — XIII–XII вв. до н. э.⁸ Кроме того, хурритская печать сходного типа, видимо, относящаяся к XV–XIV вв. до н. э. была обнаружена и в лчашенском могильнике⁹. Еще одна печать среднеэламского типа, аналогичная обнаруженной в 625 погребении Артика, была найдена в погребении у Парни-геха в комплексе, содержащем вещи, характерные для памятников лчашено-артикского типа¹⁰. Кроме того, аналогичная печать была обнаружена в составе комплекса того же типа в погребении 7 Лори-бердского

³ Potratz 1941–44, 10–18; Potratz 1966, 110–116 (тип II); Nagel 1963, 50–53, Taf. XXXVI–XXXVII, 68–71; Moorey 1971, 109–111; Bittel 1975, 301–311, Abb. 3–5, Taf. 56; Littauer, Crouwel 1979, 87; Crouwel 1981, 102, 107, 158, pl. 90, 94, 101 (фрески); Muscarella 1988, 158–159.

⁴ Лесков 1964, 299–303; Смирнов, Кузьмина 1977, 42–43; Кузьмина 1980, 8–21; Hüttel 1981, 35–65, Taf. 2–4; Piggott 1983, 99–100 (с ошибочной датировкой трахтемировских псалий III тыс. до н. э.); Пряхин, Беседин 1998, 22–34. Особое значение имеет находка большого количества таких псалий в могильнике второй четверти – середины II тыс. до н. э. Синташта в южном Зауралье. Многие из них обнаружены при черепках погребенных коней: Генинг, Зданович, Генинг 1992, 111–332.

⁵ Мнацкян 1960, 151; Мнацкян 1961, 70, рис. 25, 4–6; Мартиросян 1964, 100, таб. VIII, 6–8; Piggott 1974, 18, pl. V b; Piggott 1983, 70–78.

⁶ Nioradze 1932, 89–91, Abb. 9–10; Potratz 1941–1944, 12–14, Abb. 17–21; Мартиросян 1964, 100 (датируют XIII–X вв. до н. э.); Коридзе 1965, 17–18, таб. X (датирует XIII–XII вв. до н. э.); Воронов 1980, 205, рис. 2, 10–16 (без серьезных оснований датирует началом I тыс. до н. э.).

⁷ Хачатрян 1963, passim; Мартиросян 1964, 81–113; Хачатрян 1975, 156–198; Хачатрян 1979, 11–14; Kossack 1983, 103–108.

⁸ Hrouda 1983, 170–177. Ср. Хачатрян 1975, 157–158, 188–189; Хачатрян 1979, 11–12.

⁹ Пиотровский 1963, 11; Хачатрян 1975, 189.

¹⁰ Хачатрян 1975, 15, 131, 188, рис. 1.

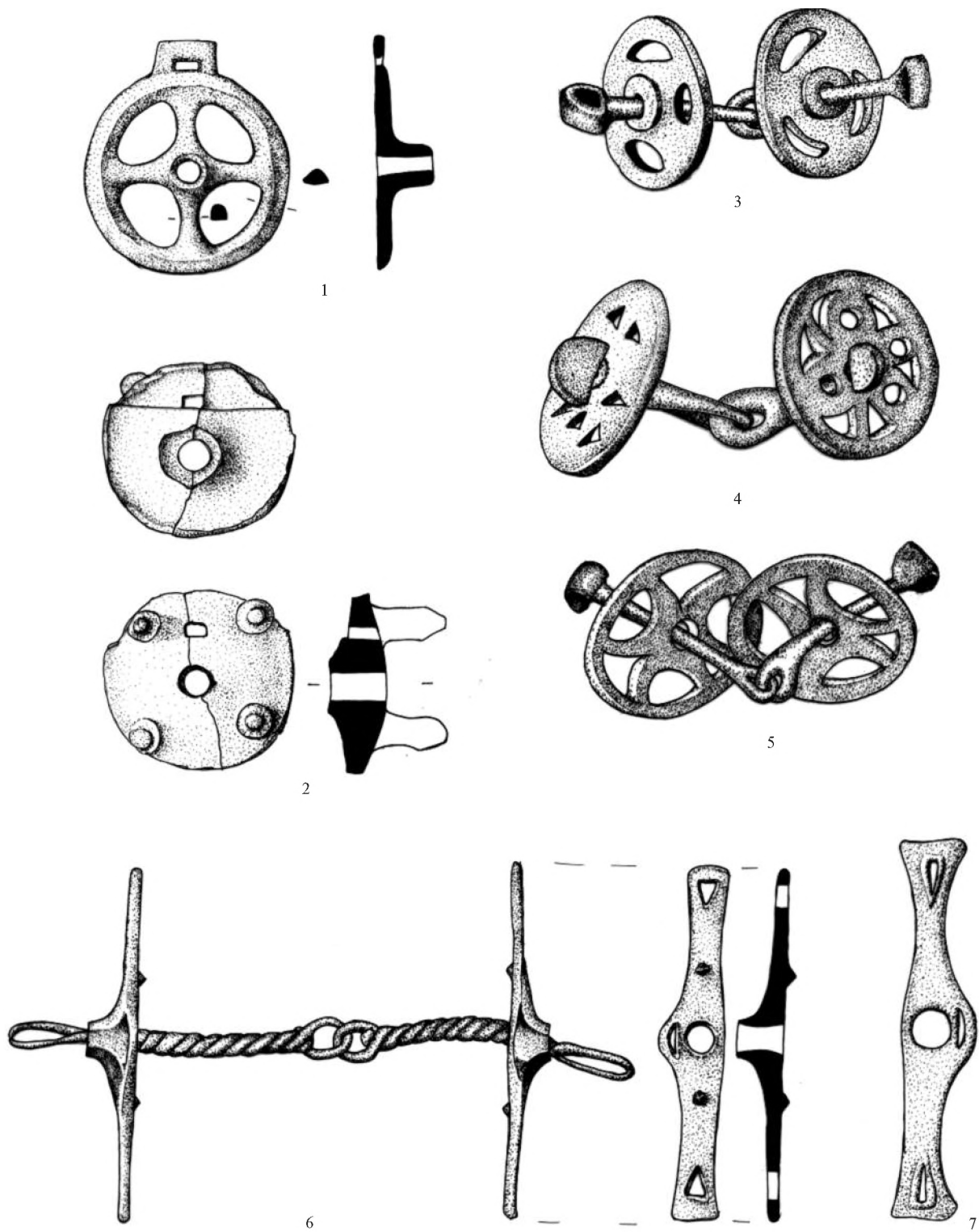

Рис. 63 Удила и псалии.

1. Дисковидный псалий из Микен; 2. Дисковидный псалий из могильника Синташта; 3–5. Удила с дисковидными псалиями из Лчашенских курганов; 6. Удила с прямоугольными псалиями из Микен; 7. Псалий из Фив. 1, 3–7. Бронза; 2. Кость
 По Crouwel 1981, 215, pl. 1, 3 (1, 6, 7); Генинг, Зданович, Генинг 1992, рис. 75, 3 (2); Мартиросян 1964, таб. VIII, 6–8 (3–5)

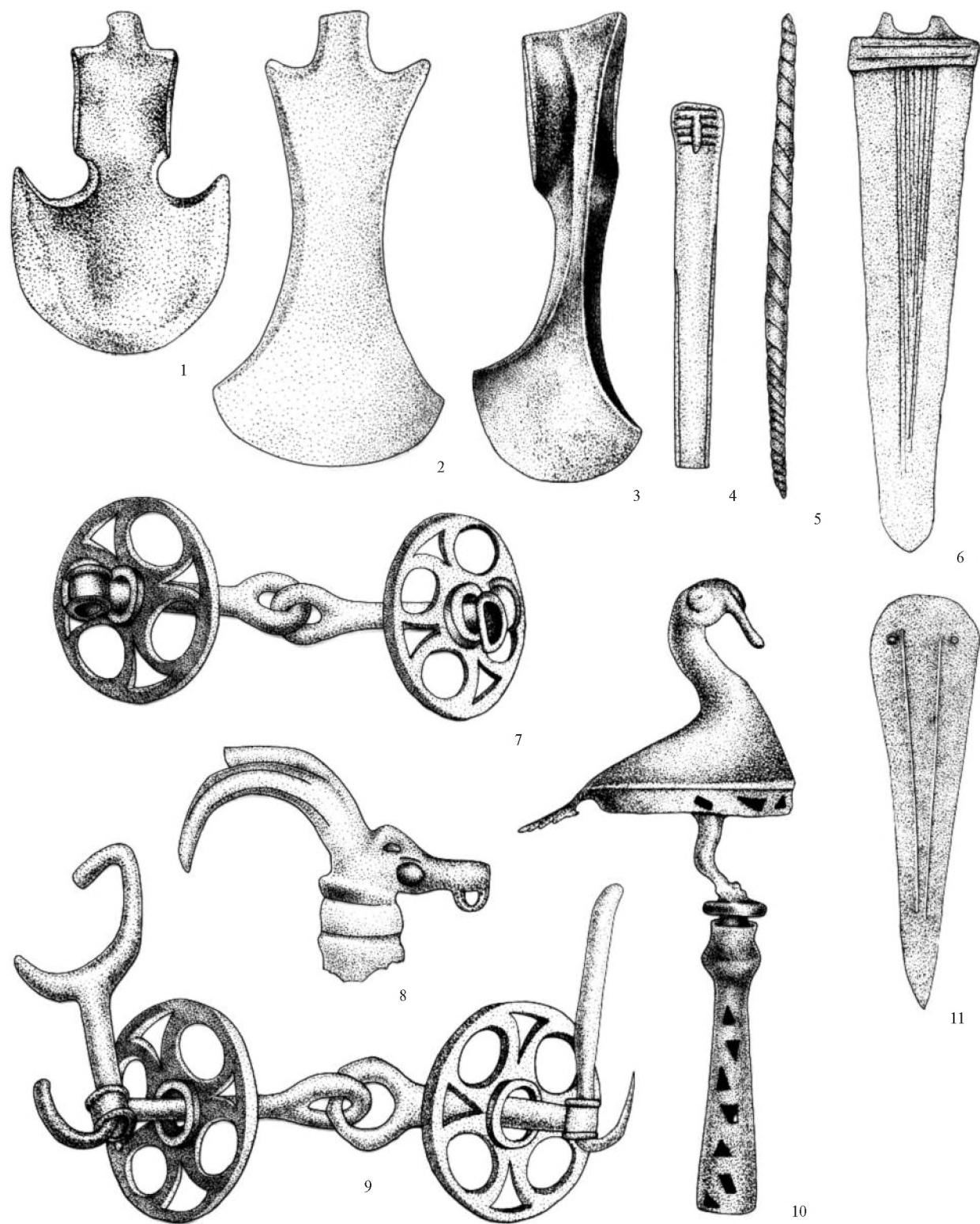

Рис. 64 Бронзовые предметы из клада в Квемо-Сасирети, Грузия

По Schäffer 1948, fig. 299

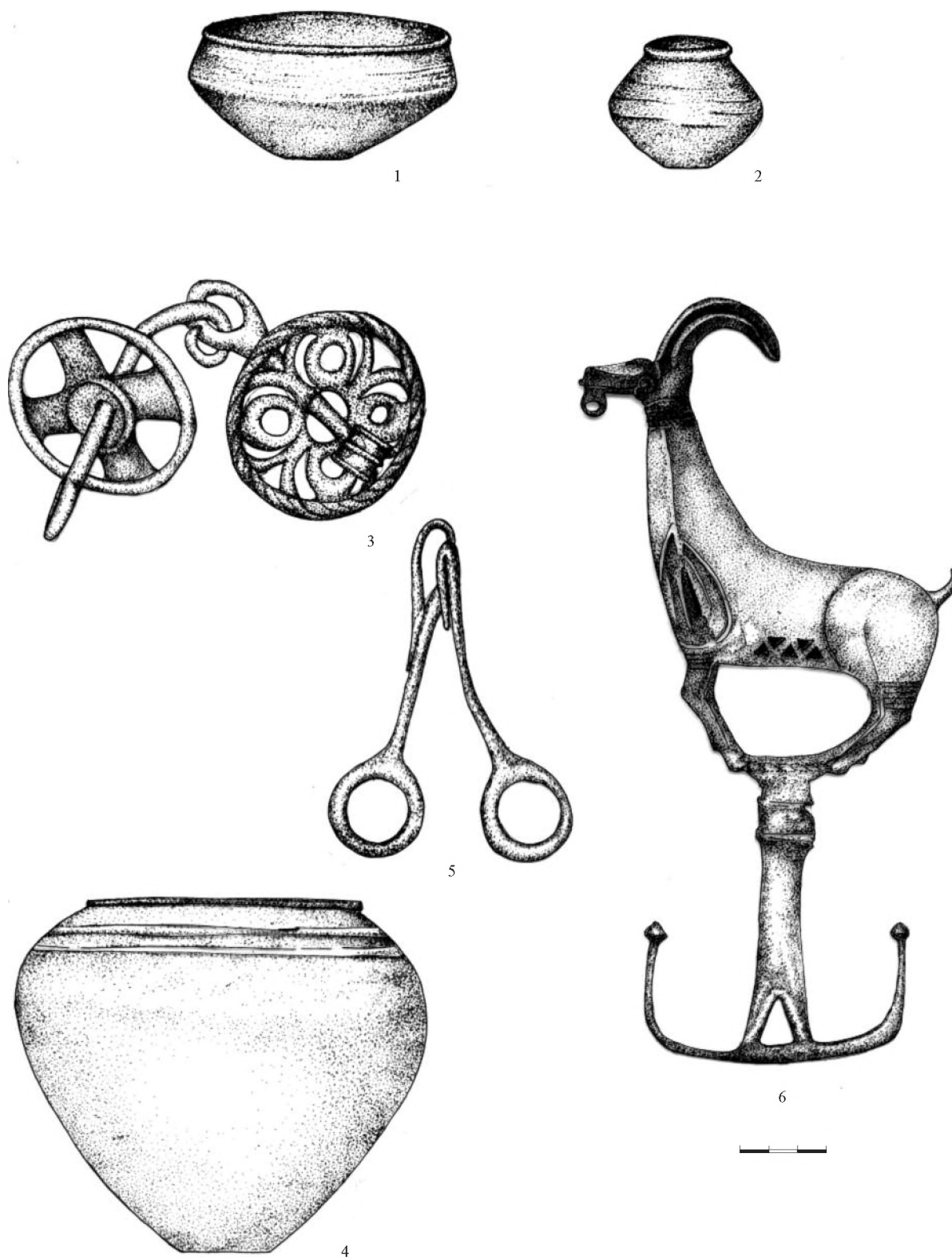

Рис. 65 Инвентарь погребения 79 могильника Артик. 1, 2, 4. Глина; 3, 5, 6. Бронза

По Хачатрян 1979, 142

могильника¹¹. Украшенные зигзагообразным орнаментом печати из этих погребений, видимо, должны датироваться, как и в арктическом погребении 625, XIII–XII вв. до н. э. На эту дату указывает находка большого количества таких печатей в «часовнях» 3 и 4 эламского культового центра Чога Замбил, которые датируются этим временем¹². Следует упомянуть еще находку печати хурро-митаннийского стиля, которая относится к XV–XIII вв. до н. э., в пятом Шамирамском кургане (Аштаракский район Армении). К сожалению, из краткой заметки об этом кургане его культурная принадлежность неясна¹³. Находки этих печатей указывают на датировку памятников типа Лчашена и ранней группы Артика около XIV–XIII в. до н. э., возможно отчасти включая и XII в. до н. э.

Особый интерес для нашей темы представляет комплекс погребения 79 могильника Артик, где обнаружены двучастные удила с дисковидными псалями и навершие в форме козла, чрезвычайно близкое навершиям из Лчашена (*Рис. 65*)¹⁴. Т. С. Хачатрян колеблется в датировке этого погребения. Первоначально он считал его одним из ведущих комплексов ранней группы Артика¹⁵, однако затем откорректировал это мнение. По-прежнему считая удила и навершие из этого комплекса характерными для ранней группы Артика, он отмечает в более поздних публикациях наличие здесь керамики, характерной для второй арктической группы¹⁶. Логично поэтому считать, что погребение 79 является переходным от первой ко второй группе. В самом деле, не только бронзовые изделия в нем указывают на принадлежность к ранней группе, но и керамический комплекс погребения имеет смешанный характер. Наряду с типичными для второй группы сосудами, украшенными вдавленными линиями, в нем имеются и характерные для первой группы чернолощенные сосуды, орнаментированные лощением¹⁷. Погребение 79, таким образом, может быть датировано XII в. до н. э.

В Передней Азии и микенской Греции одновременно существовал и другой тип удил — с функционально идентичными пластинчатыми напускными псалями, но не дисковидной, а подпрямоугольной формы (имеются разные их варианты — от прямоугольника до двух соединенных вершинами треугольников) (*Рис. 63, 6, 7*). Псалям часто снабжались шипами и обычно имели три отверстия (очевидно, для расстроенного нащечного ремня), причем имеются и переходные формы от этого типа псалий к дисковидным. Датированные экземпляры таких удил относятся к периоду между XV и XII вв. до н. э. (Газа, XV в.; Тель-Амарна, начало XIV в.; Фивы, первая половина XIII в. (LN III B); Микены, XIII в.; Милет (микенская гробница), XIII–XII вв.; Гезер, XIII–XII вв.)¹⁸. В степной зоне подобные пластинчатые псалям из рога и кости в течение второй половины II тыс. до н. э. сосуществовали с дисковидными, соединяясь, очевидно, с тем же типом ременных удил¹⁹. Для датировки верхней границы применения этого вида удил важно их изображение на глазурованных кирпичях эпохи Тукульти-Нинурты II (891–884 гг. до н. э.)²⁰ и на некоторых рельефах Ашшурнацирпала II (884–858 гг. до н. э.), что свидетельствует об их использовании в Ассирии еще в первой половине IX в. до н. э. Тот же тип псалий изображен, очевидно, и на бронзовой конской пекторали ассирийской работы, также относящейся к IX в. до н. э. (*Рис. 66*)²¹. Эти изображения, по-видимому, и дают верхнюю границу их распространения, во всяком случае для Ассирии. Кажется, единственным местом, где такие удила продолжали использоваться и позже, был Кипр. При раскопках ряда киприотских некрополей, прежде всего

¹¹ Деведжян 1981, 37, таб. IX, 3.

¹² Porada 1970, 111–119, 129, pl. XII; ср. Amiet 1972, 266–267, pl. 183; Hrouda 1983, 173.

¹³ Арешян 1983, 425–426, 425 (фото).

¹⁴ Хачатрян 1963, 134, таб. 30, 3; Хачатрян 1975, 218; Хачатрян 1979, 13, 142, ср. Мартиросян 1964, 109–110. Ср. также близкое навершие с фигуркой оленя, обнаруженное среди остатков повозки, запряженной парой лошадей, в кургане 4 у Бериклдееби в Грузии. Лошади были взнузданы бронзовыми удилами с напускными псалями. Курган датируется XIV–XIII вв. до н. э. (середина II тыс. до н. э. по радиоуглеродным датам). См. Koridse 1995, 109–110, Abb. 97.

¹⁵ Хачатрян 1963, 30–31.

¹⁶ Хачатрян 1975, 161, 218.

¹⁷ Хачатрян 1963, 30–31; Хачатрян 1979, 13, 142.

¹⁸ Potratz 1941–44, 2–9; Potratz 1966, 103–110 (тип I); Moorey 1971, 107–109; Bittel 1975, 301–311, Abb. 1–2, Taf. 55; Littauer, Crowel 1979, 88; Donder 1980, 20–21, Taf. 1, 1–4; Crowel 1981, 103–104, 158, pl. 3, 4, 8.

¹⁹ Кузьмина 1980, 16; Hüttel 1981, 24–35, Taf. 1.

²⁰ Andrae 1923, Taf. 7.

²¹ Seidl 1986, Abb. 1–3, Taf. 53–55; Born, Seidl 1995, 55–72, Abb. 45–53.

Саламина, Пале-Пафоса и Амафонта, были обнаружены богатые гробницы, захоронения которых сопровождались одной или несколькими колесницами и запряженными в них лошадьми. Часть этих погребений, судя по их инвентарю, датируется второй половиной VIII, часть VII в. до н. э. («Кипро-архаический период I»), наиболее поздние — концом столетия. При конских погребениях обнаружены однотипные бронзовые и железные удила с напускными пластинчатыми псалиями, причем в VII в. до н. э. известны, кажется, только железные экземпляры. Удила, использовавшиеся в середине VIII в. до н. э. ничем не отличаются от тех, которые употреблялись в конце VII в. до н. э. (Рис. 67, 1–4)²². Псалии обычно имеют вид прямоугольных пластин с тремя петлями (отверстия как правило квадратные или прямоугольные); иногда они несколько выгнуты. Возможно, удила этого типа продолжают микенские традиции, однако из-за отсутствия промежуточных находок в этом нельзя быть уверенным. Находки удил, относящихся к периоду между микенской эпохой и второй половиной VIII в. до н. э., за исключением удил из погребения на Афинской агоре (см. ниже), и вообще неизвестны, однако это не позволяет говорить о перерыве традиции: наследование кипрской культурой ряда традиций микенской эпохи хорошо известно. Впрочем, возможно и заимствование этой формы удил в Передней Азии, где их использование засвидетельствовано до первой половины IX в. до н. э.

Данный тип удил, однако, был не характерен для Закавказья. Единственный экземпляр этого типа на данной территории обнаружен в Астхадзорском могильнике (Рис. 67, 5). А. А. Мартиросян, отмечая, что аналогии таким удилам на Кавказе отсутствуют, справедливо считает их ассирийским импортом, тем более, что в том же комплексе найден и кинжал, видимо, ассирийского происхождения²³ (кинжалы этого типа известны как на рельефах Ашшурнацирпала, так и Саргона II и более поздних). При этом он датирует удила IX–VIII вв. до н. э., в качестве единственного обоснования такой датировки приводя лишь изображения сходных псалий на рельефе Ашшурнацирпала²⁴. Ассирийские изображения, как уже указывалось, однако, позволяют обосновать лишь датировку удил IX в. до н. э. М. Н. Погребова предлагает расширить датировку Астхадзорского погребения до VII в. до н. э., ссылаясь на изображение аналогичной рукояти меча на одном из рельефов Ашшурбанипала²⁵. Такая датировка, однако, вряд ли приемлема, поскольку, судя по изображениям на рельефах, начиная с эпохи Тиглатпаласара III во второй половине VIII в. до н. э. этот вид узды в Ассирии уже не применялся. Подобных удил не засвидетельствовано и среди предметов урартской узды, хорошо известной начиная с эпохи Менуа (конец IX – начало VIII вв. до н. э.). Можно полагать поэтому, что удила из Астхадзорского могильника, а следовательно и комплекс, где они найдены, должны датироваться не позже IX в. до н. э.

Видимо, примерно в XII в. до н. э. удила с дисковидными псалиями в Закавказье выходят из употребления и заменяются иной формой удил с напускными подвижными псалиями. Псалии представляют собой прямые пруты, они двудырчатые, обычно с небольшими расширениями в тех местах, где находятся отверстия. Концы псалий часто имеют плоские шляпки. Сами удила имеют гладкие штанги и крупные кольца для повода, отверстия которых расположены в той же плоскости, что и отверстия псалий.

Удила этого типа характерны для группы закавказских памятников, материальная культура которых обнаруживает очевидное единство. Вслед за А. А. Мартиросяном эта группа может быть обозна-

²² Dikaios 1963, 160, Nr. 163, fig. 12; Karageorghis 1963, 373–378; Karageorghis 1963a, 265–300, fig. 20 a–b; Karageorghis 1965, 270–279; Karageorghis 1965a, 282–290, fig. 14; Karageorghis 1967, 14, 33, 39, 49, 77–79, 83–84, 86, Nr. 54–55, 150, 151, 79, 80, 94–97, 120, 121, pl. XV; XLVII; LXXXIII; LXXXIV; CXIV; CXXVIII; CXLI; Karageorghis 1973, 22, 24, 36, 39, 40, 82, Nr. 156, 159 + 160, 167, 176, 186 + 214, 246, 320/16, 320/22, pl. LXXX; LXXVI; CXIX; CXXIV; CCLXIII; Donder 1980, 22–26, Taf. 1–5, Nr. 5–29; Chavane 1990, 43–44, Nr. 379–380, pl. XII. Ср. Gjerstad 1948, 146, 217, 399, fig. 26, 30–31; Donder 1981, 26–28, Taf. 5, Nr. 30–31.

²³ Мартиросян 1964, 225, рис. 87, 1. Здесь же упомянуты уди-

ла из Эчмиадзинского музея, которые, возможно, имели ту же форму, однако из-за отсутствия иллюстрации установить это определенно не представляется возможным.

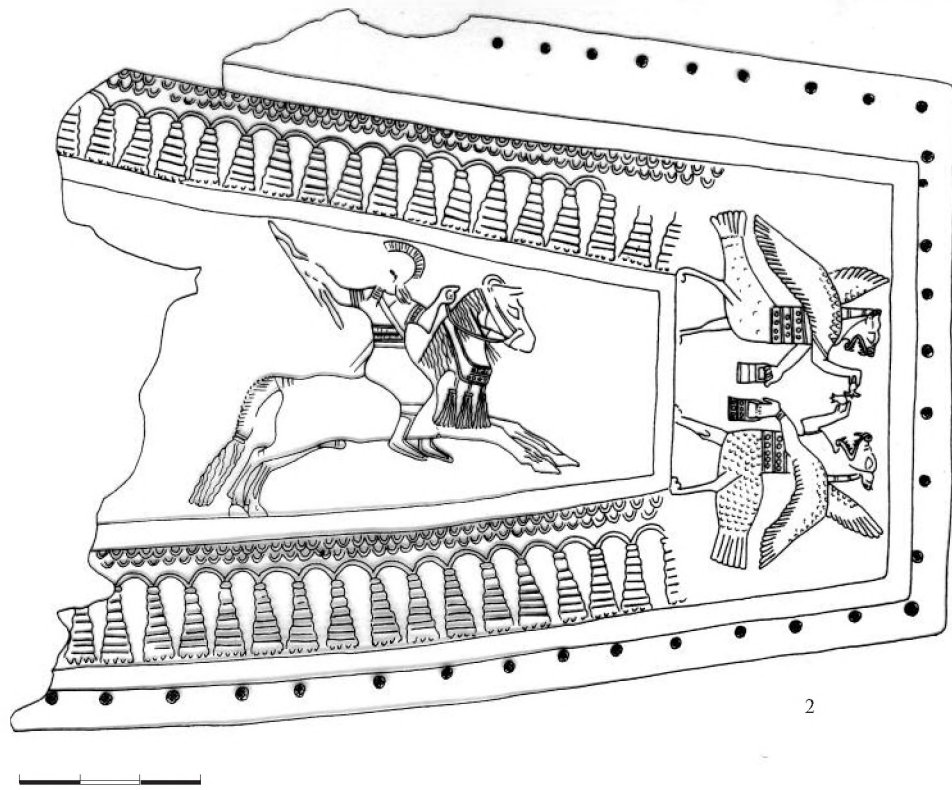
²⁴ Утверждение А. А. Мартиросяна (Мартиросян 1964, 145) о том, что подобные удила «распространяются при Тиглатпаласаре III и изображены на рельефах Ашшурбанипала» ошибочно — псалии на ассирийских рельефах второй половины VIII–VII вв. до н. э. стержнеобразные и принадлежат иному типу. Неосновательно и сближение этого вида узды с уздой из Нор-Ареша, о которой см. ниже.

²⁵ Погребова 1984, 59.

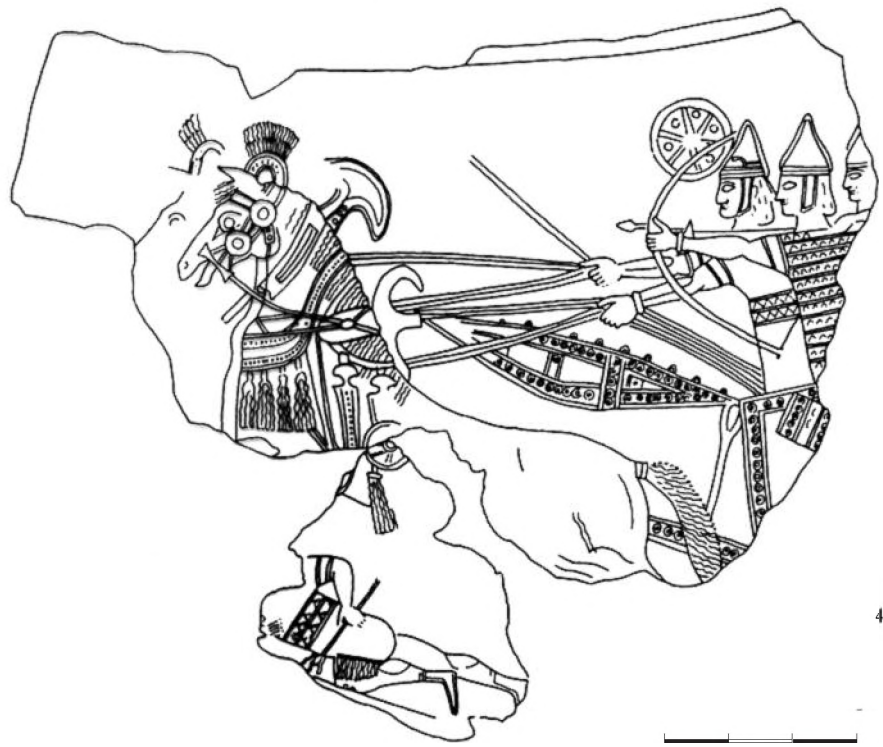
1

2

3

4

Рис. 66 Бронзовая конская пектораль ассирийской работы с батальной сценой. Место находки неизвестно

По Seidl 1986, fig. 2-4

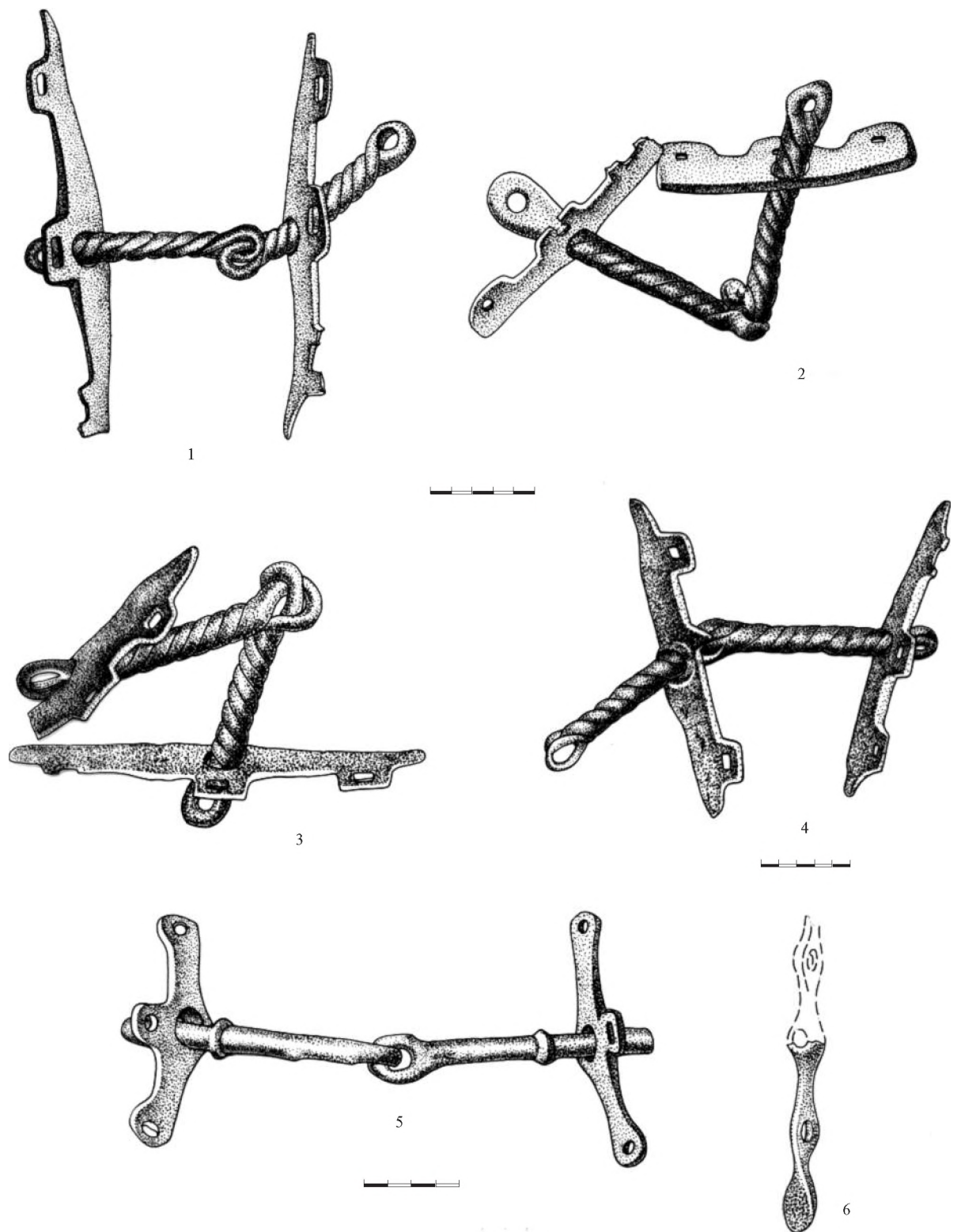

Рис. 67 Бронзовые удила с напускными псалями.

1—4. Некрополь Саламина (Кипр); 5. Астхадзорский могильник, Армения;
6. Псалий из погребения 46 могильника Так-Килиса, Триалети

По Karageorghis 1973, pl. CCLXIII (1, 2); Karageorghis 1967, pl. CXL I (3, 4); Мартиросян 1964, рис. 87, 1 (5); Куфтин 1941, рис. 56 (6)

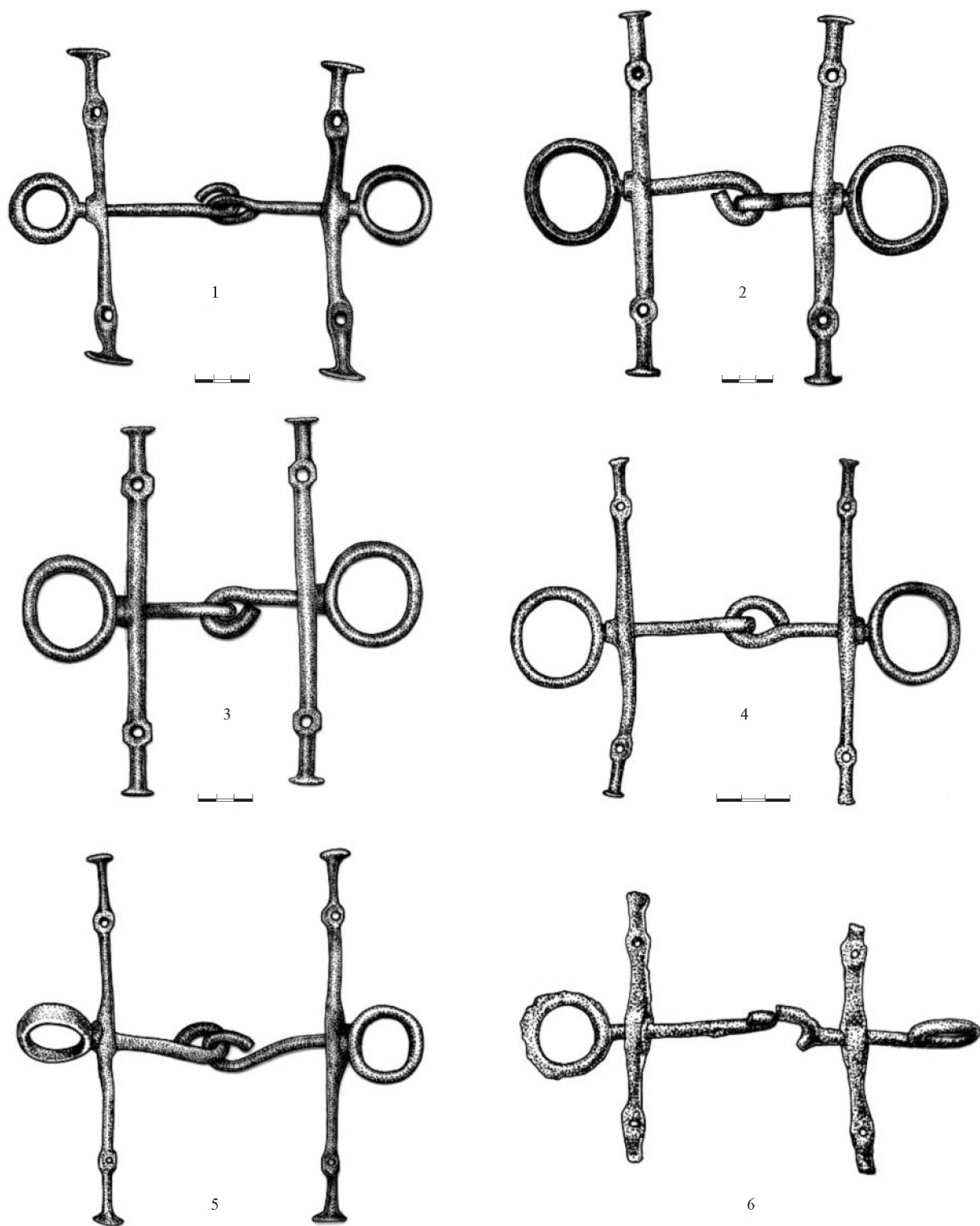
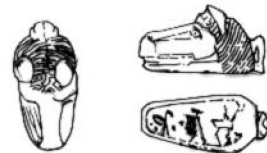
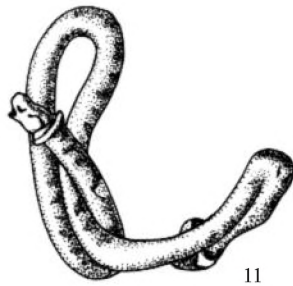
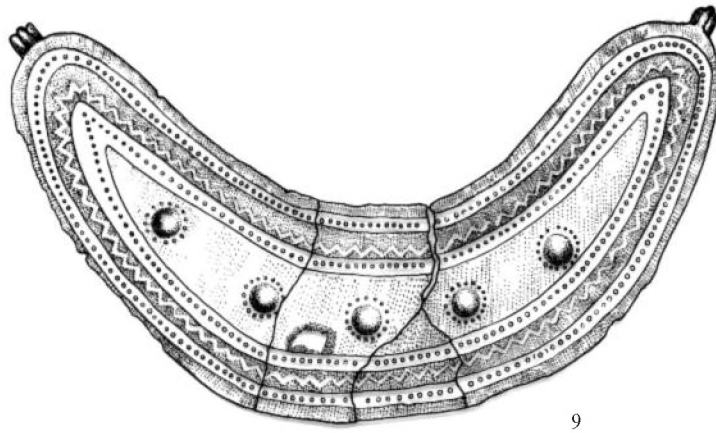
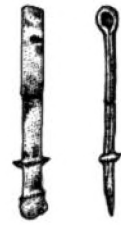
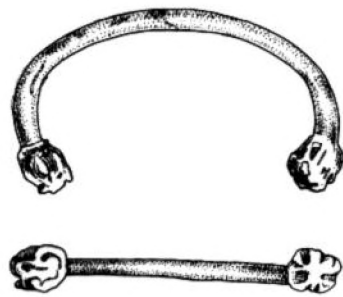
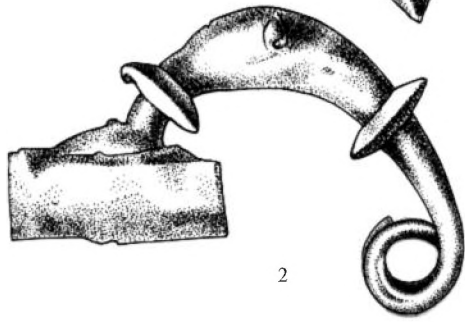
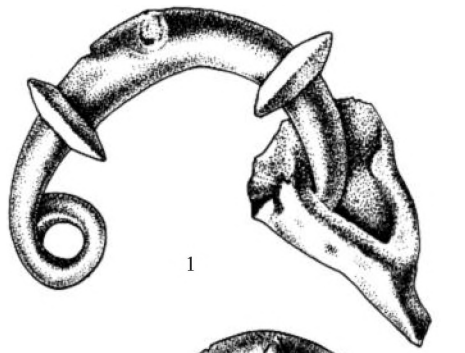

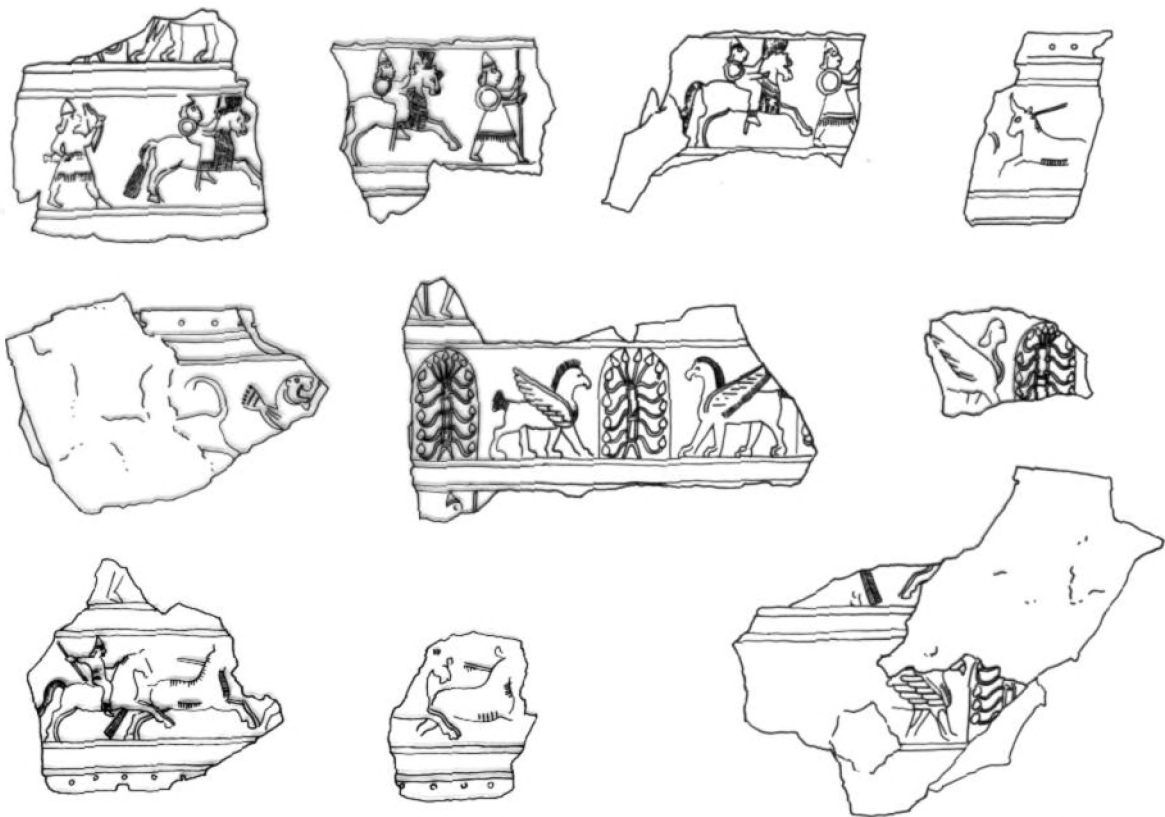
Рис. 68 Бронзовые удила с напускными псаллиями.

1. Могильник Димац у Кировакана; 2. Погребение 9 некрополя Калакент у Кировабада; 3. Погребение 49 некрополя Калакент у Кировабада; 4. Курган 1 у Арчадзора; 5. Клад из Тола, Грузия; 6. Гробница 50 (XXI L) некрополя Марлик, Иран

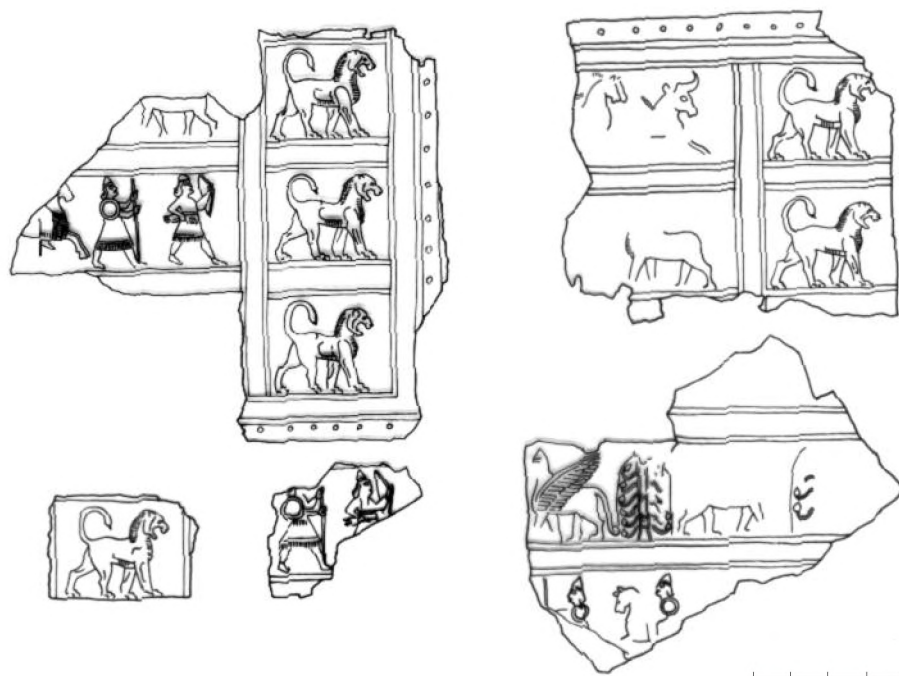
По Мартиросян 1964, таб. XIII, 8 (1); Nagel, Strommenger 1985, Taf. 13, 23 (2, 3); Кушнарева 1957, рис. 2, 2 (4);

Коридзе 1965, таб. XVIII, 15 (5); Negahban 1977, fig. 134 (6)

14

15

Рис. 69 Находки в погребении I некрополя Нор-Ареш (Эребуни)

По Мартиросян 1964, таб. XXIV; XXVI; XXVII

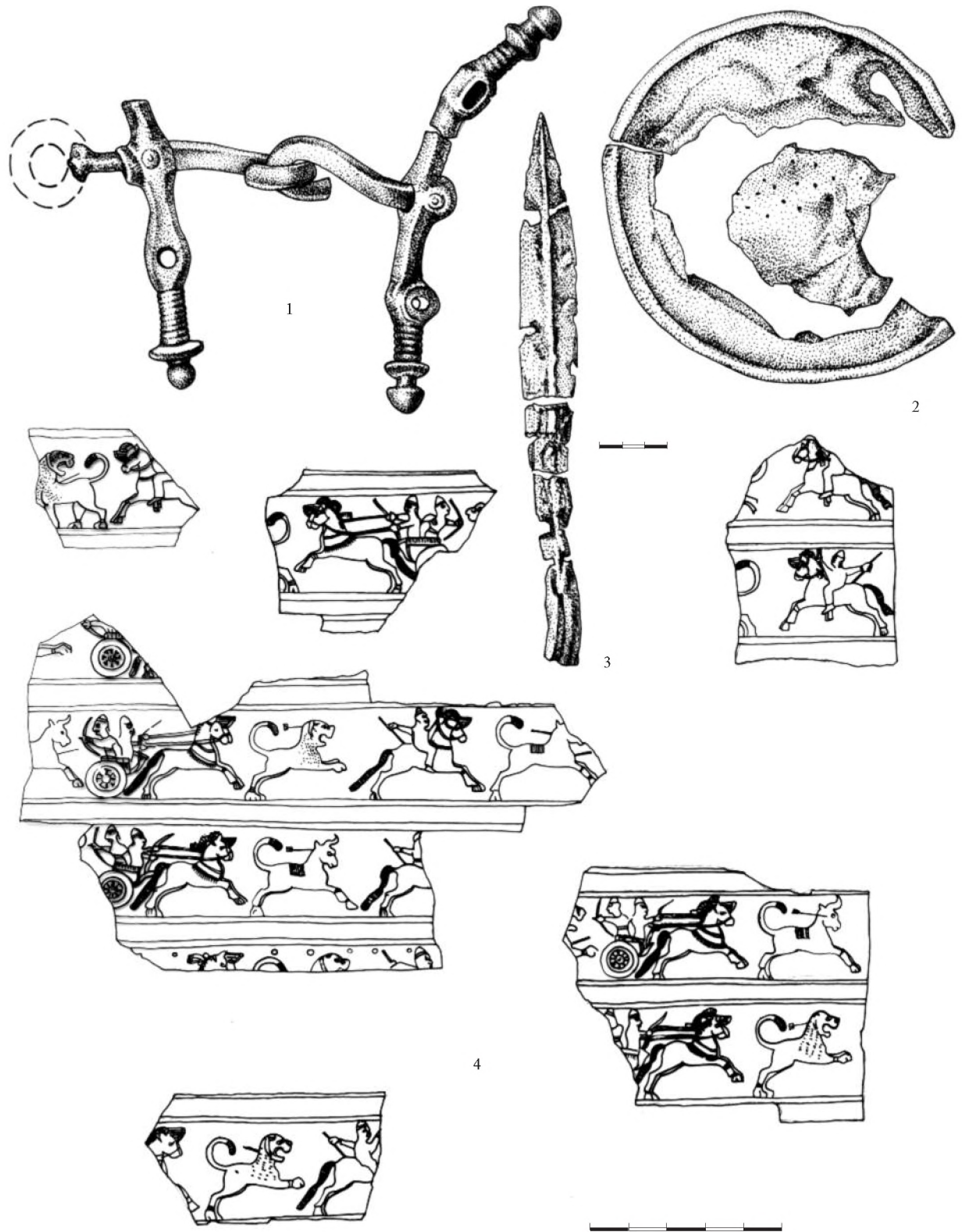

Рис. 70 Находки в погребении 2 некрополя Нор-Ареш (Эребуни). 1, 2, 4. Бронза; 3. Железо
По Мартиросян 1964, рис. 93, таб. XXV

Рис. 71. Бронзовые фигурки оленей из гробницы 50 (XXI L) некрополя Марлик, Иран
По Negahban 1977, fig. 96 b–d

чена по ее ведущим памятникам как ходжалы-арчадзорская²⁶. Удила этого типа обнаружены на ряде памятников группы, в частности в курганах 1 (четыре экземпляра) и 2 (три экземпляра) Арчадзора²⁷, в могильнике Димац (Кировакан, два экземпляра)²⁸, в погребениях 9 и 49 Калакента (Парадис-фестунг)²⁹, в погребении 2 у села Качаган (район Алаверди)³⁰ (Рис. 68, 1–4) и других³¹. Известны и единичные находки удил этого типа в западном Закавказье, например в составе клада из Тола (Рис. 68, 5)³², однако здесь они явно не были так распространены.

Кроме Закавказья, находки таких удил известны лишь на территории Ирана. Так, они были обнаружены в одной из гробниц (50, XXI L) некрополя Марлик (Рис. 68, 6)³³. В той же гробнице было найдено три бронзовых фигурки оленя (Рис. 71)³⁴, которые могут быть сопоставлены с бронзовой фигуркой оленя из Толорского кургана в Армении (Рис. 72)³⁵. Материал Толорского кургана недвусмысленно указывает на его принадлежность ходжалы-арчадзорской группе памятников. Подобные фигурки оленей известны и в других памятниках этой группы, например в погребении у села Мцен³⁶. Сходные фигурки весьма часто встречаются также в памятниках центральной Грузии (ср. например рис. 90, 5–8). Находка сходных фигурок вместе с удилами арчадзорского типа в некрополе Марлик является дополнительным указанием на достаточно тесные связи ходжалы-арчадзорской группы памятников с Ираном.

Находка удил арчадзорского типа в одной из гробниц Марликовского некрополя может служить также одним из реперов для определения абсолютной хронологии этой группы памятников. Правда, датировка самого этого некрополя служит предметом споров, однако, пожалуй, одним из наиболее существенных указаний на его хронологию может служить находка здесь цилиндрических печатей хурро-митаннийского стиля, датируемых обычно в пределах XV–XII вв. до н. э., что указывает на дату по крайней мере части захоронений некрополя. Впрочем, на некрополе засвидетельствованы и печати более позднего времени, однако ни одна из них не датируется позже IX в. до н. э.³⁷ В том же погребении, что и удила арчадзорского типа, был обнаружен серебряный сосуд в форме «чайника» с золотыми накладками, изображающими мифических животных³⁸, которые также находят себе аналогии на печа-

²⁶ Мартиросян 1964, 145.

²⁷ Rösler 1894, 231, Abb. 21; Кушнарева 1957, 137–140, 145, 165–169, рис. 2, 2.

²⁸ Мартиросян 1964, 144, таб. XIII, 8–9.

²⁹ Nagel, Strommenger 1985, 60, 78, Taf. 31, 1; 76, 1; 23, 1, ср. Belck 1893, 62, fig. 1; Potratz 1966, 187, Abb. 176 b, 78 c.

³⁰ Мартиросян 1964, 141.

³¹ Кушнарева 1957, 165–166; Мартиросян 1964, 145–146; Погребова 1977, 79–81; Kossack 1983, 129, 179–180.

³² Коридзе 1965, 34, таб. XVIII, 15 (датирует X–VIII вв. до н. э.); Воронов 1980, 209, рис. 2, 32.

³³ Negahban 1977, 12, 58, fig. 134. Ср. Rehm 1997, 50, I 14,

Abb. 84 (из Ирана?). Новое, полное, издание Марликовского некрополя, появившееся уже после окончания работы над этой книгой (Negahban 1996), к сожалению осталось мне недоступным.

³⁴ Negahban 1977, 51, Nr. 96 b–d.

³⁵ Мнацкян 1954, 102, рис. 42; Мартиросян 1964, 146–147, таб. XIV, 8.

³⁶ Мартиросян 1964, 151, рис. 62, 1–2.

³⁷ Negahban 1965, 311–315, fig. 1–2; Negahban 1977a, 81–102.

³⁸ Negahban 1965, 320–322, fig. 19–21; Negahban 1977, 53–54, Nr. 108, 137; Negahban 1983, 58–62, Nr. 21.

Рис. 72 Бронзовая фигурка оленя из Толорского кургана, Армения
По Мартirosян 1964, таб. XIV, 8

тях митаннийского стиля³⁹. Изображения, нанесенные на этот сосуд, по технике исполнения и стилю особенно близки серебряному кубку с электровыми накладками из Хазанлу IV, который датируется не позже X–IX в. до н. э., а возможно и раньше⁴⁰. Сообщается, кроме того, о находке бронзовых удил в еще одной богатой гробнице Марлика (52–53, XXIII G), где они обнаружены вместе с полным набором конских зубов. Фотография удил, к сожалению, не опубликована, но можно предполагать (по умолчанию автора), что они принадлежали тому же типу, что опубликованные⁴¹. В той же гробнице 52 были обнаружены один золотой и четыре бронзовых сосуда, несколько бронзовых мечей и кинжалов, бронзовые и терракотовые статуэтки и множество других предметов, в основном не опубликованных.

Автор раскопок, на основании аналогий металлическим сосудам, находок печатей и радиоуглеродных дат, датирует некрополь Марлика XIII–X вв. до н. э.⁴² Правда, некоторые его погребения могут относиться и к более позднему времени. Одно из самых богатых захоронений, 36 (XVIII C), содержит фибулу переднеазиатского типа. О. Маскарелла справедливо указал, что этот факт определяет конец VIII в. до н. э. как *terminus ante quem* по данному погребению⁴³. В самом деле, по общепринятому мнению дугообразные фибулы в Иране и Урарту появляются не ранее последней четверти VIII в. до н. э.⁴⁴ Правда, следует в связи с этим заметить, что данный *terminus* не является столь абсолютным, как считает О. Маскарелла. Дугообразные фибулы широко распространены на Центральном Кавказе, видимо, уже в XI в. до н. э., где являются одним из характерных элементов Кобанской культуры: в одном только Глийском могильнике обнаружено 120 экземпляров таких фибул⁴⁵. Учитывая наличие связей между Закавказьем и Ираном на рубеже II–I тыс. до н. э. и раньше, нельзя исключать возможность попадания единичных фибул с Кавказа в Иран. В связи с этим следует отметить комплекс погребения 1 некрополя Нор-Ареш (Эребуни), в котором были обнаружены, наряду с типичным урартским инвен-

³⁹ Negahban 1965, 321; Negahban 1983, 61; Курочкин 1990, 47.

⁴⁰ Dyson 1960, 127; Winter 1977, 372, fig. 1.

⁴¹ Negahban 1977, 14–15; Negahban 1983, 90.

⁴² Negahban 1983, 95–96.

⁴³ Muscarella 1984, 413–419.

⁴⁴ Stronach 1959, 185–206; Vanden Berghe 1978, 35–74, pl. I–IV; Ögün 1979, 178–188.

⁴⁵ Техов 1977, 142–147; Kossack 1983, 97–102; Козенкова

1990, 78–79. Утверждение Б. Оюна (Ögün 1979, 179) о том, что кавказские, в том числе кобанские, фибулы должны датироваться позже последней четверти VIII в. до н. э. безосновательно. Единственным аргументом в пользу такой датировки является априорное предположение о том, что фибулы были заимствованы на Кавказ из Урарту. В действительности путь заимствования, по крайней мере в некоторых случаях, был противоположным.

тарем, две бронзовые фибулы кобанского типа (Рис. 69)⁴⁶. Погребение может быть достаточно точно датировано благодаря находке в нем бронзового пояса, относящегося к ранней группе (около 770–740 гг. до н. э.)⁴⁷. Таким образом, фибулы с дугообразной спинкой использовались урартами уже во второй трети VIII в. до н. э. и, возможно, заимствовались с Кавказа. То, что фибулы кобанского типа использовались не только на северной периферии Урарту, где происходили непосредственные контакты с закавказским населением, подтверждается находкой совершенно аналогичной серебряной фибулы в гробнице А Каялыдере⁴⁸. Таким образом, нельзя исключать появление фибул в Иране и значительно ранее конца VIII в. до н. э. Однако это вряд ли относится к марликой фибуле. По своему оформлению она достаточно сильно отличается от кавказских образцов. Ближайшие аналогии ей принадлежат к типу III, 7 переднеазиатских фибул по Стронаху, встречающихся, как на то указывает О. Маскарелла, на территории Ирана. Учитывая тот факт, что ни одна другая фибула в некрополе Марлика не найдена, а также и то, что иные материалы, несомненно относящиеся не только к VII, но даже и VIII в. до н. э., среди его материалов неизвестны, можно полагать, что погребение 36 является самым поздним на некрополе и относить его ко второй половине VIII в. до н. э. Датировка этого погребения, однако, ни в коей мере не влияет на датировки погребений 50 и 52, в которых обнаружена конская узда. Более того, О. Маскарелла замечает, что форма содержащихся в этих комплексах сосудов («unbridged spouted vessels») характерна для Железного века I и свидетельствует о необходимости датировать эти погребения еще XIII–XI вв. до н. э.⁴⁹ Таким образом, гробницы 50 и 52 Марликого некрополя, которые, видимо, близки по дате памятникам арчадзорского типа, могут быть датированы по совокупности содержащегося в них материала примерно XII–XI вв. до н. э.⁵⁰

Кроме аналогий из Марликого некрополя иные указания на хронологию ходжалы-арчадзорской группы памятников строятся в основном на соображениях относительной хронологии. Правда, в кургане 2 Арчадзора среди других материалов была обнаружена печать передневосточного облика, однако она, к сожалению, не находит себе близких соответствий в передневосточных материалах, а потому не дает точной даты. Исходя из стилистических соображений, Б. Хроуда склонен относить ее примерно к X–IX вв. до н. э.⁵¹, однако в точности этой датировки нельзя быть совершенно уверенным и она дает слишком слабое основание для абсолютной датировки ходжалы-арчадзорской группы памятников. А. А. Мартиросян датирует эту группу около конца XI–X вв. до н. э., отмечая, что она должна помещаться между памятниками ворнакской группы и Астхадзором⁵². Датировка последнего, как мы видели, определяется достаточно уверенно по найденным в нем удилам ассирийского типа не позже IX в. до н. э.

В несколько более ранней работе А. А. Мартиросян был склонен датировать памятники ходжалы-арчадзорской группы значительно более ранним временем — XIII–XII вв. до н. э.⁵³ Впрочем, приведенные им основания датировки не убеждают — это в основном общие соображения, в частности, о времени распространения железа, а также параллели, часто отдаленные, с передневосточными вещами, имеющими широкую датировку. М. Н. Погребова датировала наиболее ранние памятники этой группы (Кировабадские и первый Арчадзорский курганы и др.) XIII–XII вв. до н. э., Карабахские курганы — в основном XII–XI, а наиболее поздние памятники группы (второй Ходжалинский курган) — XI–X вв. до н. э.⁵⁴ Главные основания для этого — близость ряда категорий инвентаря Кировабадских

⁴⁶ Barnett 1963, 194–198; Мартиросян 1964, 242–251, таб. XXIV; XXVI–XXVII; Muscarella 1965, 236, n. 25a; Salvatori 1976, 87; Ögün 1979, 180, Abb. 3.

⁴⁷ Kellner 1991, 3, 19, 48, Nr. 119.

⁴⁸ Burney 1966, 110–111, fig. 23, 7, pl. XXV, f.

⁴⁹ Muscarella 1984, 417; Muscarella 1988, 258.

⁵⁰ Г. Н. Курочкин (1993а, 25–34) предлагает для Марликого некрополя более раннюю датировку — XVII/XVI–XIII вв. до н. э. Приведенные им аналогии достаточно убедительны, однако он не учитывает всего обнаруженного в Марлике

инвентаря. Кроме того, автор игнорирует возможность того, что погребения Марлика могут относиться к разным эпохам.

⁵¹ Hrouda 1983, 176–177. Утверждение А. А. Мартиросяна (1964, 145) о том, что удила этого типа не встречаются с преднеазиатского происхождения, таким образом, ошибочно.

⁵² Мартиросян 1964, 145.

⁵³ Мартиросян 1961, 53–59.

⁵⁴ Погребова 1977, 115–126.

курганов памятникам лчашено-артикской группы. Ее датировки, таким образом, как и у А. А. Мартиросяна, основываются на соображениях относительной хронологии: на положении данных памятников между памятниками лчашено-артикского типа и Мингечаурскими курганами. То же можно сказать и о других предлагавшихся датировках этой группы памятников — они содержат ряд наблюдений, касающихся как относительной хронологии внутри группы, так и ее соотношения с другими памятниками, однако в абсолютных датировках не идут далее приблизительных оценок⁵⁵. Г. Коссак датирует Арчадзорские курганы IX в. до н. э., основываясь, прежде всего, на иранских параллелях⁵⁶. Самостоятельные основания для абсолютных датировок, таким образом, отсутствуют, а иранские параллели дают немного, поскольку положение с абсолютной хронологией иранских памятников этого периода ничуть не лучше, чем в Закавказье.

Оценивая абсолютную хронологию этой группы памятников, мы не ошибемся, если будем их датировать между XII и IX вв. до н. э. Эта датировка, разумеется, слишком широкая, указывает на предельно возможные даты. Нижняя граница определяется датами лчашено-артикской (старшей) группы памятников, которые вряд ли возможно датировать позже XII в. до н. э., а также наиболее вероятной датировкой марликих гробниц 50 и 52, материал которых близок ходжалы-арчадзорским памятникам. Верхняя дата группы определяется началом мощного урартского влияния примерно с начала VIII в. до н. э., признаки которого в этих памятниках отсутствуют, что заставляет датировать их более ранним временем⁵⁷. Кроме того, верхняя граница определяется комплексами Астхадзорского могильника и Мингечаурских курганов, в системе относительной хронологии следующими за ходжалы-арчадзорской группой.

Курганы Мингечаура⁵⁸, очевидно, примыкают к той же культурной группе, но занимают в ней, по общему мнению, наиболее позднее положение. Для датировки мингечаурских курганов особое значение имеет находка здесь (курганы II и IV) глазурованных сосудов ассирийского типа, изготовленных из белой, очевидно, не местной, глины⁵⁹. Находки таких сосудов, весьма редкие в Закавказье, очевидно, являются свидетельствами импорта из Ассирии или Ирана и составляют достаточно однородную в хронологическом отношении группу. Подобные глазурованные сосуды были обнаружены также в поздних погребениях Ходжалинского некрополя (курган 11 и погребение 4 из раскопок 1954 г.)⁶⁰ и в погребении 11 Лори-бердского некрополя⁶¹, которые, видимо, синхронны курганам Мингечаура. Для датировки данной группы памятников чрезвычайно важен комплекс кургана 11 некрополя Ходжалы, где подобный глазурованный сосуд ассирийского типа был обнаружен вместе с бусиной, на которой написано имя ассирийского царя Аладнирари. Судя по характеру надписи, речь может идти об одном из двух первых царей с этим именем (правили около 1310–1281 и в 911–890 гг. до н. э.)⁶². Датировка поздних погребений некрополя Ходжалы и Мингечаурских курганов XIII или даже XII–XI вв. до н. э.,

⁵⁵ Ср. например Кушнарева 1957, 156–177 (в основном IX, возможно, частично VIII в. до н. э.); Минкевич-Мустафаева 1962, 118–132 (в основном XI–IX вв., Ханларский курган 28 — IX–VII вв. до н. э.); Даниелян 1973, 102–112 (XI–X вв. до н. э.).

⁵⁶ Kossack 1983, 126–134; Kossack 1989, 114.

⁵⁷ К. Х. Кушнарева (1957, 177) никак не обосновывает включение VIII в. до н. э. в хронологию этой группы памятников. Безосновательна попытка А. И. Тереножкина датировать удила не только из Мингечаура, но и из Арчадзора VIII–VII вв. до н. э.: Тереножкин 1971, 79. Приводимые им в качестве аналогий удила из некрополя Эребуни (Нор-Ареш), а тем более из Тейшебаини, относятся к иным, более поздним, типам, да и они датируются никак не VII, а первой половиной VIII в. до н. э. (см. ниже).

⁵⁸ Публикация: Асланов, Ваидов, Ионе 1959.

⁵⁹ Асланов, Ваидов, Ионе 1959, 98, 112, таб. XLI, 10–12.

⁶⁰ Пассек, Латынин 1926, 63–64, рис. 5; Кушнарева 1959, 383–385. Единичные находки фрагментов таких сосудов известны также в районе Ханлара (Спицын 1902, 5) и на Кармир-Блуре (Пиотровский 1955, 21, рис. 15), а также в восточной Грузии (Пицхелаури 1979, 41). Глазурованная керамика местного производства, иногда встречающаяся в Закавказье (Талыш, Самтавро, Маралын Дереси в Триалети, Ошакан, Двин и др.), отличается от этой группы сосудов тем, что изготовлена из красной глины: Bayern 1885, 34; de Morgan 1896, 105, pl. V, 3,5,6, ср. Куфтин 1941, 52–53, таб. XX; Ломтагидзе 1955, 54; Деведжян 1981, 54.

⁶¹ Деведжян 1981, 53–55, рис. 17.

⁶² Мещанинов 1926, 52–57; Мещанинов 1926а, 107–111; Мещанинов 1926б, 223–224; Meščaninov, Weidner 1931–1932, 266–268 (Е. Вайднер склонен датировать бусину эпохой

очевидно, исключена; трудно предполагать также, что бусина старше остального комплекса погребения более чем на триста лет. Таким образом, наиболее вероятно, что речь в данном случае должна идти об Аладнирари II. Находка бусины с его именем в 11 кургане Ходжалы вместе с ассирийским глазурованным сосудом указывает, таким образом, на датировку как этого кургана, так и синхронных ему курганов Мингечаура, IX в. до н. э. Связывать находки глазурованной керамики в Закавказье с урартской экспансией⁶³ вовсе не обязательно — она вполне могла попасть туда и до начала этой экспансии в результате торговых и иных связей как через то же Урарту, так и через Иран. Итак, для Мингечаурских курганов наиболее вероятной представляется датировка IX в. до н. э., скорее ближе к его второй половине.

Попытки продлить их дату до VII в. до н. э.⁶⁴ совершенно не основательны — в курганах отсутствуют не только вещи, характерные для VII в. до н. э., но и такие, которые можно было бы безусловно датировать VIII в. до н. э. Что касается трехдырчатых псалиев, которые служили М. Н. Погребовой основанием для того, чтобы отнести второй курган Мингечаура «самое позднее к началу VII в. до н. э.»⁶⁵, то такие псалии обнаружены не только в погребении 15 некрополя Сиалк В (не позже второй половины VIII в. до н. э.), но и в слое разрушения Хазанлу IV В (конец IX в. до н. э., см. ниже). Таким образом, наличие таких псалиев в комплексе второго Мингечаурского кургана вовсе не препятствует его датировке второй половиной IX в. до н. э.

Еще одним важным указанием на датировку Мингечаурских курганов, и специально кургана 2, давшего разные виды конской узды (см. ниже), является комплекс впускного погребения 1 этого кургана, определяющий *terminus ante quem* его основного погребения. Это обстоятельство было отмечено И. Н. Медведской⁶⁶. Она указала, что впускное погребение содержит бронзовый кинжал с рамочной рукоятью, который датируется не позднее IX в. до н. э.⁶⁷, а также наконечники стрел, вышедшие из употребления в конце IX—VIII вв. до н. э. В действительности, однако, данное погребение содержит кинжал иного типа — не с рамочной, а с раструбной рукоятью («луристанский» тип) (Рис. 73, 1), который может относиться и к VIII в. до н. э. Эта дата и определяет *terminus ante quem* основного погребения кургана, которое должно, разумеется, датироваться более ранним временем, чем впускное.

Во всех пяти Мингечаурских курганах обнаружены удила арчадзорского типа (Рис. 73, 7–10)⁶⁸, некоторые из которых ничем не отличаются от удили более ранних памятников, а другие обнаруживают новые черты — горизонтальное рифление на верхней и нижней части псалий и фаллообразные окончания. Очень близкие мингечаурским удила обнаружены в могильнике у с. Цинцаро (Триалети), судя по материалу, синхронном Мингечаурским курганам (Рис. 74, 1)⁶⁹. Появление рифления на псалиях и фаллообразных их окончаниях, очевидно, является новой чертой в развитии закавказской узды, появившейся здесь, насколько можно судить, в IX в. до н. э.

Очень близко к этому последнему варианту стоят удила, представляющие дальнейшее развитие данного типа и обнаруженные в погребении 2 некрополя Нор-Ареш (некрополь Эребуни) (Рис. 70, 1)⁷⁰.

Аладнирари II. Ср. Кушнарева 1959, 383–384; Мартиросян 1961, 53–54. И. М. Дьяконов, основываясь на соображениях исторического характера, склонен относить эту бусину к правлению Аладнирари III (ок. 810–782 гг. до н. э.): Дьяконов 1951а, 302–303.

⁶³ Мещанинов 1926а, 110–111; Кушнарева 1959, 385.

⁶⁴ Тереножкин 1971, 71–84 (главное основание — сопоставление с уздой скифского и новочеркасского типа, датировки которой сильно завышены); Даниелян 1973, 111–112; Abgami-schwili 1995а, 36–37. Он датирует VII в. до н. э. не только курганы Мингечаура, но также и ряд других ранних памятников (ср. ниже).

⁶⁵ Погребова 1984, 45.

⁶⁶ Медведская 1983, 68.

⁶⁷ Асланов, Ваидов, Ионе 1959, 100, таб. XIII, 7.

⁶⁸ Асланов, Ваидов, Ионе 1959, 92, 96–97, 108–110, 115, таб. XXXIX, 5–8.

⁶⁹ Куфтин 1941, 58–59, рис. 56; Schaeffer 1948, fig. 274, 6; Potratz 1966, 187, Abb. 78 а (с ошибочным указанием на происхождение из могильника Так-Килиса).

⁷⁰ Barnett 1963, 194–198, fig. 45 (изложение публикации памятника на армянском языке: Мартиросян, Мнацкян 1958, 63–84), с ошибочным указанием на то, что удила были найдены в погребении 1, которое затем воспроизводилось в более поздних нерусскоязычных публикациях); Мартиросян 1964, 213, 245, рис. 93, 3; Salvatori 1976, 88–89, fig. 13, 17; Yıldırım 1987, 475–476, Abb. 16.

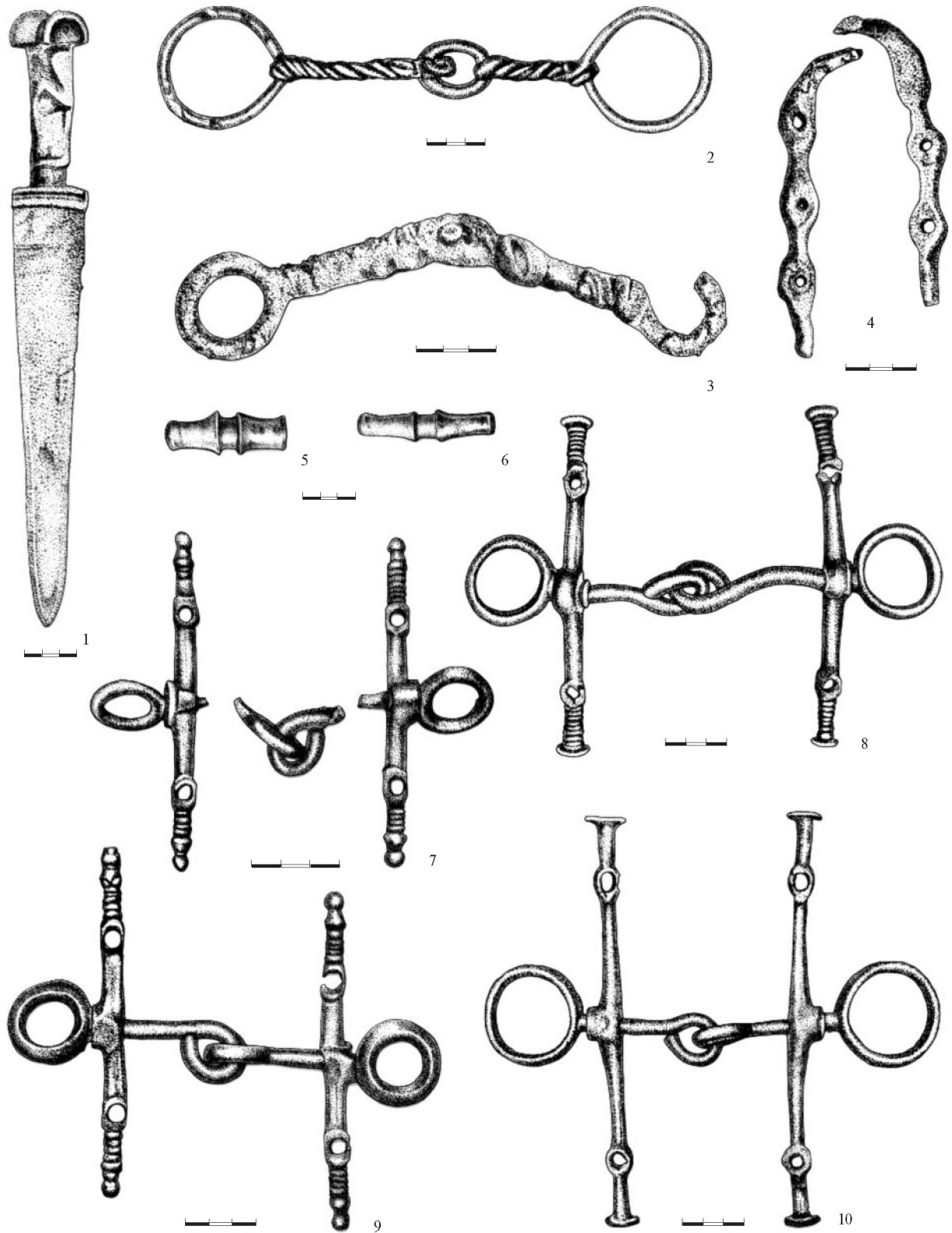

Рис. 73 Находки из Мингечаурских курганов. Бронза

По Асланов, Ваидов, Ионе 1959, таб. XIII, 7 (1); XXXIX (2-4, 7-10); XL, 1, 5 (5, 6)

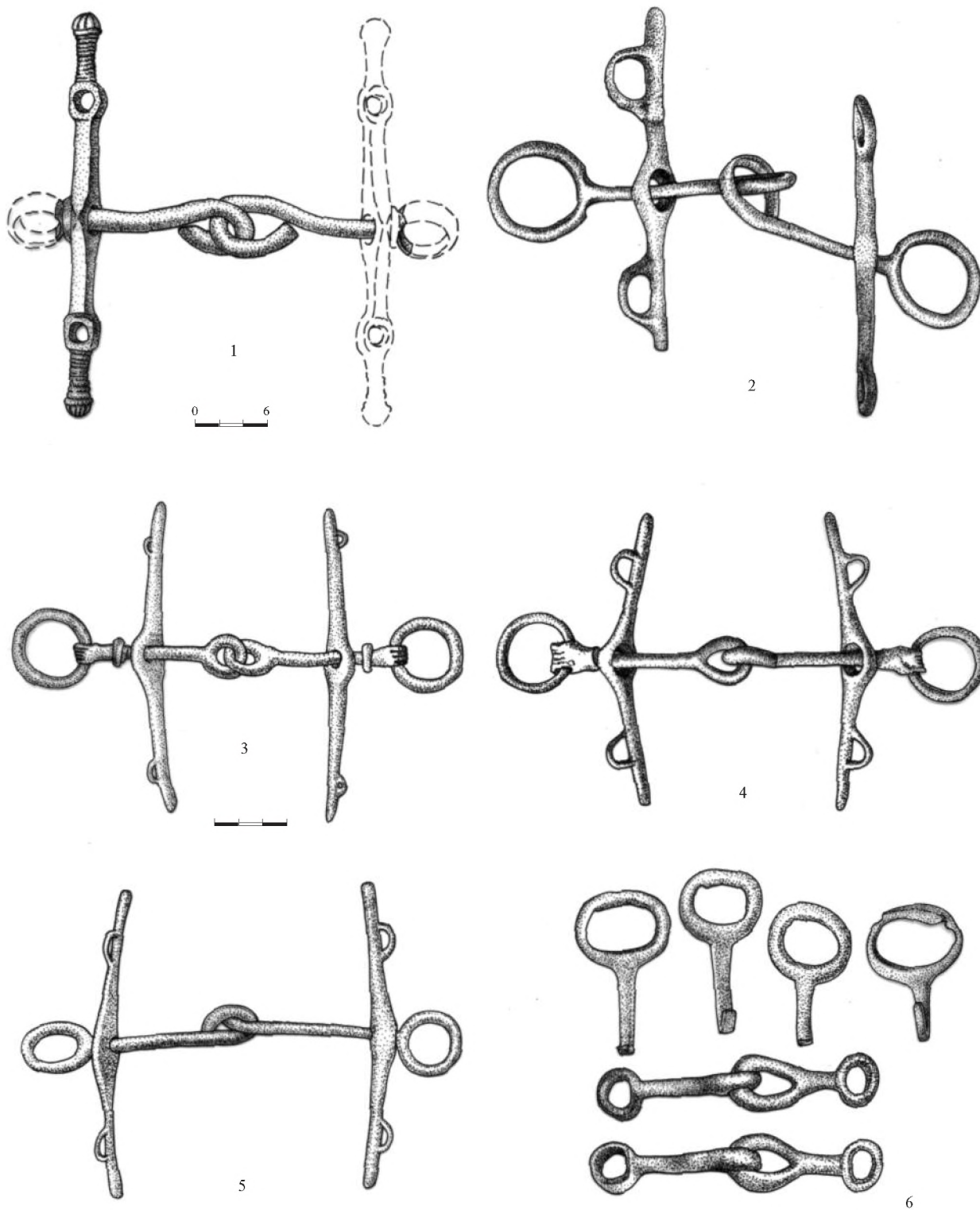

Рис. 74 Бронзовые удила.

1. Могильник у с. Цинцкаро, Триалети; 2. Хазанлу IV; 3. Погребение 74 некрополя Сиалк В;
4, 5. Иран, точное место находки неизвестно; 6. Погребение 117 могильника Трели в Тбилиси

По Куфтин 1941, рис. 56 (1); de Schauensee, Dyson 1983, fig. 15 (2); Ghirshman 1939, pl. LXXV, S. 924 (3);
Potratz 1941–1942, Abb. 3, 7 (4, 5); Abramischwili 1995, Abb. 199 (6)

Их псалии, как и у некоторых удила из Мингечаурских курганов, украшены изображениями фаллосов. Единственное существенное отличие от предыдущего типа удила состоит, пожалуй, в том, что псалии дугообразно отогнуты наружу, а не имеют форму прямых стержней. Эта особенность, видимо, объясняется влиянием урартской узды. Дата погребения 2 некрополя Нор-Ареш достаточно уверенно определяется благодаря находке в нем фрагментов бронзового урартского пояса. Он относится к первой, самой ранней, группе урартских поясов, которая датируется первой третью VIII в. до н. э.⁷¹ Погребение, таким образом, скорее всего было совершено в период правления Аргишти I (около 786–764 гг. до н. э.), основавшего Эрбуну в начале своего царствования⁷². Погребение Нор-Ареша не только свидетельствует о появлении новшеств в закавказской узде (найденные здесь удила, хотя и подверглись урартскому влиянию, продолжают именно местную традицию: урартские удила этого времени достаточно существенно от них отличаются), но и определяет верхнюю границу датировки Мингечаурских курганов, наиболее поздних памятников ходжалы-арчадзорского типа, которые должны по соображениям относительной хронологии помещаться раньше погребения Нор-Ареша и, таким образом, вряд ли выходят за пределы IX в. до н. э.

Кроме описанного, в Закавказье и Иране были распространены и другие виды удила с напускными псалиями, некоторые образцы которых найдены, например, в четвертом слое Хазанлу (конец IX в. до н. э.) (Рис. 74, 2)⁷³. Возможно, этот тип продолжает распространенный ранее в Закавказье и Иране «арчадзорский» тип удила, однако значительно отличается от него. Главное отличие состоит в том, что псалии (по прежнему в виде прямых стержней) имеют не отверстия для крепления ремней, а петли. Петли расположены в плоскости, перпендикулярной плоскости кольца для крепления повода (соответственно, в той же плоскости, что и отверстие, через которое проходит штанга удила). В некоторых вариантах псалии не прямые, а несколько отогнуты вперед (в сторону, противоположную той, на которой находятся петли) — такие удила найдены, например, в погребении 74 некрополя Сиалк В (Рис. 74, 3)⁷⁴; известны и другие их находки на территории Ирана, происходящие из грабительских раскопок и не датированные (Рис. 74, 4, 5)⁷⁵.

2.2.2 УДИЛА С КОЛЬЧАТЫМИ ОКОНЧАНИЯМИ И ОТДЕЛЬНЫМИ ПСАЛИЯМИ

Рассмотрим теперь мнение о том, что однокольчатые удила и применявшиеся с ними отдельно изготовленные трехдырчатые псалии появились в Закавказье и Иране под влиянием степной узды.

Удила с напускными псалиями, развитие которых можно проследить в Закавказье по меньшей мере с XIV по VIII вв. до н. э., не были в это время единственными распространенными здесь типами. Параллельно с ними использовались бронзовые двучастные удила с кольчатыми окончаниями, изготовленные отдельно от псалий и соединявшиеся с ними, очевидно, с помощью ремней. Такие удила обнаружены как в тех же комплексах, что и удила с напускными псалиями, так и в синхронных им.

Видимо, одна из самых ранних находок удила такого типа в Закавказье происходит из погребения 79 могильника Артик, где они обнаружены вместе с удилами с напускными дисковидными пса-

⁷¹ Kellner 1991, 2, 18, 31, Nr. 16.

⁷² А. А. Мартиросян сообщает, что подобные удила были обнаружены также в 1957 г. при раскопках Тейшебаини (не опубликованы): Мартиросян 1964, 213, 245. Они, очевидно, были перенесены туда вместе с другими предметами из Эрбуни.

⁷³ de Schauensee, Dyson 1983, 69, fig. 15; de Schauensee 1989, 42–43, fig. 9–10.

⁷⁴ Ghirshman 1939, pl. XXV, 1; LXXV, S. 924; Potratz 1966, 136,

Abb. 58, a–b (с ошибочным указанием, что один из экземпляров этих удила изготовлен из железа).

⁷⁵ Potratz 1941–42, 172, 174, Abb. 2–9; Gadd 1952, 12, pl. III; Nagel 1963, 28, Taf. LII, 112; Potratz 1966, 136–137, Abb. 59 a–b, Taf.-Abb. 126–132; Moorey 1971, 111–112, Nr. 112–114, pl. 14–15; de Waele 1982, 69, Nr. 75–76, fig. 51; Vanden Berghe 1983, 180, Nr. 121–122.

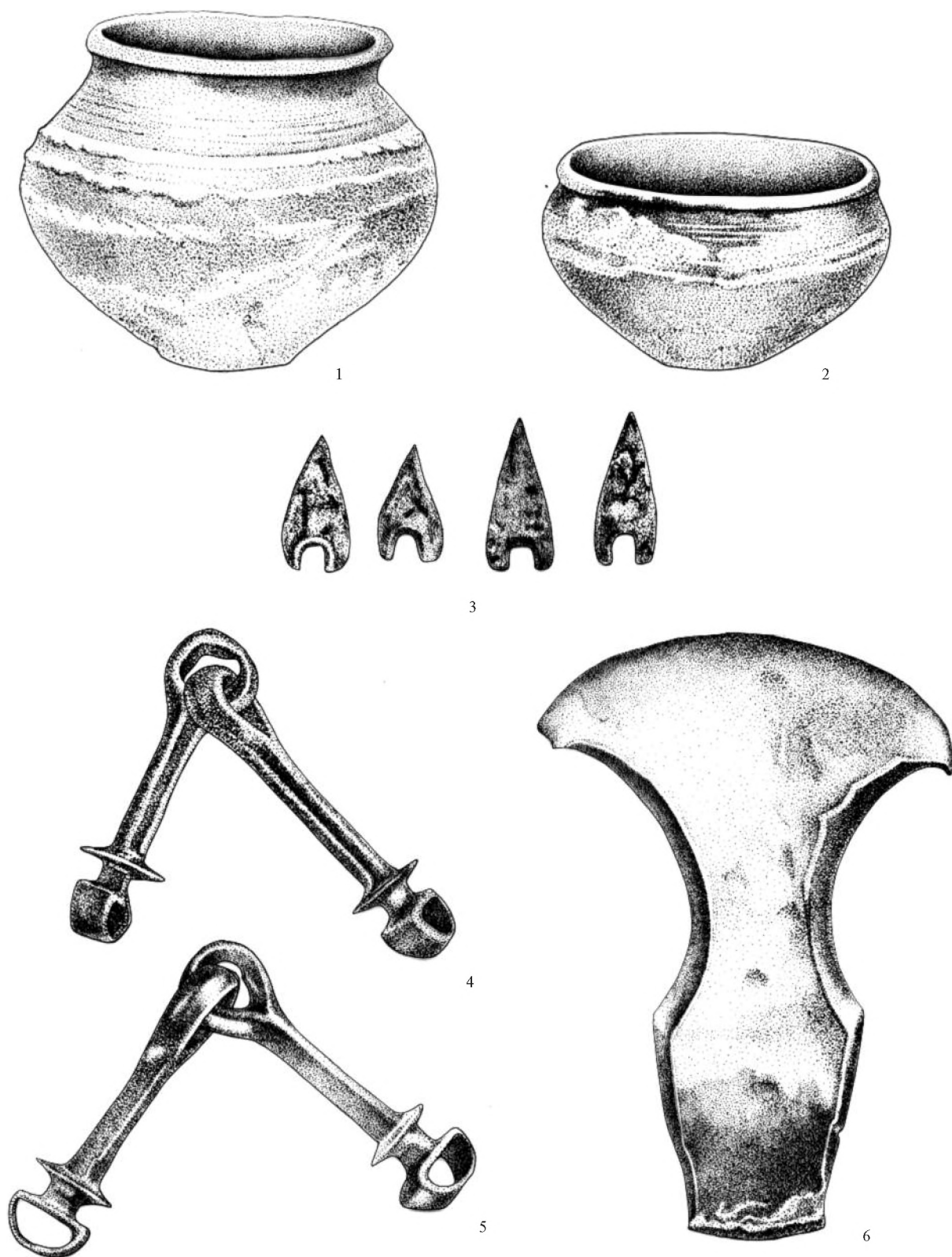

Рис. 75 Инвентарь погребения 433 могильника Артик. 1, 2. Глина; 3. Obsидиан; 4–6. Бронза
По Хачатрян 1979, 302

лиями (Рис. 65, 3, 5)⁷⁶. Датировка этого погребения, занимающего промежуточное положение между первой и второй группой Артика, достаточно уверенно определяется XII в. до н. э. (см. выше). Примерно тем же временем или несколько раньше, XIII в. до н. э., датируется погребение 117 могильника Трели в Тбилиси, где обнаружены бронзовые двухчастные удила без псалий, а также крюки от узды (Рис. 74, 6)⁷⁷. Близкие аналогии этим крюкам происходят из раннего клада Квемо-Сасирети (см. выше, Рис. 64, 9). Таким образом, удила с кольчатыми окончаниями без псалий начинают использоваться в Закавказье не позже XII в. до н. э.

Кроме названного, сходные простые двухчастные удила без псалий найдены еще в погребении 433 Арктикского некрополя, относящемся к его второй хронологической группе, примерно синхронной ранней части памятников ходжалы-арчадзорской группы. Здесь обнаружено два экземпляра удил, окончания которых имеют D-образную форму; рядом с окончаниями находятся кольцевые шайбы (Рис. 75, 4, 5)⁷⁸. Видимо, функционально эти шайбы аналогичны тем, который имеются на некоторых стремечковидных удилах из Уйгаракского некрополя в Приаралье⁷⁹. Они, видимо, служили упором для отдельно изготовленных псалиев с широким центральным отверстием, через которое пропускался конец удил. Сами псалии, вероятно, делались из нестойких материалов (например, дерева или кожи) и не сохранились. Погребение, в составе которого имеется бронзовая секира архаичной формы, видимо, датируется около XII–XI вв. до н. э.

Следует упомянуть еще погребение 218, в котором, по мнению Т. С. Хачатряна, также обнаружены бронзовые удила. Погребение, очевидно, принадлежит младшей, третьей, группе погребений Артика (X–IX вв. до н. э.), вероятно, ближе к ее концу (Рис. 76)⁸⁰. Речь идет о двух крупных бронзовых незамкнутых кольцах, соединенных между собой, к каждому из которых привешен бронзовый витой стерженек. Трактовка этого предмета как псалий, соединявшихся ремнями, весьма сомнительна. Скорее, речь должна идти об украшениях, тем более, что в комплекс погребения 218, кроме керамики, входят лишь украшения (браслеты, подвески и бусы). Именно так трактовал находку совершенно аналогичных предметов в составе погребения 8 Ленинанканского некрополя и А. А. Мартиросян⁸¹.

Кроме Арктикского могильника, большой интерес представляют также находки удил этого типа в некрополе Калакента (Парадисфестунг). Два экземпляра бронзовых кольчатых удил со штангами без рифления обнаружено в погребении 112 этого некрополя (Рис. 77, 1, 2)⁸². Находившееся в том же комплексе вооружение (секира, меч, вток, наконечник копья, вилы) находит себе ближайшие соответствия, совпадающие вплоть до мелких деталей, в первом и втором Арчадзорском курганах⁸³. Вряд ли можно сомневаться в синхронности этих курганов с погребением 112 некрополя Парадисфестунг. Остальные погребения этого некрополя также содержат инвентарь, сближающий их с памятниками ходжалы-арчадзорской группы.

Находки бронзовых кольчатых удил известны и на других памятниках Закавказья той же эпохи: в погребении 13 в Бешташени (Триалети), видимо, синхронном с Арчадзорскими курганами (см. ниже), вместе с роговыми псалиями (Рис. 78, 15–17, 19)⁸⁴, в составе коллекции бронз из Ленинанканского поселения, относящейся в основном к тому же времени⁸⁵, в некрополе Садахло (в 70 км от Тбилиси) (Рис. 77, 4, 5)⁸⁶. В Колхиде удила с витыми стержнями, а также фрагмент удил без рифления на штангах, обнаружены в составе клада бронзовых предметов из Лайлаши, вместе с пятью бронзовыми топо-

⁷⁶ Хачатрян 1975, 218; Хачатрян 1979, 13, 142.

⁷⁷ Abramischvili 1995, 192, 321, Nr. 350, Abb. 199.

⁷⁸ Хачатрян 1975, 203, рис. 117; Хачатрян 1979, 15, 302.

⁷⁹ Вишневецкая 1973, 101, таб. XXVI, 9–11.

⁸⁰ Хачатрян 1975, 169–170, 236–237; Хачатрян 1979, 16–17, 51, 199. Отнесение этого погребения ко второй группе (Хачатрян 1975, 167; Хачатрян 1979, 15) — очевидная ошибка.

⁸¹ Мартиросян 1954, 110–112, рис. 45, 2,3,6; Мартиросян 1964, 283–284, рис. 110, 3,4. Приводимые Т. С. Хачатряном

в качестве аналогии удила из 1-го Разменного кургана близ станции Костромской не имеют никакого отношения к этому предмету: речь идет о типичных скифских стремечковидных бронзовых и железных кольчатых удилах.

⁸² Nagel, Strommenger 1985, 117–118, Taf. 46–47.

⁸³ Кушнарева 1957, рис. 2, 13; 7, 1,2,4; 8, 6.

⁸⁴ Куфтин 1941, 224, таб. XLVI; Мартиросян 1964, 110.

⁸⁵ Мартиросян 1964, 122, рис. 49.

⁸⁶ de Morgan 1889, 74–75, 139, fig. 144; Potratz 1966, 187.

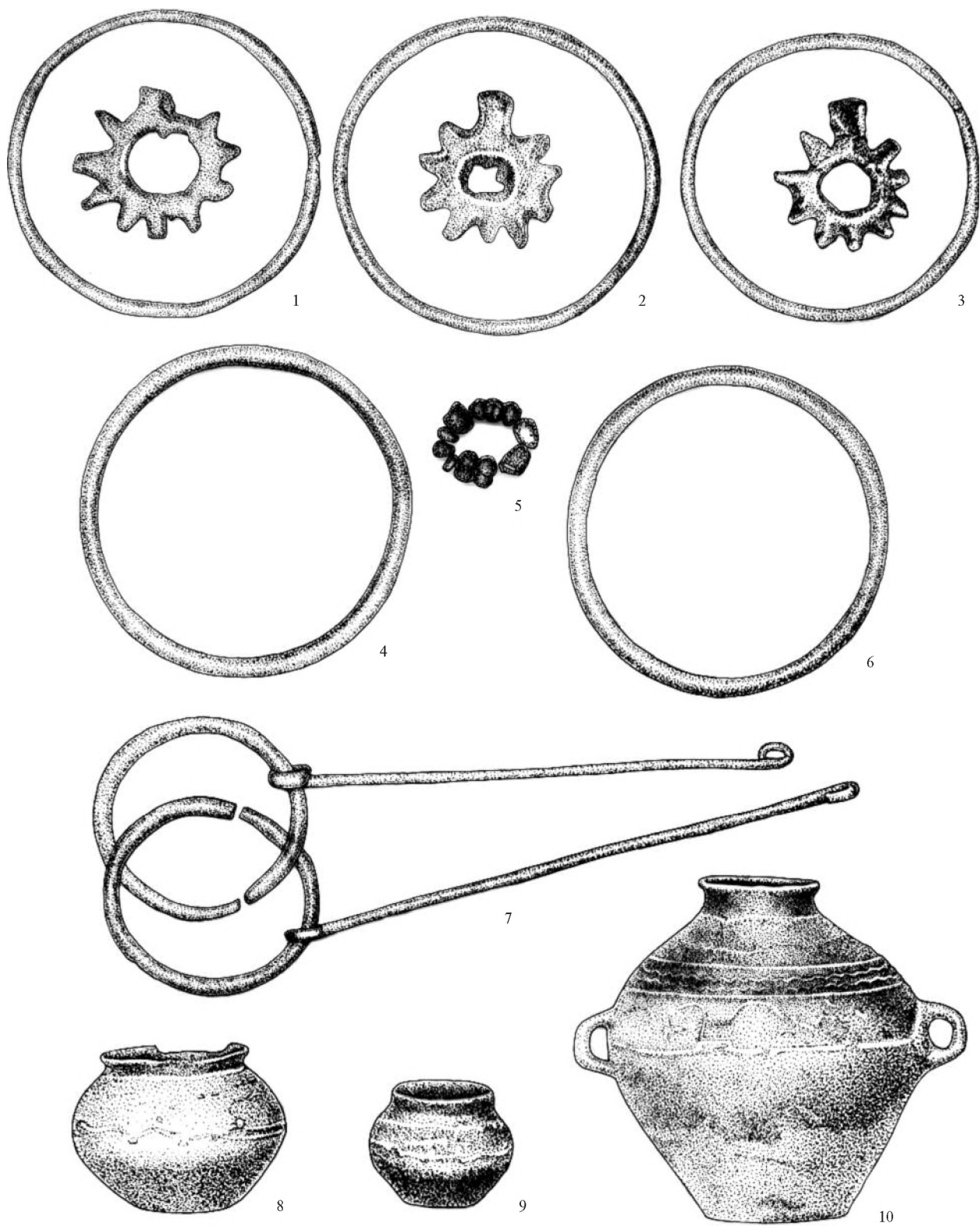

Рис. 76 Инвентарь погребения 218 могильника Артик. 1–4, 6, 7. Бронза; 5. Сердолик; 8–10. Глина
По Хачатрян 1979, 199

рами и несколькими круглыми бляхами (Рис. 79)⁸⁷. Судя по форме топоров, в том числе бронзового топорика с шипами на обухе, клад может быть датирован около XII–X вв. до н. э. Несколько позже датируются аналогичные удила из погребений 10 и 67 (в последнем случае с роговыми псалиями) могильника Так-Килиса (видимо, IX в. до н. э.) (Рис. 77, 3, 6)⁸⁸. Однокольчатые железные удила того же типа были обнаружены в погребении 4 в Лениакане (раскопки 1931 г.), видимо, VIII в. до н. э.⁸⁹

Среди закавказских находок конской узды особый интерес представляет комплекс второго Мингечаурского кургана (о датировке см. выше), где обнаружено два экземпляра позднего варианта удила с напускными псалиями вместе с четырьмя однокольчатыми удилами без псалий (Рис. 73, 2, 3, 7, 10). Мундштуки трех из них сплетены из бронзового прута; еще один экземпляр имеет литые гладкие мундштуки⁹⁰, что подтверждает сосуществование всех трех типов узды в Закавказье в IX в. до н. э. При удилах с витыми стержнями обнаружены отдельно изготовленные псалии, соединявшиеся с ними при помощи ремней. Они имеют вид стержня с тремя отверстиями, расположенными в одной плоскости в углощениях, верхний конец загнут (Рис. 73, 4)⁹¹.

Для изучения истории развития закавказско-иранской и степной узды особенно важное значение имеют находки предметов конской упряжи в четвертом слое Хазанлу. Речь идет об эталонном памятнике, который дает надежные основания для абсолютных датировок других памятников названных районов. Проблема даты четвертого слоя Хазанлу, по поводу которой в последнее время высказывались различные мнения, имеет большое значение для наших задач. Рассмотрению этой проблемы, а также гипотезы о центральноевропейском происхождении кольчатых удила с отдельными псалиями, посвящен специальный экскурс (см. ниже). Проведенный анализ позволяет присоединиться к предложенной авторами раскопок Хазанлу датировке слоя разрушения поселения IV В самым концом IX в. до н. э. и отвергнуть предлагавшуюся И. Н. Медведской его датировку 714 г. до н. э.

Среди обнаруженных на Хазанлу IV В 42 экземпляров удила (24 бронзовых, 18 железных)⁹² подавляющее большинство составляют удила с кольчатыми окончаниями, применявшиеся с отдельно изготовленными псалиями. Почти все бронзовые удила этого типа имеют мундштуки из скрученных прутьев — лишь у некоторых мундштуков гладкий (Рис. 80, 1, 2)⁹³. У железных удила того же типа соотношение иное: 11 экземпляров имели гладкие стержни, два — перекрученные, у пяти форма стержней не устанавливается из-за коррозии. С этим типом удила применялись в основном бронзовые трехдырчатые псалии с отогнутым наружу верхним концом, весьма близкие обнаруженным в Мингечаурском кургане (всего найдено 15 экземпляров) (Рис. 80, 4); по крайней мере в одном случае бронзовые псалии этого типа использовались с железными удилами⁹⁴. Некоторые псалии из Хазанлу IV имеют S-образную форму с отогнутыми в разные стороны концами (Рис. 80, 3)⁹⁵. Бронзовые псалии, обнаруженные на Хазанлу IV, принадлежат тому же типу, что и псалии из Мингечаурских курганов и, очевидно, могут считаться одновременными с ними. Таким образом, датировки, параллельно и независимо установленные для Мингечаурских курганов (IX в. до н. э., скорее вторая половина) и для финального слоя Хазанлу IV (самый конец IX в. до н. э.) взаимно подкрепляются. Кроме бронзовых псалий, на Хазанлу IV обнаружен по крайней мере один экземпляр железных прямых трехпетельчатых псалий.

⁸⁷ Джапаридзе 1953, рис. 2 (с ошибочным указанием на происхождение из Сурмуши); Коридзе 1965, 29, рис. 21; Воронов 1980, 208, рис. 2, 24–30 (датирует концом VIII — первой половиной VII вв. до н. э.; эта, как и остальные датировки, неоправданно завышена, поскольку автор некритически следует неудачной попытке А. И. Тереножкина передатировать Мингечаурские курганы и остальные связанные с ними памятники).

⁸⁸ Куфгин 1941, 223, таб. XXXI, 2; XXXIV, 6.

⁸⁹ Мартиросян 1964, 211 (материал не опубликован, дается лишь краткое описание).

⁹⁰ Асланов, Ваидов, Ионе 1959, 96–97, таб. XXXIX, 2, 4.

⁹¹ Асланов, Ваидов, Ионе 1959, 97, таб. XXXIX, 1, 3.

⁹² de Schauensee, Dyson 1983, 68–70; Muscarella 1988, 64–65, Nr. 92–93 (насчитывает бронзовых удила на два экземпляра меньше).

⁹³ de Schauensee, Dyson 1983, 68–70 (указывают лишь один экземпляр с гладкими мундштуками); Muscarella 1988, 65, Nr. 93 (указывает, что их было несколько); de Schauensee 1989, 43–44, fig. 11.

⁹⁴ de Schauensee, Dyson 1983, 64.

⁹⁵ Muscarella 1988, 65, Nr. 94.

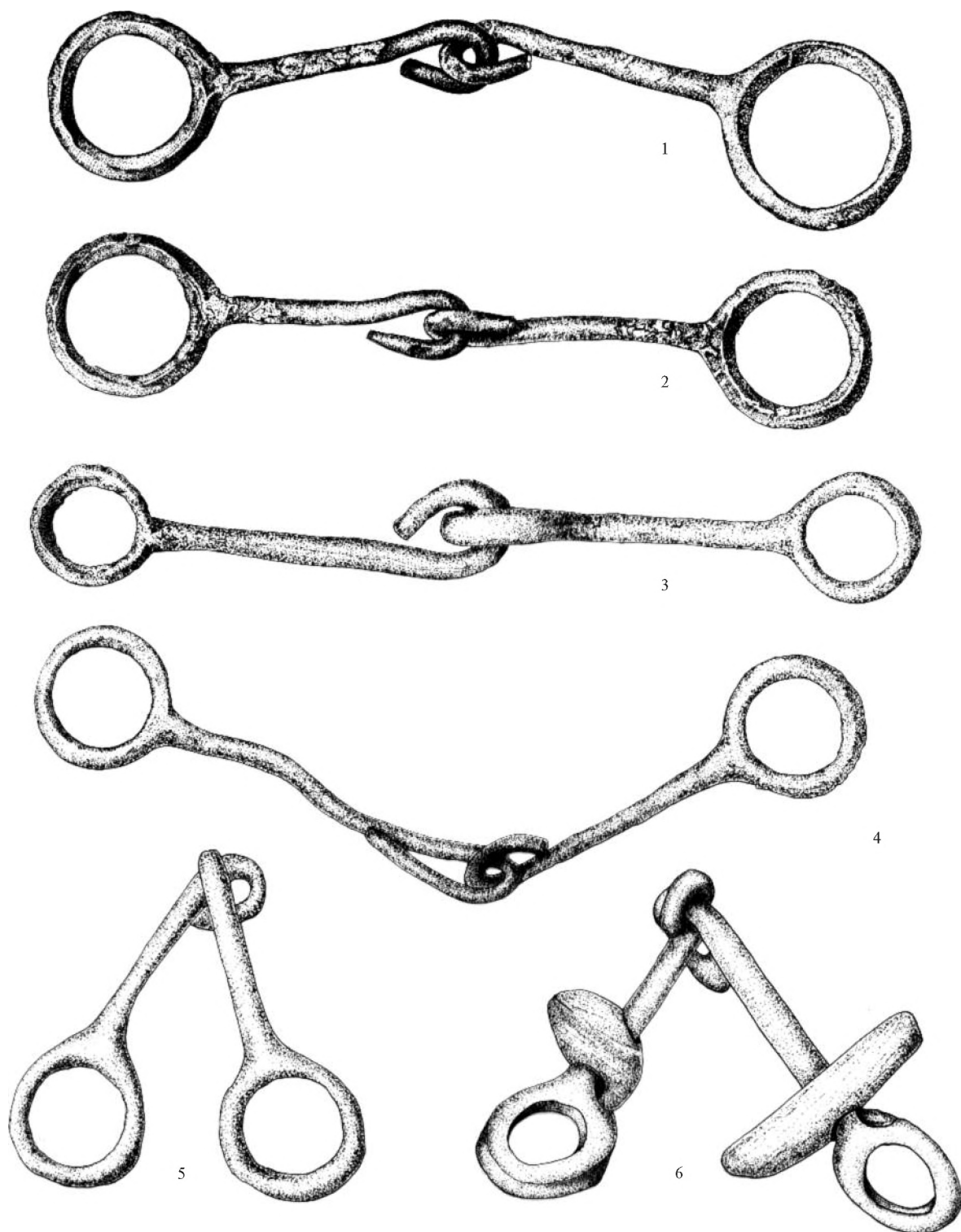

Рис. 77 Бронзовые удила.

1, 2. Погребение 112 некрополя Калакент у Кировабада; 3. Погребение 10 некрополя Так-Килиса; 4. Некрополь Садахло в районе Тбилиси; 5. Поселение у Лениакана; 6. Погребение 67 некрополя Так-Килиса

По Nagel, Strommenger 1985, Taf. 46 (1, 2); Куфтин 1941, таб. XXXI, 2; XXIV, 6 (6, 3);
de Morgan 1889, fig. 144 (4); Маритросян 1964, рис. 49 (5)

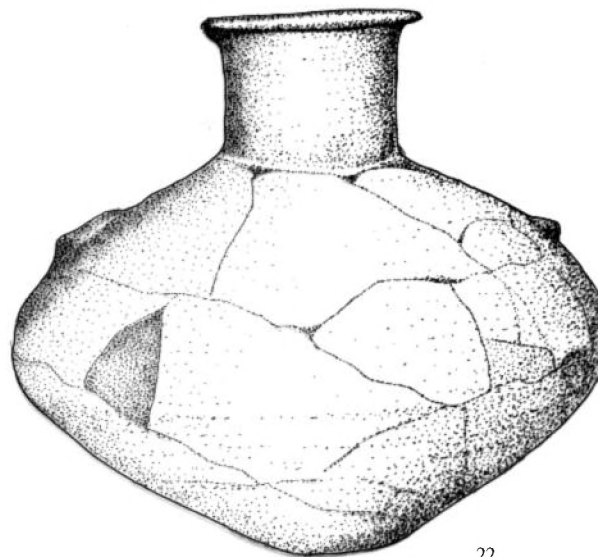
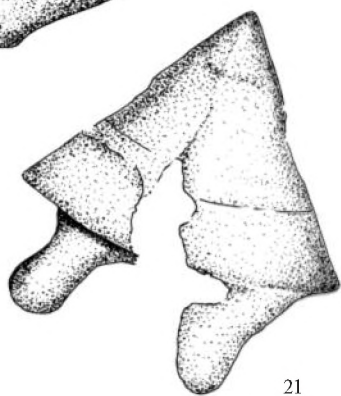
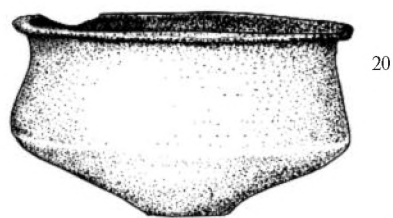
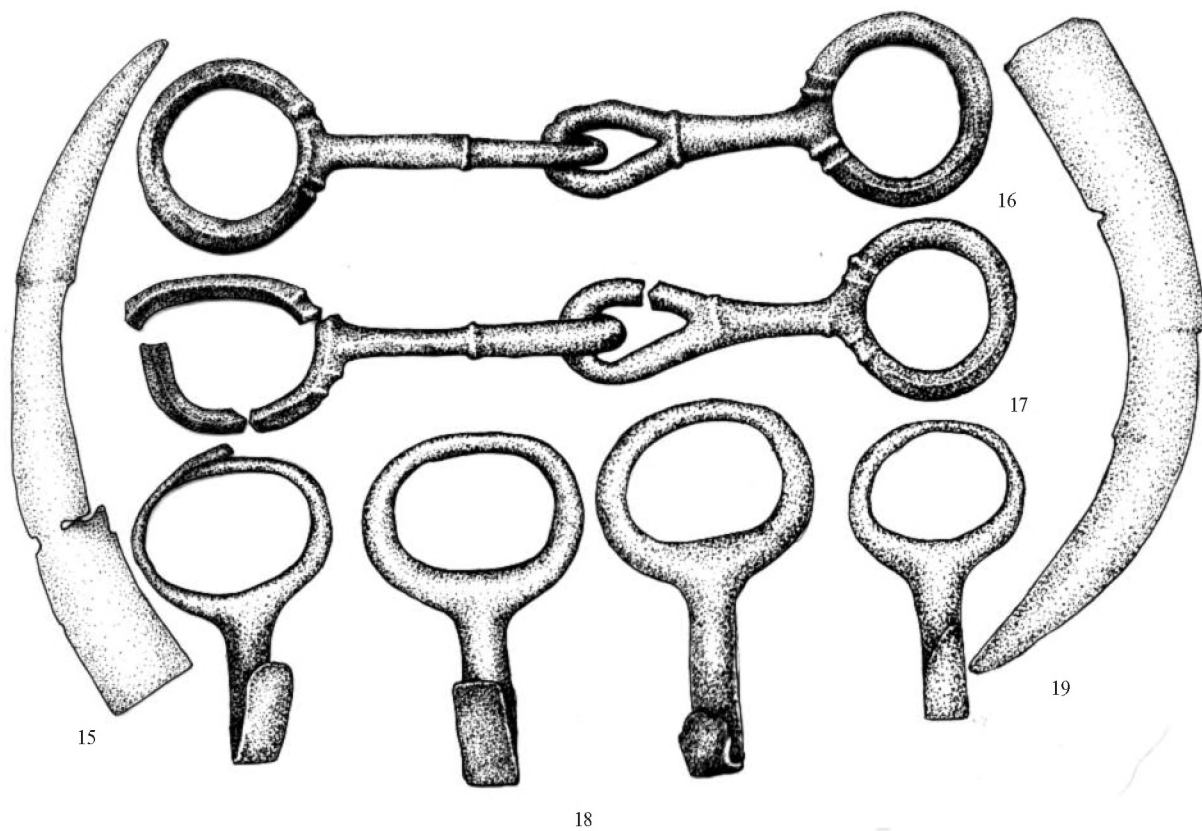

Рис. 78 Инвентарь погребения 13 некрополя Бешташени, Триалети.
 1, 14. Кость; 8. Сердолик; 12. Камень; 15, 19. Рог; 20, 22. Глина; остальное бронза
 По Куфтин 1941, таб. XLVI (15–18); XLVII (1–14); XLVIII (19, 20); XL (21); рис. 81 (7); 72 б (5); 80, 5 (6)

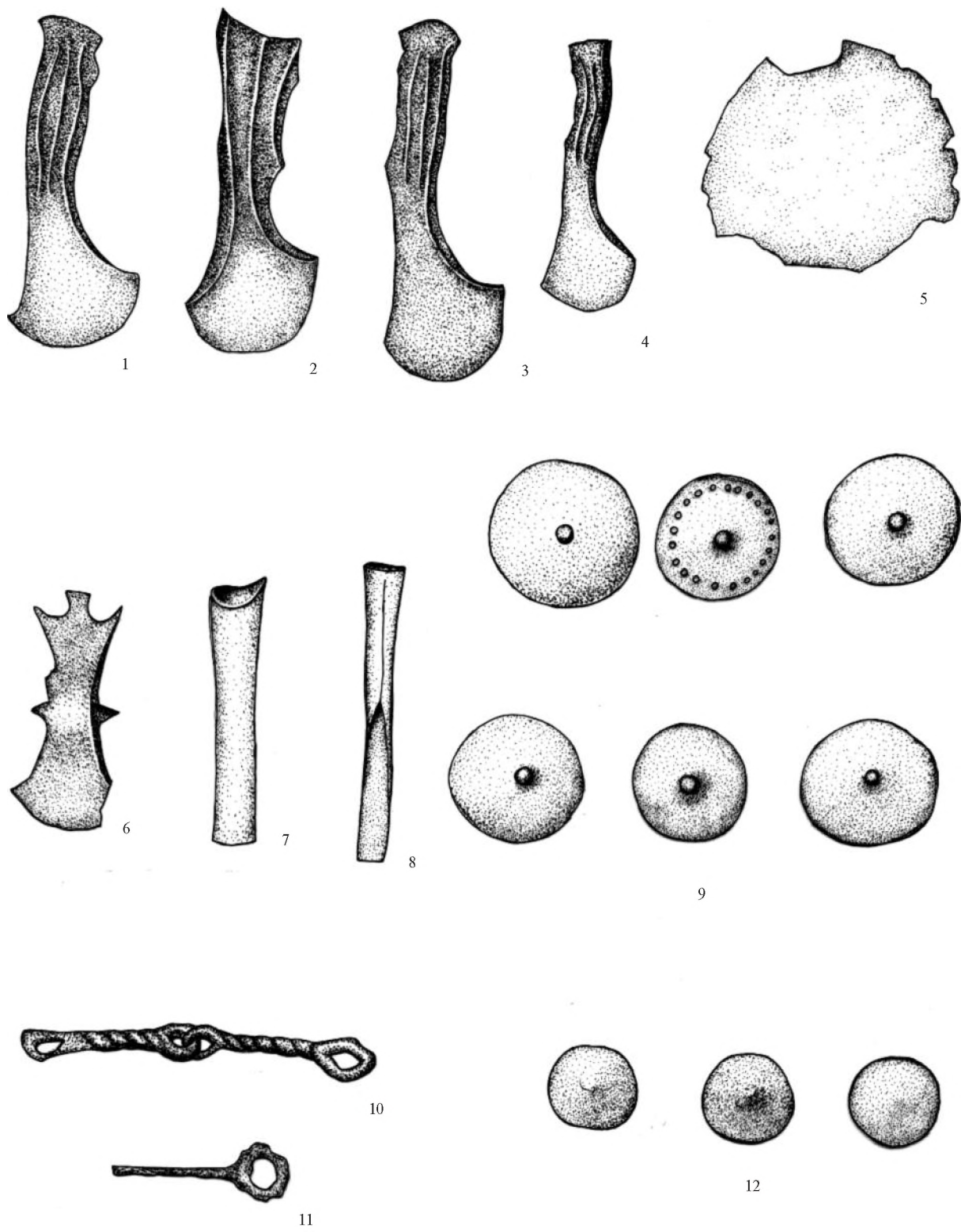

Рис. 79 Клад бронзовых изделий из Лайлаши, Колхиды
По Коридзе 1965, рис. 21

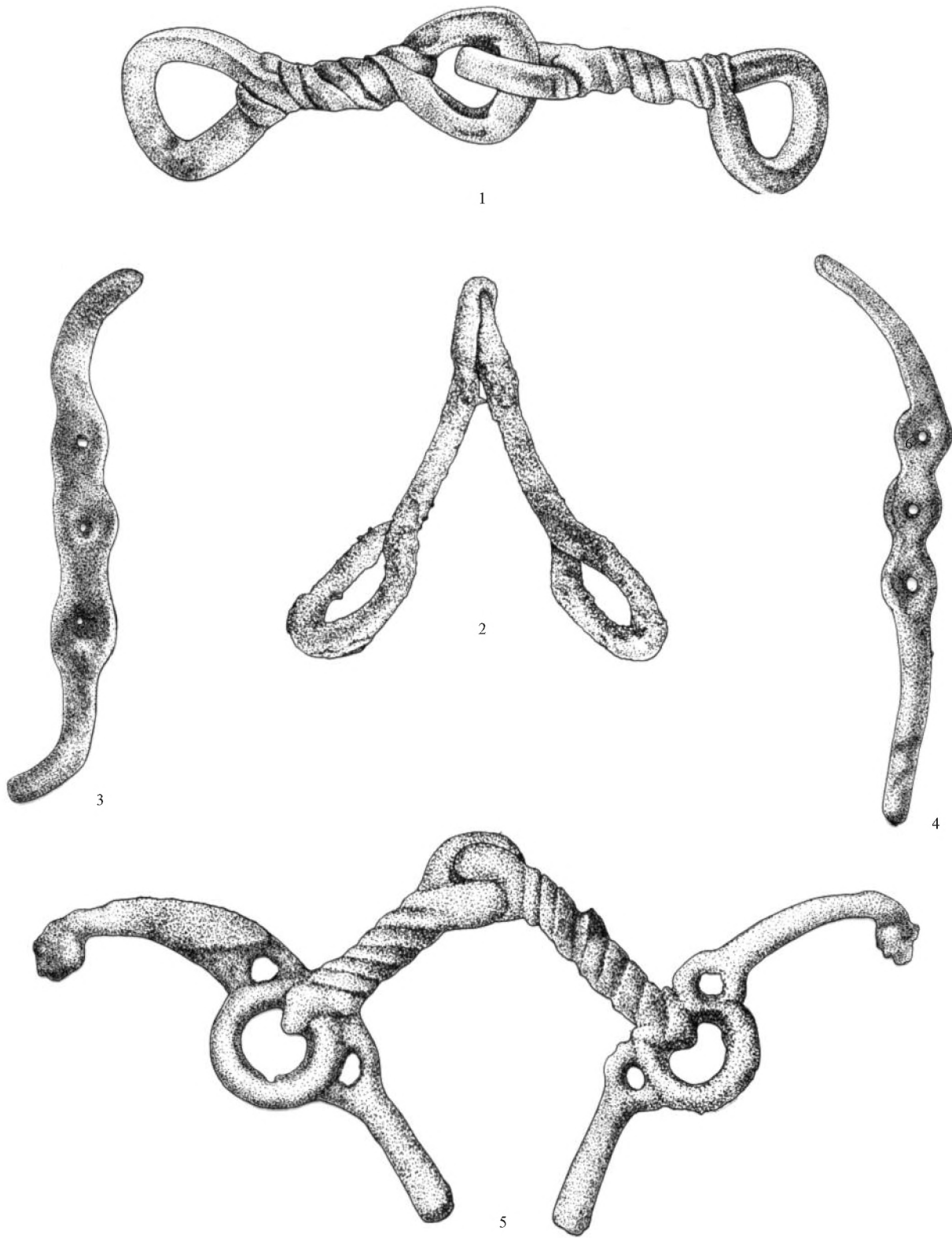

Рис. 80 Конская узда из Хазанлы IV. Бронза
По Muscarella 1988, 65, Nr. 92, 94 (1, 4); de Schauensee, Dyson 1983, fig. 12, 13, 14 (2, 3, 5)

С железными удилами здесь применялись и роговые трехдырчатые псалии. Кроме этого, наиболее распространенного на Хазанлу IV, типа удила встречаются и другие. Три экземпляра бронзовых удили с гладкими штангами имеют напускные псалии с двумя петлями, расположенными в перпендикулярной по отношению к кольцу для повода плоскости (Рис. 74, 2, см. выше). Имеется также единственный экземпляр бронзовых удили, жесткоскрепленных с псалиями. Штанги этих удили, отлитые вместе с псалиями, имеют ложновитое рифление. Псалии двухдырчатые, с отогнутым наружу концом, украшенным зооморфным изображением (Рис. 80, 5).

Третьим важным памятником, на котором обнаружены сходные удила и псалии, является некрополь Сиалк В. Инвентарь четырех погребений некрополя включает бронзовые и железные удила с гладкими стержнями и кольчатыми окончаниями и связанные с ними псалии: бронзовые дугообразно изогнутые трехдырчатые, один конец которых заострен, а другой завершается шишечкой, а также сильно корродированные железные прямые, очевидно, трехпетельчатые, с одним заостренным концом и вторым имеющим утолщение (Рис. 81, 10–12). В одном из погребений (15) имелись и костяные псалии⁹⁶. Все перечисленные предметы узды сиалковского некрополя обнаруживают ближайшие аналогии на Хазанлу IV.

По поводу датировки некрополя Сиалк В, и в особенности его погребения 15 (Рис. 81), где обнаружены кольчатые удила с отдельными трехдырчатыми псалиями, высказывались разные точки зрения. Наиболее распространенным в настоящее время является мнение П. Кальмейера и Р. Бёмера, которые отнесли погребение 15 к поздней хронологической группе некрополя и датировали эту группу второй половиной VIII — началом VII вв. до н. э.⁹⁷ Главным основанием для такой датировки являются следующие предметы — «банджовидные» бляшки и колокольчики для конской упряжи, а также сосуды типа Schnabelkorfkannen. Для датировки двух первых используются в первую очередь изображения на ассирийских рельефах второй половины VIII—VII вв. до н. э., а для датировки третьих — находка подобного сосуда на Самосе, где он не может относиться ко времени раньше последней трети VIII в. до н. э. Оба аргумента, однако, могут дать лишь *terminus ante quem* существования как соответствующего типа вещей, так и самой культуры сиалковского типа, не определяя его нижней границы. Материалы Хазанлу IV, где обнаружены все эти группы предметов, а также общее сходство находок из четвертого слоя Хазанлу, из закавказских памятников ходжалы-арчдзорской группы и из некрополя Сиалк В, позволяет считать, что культура второй группы этого некрополя начала существовать еще в пределах IX в. до н. э. и не исключать для погребения 15 и конца этого века в качестве возможной даты⁹⁸. В то же время большая архаичность керамики Хазанлу IV по сравнению с той, что характеризует некрополь Сиалк В, позволяет считать его основную часть более поздней, чем поселение четвертого слоя Хазанлу и относить ее в основном к VIII в. до н. э. Можно полагать поэтому, что конская узда из некрополя Сиалк В, чрезвычайно близкая узде из Хазанлу IV и из второго Мингечаурского кургана (вторая половина и конец IX в. до н. э.), датируется ненамного более поздним временем в пределах VIII в. до н. э.

Кроме находок на Хазанлу и в некрополе Сиалк В, однокольчатые удила известны и на других иранских памятниках⁹⁹. Так, бронзовые удила и фрагмент таких же железных обнаружены в одном из погребений на Динха-тепе (В 10а, β 6), вместе с предметами вооружения и расчлененным скелетом коня (Рис. 9). Погребение относится к периоду Динха II, примерно синхронному Хазанлу IV, и может быть датировано IX — началом VIII вв. до н. э.¹⁰⁰ Двучастные кольчатые бронзовые удила обнаружены также в погребении 3 некрополя Тепе Гиян. Они сопровождалась здесь трехдырчатыми псалиями, совершенно аналогичными тем, что обнаружены в 15 погребении некрополя Сиалк В. Кроме того, здесь же найдены бляхи для конской узды, железный кинжал, лавролистные черешковые наконечники

⁹⁶ Ghirshman 1939, pl. LVI, S. 803 a—c, 835, 841, 588; LVII, S. 791; LXII, S. 762; LXVIII, S. 715 d—e; LXXVII, S. 972.

⁹⁷ Boehmer 1965, 801—822; Calmeyer 1969, 99—108.

⁹⁸ Ср. сходное мнение Kossack 1983, 129—130.

⁹⁹ В погребении позднего бронзового века на Годин-тепе,

содержавшем конский скелет, которое относится, очевидно, еще к третьей четверти II тыс. до н. э., предметы узды не обнаружены: Young 1969, 19—20, fig. 27—33.

¹⁰⁰ Muscarella 1974, 64—67, 78—79, fig. 36—37.

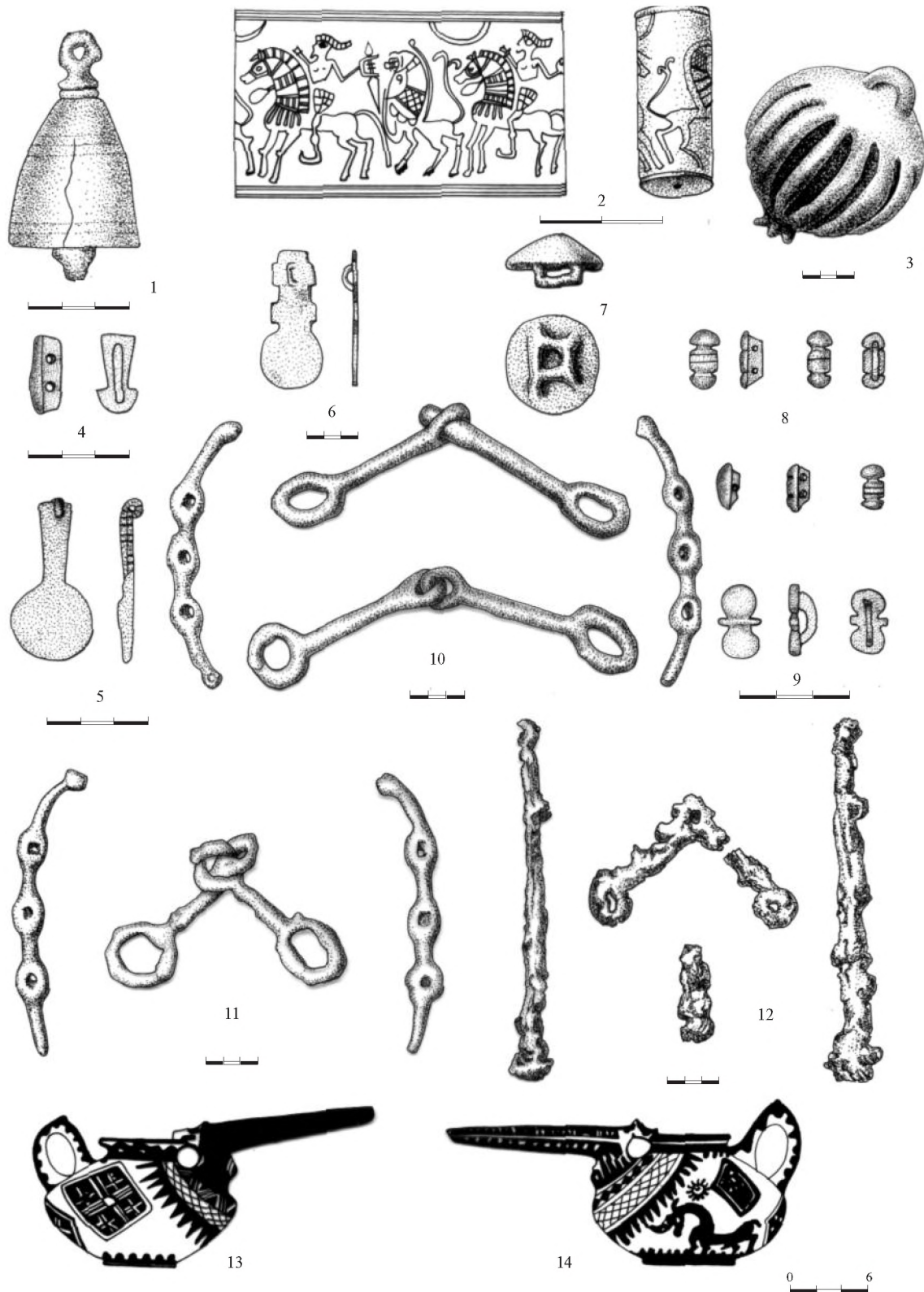

Рис. 81 Находки из погребения 15 некрополя Сиалк В.
 2. Зеленый камень; 4, 8. Кабаний клык; 12. Железо; 13, 14. Глина; остальное бронза
 По Ghirshman 1939, pl. LVI; Hüttel 1981a, Abb. 2

стрел (бронзовые и железные), браслеты и др. (Рис. 82)¹⁰¹. Судя по всему, погребение примерно синхронно некрополю Сиалк В и датируется в пределах VIII в. до н. э.

Применение аналогичной конской узды (однокольчатые удила с отдельно изготовленными трехдырчатыми псалиями «сиалковского» типа) в Закавказье и Иране надежно засвидетельствовано и для более позднего времени. Об этом свидетельствует, в частности, комплекс Малого кургана в Мильско-карабахской степи (Рис. 7)¹⁰². Здесь, кроме богатого керамического комплекса, обнаружен также конский уздечный набор, состоящий из бронзовых предметов: удила и пары отдельных псалий, пяти прорезных блях-фаларов, налобника, колокольчика и обломаной палочки-застежки. Кроме того, обнаружены обломки железного наконечника копья и нескольких ножей. Удила из Малого кургана свиты из двух стержней и завершаются круглыми крупными кольцами. Псалии трехдырчатые; отверстия расположены в утолщениях в одной плоскости, верхний конец загнут, оба конца псалий завершаются шишечками (Рис. 7, 1). Они весьма схожи с псалиями из второго Мингечаурского кургана и других указанных выше памятников. Прорезные бронзовые фалары (Рис. 7, 2) находят себе близкие соответствия в урартской узде — такой фалар входил, например, в конский набор из Тейшебаини, удила которого надписаны именем Сардури II¹⁰³; известны подобные находки и в других памятниках VIII в. до н. э. (Качаганский курган)¹⁰⁴. Трапецевидный налобник и колокольчик (Рис. 7, 3, 6) также вполне характерны для урартского конского убора. Однако для датировки комплекса Малого кургана наибольшее значение имеет находка в нем бронзовой трехлопастной втульчатой стрелы¹⁰⁵ типа, характерного для келермесского этапа раннескифской культуры (Рис. 7, 4). По характеру находок комплекса Малого кургана, как уже указывалось, имеет ряд общих черт с погребением кочевника на акрополе Норшунтепе (см. выше). Здесь также обнаружены бронзовые петельчатые удила того же типа (в сочетании с типичными стремечковидными удилами раннескифского типа); в обоих погребениях обнаружены также железные наконечники копий и ножи. Кроме того, в разграбленном захоронении на Норшунтепе, явно одновременном с конским погребением, обнаружен наконечник трехлопастной стрелы того же типа, что и в Малом кургане. Поскольку погребение на Норшунтепе уверенно датируется первой половиной VII в. до н. э., к тому же времени может быть отнесен и Малый курган.

Среди иранских памятников можно назвать конское захоронение (признаки человеческого костяка отсутствуют) на центральном холме Баба-Джана, совершенное вскоре после прекращения существования здесь поселения (Баба-Джан III)¹⁰⁶. Среди погребального инвентаря обнаружено два бронзовых сосуда и принадлежности конской сбруи — бронзовые наносник и пять бляшек, а также железные однокольчатые удила. Они очень сильно корродированы, однако, насколько можно судить, их мундштуки изготовлены из перекрученных прутьев. Псалии, также железные, были отдельными, однако из-за сильной корродированности их форма не устанавливается¹⁰⁷. Погребение по своему инвентарю, видимо, датируется первой половиной VII в. до н. э., временем, непосредственно последовавшим за прекращением существования поселения на центральном холме на рубеже VIII—VII вв. до н. э.¹⁰⁸ Однокольчатые железные удила сходного типа были обнаружены и на некрополе Вар-Кабуд, который примерно синхронизируется с Хазанлу III В и более поздний, чем некрополь Сиалк В. Его можно предположительно датировать VII в. до н. э.¹⁰⁹ Еще один экземпляр бронзовых удил с гладкими мундштуками, принадлежащий к этому типу, был обнаружен при грабительских раскопках некрополя Чешмех-Махи в Луристане¹¹⁰; его датировка неясна. Наконец, несколько экземпляров однокольчатых

¹⁰¹ Contenau, Ghirshman 1935, 18, pl. 8, V, 6; Potratz 1941—42, 175. Ср. Nagel 1963, 53. Предложенная здесь датировка погребения XIV—XIII вв. до н. э. безосновательна.

¹⁰² Иессен 1965, 22—30.

¹⁰³ Пиотровский 1970, №56.

¹⁰⁴ Мартиросян 1964, 212.

¹⁰⁵ Иессен 1965, рис. 12, 2.

¹⁰⁶ Goff 1969, 123—126, fig. 6—7.

¹⁰⁷ Goff 1969, 126, fig. 7, 5.

¹⁰⁸ Goff 1969, 123—126; Goff 1978, 40—42; ср. Moorey 1971, 103.

¹⁰⁹ Vanden Berghe 1967, 57; de Waele 1982, 68.

¹¹⁰ Maleki 1964, 17, pl. VIII, 1. И. Н. Медведская (1983, 62) ошибочно указывает, что эти удила были найдены вместе с удилами с изогнутыми напускными псалиями (см. ниже). В действительности известно лишь, что они происходят из одного могильника, сведения же о том, к одному или разным погребениям они принадлежали, отсутствуют.

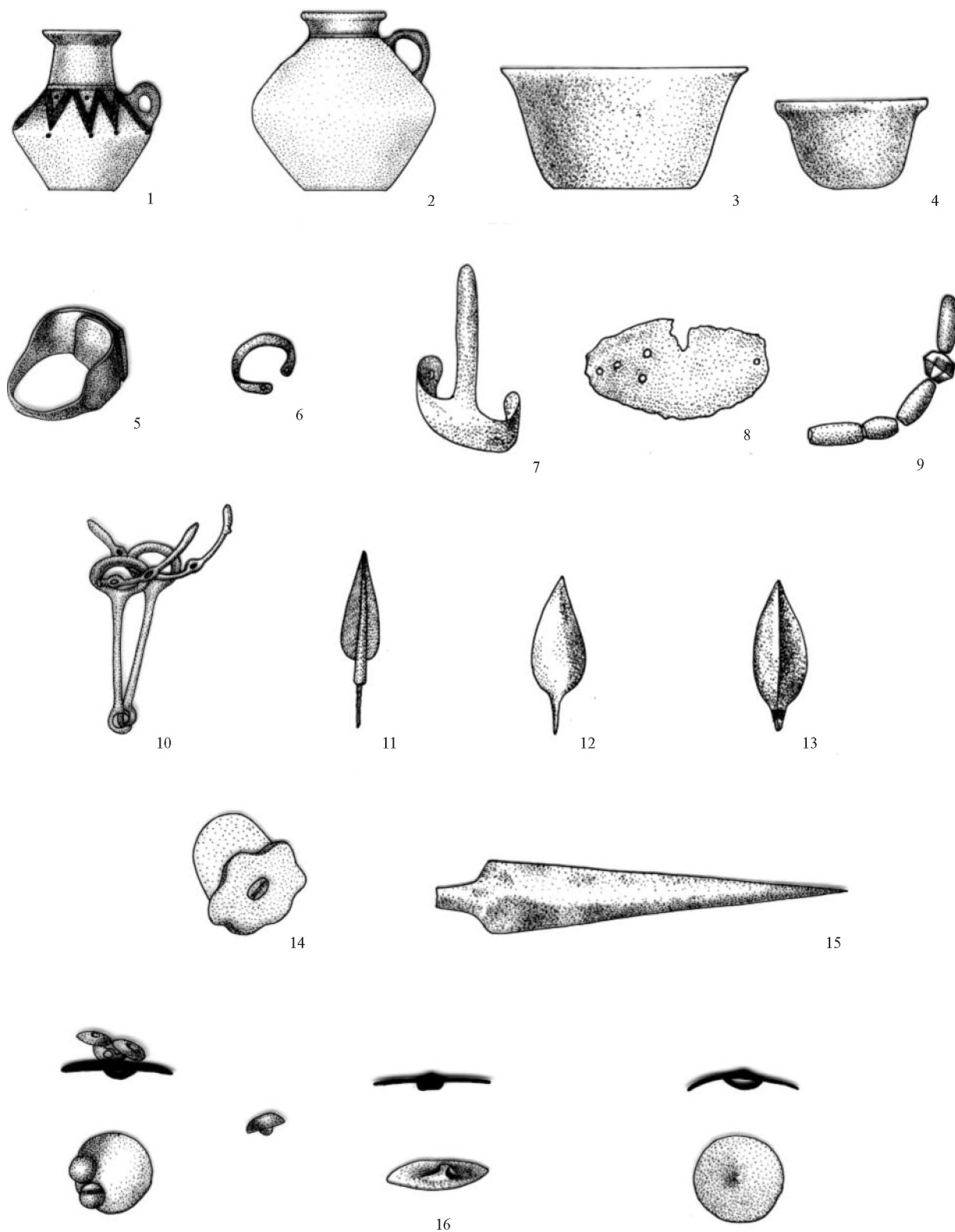

Рис. 82 Находки из погребения 3 некрополя Тепе Гиян
По Contenau, Ghirshman 1935, pl. 8

удил без псалий, происходящих из грабительских раскопок на территории Ирана, хранятся в ряде европейских собраний, например в Берлине (два в коллекции Нельсона, один в Музее пред- и пражистории)¹¹¹, в коллекции А. Годара¹¹² и др.

Удила этого типа использовались также и урартами. Значительное количество их бронзовых и железных экземпляров, происходящих из грабительских раскопок, хранится в музеях Турции (Анкара, Элязыг, Адана и др.) (*Рис. 87, 10, 11*)¹¹³; за неимением археологического контекста их невозможно сколько-нибудь точно датировать. Здесь же известны и находки бронзовых псалий «сиалковского» типа. Так, в музее Филадельфии хранится три экземпляра дугообразных трехдырчатых псалий, происходящих из грабительских раскопок, вероятно, в восточной Анатолии (точное место находки неизвестно) (*Рис. 87, 12*)¹¹⁴. Железные и бронзовые кольчатые удила были обнаружены и при раскопках Тейшебаини¹¹⁵. Имеются находки таких удил и к западу от урартской территории. Так, один экземпляр кольчатых железных удил без псалий обнаружен в Богазкёе, в слое Бююккале I (первая половина – середина VII вв. до н. э.); в том же слое обнаружен и железный трехпетельчатый псалий скифского типа (*Рис. 29*)¹¹⁶. Сильно корродированные кольчатые железные удила найдены и в слое примерно того же времени в Алишаре¹¹⁷.

Кроме названных регионов, в зону распространения этого вида узды входила и Средняя Азия. Находки однокольчатых удил хорошо известны здесь на памятниках Чустской культуры. Как указывает найденная на городище Дальверзин в Ферганской области литейная форма для изготовления псалия, они использовались с псалиями той же формы, что найденные в некрополе Сиалк В, Хазанлу IV и втором Мингечаурском кургане¹¹⁸. Датировка этих находок, как и самой Чустской культуры, неясна. Она определяется прежде всего по аналогии с иранскими памятниками, в частности с некрополем Сиалк В, а также по радиоуглеродным датам, примерно XII–VIII вв. до н. э.¹¹⁹ Псалии этого типа обнаружены также в раннесакском погребении кургана 23 могильника Сакар-чага 6 (*Рис. 83, 9, 10*)¹²⁰. Кроме псалиев сиалковского типа (центральное отверстие ромбовидное, боковые — круглые; все три имеют одинаковый размер), здесь же найдены бронзовые удила с прямоугельно-стремечковидными окончаниями и двухрядным зубчатым рифлением на стержнях, бронзовые пронизи и подпружные пряжки, в том числе выполненные в зверином стиле и совершенно аналогичные бляшкам из кургана 33 Уйгаракского могильника (*Рис. 83, 1–8, 11–15*)¹²¹. Здесь же обнаружен набор из десяти бронзовых наконечников стрел, три из которых черешковые характерного сакского типа (один двух- и два трехлопастные), а остальные втульчатые (ромбовидные, лавролистные и пулевидные) (*Рис. 83, 19–28*). Такое сочетание типов наконечников характерно для ранних сакских комплексов Приаралья, относящихся по-видимому, ко времени не позже VII в. до н. э.¹²² Кроме того, в тот же комплекс входил биметаллический клевец с бронзовой втулкой и железным бойком, имеющий близкие аналогии в кургане 84 Уйгаракского могильника (вместе со стремечковидными удилами и набором стрел, в котором преобладают черешковые наконечники)¹²³, комплексе из Имирлера и др. (см. выше). Существенным отличием от этих клевцов является то, что экземпляр из Сакар-чага имеет петлю в нижней части втулки (*Рис. 83, 34*). В целом можно полагать, что комплекс кургана 23 могильника Сакар-чага 6 по времени близок погребениям из Норшунтепе и Имирлера (клевец, стремечковидные удила, двухлопастные втульчатые стрелы) и из Малого кургана в Мильско-Карабахской степи (форма псалиев) или несколько старше их и датируется не позже первой половины VII в. до н. э. Если верно предложение М. П. Грыз-

¹¹¹ Nagel 1963, 27–28, 53–54, Taf. LII, 109–111.

¹¹² de Waele 1982, 68, Nr. 73, fig. 50.

¹¹³ Yıldırım 1987, 490–491, Abb. 42–44.

¹¹⁴ Özgen 1979, 126, fig. 15; Özgen 1984, fig. 27; Yıldırım 1987, 476, Abb. 21.

¹¹⁵ Пиотровский 1950, 54, рис. 32 (пом. 13); Piotrovsky 1969, pl. 77.

¹¹⁶ Boehmer 1972, 162, Taf. LVIII, Nr. 1695 A, 1695.

¹¹⁷ von der Osten 1937, 115, fig. 114.

¹¹⁸ Заднепровский 1962, 30–31, таб. XX, 3; XXI, 18.

¹¹⁹ Заднепровский 1962, 64–70.

¹²⁰ Яблонский 1991, 80–81, рис. 10–12; Яблонский 1996, 43–44, рис. 18–20.

¹²¹ Вишневецкая 1973, 114, таб. IX, 15–16; XXVIII, 6–7.

¹²² Медведская 1972, 83–85, 89; Яблонский 1991, 86.

¹²³ Вишневецкая 1973, таб. XX.

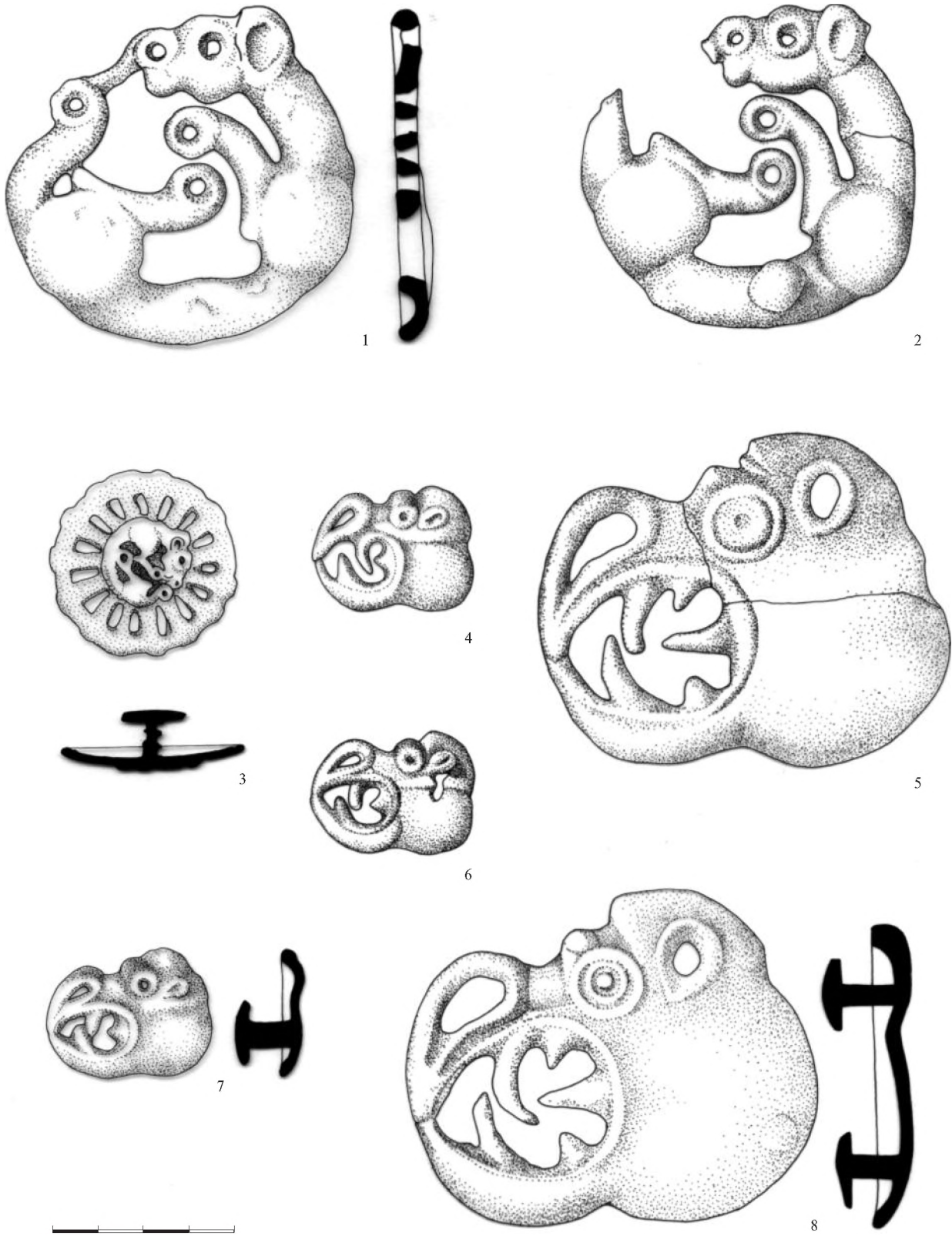

Рис. 83 Инвентарь кургана 23 могильника Сакар-чага 6 (1–8)

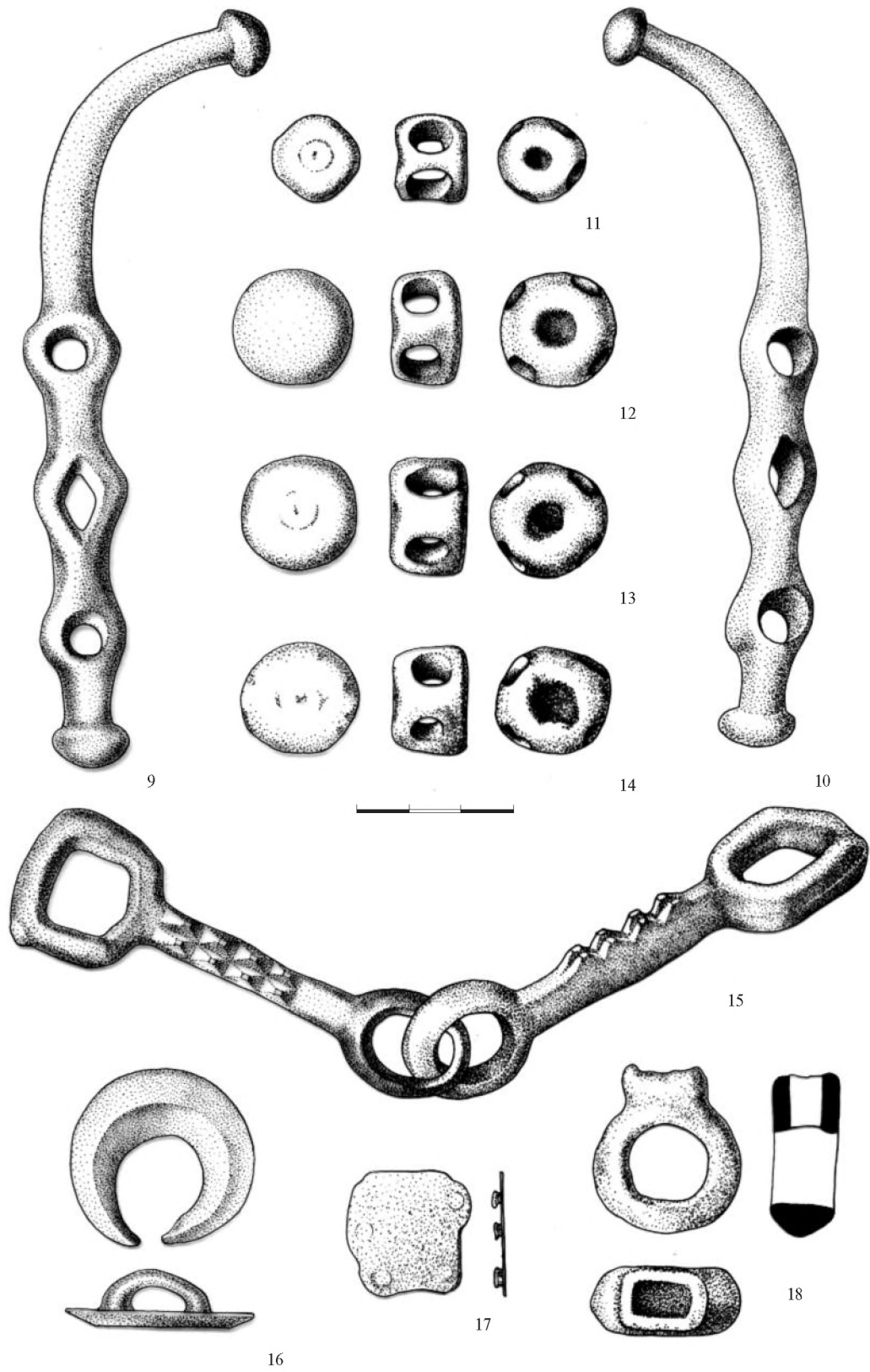

Рис. 83 Инвентарь кургана 23 могильника Сакар-чага 6 (9–18)

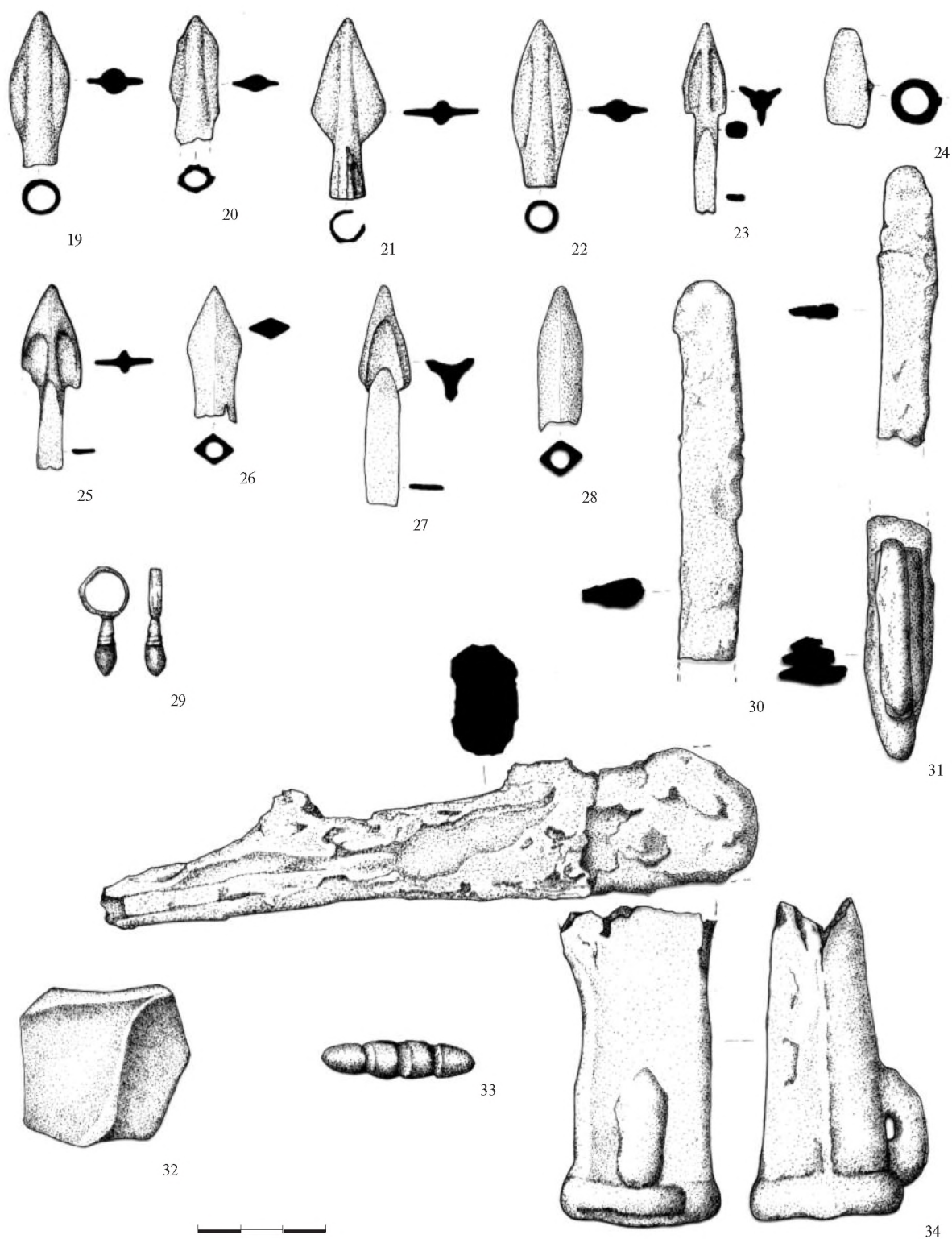

Рис. 83 Инвентарь кургана 23 могильника Сакар-чага 6.
 1–28. Бронза; 29. Золота, бирюза; 30, 31. Железо; 32. Камень; 33. Бирюза; 34. Бронза, железо
 По Яблонский 1996, рис. 18–20

нова синхронизировать могильники Уйгарак и Южный Тагискен с курганом Аржан¹²⁴, то они могут быть отнесены еще к VIII в. до н. э.¹²⁵ и датироваться раньше, чем киммерийские (археологически «раннескифские») памятники Малой Азии. Сходные псалии в комплекте со стремечковидными удилами с дополнительным отверстием были обнаружены также в комплексе из Биже (Восточное Семиречье)¹²⁶.

Таким образом, в Закавказье однокольчатые бронзовые удила с отдельными псалиями применялись параллельно с удилами с напускными псалиями «арчадзорского» типа по меньшей мере с XII в. до н. э. (погребение 79 Артикского могильника, погребение 13 в Бешташени и др.). Использование этого вида удил вместе с отдельно изготовленными металлическими псалиями надежно засвидетельствовано начиная со второй половины — конца IX в. до н. э. (Хазанлу IV, второй Мингечаурский курган), причем примерно тогда же начинают применяться и железные удила и псалии, которые, впрочем, не вытесняют бронзовые вплоть до VII в. до н. э. Насколько можно судить, способ изготовления удил (в виде перевитых прутьев или литые) не имеет хронологического значения — и те и другие использовались одновременно, что засвидетельствовано их неоднократными находками в одних и тех же комплексах. Однокольчатые удила с трехдырчатыми псалиями сиалковского типа продолжали применяться здесь по меньшей мере до VII в. до н. э.

Псалии сиалковского типа неоднократно сопоставлялись с псалиями, характерными для самых ранних комплексов «раннескифской» культуры, например, из кургана Жаботин 524, Тенетинка 183, у хутора Алексеевский в Ставрополе и др. (Рис. 84, 4; 85, 7)¹²⁷. Как уже указывалось, В. Р. Эрлих считает такие псалии характерными для своей третьей хронологической группы, где они использовались вместе со стремечковидными удилами¹²⁸. Псалии этой формы, насколько можно судить, использовались лишь в пределах раннего, «жаботинского», периода раннескифской культуры, а затем выходят из употребления¹²⁹.

Если предполагать, как это делается обычно, заимствование трехдырчатых псалий «сиалковского» типа в Иран и Закавказье из восточноевропейских степей, это может дать некоторые основания для абсолютной датировки памятников «жаботинского» периода. Их наличие, причем в достаточно больших количествах, в иранских и закавказских комплексах второй половины — конца IX в. до н. э. (второй Мингечаурский курган, Хазанлу IV) дало бы *terminus ante quem* их появления в степях. Однако это предположение остается ничем не подтвержденной гипотезой. Здесь нельзя исключать ни обратного направления заимствования, ни независимого формирования на основе более архаичных трехдырчатых псалий, распространенных в памятниках черноговровского типа. Возможно и заимствование этой формы псалий как в Иран, так и Восточную Европу из Средней Азии, однако из-за отсутствия там датированных ранних находок это предположение также остается без надежных аргументов.

Ясно, в любом случае, что однокольчатые удила с отдельными псалиями не были в Закавказье и Иране новацией ни в VIII, ни даже в IX в. до н. э., так что их использование здесь невозможно связывать с переднеазиатскими походами евразийских nomadов. Что касается бронзовых трехдырчатых псалий «сиалковского» типа, то их использование здесь надежно документируется со второй половины IX по первую половину VII вв. до н. э.

Для датировки позднейших предскифских памятников особый интерес представляют бронзовые удила, а также составлявшие с ними набор псалии, обнаруженные в погребении 47 некрополя Калакента (Парадисфестунг) (Рис. 85, 11–13)¹³⁰. Удила сплетены из бронзового прута и имеют кольчатые

¹²⁴ Грязнов 1980, 61; Gtjaznov 1984, 83. Ср. синхронизацию кургана Аржан с ранними могилами Уйгарака и их датировку VIII в. до н. э.: Кузьмина 1975, 287. Ср. также Яблонский 1996, 51.

¹²⁵ Датировка Аржанского кургана по данным дендрохронологии — 745 г. до н. э. ± 40 лет (Марсадалов 1988, 65–81), а по результатам корреляции дендрохронологических и радиоуглеродных датировок — 820–740 гг. до н. э.: Марсадалов,

Зайцева, Лебедева 1994, 141–156. Эти датировки были, однако, в последнее время оспорены: Членова 1997.

¹²⁶ Акишев, Акишева 1978, 39–40, рис. 2.

¹²⁷ Ср. например Тереножкин 1971, 74–75; Эрлих 1994, 102–103.

¹²⁸ Эрлих 1994, 65–69.

¹²⁹ Медведская 1992, 87; Эрлих 1994, 103.

¹³⁰ Nagel, Strommenger 1985, 77, Taf. 19, 6; 76, 2.

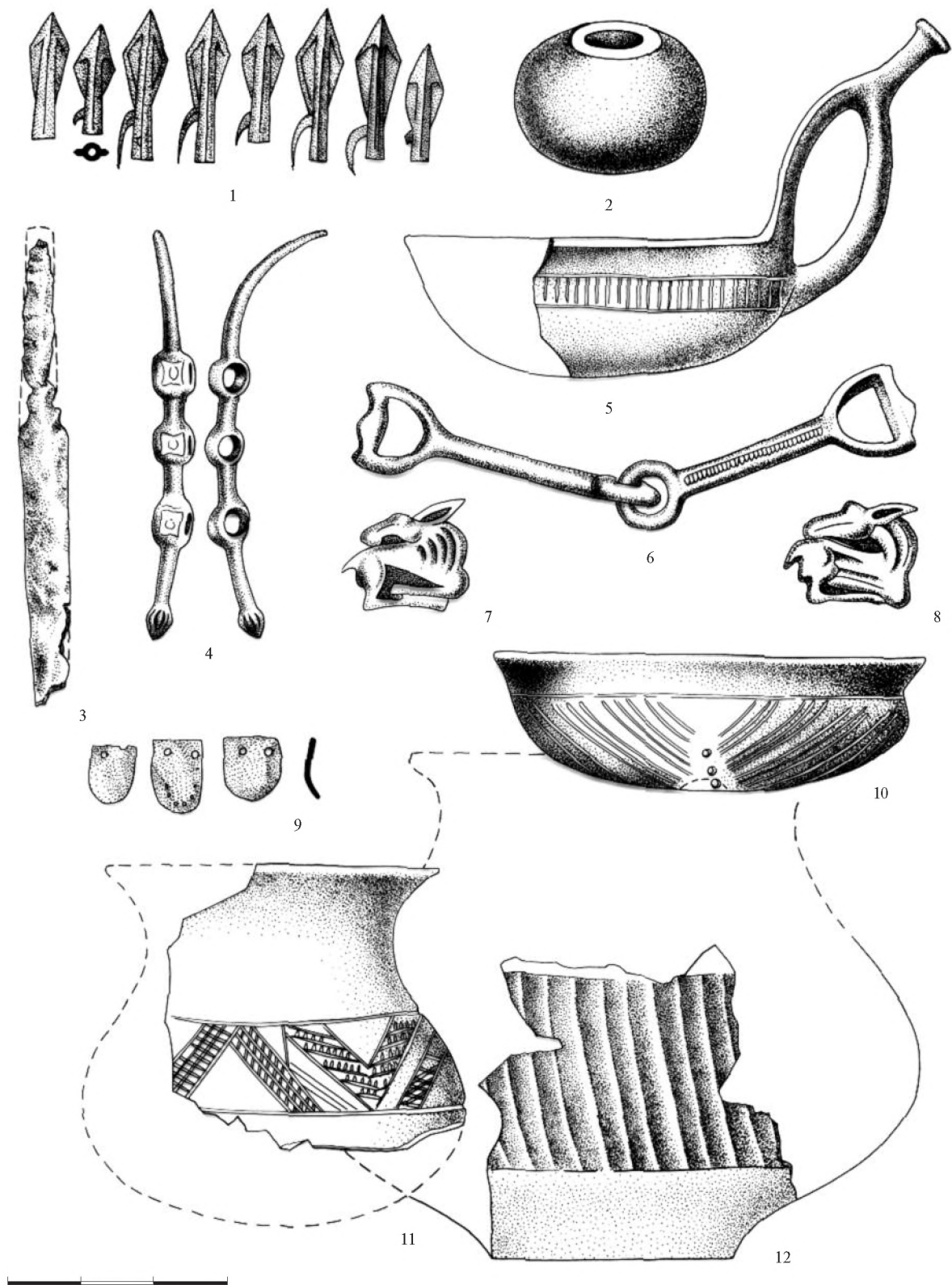

Рис. 84 Находки из кургана 524 у с. Жаботин. 1, 4, 6, 9. Бронза; 2. Камень; 3. Железо; 5, 10–12. Глина; 7, 8. Золото
 По Ильинская, Тереножкин 1987, 237

окончания. Псалии трехдырчатые (отверстия расположены в одной плоскости), с загнутыми концами, имеющими форму лопастей, что отличает их от обычных псалиев «сиалковского» типа. Комплекс находок погребения, прежде всего бронзовый пояс с характерными изображениями животных и орнаментальными мотивами¹³¹, а также подвески в виде бубенчиков (ср. ниже) и характерный наконечник стрелы (Рис. 85, 9, 15, 16), позволяют синхронизировать это погребение (как, впрочем, и большинство других в некрополе) с памятниками ходжалы-арчадзорского типа. Внутри этой группы погребение может быть синхронизировано с Мингечаурскими курганами — обращает на себя внимание, например, сходство кольчатых удил с плетеными мундштуками из этого комплекса и из второго кургана Мингечаура. Как уже указывалось, некрополь Калакента, как и Мингечаурские курганы, вряд ли могут быть датированы позже конца IX в. до н. э.

Обращает на себя внимание форма псалий из 47 погребения Калакента. Они не имеют близких аналогий среди закавказских или иранских материалов. Ближайшая и единственная аналогия им происходит из кургана Уашхиту в Адыгее, где сходные псалии были найдены в комплексе с двукольчатыми удилами новочеркасского типа (Рис. 16, 1–3, 8–10, 15–17, 21, 22)¹³². Псалии из Уашхиту и из Калакента весьма сходны — и те, и другие имеют форму стержней с тремя отверстиями, которые завершаются с одной стороны утолщением в виде шишечки, а с другой — загнутой лопастью. Отличия между ними незначительны — главным из них является оформление отверстий псалия. У экземпляров из Уашхиту отверстия круглые и находятся они в специальных муфтах (трубках). Псалии из Калакента имеют отверстия овальной формы; муфты отсутствуют и заменены расширениями, сходными с теми, что имеются на псалиях из Сиалка, Мингечаура или на псалиях черноморовского типа. Впрочем, наличие или отсутствие муфт в оформлении отверстий псалий не столь уж важный признак — известны псалии разных типов, применявшие оба способа оформления отверстий и использовавшиеся одновременно. Так, среди псалиев кургана Аржан представлены как экземпляры с простыми отверстиями, оформленными утолщением стержня, так и с муфтами, причем имеются и переходные формы от одной разновидности к другой¹³³. Как справедливо замечает В. Р. Эрлих, псалии из Уашхиту являются синтезом «сиалковского» типа трехдырчатых псалий и новочеркасского типа трехпетельчатых с загнутой лопастью¹³⁴. При этом он объединяет их в один тип с трехдырчатыми псалиями типа найденных в кургане Жаботин 524 и характерных уже для раннескифских памятников. Эти псалии, однако, имеют важное отличие от найденных в Уашхиту и Калакенте — у них отсутствует загнутая лопасть, а конец оформлен или в виде загнутого стержня (Жаботин 524), или просто прямой (Тенетинка 183). Кроме того, все они найдены вместе со стремечковидными раннескифскими удилами. Псалии типа найденных в Уашхиту и Калакенте представляют собой редкий переходный тип, видимо, не получивший широкого распространения и существовавший недолго. Они найдены в близких, хотя и разделенных Кавказским хребтом, районах, где видимо, и сложился этот тип, объединявший характерные для двух районов формы псалий — распространенные к северу от Кавказа лопастные псалии новочеркасского типа, и редкие в Предкавказье, но распространенные в Закавказье и Иране трехдырчатые псалии «сиалковской» разновидности. Положение кургана Уашхиту в системе относительной хронологии памятников предскифского и раннескифского периодов убедительно обосновано В. Р. Эрлихом — этот памятник принадлежит к самому позднему этапу новочеркасской группы и входит в группу переходных к раннескифской эпохе памятников¹³⁵. Синхронизация этого памятника с 47 погребением Калакента дает еще одну опорную точку для датировки поздних новочеркасских памятников — погребение Калакента вряд ли может быть датировано позже рубежа IX–VIII вв. до н. э.

¹³¹ Другие сходные пояса обнаружены также в погребениях 49 (вместе с классическими удилами «арчадзорского типа»), 95, 98, 189, 6 (Kalakent), см. Nagel, Strommenger 1985, Taf. 26, 41, 43. Об этой группе поясов см. Esayan 1984, 119–132.

¹³² Эрлих 1994, 25–26, таб. 5; Dietz 1998, 122, Nr. 461–467, Taf. 33. Псалий из Медвина, отнесенный У. Л. Дитц к тому же

типу (Dietz 1998, 122, Nr. 468, Taf. 33), существенно отличается от псалий из Уашхиту.

¹³³ Грязнов 1980, 47–49, рис. 30; Grjaznov 1984, 65–67, Abb. 30.

¹³⁴ Эрлих 1994, 102.

¹³⁵ Эрлих 1994, 29–33, 101–103.

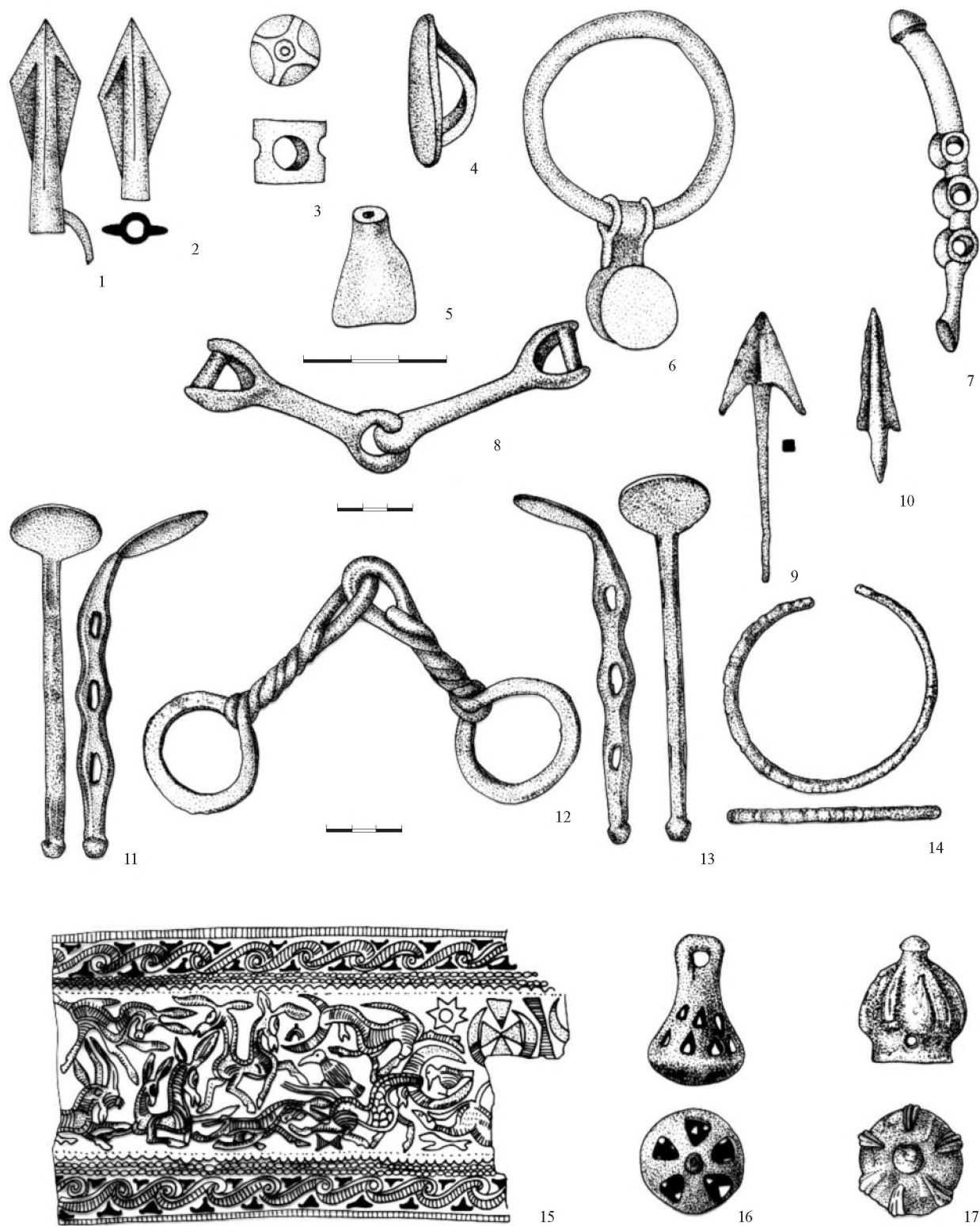

Рис. 85 1–8. Находки из кургана у хут. Алексеевский близ Ставрополя.
 9–17. Находки из погребения 47 некрополя Калакент у Кировабада. 9. Железо; остальное бронза
 По Тереножкин 1976, рис. 77 (1–8); Nagel, Strommenger 1985, Taf. 19; 76 (9–17)

2.2.3 УДИЛА С ЖЕСТКОСКРЕПЛЕННЫМИ ПСАЛИЯМИ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И ЕВРОПЕ

Как уже говорилось, в литературе обычно считается, что появление удил с жесткокрепленными псалиями к северу от Кавказского хребта объясняется их заимствованием из Передней Азии. На основе этого предположения делается вывод об участии доскифского населения Причерноморья в переднеазиатских походах и о датировках предскифской культуры. Такое представление кажется, однако, весьма упрощенным.

Прежде всего, совершенно непонятно, почему принцип изготовления удил с жесткокрепленными псалиями считается специфически переднеазиатским. Вряд ли использование этого принципа имеет единый центр происхождения и во всяком случае в Передней Азии жесткокрепленные с псалиями удила появляются достаточно поздно. В свое время Й. Потрац выделил такие удила в III месо-потамо-египетский тип и связывал его происхождение с Северным Кавказом¹³⁶. Использование этого типа в Передней Азии он датировал VII–V вв. до н. э. Однако использованных им данных совершенно недостаточно для такой датировки. В качестве ее главных опорных пунктов он называл находки удил в Персеполе и в слое персидского разгрома (480 г. до н. э.) в Афинах¹³⁷. Однако эти находки могут обосновывать в крайнем случае верхнюю дату распространения таких удил, но никак не нижнюю. То же верно и для данных, на которые опирался П. Мури. Основываясь прежде всего на находках удил этого типа в некрополе Деве Хуюка (между 480 и 380 гг. до н. э.)¹³⁸ и в Персеполе (в основном эпоха Александра Македонского)¹³⁹, он связал его распространение с персидской армией, считая, что все датированные находки данного типа относятся именно к персидской эпохе (*Рис. 86, 1–4*)¹⁴⁰. Он полагал, кроме того, что вообще удила, жесткокрепленные с псалиями, появляются в Передней Азии в конце VII в. до н. э. и вытесняют характерные для более раннего периода удила с напускными подвижными псалиями¹⁴¹. Эта дата, однако, никак не была обоснована. И. Н. Медведская, отметив слабость аргументации П. Мури, попыталась датировать переход от удил с напускными к удилам с жесткокрепленными псалиями. Она справедливо заметила, что в VII в. до н. э. удила с напускными псалиями в Закавказье уже не использовались. При этом И. Н. Медведская считала, что замена удил с напускными удилами с цельнолитыми псалиями произошла на рубеже VIII–VII вв. до н. э. Однако и ее обоснование этой даты представляется весьма слабым. Она основывалась почти исключительно на датировке находок с цельнолитыми псалиями в поздненовочеркасских памятниках Причерноморья, которые относила, в соответствии с принятыми тогда представлениями, к первой половине VII в. до н. э.¹⁴² Эта датировка послужила главным основанием датировки погребения 74 некрополя Сиалк В, содержащего удила с напускными псалиями. Теперь, однако, И. Н. Медведская должна бы значительно удревнить свою дату этого погребения, поскольку находки из предскифских погребений в Причерноморье датируются сейчас (во всяком случае, ею) примерно на век раньше, в соответствии с общим удревнением раннескифской культуры¹⁴³.

Однако смена удил с напускными удилами с жесткокрепленными псалиями в Передней Азии может быть установлена и по самим переднеазиатским материалам, без использования причерноморских аналогий. Особую роль играют здесь сведения об урартской конской упряжи, существенно отличавшейся от закавказско-иранской узды. Развитие урартской упряжи можно проследить начиная примерно с рубежа IX–VIII вв. до н. э. Несмотря на то, что значительная часть урартских материалов происходит из грабительских раскопок и, соответственно, не может быть датирована по условиям находки, определить дату некоторых предметов можно по имеющимся на них надписям.

¹³⁶ Potratz 1966, 116–117, ср. Potratz 1941–1944, 14, 18–27.

¹³⁷ Potratz 1966, 123–124.

¹³⁸ Moorey 1980, 70–72, Nr. 227–230, fig. 10.

¹³⁹ Schmidt 1939, 49, fig. 30; Schmidt 1957, 100, pl. 78, 2–4; 79,

7–9. Ср. Muscarella 1988, 213–214, Nr. 324.

¹⁴⁰ Сводки находок см. Moorey 1980, 71–72; Muscarella 1988, 213–214.

¹⁴¹ Moorey 1971, 112, 127.

¹⁴² Медведская 1983, 61–64.

¹⁴³ Медведская 1992, 86–107.

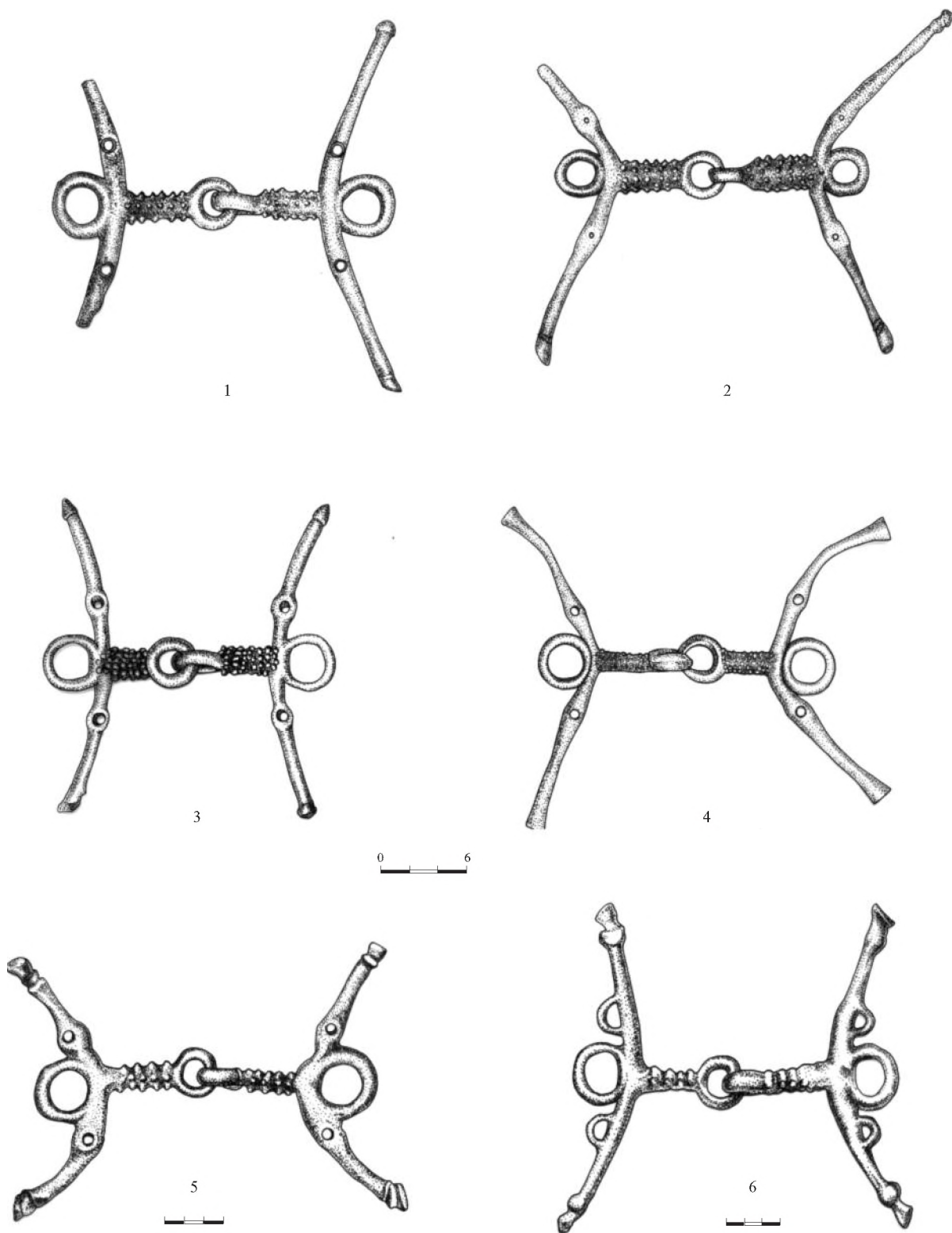

Рис. 86 Бронзовые удила персидского типа.

1. Персеполь; 2. Афины, слой персидского разгрома; 3, 4. Деве Хуюк; 5, 6. Место находки неизвестно, Киевский исторический музей
 По Muscarella 1988, 213, Nr. 324 (1); Yıldırım 1987, Abb. 35 (2); Moorey 1980, fig. 10, Nr. 227, 228 (3, 4); Титенко 1954, рис. 2, 3 (5, 6)

Наиболее ранней известной формой урартских удил были бронзовые удила с подвижными напускными псалиями, как правило с отогнутыми наружу концами («луковидные») и петлями для ремней узды, причем известны и железные экземпляры этого типа. По деталям оформления псалий различается несколько вариантов, существовавших одновременно¹⁴⁴. Среди удил этого типа имеется двенадцать экземпляров с надписями царя Менуа (около 810–785 гг. до н. э.): один из них обнаружен при раскопках Тейшебаини (*Рис. 87, 1*)¹⁴⁵, остальные происходят из грабительских раскопок и хранятся в различных музеях и частных собраниях в Турции и за ее пределами (*Рис. 87, 3, 4*)¹⁴⁶.

От этих удил по своей конструкции радикально отличаются удила с жесткокрепленными псалиями. В настоящее время известно три экземпляра таких удил, надписанных именем царя Сардури II (ок. 760–730 гг. до н. э.). Все три экземпляра принадлежат к одному типу, вне всякого сомнения, являющемуся развитием описанного выше типа удил эпохи Менуа, к которым они чрезвычайно близки по форме. Все известные удила этого типа биметаллические — с железными мундштуками жестко скреплены бронзовыми псалиями, на которые и нанесены надписи. Один экземпляр таких удил с надписью Сардури обнаружен вместе с другими предметами конского убора при раскопках Тейшебаини (из-за сильной коррозии сохранились лишь незначительные фрагменты мундштука) (*Рис. 87, 2*)¹⁴⁷, два других происходят из грабительских раскопок Азнавуртепе и хранятся в музее Аданы (*Рис. 87, 5*)¹⁴⁸. Два последних экземпляра, у которых сохранились мундштуки, показывают, что они имели форму скрученных прутьев. Кроме надписанного экземпляра, на Тейшебаини обнаружено еще одиннадцать пар удил того же типа без надписей¹⁴⁹.

Таким образом, все известные до сих пор датируемые надписями экземпляры урартских удил с напускными подвижными псалиями принадлежат эпохе Менуа, все с жесткокрепленными псалиями — эпохе Сардури II. Известны и переходные формы между этими двумя видами удил. Они имеют обычные для урартской узды псалии дуговидной формы с отогнутыми наружу концами, но не с тремя или четырьмя петлями, как в эпоху Менуа, а с двумя, как в эпоху Сардури (*Рис. 87, 6, 7*). Типологически эти удила стоят между удилами эпохи Менуа и Сардури II: их псалии по форме идентичны вторым, однако в них еще используется архаичный принцип напускных удил, что сближает их с первыми¹⁵⁰. К сожалению, все они происходят из грабительских раскопок и не имеют надписей, так что могут быть датированы лишь из типологических соображений. Можно предположить, следовательно, что переход от одной конструкции удил к другой в Урарту примерно соответствует периоду правления Аргишти I, царствовавшего между Менуа и Сардури II, т. е. первой трети VIII в. до н. э.

Этот вывод подтверждается и материалами раскопок Хазанлу IV. Среди многочисленных находок конской узды в его финальном слое (конец IX в. до н. э., см. ниже) обнаружен единственный экземпляр удил, цельнолитых с псалиями (*Рис. 80, 5*)¹⁵¹. По всем признакам эти удила представляют собой модификацию не удил с напускными псалиями, также найденных в четвертом слое Хазанлу, а кольчатых удил с отдельно изготовленными псалиями. Мундштуки, как и на большинстве удил этого типа из Хазанлу, имеют ложновитую форму; форма псалий практически совпадает с формой типичных для Хазанлу отдельно изготовленных псалий: они имеют вид стержней с одним загнутым концом. На этих

¹⁴⁴ Yıldırım 1987, 470–482.

¹⁴⁵ Ереван, Исторический музей Армении, №2010–77: Пиотровский 1955, 17, 43, рис. 34 (упоминается находка двух удил в группе бронзовых частей двух конских уборов с надписями Менуа; неясно были ли надписи на обоих удилах или на одном экземпляре); Пиотровский 1959, 155, рис. 23; Пиотровский 1970, №57; Yıldırım 1987, 470–471, Abb. 1.

¹⁴⁶ Yıldırım 1987, 471–473, Abb. 2–4, 6–10, ср. Gropp 1981, 95–96, 99–102, Taf. I a; Belli 1983, 373–386; Vanden Berghe, De Meyer, Overlaet, Haerinck, Tanret 1983, 146, Nr. 57–58; Özgen 1984, 101, fig. 25–26. Неучтенные в сводке Р. Йылдырма экземпляры: из собрания Форуги в Иране: Ghirshman

1966, 219 и из Нью-Йорка (Ariadne Galleries Inc.): Seidl 1991, 82, Nr. 31.

¹⁴⁷ Пиотровский 1970, №56; Vanden Berghe, De Meyer, Overlaet, Haerinck, Tanret 1983, 47, Nr. 59; Yıldırım 1987, 483, Abb. 24.

¹⁴⁸ Taşyürek 1975, 153, pl. XXXII c; XXXIV a, b; Yıldırım 1987, 483, Abb. 25, 26.

¹⁴⁹ Упомянуты: Мартиросян 1964, 217 (не опубликованы).

¹⁵⁰ Özgen 1979, 125, fig. 12–13; Özgen 1984, 101, fig. 24; Yıldırım 1987, 473–474, Abb. 11–13.

¹⁵¹ de Schauensee, Dyson 1983, 69–70, fig. 14; de Schauensee 1989, 47, fig. 17.

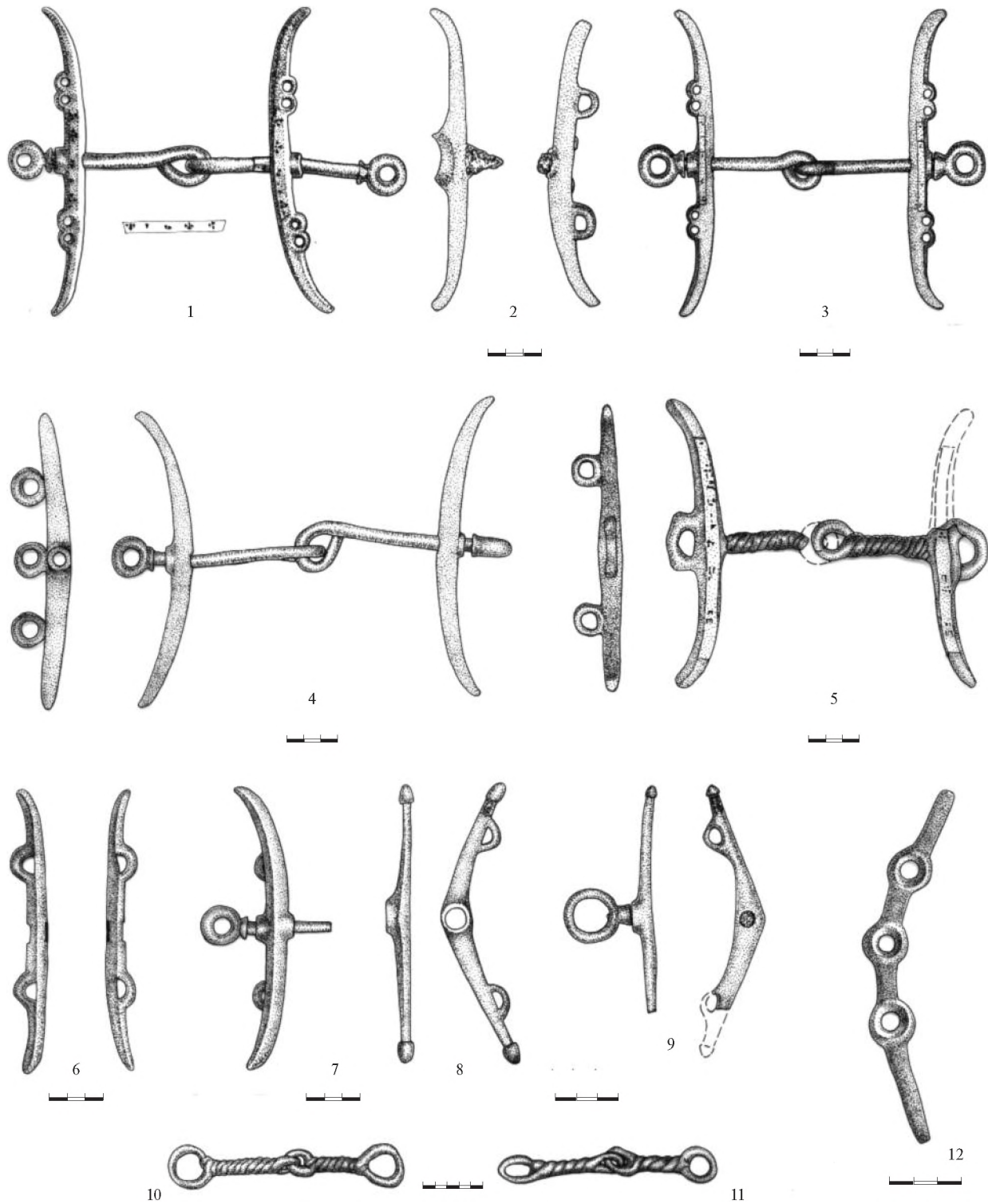

Рис. 87 Урартская конская узда.

1, 3, 4. Удила с надписью царя Менуа; 2, 5. Удила с надписью царя Сардури II; 6–12. Узда без надписей;
 1, 2. Кармир-Блур; 3, 8, 9. Музей Газиантепа; 4. Музей Вана; 5. Азнавуртепе;
 6, 7. Музей Элязыга; 10, 11. Музей Аданы; 12. Филадельфийский музей. 2, 5. Бронза и железо; остальное бронза
 По Пиотровский 1955, рис. 34 (1); Yıldırım 1987, Abb. 2, 6, 26, 24, 13, 11, 14, 15, 21, 44 (2–12)

концах имеются стилизованные головки животных, другой конец завершается расширением. Круглые отверстия псалий расположены в расширениях, центральное отверстие заменено кольцом для крепления повода, завершающим мундштук.

Таким образом, можно полагать, что на рубеже IX–VIII вв. до н. э. в районе Манны, занимавшей передовое положение в области коневодства, стали появляться первые экземпляры конских удил, цельнолитых с псалиями. Первоначально они воспроизводили широко распространенные к тому времени двучастные удила с кольчатыми окончаниями и скреплявшиеся с ними с помощью ремней трехдырчатые псалии с загнутым концом. Затем этот принцип конструкции узды распространился в соседнее Урарту, покорившее часть Манны, и, видимо, уже к началу второй трети VIII в. до н. э. вытеснил распространенный здесь ранее принцип свободного скрепления удил с псалиями. При этом новые урартские жесткоскрепленные удила продолжали, как правило, форму более ранних удил с подвижными напускными псалиями.

В Закавказье также известен ряд находок удил с напускными псалиями иных разновидностей, чем описанные выше удила арчадзорского типа. Часть из них обнаруживает сходство с урартскими удилами того же периода, что, возможно, объясняется урартским влиянием. Так, подобные удила были обнаружены в погребении у села Макаршен в Армении (*Рис. 88, 1*)¹⁵². Псалии этих удил имеют две петли, расположенные в перпендикулярной кольцу повода плоскости, как и у ряда других разновидностей закавказских, иранских и урартских удил. Они имеют дугообразную симметричную форму, сходную с формой псалий обычных урартских удил, но отличаются тем, что их концы отогнуты не наружу (от щек коня), а назад, т. е. в ту сторону, к которой крепятся петли. Удила этого типа, к сожалению, происходящие из грабительских раскопок, известны и на территории самого Урарту (хранятся в музее Газиантепа) (*Рис. 87, 8, 9*)¹⁵³. Концы их псалиев украшены изображениями фаллосов.

В состав макаршенского комплекса, кроме бронзовых удил, входило две круглых бронзовых бляхи выпуклой формы, завершающиеся «шишечкой»; с обратной стороны имеется петля (*Рис. 88, 2, 3*). Бляхи аналогичной формы входили в состав обнаруженного при раскопках Тейшебаини конского набора с надписями Менуа (такая надпись имеется и на одной из блях)¹⁵⁴. Однако подобные бляхи входили и в состав происходящего отсюда же конского набора с надписями Сардури II (его имя также нанесено на одну из блях)¹⁵⁵. Известен также и ряд других сходных блях, в том числе и надписанных именами урартских царей, начиная с Ишпуини, однако их форма более или менее отличается от найденных в Макаршене¹⁵⁶. Таким образом, форма блях не позволяет точнее датировать найденные в Макаршене удила. Неудачно их сопоставление с удилами из Тейшебаини, надписанными именем Менуа, которое предлагает А. А. Мартиросян¹⁵⁷: эти удила принадлежат к иному типу (см. выше). Еще дальше от них удила с именем Сардури из Тейшебаини (сопоставление их с макаршенским экземпляром также предлагается А. А. Мартиросяном). Как мы видели, они не только принадлежат иному типу, но и используют иной, более поздний, способ скрепления удил и псалий.

Два экземпляра бронзовых удил рассматриваемого типа были также обнаружены в погребении 1961 г. на западной окраине Кировакана (*Рис. 88*)¹⁵⁸. Их псалии, как и на урартских удилах из Газиантепского музея, завершаются изображениями фаллосов. Кроме удил, в состав комплекса входили бронзовые бляхи от конской узды того же типа, что и в погребении Макаршена, а также несколько колокольчиков. Колокольчики конусовидные, с железными язычками. Подобные колокольчики широко применялись в урартской узде и их находки хорошо известны¹⁵⁹. Для датировки таких колокольчиков особое значение имеет экземпляр, надписанный именем Сардури II¹⁶⁰. Однако, видимо, такие колокольчики применялись и в более раннее время — они входили в состав конского убора из Тейше-

¹⁵² Мартиросян 1964, 212, рис. 84, 1.

¹⁵³ Yildirim 1987, 474, Abb. 14, 15.

¹⁵⁴ Пиотровский 1955, 43–44, рис. 36, 37.

¹⁵⁵ Мартиросян 1964, 212; Пиотровский 1970, №56.

¹⁵⁶ См. Belli 1976–77, 177–192; Özgen 1984, 104–107.

¹⁵⁷ Мартиросян 1964, 212; Погребова 1984, 67.

¹⁵⁸ Мартиросян 1964, 213–217, таб. XXI, 19–20.

¹⁵⁹ Vanden Berghe, de Meyer 1983, Nr. 62–73; Özgen 1984, 110–111; Seidl 1991, Nr. 20, 45, 60, 61.

¹⁶⁰ Kellner 1987, 22, Taf. 24, 1. Колокольчики, надписанные именем Аргишти (Belli 1976–77, 204–205, Res. 11, Taf. 27–28) имеют более выпянутую форму.

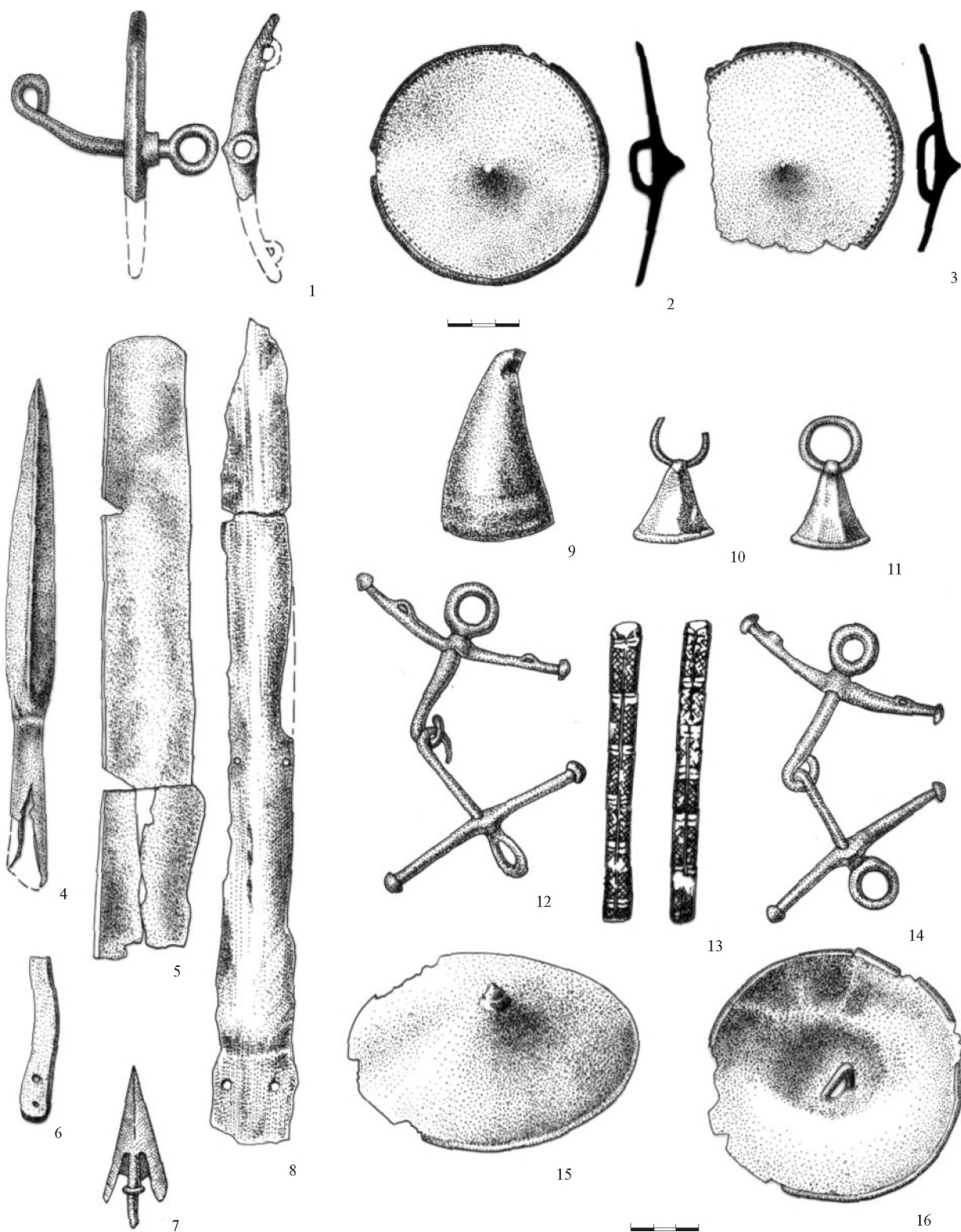
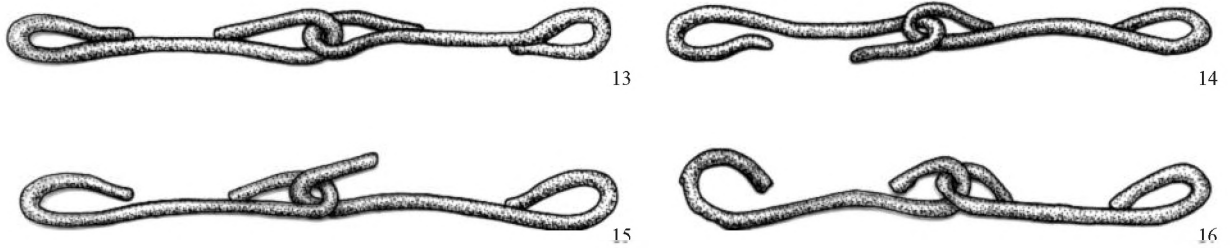
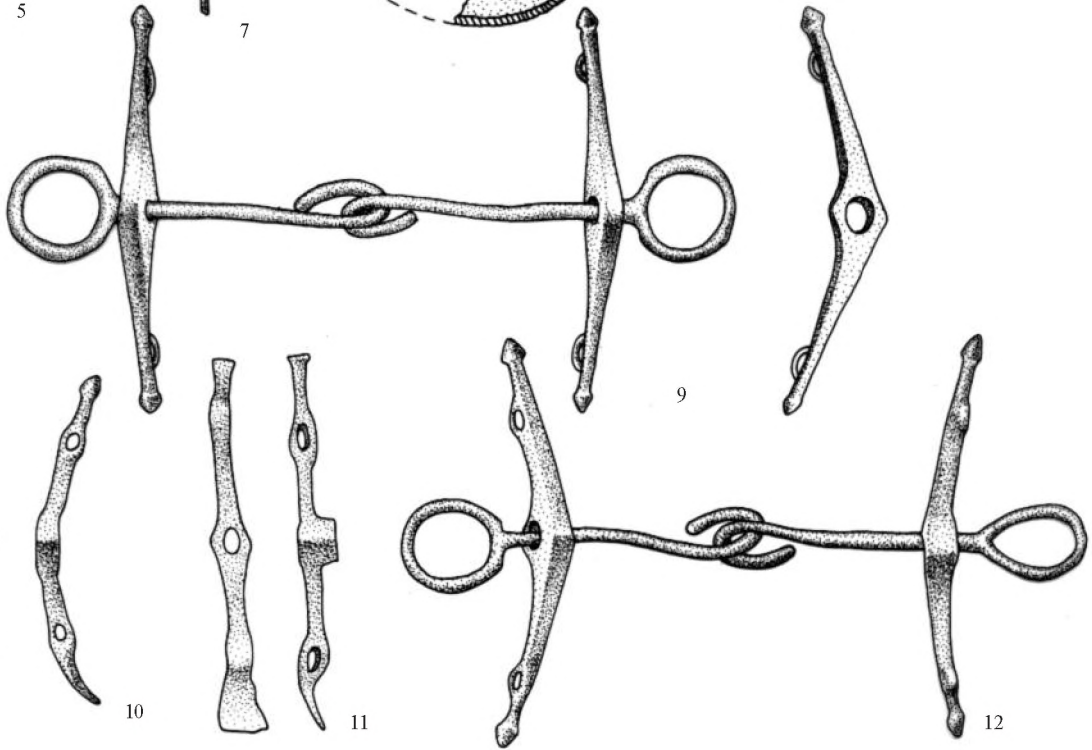
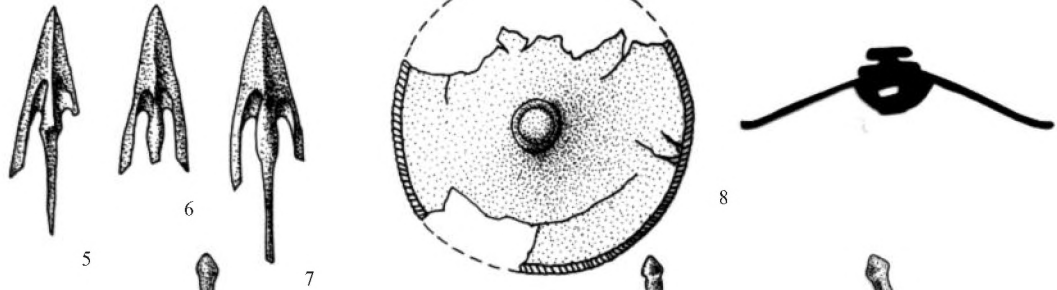
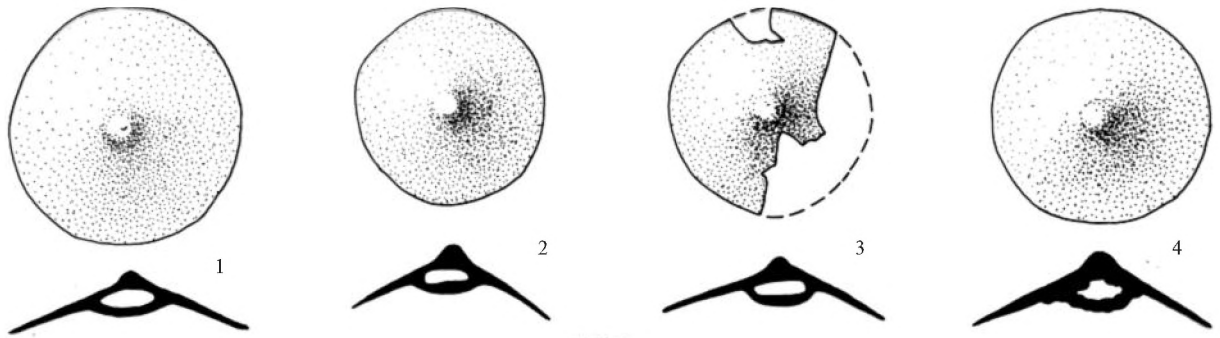

Рис. 88 1-3. Предметы конской узды из разрушенного погребения у с. Макаршен, Армения.
 4-16. Находки из погребения на западной окраине Кировакана, раскопки 1961 г. 1-3, 5, 7, 9-16. Бронза; 4, 6, 8. Железо
 По Мартиросян 1964, рис. 84 (1-3); таб. XXI (4-16)

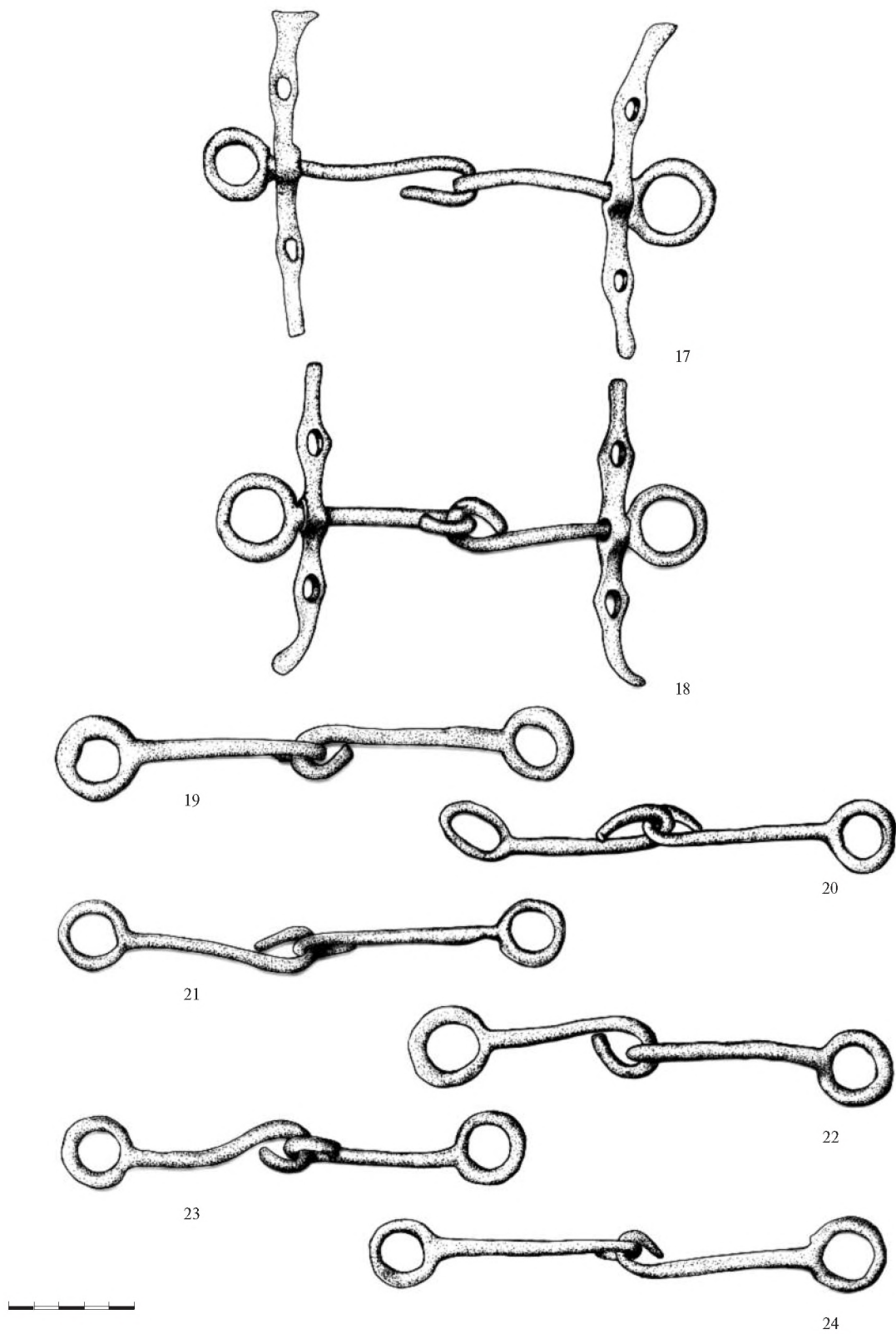

Рис. 89 Находки из «второго комплекса» святилища Мелаани, восточная Грузия. 1–12, 17–24. Бронза; 13–16. Железо
 По Pizchelauri 1984, Abb. 53–54

баины, часть предметов которого снабжена надписями с именем Менуа¹⁶¹. В состав комплекса кироваканского погребения, кроме предметов конской узды, входили также фрагменты типичных для урартских памятников серповидного железного ножа, железного наконечника копья и железного меча, а также бронзовые наконечники стрел характерной для этого периода формы и бронзовый пояс. В целом комплекс, как и макаршенский, достаточно уверенно может быть датирован первой половиной, скорее первой третью VIII в. до н. э. Что касается Ирана, то находки удил близкой формы здесь также известны. Так, они были обнаружены при грабительских раскопках некрополя Чешмех-Махи в Луристане¹⁶². К сожалению, сведения о комплексе, в котором были найдены эти удила, отсутствуют.

Известны находки таких удил и на территории Грузии. Так, псалий от таких удил обнаружен в составе клада бронзовых изделий из Нигозети¹⁶³. Два целых экземпляра входили в состав «второго комплекса» металлических предметов из воточногрузинского святилища Мелаани (*Рис. 89, 9, 12*)¹⁶⁴. Псалии обоих экземпляров завершаются фаллообразными окончаниями. Этот комплекс чрезвычайно интересен, так как свидетельствует о сосуществовании в центральном Закавказье нескольких типов конской узды. Кроме удил с напускными псалиями, в его состав входило десять бронзовых и пять железных удил с кольчатыми окончаниями, которые применялись с отдельно изготовленными псалиями. Кроме того, здесь же представлены удила с дырчатыми напускными псалиями, которые продолжают «арчадзорский» тип. Они отличаются от ранних образцов тем, что псалии имеют форму не прямых стержней, а загнуты с одной стороны. Некоторые из них с другой стороны имеют расширение в форме плоской шляпки. Кроме удил, в тот же комплекс входили бронзовые бляхи, совершенно аналогичные найденным в Макаршене, бронзовые и железные наконечники стрел характерного для Закавказья типа, бронзовые пластины пояса, железный нож (*Рис. 89*). Комплекс святилища Мелаани не имеет узкой даты — святилище использовалось на протяжении нескольких столетий и было разрушено, видимо, в VII в. до н. э.¹⁶⁵ Удила сходного типа обнаружены также в погребении 19 могильника Набагреби близ Мцхеты¹⁶⁶. Инвентарь погребения, кроме бронзовых предметов узды (бронзовые бляхи-фалары, палочки-застежки) включает также характерный бронзовый меч, железный кинжал, бронзовые статуэтки оленей, фибулу и др. (*Рис. 90*). Фибула принадлежит к раннему типу с симметричной дугой почти без утолщения и слабо расширенным приемником, которая характерна для горизонта Tii C alt по хронологии Г. Коссака¹⁶⁷. По составу инвентаря комплекса, видимо, может быть датирован около X–IX вв. до н. э. Вероятно, к той же эпохе относится фрагментированный псалий из погребения 46 могильника Так-Килиса (Триалети), который, в отличие от предыдущих, имеет уплощенное окончание (*Рис. 67, б*)¹⁶⁸. Известны в Грузии и находки удил с жесткоскрепленными псалиями, например в составе клада из Мехчис-Цихе (бывшая Карсская область), где бронзовый псалий таких удил был найден вместе с набором бронзовых топоров, типичных как для восточнокавказского, так и западнокавказского регионов (*Рис. 91*)¹⁶⁹. Судя по этой находке, клад вряд ли может быть датирован раньше второй половины VIII в. до н. э.

Наконец, следует упомянуть чрезвычайно интересный комплекс из погребения 16 могильника Трели II, раскопанного на территории Тбилиси (*Рис. 92*)¹⁷⁰. Это погребение, кроме прочего инвентаря, содержало 15 пар конских удил с напускными псалиями различных типов, часть из которых изготовлена целиком из бронзы, а часть имеет железные мундштуки и бронзовые псалии. Среди них имеется двое удил, близких удилам из Макаршена и Кировакана. Еще пять экземпляров также имеют псалии, снабженные двумя петлями, один конец которых отогнут, образуя подобие зооморфной головки. Другие

¹⁶¹ Пиотровский 1955, 43–46.

¹⁶² Maleki 1964, 17, pl. VIII, 1.

¹⁶³ Абесадзе, Бахтадзе, Двали, Джапаридзе 1958, таб. XX, 1–7; Воронов 1980, рис. 2, 57.

¹⁶⁴ Pizchelauri 1984, 66–68, Abb. 53–54.

¹⁶⁵ Пицхелаури 1979, 54–57.

¹⁶⁶ Апакидзе, Николаишвили, Мелитаури, Сихарулидзе, Садрадзе 1982, 206–208, 216, рис. 1575–1592.

¹⁶⁷ Kossack 1983, 111.

¹⁶⁸ Куфтин 1941, 58, рис. 56.

¹⁶⁹ Мартиросян 1964, 125 (датирует концом XII–XI вв.); Коридзе 1965, 37–38, 154, рис. 30 (датирует X–VIII вв.); Воронов 1980, 203–204 (датирует второй половиной VIII–VII вв. до н. э.).

¹⁷⁰ Abramischwili 1995a, 23–30, Abb. 1–11.

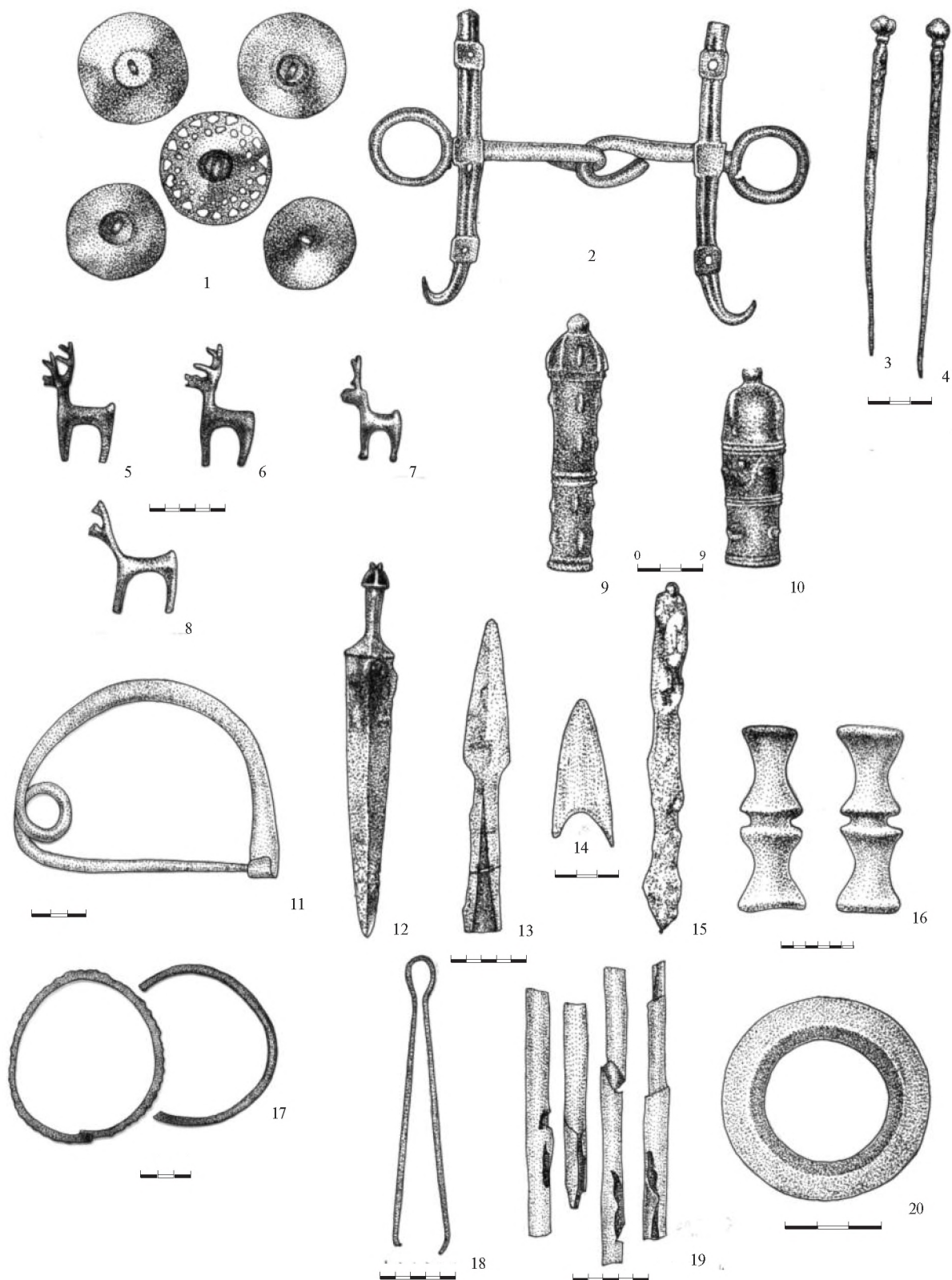

Рис. 90 Инвентарь погребения 19 могильника Набагреби близ Мцхеты, Грузия. 13, 15. Железо; остальное бронза
По Апакидзе, Николаишвили и др. 1982, рис. 1576–1582

три экземпляра имеют аналогичное оформление окончаний псалий, однако петли на них заменены круглыми отверстиями. Эти удила близки удилам, обнаруженным в Мелаани. Наконец, еще три экземпляра сходны с удилами арчадзорского типа. Все эти типы удил использовались, следовательно, в данном регионе одновременно в течение какого-то промежутка времени. В том же погребении обнаружены и другие элементы конской узда, аналогичные обнаруженным в упомянутых комплексах. Это бронзовые бляхи, завершающиеся шишечкой и имеющие петлю с обратной стороны и бронзовые конусовидные колокольчики с железными язычками. Близки к кироваканским и наконечники стрел и копья. Исходя из близости инвентаря, данное погребение может быть примерно синхронизировано с указанными выше комплексами. Не исключено, однако, что оно датируется несколько раньше, поскольку его инвентарь обнаруживает определенное сходство с инвентарем Мингечаурских курганов. Данное погребение занимает, видимо, промежуточное положение между Мингечаурскими курганами и комплексами Макаршена и Кировакана и относится, вероятно, к рубежу IX–VIII или началу VIII в. до н. э.

Автор публикации погребения синхронизирует его с большой группой памятников, которые, в свою очередь, по его мнению одновременны. Это Мингечаурские курганы, погребение из Хазанлу, курган 2 у Ходжалы, погребения некрополя Сиалк В, Малый курган в Мильско-Карабахской степи и др. Перечисленные памятники в самом деле имеют между собой некоторые общие черты, однако, как уже говорилось, обнаруживают существенные хронологические различия и не могут считаться одновременными. Что касается погребения из Хазанлу, то ссылка на него вообще не может быть принята во внимания из-за отсутствия достоверной информации о сделанных в нем находках (см. ниже). Совершенно безосновательны попытки обнаружить в рассматриваемом погребении скифские черты¹⁷¹: курганные погребения с деревянными конструкциями, конские и человеческие захоронения, сопровождающие основное погребение, как и остатки поминок, вовсе не являются специфически скифскими чертами и известны в большом количестве культур самого разного времени. Ни одного предмета скифского облика в погребении не обнаружено и оно вне всякого сомнения предшествует формированию этой культуры. Что касается абсолютной датировки погребения 16 могильника Трели II, то Р. Абрамишвили относит его, как и другие памятники, которые он с ним синхронизирует, к VII в. до н. э. При этом он полностью следует за А. И. Тереножкиным, не приводя новых аргументов в пользу его датировки Мингечаурских курганов. Об ошибочности этой датировки уже говорилось выше. Небольшие доказательной силы имеют и ссылки на историческую ситуацию, под которой подразумеваются походы киммерийцев и скифов в Закавказье. Автор исходит здесь из предположения о том, что названное погребение оставлено киммерийцами или скифами, для чего, как уже указывалось, нет никаких оснований: степные элементы в нем отсутствуют и инвентарь имеет вполне закавказский облик.

Возвращаясь к удилам с напускными псалиями, следует заметить, что они, возможно, использовались в Закавказье несколько дольше, чем в Урарту, однако, видимо, не намного и выходят из употребления еще в пределах VIII в. до н. э. Во всяком случае, ни одного комплекса с удилами этого типа второй половины VIII–VII вв. до н. э. в Закавказье неизвестно.

Все датированные урартские удила более позднего времени, чем эпоха Сардури II, принадлежат двум типам — или с жесткоскрепленными, или с отдельными псалиями. Ни одного экземпляра удил с напускными псалиями второй половины VIII–VII вв. до н. э. в Урарту и на прилегающих территориях неизвестно; они, очевидно, были полностью вытеснены удилами с жесткоскрепленными псалиями. В этой связи интересны материалы, обнаруженные в третьей гробнице Алгынтепе (*Рис. 100*). Эта гробница, очевидно, принадлежавшая местному правителю, бывшему современником урартского царя Аргишти II (714 — около 685 гг. до н. э.), надежно датируется по найденным в ней предметам с надписями¹⁷². Она содержала среди другого инвентаря по меньшей мере шесть наборов конской узда, что позволяет составить достаточно полное представление об урартской узде эпохи Аргишти II¹⁷³. Из этих шести наборов у четырех удила жестко скреплены с псалиями, а у двух — изготовлены отдельно; ни одного экземпляра удил с напускными псалиями в гробнице не обнаружено.

¹⁷¹ Abramischwili 1995a, 32–33.

¹⁷³ Özgüç 1989, 409–419.

¹⁷² Özgüç 1961, 274; Özgüç 1969, 68–74.

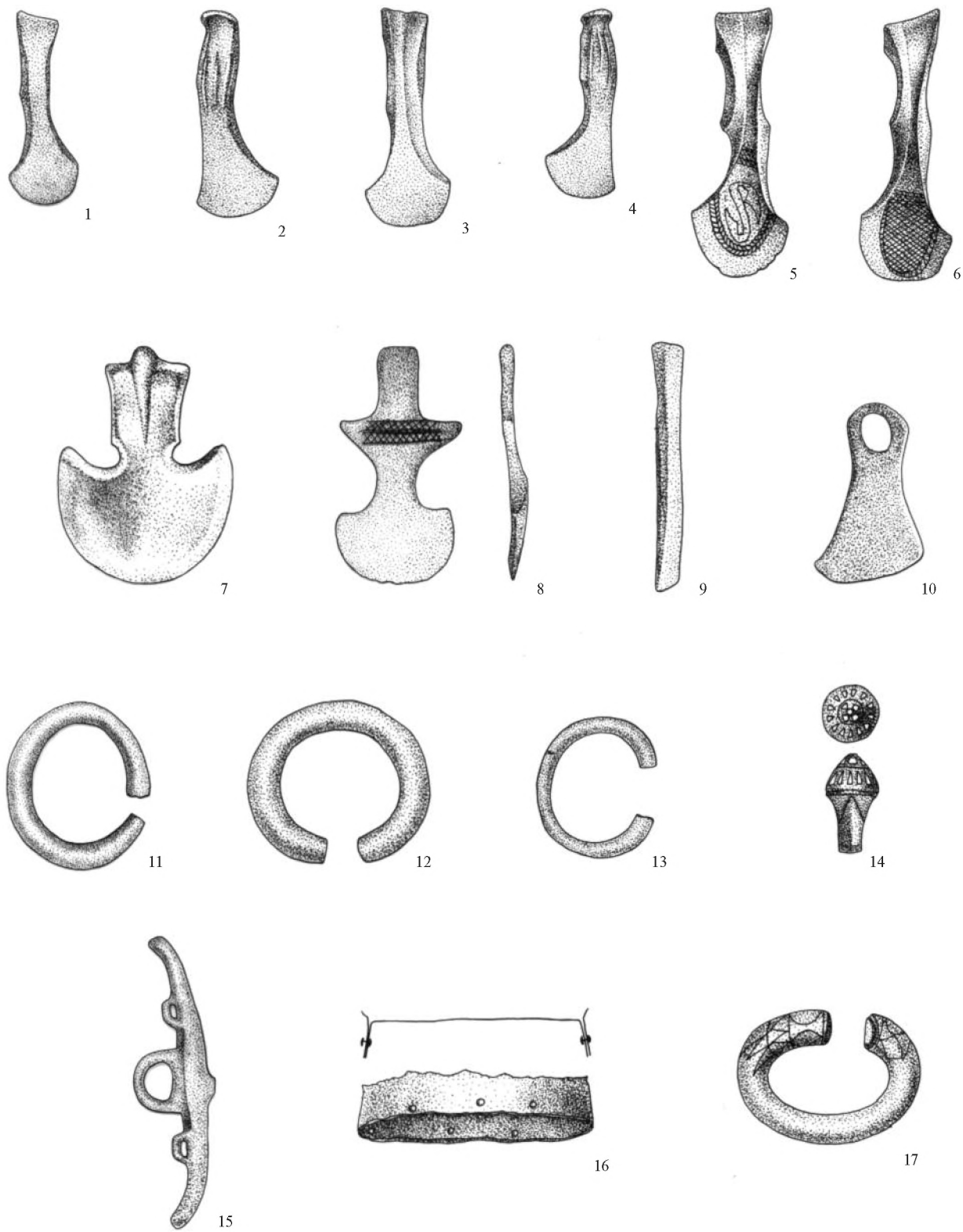
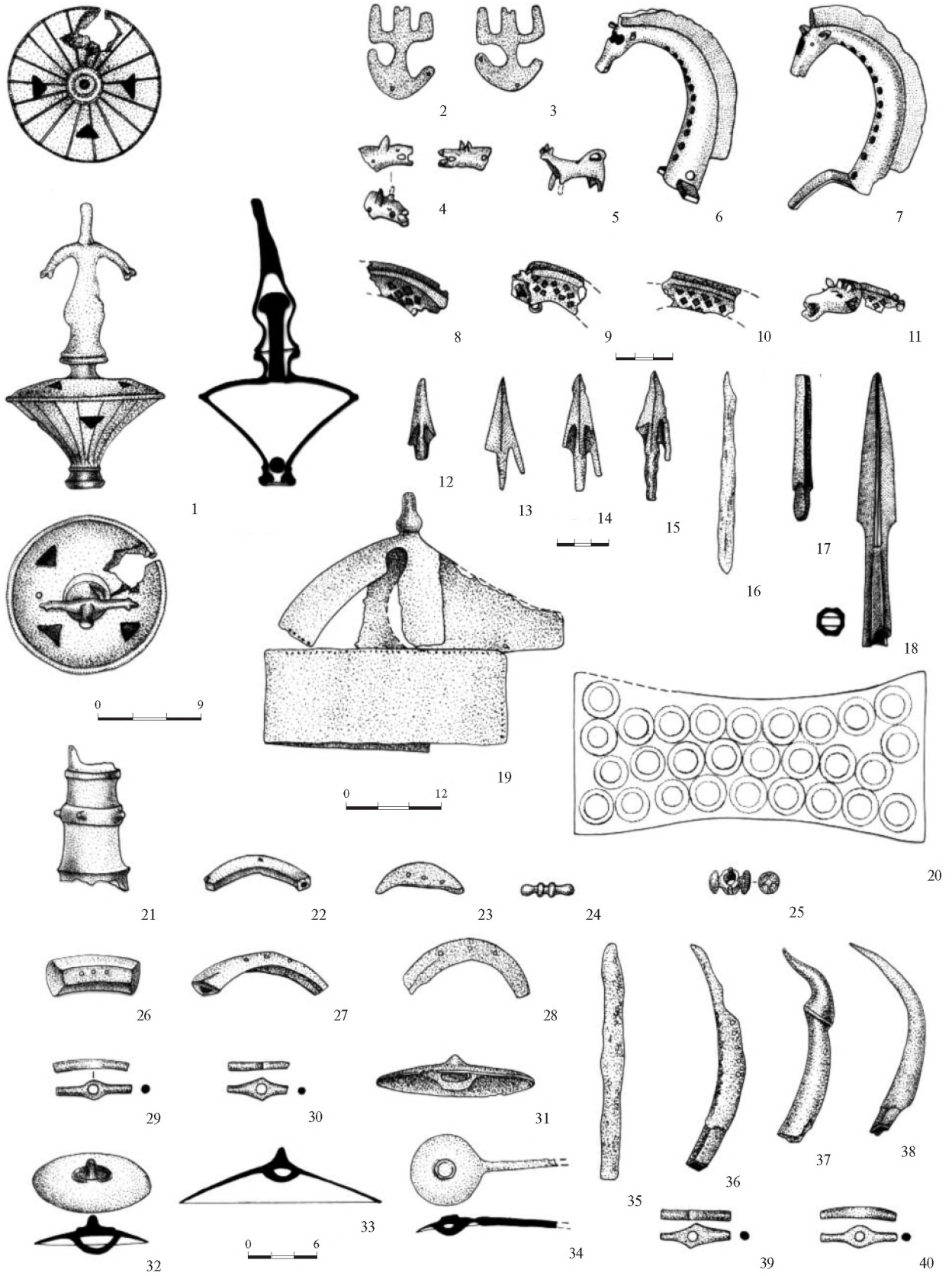

Рис. 91 Клад бронзовых изделий из Мехчис-Цихе, Грузия
По Коридзе 1965, рис. 30

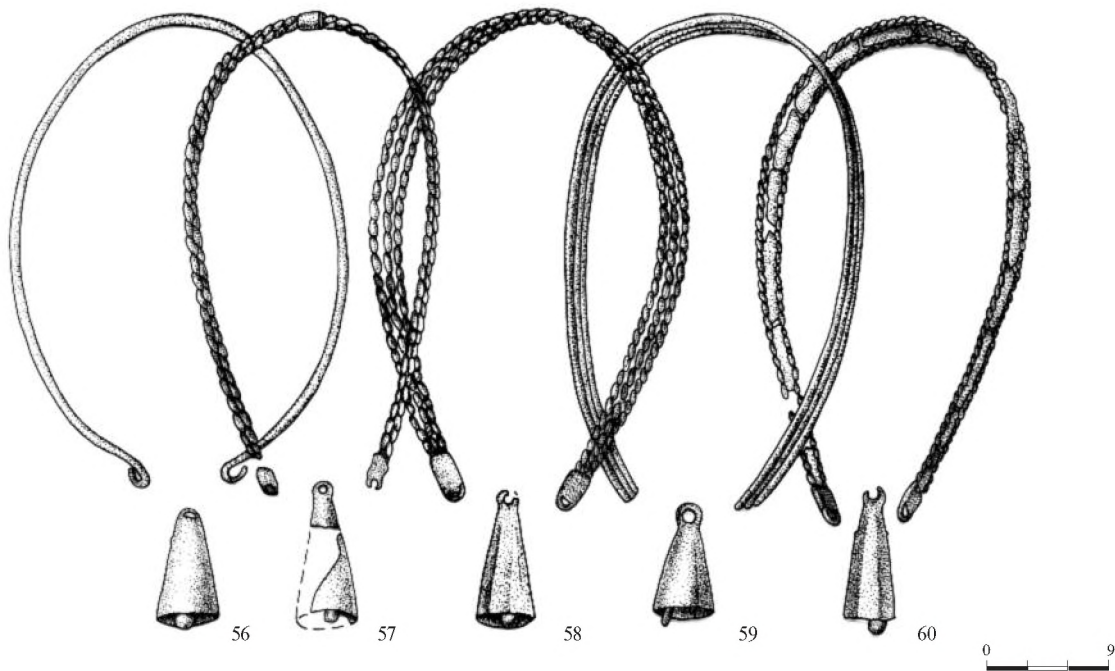
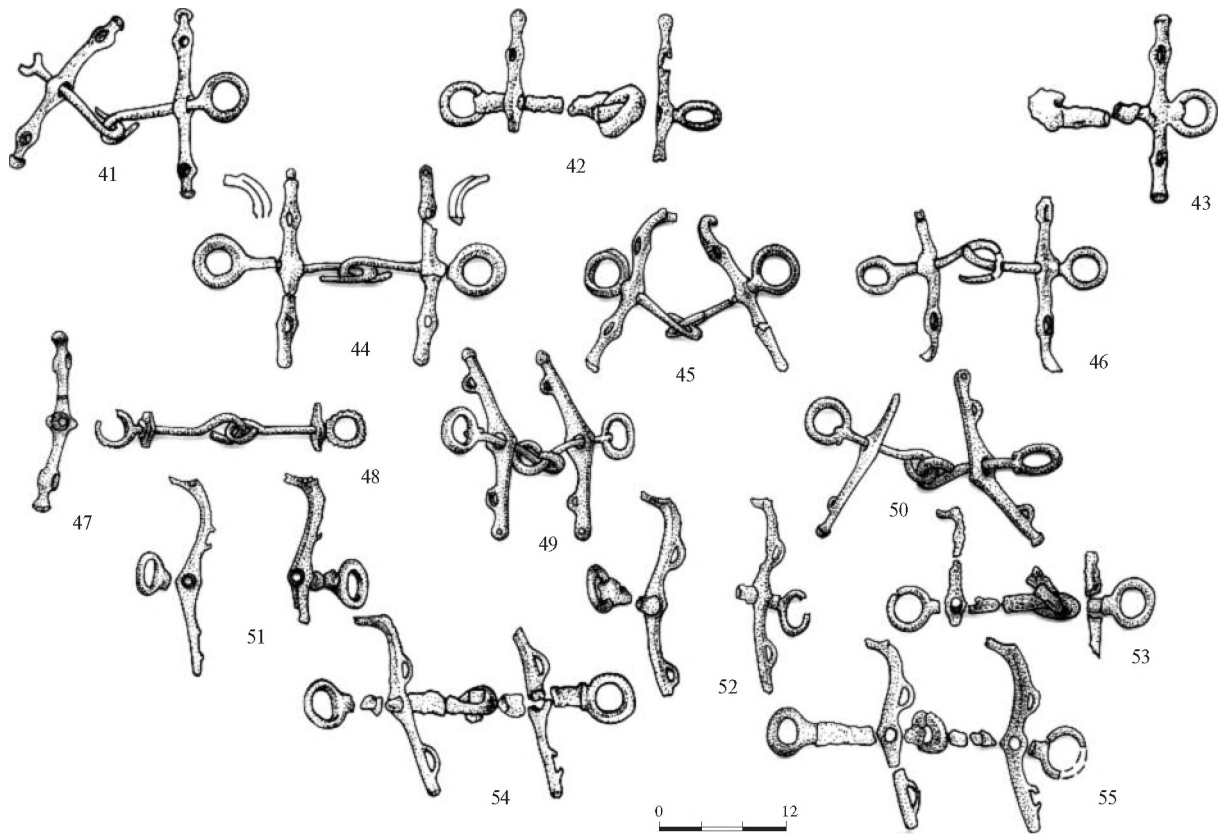

Рис. 92 Инвентарь погребения 16 могильника Трели II в Тбилиси.
 1–15, 18–21, 25, 29–34, 39–41, 44–50. Бронза; 16, 35. Железо; 17, 22–24, 26–28, 36–38. Кость; 42, 43, 51–60. Бронза и железо
 По Abramischwili 1995a, Abb. 1–6

Итак, первые образцы жесткокрепленных с псалиями удила появляются в конце IX в. до н. э. (Хазанлу IV). Некоторое время они сосуществуют с удилами с напускными псалиями, а затем, видимо, к началу второй трети VIII в. до н. э., вытесняют их. Переход к удилам с жесткокрепленными от удила с напускными псалиями, таким образом, произошел в первой трети VIII в. до н. э. В Урарту и вообще в Передней Азии, как и в Закавказье, неизвестны удила с напускными псалиями, определенно датированные позже этой даты. Единственным исключением является Кипр, где еще в VII в. до н. э. сохранялась архаичная форма удила с напускными пластинчатыми псалиями, наследующая микенские традиции, хотя они изготавливались в это время обычно уже из железа. Косвенным подтверждением полного перехода к удилам с жесткокрепленными псалиями является то, что в ахеменидское время во всей Передней Азии использовались удила именно этого типа (Рис. 86)¹⁷⁴.

Однако само представление о том, что любые найденные в Европе удила с жесткокрепленными псалиями — переднеазиатские по происхождению (или переднеазиатской является их «идея», по терминологии В. Р. Эрлиха), противоречит имеющимся данным. Х.-Г. Хюттель совершенно справедливо отверг мнение Й. Потраца о том, что этот способ скрепления удила и псалий происходит с Северного Кавказа¹⁷⁵. Он отметил при этом, что удила из клада в Белине (Трансильвания, Румыния), жесткокрепленные с псалиями (Рис. 93, 1), относятся ко времени, более раннему, чем подобные датированные находки из кавказского и переднеазиатского региона. Клад Белина относится к эпохе поздней бронзы I (ступень Рогод — Сентеш), что примерно соответствует периоду На В1, т. е. примерно X — началу IX в. до н. э.¹⁷⁶ Впрочем, такой способ скрепления удила и псалий не имеет в Европе ни прототипов, ни непосредственных продолжений, хотя сами псалии принадлежат хорошо известному в средневропейско-карпатском регионе типу. Аналогичный способ крепления применен и в костяных удилах из приозерного поселения в Грансоне (кантон Во, Швейцария), точная дата которых неясна (поздняя бронза) (Рис. 93, 2)¹⁷⁷. В названных случаях речь идет, вероятно, об экспериментировании — мы имеем здесь дело с единичными экземплярами, сформировавшимися на основе распространенных местных типов и не имевших продолжения. Впрочем, один из экземпляров псалий, обнаруженных в том же озерном поселении на берегу Нешательского озера¹⁷⁸ (Рис. 93, 3) показывает, что многочисленные костяные псалии бронзового века с крупным центральным отверстием из этого региона принадлежали, вероятно, именно удилам, жесткокрепленным с псалиями. Их грызла изготавливались из дерева и вставлялись в центральное отверстие псалий; в упомянутом экземпляре остатки грызла из дерева еще сохранились в центральном отверстии псалия. Так что нельзя исключать и того, что принцип жесткого скрепления удила с псалиями широко использовался в альпийском регионе уже в бронзовом веке, когда такие удила изготавливались из кости и дерева.

В любом случае металлические удила с жесткокрепленными псалиями хорошо известны на территории Европы в более позднее время. Здесь выделяется целая группа таких удила, которая была распространена в альпийском регионе (Арноальди (Северная Италия), Пфаттен (Вадена, Южный Тироль), Мериген (Бьеннское оз.), Корселет (Нешательское оз.), Цюрих-Альпенке и др.) и Венгрии (Угра, Фюгод, последние железные) (Рис. 93, 4–6; 94, 1–3)¹⁷⁹. Удила этой группы появляются в пределах периода На В3 (примерно конец IX — первая половина VIII в. до н. э.) и используются в течение следующего периода На С1. Таким образом, хронологически появление и распространение металлических

¹⁷⁴ Сводку находок см. Moorey 1980, 71–72. Ср. также три экземпляра неучтенных в сводке бронзовых удила этого типа, которые хранятся в Киевском историческом музее. Один происходит из кургана у с. Лубны Полтавской области (№ Б 611), место находки двух других неизвестно (из коллекции Темницкого, № Б 1281, Б 343): Титенко 1954, 77–78, рис. 1–3 (с неверной датировкой VII в. до н. э.). На одном из экземпляров отверстия на псалиях заменены петлями; псалии завершаются изображениями копыт с обеих сторон (Рис. 86, 5, 6). См. еще находку удила этого типа на Туренг Тепе (Иран): Besenval 1982,

177–178, pl. I (разновидность с прямыми псалиями, удила трехчастные).

¹⁷⁵ Hüttel 1981, 145–146.

¹⁷⁶ Petrescu-Dîmbovița 1978, 92–97, 140, Nr. 213, Taf. 226; Hüttel 1981, 144–147, Taf. 20, 216–217, с литературой.

¹⁷⁷ Hüttel 1981, 122, Taf. 16, 165.

¹⁷⁸ Hüttel 1981, 123, Taf. 16, 169.

¹⁷⁹ Balkwill 1973, 431–433, 441–443, fig. 3; 4; Hüttel 1981, 161–167; Chochorowski 1993, 72–78.

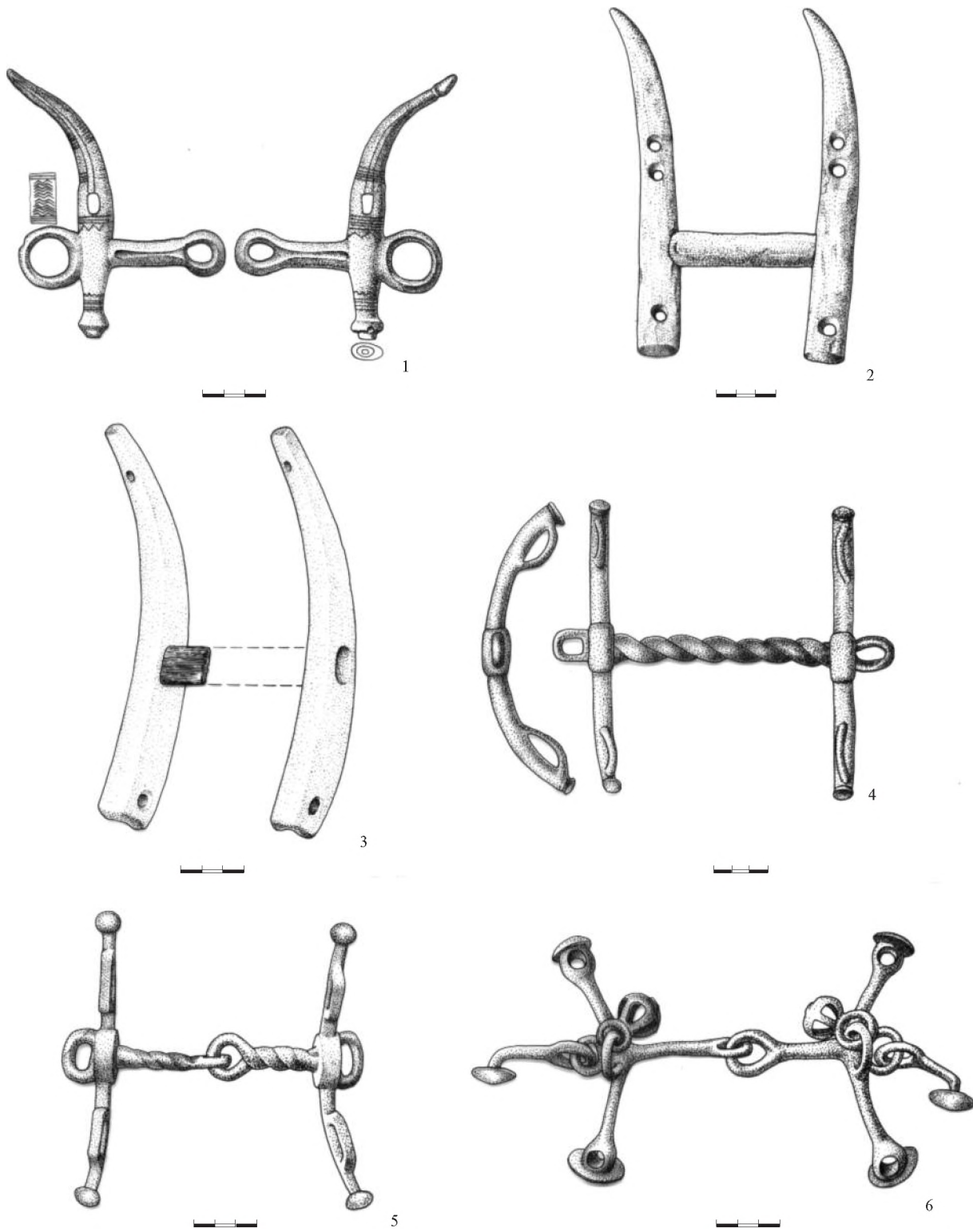

Рис. 93 Удила.

1. Белин (Румыния); 2, 3. Грансон (Швейцария); 4. Корселег (Швейцария);
 5. Мериген (Швейцария); 6. Цюрих-Альпенке (Швейцария). 1, 4–6. Бронза; 2. Кость; 3. Кость и дерево
 По Hüttel 1981, Taf. 20, 216–217; 16, 165, 169 (1–3); Balkwill 1973, fig. 2, 24A (5); 3, 25A, 26 (4, 6)

удил с жесткокрепленными псалиями в закавказско-иранском и центральноевропейском регионах примерно совпадают. В обоих случаях удила с жесткокрепленными псалиями формируются на основе местных прототипов — удила с отдельными или напускными псалиями. Можно было бы поэтому предположить независимое развитие в двух регионах, приведшее к сходному результату. Однако, как мы видели, в двух соседних переднеазиатских регионах, несомненно имевших тесные контакты между собой, в Урарту и северном Иране, наблюдается та же картина — они примерно одновременно переходят к узде с жесткокрепленными псалиями, причем новый тип формируется на основе местных прототипов, а не просто заимствуется у соседей. Нельзя поэтому исключать и какой-то связи между появлением узды с жесткокрепленными псалиями в Передней Азии и Центральной Европе. Однако, если это так, подобный тип узды должен был распространиться и на промежуточной территории.

В самом деле, такие экземпляры на этой территории известны. Один экземпляр удила с жесткокрепленными псалиями, завершающимися изображениями головок животных (коней), происходит из Верхнекобанского могильника (Рис. 94, 4). Псалии трехпестельчатые, один из них был отломан в древности и починен путем отливки дополнительного кольца, в которое был вставлен отломанный псалий¹⁸⁰. К сожалению, о комплексе, откуда происходит данный экземпляр, ничего неизвестно. Удила этого типа остаются изолированными в северокавказском регионе, однако по некоторым своим чертам они сближаются с закавказско-иранской традицией. Именно для этой традиции характерно украшение обоих концов псалий головками животных. Среди удил с этим видом орнамента известны как типы с петельчатыми напускными¹⁸¹, так и с дырчатыми и петельчатыми жесткокрепленными псалиями¹⁸² (Рис. 94, 5, 6). Учитывая изолированность данного экземпляра на Северном Кавказе, можно предполагать его прямой импорт из закавказско-переднеазиатского региона. Это предположение подтверждается происхождением удил из могильника Кобанской культуры. Носители Кобанской культуры, существовавшей на Центральном Кавказе непрерывно примерно с XIV до начала IV в. до н. э., населяли оба склона Кавказского хребта. Именно они в течение всего этого периода контролировали удобные проходы Центрального Кавказа, соединявшие Закавказье с Предкавказьем и далее с причерноморскими степями. Культурный и торговый обмен между двумя регионами, осуществлявшийся, очевидно, в основном именно через эти горные проходы, таким образом, в значительной мере проходил через посредничество кобанского населения. Неудивительно поэтому, что степные предметы (например, скифские) в значительном количестве найдены в памятниках не только Северного Кавказа, но и кобанских памятниках южного склона (Гли) и в прилегающих к нему районах (Самтавро). В то же время находки переднеазиатских предметов с самого раннего времени известны на северном склоне Кавказа именно в памятниках Кобанской культуры. В качестве примера ранних находок переднеазиатского типа в зоне распространения Кобанской культуры на Северном Кавказе можно назвать, например, гематитовую печать хурритского типа¹⁸³, которая датируется XIV–XIII вв. до н. э. Кроме того, именно из могильников Кобанской культуры (Фаскау, Кумбулта, Верхняя Рутха) происходят редчайшие на территории к северу от Кавказского хребта находки переднеазиатских (иранских) кинжалов с рамочной рукоятью (вторая половина II тыс. до н. э., не позже IX в. до н. э.)¹⁸⁴.

Если удила из Верхнекобанского могильника можно отнести к переднеазиатским импортам (или подражаниям им), то иначе обстоит дело с другой разновидностью удил с жесткокрепленными псалиями, происходящих из Северного Причерноморья. Сводка находок подобных удил на юге Восточной Европы была недавно опубликована В. Р. Эрлихом¹⁸⁵. Он насчитывает восемь находок таких удил, четыре из которых происходят с Северного Кавказа (Чишко, Майкоп, Краснодар), три — из днепров-

¹⁸⁰ Уварова 1900, 31, рис. 36; Иессен 1953, 93–94, рис. 26; Dietz 1998, 169, Nr. 625, Taf. 44.

¹⁸¹ Potratz 1941–1942, 172, 174, Abb. 5–6; Gadd 1952, 12, pl. III; Potratz 1966, 137, Abb. 59 a–b, Taf.-Abb. 131; Vanden Berghe 1983, 180, Nr. 222.

¹⁸² Özgüç 1961, 272, fig. 17; Azarpay 1968, pl. 22; Jantzen 1972, 64–65, Taf. 61, B 95; Yıldırım 1987, 485, Abb. 31; Özgüç 1989,

410, pl. I, II a–c.

¹⁸³ Уварова 1900, 324, таб. CXXVII, 47; ср. Ward 1910, 305, fig. 955; Флиттнер 1939, 21–42; Barnett 1963, 190.

¹⁸⁴ Крупнов 1951, 66, рис. 25, 1–3; Погребова 1977, 34–36, таб. I, 3,4,8,10.

¹⁸⁵ Эрлих 1994, 85–86. Ср. Dietz 1998, 162–166, Nr. 616–621, Taf. 41–42.

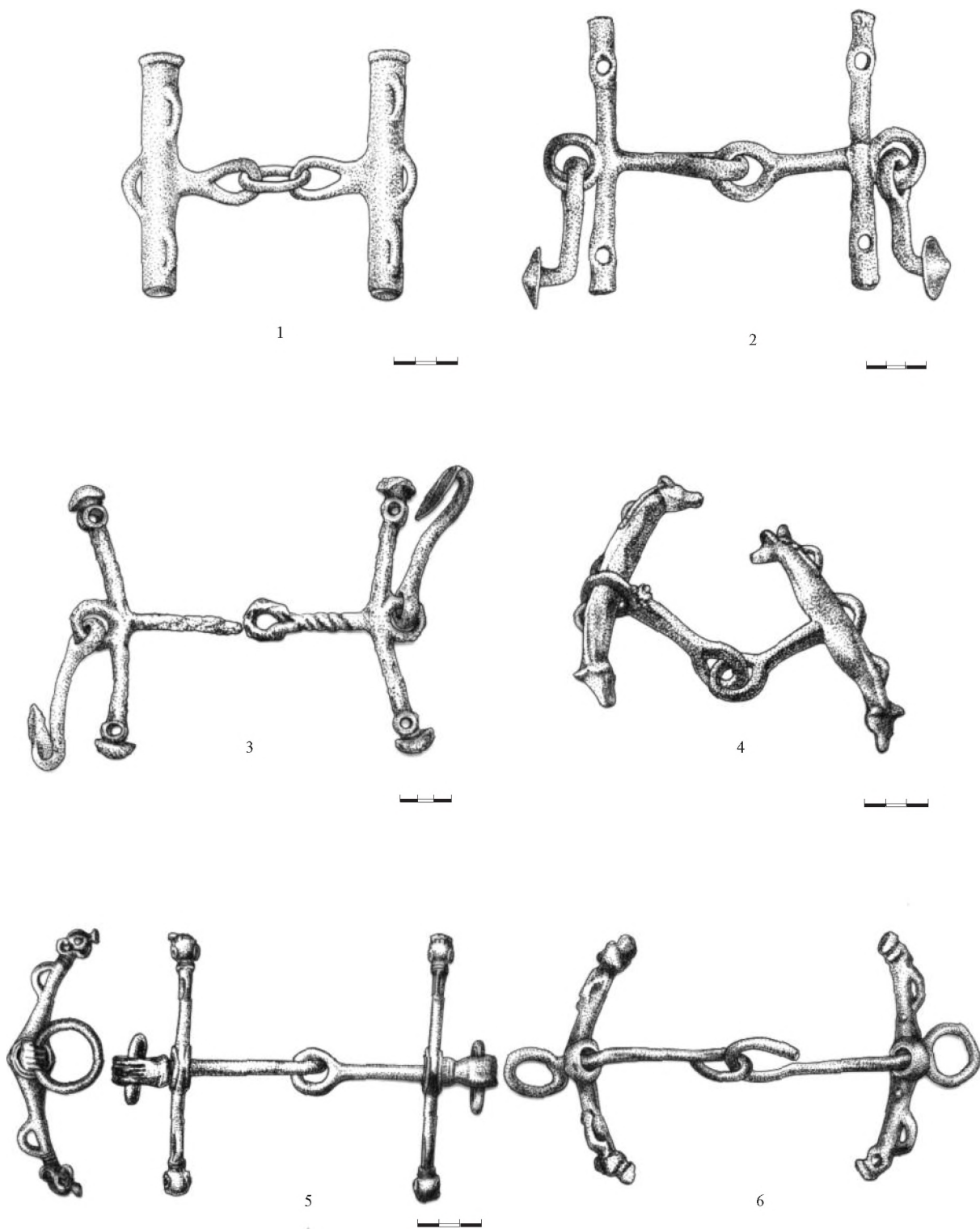

Рис. 94 Удила.

1. Арноальди (Северная Италия); 2. Угра (Венгрия); 3. Фюгод (Венгрия);

4. Верхнекобанский могильник; 5, 6. Иран, место находки неизвестно. 3. Железо; остальное бронза

По Balkwill 1973, fig. 4, 29 (1); Gallus, Horváth 1939, pl. XIII, 2 (2); Chochorowski 1993, Abb. 41 (3); Иессен 1953, рис. 26 (4);

Potratz 1966, 137, Abb. 59 a-b (5); Potratz 1941-1942, 175, Abb. 6 (6)

ской лесостепи (Теремцы, Константиновка 376, Кировоградский музей) и один из Болгарии (Енджа). В. Р. Эрлих справедливо отмечает, что данный тип удила сложился на основе узды новочеркасского типа, о чем свидетельствует как форма псалиев с загнутой лопастью, обычная для новочеркасских псалиев, так и два отверстия на окончаниях удила, восходящие к обычным новочеркасским удилам. К сожалению, далеко не все названные удила происходят из комплексов. Экземпляры из Майкопского района (с дополнительными звеньями)¹⁸⁶, с окраины Краснодара¹⁸⁷, из села Теремцы¹⁸⁸ и из Кировоградского музея¹⁸⁹ (Рис. 95, 1, 2) являются случайными находками. В нашем распоряжении, таким образом, имеется три комплекса, содержащих удила этого типа (Константиновка, курган 376; Енджа, курган 2, погребение 1, и Чишхо). Два первых комплекса давно известны и всегда считались яркими представителями переходного этапа от предскифского к раннескифскому периоду (Рис. 96)¹⁹⁰. Они, видимо, относятся ко времени лишь ненамного более раннему, чем курган Жаботин 524, опорный памятник первого, жаботинского периода, раннескифской культуры. Найденный в кургане Енджа колчаный набор, включающий 52 бронзовых наконечника стрел, состоял в основном из двухлопастных наконечников удлинненно-ромбических очертаний, представляющих собой ранний вариант наконечников «жаботинского» типа (т. е. уже раннескифских). Кроме того, здесь найдено два трехлопастных наконечника, схожих с раннескифскими. В погребении кургана 376 у села Константиновка обнаружено два трехлопастных железных наконечника сходной формы. Остальные найденные в обоих комплексах предметы (керамика, железный меч, золотая диадема) также свидетельствуют о переходном характере этих памятников от предскифской к раннескифской культуре и об их хронологической близости, при несколько большей архаичности, к памятникам жаботинского этапа¹⁹¹.

Это представление о хронологическом положении памятников, содержащих удила типа «Енджа—Константиновка», подтвердилось после публикации еще одного комплекса с подобными удилами, на этот раз происходящего из Предкавказья. Речь идет о погребении, раскрытом на возвышении Чишхо в Адыгее (Рис. 97)¹⁹². Погребение, к сожалению, сохранилось неполностью, поскольку курган, в котором оно находилось, был смыт водой (результат сооружения Краснодарского водохранилища), а археологическое обследование проводилось уже на смытом могильнике. В смытом погребении сохранилось довольно большое количество бронзовых предметов узды, лежавших на небольшом отдалении (от 0,35 до 0,65 м) друг от друга. Скелеты, за исключением лошадиной челюсти и зубов, не сохранились. Несмотря на то, что погребальное сооружение было целиком уничтожено водой, вряд ли могут быть сомнения в том, что найденные здесь предметы принадлежали одному комплексу. В комплекс входили: два экземпляра удила типа «Енджа—Константиновка» (один экземпляр имеет не двухчастный, как обычно, а трехчастный мундштук, а также дополнительные звенья на окончаниях), двухкольчатые удила и трехпетельчатые псалии с лопастными окончаниями обычного новочеркасского типа, аналогичные псалии, найденные вместе со стремечковидными удилами раннескифского типа, бляхи от узды новочеркасского типа и бронзовые кольца, вероятно, являвшиеся деталями колесничной упряжи. Находка в одном комплексе удила классического новочеркасского типа со стремечковидными удилами раннескифского типа, причем и те и другие сочетались с однотипными трехпетельчатыми лопастными псалиями, подтверждает принадлежность этого комплекса к переходному периоду между предскифской и раннескифской культурами. Двухкольчатые и стремечковидные удила были найдены вместе также в кургане №2 у села Жаботин, который является одним из характерных памятников первого этапа уже собственно раннескифского периода и содержит ряд изделий в раннескифском зверином стиле (Рис. 25)¹⁹³. Итак, можно считать, что сформировавшиеся на основе классической новочер-

¹⁸⁶ Иессен 1953, 92.

¹⁸⁷ Эрлих 1994, 85.

¹⁸⁸ Горішній 1978, 55–57, рис. 1.

¹⁸⁹ Титенко 1954, 78–80, рис. 5.

¹⁹⁰ Бобринской 1902, 32–33; Попов 1932, 98–102, обр. 87–97; Ильинская 1973, 16–17, рис. 8, 6–10; Ильинская 1975, 30–31, таб. XVI, 6–10; Тереножкин 1976, 42–43, 77,

рис. 15–16; 41, 3–4.

¹⁹¹ Іллінська 1973, 15–17; Ильинская 1975, 65–66, 105; Тереножкин 1976, 138; Ильинская, Тереножкин 1987, 232.

¹⁹² Тов 1989, 36–45, рис. 1–7.

¹⁹³ Вязьмитина 1963, 158–170, рис. 1–5; Ильинская 1975, 19–20, 61–62, таб. VI, 1–11.

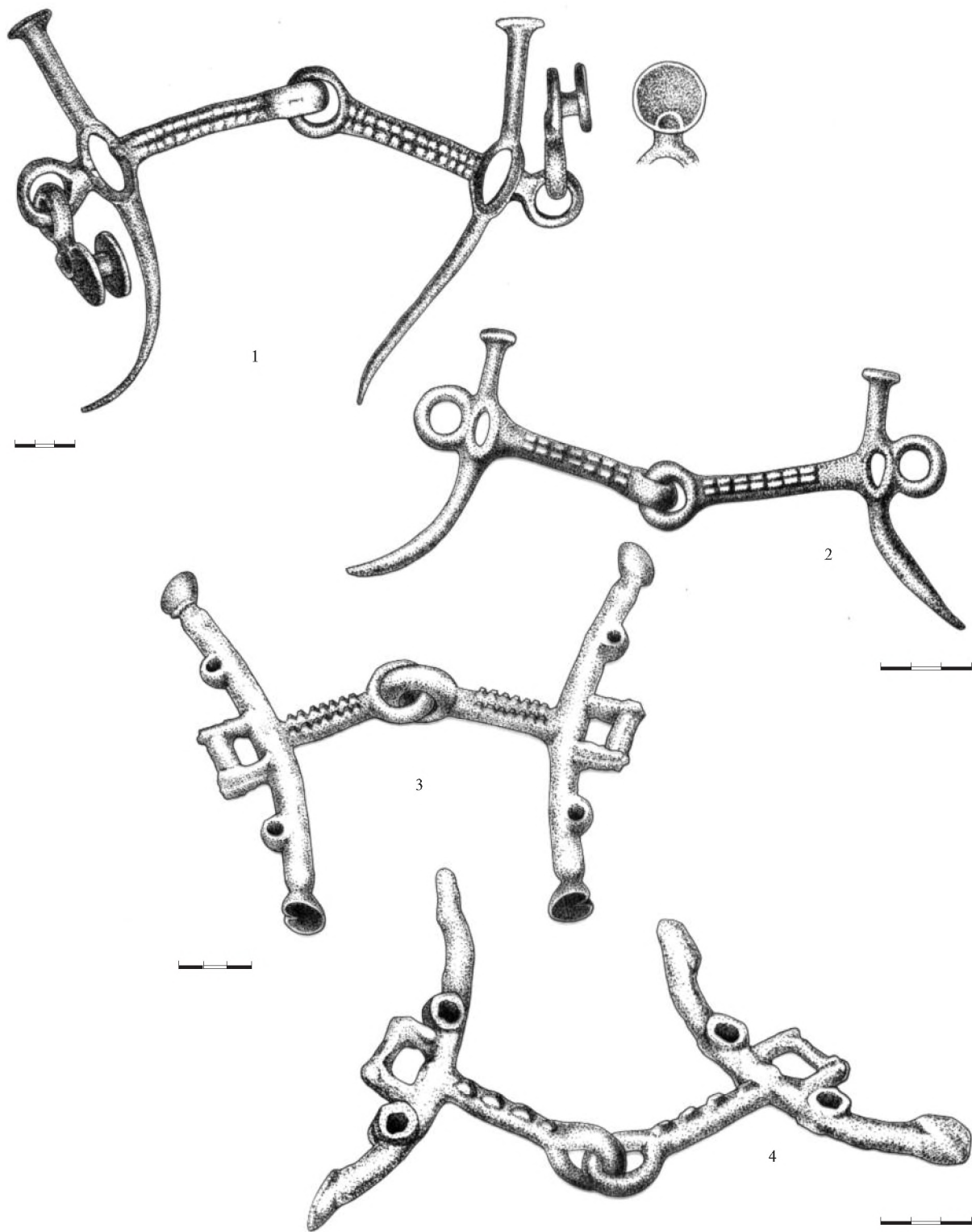

Рис. 95 Бронзовые удила с жесткокрепленными псалиями.

1. Село Теремцы; 2. Место находки неизвестно, Кировоградский музей;

3. Курган 26 могильника Уйгарак; 4. Курган 55 могильника Южный Тагискен

По Горішній 1978, рис. 1 (1); Титенко 1954, рис. 5 (2); Вишневецкая 1973, таб. VIII, 5 (3); Итина, Яблонский 1997, рис. 71 (4)

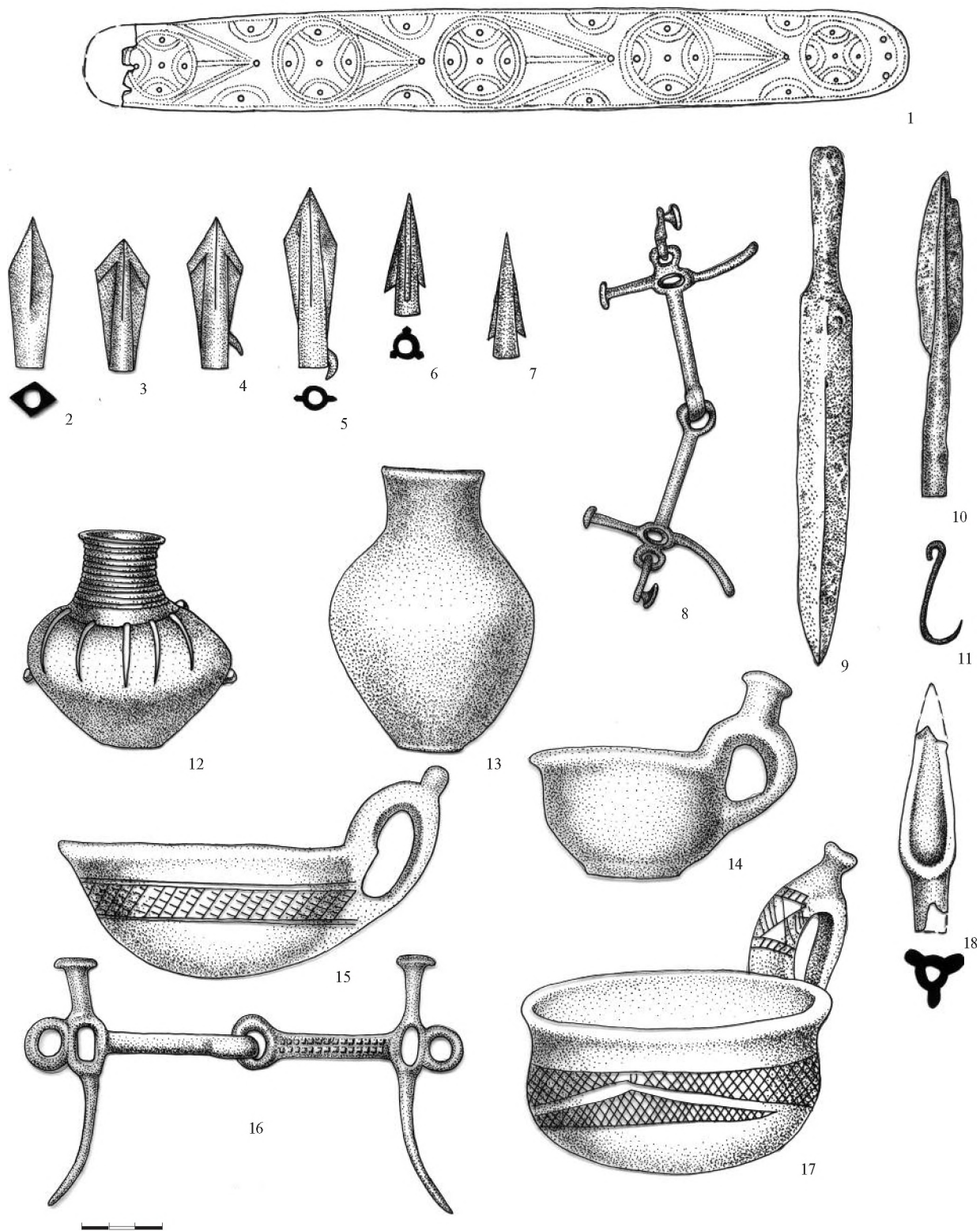

Рис. 96 1–13. Находки из кургана 2 у с. Енджа (Болгария).
 14–18. Находки из кургана 376 у с. Константиновка. 1. Золото; 2–8, 11, 16. Бронза; 9, 10, 18. Железо; 12–15, 17. Глина
 По Тереножкин 1976, рис. 16 (1–13); Ильинская, Тереножкин 1987, 235 (14–18)

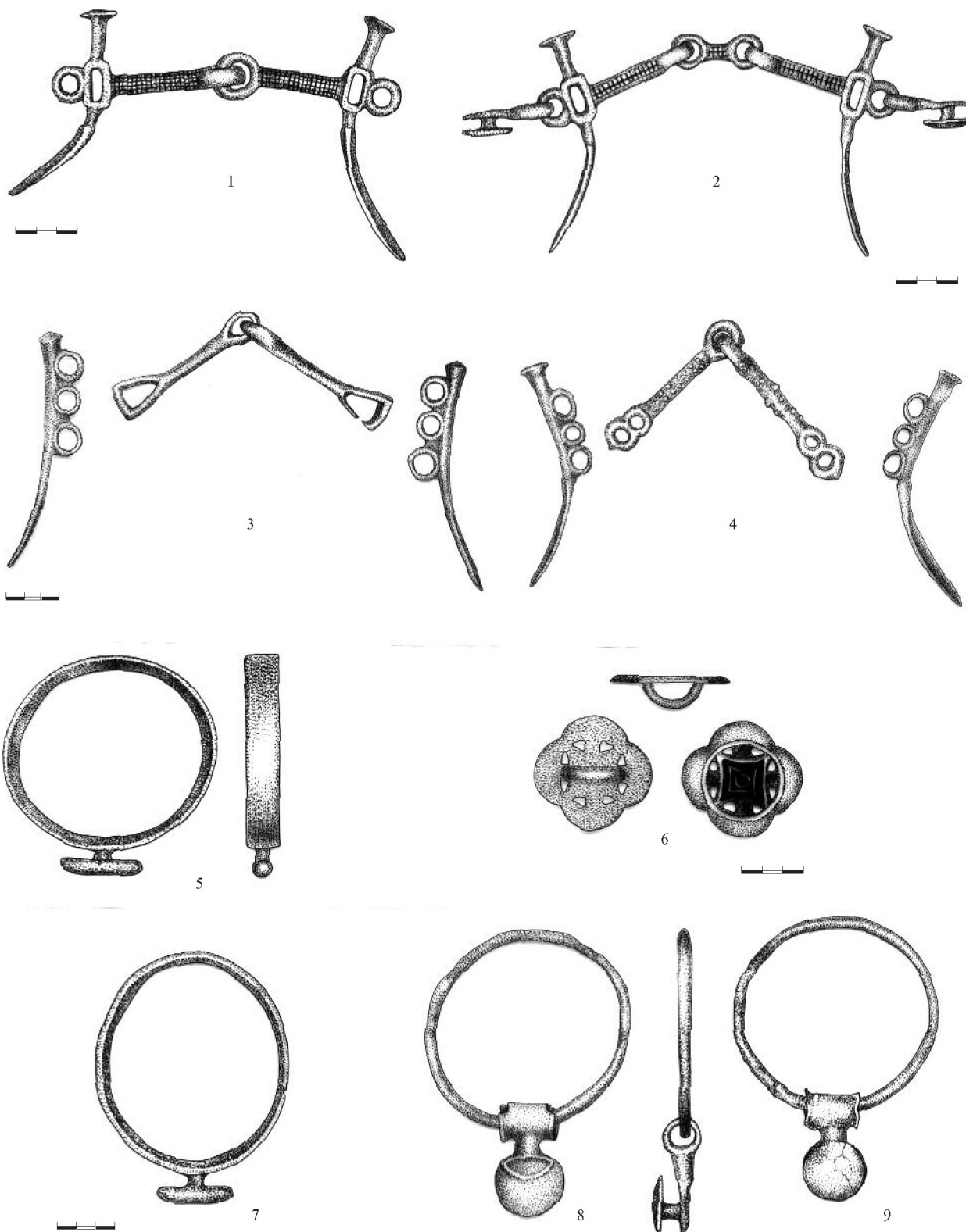

Рис. 97 Находки из погребения на возвышенности Чишко в Адыгее. Бронза
По Тов 1989, рис. 1–7

касской узды удила с жесткокрепленными псалями типа «Енджа – Константиновка» характеризуют самые поздние памятники новочеркасского облика и относятся к кануну формирования раннескифской культуры. Судя по относительной малочисленности находок таких удил и хронологической близости комплексов, откуда они происходят, данный тип узды существовал недолго и вскоре вышел из употребления.

Вернемся теперь к вопросу о соотношении удил с жесткокрепленными псалями в Передней Азии, на юге Восточной Европы и в Центральной Европе. Появление удил с жесткокрепленными псалями, сформировавшихся на основе местных форм узды, как мы видели, было новацией как для Передней Азии, так и для Центральной Европы. В принципе здесь возможно предположить независимое самостоятельное развитие, на что могло бы указывать спорадическое появление сходных экспериментальных форм узды, не развивавшихся в особый тип, в Европе и в более раннее время (удила из Белина). Однако хронологическая близость между этими двумя однопорядковыми новациями, в обоих случаях сформировавшими новый тип, позволяет предполагать наличие какой-то связи между ними. Наличие такой же новации на юге Восточной Европы дополняет хронологическое единство географическим. В самом деле, восточная граница распространения удил типа «Енджа – Константиновка» (Северный Кавказ) примыкает к области распространения переднеазиатских удил с жесткокрепленными псалями, а западная (восточная Болгария, окрестности Шумена) — недалеко отстоит от центрального Подунавья, где также были распространены сходные удила. Таким образом, можно полагать, что идея применения удил с жесткокрепленными псалями была некоей культурной новацией, достаточно быстро распространившейся на огромных пространствах от Альп до Ирана (и далее на восток, см. ниже). При этом в каждом случае узды, применявшая жесткое скрепление удил и псалий, формировалась на местной основе. Разумеется, для распространения такого изобретения вовсе не нужно предполагать перемещения каких-то групп населения, тем более военных набегов. При наличии культурных и торговых контактов, существовавших между этими регионами, оно могло распространиться достаточно быстро и без таких катаклизмов. Относительно того, где появилось данное изобретение впервые, судить трудно — это с равным успехом может быть и Передняя Азия, и Центральная Европа. Вряд ли этот тип узды появился в степях — его применение на юге Восточной Европы осталось кратким эпизодом, причем он применялся здесь наряду с другими, традиционными для этого региона видами узды.

Появление удил с жесткокрепленными псалями дает еще одну хронологическую привязку для раннескифской и предскифской культуры. Как мы видели, этот тип узды появляется на востоке Передней Азии на рубеже IX–VIII вв. до н. э. и широко распространяется, вытесняя удила с напускными псалями, в пределах первой трети VIII в. до н. э. В альпийско-дунайском регионе удила с жесткокрепленными псалями появляются в рамках периода На В3 и распространяются позже, что в абсолютных датировках дает тот же конец IX — первую половину VIII в. до н. э. Эти даты определяют и датировку узды типа «Енджа – Константиновка», использующей тот же принцип и служащей как бы связующим звеном между двумя регионами. Если признать наличие связи между всеми тремя явлениями, а это, видимо, трудно отрицать, то узды типа «Енджа – Константиновка» датируется тем же временем — концом IX — первой половиной (а скорее началом) VIII в. до н. э. В свою очередь этот вид узды датирует памятники эпохи перехода от предскифской и раннескифской культуры, которые не могут относиться ко времени позже первой половины VIII в. до н. э.

Предположение В. Р. Эрлиха о том, что появление в степях удил с жесткокрепленными псалями является свидетельством походов в Переднюю Азию, откуда якобы и была заимствована идея жесткого скрепления удил и псалиев, лишается всяких оснований. Население альпийского региона, конечно, в таких походах не участвовало, однако здесь этот вид узды появляется почти одновременно с Передней Азией. Противоречит предположение В. Р. Эрлиха и данным хронологии — как мы видели, узды типа «Енджа – Константиновка» не может датироваться позже первой половины VIII в. до н. э., а для этого времени какие-либо сведения о переднеазиатских походах евразийских nomadов отсутствуют.

Следует еще добавить, что область распространения удил с жесткокрепленными псалями на востоке не ограничивается Ираном. Подобные удила обнаружены в составе могильников Южный

Тагискен и Уйгарак, расположенных в низовьях Сырдарьи (Рис. 95, 3, 4)¹⁹⁴. Они сформировались также на основе местного типа стремечковидных удиц, достаточно часто соединявшихся здесь с псалиями, имевшими центральное отверстие, в которое вставлялись концы удиц. Материалы этих некрополей обнаруживают близкое родство с курганом Аржан в Туве¹⁹⁵. Что касается причерноморских материалов, то по некоторым признакам они сближаются с раннескифскими памятниками (благодаря чему первоначально и датировались раннескифским временем), а по другим — с предскифскими материалами черноморовского типа. Абсолютные даты приаральских курганов определяются в основном на основании сопоставления с причерноморскими памятниками, даты которых, как мы видели, также неясны. Эпизодическое использование здесь удиц с жесткоскрепленными псалиями может быть хронологическим репером и для этих памятников, однако для них этот вывод не носит столь обязательного характера. Учитывая малую распространенность этого типа узды в Приаралье, вряд ли можно предполагать, что данный принцип скрепления узды и псалиев был изобретен здесь — скорее он возник под влиянием соседей. В таком случае рубеж IX–VIII вв. до н. э. является *terminus post quem* для погребений, где такие удила были найдены (Уйгарак, курган 26 и Южный Тагискен, курган 55). Подтверждением такой датировки является также сходство колчаных наборов некоторых погребений тагискенского и уйгаракского могильников с памятниками переходного периода от предскифской к раннескифской культуре (Енджа, Белоградец, Алексеевский), а также с колчаным набором первого Гумаровского кургана в южном Приуралье, имеющим уже раннескифский облик¹⁹⁶. Впрочем, нельзя исключать в данном случае и самостоятельного возникновения данного типа удиц, достаточно близкого применявшемуся здесь способу, при котором концы удиц пропускались через широкие центральные отверстия псалиев. Датировка кургана Аржан около середины VIII в. до н. э. в настоящее время наиболее распространена, и если признать хотя бы частичную синхронность с ним могильников Южный Тагискен и Уйгарак, указанная выше дата получает подтверждение.

2.2.4 УРАРТСКАЯ И РАНЕСКИФСКАЯ УЗДА НАЧАЛА VII В. ДО Н. Э.

Уже упоминавшаяся конская узда из третьей гробницы Алгынтепе также может дать опору для абсолютной датировки раннескифской культуры. Как уже говорилось, в этой гробнице, относящейся к рубежу VIII–VII вв. до н. э., обнаружено шесть разнотипных наборов конской узды. Один из экземпляров удиц принадлежит традиционному урартскому типу¹⁹⁷ и весьма сходен с теми, которые надписаны именем Сардури (Рис. 100, 1). Остальные относятся к типам, в более раннюю эпоху в Урарту неизвестным. Два экземпляра чрезвычайно близких между собой удиц имеют цельнолитые с ними псалии, окончания которых украшены протомами животных: коней с одной стороны и быков с другой¹⁹⁸ (Рис. 100, 4). Псалии, в отличие от более ранних урартских экземпляров, используют для крепления щечных ремней узды не петли, а два отверстия подпрямоугольной формы, расположенные в одной плоскости с большой петлей для крепления повода. Мундштуки удиц изготовлены в виде перекрученных прутьев. Удила этого типа, видимо, являются одним из свидетельств влияния закавказско-

¹⁹⁴ Толстов, Итина 1966, 159, рис. 8, 5; Итина, Яблонский 1997, 23, 56, рис. 47, 9; Вишневецкая 1973, 102, таб. VIII, 5; XXVI, 8. Ср. Членова 1984, 39–41.

¹⁹⁵ Грязнов 1980, 61; Grijaznov 1984, 83–85; ср. Кузьмина 1975, 287; Яблонский 1996, 51.

¹⁹⁶ Исмагилов 1988, 29–47.

¹⁹⁷ Özgüç 1989, 411, pl. IV (Анкара, Музей Анатолийских цивилизаций, Alt. 59-22-4; 99-95-64).

¹⁹⁸ Özgüç 1961, 272, fig. 17; Azarpay 1968, pl. 22; Yıldırım 1987, 485, Abb. 31; Özgüç 1989, 410, pl. I, II a–c (Анкара, Музей Анатолийских цивилизаций, Alt. 59-21-79 и Alt. 59-22-46, 99-148-64).

Рис. 98 Переднеазиатские удила из самосского Герайона. Бронза
По Jantzen 1972, Taf. 61, В 95

иранской узды на урартскую. Они используют распространенные в Закавказье и Иране псалии с двумя отверстиями, а не петлями, как более ранние урартские образцы. Украшение обоих окончаний псалий головками животных также характерно для закавказско-иранской узды (см. выше) и не встречается на более ранних урартских экземплярах. К этим удилам также близок экземпляр удил с жесткокрепленными псалиями, обнаруженный на Самосе (передневоcточный импорт)¹⁹⁹. Псалии дугообразные, с отогнутыми наружу концами, как это характерно для урартских удил, и двумя петлями для уздечных ремней; с обеих сторон они завершаются головками баранов (*Рис. 98; 99*). Обстоятельства находки (в заполнении канала самосского Герайона) не позволяют точно датировать эти удила²⁰⁰, однако общая датировка египетских и передневоcточных импортов на Самосе определяется как последняя четверть VIII–VII вв. до н. э.²⁰¹ По аналогии с находками на территории Урарту можно предполагать, что рассматриваемые удила относятся скорее к началу этого периода. Точное определение места их производства затруднительно, однако, учитывая находку урартских бронз на Самосе, в том числе и колокольчиков характерных для урартской узды форм²⁰², предположение об урартском происхождении этой находки кажется весьма вероятным.

Четвертый экземпляр удил с жесткокрепленными псалиями из Алтынтепе отличается от трех предыдущих. Их мундштуки имеют форму перекрученных прутьев; псалии снабжены двумя петлями, расположенными в плоскости, перпендикулярной кольцу для крепления повода. Они стержневидные, прямые, с окончаниями украшенными изображением головки орла с одной стороны и копыта — с другой (*Рис. 100, 2*)²⁰³.

¹⁹⁹ Jantzen 1972, 64–65, Taf. 61, В 951.

²⁰⁰ *Terminus ante quem* — около 570 г. до н. э.: Donder 1980, 115.

²⁰¹ Jantzen 1972, 88–89.

²⁰² Jantzen 1972, 76–82, Taf. 77–80. Ср. Muscarella 1978, 41, где предполагается кавказское или иранское происхождение колокольчиков.

²⁰³ Özgüç 1969, 68, 106, pl. XXV, 2; Yıldırım 1987, 485, Abb. 32 (опубликована лишь головка орла на верхней части псалий); Özgüç 1989, 410–411, pl. II d, III (Анкара, Музей Анатолийских цивилизаций, Alt. 59-22-30; 99-57-64). В последней пуб-

ликация на одной из фотографий удила выглядят практически целыми, на другой — сильно фрагментированными. Неясно, идет ли речь о двух разных экземплярах, или об одном и том же до и после реставрации (целый экземпляр по фотографии не производит впечатления реставрированного). В тексте никаких указаний, позволяющих разрешить это недоумение, нет и обе фотографии считаются относящимися к одному экземпляру. Ср. Özgen 1984, 102, с ошибочным указанием, что оба конца псалиев завершаются изображением головок орлов

Рис. 99 Деталь тех же удил

Этот последний экземпляр удил вызывает особый интерес. Как мы видели, зооморфные протомы встречаются на закавказско-иранских псалиях, но при этом они обычно завершают оба их конца. Псалии же с изображением головки орла на верхней стороне и копытца на нижнем представляются совершенно чуждыми Передней Азии. Однако такой способ оформления псалий типичен для раннескифской культуры, в особенности для ее келермесского этапа. Псалии, украшенные головкой грифобарана или хищной птицы с одной стороны и копытцем с другой, чрезвычайно распространены в этой культуре. Находки подобных псалий из кости в Передней Азии достаточно хорошо известны (Кармир-Блур, Чавуштепе, Хазанлу III В, Нуш-и Джан, Капланту) (Рис. 27) и всегда связывались с походами киммерийцев или скифов. В самом деле, такой способ оформления псалий является одним из оригинальных элементов раннескифской культуры, причем костяные псалии (трехдырчатые) с подобным оформлением известны на памятниках и жаботинского, и келермесского этапа, а бронзовые (трехпестельчатые) распространяются лишь на келермесском этапе²⁰⁴. В предскифских культурах такой способ оформления псалий неизвестен. Способ украшения псалий головкой орла с одной стороны и копытцем с другой слишком специфичен, чтобы можно было думать о простом совпадении.

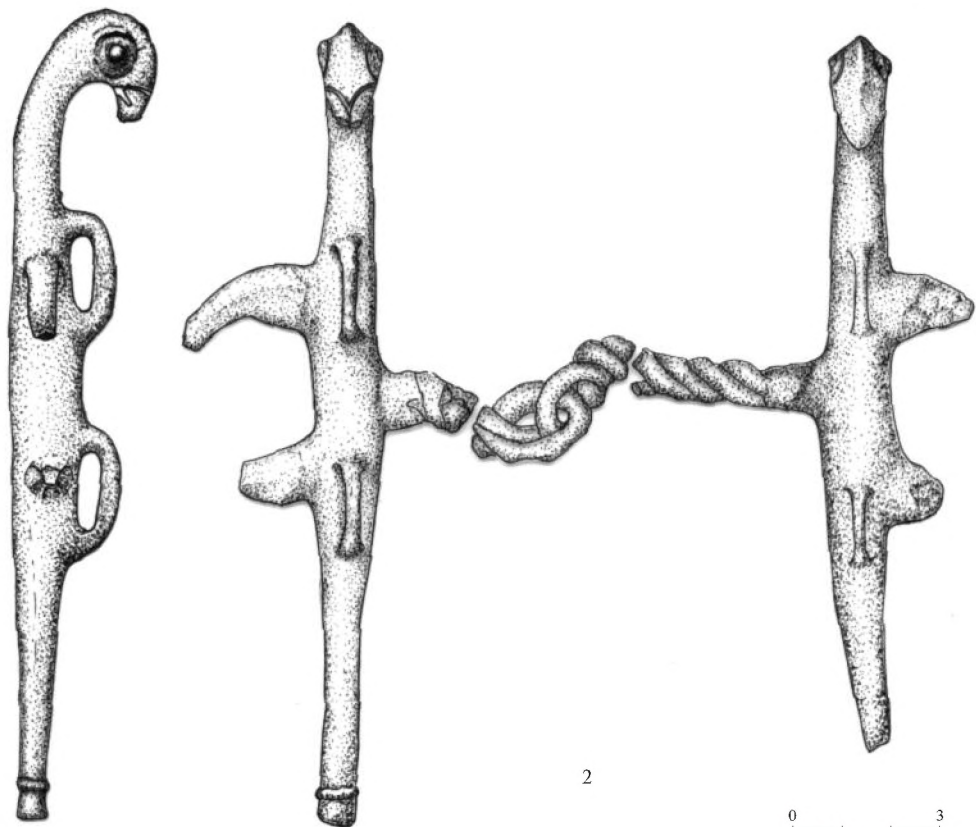
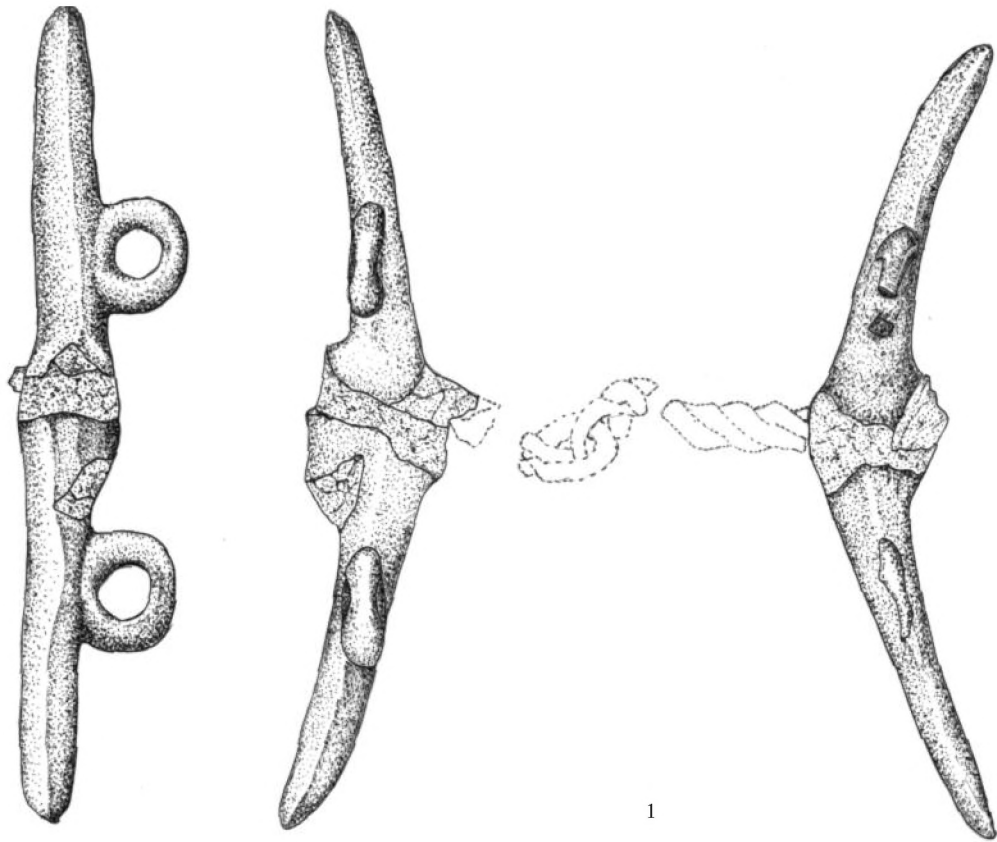
Кроме четырех удил с жесткоскрепленными псалиями, в том же комплексе были обнаружены еще два уздечных набора, от которых сохранились лишь псалии, скреплявшиеся с удилами при помощи ремней. Первый псалий (сохранился лишь один из пары) завершается протомами лошади и быка и по стилю и форме чрезвычайно близок псалиям двух первых удил (Рис. 100, 5)²⁰⁵. Другие два парных псалия имеют загнутый верхний конец и круглое завершение, на котором с обеих сторон нанесен рельефный круг (стилизованная протома животного или птицы?), так что верхнее окончание псалия имеет катушечнообразную форму. Нижний конец завершается небольшим расширением (стилизованное копыто?) (Рис. 100, 3)²⁰⁶. Возможно, форма этих псалий со стилизованной протомой животного или птицы на верхнем конце и изображением копыта на нижней, также восходит к степным образцами. Известно и еще несколько экземпляров аналогичных псалий, однако все они происходят из грабительских раскопок и не датированы (Рис. 101, 1, 5)²⁰⁷. К ним достаточно близки еще псалии, хранящиеся в Университетском музее Филадельфии (Рис. 101, 4). Они имеют ту же форму и те же три

²⁰⁴ Сводку материала см. Ілліньска 1961а, 45–53; Медведская 1992, 86–95.

²⁰⁵ Özgüç 1989, 411, pl. V (Анкара, Музей Анатолийских цивилизаций, Alt. 59-21-57; 99-164-64).

²⁰⁶ Özgüç 1989, 411–412, pl. VI a.

²⁰⁷ Gropp 1981, 106, Taf. II b; Vanden Berghe, De Meyer, Overlaet, Haerinck, Tanret 1983, 147–148, Nr. 60–61; Yıldırım 1987, 475, Abb. 17–19; Seidl 1991, 83, Nr. 34.

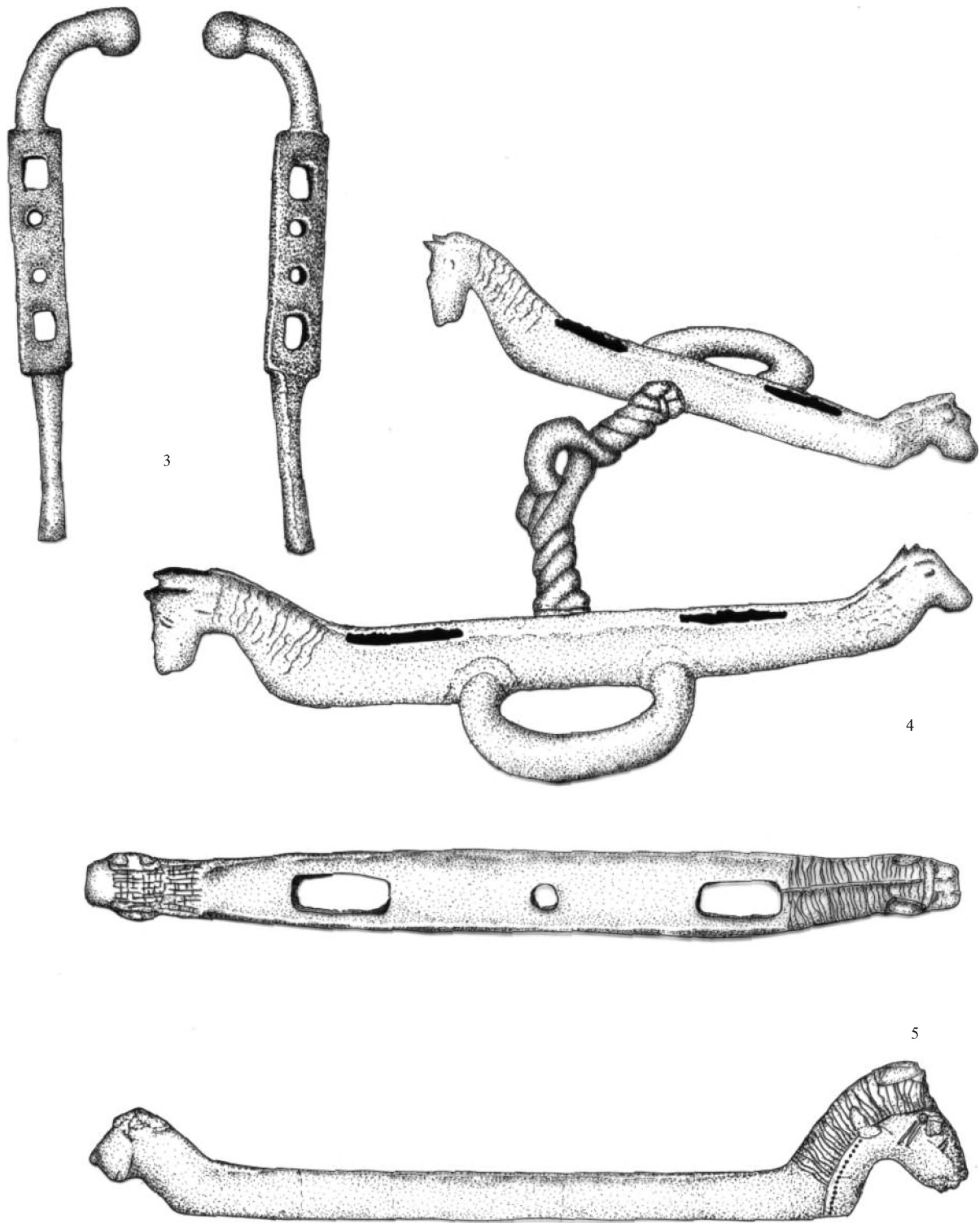

Рис. 100 Конская узда из гробницы 3 Алтынтепе, Турция. Бронза

По Özgüç 1989, pl. I-VI; Yıldırım 1987, 485, Abb. 31

подпрямоугольных отверстия, однако завершаются не «катушечным» окончанием, а стилизованой головкой рогатого животного²⁰⁸. Некоторую близость с этим последним экземпляром обнаруживают бронзовые трехдырчатые псалии, хранящиеся в Музее Эшмолиен в Оксфорде (*Рис. 101, 7*). Их отверстия находятся в небольших расширениях ромбовидной формы, верхний конец отогнут и украшен стилизованным изображением головки коня (?). К сожалению, они также происходят из грабительских раскопок, и ни место находки (где-то в северо-западном Иране), ни датировка этих псалий неясны²⁰⁹. Чрезвычайно близки им псалии, хранящиеся в Музее Метрополитен: они имеют практически идентичную форму с тремя отверстиями, расположенными в ромбовидных расширениях, с одной стороны отогнуты и завершаются стилизованными изображениями зооморфных головок (*Рис. 101, 6*). Место происхождения их (северный Иран?) и датировка также, к сожалению, неизвестны²¹⁰. Наконец, третий экземпляр таких псалий, также происходящий, по-видимому, из грабительских раскопок в иранском Азербайджане, хранится в Майнце; здесь же находится и псалий иной формы из Ирана, также украшенный головкой животного (*Рис. 101, 2, 3*)²¹¹.

Таким образом, в гробнице Алтынтепе, относящейся к самому началу VII в. до н. э. обнаружено две разновидности псалий, украшенных головкой орла с одной стороны и копытцем с другой: в одном случае выполненные достаточно реалистично изображения находятся на двухпетельчатых псалиях, жестко скрепленных с удилами, в другом — сильно стилизованные изображения украшают отдельно изготовленные четырехдырчатые псалии (функционально два маленьких центральных отверстия соответствуют одному центральному трехдырчатых степных псалий). Появление таких псалиев является, скорее всего, одним из свидетельств влияния евразийских кочевников на урартскую узду, которое для более позднего времени фиксируется и другими данными (находки предметов узды скифского типа на урартских поселениях, прежде всего на Кармир-Блуре, где они явно использовались местными жителями). Более того, речь идет, вероятно, о самом раннем датированном свидетельстве такого влияния — как уже говорилось, уздечные наборы из третьей гробницы Алтынтепе относятся к эпохе Аргишти II, т. е. ко времени не позже первых пятнадцати лет VII в. до н. э. Мы получаем, таким образом, еще одну хронологическую привязку для датировки раннескифской культуры келермесского этапа — если ее влияние ощущается в урартской конской узде уже в начале VII в. до н. э., значит она сложилась не позже этой даты. Эта находка является еще одним подтверждением того, что киммерийцы с археологической точки зрения принадлежали к раннескифской культуре. В самом деле, в столь раннее время урарты со скифами еще не сталкивались, а жители западной периферии Урарту не сталкивались с ними и гораздо дольше. Присутствие же киммерийцев в районах, близких к району Алтынтепе, фиксируется письменными источниками уже с начала 670-х гг. до н. э.²¹², а первые столкновения урартов с киммерийцами относятся к последним двум десятилетиям VIII в. до н. э.

Очевидно, в течение VII в. до н. э. влияние раннескифской узды на урартскую нарастало в результате постоянных интенсивных контактов с киммерийцами, а затем и скифами. Свидетельством этого является, например, находка при раскопках Тейшебаини трех наборов конской узды типичного раннескифского облика, из которых по меньшей мере два использовались защитниками крепости (см. выше) (*Рис. 12*)²¹³. Еще один уздечный набор скифского типа обнаружен при костяке лошади, погибшей во время штурма крепости²¹⁴. Видимо, два первых уздечных набора, использовавшихся урартским гарнизоном Тейшебаини, должны быть датированы периодом существования крепости. Несмотря на то, что в Тейшебаини имеется достаточно много предметов, перенесенных сюда из Эребуни

²⁰⁸ Özgen 1979, 125–126, fig. 14; Özgen 1984, 103, 144, fig. 28; Yıldırım 1987, 476, Abb. 20.

²⁰⁹ Moorey 1971, 126, Nr. 131, pl. 23.

²¹⁰ Muscarella 1988, 264–265, Nr. 353.

²¹¹ Dietz 1995, 429–433, Abb. 3, Taf. 35, 2, 3.

²¹² Ivantchik 1993, 57–61; Иванчик 1996, 60–64.

²¹³ Пиотровский 1950, 57, 92–93, рис. 61, 62; Пиотровский 1954, 143, рис. 2 (помещение 18: железные удила, плоские

костяные псалии, четыре бронзовые пряжки в виде клюва и одна в виде барабанчика; помещение 25: железные кольчатые удила, железные трехпетельчатые псалии с загнутым концом, три бронзовых клювовидных пронизи и одна в виде головы грифобарана).

²¹⁴ Пиотровский 1950, 93; Пиотровский 1954, 143, рис. 2 (железные удила, серебряный фалар, пряжки для ремней в форме клюва и трехлопастной свастики).

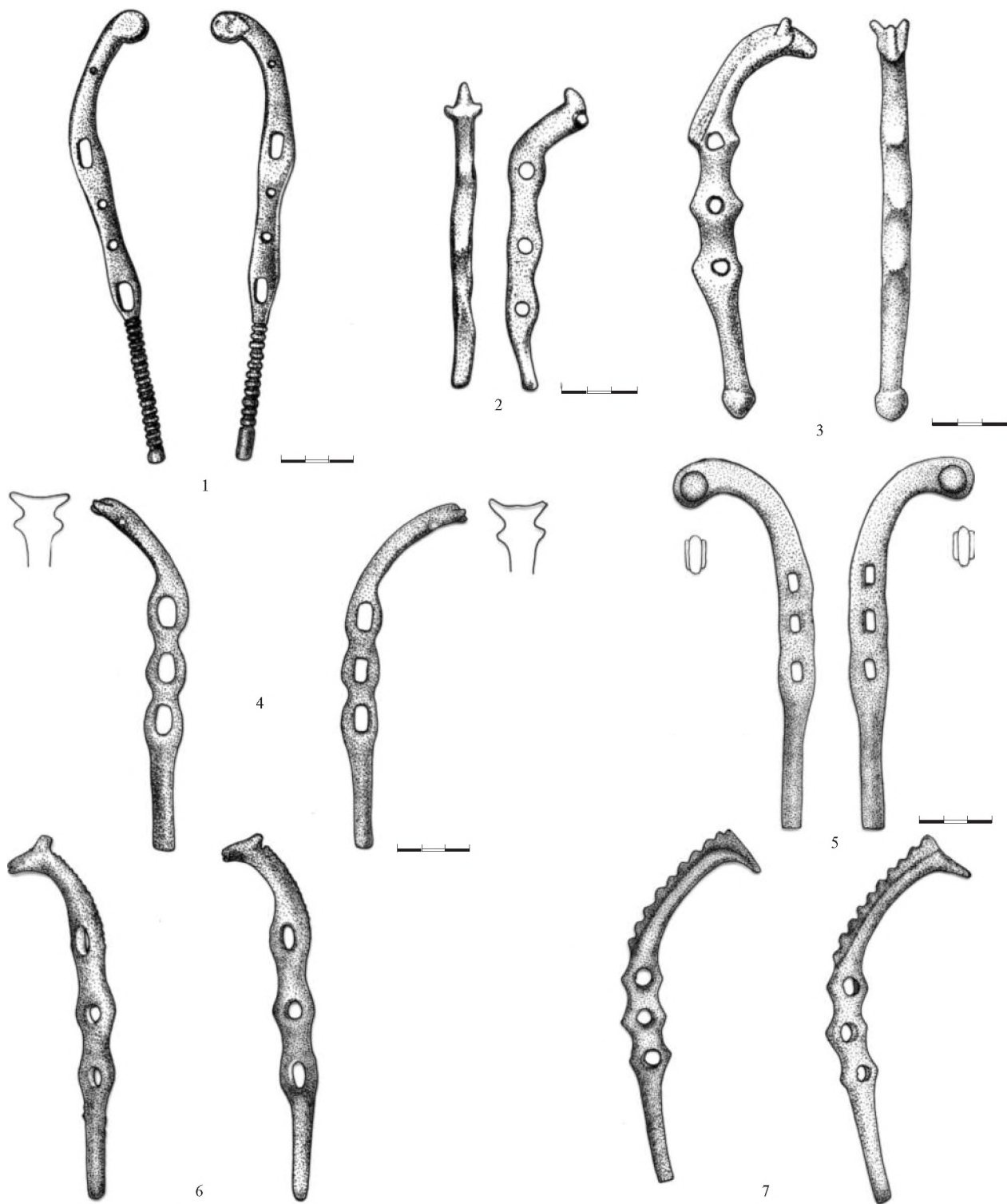

Рис. 101 Бронзовые палицы из грабительских раскопок.

1. Праисторическое государственное собрание, Мюнхен; 2, 3. Центральный Римско-германский музей, Майнц;
 4. Университетский музей Филадельфии; 5. Музей Элязыга; 6. Музей Метрополитен, Нью-Йорк; 7. Музей Эшмолен, Оксфорд
 По Vanden Berghe, De Meyer 1983, Nr. 60 (1); Dietz 1995, 429–433, Abb. 3 (2, 3); Yıldırım 1987, 476, Abb. 17, 20 (5, 4);
 Muscarella 1988, Nr. 353 (6); Mooney 1971, 126, Nr. 131, pl. 23 (7)

и относящихся еще к VIII в. до н. э., вряд ли эти два уздечных набора относятся к этой группе находок — они не являются реликвиями или ценностями, как предметы, происходящие из Эребуни, и, вероятно, предназначались для утилитарного использования. Их можно отнести, следовательно, к середине — третьей четверти VII в. до н. э. Вероятно, второй — третьей четвертью VII в. до н. э. датируются и другие предметы конской узды «раннескифского» типа, обнаруженные в различных урартских крепостях и свидетельствующие о влиянии конской узды киммерийцев и скифов на урартскую (см. выше)²¹⁵.

2.2.5 БЛЯШКИ КОНСКОЙ СБРУИ ИЗ НОСАЧЕВСКОГО КУРГАНА

Одним из аргументов в пользу того, что в переднеазиатских походах киммерийцев участвовали носители культуры новочеркасского типа, считаются бронзовые пряжки от конской сбруи, найденные в Носачевском кургане в днепровской лесостепи (Рис. 102, 30–33). Эти же бляхи одновременно используются и для датировки соответствующих памятников. Г. Т. Ковпаненко, опубликовавшая комплекс Носачевского кургана, сопоставила их с изображениями конских украшений на ассирийских рельефах времени Ашшурбанипала и Саргона II²¹⁶, впрочем, вовсе не делая из этого сопоставления вывода о заимствовании блях на Переднем Востоке. Она использовала его лишь для датировки как самого Носачевского кургана, так и других находок новочеркасского типа. В соответствии с изображениями на ассирийских рельефах, Г. Т. Ковпаненко считала эти предметы частью конского нагрудника в виде широкого ремня с нашитыми бляхами, к которым могли привешиваться украшения, например, в виде кистей (Рис. 103). Впоследствии это сопоставление получило широкое распространение, причем обычно использовалось в качестве свидетельства участия носителей новочеркасской культуры в набегах на Ассирию, откуда и были якобы заимствованы эти бляхи²¹⁷.

²¹⁵ Тейшебаани: Пиотровский 1950, 95–96, рис. 64; Пиотровский 1954, 142; Пиотровский 1959, 242; Чавуштепе: Erzen 1978, 56, Res. 41, Taf. 47 a, b; Хазанлу III В: см. экскурс. Ср. находку фрагмента аналогичного псаля на поселении Нуш-и Джан в западном Иране: Curtis 1984, 47–48, fig. 15, Nr. 431. Он происходит из «сквоттерского слоя», который датируется 650–575 гг. до н. э. или несколько позже: Curtis 1984, 22, VII (введение Д. Стронаха). И. Н. Медведская ошибочно датирует эту находку 750–650 гг. до н. э.: Медведская 1992, 95.

²¹⁶ Ковпаненко 1966, 177–178, рис. 2, 5–10. Сопоставлено с рельефами В.М. 118828 из дворца Саргона в Дур-Шаррукине (Хорсабад), 713–707 гг. до н. э. (время строительства дворца): Smith 1938, pl. XXXII c; Barnett, Forman 1959, pl. 43; Barnett, Lorenzini 1975, pl. 61, а также с рельефами из помещений С и S (охота на львов) северного дворца Ашшурбанипала в Ниневии В.М. 124859, 124882, 124886/7: Barnett, Forman 1959, pl. 59, 87, 95, 99; Barnett, Lorenzini 1975, pl. 92, 124; Barnett 1976, pl. V, LIII, LVII, LIX. Сюда же следует добавить упряжь коня царской колесницы на рельефах Ашшурбанипала той же серии — из помещения С (В.М. 124866, 124853) и упряжь верхового коня ассирийского воина и царской колесницы на рельефах с изображением кампании против Элама 653 г. до н. э. (Louvre АО 19909) и из помещения V¹/T¹ (Ог. Dr. V, 31): Barnett 1976, pl. VIII, XII, LXVII, LXIX, а также из двора

XIX, помещений XXVIII и XXXIII юго-западного дворца Куянджика: Paterson 1915, pl. 40–42, 46–47, 57–58, 65–66. Кроме того, тот же вид украшения конской узды изображен и на других многочисленных рельефах эпохи Саргона II: Botta, Flandin 1849, pl. 21, 39, 123–128, 131–136 (кони данников), 56–59bis, 65, 76, 77, 92, 100 (колесницы ассирийских воинов и царя), 64, 67, 72, 73, 87, 99, 108, 109, 112, 143 (верховые лошади ассирийцев), а также Синаххериба: Smith 1938, pl. XXXIX, XLIV–XLVI; Russell 1991, fig. 33, 41, 81 (верховые кони и колесница ассирийцев).

²¹⁷ Тереножкин 1976, 159, 205; Лесков 1981, 95, 98–99; Погребова, Раевский 1992, 184; Скорый 1991, 24; Раевский 1993, 81; Эрлих 1994, 83, 89. Ср. Клочко, Мурзин 1989, 68, где предполагается обратный путь заимствования, но сами бляхи считаются свидетельством участия новочеркасцев в походах киммерийцев. Утверждение С. Л. Дударева о том, что в Носачевском кургане якобы были найдены «резные изделия из кости, имеющие аналогии на ассирийских дворцовых рельефах эпохи Саргона II и Ашшурбанипала» (Дударев 1991, 33) — очевидно, результат недоразумения. Найденные в погребении Носачевского кургана костяные бляхи принадлежат обычному для новочеркасских памятников типу, и их никто никогда не сравнивал с ассирийскими рельефами, на которых нет изображений ничего подобного.

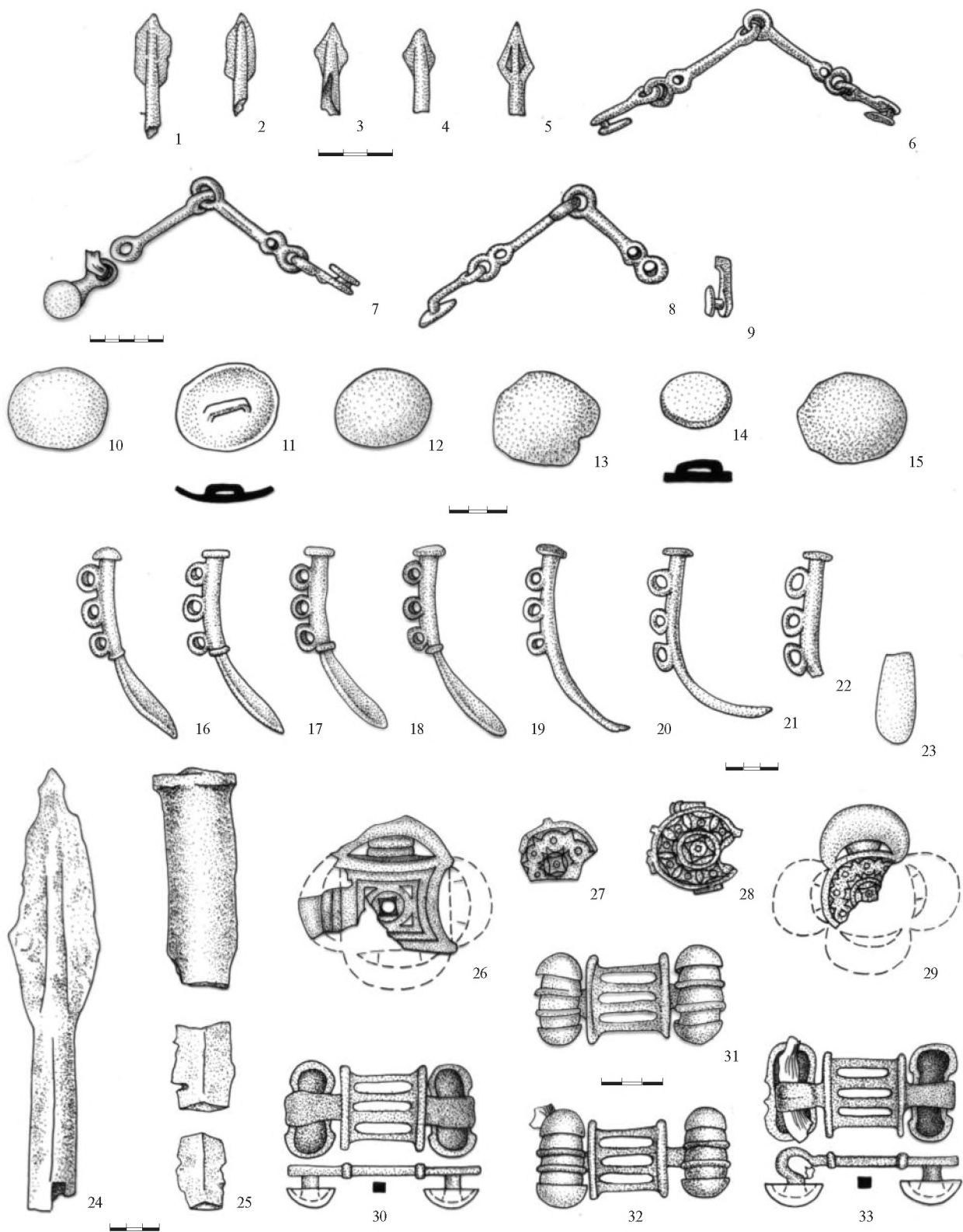

Рис. 102 Инвентарь Носачевского кургана. 1–23, 30–33. Бронза; 24, 25. Железо; 26–29. Кость
По Тереножкин 1976, рис. 45

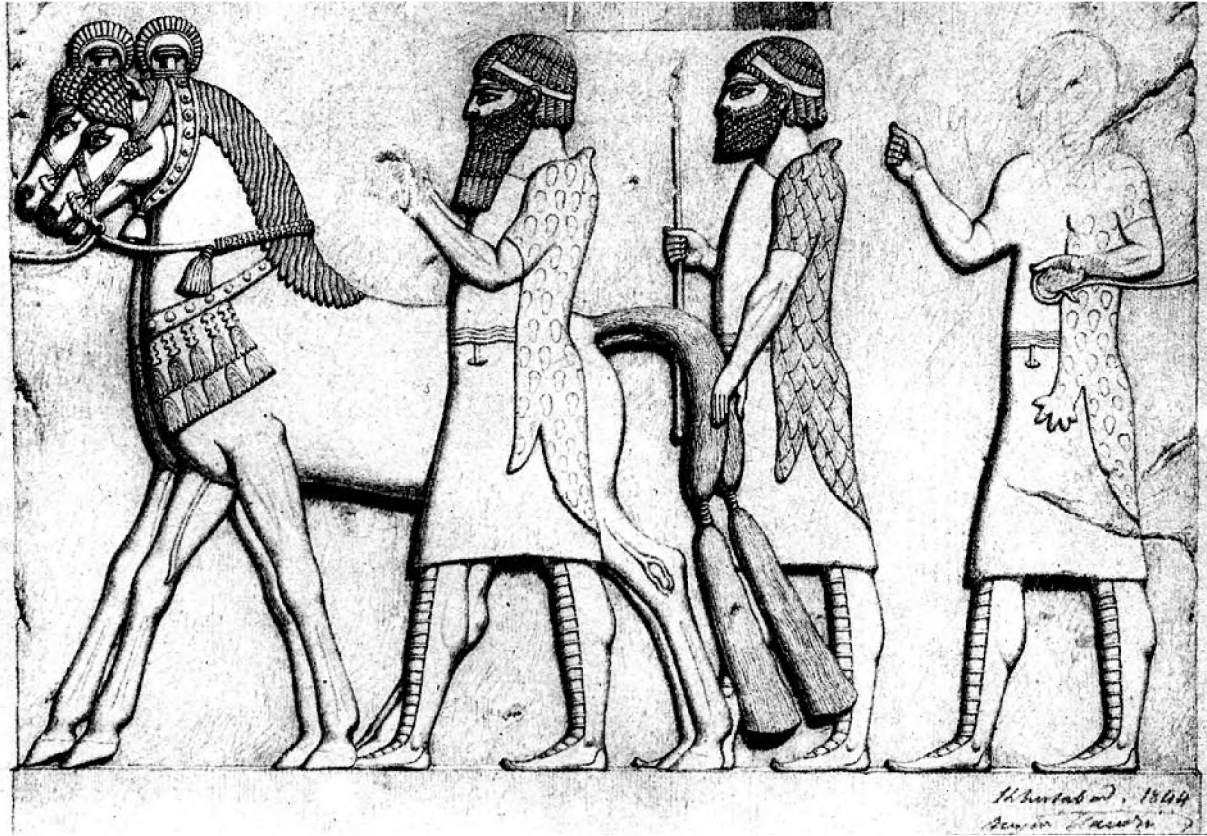

Рис. 103 Ассирийский рельеф из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине
По Albenda 1986, pl. 34

Однако те же самые ассирийские изображения (с указанием на рельефы из дворца Саргона в Хорсабаде) Р. Гиршман еще в 30-е годы сопоставил с бляшками из погребения 15 некрополя Сиалк В (Рис. 81, 8, 9)²¹⁸. Примерно одновременно те же изображения на рельефах Синаххериба и Ашшурбанипала были сопоставлены со сходными бляшками из Луристана и Ордоса²¹⁹. Впоследствии в качестве аналогий этому типу находок, характерному для культуры Сиалк В (т. н. «банджообразные» и сходные с ними), были указаны не только другие рельефы эпохи Саргона II, Синаххериба и Ашшурбанипала, но и настенные росписи эпохи Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н. э.) и более позднего времени из Тиль Барсипа (Рис. 104), а сами бляшки датированы второй половиной VIII в. до н. э.²²⁰

По поводу использования росписей из Тиль Барсипа для датировки времени появления данной формы бляшек следует, однако, сделать некоторые оговорки. Дело в том, что эти росписи совсем не так хорошо датированы, как кажется использующим их археологам. Среди росписей дворца Тиль Барсипа еще их первый публикатор Ф. Тюро-Данжен выделил два разновременных стиля, причем т. н. «первый стиль» отнес к эпохе Тиглатпаласара III или несколько более раннему времени, а «второй стиль» — к эпохе Ашшурбанипала²²¹. С тех пор это разделение с некоторыми уточнениями стало общепринятым, однако датировки обоих «стилей» были предметом споров²²². Нас здесь должна инте-

²¹⁸ Ghirshman 1939, 109, pl. LV, LVI.

²¹⁹ Herzfeld 1941, 142, fig. 256.

²²⁰ Calmeyer 1964, 40–42, Taf. 48, 99; Calmeyer 1969, 105–108; Boehmer 1965, 805–811; Moorey 1971, 136–137, pl. 28, 151–152. Росписи см. Thureau-Dangin, Dunand 1936, pl. XLIX,

LIII; Parrot 1969, pl. 118, 345, 347.

²²¹ Thureau-Dangin, Dunand 1936, 45–74.

²²² Исчерпывающую историю исследования см. Nunn 1988, 108–122.

Рис. 104 Стенные росписи из дворца Тиль Барсипа
По Hüttel 1981a, Abb. 3, 4

решать прежде всего дата самого раннего, первого стиля, среди росписей которого, находящихся в помещении 24, сохранилось изображение двух лошадей с интересующим нас элементом упряжи (остальные подобные изображения, сохранившиеся в помещениях 22 и 27, принадлежат «второму стилю»). Авторы, использовавшие росписи из Тиль Барсипа для датировки бляшек сиалковского типа, следовали за датировкой, предложенной Ф. Тюро-Данженом, однако она далеко не бесспорна. Из предлагавшихся в литературе датировок росписей «первого стиля» самая ранняя близка той, что предлагалась автором их первой публикации — время туртана (высшая придворная должность в Ассирии) Шамши-илу, правителя Тиль Барсипа (ок. 780–745 гг. до н. э.)²²³, а самая поздняя (с которой, впрочем, кажется, никто не согласен) — эпоха Асархаддона (681–669 гг. до н. э.) при отрицании самого существования двух стилей в росписи дворца²²⁴. Обе крайние датировки, однако, не получили признания среди специалистов. В настоящее время наиболее аргументированной и распространенной является точка зрения, согласно которой росписи «первого стиля» должны датироваться от правления Тиглатпаласара III до Саргона II, т. е. второй половиной VIII в. до н. э., с признанием невозможности уточнения этой датировки²²⁵. Существенный аргумент в пользу сужения датировки росписей «первого стиля» до эпохи правления Салманасара V привел М. Вэфлер — он толкует одну из них как изображение осады Тира этим царем²²⁶. Однако эта дата не означает, что росписи Тиль Барсипа фиксируют время появления интересующих нас бляшек в Ассирии — они дают лишь *terminus ante quem* этого события. В литературе уже отмечалось, что для эпохи между правлением Ашшурнацирпала II (884–858 гг. до н. э.) и Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н. э.) нам неизвестно практически ни одного ассирийского рельефа или росписи²²⁷. Бронзовые обкладки «балаватских ворот» Салманасара III (858–824 гг. до н. э.), часть из которых изготовлена в 850, а часть около 841/837 г. до н. э. (речь идет о двух разных воротах)²²⁸, не спасают положения — изображения на них слишком схематичны и не позволяют различить тех деталей, которые можно видеть на рельефах или стенных росписях. Таким образом, мы можем утверждать лишь то, что бляшки соответствующей формы вошли в употребление в

²²³ Moortgat 1967, 143–146; Nagel 1967, 50.

²²⁴ Madhloom 1970, 23–26, 120–121.

²²⁵ Nunn 1988, 121.

²²⁶ Wäfler 1975, 108–109.

²²⁷ Hrouda 1965, 14; Hüttel 1981a, 40–41.

²²⁸ Wäfler 1975, 247–251, 299–301, с источниками и литературой.

Ассирии между временем Ашшурнацирпала II и Салманасара V или Саргона II (хотя находившиеся на нагрудном ремне лошади функционально аналогичные бляхи, но в форме кругов или розеток, известны и на рельефах Ашшурнацирпала).

Находка многочисленных бляшек этого типа (сохранилось 66 экземпляров различной формы) среди предметов конской узды в камере 26 кургана Аржан²²⁹ привлекла внимание к тому обстоятельству, что подобные бляшки встречаются не только в Передней Азии и Иране, но и, кроме самого Аржана, в предскифских памятниках степного пояса, в частности в Жирноклеевском кургане №6 в Нижнем Поволжье (21 бляшка, большинство круглые или овальные, три фигурные)²³⁰, в кургане Стрижена могила (Луганское Донецкой области) (14 овальных и три «бабочковидные»)²³¹, в погребении 31 Кобанского могильника, а также и в Западной Европе — в Меригене (Швейцария) и в Меллентине (северо-восточная Германия) (Рис. 105, 1–11)²³². Кроме того, набор из 35 аналогичных костяных бляшек разных форм, в том числе бабочковидных, обнаружен в кургане № 7 у с. Красная деревня в Заволжье²³³. Аналогичные бляшки были обнаружены также в конском захоронении 93 могильника Пшиш I в Закубанье²³⁴. Речь идет, таким образом, о типе находок, распространенном на широчайших пространствах, от Швейцарии на западе до Тувы на востоке, включающих евразийские степи, Иран и Месопотамию. Место возникновения этого типа блях неясно, но Х.-Г. Хюттель склоняется к мысли об их степном происхождении²³⁵.

Весьма важна находка набора таких блях, изготовленных из бронзы, вместе с другими предметами конской сбруи в слое финального пожара Хазанлу IV В (Lower Courtyard) (Рис. 105, 12, 20, 21)²³⁶. Подобные бляшки были обнаружены и в других местах этого слоя. Данная находка позволяет не только реконструировать способ расположения блях данного типа друг относительно друга (некоторые из них, найденные *in situ*, скипелись при окислении), но и датировать их. Если общепринятая датировка разрушения финального поселения Хазанлу IV верна (ср. ниже), они должны относиться к самому концу IX в. до н. э. Таким образом, использование данного типа блях в конской сбруе засвидетельствовано на южном берегу озера Урмия, в урартско-маннейском регионе, уже в конце IX в. до н. э., т. е. значительно раньше, чем то можно было бы предположить на основании ассирийских дворцовых рельефов.

Одновременно с отождествлением сиалковских блях и блях из кургана Аржан к тому же типу автоматически были отнесены и бляхи из Носачевского кургана — вероятнее всего потому, что Г. Т. Ковпаненко сопоставляла их с теми же ассирийскими рельефами, сравнение которых с сиалковскими бляхами было уже традиционным²³⁷. Однако если сравнивать бляхи типа найденных в Аржане (или сиалковские) с носачевскими непосредственно, а не через ассирийские рельефы, то вряд ли кому-нибудь придет в голову относить их к одному и тому же типу²³⁸. Недавно А. Ю. Алексеев, независимо от сопоставлений блях сиалковского типа с ассирийскими рельефами и с аржанскими находками, усомнился в корректности сравнения носачевских бляшек с изображениями на ассирийских рельефах²³⁹. При этом он отметил, что, судя по сохранившимся при этих бляшках обрывкам ремней, а также их форме, они не могли помещаться на нагрудных ремнях сбруи и, следовательно, не являются функциональной аналогией изображенным на рельефах конским наборным нагрудникам. Интересно, что А. Ю. Алексеев сопоставил изображения конских нагрудных украшений на ассирийских

²²⁹ Грязнов 1980, 36, 55, рис. 24, 2–7; Grjaznov 1984, 50, 74, Abb. 24.

²³⁰ Смирнов 1961, 69–70, рис. 13, 3–11; Смирнов 1964, 29, рис. 2, 36; Тереножкин 1976, 42–43, 158–159, рис. 14, 10–13.

²³¹ Шаповалов 1971, 191–193; Тереножкин 1976, 49, 158–159, рис. 20, 4–7.

²³² Hüttel 1981a, 29–44.

²³³ Лукашов 1984, 157–161.

²³⁴ Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996, 25, рис. 1. Здесь же ср. сводку аналогичных находок в Восточной Европе.

²³⁵ Hüttel 1981a, 42–44.

²³⁶ de Schauensee, Dyson 1983, 63–64, fig. 6, ср. 70–71, fig. 18, 3; Muscarella 1988, 70–71, fig. 106, 107, 109, 110; de Schauensee 1989, 48, fig. 19. В Хазанлу эти бляшки использовались в качестве наборного украшения ремней узды, а не нагрудника.

²³⁷ Kossack 1980, 123; Hüttel 1981a, 35, 39; Kossack 1989, 116.

²³⁸ Ср. например Тереножкин 1976, 158–159, где оба типа блях описаны на соседних страницах, причем о носачевских сказано, что они не имеют аналогий.

²³⁹ Алексеев 1992, 80–81; Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993, 79–80. Ср. Полин 1994, 157–158; Дударев 1995, 29–30.

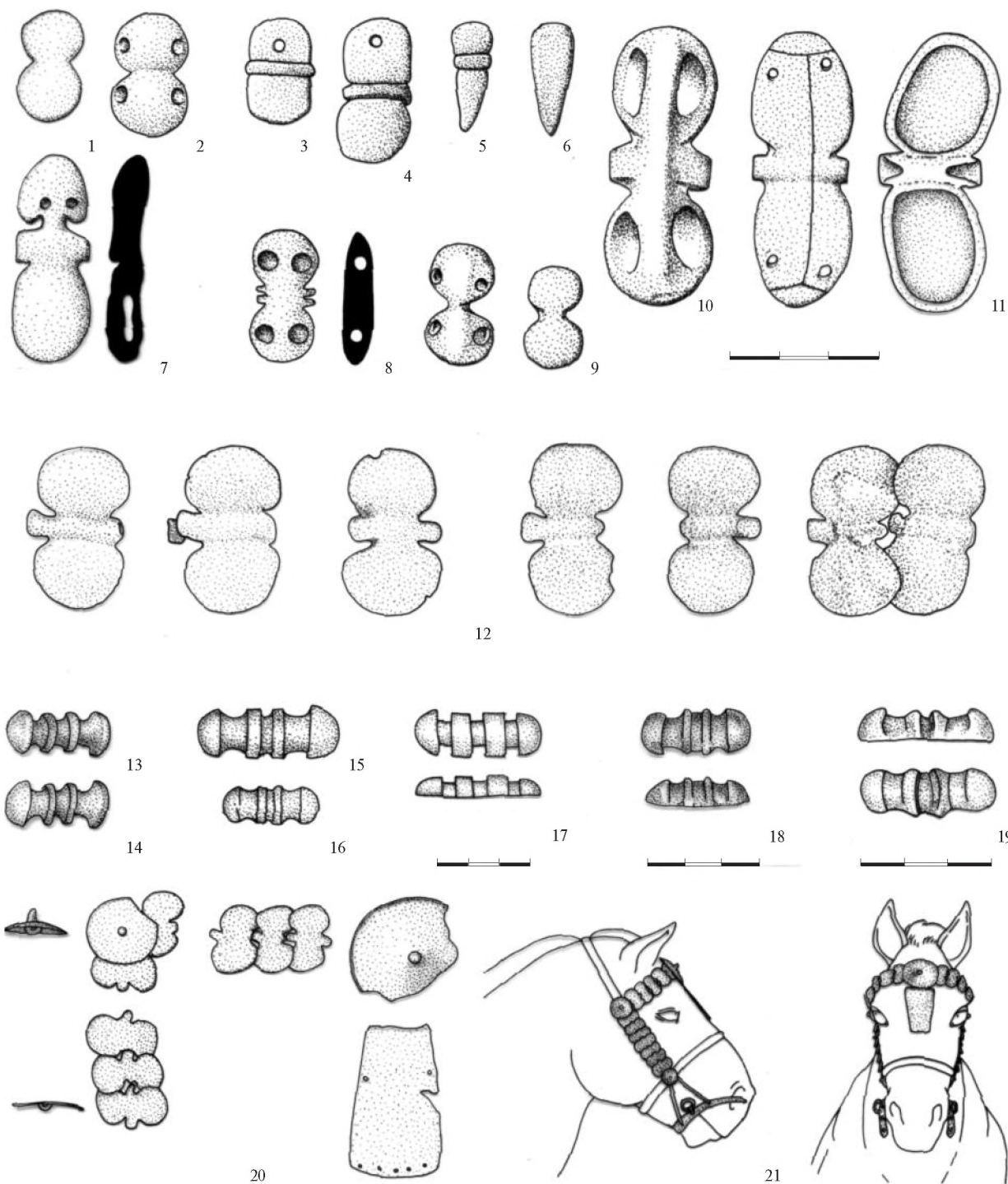

Рис. 105 1–12. Бляшки. 13–19. Застежки. 20, 21. Реконструкция конской узды из слоя разрушения Хазанлу IV. 1–6. Курган Аржан, камера 26; 7. Курган Жирноклеевский 6; 8. Мериген, Швейцария; 9. Меллентин, северо-восточная Германия; 10. Кобанский могильник, погребение 31; 11. Курган Стрижена могила, Донецкая область; 12. Хазанлу IV; 13–15. Курган Аржан, камера 1; 16. Курган Аржан, камера 31; 17. Курган Высокая могила, гробница 2; 18. Курган Высокая могила, гробница 5; 19. Курган у с. Васильевка. 1–7, 10, 11. Кабаний клык; 8, 9, 19. Кость; 12. Бронза; 13–18. Камень

По Hüttel 1981a, Abb. 1 (1–11); Muscarella 1988, Nr. 110 (12); Grjaznov 1984, Abb. 2–4 (13–16); Тереножкин 1976, рис. 5, 6; 6, 11; 10, 3 (17–19); de Schauensee, Dyson 1983, fig. 6 (20); de Schauensee 1989, fig. 19 (21)

рельефах также с находками из кургана Аржан, но не с бляхами из камеры 26, как это сделал до него Х.-Г. Хюттель, а с желобчатыми бляхами из центральной камеры 1²⁴⁰. В центральной камере кургана Аржан обнаружено пять бляшек этого типа (поскольку конские погребения здесь нарушены, первоначально их могло быть и больше), что как будто свидетельствует о возможности подобного их истолкования, тем более, что их форма действительно весьма напоминает изображенные на ассирийских рельефах бляхи (*Рис. 105, 13–16*). Предметы абсолютно такой же формы встречаются и в причерноморских памятниках предскифской эпохи (гробницы 2 и 5 кургана Высокая могила в Запорожье²⁴¹, курган Васильевка в Донецкой области²⁴²) (*Рис. 105, 17–19*), однако именно эти находки заставляют усомниться в однозначном истолковании таких предметов как элементов наборных конских нагрудников. В самом деле, в этих погребениях они явно использовались как застежки пояса (два случая) или колчана (один случай) и найдены без всякой связи с предметами узды. Как застежки, прежде всего от горитов, но, возможно, применявшиеся и для других целей, толкуются и многочисленные подобные находки в скифских памятниках²⁴³.

Как бы то ни было, отмеченные А. Ю. Алексеевым различия между элементами конских наборных украшений и носачевскими бляхами достаточны, чтобы отказаться от их сопоставления с ассирийскими рельефами и от идеи об их переднеазиатском происхождении²⁴⁴. К этому можно добавить еще, что бляшки, служившие частями наборных нагрудников, естественно, встречаются в комплексах в виде наборов, состоящих из достаточно большого количества предметов (66 в Аржане, 21 в Жирноклеевском, 17 в кургане Стрижена могила, несколько десятков в Хазанлу IV, в виде наборов они представлены и в Иране²⁴⁵). Носачевских же блях всего четыре²⁴⁶, и они явно являются парными принадлежностями узды. Назначение носачевских блях стало, на мой взгляд, ясно после публикации комплекса из кургана у с. Квитки в Поросье (*Рис. 106*), по составу находок и хронологически очень близкого носачевскому²⁴⁷. В составе этого комплекса обнаружено шесть экземпляров двукольчатых бронзовых удиц с дополнительными звеньями. Дополнительные звенья одной пары имеют форму, чрезвычайно близкую форме носачевских предметов²⁴⁸, с той лишь разницей, что желобчатые бляхи на них имеются лишь с одной стороны, а с другой заменены украшением в виде рогов (*Рис. 106, 65*). Поскольку квитковские удила являются ближайшей аналогией носачевским бляхам, можно полагать, что эти бляхи также служили дополнительными звеньями удиц, скреплявшимися с ними с помощью ремня, а не наглухо, как на удилах из кургана Квитки. С другой стороны к ним, как и к квитковским, прикреплялся ремень повода. Остатки ремня на носачевских бляхах вполне соответствуют такой их интерпретации. В подтверждение этого предположения следует заметить, что на одной паре удиц, най-

²⁴⁰ Грязнов 1980, 25, 55, рис. 12, 2–4; Grjaznov 1984, 29, 74, 81, Abb. 2–4. Ср. Членова 1975, 70–72; Членова 1997, 35–36.

²⁴¹ Бидзиля, Яковенко 1974, 148–158, рис. 3; 5, 1; Тереножкин 1976, 28–32, рис. 5, 6; 6, 11.

²⁴² Тереножкин 1976, 37, рис. 10, 3.

²⁴³ Черненко 1981, 38–42, рис. 24–25.

²⁴⁴ Очень странную позицию по данной проблеме занимает С. В. Махортых (1994, 21, 23). В тексте своей работы он соглашается с предложенным Г. Т. Ковпаненко сопоставлением носачевских блях с ассирийскими рельефами и на этом основании считает их «археологическим подтверждением участия киммерийцев в переднеазиатских походах». Однако здесь же, в примечании к процитированной фразе, выражено противоположное мнение: автор отмечает функциональное несоответствие деталей узды, найденных в Носачево и Квитках и изображенных на ассирийских рельефах, и отрицает их отождествление и идею о переднеазиатском происхождении блях. Объединить две точки зрения в логически непротиворечивом

высказывании не представляется возможным: если носачевские бляхи не отождествляются с изображенными на ассирийских рельефах деталями узды, они, очевидно, не могут служить «археологическим подтверждением» участия новочеркасцев в переднеазиатских походах. Читатель остается в недоумении: какое из двух противоположных высказываний — в тексте или в примечании к нему — отражает точку зрения автора? Старое сопоставление носачевских блях с ассирийскими рельефами повторено, без указания иных интерпретаций, в новейшей работе Dietz 1998, 36.

²⁴⁵ Herzfeld 1941, 142.

²⁴⁶ А. И. Тереножкин со ссылкой на ту же публикацию Г. Т. Ковпаненко указывает, что их было пять: Тереножкин 1976, 79.

²⁴⁷ Ковпаненко, Гупало 1984, 39–58.

²⁴⁸ Ковпаненко, Гупало 1984, 44–45, рис. 5, 1; Dietz 1998, 44, Nr. 35, Taf. 5.

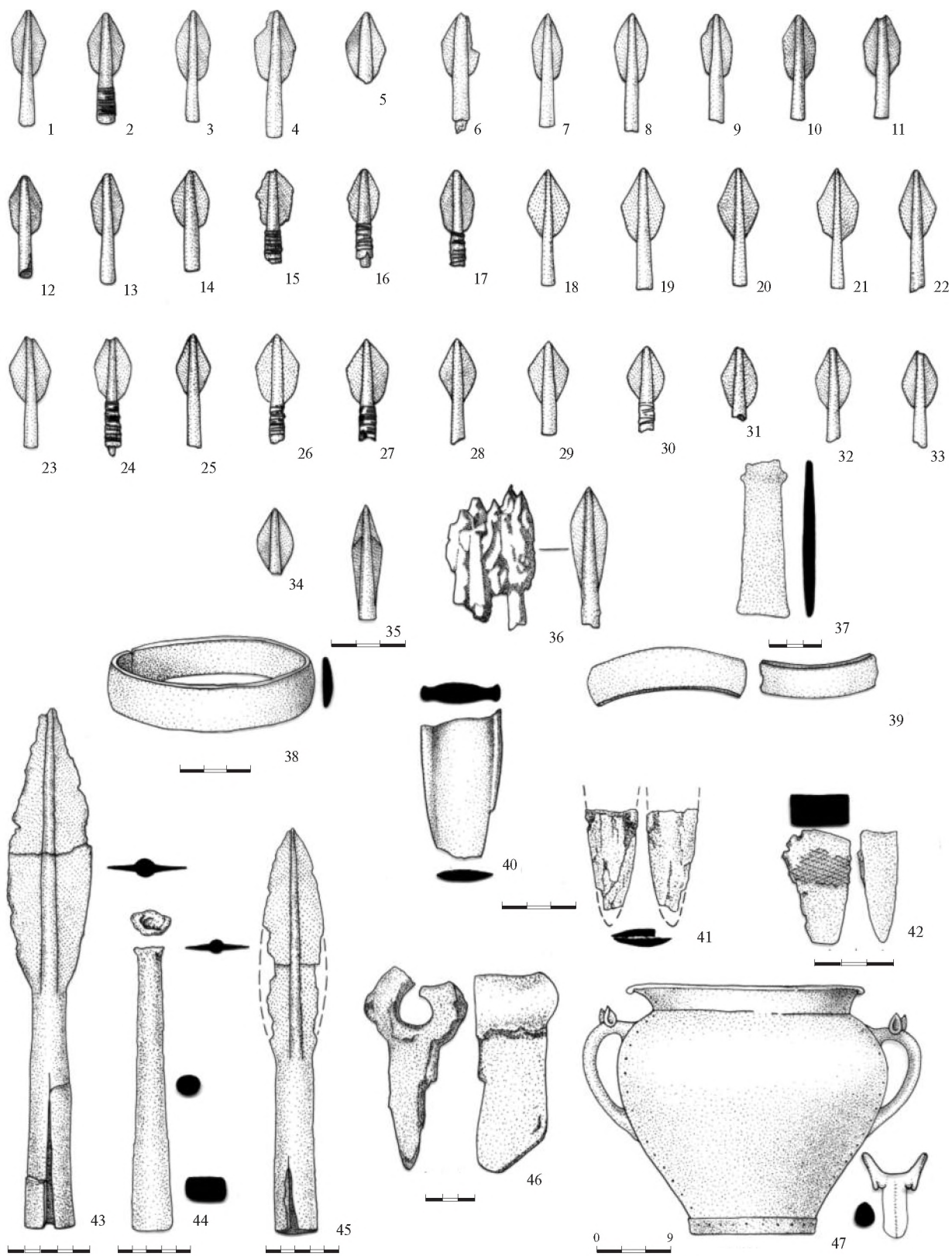

Рис. 106 Находки из кургана у с. Квитки в Поросье (1–47)

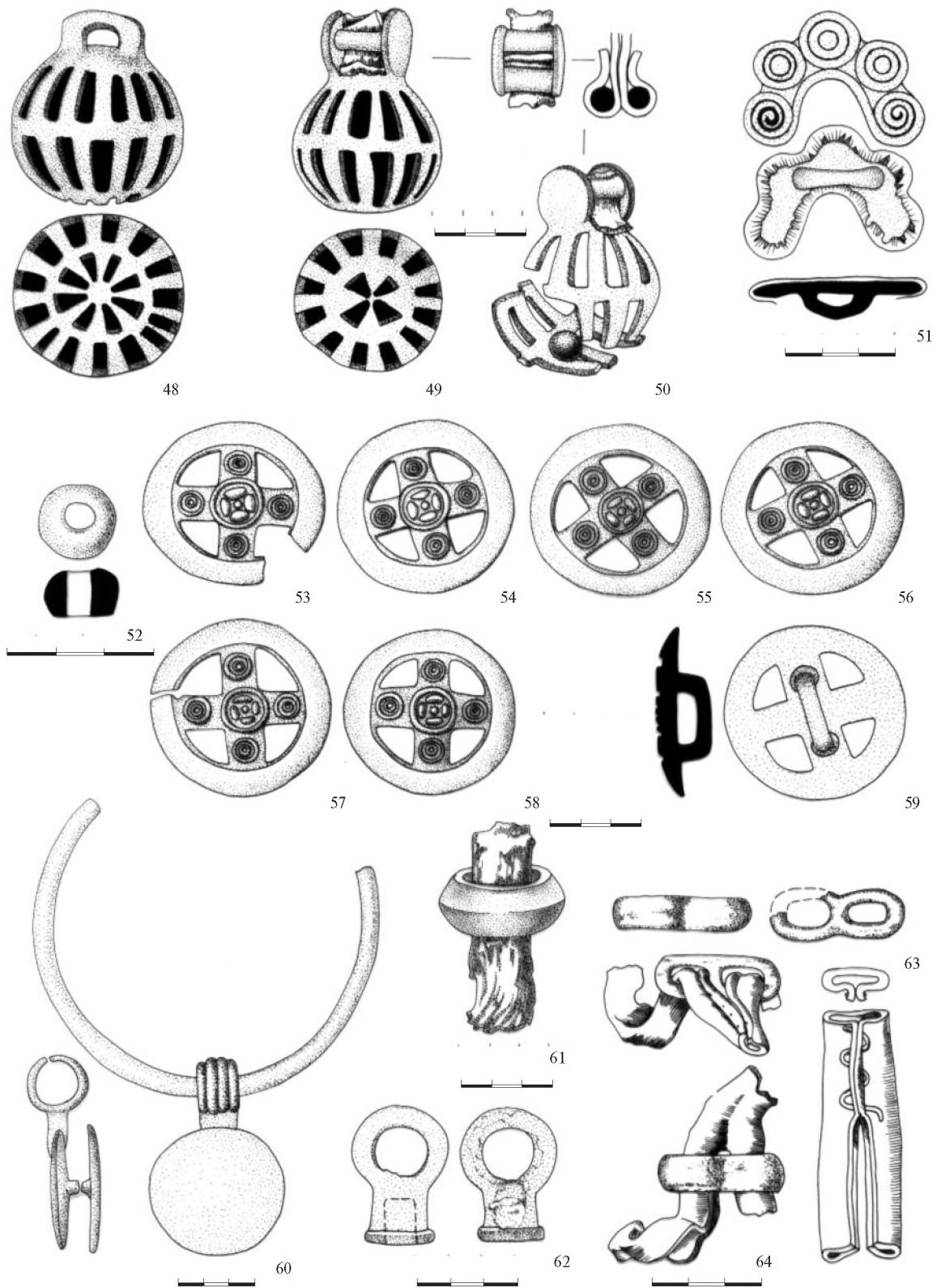

Рис. 106 Находки из кургана у с. Квитки в Поросье (48–64)

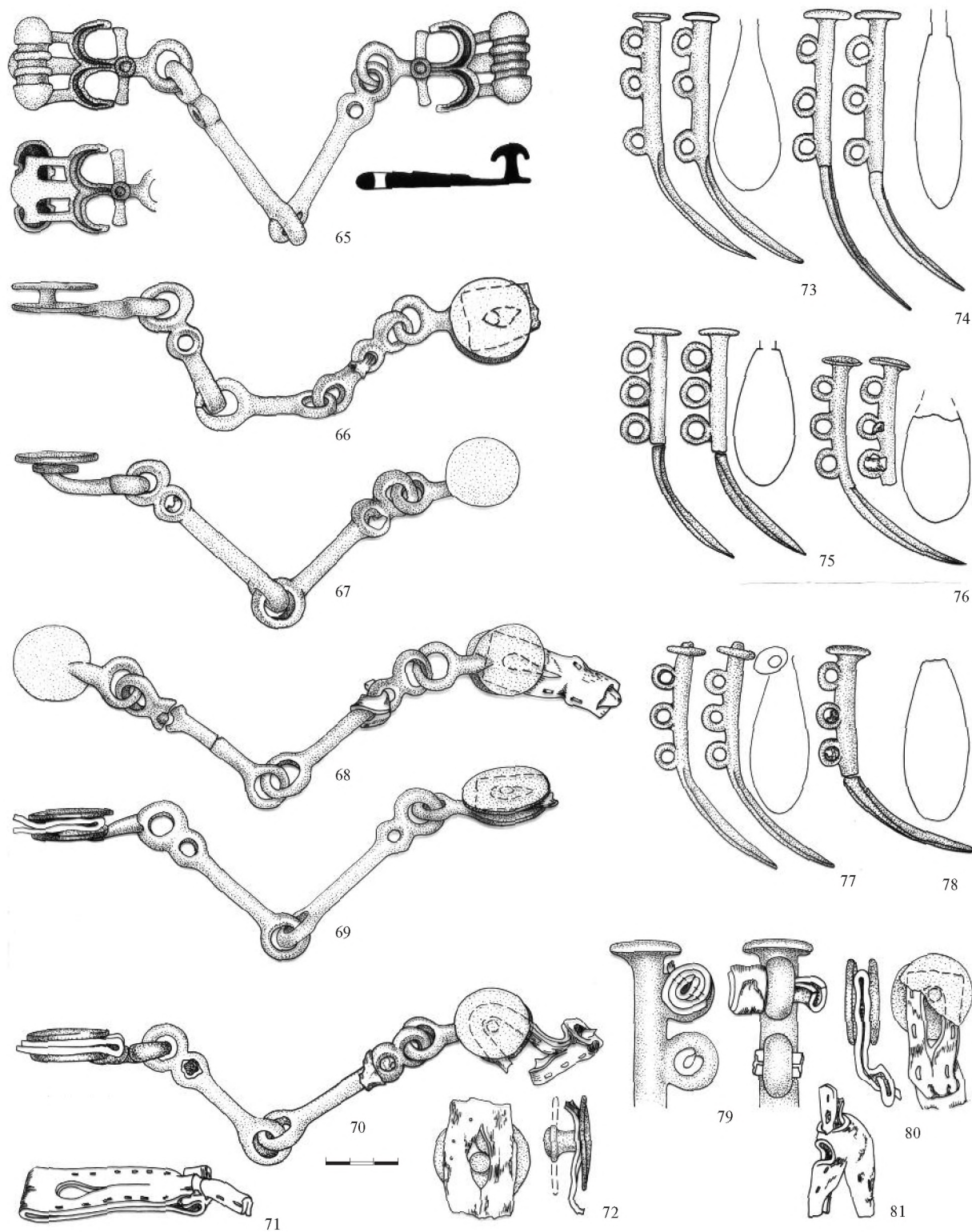

Рис. 106 Находки из кургана у с. Квитки в Поросье.
 1–35, 38, 39, 47–60, 65, 73–75, 77. Бронза; 36, 37, 40–46. Железо;
 61. Бронза и дерево; 62. Бронза, серебро и кожа; 63, 64. Дерево и кожа; 66–70, 72, 76, 78, 79, 80. Бронза и кожа; 71, 81. Кожа
 По Ковпаненко, Гупало 1984, рис. 5, 6, 9

денных в Носачевском кургане, использован именно такой способ соединения с одним из дополнительных звеньев (Рис. 102, 7). Другой возможный вариант истолкования носачевских блях был недавно предложен С. Б. Вальчаком²⁴⁹. Согласно его мнению, они являются деталями колесничной упряжи, аналогичными кольцам с подвесками (см. выше), с той разницей, что бронзовое кольцо здесь заменено на кожаное.

Итак, при любой интерпретации бляхи из Носачевского кургана не имеют ни малейшего отношения ни к ассирийским рельефам, ни к переднеазиатской узде вообще. Они не могут использоваться не только как свидетельство участия новочеркасцев в переднеазиатских походах, но даже и торговых контактов с Передней Азией. Не могут они служить и в качестве опоры для абсолютной хронологии новочеркасских памятников, поскольку отождествление этих блях с элементами сбруи, изображенными на ассирийских рельефах и известными по находкам в ряде мест, в том числе в Хазанлу IV, оказывается ошибочным.

2.2.6 БУБЕНЦЫ ИЗ КВИТКОВСКОГО КУРГАНА

Кроме носачевских блях, предлагалось рассматривать как свидетельство участия носителей культуры Новочеркасского клада в переднеазиатских походах и как доказательство их идентичности с киммерийцами также бубенцы, найденные в уже упоминавшемся погребении поздненовочеркасского времени — кургане у с. Квитки (Рис. 106, 48–50). При этом отмечалось, что близкие аналогии этим бубенцам на территории Северного Причерноморья неизвестны, зато они широко распространены в Передней Азии, в том числе в северо-западном Иране, «на путях киммерийских походов»²⁵⁰. Состав инвентаря квитковского погребения в целом достаточно характерен для переходной эпохи от новочеркасской к раннескифской культуре. Найденные здесь элементы конской узды принадлежат к классической новочеркасской упряжи — двукольчатые удила и трехпетельчатые псалии с лопастью; в колчанном наборе преобладают стрелы новочеркасского типа. Однако в нем присутствуют уже и наконечники ранней разновидности жаботинского типа, аналогичные найденным в кургане Енджа; некоторые другие элементы погребального инвентаря (например, керамика) также сближают квитковский комплекс с раннескифскими²⁵¹.

Найденные в Квитках три бубенца, видимо, использовавшиеся как украшения конской упряжи, и в самом деле неизвестны в других новочеркасских памятниках. Они имеют сферическую форму; стенки снабжены вертикальными прорезями, расположенными в два ряда и разделенными посередине сплошным горизонтальным пояском; на нижней части имеются прорези треугольной формы, образующие третий ряд.

Бубенцы и колокольчики и в самом деле широко использовались в передневосточной конской упряжи, в частности они были распространены в Урарту, Ассирии, Иране и Закавказье. Однако между бубенцами, использовавшимися в этих и других регионах, имеются значительные различия — частично хронологические, частично локальные, и совершенно неправомерно говорить о них как о гомогенной массе. Сразу следует отметить, что квитковские бубенцы не имеют ничего общего с колокольчиками, применявшимися в Ассирии и Урарту. Все они открытые снизу и имеют или коническую форму разных пропорций, или восьмигранную. Стенки первых обычно сплошные, часто с одним вертикальным разрезом (хотя иногда встречаются и конические колокольчики с прорезями), вторых — как правило имеют прямоугольные или квадратные отверстия, расположенные на гранях восьми-

²⁴⁹ Вальчак 1997а, 42–43.

²⁵¹ Ковпаненко, Гупало 1984, 39–58.

²⁵⁰ Скорый 1991, 24.

гранника в один или два ряда. Урартские колокольчики часто орнаментированы и имеют надписи, благодаря чему уверенно датируются (известны конические колокольчики с надписями Сардури II и восьмигранные с надписями Менуа и Аргишти) (Рис. 107)²⁵². Аналогичные колокольчики, по крайней мере часть которых импортирована из Урарту, были найдены и на Самосе, а также в некоторых других местах в Греции²⁵³. Подобные колокольчики известны и за пределами Ассирии и Урарту — в Анатолии (Богазкёй, слой Бююккале I)²⁵⁴, Сирии (Зинджирли)²⁵⁵, Палестине (Лахиш)²⁵⁶. Впоследствии они распространяются и в раннескифских памятниках. Однако на этих территориях, включая Ассирию и Урарту, неизвестны близкие аналогии бубенцам из Квиток.

Несколько ближе к ним бубенцы из Ирана. Здесь были распространены сферические или несколько вытянутые бубенцы (иногда им придана форма плода граната), однако прорези на их стенках как правило расположены в один ряд во всю высоту бубенца и имеют вид щелей. Несколько таких бубенцов было обнаружено, в частности, в слое Хазанлу IV²⁵⁷, что удостоверяет их использование в IX в. до н. э. (Рис. 108, 1–3). Известны и их находки на других иранских памятниках, в частности, в некрополях Марлик (погребение 47, XXI E)²⁵⁸, Сиалк В (погребения 15 и 56)²⁵⁹ и других²⁶⁰. Некоторые из таких бубенцов украшались зооморфными изображениями (Рис. 81, 3; 108, 4–6). Наряду с бубенцами использовались также и конические колокольчики, сходные с урартскими и ассирийскими (с прорезями или без), однако они встречаются здесь гораздо реже (Рис. 81, 1)²⁶¹. Среди иранских находок, однако, также неизвестно полных аналогий бубенцам из Квиток. Несколько приближаются к ним бубенцы из Тепе Гияна (погребение 105, четвертый слой, начало II тыс. до н. э.)²⁶², у которых прорези расположены в два ряда, но они были приспособлены для подвешивания за два конца, имели гораздо более вытянутую форму и вряд ли использовались в конской упряжи (ср. Рис. 108, 7, 8).

Ближайшие аналогии квитковским бубенцам происходят из Закавказья. Так, подобные подвески в большом количестве обнаружены среди материалов Арктикского некрополя. Часть подвесок шарообразная, некоторые — вытянутой формы, все они украшены треугольными или подтреугольными прорезями, расположенными, как и на квитковских бубенцах в два яруса; некоторые имеют прорези и на нижней части. Обращает на себе внимание то, что все подвески этого типа происходят из погребений второй хронологической группы (погребения 93, 120, 169, 180, 196, 203, 245, 248, 297, 314, 317, 322, 327, 333, 346, 360, 361, 396, 398, 446, 466, 541, 549, 562, 571, 575, 576, 580, 608, 627, 637), которая, видимо, датируется XII–XI вв. до н. э. (Рис. 109, 1–11)²⁶³. Видимо, к тому же времени относится погребение 9 Лори-бердского могильника, где обнаружено три бубенца разных форм²⁶⁴. Подобные бубен-

²⁵² Thompson, Hutchinson 1931, 83, Taf. XXIII, 5–7; Пиотровский 1955, 43, рис. 35; Пиотровский 1970, №56, 58; Calmeyer 1971, 427–430; Belli 1976–1977, 198–208; Vanden Berghe, De Meyer, Overlaet, Haerincx, Tanret 1983, 149–153, Nr. 62–77; Özgen 1984, 109–111, Fig. 34–36; Seidl 1991, 80, Nr. 45, 56–61.

²⁵³ Möbius 1938, 156–166; Jantzen 1972, 81–84, Taf. 79–80; Muscarella 1978, 61–66, fig. 1–12.

²⁵⁴ Boehmer 1972, 70, Taf. X.

²⁵⁵ Luschan, Andrae 1943, 106, 167, Taf. 48, a–c (здесь же указание на находку аналогичных экземпляров в Ашшуре).

²⁵⁶ Tufnell 1953, 395–396, pl. 54, 19; 58, 28 (из контекста римского времени).

²⁵⁷ de Schauensee, Dyson 1983, 71–72, fig. 19 a–c; Muscarella 1988, 67–68, Nr. 96–101; de Schauensee 1989, 45.

²⁵⁸ Negahban 1977, 57, Nr. 132.

²⁵⁹ Ghirshman 1939, 218, pl. XXV, 5–6; LVI (лошадь всадника, изображенного на печати из погребения 15 сиалковского

некрополя, украшена прорезным бубенцом этого типа).

²⁶⁰ Calmeyer 1969, 111; Moorey 1971, 137–138, Nr. 154–158, pl. 28–29; Bouzek 1971, 80–81, 96; Muscarella 1988, 274–276, Nr. 369–374.

²⁶¹ Ghirshman 1939, 218, pl. XXV, 7; LVI (погребение 15); Calmeyer 1969, 111–112; Moorey 1971, 137, Nr. 153, pl. 28; de Schauensee, Dyson 1983, 72, fig. 19 d; Muscarella 1988, 91–93, Nr. 150.

²⁶² Contenau, Ghirshman 1935, 35, pl. 30; ср. Muscarella 1988, 273, Nr. 366–368.

²⁶³ Хачатрян 1979, 15, 148, 161, 179, 184, 189, 192, 211, 213, 238, 247, 248, 250, 253, 255, 261, 267, 283, 284, 309, 317, 349, 354, 360, 365, 369, 370, 385, 396, 401, ср. Хачатрян 1963, 77–78, таб. 5, 4–8; Хачатрян 1975, 185, 214, рис. 92 (с указанием, что часть подвесок относится к первой хронологической группе). Особенно близок квитковским бубенчик из погребения 360.

²⁶⁴ Деведжян 1981, 45, таб. XIII, 3–5.

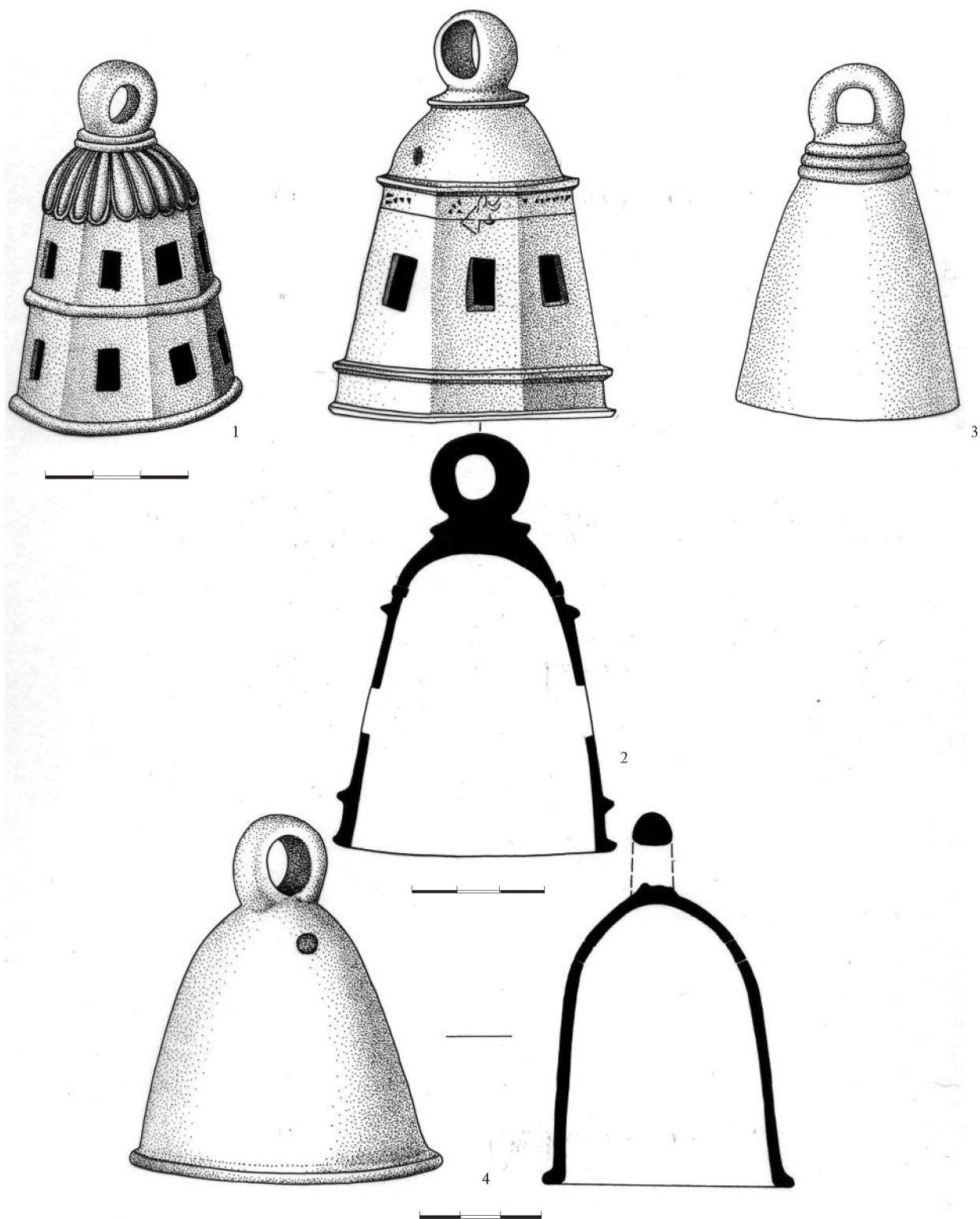

Рис. 107 Урартские бронзовые колокольчики из восточной Анатолии.
 1. Колокольчик с надписью Менуа; 2. Колокольчик с надписью Аргишти I; 3, 4. Колокольчики без надписей
 По Özgen 1984, fig. 34–36 (1, 3, 4); Belli 1976–1977, fig. 10 (2)

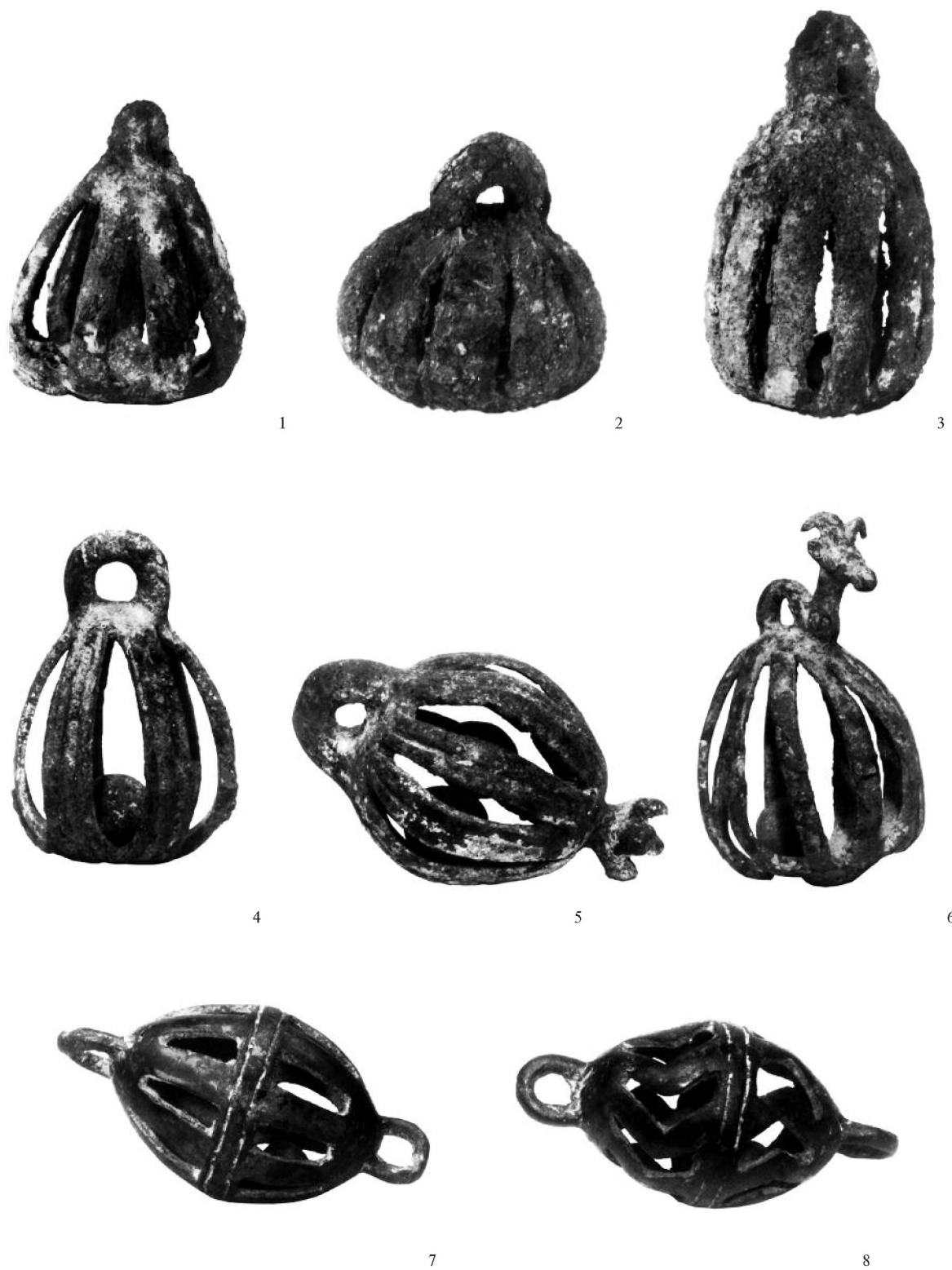

Рис. 108 Бронзовые бубенцы из Ирана. 1–3. Хазанлу IV; 4–8. Грабительские раскопки
По Muscarella 1988, №. 96, 98, 100, 370, 371, 374, 367, 368

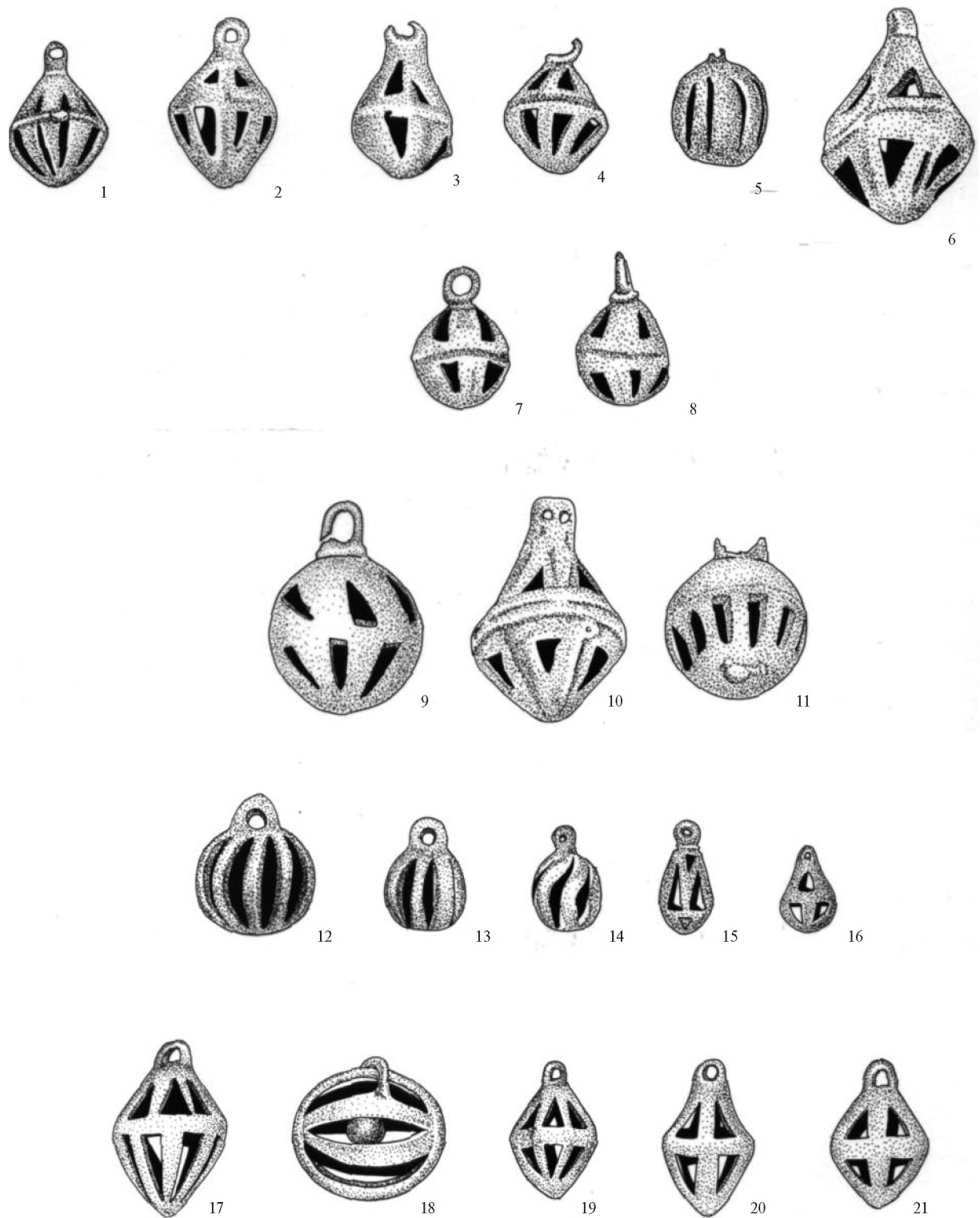

Рис. 109 Бронзовые бубенцы.

1—11. Могильник Артик. 1. Погребение 92; 2, 3. Погребение 180; 4, 5. Погребение 196; 6, 10. Погребение 203;
 7, 8. Погребение 322; 9, 11. Погребение 360; 12—21. Могильник Лори-берд. 12—16. Погребение 2; 17—21. Погребение 7
 По Хачатрян 1979, 148, 184, 189, 192, 250, 267 (1—11); Деведжян 1981, таб. VI, 3—5,8,9,11,12,14—16 (12—21)

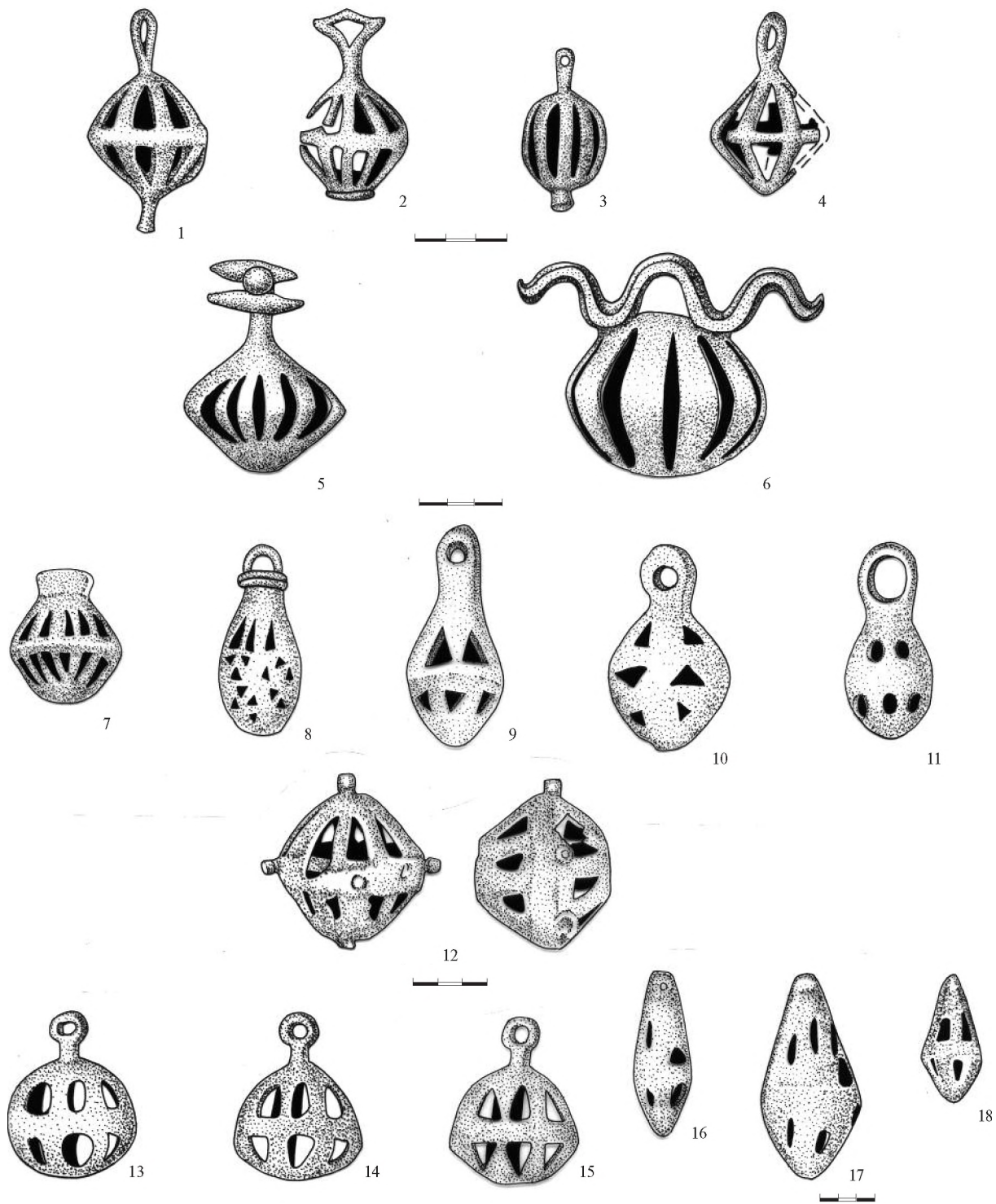

Рис. 110 Бронзовые бубенцы.

1. Раданья, Македония; 2. Хаухица, Македония; 3. Эгос, Итака; 4. Линдос, Родос; 5. Угра, Венгрия; 6. Тржтено, Богемия;
7–10. Могильник Редкин лагерь; 11. Болонья-Савена, погребение 296; 12, 16–18. Мингечаур, грунтовый могильник
и первый курган; 13–15. Болонья-Савена, погребение 94

По Bouzek 1974, fig. 18, 1,2,4,5 (1–4); Chochorowski 1993, Abb. 6 B (5, 6); Мартиросян 1964, рис. 77 (7–10); Müller-Karpe 1959,
Taf. 78, С 3 (11); 79, 7–9 (13–15); Асланов, Ваидов, Ионе 1959, таб. XVIII, 5–7,16 (12, 16–18)

цы известны в закавказских памятниках и более ранней эпохи, например, в Лчашенских курганах²⁶⁵ и в погребениях 2 и 7 могильника Лори-берда²⁶⁶. Известны они и в более поздних памятниках, относящихся к X–IX вв. до н. э. — в могильнике Редкин лагерь, первом Еленендорфском кургане²⁶⁷, в погребении 1 Кармир-блурского (доурартского) некрополя²⁶⁸, погребении 7 Эларского могильника²⁶⁹, погребениях 63 (1950 г.) и 102 Мингечаурского грунтового могильника и первом Мингечаурском кургане²⁷⁰, погребениях 47, 92 (Парадисфестунг) и 12 Калакентского могильника²⁷¹ и других²⁷² (Рис. 85, 16; 109, 12–21; 110, 7–10, 12, 16–18). Видимо, в VIII в. до н. э. подобные бубенцы выходят из употребления, возможно, под влиянием урартских форм колокольчиков, которые их вытесняют. Во всяком случае, комплексы, датируемые урартской эпохой, их уже не содержат.

Еще одна группа прорезных бубенцов или подвесок аналогичной формы происходит из Европы. Они известны среди так называемых «фрако-киммерийских» бронз, входящих в состав кладов периода На В3 (Угра в Венгрии, Тржтено и Ратайе в Богемии, Шаренград в Хорватии) (Рис. 110, 5, 6)²⁷³. Эти бубенчики, использовавшиеся в основном в конской упряжи, однако, дальше от квитковских, чем закавказские образцы — прорезы на их стенках расположены в один ряд и обычно щелевидные, так что они схожи скорее с иранскими бубенцами. Значительно ближе к квитковским три бубенца, обнаруженных в погребении 94 некрополя Болонья-Савена. Погребение относится к этапу Болонья II, который синхронизируется с периодом На В3 и с упомянутыми выше кладами²⁷⁴. Подобные бубенчики, но более вытянутой формы обнаружены также в погребении 296 того же некрополя, которое относится к слою Болонья I и синхронизируется с более ранним периодом На В2²⁷⁵, а также в догреческом погребении 21 некрополя Кум примерно того же времени (Рис. 110, 11, 13–15)²⁷⁶. Позже подобные подвески и бубенчики (в том числе с вырезами, расположенными в два ряда) распространяются на достаточно широких территориях — в Греции, Македонии, западных Балканах, Швейцарии, восточной Франции, Италии и Испании (Рис. 110, 1–4)²⁷⁷.

Таким образом, можно полагать, что местом происхождения подобных бубенчиков было Закавказье, где они, в том числе экземпляры, весьма схожие с квитковскими, были распространены уже начиная с XIV–XIII вв. до н. э. (Лчашенские курганы). Использовались подобные бубенцы и в Иране, однако там они имели как правило иные формы. В первой половине VIII в. до н. э., вероятно, ближе к ее началу, бубенцы в Закавказье выходят из употребления и полностью вытесняются колокольчиками разной формы, которые, впрочем, были известны здесь и раньше. Возможно, эта смена объясняется возросшим урартским влиянием. В Центральной Европе бубенцы сходных форм распространяются, как мы видели, в памятниках периода На В3, самые ранние экземпляры появляются еще в период На В2. Их появление трудно объяснить иначе, как кавказским влиянием, и именно эта гипотеза является в литературе *opinio communis*²⁷⁸. Поскольку переход от периода На В к периоду На С надежно датируется около середины VIII в. до н. э. (см. выше), заимствование прорезных бубенцов рассматриваемого типа из Закавказья в Центральную Европу не могло произойти позже этой даты и датируется, скорее всего, еще концом IX в. до н. э. Эти даты определяются, с одной стороны, датировкой периода На В3, когда подобные бубенцы распространяются в Центральной Европе, а с другой — закавказскими материалами, согласно которым не позже первой половины VIII в. до н. э. подобные

²⁶⁵ Хачатрян 1963, 78.

²⁶⁶ Девелжан 1981, 25, 33, таб. VI, 3–19.

²⁶⁷ Мартиросян 1964, 199, рис. 77, 15–18; Есаян 1976, 116.

²⁶⁸ Мартиросян 1961, 59, рис. 26в.

²⁶⁹ Ханзадян 1979, таб. XXVIII.

²⁷⁰ Фоменко 1953, 67–80; Асланов, Ваидов, Ионе 1959, 81, 162, 175–177, таб. XVIII, 5–7, 16. Особенно близки квитковским сферическим бубенцы из погребения 63.

²⁷¹ Nagel, Strommenger 1985, Taf. 19, 8; 37, 7–8; 59, 10–11; 75, 4.

²⁷² Ср. Погребова 1984, 107–122.

²⁷³ Gallus, Horváth 1939, 19, pl. XVIII B, 8; Richlý 1894, 84, Taf. XII, 24; Šolle 1950, 102–104, fig. 1, 12; Вински 1955, 37, сл. 25; Bouzek 1971, 84–87, 98–99; Chochorowski 1993, 87–88, Abb. 6 B.

²⁷⁴ Müller-Karpe 1959, 216, Abb. 57, 27, Taf. 79, 9.

²⁷⁵ Müller-Karpe 1959, Abb. 7, Taf. 78, 3.

²⁷⁶ Müller-Karpe 1959, 38–39, Taf. 22, 3.

²⁷⁷ Schüle 1969, 49–50, 203–205, Karte 14; Bouzek 1971, 87–104; Bouzek 1974, 60–75.

²⁷⁸ Ср. Bouzek 1971, 94; Bouzek 1971a, 89–91; Погребова 1984, 120–121, с литературой.

предметы выходят здесь из употребления. Заимствование бубенцов, по общему мнению, произошло через причерноморские степи, однако в самом этом регионе они, видимо, не вошли в обиход и не закрепились, в отличие от Центральной и Западной Европы. Квитковская находка остается единственным свидетельством роли степей в передаче предметов этого типа на запад и может быть отнесена к периоду, когда она осуществлялась (о механизме этой передачи — было ли это передвижение населения, торговые контакты, культурные влияния, мода и т. д. — судить невозможно). Бубенцы из Квитков, следовательно, датируются концом IX — серединой VIII в. до н. э. Излишне говорить, что они не могут считаться свидетельством переднеазиатских походов — как потому, что для столь ранней эпохи о таких походах ничего не известно, так и потому, что подобные бубенцы, характерные для Закавказья, в Ассирии и Урарту не применялись. Поскольку погребение у Квитков является одним из ярких комплексов поздненовочеркасского времени, содержащих в себе уже отдельные раннескифские элементы, этот вывод важен для датировки перехода от новочеркасской к раннескифской культуре.

Проблема «переднеазиатских элементов» в предскифской культуре Северного Кавказа

2.3.1 ШЛЕМЫ «ПЕРЕДНЕВОСТОЧНОГО» ТИПА НА КАВКАЗЕ

Как свидетельства киммерийских походов в Переднюю Азию использовались также находки шлемов «ассирийского» типа в могильниках Кобанской культуры Фаскау (Галиат) (*Рис. 112, 1*)¹ и Верхняя Рутха (Кумбулта)² в Северной Осетии и Клин-яр III близ Кисловодска (погребения 186, раскопки 1988 г. и разрушенное погребение 1987 г.)³. Два первых шлема происходят из грабительских раскопок начала века и информация о комплексах их погребений отсутствует. Напротив, комплексы двух последних шлемов, особенно происходящего из раскопок 1988 г., известны достаточно полно. Особая ценность этих комплексов, как справедливо отмечали авторы их публикаций, состоит в том, что они включают типичные предметы новочеркасского облика. Погребение 186 (раскопки 1988 г.) содержало двукольчатые удила с рифлением в виде двух рядов квадратиков, трехпетельчатые стержневидные изогнутые псалии и бляшки, украшенные солярным знаком. Кроме того, здесь же обнаружены биметаллический кинжал с грибовидным навершием и прямым перекрестием, имеющим подпрямоугольные выступы, железные наконечник копья и нож, а также каменный оселок (*Рис. 61*)⁴. Судя по форме найденной в погребении 186 конской узды, оно синхронизируется с началом второй хронологической группы новочеркасской узды по схеме В. Р. Эрлиха. Обнаруженные здесь псалии принадлежат к переходному типу от псалий, встречающихся с удилами первой хронологической группы, к классическим новочеркасским псалиям второй группы. Рифление удил квадратиками не встречается на удилах первой и характерно для второй хронологической группы⁵. Для «классических» новочеркасских памятников характерна и форма найденного здесь биметаллического кинжала⁶.

Что касается разрушенного погребения 1987 г., то его инвентарь, вероятно, известен нам не полностью. Кроме бронзового шлема, здесь обнаружены железный наконечник копья, биметаллический меч того же типа, что и в погребении 186, и бронзовая пектораль (*Рис. 111*)⁷. Близость мечей, шлемов и наконечников копий из двух погребений заставляет предполагать их синхронность.

К тому же типу принадлежит фрагментированный шлем, происходящий из раскопок В. И. Долбежева, проводившихся в 1887 г. на кобанском могильнике Чми в Северной Осетии. Он неопубликован

¹ Уварова 1900, 276–277, рис. 211; Семенов 1955, 61–62.

² Берлин, Музей пред- и праистории, Inv.-Nr. III d 4882; Nagel 1959–1960, 144–147; Nagel 1963, 13–14, Nr. 9, Taf. IV; Sulimirski 1970, 398, pl. L; Borchhardt 1972, 106–107 (Nr. 24, VI), Taf. 35, 1–2; Kellner 1976, 78, Nr. 138; Özgen 1979, 29; Vanden Berghe, De Meyer, Overlaet, Haerincx, Tanret 1983, 128, Nr. 16.

³ Белинский 1990, 190–195, рис. 3, 1; Дударев 1991, 52–53, таб. 17.

⁴ Белинский 1990, 190–195, рис. 3, 1–9.

⁵ Эрлих 1994, 65.

⁶ Тереножкин 1976, 112–114, рис. 69, 75, III; Дударев 1991, 41.

⁷ Дударев 1991, 41, 44, таб. 8, 15, 17.

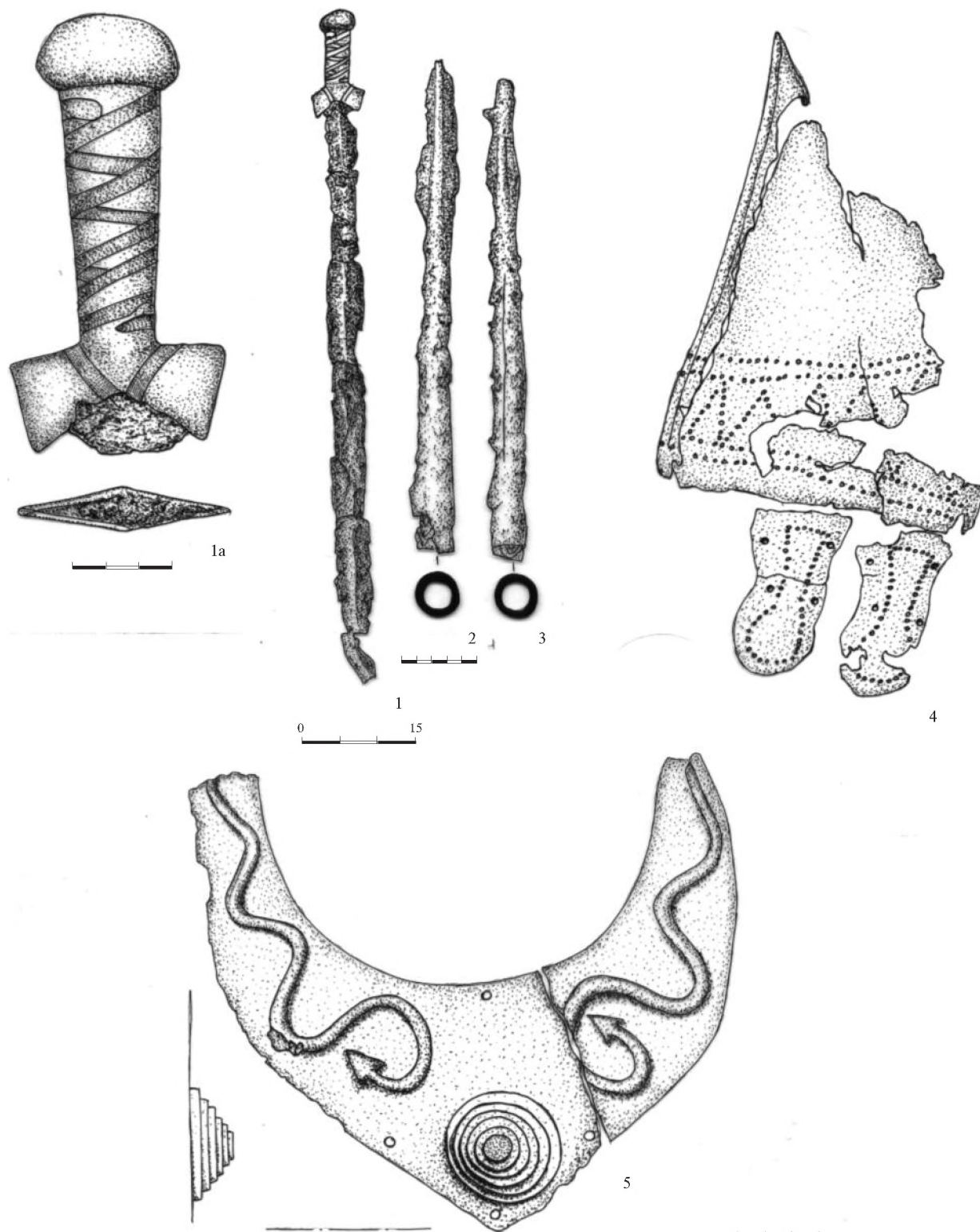

Рис. 111 Находки из разрушенного погребения могильника Клинь-яр III, раскопки 1987 г.
 1. Железо и бронза; 2, 3. Железо; 4, 5. Бронза

По Дударев 1991, таб. 8, 15, 17

и хранится в московском Историческом музее⁸. К сожалению, комплекс, из которого происходит данный шлем, идентифицировать не удается. Шлем был склепан из нескольких листов бронзы, причем листы располагались в два слоя. Между собой листы, как и в других случаях, скреплялись бронзовыми заклепками.

К той же группе находок обычно причисляется и сходный, но плохо сохранившийся шлем, найденный к югу от Кавказского хребта — в Приморском в Абхазии (*Рис. 112, 10*)⁹. Сохранились остатки листовой бронзы и фрагмент конусовидной верхушки с прошитым бронзовой тесьмой швом. Все же по фрагментам можно реконструировать как форму шлема, так и его размеры (высота 30 см). Б. А. Куфтин специально отмечает сходство этого шлема как по форме, так и способу изготовления, с упомянутым шлемом из могильника Фаскау. Для интерпретации как самого шлема, так и всей группы находок, существенное значение имеет комплекс, в котором он найден. Шлем происходит из погребения, разрушенного при полевых работах. Кроме него, в состав комплекса входил еще ряд бронзовых предметов, в том числе два топора (с гвоздеобразным обухом и ассиметричным лезвием и с выпуклым симметричным лезвием и клиновидным обухом). Оба типа топоров характерны для Кобанской и Колхидской культур, причем на втором из них имеется изображение зверя, очень близкое изображениям на кобанских топорах (другие орнаментальные мотивы на топоре отсутствуют) (*Рис. 112, 6*). Кроме топоров, в погребении обнаружены бронзовый кинжал с орнаментированной рукоятью (*Рис. 112, 3*), который находит себе ближайшую аналогию в погребении 66 и более отдаленные — в погребениях 16а и 249 Тлийского могильника¹⁰, а также дугообразная фибула кобанского типа с елочным орнаментом и расширенным приемником (*Рис. 112, 9*). Фибула имеет многочисленные аналогии в кобанских памятниках, в том числе в Тлийском могильнике, и относится ко второму типу по классификации Б. В. Техова¹¹, который он датирует концом XI — первой половиной X в. до н. э. (дата, видимо, занижена). Фибулы этого же типа были найдены и в тлийских погребениях 66 и 16а вместе с упомянутыми кинжалами. Кроме того, здесь же была найдена массивная бронзовая шейная гривна с закрученными концами, биконические спиральные пронызы (*Рис. 112, 2, 7, 8*) и каменный брусок — все находят близкие соответствия в памятниках Кобанской культуры той же эпохи. В комплекс входили также три бронзовых наконечника копий. Одно из них, с длинной узкой до верха расчлененной втулкой и почти треугольным с прямым основанием пером (*Рис. 112, 4*), находит близкие соответствия в Эшерском могильнике и других памятниках Колхидской культуры. Два других имеют более широкую расщепленную втулку и более узкое листовидное перо и также достаточно часто встречаются в памятниках этой культуры (*Рис. 112, 5*). Встречающееся в литературе указание, что в тот же комплекс входил также крючок (очевидно, от одежды) с дисковидными спиральями, ошибочно — он происходит, действительно, из Приморского, но из другого места и был найден вместе с некоторыми другими предметами на другом участке и значительно раньше¹². Инвентарь захоронения из Приморского достаточно типичен для второй хронологической группы Тлийского могильника по периодизации Б. В. Техова, которая датируется им XII—X вв. до н. э. Это же сходство отмечает и Г. Коссака, который синхронизирует комплекс Приморского с началом своей группы Tli C alt¹³. В системе хронологии В. И. Козенковой комплекс Приморского, очевидно, должен быть определен как примерно синхронный началу периода Кобан III¹⁴ — ряд предметов этого комплекса (фибула, орнаментация топора) находит ближайшие аналогии в начале этого периода. Положение комплекса из Приморского в системе относительной хронологии устанавливается вполне надежно. Абсолютная датировка перехода от II к III периоду Кобанской культуры (по Козенковой), примерно соответствующего переходу от горизонта Tli B к Tli C (по Коссаку), от которой зависит дата приморского комплекса, основана на системе привязок к централь-

⁸ Инв. № 25276, оп. № Б 1746/631. Благодарю А. Мошинского, сообщившего мне об этом предмете и позволившего с ним ознакомиться.

⁹ Стражев 1926, 106—107 (non vidi); Куфтин 1949, 139—147, таб. X, 9; Воронов 1969, 24—25, таб. XLVI, 6; Воронов 1980, 207, рис. 1, 47; Kossack 1983, 111—114, Abb. 10, 9.

¹⁰ Техов 1977, 101—103, 107, рис. 89, 1,6; Техов 1980а, 15, 22, 41, таб. 34, 51, 106.

¹¹ Техов 1977, 142—143.

¹² Куфтин 1949, 147; Воронов 1969, 24.

¹³ Kossack 1983, 111—114.

¹⁴ Козенкова 1990, 78—82; Козенкова 1996, 96—99.

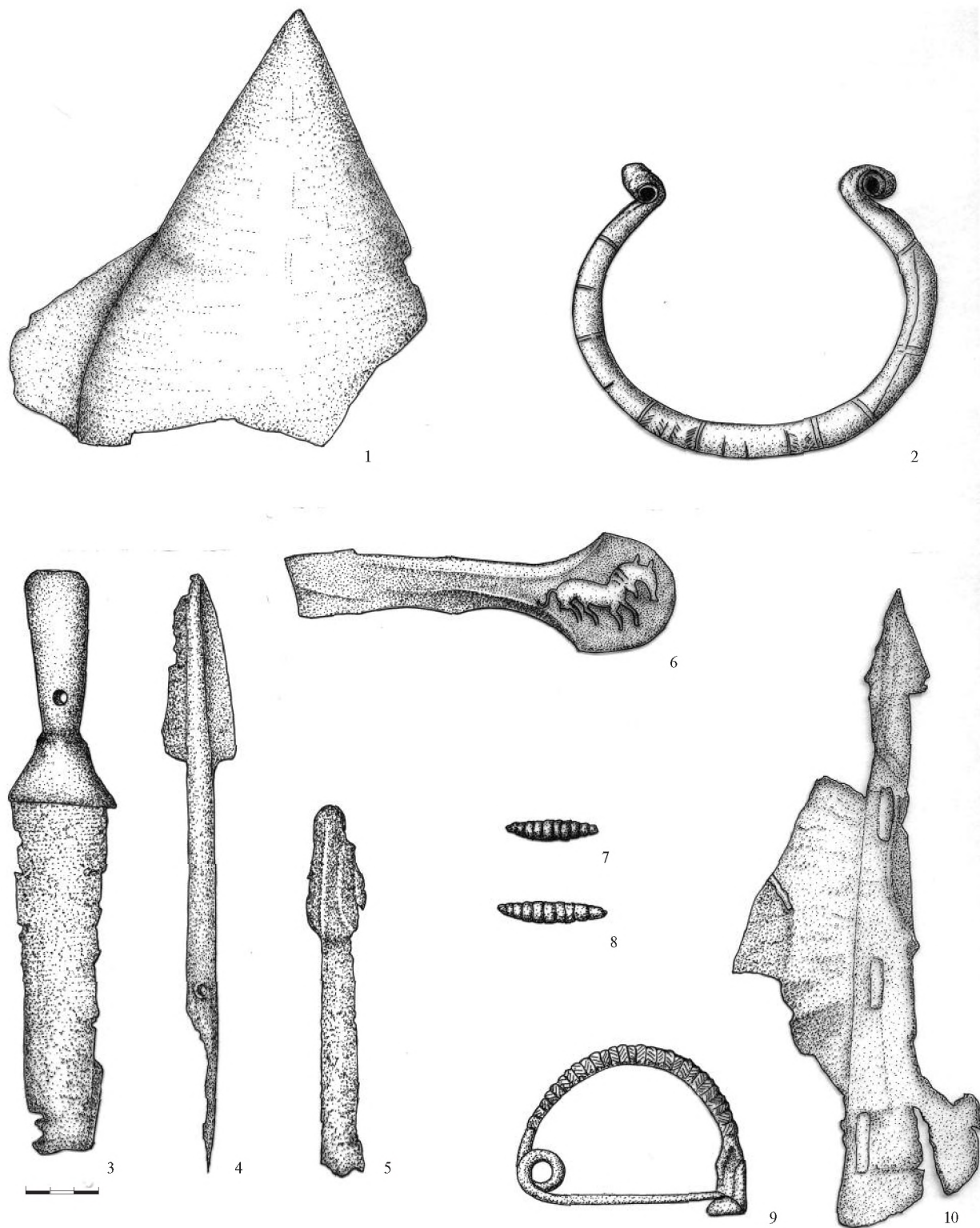

Рис. 112 1. Шлем из могильника Фаскау (Галиат).
 2–10. Находки из погребения в Приморском, Абхазия. Бронза
 По Уварова 1900, рис. 211 (1); Куфтин 1949, таб. X (2–10)

ноевропейским и закавказским комплексам и также может считаться убедительно обоснованной. Она определяется примерно первой половиной – серединой X в. до н. э. Шлем из Приморского датируется, следовательно, примерно второй половиной X – началом IX в. до н. э. Предложенная Ю. Н. Вороновым датировка комплекса из Приморского концом VIII – первой половиной VII в. до н. э. представляется слишком завышенной¹⁵. Вещи, на которые он ссылается в обоснование своей датировки (конические витые пронизи, фибулы), находят себе более близкие аналогии в более древних памятниках.

К той же группе обычно относят и шлем из погребения 13 могильника Бешташени в Триалети (Грузия)¹⁶, который сохранился во фрагментированном виде (*Рис. 78, 21*). Опубликовавший шлем Б. А. Куфтин первым сопоставил его с шлемами из Фаскау и из Приморского. Он отметил, что шлем из Триалети отличается от двух названных лишь «присутствием боковых отростков, служивших наушниками». При этом Б. А. Куфтин отрицал связь всех трех шлемов с Ассирией и считал их родиной область Кобанской культуры, полагая, что ассирийские шлемы имели другую форму. Правда, судил он об ассирийских шлемах, кажется, по единственному экземпляру из раскопок Нимруда, хранящемуся в Британском музее¹⁷. Впоследствии, однако, Б. Б. Пиотровский сопоставил названные находки с обнаруженными на Тейшебаини урартскими остроконечными шлемами, а через них с ассирийскими¹⁸. После Б. Б. Пиотровского отождествление кавказских шлемов с переднеазиатскими стало общепринятым и сомнению не подвергалось.

Имеются, однако, серьезные основания усомниться в корректности отнесения шлема из Бешташени к ассиро-урартскому типу. В самом деле, комплекс погребения 13, в котором обнаружен данный шлем, да и всего Бешташенского могильника, выглядит гораздо архаичнее, чем то предполагает его отождествление с этим типом (*Рис. 78*). Бешташенский могильник был отнесен Б. А. Куфтиным к эпохе поздней бронзы, и в этой датировке вряд ли можно сомневаться. Ряд обнаруженных здесь предметов имеет близкие аналогии в таких эталонных памятниках этого времени, как Лчашенские курганы, Артикский могильник (первая и вторая хронологические группы) и Арчадзорские курганы. В составе погребения 13 были обнаружены достаточно характерные предметы, которые не позволяют сомневаться в его датировке¹⁹: по составу инвентаря он должен быть синхронизирован если не с Лчашенскими курганами, то во всяком случае с Арчадзорскими. Обнаруженная здесь бронзовая булава грушевидной формы с пятью выступами находит себе ближайšie аналогии, кроме погребения 20 того же некрополя, в древнейших погребениях некрополя Самтавро²⁰, в Лчашенских курганах²¹ и в синхронном им погребении 109 могильника Артик, относящемся к первой хронологической группе (вместе с бронзовым клинком близкой найденному в погребении 13 Бешташени формы)²², хотя подобные булавы использовались и позже (Алаверди)²³. Форма бронзового клинка также достаточно характерна и имеет ряд аналогий, например, в погребениях первой и второй группы Артикского могильника и других синхронных памятниках²⁴. В более позднее время подобные клинки выходят из употребления. На раннюю дату указывает также находка в этом погребении весьма своеобразных крюков, близкую аналогию которым представляют крюки из клада Квемо-Сасирети (*Рис. 64, 9*), который содержал удила с дисковидными псалиями и, видимо, датируется ненамного позже Лчашенских курганов (см. выше). Совершенно аналогичные крюки вместе с двухчастными бронзовыми удилами без псалий, были обнаружены в погребении 117 могильника Трели, относящемся к XIV–XIII вв. до н. э. (*Рис. 74, б*)²⁵. Что касается кольчатых удил, которые найдены в данном погребении вместе с роговыми псалиями, то достаточно близкая аналогия им имеется в погребении 79 могильника Артик,

¹⁵ Воронов 1980, 207–208.

¹⁶ Куфтин 1941, 68, таб. XL.

¹⁷ Hunger, Lamer 1912, 54, Abb. 169.

¹⁸ Пиотровский 1955, 25–26.

¹⁹ Куфтин 1941, 68, 74, рис. 72 б; 80, 5; 81; таб. XL, XLVI, XLVII; Schaeffer 1948, fig. 279.

²⁰ Чубанишвили 1957, таб. XVII; Каландадзе 1980, 84–85, рис. 891–892.

²¹ Мартиросян 1964, 104, таб. IX, 6; Хачатрян 1975, 178.

²² Хачатрян 1975, 181, рис. 88; Хачатрян 1979, 36, 156.

²³ Мартиросян 1964, 104; Есаян 1966, 54; однако булава из Сялка (Ghirshman 1939, pl. XXIX, 10) не бронзовая, а каменная.

²⁴ Хачатрян 1975, 174–175, 199; Есаян 1966, 60–62.

²⁵ Abramischwili 1995, 192, 321, Nr. 350, Abb. 199.

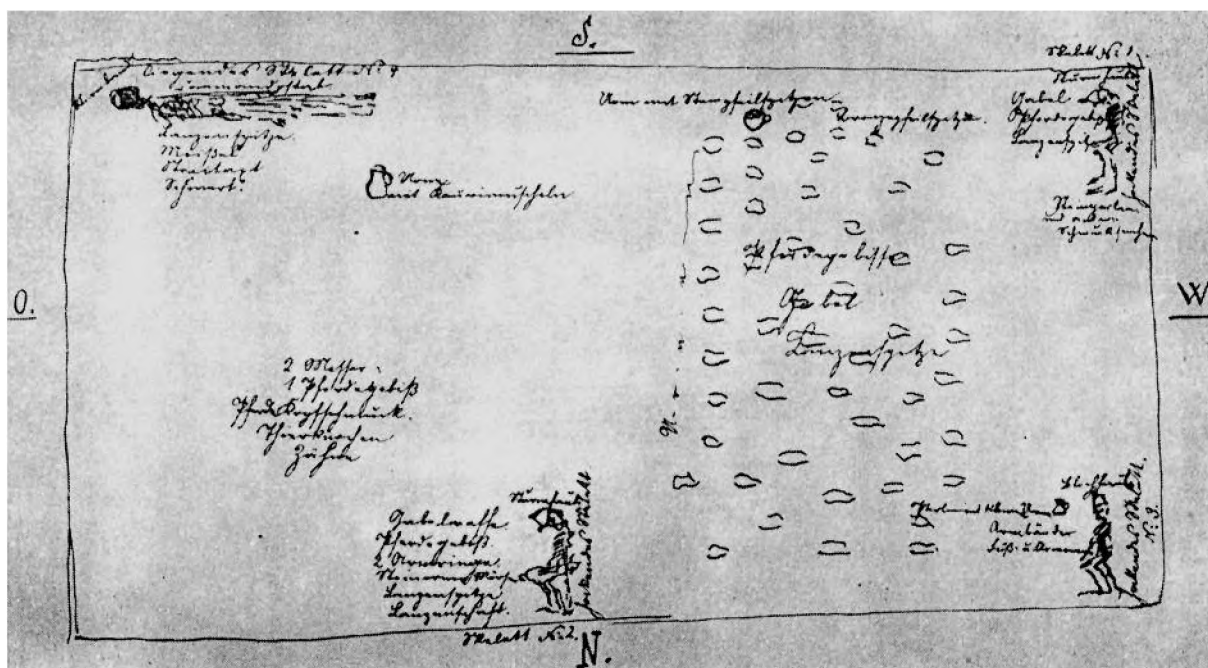

Рис. 113 Схематический план погребения в кургане 1 у с. Арчадзор, рисунок Э. Реслера
По Кушнерава 1957, рис. 1

занимающего промежуточное положение между первой и второй хронологическими группами (Рис. 65, 5) (см. выше). Наконец, и бронзовые серпы и булавки находят себе близкие аналогии в погребениях второй хронологической группы Арктического некрополя²⁶. Таким образом, погребение 13 Бешташенского могильника может быть синхронизировано с началом второй хронологической группы Арктики и, видимо, с Арчадзорскими курганами и датировано, вероятнее всего, XIII–XII вв. до н. э.²⁷ К сожалению, имеющаяся публикация бешташенского шлема (а возможно и его сохранность) не позволяет определенно судить обо всех деталях его формы и способе изготовления: ни фотография, ни рисунок шлема не опубликованы. Имеется лишь полевая фотография погребения, на которой, впрочем, шлем виден достаточно хорошо. Эта фотография, описание Б. А. Куфтина и та уверенность, с которой он отождествляет бешташенский шлем со шлемами из Фаскау и Приморского, позволяет, однако, предполагать, что способ изготовления и форма всех трех шлемов были в самом деле близки: они были согнуты в виде конуса из листов бронзы и «сшиты» несколькими заклепками.

Следует отметить в связи с этим, что использование бронзового шлема в бешташенском погребении не является изолированным среди памятников этого культурного круга. В синхронном и культурно близком погребальном комплексе первого Арчадзорского кургана на черепах троих похороненных сохранились бронзовые шлемы²⁸. Судя по схематическому рисунку Э. Реслера, они также имели коническую остроконечную форму (Рис. 113)²⁹. Воины, изображенные на бронзовых моделях колесниц из более ранних Лчашенских курганов и из погребения 7 Лори-берда имеют, правда, шлемы другой формы — шишаки с гребнем³⁰.

²⁶ Хачатрян 1975, 207, 213.

²⁷ Ср. датировку этого погребения даже рубежом XIV–XIII вв. до н. э.: Абрамишвили 1961, 318; Пицхелаури 1969, 181; Котович, Давудов 1980, 48.

²⁸ Кушнерава 1957, 137.

²⁹ Кушнерава 1957, 137, рис. 1.

³⁰ Есяян 1966, 96–97, таб. XVI, 7–10; Деведжян 1981, 27–28.

Остроконечный шлем, склепанный из листов бронзы, обнаружен и в еще одном закавказском погребении, относящемся к более позднему времени. Он входил в состав инвентаря погребения 16 могильника Трели II, раскопанного на территории Тбилиси (*Рис. 92, 19*)³¹. Погребение, по всей видимости, относится к рубежу IX–VIII или началу VIII в. до н. э. (см. выше). К сожалению, этот шлем плохо сохранился и его форма не восстанавливается.

Следует специально отметить идентичность форм, пропорций и способа изготовления названных шлемов. К сожалению, для экземпляров из первого Арчадзорского кургана данные практически отсутствуют. В случае с шлемом из Бешташенского некрополя нам приходится полагаться на указание Б. А. Куфтина, отмечавшего его однотипность с находками из Приморского и из Фаскау. Шлем из Трели слишком плохо сохранился и его точные размеры не устанавливаются. Ясно лишь, что он был изготовлен из листовой бронзы и имел заостренный верх. Для остальных мы располагаем более конкретными данными. Их размеры идентичны: высота обоих шлемов из Клинь-ярского могильника и из Фаскау, а также из Приморского, 30–31 см. Все они заостренные, в верхней части имеют форму почти правильного конуса, в нижней выгнуты по форме головы. Все названные шлемы имеют в нижней части отверстия, вероятно, служившие для прикрепления подкладки из войлока или кожи. Шлем из погребения 186 Клинь-ярского могильника изготовлен из одного листа бронзы и скреплен по шву заклепками, шлемы из погребения 1987 г. и из Фаскау изготовлены тем же способом, но не из одного, а двух листов бронзы. Так же изготовлен и шлем из Приморского (из одного или двух листов из-за его фрагментированности неясно). Шлем из Трели также изготовлен из двух листов бронзы. Оба шлема из Клинь-ярского могильника и бешташенский имеют нащечники, выкроенные из того же листа бронзы. У остальных нижняя часть сохранилась неполностью, что не позволяет судить о наличии или отсутствии нащечников. На шлеме из погребения 1987 г. Клинь-ярского могильника сохранился пуансонный орнамент в виде двух поясков, каждый из которых образован двумя рядами точек, и зигзага между ними. На нащечниках имеется такой же орнамент в виде одного ряда точек. Другие шлемы группы, судя по публикациям, не орнаментированы.

Итак, все названные шлемы однотипны. Один из них датируется примерно XII в. до н. э., второй — X–IX вв. до н. э. Близкий им шлем из Трели относится к рубежу IX–VIII вв. до н. э. Эти даты, учитывая возможность достаточно длительного сохранения традиции, конечно, не определяют датировку клинь-ярских шлемов, однако, судя по их сходству с шлемом из Приморского, они вряд ли намного позже его. Во всяком случае, этот вид оборонительного вооружения никак не может считаться новацией на Кавказе, связанной с киммерийскими или скифскими походами конца VIII–VII вв. до н. э. Их появление на Северном Кавказе отражает лишь связи между Предкавказьем и Закавказьем, известные и по другим находкам в ареале Кобанской культуры, причем связи гораздо более ранние, чем эти походы.

Предлагавшиеся для клинь-ярских шлемов датировки представляются крайне слабо обоснованными. Несмотря на то, что шлемы из Бешташени и из Приморского приводятся как ближайшие аналогии клинь-ярским шлемам³², совершенно игнорируются комплексы, в которых они были обнаружены. В качестве единственного основания для их датировки привлекаются изображения сходных по внешней форме шлемов на ассирийских рельефах. А. Б. Белинский, а за ним С. Л. Дударев и С. В. Махортых, как и их предшественники (кроме Б. А. Куфтина), не сомневаются в происхождении кавказских шлемов из Ассирии или Урарту и считают их если не передневозточными импортами, то подражаниями этим импортам. Они относят все кавказские находки таких шлемов к рубежу VIII–VII — середине VII в. до н. э. на основании их сопоставления с изображениями на ассирийских рельефах эпохи Синахериба и Ашшурбанипала³³. В. Р. Эрлих, применяя тот же метод, удревняет их дату, относя клинь-ярские и другие шлемы этого типа ко второй половине VIII в. до н. э., причем ближайшие аналогии им находит на ассирийских рельефах эпохи Тиглатпаласара III и Саргона II³⁴. Главным основа-

³¹ Abramischwili 1995a, Abb. 3, 1.

1992, 82–83; Махортых 1994, 17, 23; Дударев 1995, 32.

³² Белинский 1990, 194; Дударев 1991, 54.

³⁴ Эрлих 1994, 64–65.

³³ Белинский 1990, 194–195; Дударев 1991, 53; Алексеев

нием для такой датировки является наличие у шлемов из Клинь-ярского могильника нащечников — на целиком сохранившемся экземпляре из погребения 186 они выкроены из того же листа бронзы, что и сам шлем, на экземпляре из раскопок 1987 г., видимо, тоже.

В. Р. Эрлих считает, опираясь на работу Т. Мэдлума³⁵, что для эпохи Тиглатпаласара III и Саргона II было характерно использование шлемов с цельнокроенными нащечниками, тогда как в эпоху Синаххериба они сменяются шлемами с приклепанными нащечниками. Возникают, однако, серьезные сомнения в возможности использования в качестве надежного хронологического признака ассирийских изображений способа прикрепления нащечников к шлему. В самом деле, на рельефах эпохи Тиглатпаласара III часто встречаются изображения воинов в остроконечных шлемах с «цельнокроенными» нащечниками³⁶, но известны и изображения шлемов с отдельно изготовленными нащечниками³⁷. На рельефах эпохи Саргона встречаются исключительно шлемы с «цельнокроенными» нащечниками³⁸. Позже, в эпоху Синаххериба, преобладают изображения шлемов с отдельно изготовленными нащечниками, скрепленными с шлемом шарнирами³⁹, хотя нередко изображаются и «цельнокроенные» шлемы⁴⁰. На рельефах эпохи Ашшурбанипала опять представлены почти исключительно шлемы с «цельнокроенными» нащечниками, причем такой способ их изготовления применяется как в конических шлемах, так и шлемах иной формы⁴¹. Изображения шлемов с отдельно изготовленными нащеч-

³⁵ Madhloom 1970, 38. Следует отметить, что предложенная им типология изображенных на ассирийских рельефах шлемов не вполне удачна. В частности, весьма субъективным является разделение на шлемы типа А и В. Достаточно сравнить, например, близкие как по форме, так и по способу декора шлемы эпохи Ашшурнацирпала (например, с рельефа В.М. 124544: Budge 1914, pl. XV, 1, и многие другие) со шлемами с рельефов эпохи Тиглатпаласара III из Арслан-таш (Thureau-Dangin, Barrois, Dossin, Dunand 1931, pl. IX, XI), которые отличаются лишь степенью изогнутости по контуру головы, но отнесены им к двум разным типам. В то же время сильно отличающийся по форме (правильный конус, без изгибов) шлем эпохи Синаххериба отнесен к типу А.

³⁶ Barnett, Falkner 1962, pl. XV–XVI (Bombay VAM 78), XXXI–XXXII (Bombay 7), XXXIII–XXXIV (В.М. 118902), LIV–LV (Paris, De Clerque), LXV–LXVII (В.М. 118907), LXXIII (Zürich 1917), LXXIV (Berlin V.A. 984), LXXVII (неизвестно), XCII–XCIII (В.М. 118934 + 118931), ср. Smith 1938, pl. X, XVI, XVIII.

³⁷ Barnett, Falkner 1962, pl. LIX (Or. Dr. I, 9, оригинал утрачен), ср. изображение урартского воина в шлеме иной формы с приклепанными нащечниками на рельефе В.М. 118905: Barnett, Falkner 1962, pl. LXIV–LXV; Smith 1938, pl. XVII (оригинал утрачен).

³⁸ Botta, Flandin 1849, pl. 49, 61, 68–70, 140, 141, 145, 147 (остроконечные), 61, 68–68 bis, 70, 77, 89, 90, 141, 145, 147 (иные формы).

³⁹ Paterson 1915, pl. 9, 12, 13 (Russell 1991, 78), 14, 15, 16 (Russell 1991, 116), 17–18 (Russell 1991, 69), 19–20, 37 (Russell 1991, 32), 38 (Russell 1991, 35, ср. ниже), 39, 1 (Russell 1991, 83), 59, 60–61 (Russell 1991, 71), 68–70 (Russell 1991, 109), 71–73, 77 (Russell 1991, 110–111), 74–76 (Russell 1991, 62, 112–113), 79, 1, 79, 2 (Russell 1991, 90), 80 (Russell 1991, 37), 81, 83–84 (Russell 1991, 39), 85, 91 (Russell 1991, 89), 92 (Russell 1991, 88),

93 (Russell 1991, 79); Gadd 1936, 176, 178, pl. 18, 20; Smith 1938, pl. XXXVIII–XXXIX (Paterson 1915, pl. 96–97, 9–12), XLI (Paterson 1915, pl. 98, 30), XLII–XLIII (Russell 1991, 18), XLIV–XLVI (Gadd 1936, 165, pl. 15), XLVII (Paterson 1915, pl. 94–95), LVI–LIX (Russell 1991, 121), LX–LXIV (Paterson 1915, 39, 2; Russell 1991, 17); Russell 1991, fig. 33, 36, 38, 40, 41, 42, 67, 73, 81, 115 (конические); Paterson 1915, pl. 9, 14, 15, 17–18 (Russell 1991, 69), 34–35 (Russell 1991, 50), 37 (Russell 1991, 32), 39, 1 (Russell 1991, 83), 59, 68–70 (Russell 1991, 109), 71–73 (Russell 1991, 110–111), 80 (Russell 1991, 37), 82, 91 (Russell 1991, 89), 92 (Russell 1991, 88); Smith 1938, pl. XLII (Russell 1991, 18), LIX (Russell 1991, 121), LX–LXIV (Paterson 1915, 39, 2; Russell 1991, 17); Russell 1991, fig. 33, 38 (другой формы).

⁴⁰ Paterson 1915, pl. 7 (Russell 1991, 127–128), 13 (Russell 1991, 78), 16 (Russell 1991, 116), 17–18 (Russell 1991, 69), 19–20, 59, 60–61 (Russell 1991, 71), 71–73, 77 (Russell 1991, 110–111), 79, 1, 80 (Russell 1991, 37), 81 (Russell 1991, 82), 83–84 (Russell 1991, 39), 91 (Russell 1991, 89); Smith 1938, pl. XXXVII (Paterson 1915, pl. 96–97, 3); XLVII (Paterson 1915, pl. 94–95); LIX (Russell 1991, 121); Russell 1991, fig. 34, 40, 41, 67, 73, 74 (конические); Paterson 1915, pl. 7 (Russell 1991, 127–128), 32–33 (Russell 1991, 54), 34–35 (Russell 1991, 50), 37 (Russell 1991, 32), 38 (Russell 1991, 35), 68–70 (Russell 1991, 109), 77 (Russell 1991, 110), 80 (Russell 1991, 37); Smith 1938, pl. LIX (Russell 1991, 121); Russell 1991, 67, 80, 115 (другие формы).

⁴¹ Barnett 1976, pl. XVI–XIX, XX–XXII, XXV, XXVIII, XXXII–XXXV, LX–LXI, LXVI–LXXI; Paterson 1915, pl. 40–42 (Russell 1991, 75), 43, 44–45, 46–47, 51–52 (Smith 1938, pl. XLIX–LV), 53–54 (Russell 1991, 77), 55–56, 57–58, 62–64 (конические); Barnett 1976, pl. XVII, XIX, XXI, XXVIII, XXX, XXXIII, XXXIV, LX–LXI, LXVI, LXVII, LXX, LXXI; Paterson 1915, pl. 40–42 (Russell 1991, 75), 43, 44–45, 46–47, 49 (Russell 1991, 76), 51–52 (Smith 1938, pl. XLIX–LV), 53–54 (Russell 1991, 77), 55–56, 62–64 (другие формы).

никами встречаются реже⁴². Дж. Рассел вслед за Б. Хроуда⁴³ даже склонен считать эту деталь хронологическим признаком: по его мнению в эпоху Синаххериба нащечники изготавливались отдельно от шлемов, а в эпоху Ашшурбанипала отливались вместе с ними⁴⁴. Как мы видели, наличный материал не позволяет сделать такого вывода, хотя, действительно, в эпоху Ашшурбанипала преобладают изображения «цельнокроенных шлемов», а в эпоху Синаххериба — шлемов с отдельно изготовленными нащечниками. Но в любом случае, если судить по рельефам, шлем с «цельнокроенными» нащечниками не обязательно принадлежит эпохе Тиглатпаласара или Саргона; он может с таким же успехом датироваться и более поздним временем. Напротив, шлемы с отдельно изготовленными нащечниками встречаются, хотя и редко, и на рельефах эпохи Тиглатпаласара.

Еще важнее то, что ассирийские рельефы и вообще вряд ли могут иметь для выяснения данной проблемы решающее значение. Они, особенно когда идет речь о мелких изображениях, не всегда передавали одинаково точно такие мелкие детали, как способ крепления нащечников к шлему. Такие детали могли передаваться с помощью краски, которая как правило на рельефах не сохраняется. Кроме того, искажения в деталях могут возникнуть и при современных воспроизведениях, особенно если идет речь о рельефах, оригиналы которых пропали и которые известны лишь по рисункам, сделанным во время раскопок (почти все рельефы эпохи Саргона)⁴⁵. Поэтому те шлемы, которые выглядят как цельнолитые и лишенные орнамента на дошедших до нас рельефах, вовсе не обязательно были таковыми в действительности. Например, шлемы с гребнями на изображениях урартов с Балаватских ворот Салманасара III (см. ниже), выглядят так, словно они имеют цельнолитые нащечники (Рис. 114). В действительности, как показали раскопки Хазанлу, нащечники таких шлемов изготавливались отдельно (Рис. 115, 3–4)⁴⁶.

Совершенно аналогичная картина выясняется при обращении к сохранившимся экземплярам передневожосточных конических шлемов. Среди довольно большого количества таких находок, происходящих из Передней Азии⁴⁷, нет ни одного с цельнолитыми нащечниками. Подавляющее большинство их, однако, имеет у нижнего края отверстия, служившие для прикрепления отдельно изготовленных нащечников. К сожалению, не известно находок остроконечных шлемов, при которых сохранились бы и нащечники, однако сами они встречаются⁴⁸. Некоторые урартские нащечники надписаны именем Ишпуини⁴⁹, что свидетельствует об использовании в Урарту шлемов с отдельно изготовленными нащечниками уже в последней четверти IX в. до н. э. (Рис. 115, 1, 2).

Судя по имеющимся находкам как самих шлемов, так и нащечников, можно полагать, что на всех передневожосточных конических шлемах, имевших нащечники, в действительности они изготавливались отдельно. На изображениях воинов (в том числе на ассирийских рельефах) способ прикрепления на-

⁴² Barnett 1976, pl. XVII, XIX, XXI, XXXVI, LXXI m; Paterson 1915, pl. 46–47, 51–52 (Smith 1938, pl. XLIX–LV), 53–54 (Russell 1991, 19, 77), 57–58, 62–64, 65–66 (конические); Barnett 1976, pl. VI, IX, XVII, XIX; Paterson 1915, pl. 51–52 (Smith 1938, pl. XLIX–LV) (шлемы иной формы).

⁴³ Hrouda 1965, 116.

⁴⁴ Russell 1991, 121.

⁴⁵ Ср., например, разницу в воспроизведении шлема ассирийского воина на рельефе II помещения X юго-западного дворца Синаххериба в Ниневии: Paterson 1915, pl. 38 (по Г. Лэйярд) — шлем выглядит как цельнокроенный и лишенный орнамента; Russell 1991, fig. 35 (фотография Or. Dr. IV, 65 в Британском музее, оригинал утерян) — на шлеме виден орнамент, нащечник выглядит как изготовленный отдельно; или сходную разницу на шлемах некоторых воинов в сцене штурма Лахиша: Paterson 1915, pl. 69–71 (фотография В.М. 124906-7) и Russell 1991, fig. 110 (фотография Or. Dr. I, 59).

Подобные примеры не единичны.

⁴⁶ Muscarella 1988, 50, pl. 60, a–c; Muscarella 1989, 29, fig. 9 a–b.

⁴⁷ См. сводки находок, ни одна из которых не является полной: Borchhardt 1972, 99–109; Overlaet 1979, 55–58; Vanden Berghe, De Meyer, Overlaet, Haerinck, Tanret 1983, 127–133; Gröschel 1986, 73–76; Yıldırım 1988, 217–228; Calmeyer 1991, 123–133.

⁴⁸ Barnett, Gökce 1953, 125, pl. XVIII, 1; Borchhardt 1972, 105, 109, Nr. 24, IX, Taf. 29, 45 (Алтынтепе); Belli 1983a, 354–355, Res. 8 (Чавуштепе); Muscarella 1973, 67, fig. 27, 1; 28 (Аграбтепе и Хазанлу); Kellner 1976, 78, Nr. 144, Abb. 46 (грабительские раскопки в восточной Анатолии); Madhloom 1970, pl. XIX, 6 (Нимруд); Gjerstad 1948, 132, fig. 20 (Кипр) и др.

⁴⁹ Belli 1983a, 344–351, Res. 5–7, Lev. III, 2; IV; Belli 1992, 45–48, Abb. 1, Taf. I, 2.

Рис. 114 Битва ассирийцев с урартами. Изображение на бронзовой обивке «Балаватских ворот»
По King 1915, pl. XXXVIII

щечников иногда передавался, а иногда нет. В последнем случае шлемы на изображениях выглядят как изготовленные вместе с нащечниками. Передача или не передача этой детали, возможно, и может служить основанием для датировки рельефов, отражая характерную для той или иной эпохи или мастера склонность к изображению мелких деталей, но никак не может использоваться для датировки реальных шлемов. Во всяком случае, из всех известных шлемов этого вида цельнокроенные нащечники имеют лишь экземпляры, происходящие с Кавказа (клинярские и бешташенский, на других, возможно, эта деталь просто не сохранилась). В любом случае способ прикрепления нащечников к шлему не может быть хронологическим признаком.

Следует отметить еще, что в эпоху Тиглатпаласара III и Саргона II в Ассирии наряду со шлемами с нащечниками широко применялись и шлемы без них, при Синаххерибе, видимо, вышедшие из употребления. Во всяком случае на рельефах эпохи Синаххериба они встречаются крайне редко⁵⁰, а при Ашшурбанипале, кажется, не встречаются вовсе. Что касается времени появления остроконечных шлемов с нащечниками в Ассирии, то на рельефах их изображения впервые встречаются лишь в эпоху Тиглатпаласара III, а на ассирийских рельефах IX в. до н. э. изображаются лишь остроконечные шлемы без нащечников. Видимо, впервые применение шлема с нащечниками в ассирийской армии засвидетельствовано изображением сражения на бронзовом конском нагруднике ассирийской работы, относящемся ко второй половине IX в. до н. э. (Рис. 66)⁵¹. Данное изображение дает *terminus ante quem* для появления этого новшества в Ассирии.

⁵⁰ Paterson 1915, 7 (Russell 1991, 127), 37 (Russell 1991, 32).

55–72, Abb. 45–48, 51, 53.

⁵¹ Seidl 1986, 229–233, Abb. 2–3, Taf. 54; Born, Seidl 1995,

Можно предполагать, что оно было заимствовано ассирийцами у урартов или маннеев. В самом деле, шлемы с нащечниками, правда, иного типа (округлые шишаки с гребнем) впервые в ассирийском искусстве появляются именно на изображениях урартских воинов, сохранившихся на «Балаватских воротах» (850 или 841/837 гг. до н. э.) (Рис. 114)⁵², тогда как сами ассирийцы в это время пользовались лишь шлемами без нащечников. Противники ассирийцев на упомянутом нагруднике используют такие же шлемы, как урарты с «Балаватских ворот». Интересно, что эти шлемы близки по форме тем, что изображены на воинах с модели повозки из Лчашена (см. выше), относящейся к гораздо более раннему времени. Как уже упоминалось, шлемы близкой формы с нащечниками были обнаружены в четвертом слое Хазанлу (Рис. 115, 3, 4).

Что касается времени появления самого остроконечного конического шлема в Месопотамии, бывшего здесь наиболее распространенной формой в IX–VII вв. до н. э., то этот вопрос неясен. Шлемы III тысячелетия, известные как по изображениям, так и по находкам, прежде всего, в некрополе Ура, имели иные формы — это были шишаки, иногда с небольшим заострением, обычно закрывавшие и затылок и имевшие вырез для лица. Иногда они снабжались нащечниками. Сходную форму имели и шлемы Мари⁵³. Возможно, часть этих головных уборов изготавливалась не из металла, а из кожи или ткани. Для более позднего времени, вплоть до новоассирийской эпохи, надежная информация о форме металлических шлемов в Месопотамии практически отсутствует. На печатях среднеассирийского времени встречаются изображения головных уборов остроконечной формы, однако идет ли речь о шлемах, или головных уборах, не имевших оборонительного значения и изготовленных не из металла, судить не представляется возможным. Видимо, конический шлем, снабженный нащечниками и выступом, закрывающим затылок, а также декоративным гребнем, изображен на рельефе XIV в. до н. э. из Богазкёя⁵⁴. В новоассирийскую эпоху остроконечные шлемы зафиксированы уже на самых ранних изображениях этого периода — на глазурованных кирпичках эпохи Тукульти-Нинурты II (891–884 гг. до н. э.), найденных в храме Ашшура в Ашшуре⁵⁵, а позже на рельефах Ашшурнацирпала II (884–858 гг. до н. э.)⁵⁶ и Салманасара III (858–824 гг. до н. э.)⁵⁷. Это позволяет предполагать, что шлемы этой формы использовались в Месопотамии и раньше. Однако кавказские находки в Триалети и в Приморском являются самыми ранними материальными, а не иконографическими, свидетельствами использования остроконечных конических шлемов в Передней Азии. Кроме того, они свидетельствуют о том, что конические шлемы с нащечниками стали применяться в Закавказье раньше, чем в Ассирии, для которой в первой половине IX в. до н. э. были характерны шлемы этой формы без нащечников⁵⁸.

Итак, в Закавказье остроконечные конические шлемы, изготовленные из бронзового листа, «сшитого» заклепками, применялись, видимо, не позже XII в. до н. э. (погребение 13 Бешташенского могильника, возможно, первый Арчадзорский курган), а затем — в X–IX вв. до н. э. Хронологический приоритет по крайней мере ранних находок кавказских шлемов (Бешташени, Арчадзор и Приморское) перед самыми ранними урартскими и вообще переднеазиатскими находками (последняя четверть IX в. до н. э.) заставляет с сомнением отнести к предположению о заимствовании этой формы в Закавказье из Передней Азии. О независимости кавказских шлемов от переднеазиатских свидетельствуют, кроме того, существенные различия в способе их изготовления — все кавказские шлемы сделаны из листов бронзы и скреплены заклепками, все переднеазиатские бронзовые шлемы — литые. Если переднеазиатские шлемы имеют нащечники, они изготовлены отдельно, у кавказских они выкроены из того же листа, что и весь шлем. Кавказские остроконечные шлемы принадлежат к большой группе предметов сходной формы, распространенных во всей Передней Азии, однако составляют внутри нее

⁵² King 1915, pl. X, XXXVII, XXXVIII, XLII.

⁵³ Yadin 1963, 49, 132–133, 151; Borchhardt 1972, 94–96; Calmeyer 1972–1975, 313–314.

⁵⁴ Akurgal 1961, Taf. 134; Borchhardt 1972, 102–103, Taf. 25, 1.

⁵⁵ Andrae 1923, 13–14, Taf. 8, 9 a, e (изображение на Taf. 6 должно датироваться не эпохой Тиглатпаласара I, как считал издатель, а эпохой Саргона II, см. ниже); Nunn 1988, 167–

168, Taf. 123, 124.

⁵⁶ Budge 1914, passim; Barnett, Falkner 1962, passim

⁵⁷ King 1915, passim; Oates 1963, 17, pl. V, VII c.

⁵⁸ Ср. Kossack 1994, 23, который считает кавказские шлемы местными воспроизведениями ассирийских образцов, однако полагает, что время их проникновения на Кавказ неизвестно и может относиться еще к IX в. до н. э.

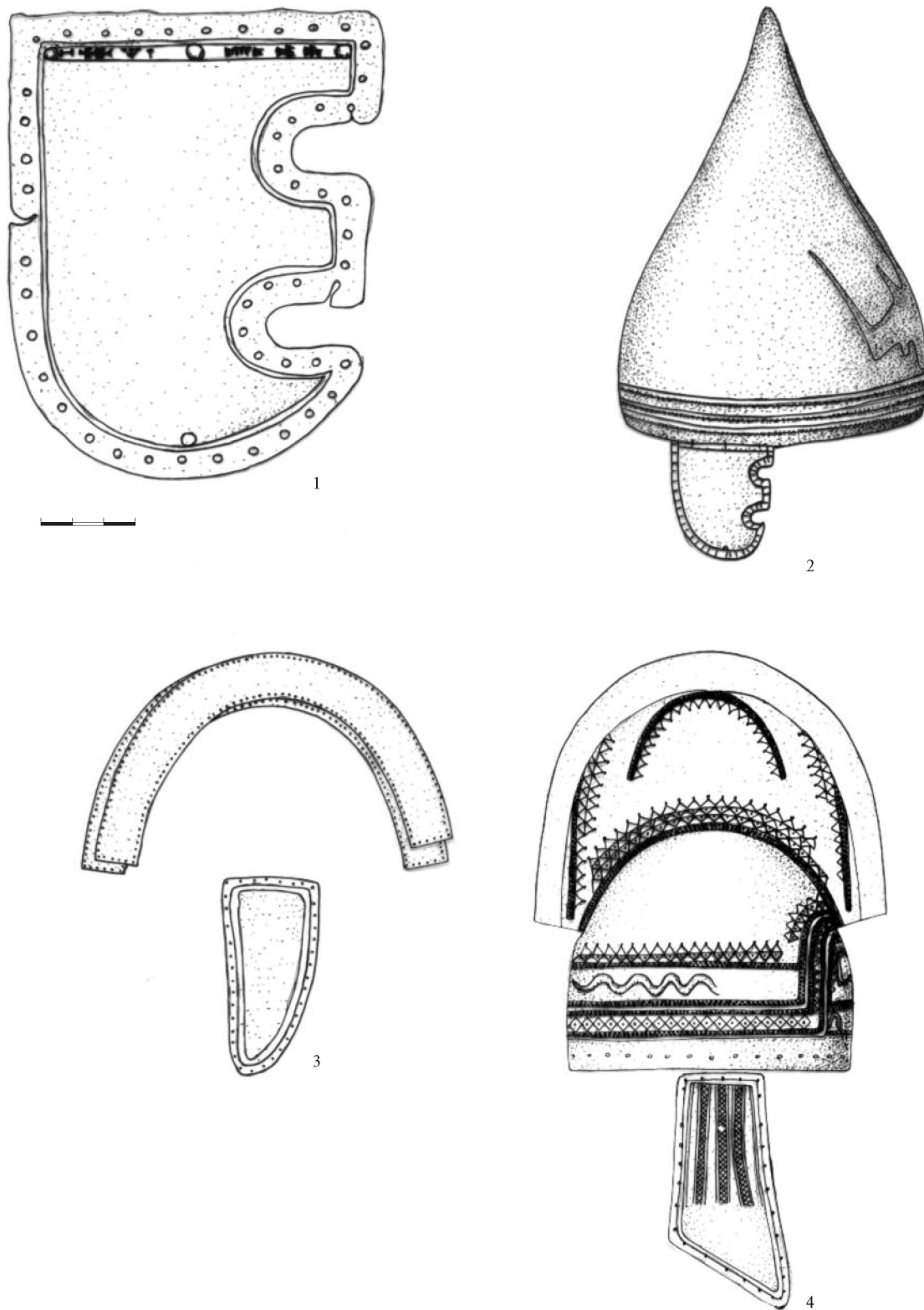

Рис. 115 1. Нашечник урартского шлема с надписью Ишпуини.
 2. Реконструкция шлема с этим нашечником. 3, 4. Шлемы из Хазанлу IV. Бронза
 По Belli 1992, Abb. 1 (1, 2); Muscarella 1989a, 29, fig. 9 a-b (3, 4)

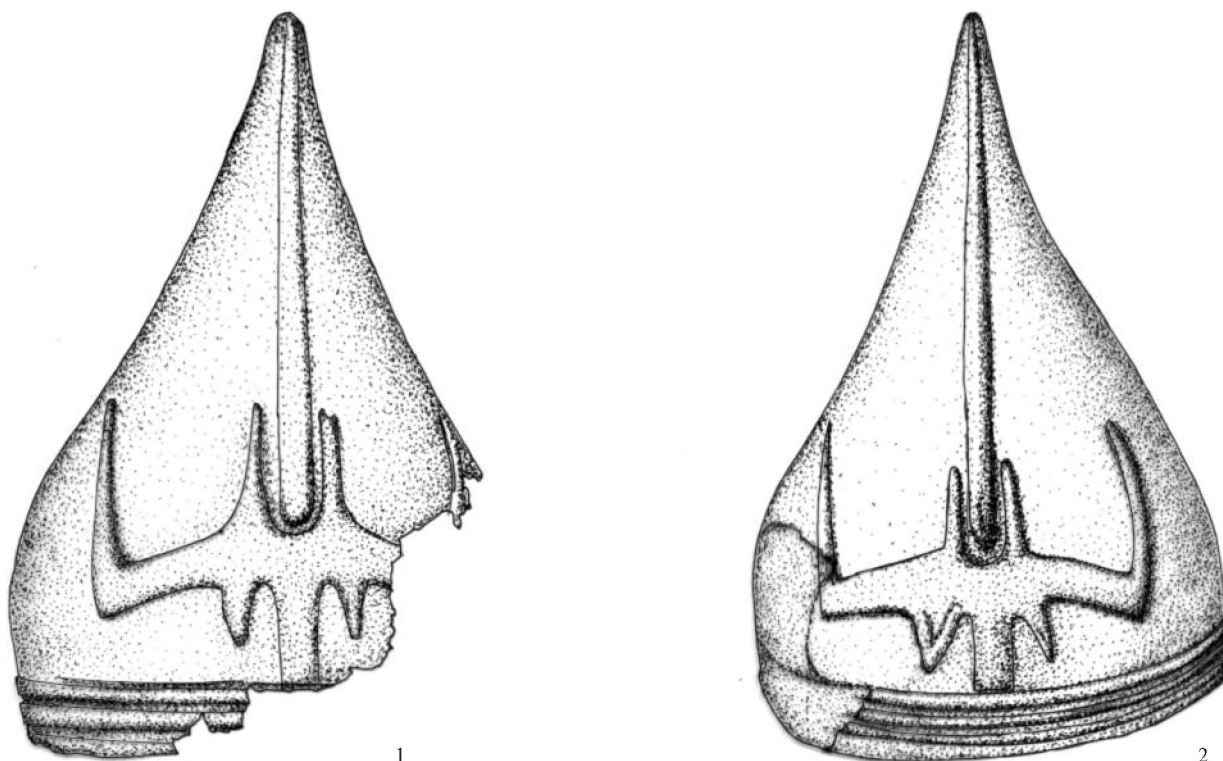

Рис. 116 Урартские шлемы с надписями Аргишти I. 1. Могильник Верхняя Рутха; 2. Кармир-Блур. Бронза
По Nagel 1959–1960, Abb. 1 (1); Пиотровский 1970, № 43 (2)

четко определяемый вариант. В любом случае нет никаких оснований говорить о заимствовании этих шлемов или их формы в Передней Азии в период киммерийских и скифских походов — они имеют в Закавказье достаточно давние традиции и известны задолго до этих походов.

Среди найденных на Кавказе шлемов т. н. «ассирийского» типа имеется еще один, существенно отличающийся от рассмотренных, но обычно включаемый в ту же группу. Речь идет о шлеме, найденном на некрополе Верхняя Рутха (Рис. 116, 1). Никто из авторов, специально писавших о данной группе находок, почему-то не обращал должного внимания на то важнейшее обстоятельство, что на этом шлеме имеется урартская надпись, однозначно определяющая его дату и место производства: *mAr-gi-iš-ti-i ú-ri-iš-hi*, «склад Аргишти»⁵⁹. Шлем был, следовательно, изготовлен в Урарту в эпоху правления царя Аргишти I (около 786–764 гг. до н. э.). Правда, В. И. Козенкова датировала его 789–766 гг. до н. э. (т. е. временем правления Аргишти), однако ссылаясь при этом почему-то только на изображения подобных шлемов на ассирийских рельефах «примерно от 888 г. до н. э.⁶⁰ и позже»⁶¹, чем привела в недоумение, например, С. Л. Дударева⁶². Здесь же она датирует шлем из могильника Фаскау (см. выше) 883–824 гг. до н. э. За этими цифрами скрываются, очевидно, даты правления Ашшурнацирпала II и Салманасара III, и основанием для датировки являются, следовательно, все те же рельефы. Непонятно, правда, почему В. И. Козенкова выбирает именно этих двух царей — изображения аналогичных шлемов известны в Ассирии и раньше, и много позже.

Шлем из Верхней Рутхи принадлежит широко распространенному в Урарту типу. Главным его признаком является способ орнаментации — рельефные пояски вдоль нижнего края и зигзагообраз-

⁵⁹ Nagel 1959–1960, 144–147.

⁶⁰ Дата необъяснима, возможно, речь идет об опечатке вместо «883 г. до н. э.», примерного начала правления Ашшурна-

цирпала II.

⁶¹ Козенкова 1990, 72, 81–82; Козенкова 1996, 90, 99.

⁶² Дударев 1991, 53.

ный орнаментальный мотив на лобной части шлема⁶³. Все шлемы этого типа сходны по пропорциям (средняя высота 30–31 см, отклонения в обе стороны незначительны) и составляют достаточно однородную в хронологическом отношении группу. Для ее датировки особое значение имеют экземпляры, имеющие надписи урартских царей, арсеналам которых они принадлежали, тем более, что подавляющее большинство урартских бронзовых изделий происходит из грабительских раскопок и место и обстоятельства их находки как правило неизвестны. Исключением являются находки, сделанные при правильных раскопках Кармир-Блур — здесь обнаружено одиннадцать бронзовых шлемов этого типа⁶⁴, но опубликованы лишь два, причем на нижней части второго имеется надпись: «Богу Халди, господину, этот шлем Аргишти, сын Менуа, подарил» (*Рис. 116, 2*)⁶⁵. Сходный шлем (высота 31,5 см) с надписью Менуа был обнаружен среди других бронзовых вещей в 1977 г. возле урартской крепости Бурмагечит на верхнем Евфрате (22 км южнее города Тунджели)⁶⁶. Кроме этого, в той же крепости было обнаружено еще два фрагментированных бронзовых шлема того же типа⁶⁷. Остальные происходят из грабительских раскопок на территории восточной Турции и северо-западного Ирана и хранятся в различных музеях Европы. В настоящее время известно четыре шлема этого типа с именем царя Ишпуини (ок. 825–810 гг. до н. э.) (Британский музей 135061⁶⁸, Баденский земельный музей, Карлсруэ⁶⁹, два экземпляра в Центральном Римско-германском музее, Майнц⁷⁰), шесть с именем Менуа (ок. 810–785 гг. до н. э.) (Бурмагечит (см. выше), Баденский земельный музей, Карлсруэ⁷¹, Государственное праисторическое собрание, Мюнхен, инв. №1985, 521⁷², три экземпляра в Центральном Римско-германском музее, Майнц⁷³) и два с именем Аргишти I (ок. 785–760 гг. до н. э.) (Верхняя Рутха, Кармир-Блур, см. выше)⁷⁴. Кроме того, один шлем (Собрание Аксея Гутмана в Берлине, AG 339)

⁶³ См. сводку мнений по поводу толкования этого орнаментального мотива (агрибут Тейшебы (молния или копьё), стилизованное изображение рогов, стилизованное изображение дерева жизни, стилизованное изображение «крылатого солнца» и др.): Özgen 1979, 68; Maaß 1987, 72–73; Rehm 1997, 209.

⁶⁴ Пиотровский 1959а, 178; Piotrovskii 1967, 45, ср. van Loon 1966, 119; Özgen 1979, 28–29, 68–69.z

⁶⁵ Первый найден в помещении 24 в 1948 г.: Пиотровский 1950, 59, рис. 38; Пиотровский 1959, рис. 26; Barnett, Watson 1952 (реферат публикации Пиотровский 1950), 143, fig. 21; Borchhardt 1972, 107, Nr. 24, V, 2; второй, практически идентичный рутхинскому (высота 30,5 см, идентичная орнаментация) — в 1953 г. в помещении 37: Пиотровский 1955, 25–26, рис. 16. Надпись: УКН 148а. Ср. Пиотровский 1959а, 178 (неясно, тот же это шлем, или иной экземпляр); Пиотровский 1970, № 43 (видимо, тот же шлем после реставрации). Несмотря на многочисленные воспроизведения одних и тех же объектов (причем часто с разными указаниями на характер имеющихся на них надписей, место хранения и т. д., что породило чудовищную путаницу в литературе), большая часть найденных в Тейшебаини шлемов (всего их было, кажется, двадцать) так и осталась неопубликованной. Опубликованные же экземпляры часто воспроизводятся без указания размеров, что сильно уменьшает информативность материала.

⁶⁶ Belli 1993, 61–67, Abb. 3, Taf. 13, 4 (Музей Элязига, Inv.-Nr. 85. ТМКС. 1-72).

⁶⁷ Yıldırım 1988, 217–218, Res. 1–2, Şek. 1–2 (Музей Элязига, Inv.-Nr. 85.1.72; 85.1.78).

⁶⁸ Высота 29,5 см: Barnett, Curtis 1973, 133; Frankel 1979, 20,

fig. 12; Özgen 1979, 28; Overlaet 1979, 51, n. 1; Vanden Berghe, De Meyer, Overlaet, Haerincx, Tanret 1983, 128, Nr. 17.

⁶⁹ Высота 30,5, диаметр 19,5–21,5: Maaß 1987, 71–74, 92, Nr. 3, Taf. 1, 2, слева снизу; Rehm 1997, 211, U 20, Abb. 384. Надпись на шлеме прочитана У. Зайдль; Э. Рем, отмечая наличие остатков надписи, считает их нечитаемыми.

⁷⁰ Jahresbericht 1984, 649, Abb. 39.

⁷¹ Высота 30,2, диаметр 19–20 см: Maaß 1987, 71–74, 92, Nr. 4, Taf. 1, 2, слева снизу; Rehm 1997, 211, U 21, Abb. 385. У. Зайдль читает на шлеме имя Менуа, Э. Рем — имя Ишпуини.

⁷² Происходит из большого комплекса бронзовых изделий, часть из которых надписана именем Менуа, высота 33,3 см (возможно, пропорции искажены в ходе реставрации): Grop 1981, 95–123; Kellner 1987, 20–21, Taf. 22; Kellner 1991, 11–15; Wartke 1993, Abb. 27.

⁷³ Jahresbericht 1984, 649, Abb. 39.

⁷⁴ Ср. Belli 1993, 65, где говорится, что известно четыре шлема с именем Ишпуини (три в Майнце, один в Британском музее) и шесть с именем Менуа (три в Майнце, два в Карлсруэ, один в Мюнхене). Согласно этой информации, один из шлемов из Карлсруэ надписан именем не Ишпуини, а Менуа, как и второй, а в Майнце имеется не пять, а шесть надписанных шлемов, причем тот, информацией о котором я не располагаю, надписан именем Ишпуини. Следовательно, надписанных шлемов с именем Менуа известно не шесть (по моей информации), а семь, что, впрочем, не меняет существенно общую картину. Ср., однако, Rehm 1997, 210, Anm. 251, согласно которой два шлема из Майнца надписаны именем Ишпуини и три Менуа.

носит сразу две надписи — Менуа и Аргишти⁷⁵. Остальные известные шлемы этого типа надписей не имеют⁷⁶. Ни одного экземпляра подобного шлема с надписью более позднего царя неизвестно; нет и иных указаний на возможность более поздней датировки шлемов этого типа. Датировка их, таким образом, напрашивается — они относятся к последней четверти IX — первой половине VIII в. до н. э. Использовались ли такие шлемы и раньше, до эпохи Ишпуини, остается неясным. Во всяком случае, среди изображений урартов на «Балаватских воротах» Салмансара III (см. выше), на которых отражены в основном события ассирийских походов 859 и 856 гг. до н. э. (сами ворота были изготовлены около 841/837 г. до н. э., часть рельефов принадлежит к более ранним воротам, изготовленным в 850 г. до н. э.)⁷⁷, нет ни одного, на котором урартский воин был бы облачен в остроконечный шлем. Все они носят полусферические украшенные гребнем шишаки с нащечниками⁷⁸. Шлемы рассмотренного типа характерны, судя по имеющимся данным, именно для Урарту и за пределами его территории (кроме Верхней Рутхи) не встречаются.

В эпоху Аргишти I шлемы этого типа в Урарту выходят из употребления и вытесняются другим типом. Для шлемов новой разновидности характерна орнаментация одной или несколькими загибающимися и составляющими полуокружность змеевидными валиками, завершающимися изображениями головок животных. Часто такие шлемы украшены изображениями различных сцен — охоты, сражений или культовыми. К этому типу относятся знаменитые парадные шлемы из Тейшебаини (всего их найдено девять⁷⁹) с посвятельными надписями Аргишти I (ок. 785–760 гг. до н. э., один экземпляр) и Сардури II (ок. 760–730 гг. до н. э., три экземпляра) (Рис. 117, 1)⁸⁰. Ряд шлемов этого типа без надписей, происходящих из грабительских раскопок на территории Урарту, хранятся в различных музеях Турции, Европы и Америки (Рис. 117, 2; 118, 1)⁸¹. Шлемы с орнаментом в виде змеевидных валиков были распространены на всем Переднем Востоке, однако внутри этой группы можно выделить ряд локальных вариантов. По-видимому, происхождение этого вида орнаментации связано с Ассирией — загнутые валики встречаются на изображениях шлемов ассирийских воинов уже начиная с эпохи Тукульги-Нинурты II (891–884 гг. до н. э.)⁸². Самые ранние датированные шлемы этого типа (три экземпляра) относятся к концу IX в. до н. э. и происходят из слоя разрушения Хазанлу IV (Рис. 118, 2, 3)⁸³. Кроме Хазанлу и Урарту, датированные экземпляры известны лишь в Зинджирли⁸⁴ (вероятно, конец

⁷⁵ Born, Seidl 1995, 91, Abb. 94, 95, Taf. I, XII.

⁷⁶ Vanden Berghe, De Meyer, Overlaet, Haerinck, Tanret 1983, 127, Nr. 14 (Эбнетер, Ле Арк, ныне в Музее Шафхаузена, высота 27, диаметр 20,5–21,6 см); Kellner 1976, 78, Nr. 140, Taf. 14; Özgen 1979, 29; Overlaet 1979, 51, n. 1; Vanden Berghe, De Meyer, Overlaet, Haerinck, Tanret 1983, 127, Nr. 15 (Праисторическое собрание, Мюнхен, 1971/1767, высота 28,5, диаметр 19,2–22,8 см); Calmeyer 1991, 125, 129, Nr. 13; Wartke 1993, Taf. 82, с неверным указанием места хранения (Нью-Йорк, Ariadne Galleries, Inc, высота 31, максимальный диаметр 21,7 см); Calmeyer 1991, 125, 131, Nr. 15 (Музей изящных искусств, Бостон, 1981.25, высота 29,5, диаметр 19,5 см); Rehm 1997, 209–211, U 19, Abb. 383 (Баденский земельный музей, Карлсруэ, 84/69, высота 30,3, диаметр 21–22,5 см). Ср. Kellner 1982, 206, Taf. I; Belli 1993, 65; Born, Seidl 1995, 91, Abb. 94, 95, 90–92, Taf. I, IX, X.

⁷⁷ Wäfler 1975, 247–251, 299–301, с источниками и литературой.

⁷⁸ Возможные изобразительные аналогии этим шлемам см. Wäfler 1975, 254–255. Находки шлемов этого типа на Хазанлу см. выше. Ср. шлем близкой формы из иранского Азербайджана в Лейденском музее: Vanden Boorn 1984, 88, Afb. 125.

⁷⁹ Пиотровский 1959а, 178.

⁸⁰ Пиотровский 1950, 63–67, рис. 40, 40 а–в, таб. 12; Пиотровский 1952, 38–39, 49–50, рис. у с. 40, таб. 11–15; Пиотровский 1955, 18, 26; Пиотровский 1962, 70, рис. 41, 79, таб. XVI–XIX; Piotrovskii 1967, 46. Эти шлемы часто воспроизводятся с ошибками и путаницей: см. Özgen 1979, 70–72; Gröschel 1986, 75.

⁸¹ Kellner 1976, 78, Nr. 139; Taşyürek 1974, 177–181; Özgen 1979, 29–30, 73–74; Kellner 1982, 207–209, pl. II–IX; Özgen 1983, 114, fig. 11–12; Vanden Berghe, De Meyer, Overlaet, Haerinck, Tanret 1983, 131, Nr. 21; Eichler 1984, 19, 65, Taf. 8; 9, 1; Gröschel 1986, 75–76; Calmeyer 1986, 79–86, Taf. 15–20; Maaß 1987, 71, Taf. 1, 2 Mitte; Yıldırım 1988, 218–219, Res. 3, 5, Şek. 3, 5; Calmeyer 1991, Nr. 9, 14, fig. 8; Rehm 1997, 211–214, U 22, Abb. XXIV, XXV, Fig. 7, Abb. 386.

⁸² Andrae 1923, pl. 9 e.

⁸³ Dyson 1961, 536, fig. 14 (non vidi); Calmeyer 1969, 90; Borchhardt 1972, 107, Nr. 24, IV, 2; Azarpay 1968, pl. 9; Overlaet 1979, 55–56, ср. 51, n. 1 (считает, что речь идет о двух разных шлемах); Winter 1980, 24, fig. 60–61; Muscarella 1989, 26, fig. 11.

⁸⁴ Luschan, Andrae 1943, 75–76, 162–163, Abb. 84–85, Taf. 40 a.

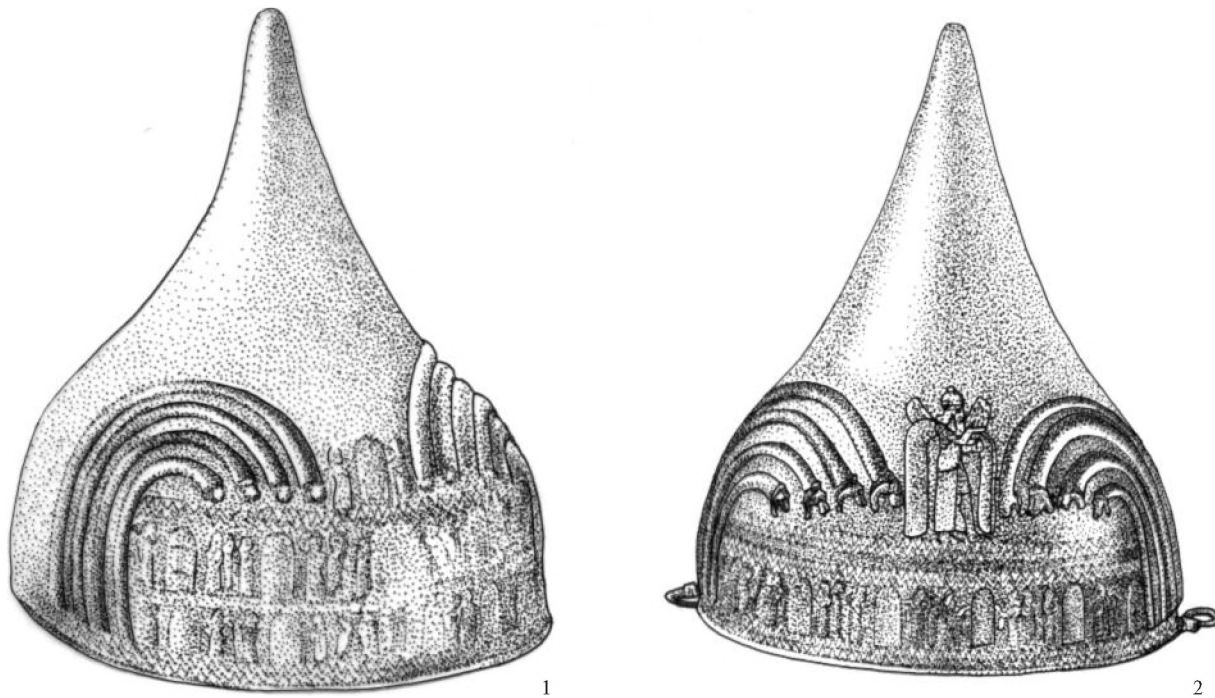

Рис. 117 Урартские шлемы. 1. Кармир-Блур; 2. Восточная Анатолия, Баденский Земельный музей, Карлсруэ. Бронза
По Пиотровский 1970, № 44 (1); Calmeyer 1991, № 9 (2)

VIII в. до н. э.) и на Кипре («Кипро-архаический период I», видимо вторая половина VII в. до н. э.) (Рис. 118, 4; 119, 1)⁸⁵. Очевидно, шлемы этого типа были заимствованы урартами у ассирийцев или маннеев в правление Аргишти, и именно тогда вытеснили распространенные ранее, в течение по крайней мере полувека, шлемы с украшением в виде «молнии». При этом изменилась не только их орнаментация, но и пропорции — при сохранении общей формы, урартские шлемы этого типа более приземистые (высота 27–28 см), чем шлемы с «молнией». Это, кстати, отличает их от иранских (до 34 см) и особенно северосирийских (до 37,5 см) образцов, которые имеют гораздо более вытянутые очертания.

Дальнейшее развитие урартских остроконечных шлемов иллюстрируется бронзовым фрагментированным шлемом, хранящимся в Музее Пенсильванского университета (UM 67-39-21, высота 27,6, диаметр 22 см согласно реконструкции)⁸⁶. На лобной части шлема изображено божество в благословляющей позе, а с двух сторон от него — симметричные фризы, изображающие коленопрекленных крылатых гениев перед розетками и вереницу львов. На основании сопоставления с изображениями львов на щитах Русы III из Топраккале шлем датируется второй половиной VII в. до н. э.⁸⁷ Форма этого шлема несколько отличается от названных выше — она приближается к полусфере с коническим острием. Это единственный урартский орнаментированный шлем, относящийся к столь поздней дате (ни одного другого экземпляра, датированного с большей или меньшей уверенностью эпохой после правления Сардури II неизвестно). Возможно, это связано с тем, что в последней трети VIII в. до н. э. гораздо большее распространение получают железные шлемы, постепенно вытесняющие бронзовые, а железо сохраняется значительно хуже бронзы. Это отчасти подтверждается тем, что нам известно

⁸⁵ Karageorghis 1966, 319–322; Karageorghis 1967a, 202–245. Датировка шлема VI в. до н. э. (Borchhardt 1972, 99, Nr. 22, A, II; Buhl 1974, 105; Overlaet 1979, 55) ни на чем не основана.

⁸⁶ Özgen 1979, 30–37, fig. 1–3.

⁸⁷ Barnett 1950, 13–15, pl. IX–X; Akurgal 1968, 61–62, Taf. XXXVIII; Azarpay 1968, 66–68, pl. 56–58.

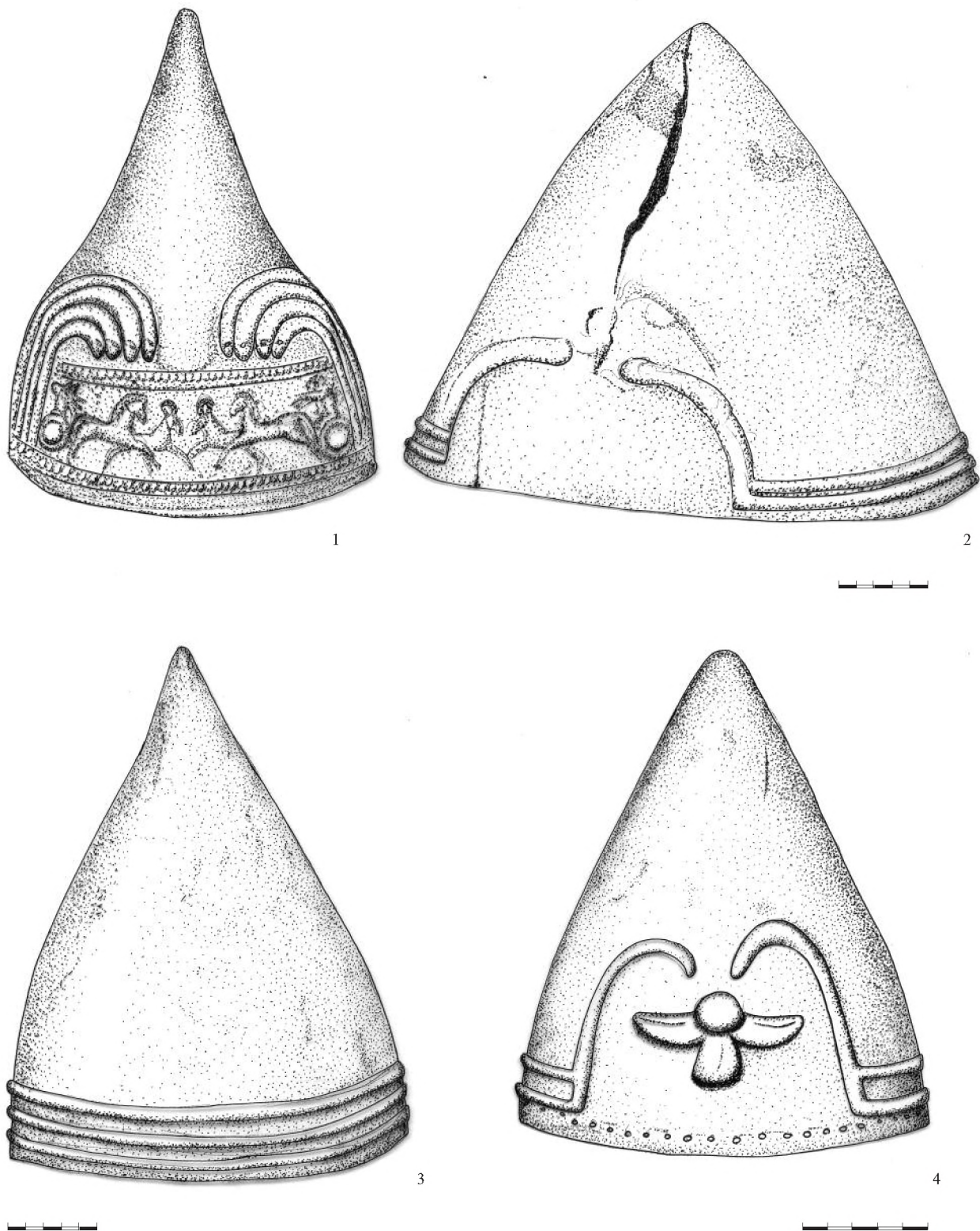
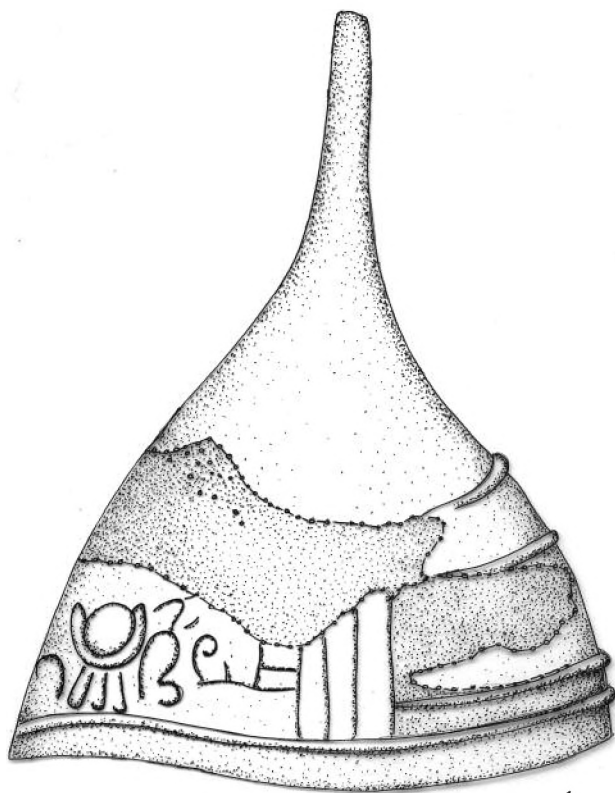
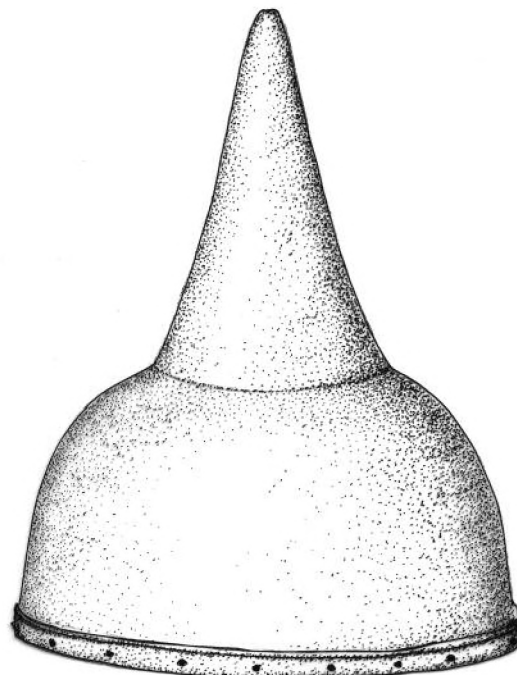

Рис. 118 Бронзовые шлемы.

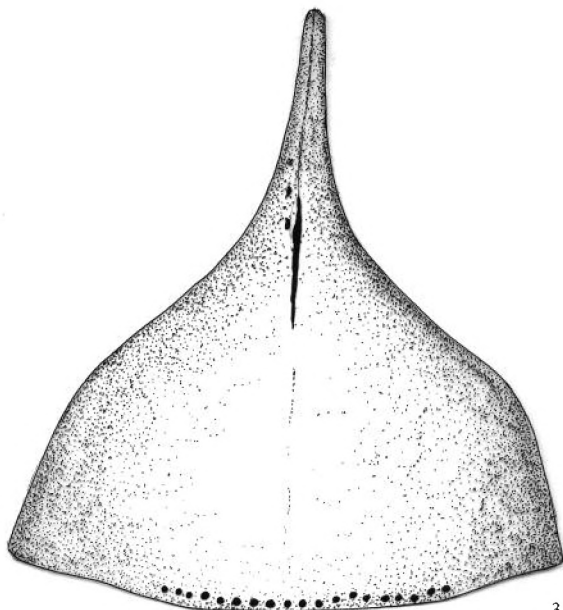
1. Восточная Анатолия, Государственное праисторическое собрание, Мюнхен; 2, 3. Хазанлу IV; 4. Пале-Пафос, Кипр
 По Vanden Berghe, De Meyer etc. 1983, Nr. 21 (1); Winter 1980, fig. 60, 61 (2, 3); Karageorghis 1967a, fig. 20 (4)

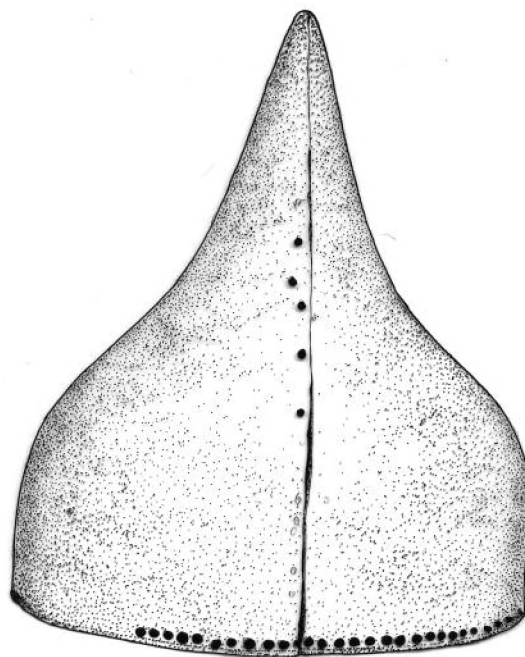
1

2

3

4

Рис. 119 Шлемы.

1. Зинджирли; 2–4. Восточная Анаголия. 1, 2. Бронза; 3, 4. Железо

По Calmeyer 1969, Abb. 93 (1); Calmeyer 1991, 133, Nr. 19, 20 (2, 3); Wartke 1991, 330, Nr. 4 (4)

несколько железных урартских шлемов близкой формы⁸⁸. Правда, известны и бронзовые экземпляры таких шлемов (Рис. 119, 2–4)⁸⁹. Можно полагать, что в VII в. до н. э. в Урарту в основном использовались шлемы именно этой формы.

К сожалению, урартский шлем первой трети VIII в. до н. э. из могильника Верхняя Рутха происходит из грабительских раскопок начала века и его комплекс поэтому неизвестен, что в значительной степени обесценивает эту находку. Единственное, о чем она свидетельствует — что остроконечные шлемы переднеазиатского (в частности урартского) производства действительно попадали на Северный Кавказ. Неясно, однако, ни каким путем, ни когда это происходило. Речь может идти как о мирных торговых контактах, так и о военной добыче. В первом случае можно предполагать, что шлем попал на Северный Кавказ ненамного позже его изготовления, во втором этот промежуток мог быть и весьма значительным. Как известно, предметы вооружения, в том числе достаточно древние, долго хранились на складах урартских крепостей в виде реликвий. Так, в крепости VII в. до н. э. Тейшебаини были обнаружены не только совершенно аналогичные шлемы с надписями Аргишти I, но и еще более ранние предметы, в том числе с надписями Менуа. Такие предметы вполне могли попасть в руки участников переднеазиатских походов при разрушении урартских крепостей. Однако это предположение — лишь одна из многих возможностей, и оно не может служить основанием никаких дальнейших построений.

В любом случае шлем из Верхней Рутхи ничего не дает для датировки остальных кавказских шлемов. Он существенно отличается от них прежде всего по способу изготовления. Как и все остальные переднеазиатские шлемы и в отличие от кавказских он литой, а не склепан из листа бронзы⁹⁰. Как и переднеазиатские шлемы и в отличие от кавказских он, видимо, имел отдельно изготовленные нащечники — на боковой поверхности сохранились отверстия, служившие для их крепления. Существенные различия касаются и орнаментации. Кавказские шлемы, кроме происходящего из погребения 1987 г. Клиньярского могильника не орнаментированы, а пуансонный орнамент последнего не имеет аналогий среди переднеазиатских шлемов и скорее всего восходит к местной традиции. Шлем из Верхней Рутхи украшен тремя рельефными полосами вдоль нижней части шлема и хорошо известным по урартским шлемам орнаментальным мотивом в виде стилизованного изображения рогов или молнии на закрывающей лоб части. Следует все же отметить, что по форме и пропорциям из урартских шлемов к кавказским ближе стоит самый ранний тип остроконечных шлемов, к которому принадлежит и экземпляр из Верхней Рутхи (средняя высота — 30–31 см). Такие шлемы были распространены в Урарту до первой трети VIII в. до н. э., и в эпоху Аргишти I вытесняются более приземистыми типами. Является ли это сходство пропорций совпадением, или здесь можно говорить о некоей общности традиций, сказать трудно.

В любом случае клиньярские, как и другие сходные с ними, кавказские шлемы не могут быть связаны с засвидетельствованными письменными источниками походами киммерийцев (и тем более скифов), начало которых нет оснований датировать значительно ранее 714 г. до н. э. Все они относятся к гораздо более раннему времени. Находки конических шлемов в клиньярских комплексах, однако, могут быть использованы для датировки памятников новочеркасского типа. Их сходство со шлемом из Приморского, относящимся примерно к X–IX вв. до н. э. могло бы указывать на близость клиньярских комплексов к этой дате. Однако нельзя исключать и более позднюю дату — бешташенская

⁸⁸ Kellner 1976, 78, Nr. 137, 137a; Kellner 1979, 152, 156, Anm. 6, Abb. B, 1; Vanden Berghe, De Meyer, Overlaet, Haerincx, Tanret 1983, 133, Nr. 25–26; Calmeyer 1991, 133, Nr. 19; Wartke 1991, 330, Nr. 4; Kellner 1993, 325–331, Taf. 61, 3 a–4 b, Abb. 1, 4. Ср., вероятно, ассирийский остроконечный шлем, половина которого изготовлена из бронзы, а половина — из железа: Born, Seidl 1995, 50, Abb. 103–106, Taf. VI, VII.

⁸⁹ Overlaet 1979, 61–63, pl. IV; Calmeyer 1991, 133, Nr. 20.

⁹⁰ В Передней Азии подобный способ изготовления известен лишь для некоторых железных шлемов. Ср. два целых и фраг-

менты еще 3–4 экземпляров железных урартских шлемов, склепанных из двух половин, в Мюнхенском Праисторическом собрании и один такой же шлем в музее Аданы в Турции, ссылки см. выше. Подобным же способом скреплены две половины ассирийского биметаллического (бронза и железо) шлема, хранящегося в собрании Акселя Гутмана (Берлин): Born, Seidl 1995, 134–149. О технологии изготовления урартских и ассирийских бронзовых шлемов, см. подробно Born, Seidl 1995, 107–134.

находка показывает, что подобные шлемы изготавливались на Кавказе длительное время, и эта традиция могла сохраняться и после X в. до н. э. Все же находки шлемов этого типа вместе с предметами ранненовочеркасского облика указывают скорее на их раннюю датировку, возможно еще в пределах X в. до н. э.

2.3.2 БРОНЗОВЫЕ ПЕКТОРАЛИ

Здесь же следует рассмотреть и бронзовые пекторали, обнаруженные в ряде памятников с обеих сторон Кавказского хребта. В северокавказских комплексах они обнаружены вместе с предметами новочеркасского типа — в кладе у горы Бештау (с удилами, псалиями и двухлопастными наконечниками стрел новочеркасского типа) (Рис. 120)⁹¹, погребении 1 Султангорского могильника (с удилами, псалиями, биметаллическим кинжалом и наконечниками стрел новочеркасского типа) (Рис. 121)⁹², уже упоминавшемся разрушенном погребении Клинь-ярского могильника вместе с коническим шлемом и биметаллическим кинжалом (Рис. 111). Кроме того, аналогичная пектораль была обнаружена и в погребении 14 того же Клинь-ярского некрополя вместе с удилами новочеркасского типа и необычными трехплетчатými псалиями, завершающимися изображениями головок коней (Рис. 122)⁹³.

Два аналогичных нагрудника были обнаружены в Абхазии: в комплексах погребений из Эшери (холм Верещагина)⁹⁴ и из села Анухва Армянская (Рис. 123; 124)⁹⁵. Оба комплекса обнаруживают значительную близость между собой и, очевидно, синхронны — кроме пекторалей, их объединяют найденные в обоих погребениях бронзовые топоры, принадлежащие к одному и тому же «колхидскому» типу (два топора из Анухвы орнаментированы, третий без орнамента), клинки, наконечники копий, бляхи с гвоздевидными навершиями (в эшерском погребении навершия завершаются зооморфными головками), браслеты, фрагменты поясов. Уже рассмотренный комплекс из Приморского, в котором был обнаружен бронзовый шлем, также обнаруживает родство с ними (Рис. 112). В комплексах Анухвы и Приморского найден ряд однотипных вещей — топор, наконечники копий, гривна и пронизи. Более архаичными элементами в комплексе Приморского является бронзовый цельнолитой кинжал и фибула. Можно полагать, что все комплексы близки друг другу по дате, хотя погребение из Приморского может быть несколько старше.

Находки в этих комплексах бронзовых пекторалей и остроконечных шлемов объединяют их с уже названными северокавказскими (клад у горы Бештау, погребение 1 Султангорского могильника, погребения 14, 186 и разрушенное погребение 1987 г. Клинь-ярского некрополя), которые, в свою очередь, более или менее синхронны между собой. На это указывают находки в них однотипных уздечных принадлежностей и предметов вооружения новочеркасского облика. Обе группы — абхазских и северокавказских памятников — благодаря находкам в них однотипных шлемов и пекторалей могут быть отнесены к близкой эпохе. Материал абхазских комплексов позволяет достаточно уверенно определить их место в существующих системах относительной хронологии.

⁹¹ Иессен 1954, 124–127. Более точную реконструкцию фрагментированной пекторали, учитывающую один из ее фрагментов, неизвестный А. А. Иессену, см. Махортых, Черненко 1995, 21–22, рис. 1, 5.

⁹² Виноградов 1972, рис. 9; Эрлих 1994, таб. 18.

⁹³ Дударев 1991, таб. 13, 16, 22.

⁹⁴ Куфтин 1949, 155–178, таб. XV–XVIII; Воронов 1980, 201–203, рис. 1, 27–37. В более ранней работе (Воронов 1969, 27–28) Ю. Н. Воронов не причисляет пектораль к комплексу

погребений 1–2 Эшерского могильника, указывая, что она происходит из «разрушенных погребений на территории могильника». Однако согласно указанию Б. А. Куфтина подобранные на поверхности фрагменты пекторали складываются с теми, что происходят из погребения, так что вряд ли можно сомневаться в принадлежности пекторали этому комплексу: Куфтин 1949, 164.

⁹⁵ Доманский 1979, 23–36.

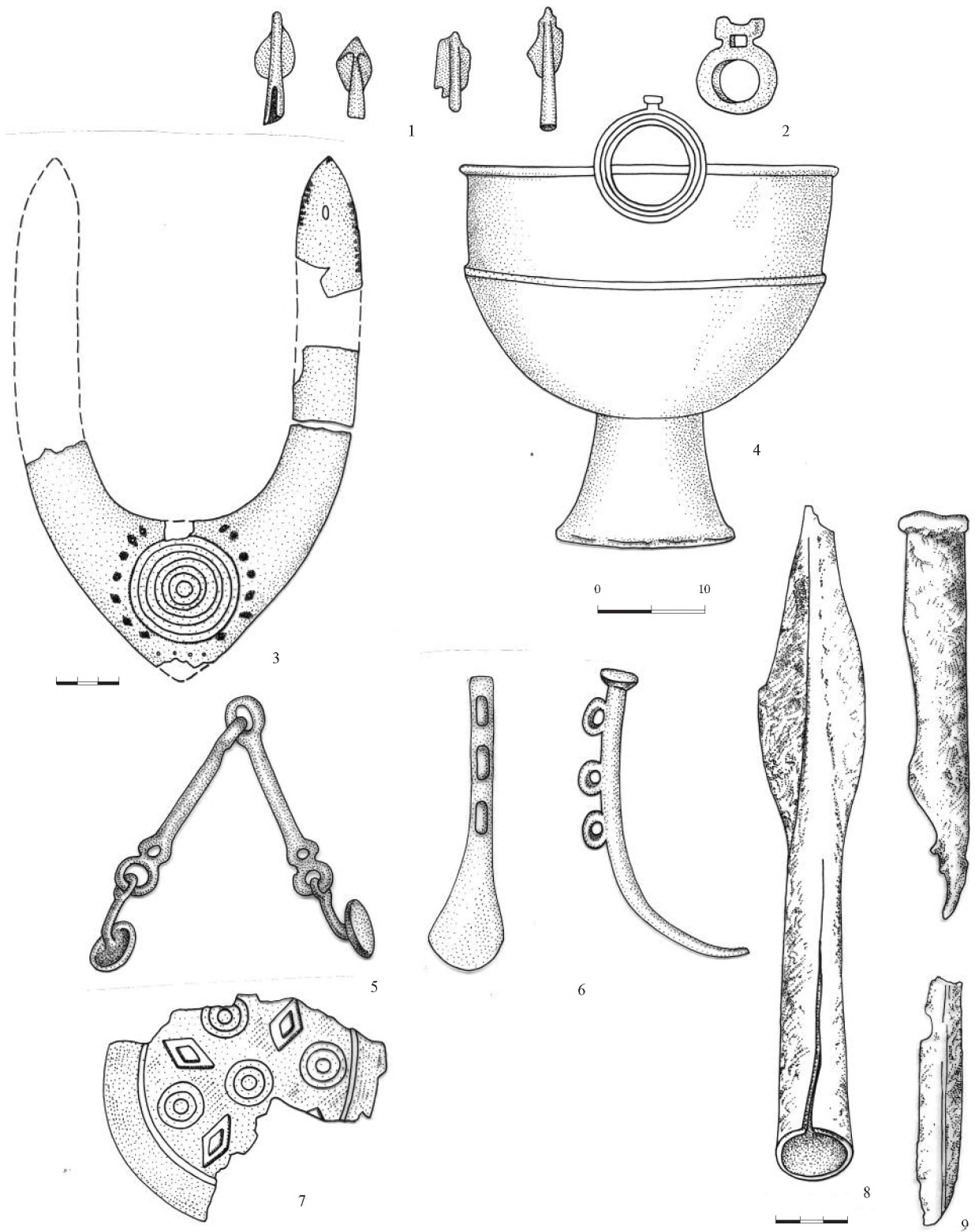

Рис. 120 Клад у горы Бештау у Пятигорска. 1–7. Бронза; 8, 9. Железо
 По Тереножкин 1976, рис. 90 (1, 2, 4–9); Махоргих, Черненко 1995, рис. 1, 5 (3)

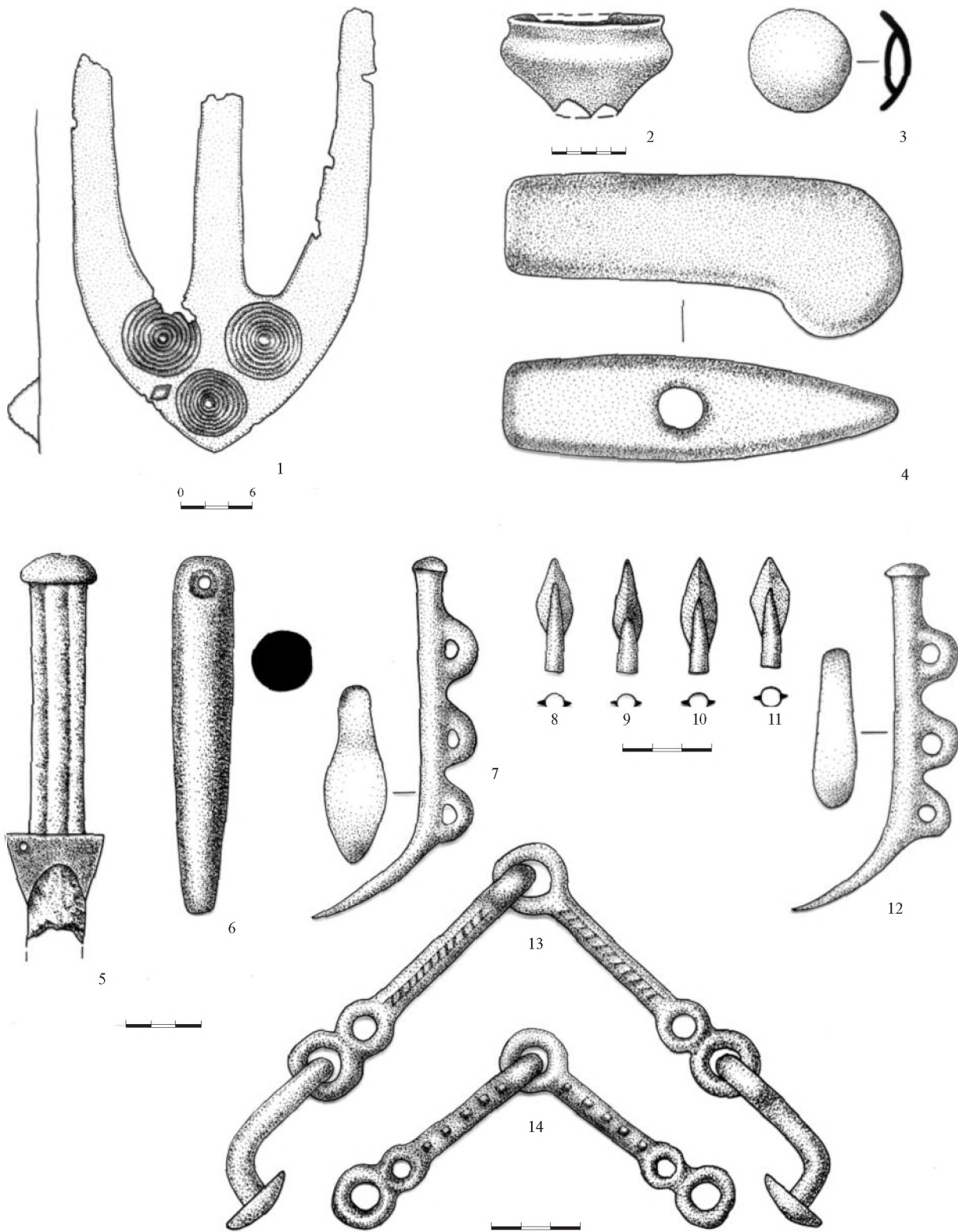

Рис. 121 Находки из погребения 1 Султангорского могильника. 2. Глина; 4, 6. Камень; 5. Бронза и железо; остальное бронза
 По Эрлих 1994, таб. 18; Козенкова 1995, таб. XXIV, 6 (1)

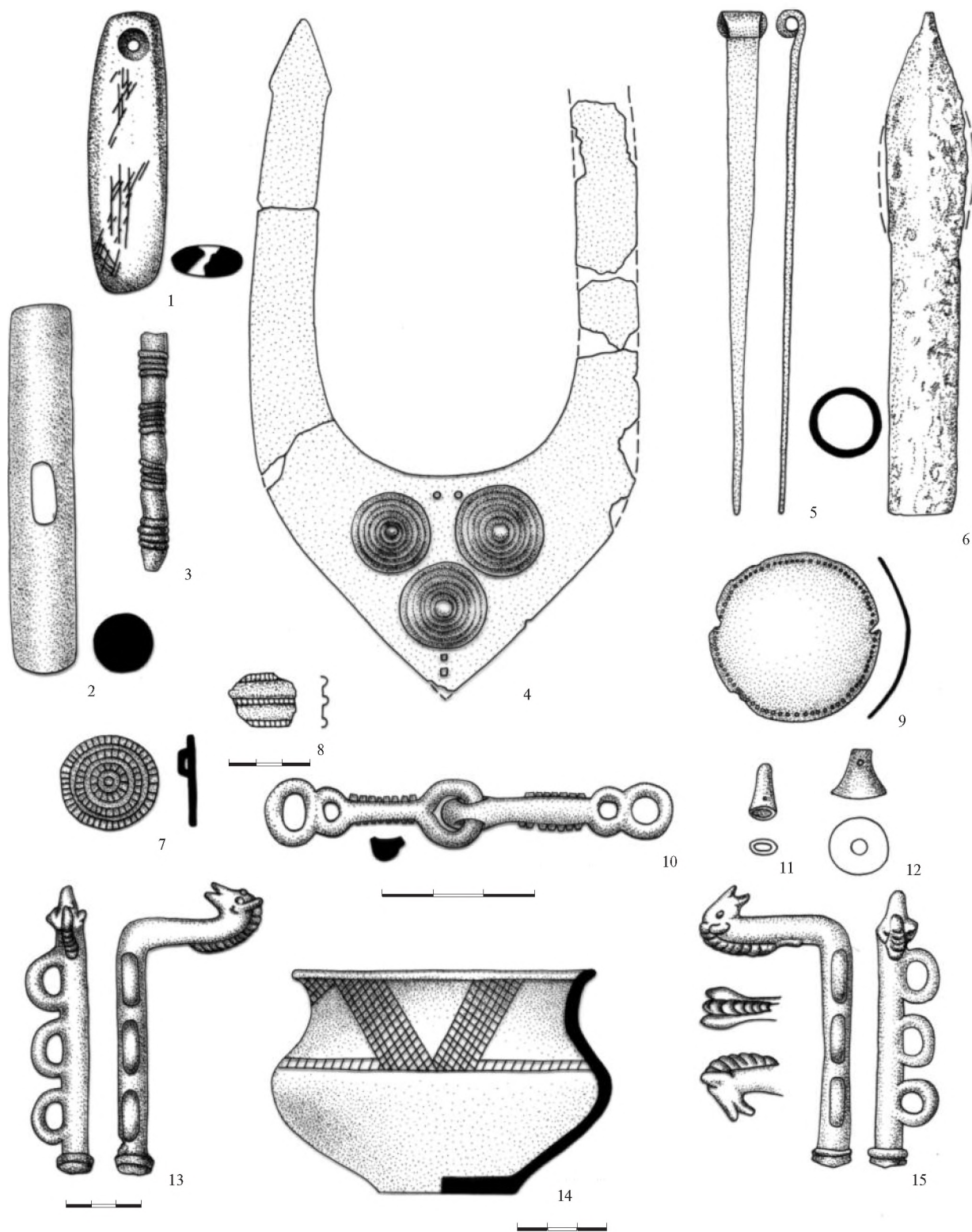

Рис. 122 Инвентарь погребения 14 могильника Клин-яр III.
 1. Камень; 6. Железо; 7. Бронза и золото; 14. Глина; остальное бронза
 По Дударев 1991, таб. 13, 16, 22

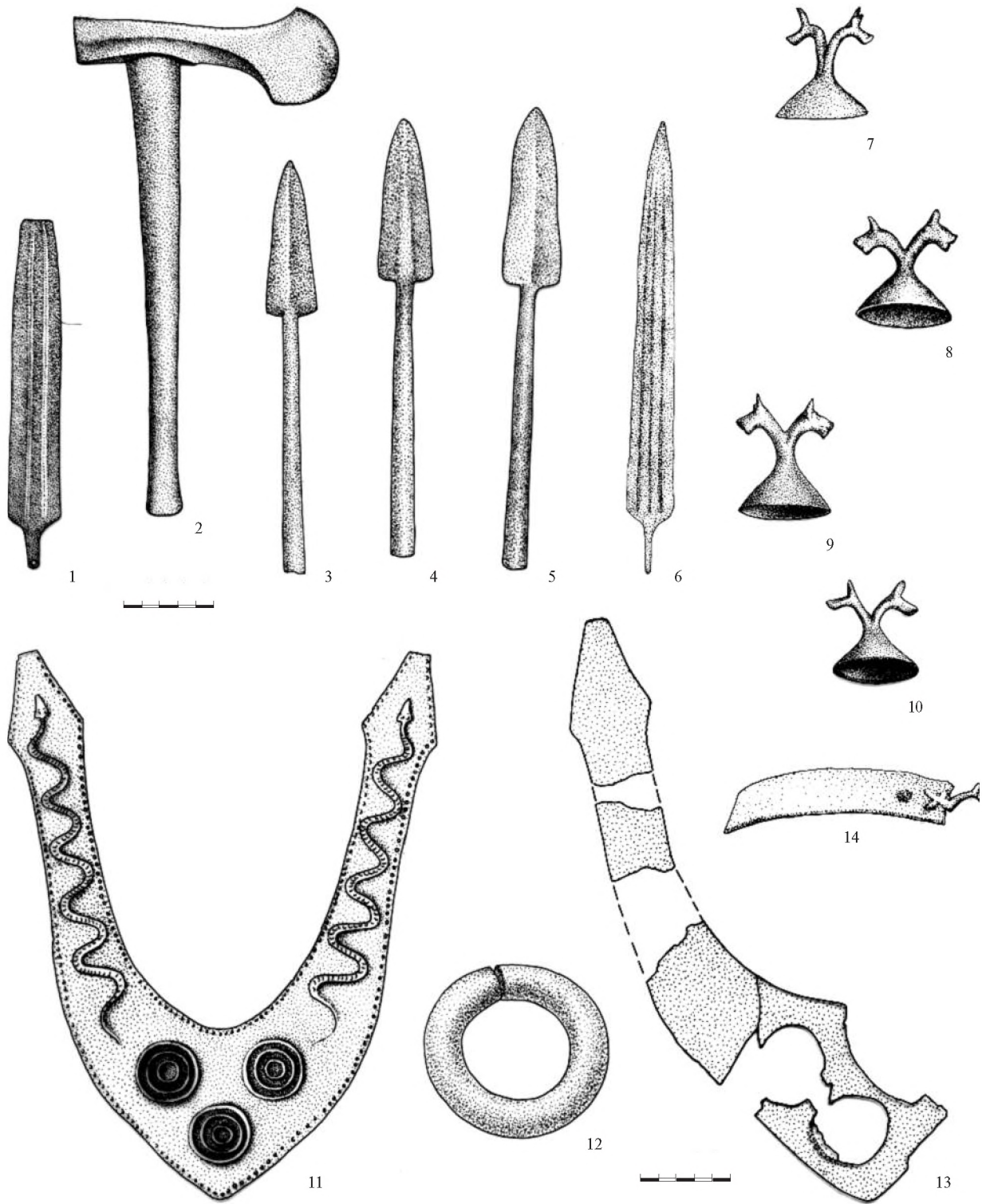
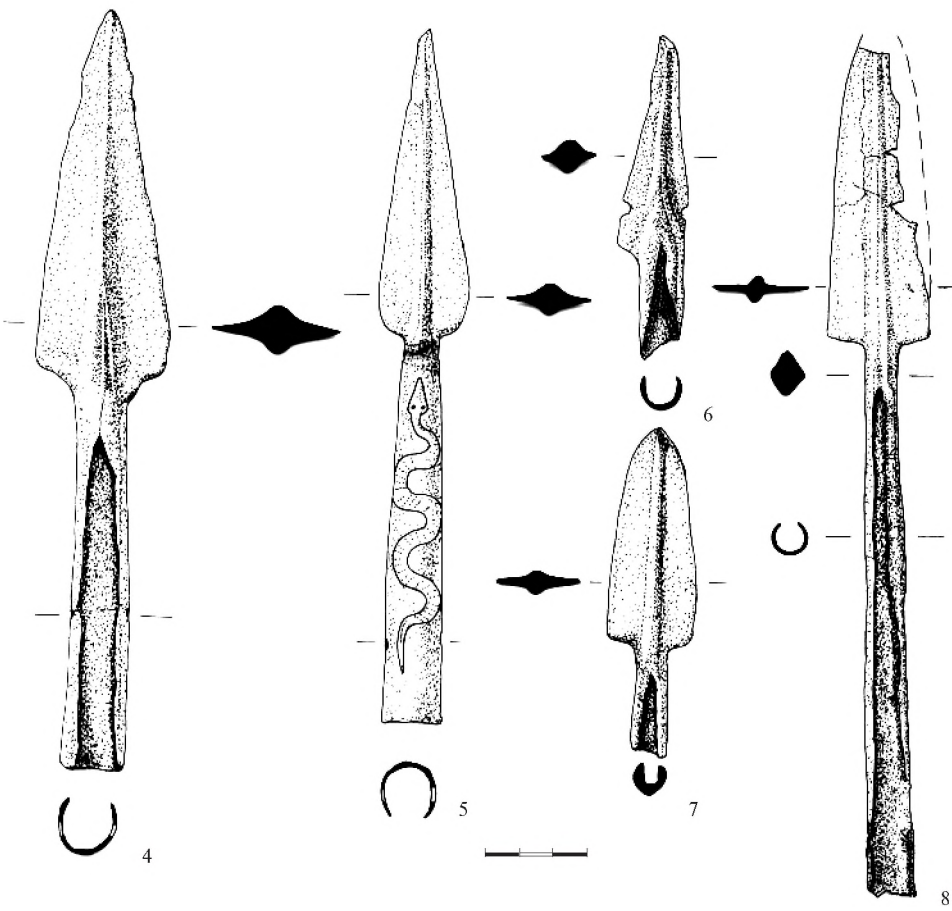
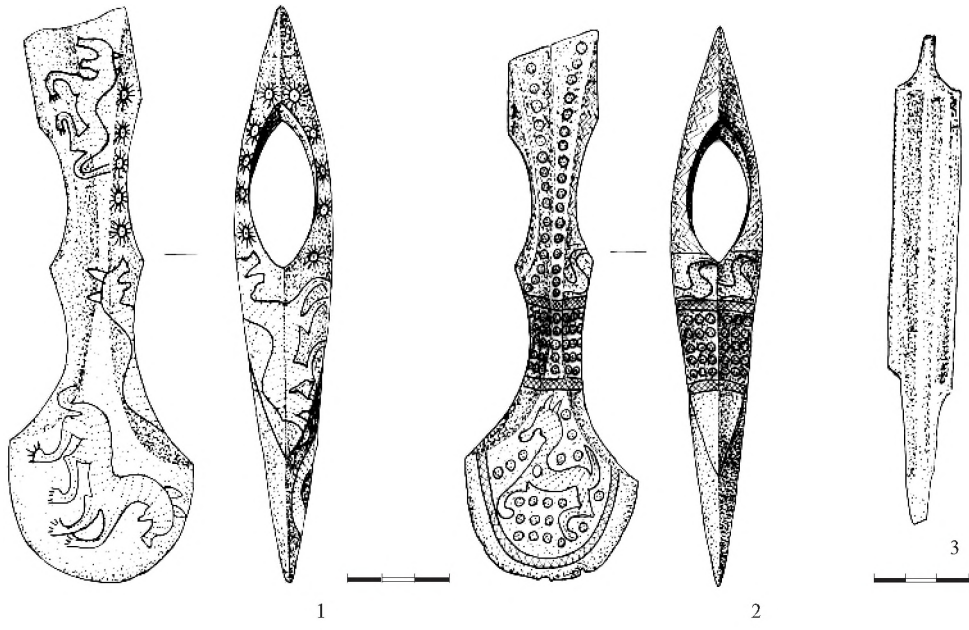

Рис. 123 Находки из погребения на холме Верещагина в Эшери, Абхазия. Бронза.

11. Реконструкция фрагментированной пекторали (13)

По Куфтин 1949, таб. XV–XVIII, рис. 31

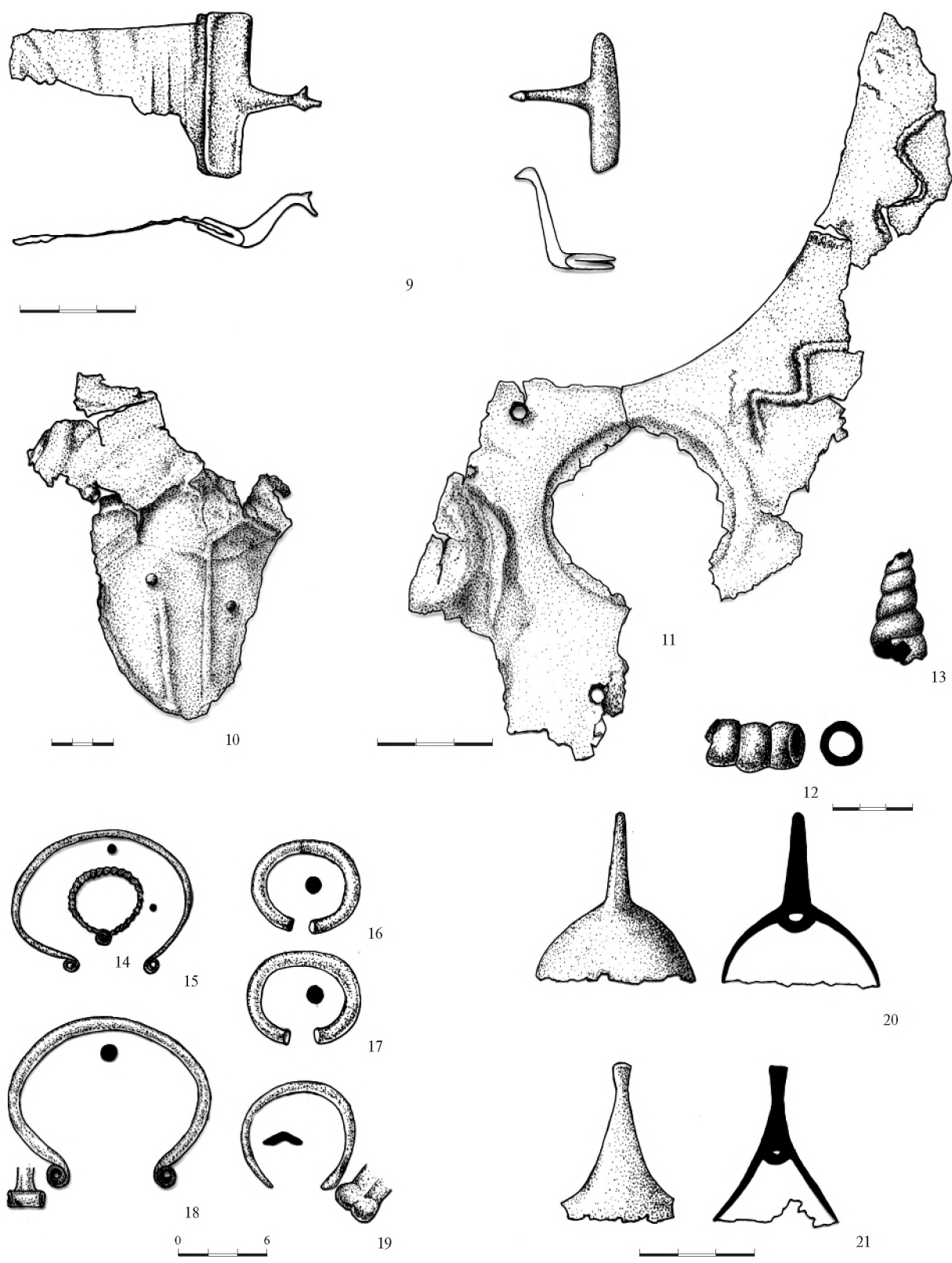

Рис. 124 Находки из погребения в с. Анухва, Абхазия. Бронза

По Доманский 1979, рис. 2, 3, 5, 6, 8, 9, 12, 13

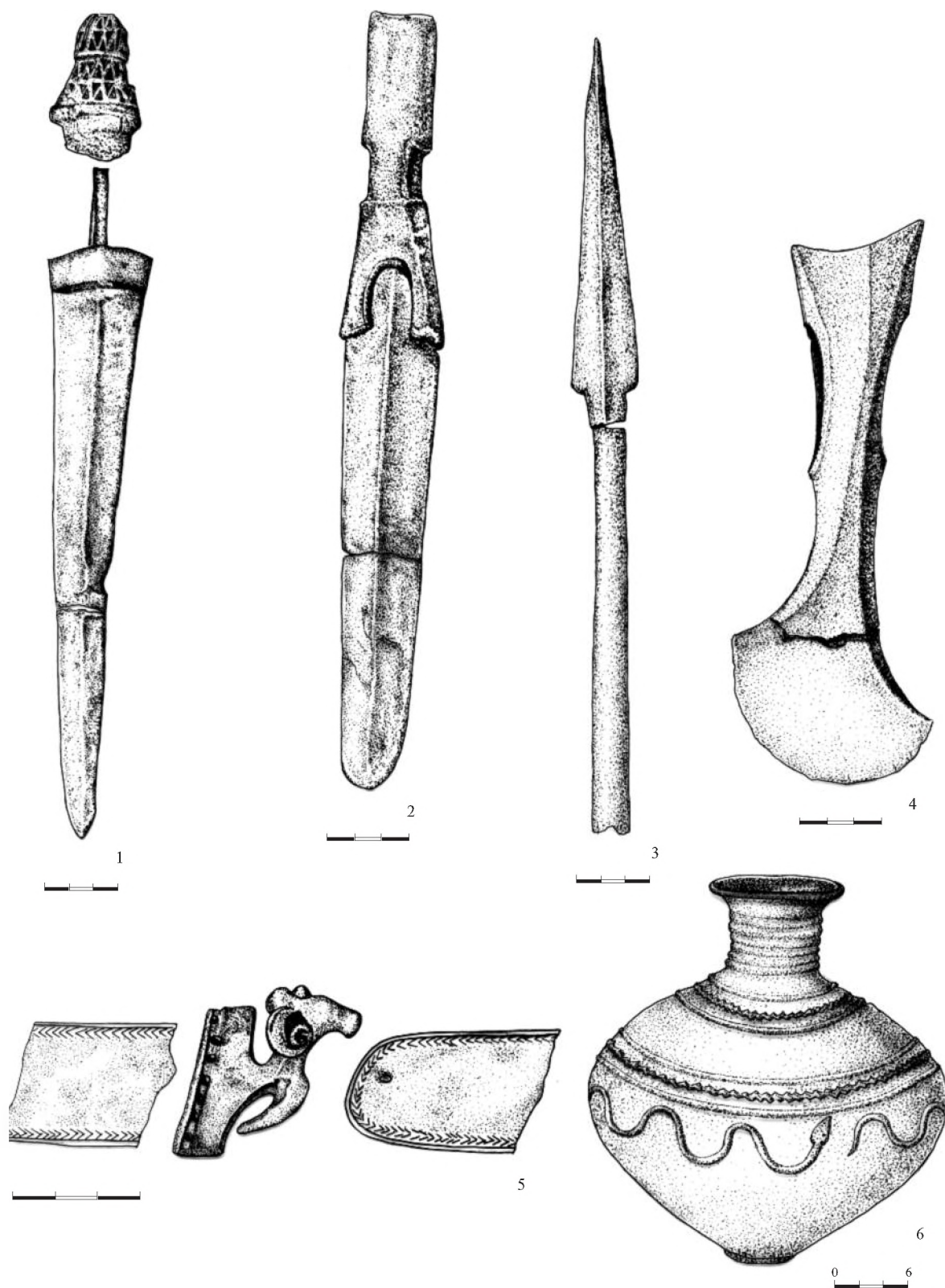

Рис. 125 Находки из погребения П1 Бешташенского могильника, Триалети. 1–5. Бронза; 6. Глина
По Куфгин 1941, рис. 69–72а, 82, таб. XLIX

В составе всех трех комплексов (Приморское, Эшери и Анухва) обнаружены топоры с полукруглым лезвием и клиновидным обухом, типичные для Колхидской культуры и хорошо известные и на памятниках Кобанской культуры. Эта форма топоров существует достаточно долго — примерно с середины II тыс. до н. э. до раннескифской эпохи (погребение 68 Тлийского могильника, где такой топор обнаружен с акинаком и элементами узды раннескифского типа)⁹⁶, однако орнаментация топоров из Приморского и из Анухвы, пожалуй, позволяет датировать их точнее. Топор из Приморского имеет на лезвии изображение хищника, остальная его поверхность, кажется, не орнаментирована. Один из топоров из Анухвы имеет сходные изображения не только на лезвии, но и на обухе, и возле отверстия для ручки. На втором топоре имеется изображение «конька». Головы всех животных обращены вперед, что, видимо, является хронологическим признаком: в более позднее время они вытесняются изображениями хищников с головами, повернутыми назад. Переход к таким изображениям характеризует завершение этапа III А и начало этапа III В Кобанской культуры по хронологии В. И. Козенковой⁹⁷, или переход от старшего периода TII C к младшему в системе Г. Коссака⁹⁸.

Хронологическим критерием могут служить также поясные пряжки, украшенные головками животных, которые обнаружены в комплексах Эшери и Анухвы. Такие пряжки достаточно хорошо известны в памятниках Колхидской культуры, в частности они входили в состав нескольких погребений могильников Куланурхва и Красный Маяк, погребений в Аагста, на Бамборской поляне, в Верхней Эшери, в Гудауте, в одном из дольменов Кюр-Дере и др.⁹⁹ Все эти комплексы достаточно близки между собой и с названными выше комплексами Эшери и Анухвы по составу инвентаря (однотипные браслеты, бляшки с гвоздевидными навершиями, бронзовые бусины, кинжалы, копья, топоры и др.). Для хронологии этих памятников существенное значение имеет, пожалуй, то, что в них почти полностью отсутствуют железные изделия, как и в комплексах Эшери и Анухвы — лишь в некоторых имеются отдельные предметы из железа (Куланурхва, раскопки 1968 — пинцет, Бамборская поляна — стержень, Гудаута — топор). За пределами Абхазии с этой группой памятников, видимо, может быть синхронизировано погребение 11 могильника у Бешгашени в Триалети¹⁰⁰ (Рис. 125) и 190 Тлийского могильника¹⁰¹, где обнаружены подобные поясные пряжки; известны такие находки и в Кобанском могильнике¹⁰². В системе относительной хронологии Г. Коссака эти комплексы могут быть синхронизированы с группой TII C¹⁰³. Сам Г. Коссак относит их к младшей части этой группы, однако такое их положение внутри группы, на мой взгляд, не вполне обосновано. Учитывая близость комплексов Эшери и Анухвы с комплексом Приморского, который принадлежит к началу группы TII C, а также полное отсутствие в этих комплексах и ряде близких им железа, их можно было бы датировать еще старшей частью этой группы, возможно ее концом. Этой датировке не противоречат и другие вещи из этих комплексов: однотипные бронзовые кинжальные клинки (Эшери и Анухва), наконечники копий, в том числе с длинной узкой до верха расчлененной втулкой и почти треугольным с прямым основанием пером (Приморское, Эшери, Анухва), гривны со спиральными окончаниями (Приморское, Анухва), биконические спиральные пронизи (Приморское, Анухва) и др.

⁹⁶ Техов 1980, 222–223, рис. 2.

⁹⁷ Козенкова 1990, 81; Козенкова 1996, 97.

⁹⁸ Kossack 1983, 115. О развитии декора колхидо-кобанских топоров см. Скаков 1997, 70–86. Топоры из Приморского и Анухвы относятся автором к самой ранней группе орнаментированных абхазских топоров (второй хронологический период): Там же, 76. В то же время один из топоров Анухвы относится им уже к третьему периоду (там же, 79). Предложенная автором линия развития орнаментации представляется мне излишне схематичной и не учитывающей данных археологических комплексов, из которых происходят анализируемые топоры. Так, вряд ли можно одобрить отнесение

двух топоров, происходящих из одного комплекса, к двум разным хронологическим группам, как это произошло с топорами из Анухвы в схеме А. Ю. Скакова.

⁹⁹ Воронов 1969, 18–22, 29–30, таб. XXXIX, 27–29; Воронов, Вознюк 1975, 270–273, рис. 2; Воронов 1980, 200–207, рис. 1, 1–17, 20–26, 38–46, 60–83.

¹⁰⁰ Куфтин 1941, 67–75, рис. 69–72а; 80, 2; 82; 84, 1–3; таб. XLI; XLVIII, 2, 6, 7; XLIX; LI, 2.

¹⁰¹ Техов 1980а, 33–34, таб. 86.

¹⁰² Уварова 1900, 41, таб. XXVI, 1; XXXVII, 3.

¹⁰³ Kossack 1983, 115, 134–135.

Что касается абсолютной хронологии, то оснований для ее установления имеется мало. Кроме общих соображений о распространении железа, видимо, таким показателем может являться отсутствие в памятниках этой группы несомненных признаков урартского влияния, которые появляются в группе Tі D (прежде всего, находки урартских поясов в погребениях 40b и 215b Тлийского могильника). Поскольку такое влияние уже вполне ощутимо начиная с первой трети VIII в. до н. э., можно предполагать, что комплексы Эшери и Анухвы датируются раньше, т. е. не позже IX в. до н. э. В. Н. Воронов датировал памятники этой группы VIII или VIII – первой половиной VII в. до н. э.¹⁰⁴ Основания для такой датировки неубедительны — например, комплексы могильника Малаклю, на который он ссылается в этой связи, имеют более поздний облик и к тому же датируются не VII в. до н. э., а VIII–VII вв. до н. э. (главное основание датировки — фрагменты поясов). Определенным основанием для датировки может быть комплекс погребения 1 некрополя Нор-Ареша, в котором обнаружены две бронзовые фибулы кобанского типа (*Рис. 69*)¹⁰⁵. Судя по форме этих фибул (сильно вздутая дужка, две шайбы и фигурки птицы на ней, очень широкий приемник), погребение Нор-Ареша более позднее, чем комплексы Приморского, Эшери и Анухвы и большинство других перечисленных выше комплексов. Это погребение достаточно надежно датируется по обнаруженным в нем фрагментам бронзового пояса, относящегося к ранней группе (около 770–740 гг. до н. э.)¹⁰⁶.

Таким образом, комплексы Приморского, Эшери и Анухвы, относящиеся к близким датам (комплекс Приморского, видимо, самый старший), вряд ли могут быть датированы позже IX в. до н. э. Эта дата, в свою очередь, определяет и датировку северокавказских комплексов, содержащих однотипные с абхазскими шлемы и пекторали. Она может служить и еще одной опорой для абсолютной датировки памятников новочеркасского типа.

В любом случае бронзовые пекторали никак не связаны с Передним Востоком и являются чисто кавказским произведением, входящим в число многочисленных форм инвентаря, объединяющих комплексы Кобанской и Колхидской культур. Следует отметить в связи с этим, что находки фрагментов листовой бронзы вообще достаточно часто отмечаются в погребениях Колхидской культуры. Часть из них, возможно, также принадлежала шлемам или пекторалиям, или иным предметам, изготовленным в сходной технике. Это наблюдение подтверждает предположение о местном происхождении техники, использованной при изготовлении шлемов и других предметов из листовой бронзы. Что же касается кавказских пекторалей, то М. Н. Погребова уже указывала на их своеобразие и на отличия от пекторалей из Луристана и Урарту¹⁰⁷. В самом деле, близкие аналогии кавказским пекторалиям отсутствуют в Передней Азии и нет никаких оснований говорить об их заимствовании на Кавказ.

Вероятно, ошибочно и их толкование как конских нагрудников, «идея» которых была заимствована из Передней Азии¹⁰⁸. Кавказские пекторали имеют совершенно иную форму и размеры, чем переднеазиатские конские нагрудники¹⁰⁹ — они почти в два раза уже и, в отличие от последних, вытянуты по вертикали. Укрепить их на груди лошади достаточно сложно, однако они вполне подходят для того, чтобы быть укрепленными на одежде человека, закрывая его грудь и живот. Кроме того, следует отметить, что в ряде комплексов, где обнаружены пекторали, отсутствовали элементы конской упряжи (разрушенное погребение 1987 г. (правда, его комплекс, очевидно, известен нам лишь частично) Клиньярского могильника, комплексы Эшери и Анухвы), что делает сомнительным толкование нагрудника как предмета конского убора.

¹⁰⁴ Воронов 1980, 200–208.

¹⁰⁵ Мартиросян 1964, 242–251, таб. XXIV, XXVI–XXVII; Barnett 1963, 194–198; Muscarella 1965, 236, Nr. 25a; Salvatori 1976, 87; Ögün 1979, 180, Abb. 3.

¹⁰⁶ Kellner 1991, 3, 19, 48, Nr. 119.

¹⁰⁷ Погребова 1984, 103–107.

¹⁰⁸ Горелик 1993, 147; Эрлих 1994, 86–87; Махортых, Черненко 1994, 155; Махортых, Черненко 1995, 21–28.

¹⁰⁹ Winter 1980, 3–6; de Schauensee, Dyson 1983, 72; Seidl 1986, 229–233; Maaß 1987, 87–90; Muscarella 1988, 66–67;

de Schauensee 1989, 46–47, fig. 26–29; Seidl 1991, 80, 85–87, Nr. 42–44, ср. Nr. 71–72; Born, Seidl 1995, 55–81; Rehm 1997, 230–232, U 38–40, Abb. XXXI, 412, 413 (в этих же работах многочисленные изобразительные параллели). Вопреки мнению С. В. Махортых и Е. В. Черненко (1995, 25), эти нагрудники, включая и происходящие из Хазанлу, весьма далеки от кавказских. Большая часть опубликованных в названных работах конских нагрудников происходит из Урарту, где они, вопреки С. В. Махортых и Е. В. Черненко (1995, 26), хорошо известны.

2.3.3 ЧЕШУЙЧАТЫЕ ПАНЦИРИ

Наряду с остроконечными шлемами, в качестве свидетельства контактов предскифского населения Причерноморья с Передней Азией использовались также находки фрагментов чешуйчатых панцирей к северу от Кавказа¹¹⁰.

Распространение чешуйчатых панцирей, быстро ставших типичными для скифского доспеха, следует, видимо, связывать с совершенствованием стрелкового оружия и, в первую очередь, с введением новых, т. н. скифских, форм наконечников стрел, резко повышавших их убойную силу¹¹¹. Следует отметить в связи с этим, что чешуйчатые панцири, в том числе из железных пластинок, использовались киммерийцами и скифами уже в эпоху их переднеазиатских походов. Это обстоятельство засвидетельствовано находкой многочисленных железных панцирных пластинок в разграбленном киммерийском (по археологической терминологии, раннескифском келермесского этапа) погребении первой половины VII в. до н. э. на акрополе Норшунтепе в восточной Анатолии (см. выше). Недавно были сделаны находки, свидетельствующие о том, что распространение этих панцирей началось в Предкавказье еще в доскифское время — пластинки панцирей изредка встречаются на памятниках этой эпохи: в погребениях 4 могильника «Индустрия-1»¹¹² и у Кабан-горы в окрестностях Кисловодска¹¹³, в кургане Уашхиту (*Рис. 126; 127; 16*)¹¹⁴. Здесь же следует отметить и случаи использования пластинок от панциря не по назначению, в качестве нашивных бляшек, служивших для украшения женской одежды или головного убора¹¹⁵. Появление чешуйчатых панцирей в доскифскую эпоху не должно удивлять: стрелы новочеркасского типа по своим баллистическим свойствам незначительно уступали скифским, и их появление требовало и соответствующей защиты.

Использование бронзовых и железных пластинчатых панцирей в самом деле было характерно для передневожочных армий начиная с достаточно раннего времени. В Египте, например, бронзовые чешуйчатые панцири применялись по меньшей мере с XV в. до н. э., причем известны панцирные пластинки с надписями Рамсеса II и III, а гиксосам подобные панцири были известны и еще раньше¹¹⁶. Пластинки таких панцирей обнаружены при раскопках многих передневожочных памятников, например Зинджирли (слой разрушения в конце VIII в. до н. э.¹¹⁷), Лахиша (в основном третий слой, т. е. эпоха Синахериба, но и более ранние слои, включая пятый, существовавший до второй половины X в. до н. э.)¹¹⁸, Нимруда (VIII–VII вв. до н. э.)¹¹⁹. Широко использовались подобные панцири и в Урарту и, видимо, Манне. Так, в четвертом слое Хазанлу (разрушено в конце IX в. до н. э.) было найдено большое количество бронзовых и железных чешуек панцирей прямоугольной и закругленной формы¹²⁰. При раскопках Тейшебаини был обнаружен хорошо сохранившийся чешуйчатый панцирь эпохи Аргишти I (около 786–764 гг. до н. э.), дата которого засвидетельствована сохранившейся на нем надписью¹²¹. Железные панцирные пластинки обнаружены и в одном из помещений Аргиштихинили¹²² (*Рис. 128*).

¹¹⁰ Эрлих 1994, 84; Махортых 1994, 30.

¹¹¹ Черненко 1968, 124, 156.

¹¹² Виноградов 1972, 128, рис. 18, 10; Виноградов, Рунич, Михайлов 1976, 47, рис. 5, 21; Виноградов, Дуларев, Рунич 1980, 194, рис. 7; Козенкова 1995, 95–96, таб. XXIV, 1, 2.

¹¹³ Афанасьев, Козенкова 1981, 175–176, рис. 9, 1; Козенкова 1995, 95–96, таб. XXIV, 3.

¹¹⁴ Эрлих 1994, 28, таб. 5, 45.

¹¹⁵ Гриневич 1951, 132, рис. 10, 1; Козенкова 1986, 135, 152–153, рис. 5, 3; 12, 1; Козенкова 1995, 95–96, таб. XXIV, 4, 5.

¹¹⁶ Aharoni 1975, 387; Горелик 1993, 102–105, 116–118.

¹¹⁷ Luschan, Andrae 1943, 79, Abb. 89.

¹¹⁸ Бронзовые пластинки: Tufnell 1953, 386–387, pl. 39, 7–9; 57, 16–17 (погребение 1002, 810–710 гг. до н. э.: *Ibid.*, 229–236); pl. 58, 4–5 (с керамикой 1500–1200 гг. до н. э.), 6–14. Железные пластинки: Tufnell 1953, pl. 56, 11–12 (погребение 224, 860–820 до н. э.: *Ibid.*, 215–217). Ср. Ussishkin 1982, 55, fig. 48; Aharoni 1975, 76, pl. 37, 3–5 (две бронзовых, одна железная, пятый слой).

¹¹⁹ Stronach 1958, pl. XXXIV, 1–10; Muscarella 1988, 317–320.

¹²⁰ Muscarella 1988, 54, Nr. 62–63.

¹²¹ Пиотровский 1955, 30–36.

¹²² Мартиросян 1974, 112.

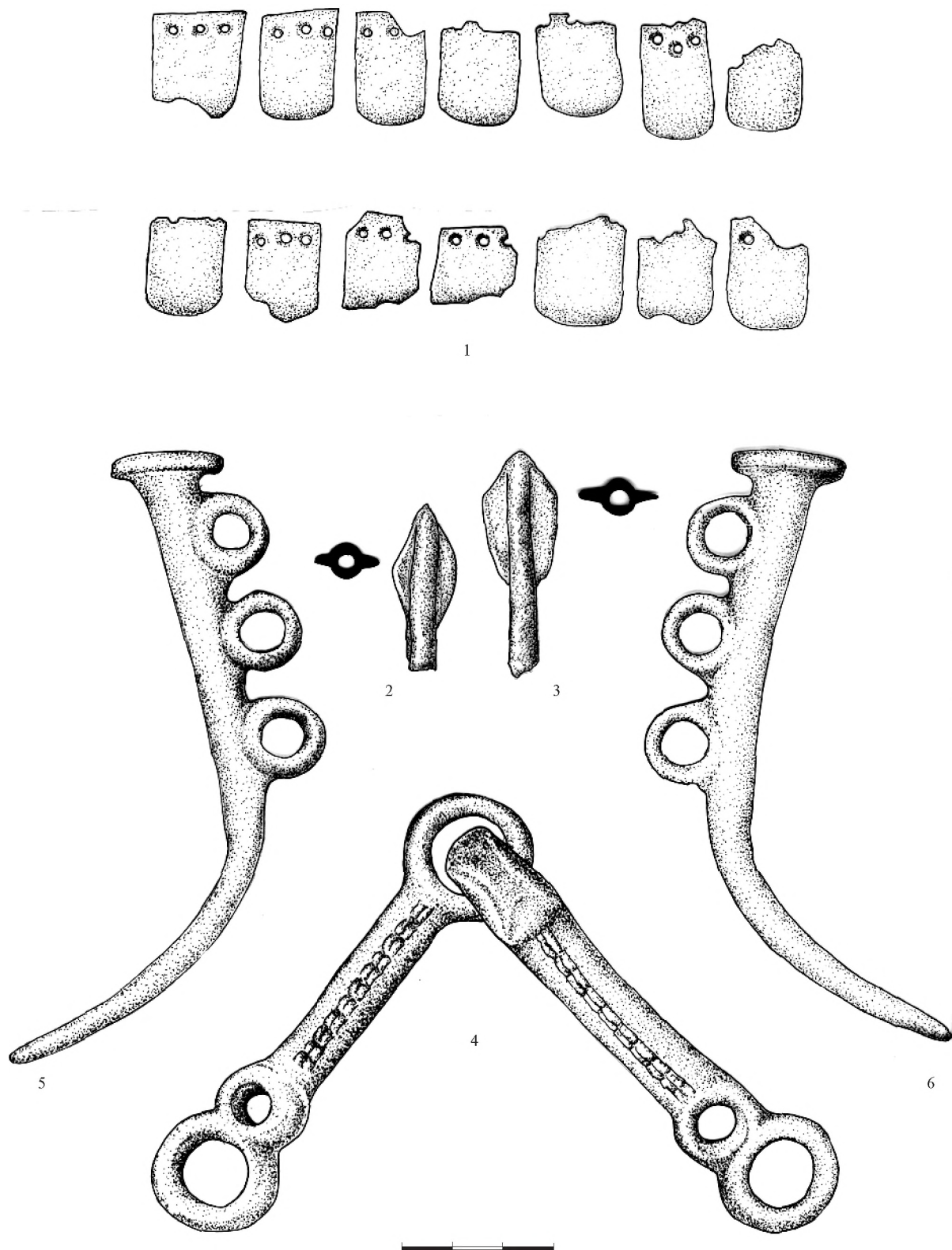

Рис. 126 Находки из погребения у Кабан-горы близ Кисловодска. Бронза
 По Афанасьев, Козенкова 1981, рис. 9; Козенкова 1995, таб. II, 8,9; таб. XXIV, 3; XXV, 1

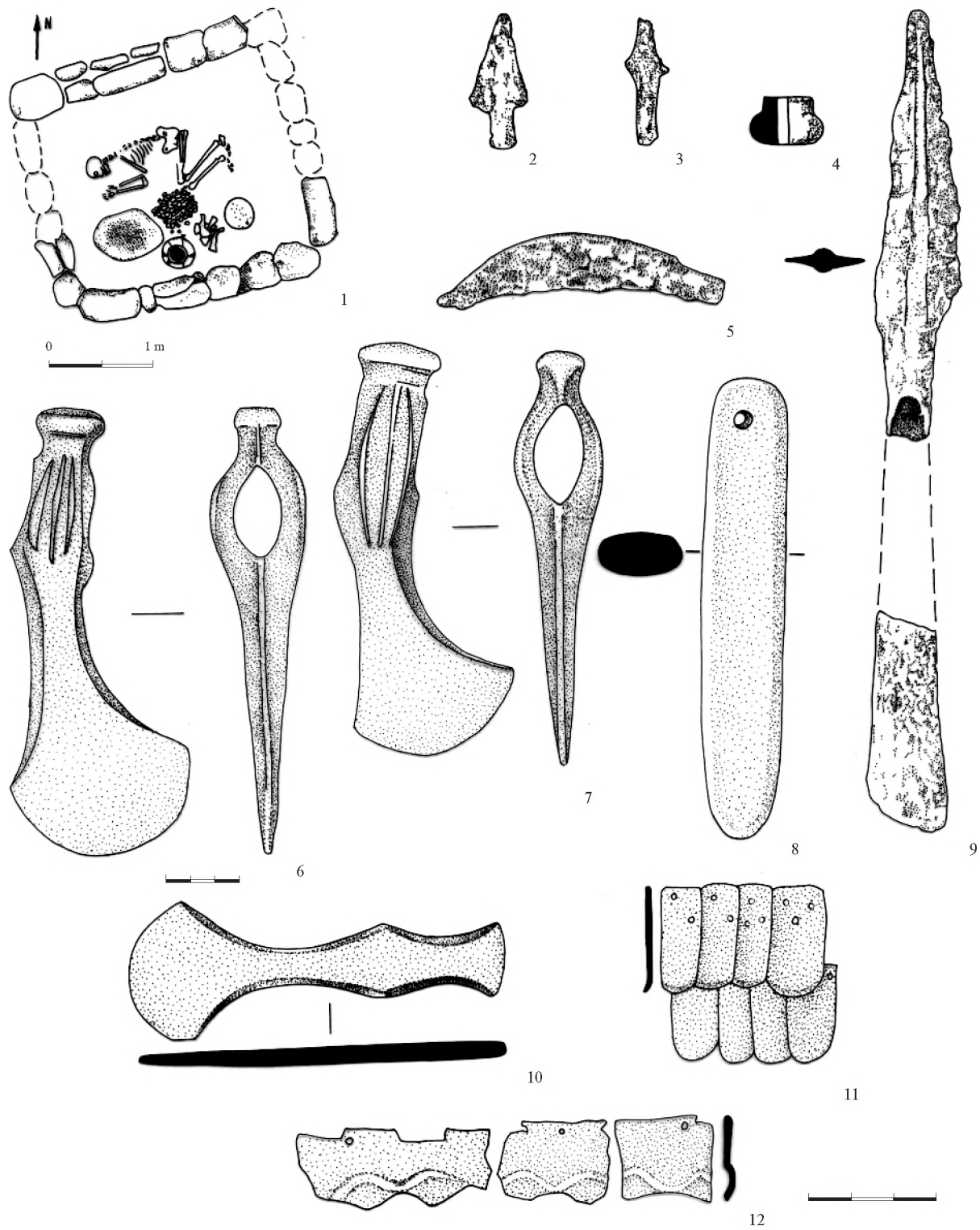

Рис. 127 Находки из погребения 4 могильника «Индустрия-1».
 2–4, 6, 7, 10–12. Бронза; 5, 9. Железо; 8. Камень
 По Виноградов, Дударев, Рунич 1980, рис. 7

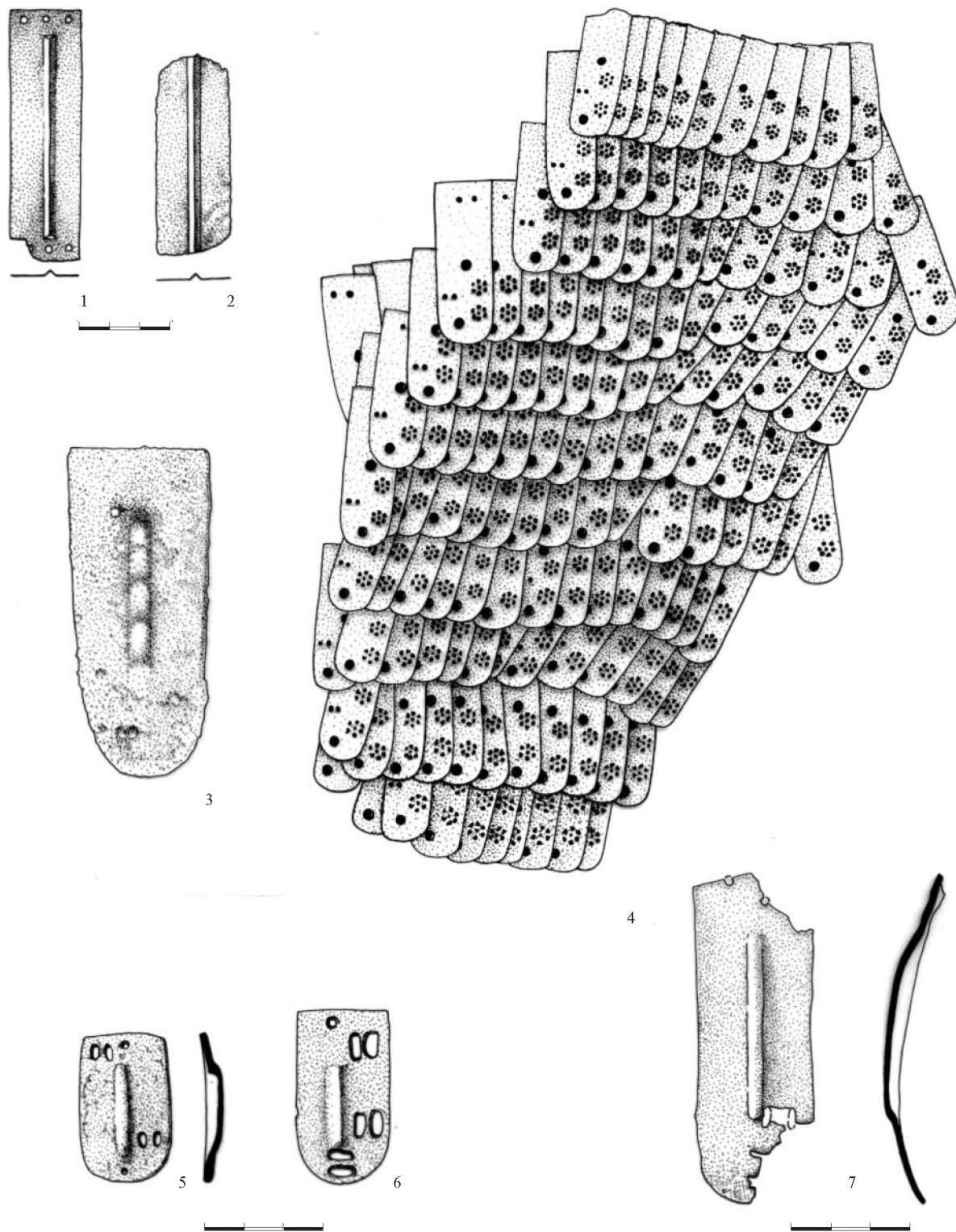

Рис. 128 Панцирные пластинки.

1, 2. Алтынтепе, Турция; 3. Хазанлу IV; 4. Кармир-Блур; 5–7. Богазкёй. 1, 4–7. Бронза; 2, 3. Железо

По Barnett, Gökce 1953, fig. 6 (1, 2); Muscarella 1988, Nr. 63 (3); Пиотровский 1959, рис. 28 (4);

Boehmer 1972, Nr. 805, 806, 808 (5–7)

Однако, как и остроконечные шлемы, чешуйчатые панцири не были для Закавказья новацией VII или даже VIII в. до н. э. Около середины II тыс. до н. э. датируются 23 пластины бронзового наборного панциря из района Нор-Баязета в Армении. Они находят близкие аналогии в панцирных пластинках этой эпохи из Мегиддо, Рас Шамры, Нузи и Чога Замбила¹²³. Значительное количество таких пластинок обнаружено в закавказских комплексах XIV–XIII вв. до н. э., в частности в ряде погребений этой эпохи могильника Насадгомари (село Гадрекили Гурджаанского района Грузии), погребениях у Магарои, первом кургане Цители-гореби¹²⁴.

Достаточно редкие находки чешуек пластинчатых панцирей на Северном Кавказе нет никаких оснований рассматривать как свидетельство военных набегов на переднеазиатские государства — они вполне могли попасть сюда в результате торговых или иных контактов с Закавказьем¹²⁵. Такие пластинки попадали от закавказских соседей не только в Предкавказье, но и гораздо дальше (ср., например, находки панцирных пластинок в Морквашинском могильнике Ананьинской культуры)¹²⁶.

2.3.4 КОЛЕСНИЦЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Кроме названных категорий находок, одним из аргументов в пользу участия носителей культуры новочеркасского типа в переднеазиатских походах В. Р. Эрлих считает «импорт идей» из Передней Азии. Важнейшим свидетельством такого «импорта идей» он считает «начало массового производства упряжи колесниц», которое объясняет «знакомством с войском Ассирии и Урарту, возглавляемым предводителями-колесничими»¹²⁷. Однако здесь в рассуждении В. Р. Эрлиха заметно явное противоречие — с одной стороны он считает появление колесниц в памятниках новочеркасского типа культурной новацией, объясняемой контактами с Ассирией и Урарту, с другой — толкует те же колесницы как знак престижа «сословия иранской кочевой аристократии, сопоставимой с «колесничими» Авесты»¹²⁸, причем для реконструкции их облика использует описание колесницы Митры в авестийском Михр-яште. Таким образом, использование колесниц как знака престижа и принадлежности к высшему сословию считается одновременно восходящим к иранской древности¹²⁹ и, следовательно, тради-

¹²³ Мартиросян 1964, 85, прим. 1; Esayan 1990, 98–99, Abb. 10, 1

¹²⁴ Пицхелаури 1979, 100, таб. XX, 9–10; XXIII, 1–2; XXVII; XXXII; Пицхелаури, Менабле 1982, 149, таб. VIII, f; XII, 128; XV, 203; L, 848; Esayan 1990, 99. Ср. Горелик 1993, 96, 105–106, 122.

¹²⁵ Ср. Козенкова 1995, 96.

¹²⁶ Збруева 1952, 310, рис. 56а. Эти пластинки входят в достаточно обширную категорию кавказских предметов предскифской и раннескифской эпох, встречающихся в могильниках Ананьинской культуры (биметаллические кинжалы, акинаки, топоры и фибулы кобанского типа, женские украшения, изготовленные из пластин урартских и кавказских бронзовых поясов, элементы конской узда и др.). См. о них Членова 1988, 3–11, с литературой. Возможно, что и находки биметаллических клецов в этом районе (см. выше) связаны с появлением здесь этих элементов.

¹²⁷ Эрлих 1994, 86, 97. Близкую точку зрения высказывает также У. Л. Дитц (Dietz 1998, 184). Она датирует поздние

новочеркасские памятники, содержащие большое количество конских уздечек, которые вероятно, применялись для упряжи колесниц, не позже конца VIII в. до н. э. Несмотря на такую датировку, она все же считает возможным объяснить распространение таких погребений началом переднеазиатских походов. Здесь имеется противоречие: первое известное столкновение киммерийцев с Урарту датируется лишь 714 г. до н. э., и нет оснований предполагать существенно более раннее начало походов степных номадов в Переднюю Азию.
¹²⁸ Эрлих 1994, 49–50.

¹²⁹ Впрочем, в одном месте В. Р. Эрлих (1994, 120), очевидно, стремится сгладить это противоречие, однако приводит это не к отказу от предположения о заимствовании колесниц носителями Новочеркасской культуры, а к утверждению, что иранское «сословие воинов-колесничих» оформилось лишь во время переднеазиатских походов (!). Невозможность такого предположения очевидна для всякого, мало-мальски знакомого с индоиранскими и иранскими материалами.

ционными для новочеркасцев, которых автор считает иранцами. Это противоречие в действительности легко разрешается. Иранским кочевникам VIII в. до н. э. совершенно ни к чему было заимствовать колесницы или повозки у ассирийцев или урартов, поскольку они прекрасно их знали и широко использовали с весьма раннего времени. Находки самих повозок, а также их моделей, как известно, широко распространены в степных погребениях ямной и катакомбной культур¹³⁰, которые с полным основанием большинством исследователей считаются принадлежавшими индоиранским народам. Здесь же следует назвать яркие находки легких боевых колесниц с колесами, имевшими по десять спиц, в ряде погребений могильника второй четверти – середины II тыс. до н. э. на реке Синташта в южном Зауралье¹³¹. Если находки колесниц в степных погребениях второй половины II – начала I тыс. до н. э. неизвестны, то это, конечно, вовсе не означает, что колесницы вышли из употребления — их использование достаточно надежно свидетельствуется изображениями этого времени¹³². Кстати, хорошо известны находки самих колесниц и их моделей и у южных соседей степняков, в погребениях Закавказья, в том числе и второй половины II тыс. до н. э. (например, в курганах у с. Лчашен на северо-западном побережье оз. Севан, см. выше)¹³³. Нет сомнения, что иранское сословие воинов, соответствующее индийским кшатриям, вплоть до полного перехода к настоящему всадничеству и даже позже, оставалось, во всяком случае теоретически и идеологически, сословием колесничих, причем пережитки подобных представлений сохранялись и в скифское время¹³⁴. Таким образом, находка колесницы в кургане Уашхиту никоим образом не может рассматриваться как свидетельство ассирийского или вообще передневносточного влияния; напротив, использование колесницы как символа принадлежности к воинскому сословию является традиционной для степных кочевников чертой, восходящей к индоиранской древности. К этому следует добавить, что погребение в кургане Уашхиту является до сих пор единственной находкой остатков колесницы (кстати, весьма невыразительных — речь идет лишь о двух узких ямах с остатками дерева в полу погребальной камеры, которые трактуется автором раскопок как следы двух вкопанных колес) на памятниках новочеркасского круга. Все остальные перечисленные В. Р. Эрлихом «погребения колесничих» содержат лишь остатки конской упряжи, толкуемые им как колесничные по аналогии с комплексом Уашхиту. Однако и предметы конской упряжи, найденные в памятниках позднего бронзового века в точности также могут оказаться предназначенными для колесничной упряжи, что уже предполагалось в литературе¹³⁵. В самом деле, до находки остатков колесницы в кургане Уашхиту никому не приходило в голову говорить о «массовом производстве упряжи колесниц» в новочеркасское время — соответствующие находки обычно считались уздой верховых коней.

¹³⁰ Кузьмина 1974, 68–87; Häusler 1981, 581–647; Häusler 1984, 629–682; Чередниченко, Пустовалов 1991, 206–216; Häusler 1994, 217–257.

¹³¹ Генинг 1977, 59, рис. 3; Генинг, Зданович, Генинг 1992, 125–219 (погребения 4, 5, 12, 16, 19, 28, 30).

¹³² Чередниченко 1976, 135–150, ср. Sorokin 1990, 97–147.

¹³³ Мнацкян 1960, 139–152; Есаян 1966, 130–143; Piggott 1968, 285–286.

¹³⁴ Подобным же образом, например, в Ригведе, в том числе в ее поздних частях, всадники вообще упоминаются крайне редко, хотя всадничество в эпоху ее составления было уже

хорошо известно. Боги Ригvedы описываются как колесничие: Falk 1994, 91–101. Гомеровские герои также остаются колесничими, хотя в гомеровскую эпоху колесницы уже вряд ли имели действительно боевое значение. В гомеровском эпосе имеется всего два несомненных упоминания всадников, да и то эти упоминания косвенные (в сравнениях): II. XV, 674; Od. V, 371, см. Wiesner 1968, 110–114 (здесь же другие контексты, где может подразумеваться верховой конь).

¹³⁵ Смирнов 1961, 46–72; Мелентьев 1967, 38–44; Кузьмина 1974, 82.

Датировка Хазанлу IV

Датировка слоя разрушения Хазанлу IV является одной из опорных дат в иранской археологии. Она была определена авторами раскопок поселения как конец IX в. до н. э. и связана с завоеванием урартами данного региона, которое, кроме прочего, датируется урартской надписью из Калатгаха около 805 г. до н. э.¹ Данная датировка долгое время была общепринятой, однако недавно И. Н. Медведская высказала против нее ряд возражений, считая, что поселение Хазанлу IV существовало и в VIII в. до н. э. и было разрушено в ходе похода Саргона II в 714 г. до н. э.²

Для того, чтобы доказать существование Хазанлу IV и в VIII в. до н. э. И. Н. Медведской было необходимо найти в его слоях такие предметы, которые были неизвестны в IX в. до н. э. и датировка которых ограничивается VIII в. (довольно большое количество находок имеет более широкую дату — IX–VIII вв. до н. э.).

Аргументация И. Н. Медведской строится в первую очередь на анализе конской упряжи — как предметов, непосредственно обнаруженных при раскопках Хазанлу, так и изображенных на резных пластинках слоновой кости, найденных в IV слое этого поселения. Главный метод, применяемый для датировки соответствующих элементов упряжи, состоит в их сопоставлении с ассирийскими рельефами, которые И. Н. Медведская делит на две группы — «рельефы IX в. до н. э.» и «рельефы VIII в. до н. э.». Соответственно, если она не находит аналогии какому-то предмету из Хазанлу IV на «рельефах IX в. до н. э.», а находит лишь на «рельефах VIII в. до н. э.», то считает, что этот предмет входит в употребление только в VIII в. до н. э. и свидетельствует о необходимости продлить существование Хазанлу IV до VIII в. до н. э.

Такой метод вызывает серьезные возражения. Прежде всего, он не учитывает столетнюю лакуну в ассирийском иконографическом материале, о которой говорилось выше. То, что И. Н. Медведская называет «рельефами IX в. до н. э.» — это рельефы Ашшурнацирпала II и бронзовые обкладки Балаватских ворот Салманасара III, которые были изготовлены не позже 841/837, а частично еще в 850 г. до н. э. (см. выше). Таким образом, надо говорить об изображениях не IX в. до н. э., а 70–40-х годов IX в. до н. э. Что касается «рельефов VIII в. до н. э.», то самые ранние из них относятся к эпохе Тиглатпаласара III (745–727 г. до н. э.), так что здесь следует говорить в лучшем случае о рельефах второй половины VIII в. до н. э. (то же верно и для стенных росписей «первого стиля» Тиль-Барсипа).

Вторым существенным недостатком метода И. Н. Медведской является автоматический перенос выводов, сделанных на основании ассирийских рельефов, изображающих ассирийских всадников и колесничих, на урартов и маннеев. При этом не учитывается тот факт, что применяемая этими народами конская сбруя могла отличаться от ассирийской. Такой автоматический перенос тем более удивителен, что сама И. Н. Медведская разделяет мнение, согласно которому ряд связанных с коневодством новшеств был заимствован ассирийцами у урартов (очевидно, при этом имеются в виду прежде всего

¹ Dyson, Muscarella 1989, 1–27, с предыдущей литературой.

² Medvedskaya 1988, 1–15; Medvedskaya 1991, 149–161.

коневоодческие районы Урарту, которые описывает Саргон II в своей реляции о восьмом походе и к числу которых принадлежала и область Хазанлу) и, следовательно, появился у последних раньше, чем мог быть изображен на ассирийских рельефах. Наконец, последнее (и по значимости) возражение состоит в том, что иконографические материалы, несмотря на стремление ассирийских скульпторов к точности и детализации, все же дают косвенные свидетельства, которые не могут заменить обращения к реально сохранившимся вещам.

Таким образом, отмечая, что некая реальность отсутствует на «рельефах IX в.», но присутствует на «рельефах VIII в.», И. Н. Медведская имеет право делать вывод лишь о том, что в Ассирии (но не в Урарту или Манне) она вошла в употребление между 40-ми годами IX в. до н. э. и 40-ми годами VIII в. до н. э., но никак не о том, что ее следует датировать VIII, а не IX в. до н. э. Уже поэтому полученные на основании ассирийских рельефов результаты не позволяют передатировать четвертый слой Хазанлу.

Эти априорные сомнения в корректности применяемого И. Н. Медведской метода находят полное подтверждение, если обратиться к конкретным результатам. Приведу лишь несколько наиболее ярких примеров. Важным аргументом для передатировки слоя Хазанлу IV И. Н. Медведская считает находку здесь трапециевидного конского наносника. Посвятив анализу этого предмета немалую часть своей первой статьи, и еще раз специально подчеркнув его значение во второй статье, она приходит к выводу, основанному прежде всего на ассирийских изображениях, что такие наносники входят в употребление не раньше последней трети VIII в. до н. э. и распространяются в VII в. до н. э.³ Этот вывод ошибочен и в полной мере демонстрирует неприемлемость избранного И. Н. Медведской метода. Действительно, изображение конского наносника и крепящего его ремня на ассирийских рельефах впервые появляется в эпоху Тиглатпаласара III. Но нам известно два наносника, причем именно трапециевидной формы, с надписями урартского царя Ишпуини (825–810 гг. до н. э.) (*Рис. 129*)⁴, что надежно удостоверяет их использование в урартской упряжи в последней четверти IX в. до н. э. Этот факт обесценивает и все остальные связанные с использованием наносников в конской сбруе построения И. Н. Медведской, относящиеся к развитию ближневосточной кавалерии в VIII в. до н. э.

Другим указанием на VIII в. до н. э. И. Н. Медведская считает прикреплявшиеся к узде колокольчики, в большом количестве найденные в слое Хазанлу IV⁵. Изображение таких колокольчиков впервые появляется на ассирийских «рельефах VIII в.», т. е. при Тиглатпаласаре. Однако и здесь ситуация та же, что и с наносниками — известно два колокольчика, надписанных именем урартского царя Менуа, сына Ишпуини (один неизвестного происхождения, хранится в музее Эшмолиен в Оксфорде, инв. №1974.357, другой из Дизгинкале возле Патноса в восточной Анатолии, хранится в музее Вана) (*Рис. 107, 1*)⁶, что удостоверяет использование данного элемента конской узды в Урарту не позже рубежа IX–VIII вв. до н. э. и опровергает и этот аргумент И. Н. Медведской. Эти два примера достаточно убедительно свидетельствуют о шаткости и необязательности и остальных сделанных на основании ассирийских рельефов выводов, например, о «банджовидных» и округлых бляшках, использовавшихся в найденной на Хазанлу сбруе, которые И. Н. Медведская считает необходимым датировать не ранее второй половины VIII в. до н. э., основываясь на росписях из Тиль Барсипа⁷, или о кистях, размещенные которых на узде коня, а не нагруднике, также объявляется характерным только для VIII в. до н. э.⁸

³ Medvedskaya 1988, 2–8; Medvedskaya 1991, 153.

⁴ Özgen 1984, 95–96, fig. 12–13 (на втором надпись фрагментирована, но восстанавливается достаточно надежно); Seidl 1991, 79–80; Merhav 1991, 98–99, Nr. 66, fig. 13, 2. Ср. еще один наносник этого типа, находящийся в музее Карлсруэ и входящий в комплекс бронзовых предметов узды, надписанных именами Ишпуини и его сына и сопратителя Менуа: Maab 1987, 84, Taf. 1, 1; 10; Rehm 1997, 227–228, U 33, Taf. XXVIII.

⁵ Medvedskaya 1988, 9–10.

⁶ Moorey 1975, pl. XIV; Belli 1976–1977, 201–202, Res. 9,

Lev. VII, 25; Muscarella 1978, 64–65, fig. 8–9; Özgen 1984, 109–110, fig. 34; Muscarella 1988, 427; Dyson, Muscarella 1989, 17; Seidl 1991, 80, Nr. 59.

⁷ Medvedskaya 1988, 2.

⁸ Medvedskaya 1991, 154. Изображение коней с кистями, расположенными на узде, сохранившееся на глазурованных кирпичках из храма Ашшура в Ашшуре, которые датировались эпохой Тиглатпаласара I (1112–1074 гг. до н. э.) (Andrae 1923, 11–12, Taf. 6; Haller, Andrae 1955, 56–57), видимо, относится к эпохе Саргона II и изображает один из эпизодов его знаменитой восьмой кампании (714 г. до н. э.). На кирпичках сохра-

Рис. 129 Бронзовый конский наносник с надписью Ишпуини
По Мерhav 1991, 98–99, №. 66, fig. 13, 2

То же касается и деталей устройства колесниц, изображенных на резных пластинках из Хазанлу. К тому же некоторые черты, которые И. Н. Медведская считает характерными исключительно для VIII в. до н. э., в действительности встречаются и на изображениях колесниц эпохи Ашшурнацирпала (например, отсутствие щита)⁹. Наконец, И. Н. Медведская не учитывает и опубликованные недавно изображения колесниц и всадников на бронзовых предметах (конская пектораль и ведро, очевидно, ассирийского производства), которые датируются второй половиной IX в. до н. э. (Рис. 48; 66)¹⁰. На этих изображениях имеются некоторые элементы, которые И. Н. Медведская связывает исключительно с VIII в. до н. э. Так, например, на пекторали изображены колесничные и верховые кони, у которых кисти (или колокольчики) размещены на узде, а не на нагрудниках¹¹, а лошади, изображенные на ведре, имеют носовые ремни, которые И. Н. Медведская связывает с применением наносников¹². Кстати, эти элементы известны и на более ранних изображениях¹³.

Несколько особняком стоит еще один аргумент И. Н. Медведской, основывающийся на ассирийских рельефах лишь отчасти, а в основном на общих представлениях о развитии переднеазиатского всадничества. Определенным показателем в пользу датировки VIII в. до н. э. И. Н. Медведская считает изображение на пластинках из Хазанлу всадников без правчих, использование которых было характерно для ближневосточного всадничества IX в. до н. э.¹⁴ В самом деле, в эпоху Ашшурнацирпала II засвидетельствовано применение ассирийцами в атаке конных лучников, которые используют правчих, управляющих двумя скачущими рядом конями и высвобождающих тем самым обе руки стрелка¹⁵ (Рис. 131, 1). Тот же способ атаки изображен и на бронзовых обкладках «Балаватских ворот» Салманасара¹⁶, причем на этих изображениях видно, что выступающий в паре с лучником и управляющий обеими лошадьми всадник вооружен копьем, а иногда также имеет небольшой щит, которым прикрывает себя и своего напарника (Рис. 114; 131, 2). Парами атакуют и всадники на упоминавшемся бронзовом ведре из Тегеранского частного собрания, относящемся, видимо, ко второй половине IX в.

нилась, кроме изображения, фрагментированная надпись, в которой различаются два топонима: *kur Ni-ki-pa* и *kur Ú-pa-a*. На основании этих топонимов можно установить, что речь идет о переходе через горы, описанном в 15–16 строках письма Саргона к Ашшуре: Weidner 1926, 2–3; Mayer 1980, 21–22; Nunn 1988, 181–182. Аргументы, приведенные в пользу датировки этого памятника эпохой Тиглатпаласара III, а не Саргона II (Fridman 1969, 172–175) неубедительны.

⁹ Dyson, Muscarella 1989, 17–18. Кстати, изображение «эллипсоидного предмета» между коробкой колесницы и ярмом, которое, по мнению И. Н. Медведской, исчезает в эпоху Тиглатпаласара III, встречается и на рельефах этого времени: Barnett, Falkner 1962, pl. IX, LXVIII–LXIX, LXXI.

¹⁰ Seidl 1985, 45–48, Taf. 23–27; Seidl 1986, 229–236, Taf. 53–55; Born, Seidl 1995, 55–72.

¹¹ Seidl 1986, Abb. 1–3, Taf. 53–55; Born, Seidl 1995, Abb. 46–53.

¹² Seidl 1985, Abb. 1, Taf. 24–27. Ср. такие же ремни в узде коней на пластинках слоновой кости IX в. до н. э. из Нимруда: Mallowan, Davies 1970, 28–30, Nr. 62, 65, 67, pl. XVIII–XX.

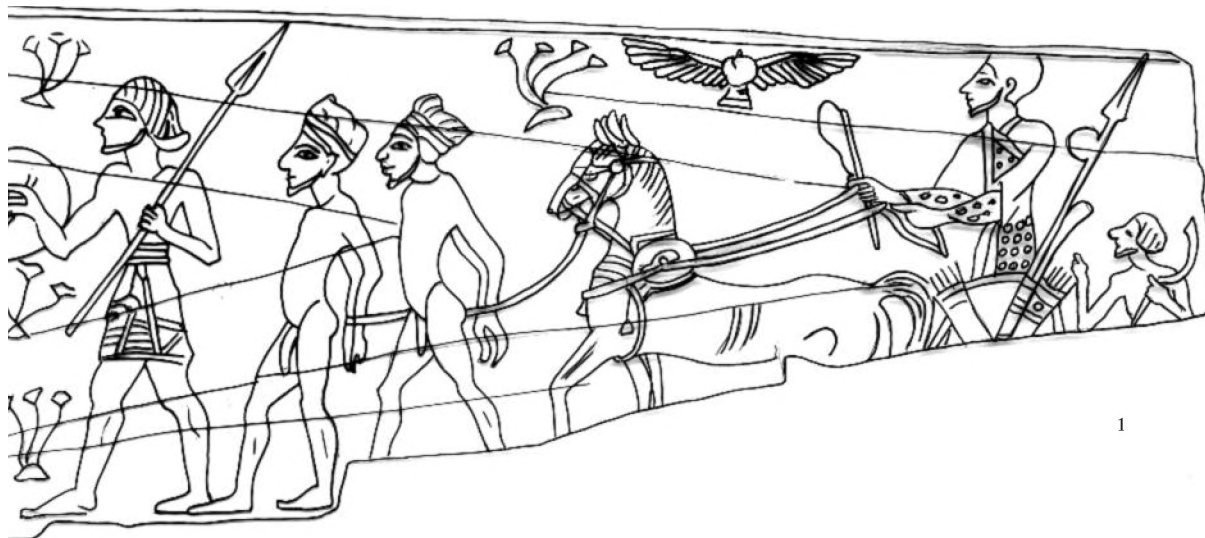
¹³ Ср., например, изображение носовых ремней сбруи коня в «сцене триумфа» на пластинке из слоновой кости XIII в. до н. э., происходящей из Мегидло (Палестина) и носовых ремней и кисти, находящейся на сбруе, на пластинке XIII–XII вв. до н. э. из Энкоми (Кипр) (рис. 130): Decamps de Mertenfeld 1954, 15–16, 18, 88, 116–117, Nr. 342, 788, pl. XIV,

XXXV, LXIX. При этом следует заметить, что применение сбруи с носовыми ремнями вовсе не обязательно означает использование наносников.

¹⁴ Medvedskaya 1988, 10; Medvedskaya 1991, 154–155; ср. Littauer, Crouwel 1979, 135. Подобные всадники, атакующие парами (ἄμλιτοι) известны и в древней Греции. Один из них, наследник колесничного бойца, был тяжело вооружен, а другой, наследник возничего, правил двумя идущими рядом конями: Anecd. Gr. I, 205, s.v.; Suda, s.v.; Eustath. ad Hom. Od. V, 371.

¹⁵ Рельеф В.М. 124544 из дворца Ашшурнацирпала в Нимруде: Budge 1914, pl. XV, 1, ср. сходное изображение на пластинке из слоновой кости IX в. до н. э.: Yadin 1963, 384 (из коллекции Э. Эриксона). Та же пластинка опубликована Р. Гиришманом: Ghirshman 1964a, 101, 409, Abb. 134, с сомнительным указанием на происхождение из Зивие. Он датирует ее VII в. до н. э. (без обоснования), однако эта дата явно завышена. На пластинке изображен безбородый лучник (евнух), сопровождаемый бородатым правчим. Оба облачены в одинаковые остроконечные шлемы. Изображение конного лучника имеется и на пластинке слоновой кости из Нимруда, относящейся, вероятно, к эпохе Ашшурнацирпала II: Mallowan, Davies 1970, 2, 27, Nr. 58, pl. XVI; Barnett 1975, 231–232, fig. 232 (Supplementary Catalogue of L. G. Davies).

¹⁶ King 1915, pl. VII, XXXVIII, XXXIX, XLVIII, XLIX, LIII, LXXII.

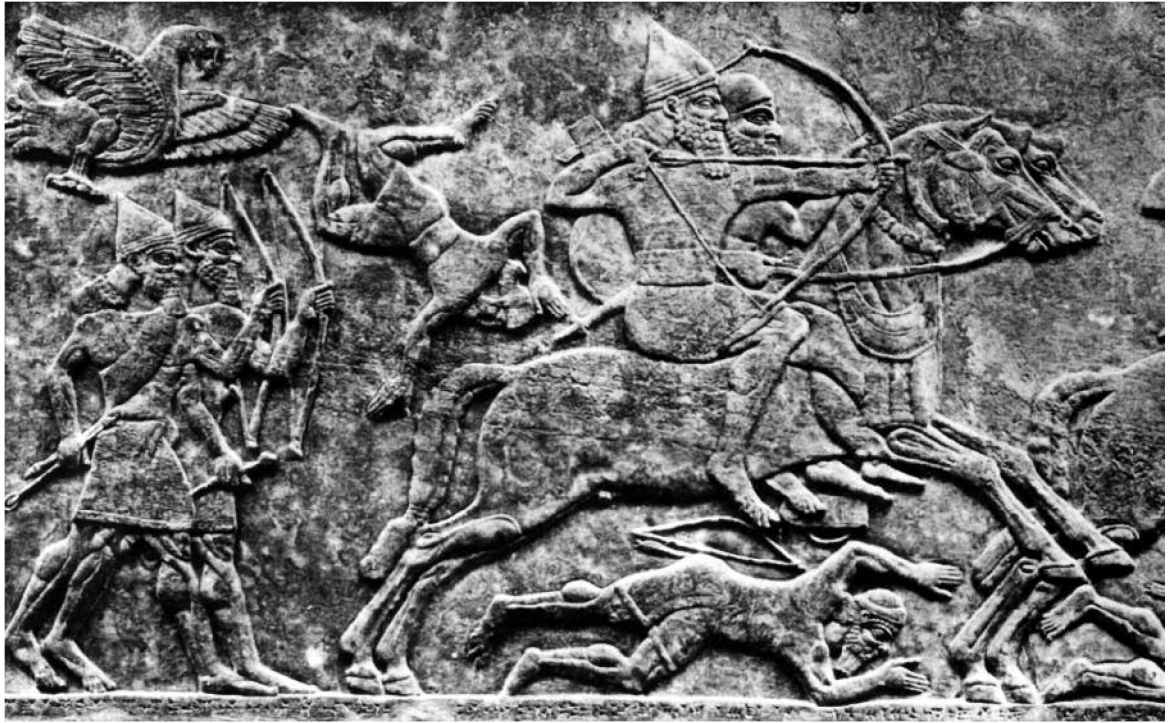

1

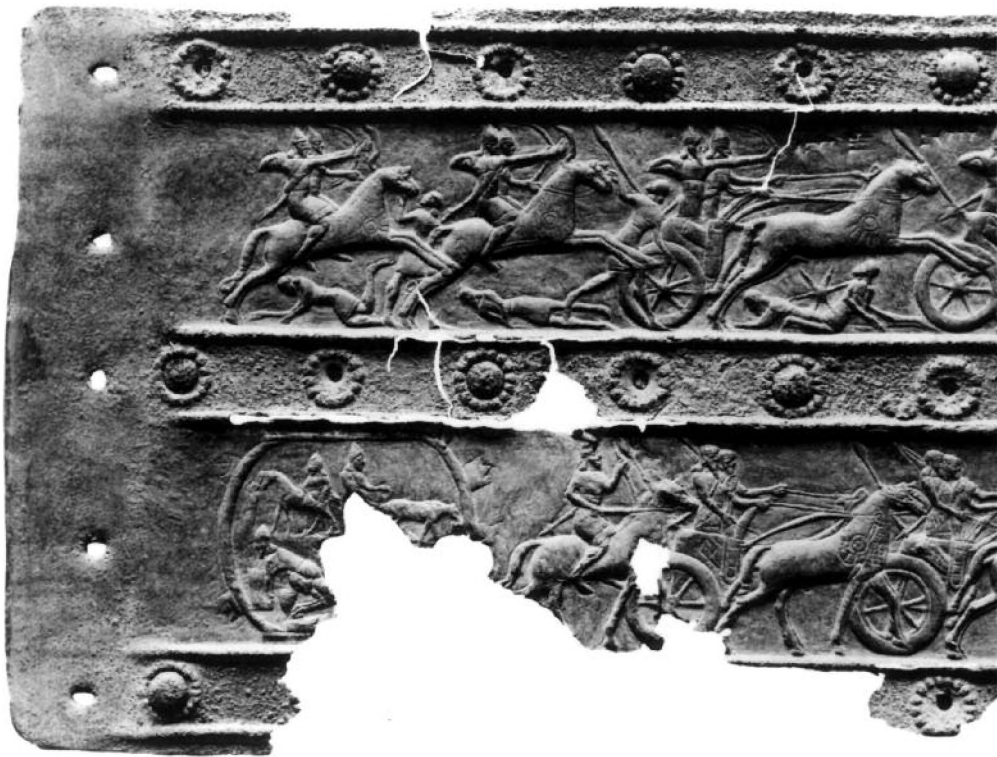

2

Рис. 130 Пластинки из слоновой кости.
1. Мегиддо, Палестина; 2. Энкоми, Кипр
По Decamps de Mertzfeld 1954, Nr. 342, 788, pl. XXXV, LXIX

1

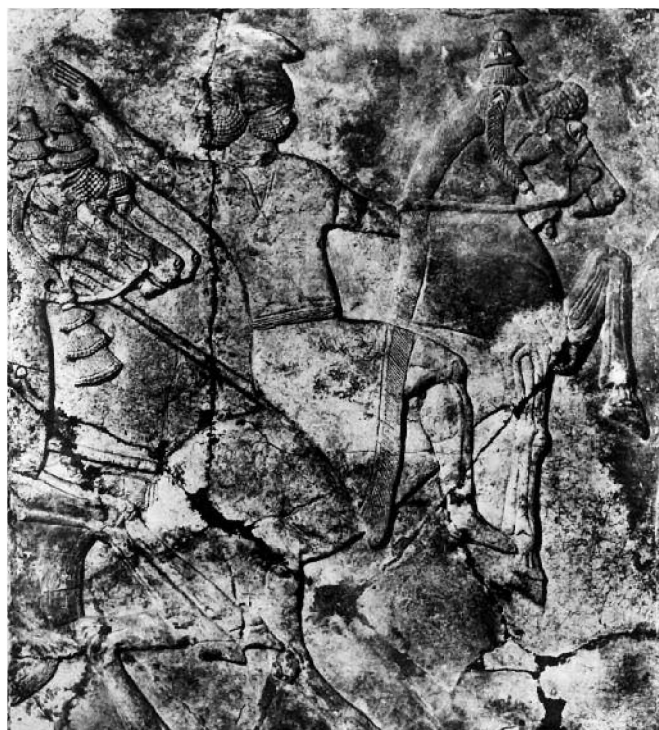

2

Рис. 131 1. Ассирийский рельеф В.М. 124544 из дворца Ашшурнацирпала II в Нимруде.
2. Ассирийская конница. Изображение на бронзовой обивке «Балаватских ворот»
По Budge 1914, pl. XV, 1 (1); King 1915, pl. LXXII (2)

1

2

Рис. 132 Ассирийские рельефы из дворца Тиглатпаласара III в Нимруде. 1. Плита В.М. 118907; 2. Плита В.М. 118905
По Barnett, Falkner 1962, pl. LXVII, LXV

до н. э. (Рис. 48)¹⁷. Начиная с эпохи Тиглатпаласара на рельефах изображаются ассирийские всадники, управляющие в бою собственными лошадьми, но при этом они всегда пользуются только копьем, хотя иногда вооружены и луком со стрелами (я, разумеется, не учитываю изображения воинов на переходе или готовящихся к бою: таких изображений одиночных всадников достаточно много) (Рис. 132). При этом обращает на себя внимание то, что эти конные копейщики обычно атакуют парами: вероятно, в случае необходимости стрельбы из лука один из всадников пары брал на себя управление обеими лошадьми, высвобождая руки второго¹⁸. В эпоху Синаххериба появляются изображения одиночных всадников, стреляющих с коня на скаку (конные копейщики при этом обычно уже не вооружены луками и атакуют не парами, а поодиночке)¹⁹. Очевидно, лишь в это время ассирийские лучники в массовом порядке (отдельные изображения конных лучников на печатях встречаются и раньше, ср. выше) осваивают искусство стрельбы с лошади на скаку без услуг правчего. С этим связана, возможно, и специализация ассирийской конницы. При Тиглатпаласаре III и Саргоне II всадники вооружались и копьями, и луками и атаквали парами (судя по рельефам, они не делились на воина и правчего — их вооружение и снаряжение одинаково), чтобы в случае необходимости взять на себя управление обеими лошадьми и позволить напарнику стрелять из лука. Преследуя бегущего врага они могли действовать поодиночке, поскольку пользовались при этом копьями. Теперь же конные копейщики, которые были традиционным видом конницы, перестают вооружаться луком. Напротив, лучники, которые, видимо, научились стрелять с лошади самостоятельно, более не вооружаются копьем. Появление этого новшества в практике передневносточной кавалерии, вероятно, объясняется влиянием коннострелковой тактики киммерийцев и скифов. Наличие «киммерийского полка» в составе ассирийской армии засвидетельствовано текстом SAA 6, 204, датированным 679 г. до н. э., причем, возможно, этот термин обозначает не «полк, состоящий из киммерийцев», а «полк, вооруженный по-киммерийски» (т. е., видимо, конных лучников). Имя его начальника, во всяком случае, обычное ассирийское²⁰.

Р. Дайсон и О. Маскарелла, возражая И. Н. Медведской, утверждают, что и в IX в. до н. э. могли использоваться всадники без правчих, ссылаясь при этом на один из рельефов Ашшурнацирпала II, на сирийские изображения конца IX в. до н. э. и урартские начала VIII в. до н. э.²¹ Все эти указания И. Н. Медведская отводит²². Она справедливо отмечает, что на рельефе Ашшурнацирпала II изображены всадники, использующие правчих (ср. выше). Этот рельеф, следовательно, не имеет отношения к обсуждаемой теме. Трудно понять, однако, почему И. Н. Медведская отводит и остальные примеры Р. Дайсона и О. Маскареллы: она обосновывает это тем, что на упомянутых ими изображениях, по ее мнению, представлены не лучники, а копейщики, а конные копейщики сражались в одиночку и раньше. У читателя создается впечатление, что в Хазанлу IV найдено изображение конного лучника, однако это не так: на единственном более или менее хорошо сохранившемся изображении всадника

¹⁷ Seidl 1985, 46, Abb. 1, Taf. 23–27.

¹⁸ См. рельефы эпохи Тиглатпаласара III из Нимруда: Barnett, Falkner 1962, pl. XIII–XIV (Smith 1938, pl. XIX, В.М. 118878), LXIV–LXV (В.М. 118905), LXVI–LXVII (Smith 1938, pl. XVIII, В.М. 118907) (конные копейщики без луков парами преследуют бегущего врага), эпохи Саргона II из Хорсабада: Botta, Flandin 1849, pl. 64, 87, 88, 98 (пара атакующих всадников); 66, 67, 99 (одиночные всадники преследуют бегущего и уже разгромленного врага); ср. также pl. 73, где изображен ассирийский всадник в полном вооружении, управляющий двумя лошадьми. Почти все конные копейщики эпохи Саргона вооружены и луками.

¹⁹ Paterson 1915, pl. 17–18 (Russell 1991, fig. 69), 19–20 (оригинал утерян): ассирийские всадники (копейщики без луков, лучники без копий) атакуют врага в горах и на берегу реки;

в одном случае они атакуют парой (лучник и копейщик), в остальных — по одиночке. Известны такие изображения и для эпохи Ашшурбанипала: Barnett 1976, pl. XXXIII (В.М. 124925-6), LI (В.М. 124876 Ашшурбанипал на охоте); Paterson 1915, pl. 62–64; ср. более частые изображения ассирийских воинов, стреляющих со стоящего коня: Paterson 1915, pl. 19–20 (эпоха Синаххериба); Barnett 1976, pl. XVI (В.М. 124929), XXXIV (Louvre AO 19921 + Or. Dr. VII 32), LXVII (Or. Dr. V, 31), LXIX (Louvre AO 19909); Paterson 1915, pl. 40–41 (Russell 1991, 150–151, Fig. 75), 44–45 (эпоха Ашшурбанипала).

²⁰ Ivantchik 1993, 63, 253–254; Иванчик 1996, 65–66, 259–260.

²¹ Dyson, Muscarella 1989, 18.

²² Medvedskaya 1991, 154–155.

1

2

Рис. 133 Костяные пластинки из Хазанлу IV
По Muscarella 1980, Nr. 33, 34

представлен именно копейщик (*Рис. 133, 1*)²³. Параллели из Северной Сирии²⁴ и из Урарту²⁵, таким образом, вполне правомерны. Кроме того, раз сама И. Н. Медведская признает, что конный копейщик мог сражаться в одиночку, без правчего, и в IX в. до н. э., то вообще непонятно, зачем здесь привлекается это изображение и как оно может служить для доказательства поздней датировки Хазанлу.

Независимо от этого следует отметить, что само по себе изображение всадника, не использующего правчего (даже и лучника, а тем более копейщика), не может служить основанием для его датировки VIII в. до н. э. — изображения не только всадников, но и конных лучников, в том числе пользующихся таким изощренным приемом, как «парфянский выстрел», встречаются в Передней Азии, хотя и редко, и раньше (ср. выше).

Насколько мне известно, самое раннее изображение стреляющего с коня на скаку лучника (причем без всякого правчего) датируется еще второй половиной XV в. до н. э. Речь идет о египетском рельефе из Турина, на котором изображена богиня Астарта на коне, стреляющая из лука в убегающего нубийца (*Рис. 134, 3*)²⁶. Образ Астарты, богини, тесно связанной с конем и одновременно часто изображающейся с луком и стрелами, был заимствован в Египет из Сирии в XVI в. до н. э. Кроме названного, в Египте имеется достаточно большое количество изображений Астарты-всадницы (начиная с XVIII династии и позже), причем по крайней мере еще в двух случаях она вооружена луком²⁷. Видимо, в период Нового царства в составе египетской армии, наряду с колесничими, уже существовали подразделения всадников, среди которых были и лучники²⁸. В связи с этим можно упомянуть, например, изображение вооруженного луком всадника, повернувшегося назад и отпустившего повод на рельефе из Абу-Симбела эпохи Рамсеса II (1290—1223 гг. до н. э.) с изображением битвы при Кадеше (1286 г.) (*Рис. 134, 4*)²⁹.

Всадничество было достаточно хорошо известно в Передней Азии и значительно раньше. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Бахдилима, управляющего дворца Мари, царю Зимриму (1775/74—1761/60 гг. до н. э.)³⁰, содержащее замечательный пассаж. В этом пассаже Бахдилим напоминает царю, что он является царем не только ханейцев, но также и аккадцев, а потому для сохранения своего царского достоинства ему не следует ездить верхом на лошади, а только в колеснице или на муле. Ханейцы, полукочевое население степей Северной Месопотамии и Сирии, принадлежало к той самой западносемитской культурной и языковой среде, из которой несколько позже египтяне заимствовали образ Астарты, всадницы и лучницы. Ханейцам, очевидно, уже в начале XVIII в. до н. э. было хорошо знакомо всадничество, и их не удивило бы появление царя верхом; однако аккадцы, которые привыкли видеть своего царя в колеснице или на муле, очевидно были бы этим шокированы. Письмо

²³ Muscarella 1980, Nr. 33. Ср. Nr. 38 и фрагменты, толкуемые как возможные изображения всадников: Nr. 34—47, 171.

²⁴ Отмечу, кстати, что И. Н. Медведская напрасно отрицает, что на рельефах из Зинджирли изображены лучники (*рис. 134, 1, 2*). Из трех изображений всадников на рельефах Зинджирли в двух случаях речь идет именно о них: Luschan 1902, 205—206, Abb. 96, Taf. XXXIV c; XXXV (всадник, имеющий на поясе меч, держит в одной руке лук, а в другой отрубленную голову; повод, соответственно, опущен); 226—227, Abb. 129—130, Taf. XLIV (всадник с колчаном за плечами и круглым щитом), ср. 206, Taf. XXXIV d. На рельефах из Тель-Халафа, также относящихся к IX в. до н. э., изображены конные копейщики: Oppenheim 1955, 19, 47—48, Taf. 25, 26

²⁵ Кроме изображений всадников на шлеме с надписью Аргишти I из Кармир-Блура, всадники изображаются также на древнейшей группе датированных урартских бронзовых поясов (первая треть VIII в. до н. э.): Kellner 1991, 18—19 (*Рис. 46*). Ср. изображения стреляющих из лука на полном

скаку крылатых кентавров на деталях конской сбруи, входящих в набор конца IX—начала VIII вв. до н. э.: Maab 1987, 84—87, Taf. 1, 1; 9, 1; Merhav 1991, 100—101, Nr. 75—77; Rehm 1997, 229—230, U 37, Abb. XXX.

²⁶ Leclant 1960, 23—28, pl. I A.

²⁷ Подробную сводку изобразительного материала и его сопоставление с данными письменных источников см. Leclant 1960, 1—67. Ср. изображение всадника, держащего в руке неясный предмет, на египетской секире из Британского музея (В.М. 36766): Hall 1931, 3—5, pl. I. Г. Холл датирует секиру первой половиной XVIII династии (около 1580—1450 гг. до н. э.), однако Ж. Леклан считает, что определенные указания на ее датировку отсутствуют и трактует его как изображение Астарты: Leclant 1960, 35—37.

²⁸ Schulman 1957, 263—271.

²⁹ Yadin 1963, 220.

³⁰ Kupper 1953, Nr. 76: 19—25; Kupper 1954, 109.

1

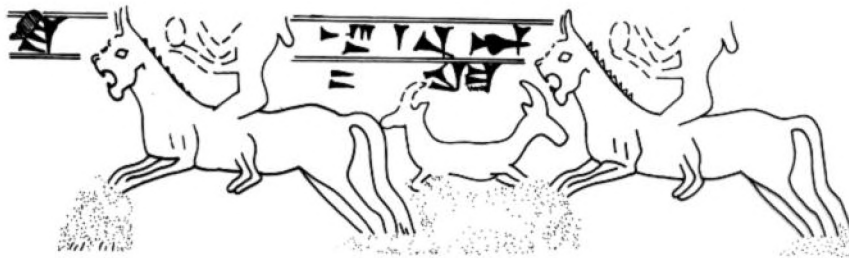
2

3

4

5

Рис. 134 Изображения всадников. 1, 2. Рельефы из Зинджирли; 3. Египетский рельеф из Турина; 4. Рельеф Рамсеса II из Абу-Симбела; 5. Среднеассирийская печать эпохи Салманасара I
По Luschan 1902, Taf. XXIV, XLIV (1, 2); Leclant 1960, pl. I A (3); Crouwel 1981, pl. 111 (4); Matthews 1990, Nr. 356 (5)

свидетельствует также и о том, что Зимрилиму была не чужда мысль появляться публично верхом на лошади, очевидно, на ханейский манер³¹. Это не удивительно — ханейцы играли очень большую роль в жизни Мари, составляя значительную часть населения державы Зимрилима и поставляя самые крупные контингенты в его армию; к тому же и сама династия была ханейского происхождения³². Правда, в самой Месопотамии изображения всадников до начала I тыс. до н. э. встречаются редко³³. Впрочем, это не удивительно — как показывает упомянутый пассаж из письма Зимрилиму, в культурной традиции оседлых земледельцев Месопотамии именно колесница считалась престижным способом передвижения, однако уже в XVIII в. до н. э. для их кочевых соседей всадничество было ничуть не менее нормальным и почтенным.

Изображения всадников хорошо известны и в микенской Греции. Терракотовые статуэтки всадников распространены здесь широко и повсеместно в периоды LH IIIA–C (XIV–XII вв. до н. э.)³⁴. Кроме того, имеются изображения всадников и в микенской вазописи, в том числе на кратере периода LH IIIA 2–B (вторая половина XIV–XIII вв. до н. э.) и более поздних сосудах³⁵.

В связи с проблемой появления всадников, не нуждающихся в помощи правчего, И. Н. Медведская пишет и о специальном науздном приспособлении, позволяющем освободить руки всадника. Одно из изображений на пластинке из Хазанлу³⁶ она толкует как изображение такого приспособления (*Рис. 133, 2*). Однако такое толкование сугубо гипотетично — ничто не мешает считать его изображением бубенца (как уже говорилось, на Хазанлу найдено значительное их количество) или декоративной кисти (находка тоже известна на Хазанлу³⁷). Во всяком случае, такое толкование слишком слабое основание для дальнейших заключений. Однако даже если согласиться с ним, оно меняет немного. В самом деле, И. Н. Медведская датирует его появление, как и других элементов конской узды с Хазанлу, на основании сопоставления с ассирийскими рельефами — его изображения, как она считает, имеются начиная с эпохи Тиглатпаласара III³⁸. О неприменимости этого метода для датировки четвертого слоя Хазанлу уже говорилось достаточно. Замечу попутно, что предложенное И. Н. Медведской толкование изображения кисти на рельефе Тиглатпаласара III, на который она в данном случае ссылается (*Рис. 132, 2*), более чем сомнительно. На рельефе хорошо видно, что речь вполне может идти и об обычной декоративной кисти. Она размещается на сбруе коней двух ассирийских конных копейщиков, атакующих попарно без луков или щитов, а потому вряд ли имевших необходимость отпускать повод. Это становится ясным при сравнении с аналогичным, но лучше сохранившимся изображением на рельефе В.М. 118907 (*Рис. 132, 1*)³⁹. В том, что речь идет именно о декоративной кисти, окончательно убеждает изображение в точности таких же украшений на сбруе колесничных лошадей на других рельефах Тиглатпаласара III, причем здесь хорошо видно, что повод не проходит через них

³¹ Ср. Kupper 1957, 35–37, ср. здесь же достаточно многочисленные упоминания лошадей в текстах Мари. Ж.-П. Кюппер полагает, что ханейцы заимствовали лошадь у хурритов.

³² Kupper 1957, 1–46; Kupper 1989, 387–389; Anbar 1991, passim, особ. 181–191.

³³ Ср. изображения всадников на лошадях, имеющих головы грифонов, на среднеассирийской печати, видимо, эпохи Салманасара I (1273–1244 гг. до н. э.): Parker 1977, 263, Nr. 23, pl. XXVIII; Matthews 1990, 100, Nr. 356 (*Рис. 134, 5*). Й. Визнер (Wiesner 1973, 21, Abb. 15) упоминает «печать X в. до н. э. с изображением конного воина» с луком из некрополя Сиалк В. Речь идет, очевидно, о плохой прорисовке печати из погребения 15: Ghirshman 1939, 63, pl. XXX, 5; LVI, XCVI, S. 810. Изображенный на этой печати всадник вооружен не луком, а кинжалом или мечом (*Рис. 81, 2*); датировка погребения X в. до н. э. явно занижена — речь должна идти о VIII, самое раннее — конце IX в. до н. э.

³⁴ Crouwel 1981, 45, pl. 42, 44.

³⁵ Crouwel 1981, 45–53, pl. 70, 79, 80, ср. Wiesner 1968, 114–124.

³⁶ Muscarella 1980, Nr. 34, ср. Nr. 30.

³⁷ Winter 1980, 4, fig. 3–5, 12. Эта обгорелая кисть обнаружена рядом с конскими нагрудниками и вполне могла привешиваться к одному из них. Кроме того, здесь же обнаружены хуже сохранившиеся остатки других кистей. Тем не менее, эту находку И. Н. Медведская также считает хронологическим показателем, почему-то полагая, что она обязательно должна была привешиваться не к нагруднику, а к узде и добавляя (неправильно), что была найдена лишь одна, а не несколько кистей.

³⁸ Medvedskaya 1988, 10, со ссылкой на единственный рельеф В.М. 118905 (Barnett, Falkner 1962, pl. LXV).

³⁹ Barnett, Falkner 1962, pl. LXVII.

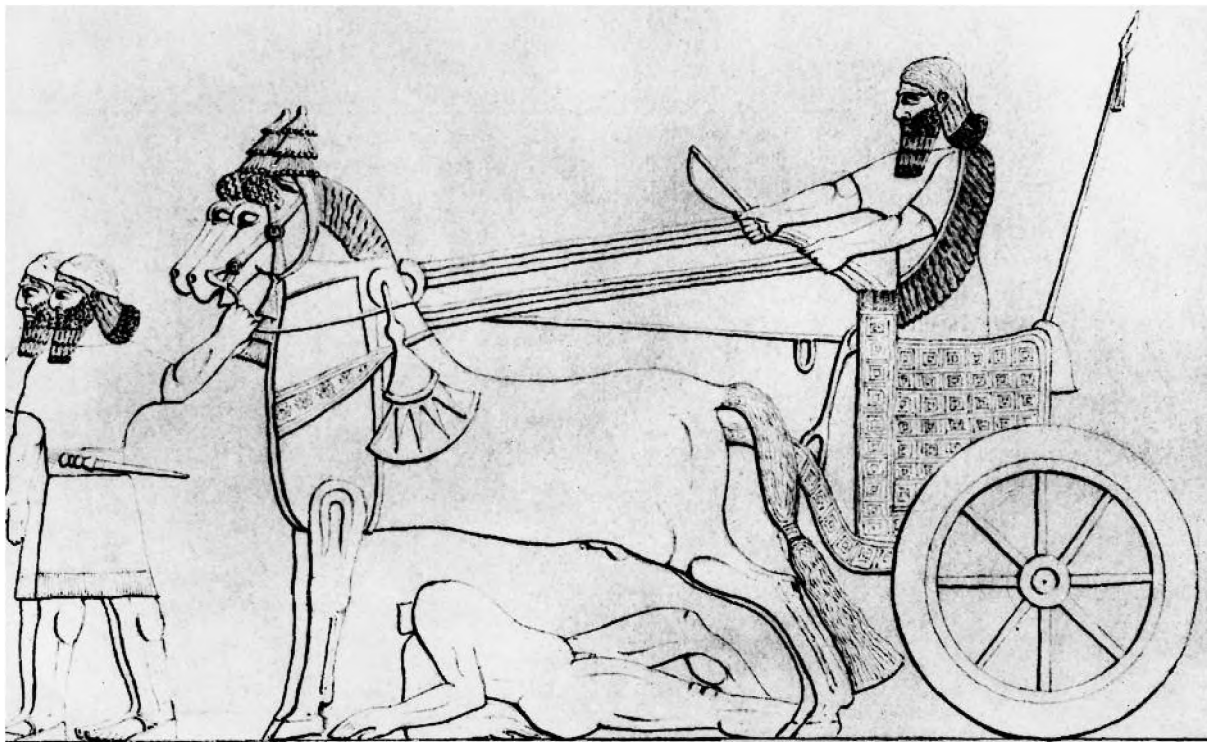

Рис. 135 Ассирийский рельеф из дворца Тиглатпаласара III в Нимруде. Or. Dr. III. Central XXIII
По Barnett, Falkner 1962, pl. XLIII

(Рис. 135)⁴⁰. Те же украшения имеются и практически на всех изображениях колесничных и верховых лошадей эпохи Саргона II⁴¹. Приспособление, о котором пишет И. Н. Медведская, таким образом, скорее всего вообще было неизвестно ассирийцам — во всяком случае ни на одном рельефе оно не представлено.

Ряд возражений И. Н. Медведской против традиционной датировки слоя Хазанлу IV имеет не археологический, а исторический характер: они сводятся к тому, что ощутимые здесь связи с Северной Сирией объясняются урартским контролем над ней, как и над Хазанлу, что имело место в VIII в. до н. э. При этом она специально подчеркивает, что ассирийских вещей на Хазанлу очень мало и поэтому вряд ли Ассирия могла служить посредником для его связей с Сирией⁴². Р. Дайсон и О. Маскарелла, напротив, считают, что связи между двумя районами осуществлялись через Ассирию, отмечая одновременно, что несомненно урартские вещи на Хазанлу IV вообще отсутствуют, и, следовательно, Урарту подходит на роль посредника еще меньше, чем Ассирия⁴³. Оба толкования в принципе равно возможны: контакты между Северной Сирией и иранским Курдистаном, очевидно, существовали и в IX, и в VIII в. до н. э., но в IX в. до н. э. осуществлялись через Ассирию, а в VIII — через Урарту. Выбор одной из этих возможностей зависит прежде всего от датировки Хазанлу IV, а следовательно не может определять ее. Да и из общих методических соображений ясно, что историческая интерпретация не должна предопределять археологических датировок.

⁴⁰ Barnett, Falkner 1962, pl. XV–XVI, XLIII–XLIV, LXX–LXXI.

⁴¹ Botta, Flandin 1849, passim.

⁴² Medvedskaya 1988, 10–12; Medvedskaya 1991, 155–157.

⁴³ Dyson, Muscarella 1989, 18–22.

Важным является и аргумент Р. Дайсона и О. Маскареллы, касающийся облика следующего, третьего, слоя Хазанлу, отделенного от предыдущего периодом неясной продолжительности, когда памятник не был заселен. Р. Дайсон и О. Маскарелла отмечают близость Хазанлу III как по архитектуре, так и по составу находок, с урартскими крепостями, и считают его одним из опорных пунктов Урарту (не обязательно с урартским населением), который мог и пережить ассирийский поход 714 г. до н. э.⁴⁴ И. Н. Медведская отрицает такую трактовку Хазанлу III и считает его маннейской крепостью, построенной после ухода урартов из региона. При этом она ссылается на относительно небольшое количество урартских находок в слое Хазанлу III, а сходство с урартскими крепостями объясняет урартским культурным влиянием на маннеев. Однако здесь в рассуждении И. Н. Медведской содержится внутреннее противоречие. В самом деле, несколько раньше она пыталась объяснить полное отсутствие несомненно урартских вещей в слое Хазанлу IV и отличие его архитектуры от урартской (например, отсутствие оборонительной стены) тем, что речь должна идти о поселении покоренного населения, маннеев, культура которых сильно отличалась от культуры «господ», урартов, строивших себе крепости в тех же местах. Трудно представить, что в Урарту господствовал такой строгий апартеид, что маннейское население Хазанлу, около ста лет прожившее под урартским господством и бок о бок с урартами, не заимствовало от них никаких вещей или строительных навыков. Но совсем непонятно в этом случае, почему следы несомненного урартского влияния, включая и вещи урартского производства, появляются здесь лишь после того, как господство урартов кончилось и они навсегда ушли из региона. Не естественнее ли считать, как это делали авторы раскопок Хазанлу, что отсутствие урартских материалов в четвертом слое объясняется тем, что он относится к доурартскому времени, а их присутствие в третьем — тем, что он принадлежит крепости урартской эпохи?

Единственным собственно археологическим аргументом передатировки Хазанлу IV, не опирающимся на ассирийские рельефы или общеисторические соображения, является находка здесь однокольчатых железных удил, которые И. Н. Медведская считает невозможным датировать IX в. до н. э. и относит ко второй половине VIII в. до н. э. Единственным основанием для этого является мнение о том, что такие удила были заимствованы в Иран из Центральной Европы, где они появляются в конце гальштатского периода В и распространяются во время следующего периода С⁴⁵. *Terminus post quem* для этого заимствования определяется как середина VIII в. до н. э. Однако само представление о том, что однокольчатые железные удила были заимствованы в Иран и Закавказье из Центральной Европы — лишь гипотеза, к тому же вовсе не бесспорная. Главным ее основанием является предположение о хронологическом приоритете европейских экземпляров. Если же приоритет окажется у иранских удил, ничто не помешает с таким же успехом выдвинуть гипотезу об обратном направлении заимствования — из Ирана в Европу. Налицо, таким образом, замкнутый круг в рассуждении: удила в Иране, в том числе на Хазанлу, более поздние, чем европейские, потому, что заимствованы в Европе, а заимствованы они в Европе потому, что более поздние, чем европейские.

Кроме того, и сама идея о заимствовании этих удил из Центральной Европы в Иран или наоборот вызывает сомнения. Здесь нельзя исключать, например, и возможности независимого формирования этого типа удил в Европе и в Передней Азии⁴⁶, тем более, что оппоненты И. Н. Медведской, отвергающие идею заимствования их из Европы, справедливо отметили ряд различий между европейскими и иранскими разновидностями подобных удил и связанных с ними псалий⁴⁷.

В свое время, анализируя состав инвентаря иранского некрополя Сиалк В, И. Н. Медведская отметила наличие в нем двух разных типов узды, представляющих две традиции их развития — удила с напускными неразъемными псалиями и с отдельными псалиями, соединявшимися с удилами посредством ремней (см. об этом выше)⁴⁸. Удила с напускными псалиями она считала традиционными для

⁴⁴ Dyson, Muscarella 1989, 20–21.

⁴⁵ Medvedskaya 1988, 2; Medvedskaya 1991, 149–152.

⁴⁶ Еще А. А. Иессен отмечал, что «двучленные удила с однокольчатыми концами являются наиболее простой формой,

возникновение которой было возможно независимо во многих районах»: Иессен 1953, 71–72.

⁴⁷ Dyson, Muscarella 1989, 16.

⁴⁸ Медведская 1983, 59–79.

Передней Азии и Закавказья и противопоставляла им удила с отдельными псалиями, которые считала новацией. Уже в этой работе И. Н. Медведская считает родиной такой конструкции удила Центральную Европу и полагает, что она была заимствована из ареала Гальштаттской культуры на Северный Кавказ и далее в Закавказье и Иран около середины VIII в. до н. э. Видимо, в данном случае (как и позже, в работах о Хазанлу) она следовала традиции, восходящей к А. А. Иессену, который в своей работе 1953 г. замечал, что в Закавказье нет никаких аналогий удилам с кольчатыми окончаниями, обнаруженным на Северном Кавказе, и полагал, что для них «существенные связи устанавливаются только с Западом, с областью Закарпатья и Подунавья»⁴⁹. С тех пор, однако, как мы видели, стало известно значительное количество находок таких удила в Закавказье, причем относящихся к более раннему времени, чем подобные находки и на Северном Кавказе, и в Придунавье, так что возникает необходимость пересмотреть вывод А. А. Иессена. Вероятно, именно предположение о заимствовании однокольчатых удила из Центральной Европы побудило И. Н. Медведскую в дальнейшем попытаться датировать Хазанлу IV, где такие удила (бронзовые и железные) с отдельно изготовленными трехдырчатыми псалиями найдены в достаточно большом количестве.

Двусоставные бронзовые удила с кольчатыми концами (мундштуки гладкие или сплетенные из прутьев) появляются в Центральной Европе, судя по всему, в конце периода На В2 (видимо, вторая половина IX в. до н. э.)⁵⁰. Возможно, этот тип сформировался на основе распространенных здесь еще в конце бронзового века одночастных удила с кольцевыми окончаниями⁵¹. Неясно, на какие данные опирается И. Н. Медведская, утверждая, что такие удила «широко использовались в течение всего периода На В»⁵²: из учтенных в сводке Бэлкуилла 13 экземпляров этого типа лишь один (с D-образными окончаниями) датируется им периодом На В 2/3 (клад из Хаслау-Регельсбрунна), остальные же относятся к На В3 или На В3/На С1⁵³. Эти горизонты Гальштаттской культуры синхронизируются уже с периодом безраздельного господства в Северном Причерноморье и в Предкавказье узды классического новочеркасского типа, тогда как однокольчатые удила на Северном Кавказе встречаются вместе со стремечковидными и двукольчатыми в течение предшествующего периода. Этот период (первая хронологическая группа по Эрлиху) есть серьезные основания синхронизировать по крайней мере частично с периодом На В1 (см. выше). Итак, предположение о заимствовании однокольчатых удила в Иран через Северный Кавказ из Центральной Европы невозможно уже потому, что на Северном Кавказе они по относительной хронологии памятников этих регионов датируются несколько раньше, чем в Центральной Европе. В конце периода На В в Центральной Европе появляются и железные удила того же типа, которые распространяются в течение периода На С. Переход от периода На В3 к периоду На С обычно датируется около середины – третьей четверти VIII в. до н. э. (см. выше). В закавказско-иранском регионе аналогичный тип удила развивался, видимо, независимо — бронзовые экземпляры известны примерно с XII в. до н. э. (погребение 79 Артикского некрополя), железные — с конца IX в. до н. э. (Хазанлу IV). Во всяком случае, уже по хронологическим соображениям не может быть и речи о заимствовании однокольчатых удила из Центральной Европы в Закавказье и Иран.

Для проблемы распространения двусоставных кольчатых удила особое значение имеет комплекс погребения XXVII афинской агоры, где обнаружено два экземпляра железных кольчатых удила с витыми стержнями. Анализ материала этого погребения, прежде всего керамики, показывает, что оно относится к эпохе перехода от протогеометрического к раннегеометрическому периоду⁵⁴, т. е., по общепринятым датам, в пределах первой четверти IX в. до н. э. В удилах из Афин предлагалось видеть заимствование из области распространения Гальштаттской культуры⁵⁵. Однако здесь возникает хронологическая проблема — если следовать общепринятой хронологии как Гальштаттской культуры, так и геометрического периода, то окажется, что удила из Афин по меньшей мере на век, а то и больше,

⁴⁹ Иессен 1953, 74.

⁵⁰ Balkwill 1973, 433–437, 443–447; Hüttel 1981, 179–180.

⁵¹ Balkwill 1973, 427–431; Hüttel 1981, 180–181.

⁵² Medvedkaya 1991, 149, n. 3.

⁵³ Balkwill 1973, 433–437.

⁵⁴ Blegen 1952, 279–294.

⁵⁵ Foltiny 1961, 283–285, 295–296; Медведская 1983, 66–67;

Medvedskaya, 1991, 151.

старше самых ранних подобных железных удил из Центральной Европы (как, впрочем, и из Хазанлу) и синхронны бронзовым образцам из этого региона, или даже старше их. Значительное омоложение погребения XXVII афинской агоры, а значит и начала геометрического периода, вряд ли возможно⁵⁶. Поэтому следует или предположить независимое и более раннее развитие этого типа железной узды в Греции, или удревнить начало периода На С в Центральной Европе. Оснований для удревнения начала периода На С более, чем на век, очевидно, не имеется. При этом следует заметить, что сходство между удилами из Афин и гальштатскими не так уж очевидно, и ряд авторов полагает, что мы имеем здесь дело с развитием микенской традиции, а не с заимствованием из Центральной Европы⁵⁷. Применение таких удил в Греции в геометрическую эпоху свидетельствуется также находкой аналогичного железного экземпляра в Калаподи, в слое этого времени⁵⁸. В любом случае решение проблемы происхождения удил из Афин вряд ли может повлиять на сделанный нами вывод о самостоятельном развитии двучастных однокольчатых удил с отдельными псалиями в Центральной Европе и в закавказско-иранском регионе.

Остальные аргументы, приведенные И. Н. Медведской в пользу передатировки четвертого слоя Хазанлу, уже рассмотрены. Однако и последний аргумент, связанный с развитием однокольчатых удил, также отпадает. Другое же соображение И. Н. Медведской — о том, что находка большого количества железной узды и вообще железных предметов невозможна на памятнике IX в. до н. э. — и вовсе трудно принять во внимание. Она исходит здесь из общих соображений о времени распространения железа, а не из конкретного материала, который в действительности только и может датировать переход к широкому освоению железа. К тому же даже эти общие представления не в ее пользу: А. А. Мартиросян, например, относит «период широкого освоения железа» в Армении к доурартскому времени, т. е. к IX в. до н. э.⁵⁹ Значительное количество железных изделий в Мингечаурских курганах IX в. до н. э. уже не раз отмечалось. Можно добавить и то, что в уже упоминавшемся захоронении XXVII афинской агоры, которое при любых датировках относится к IX в. до н. э., кроме железных удил, обнаружены и другие железные предметы, в том числе меч и топор. Кроме того, не следует забывать, что большая часть обнаруженных на Хазанлу IV конских уборов происходит из слоя его разрушения, а потому должна датироваться не IX в. до н. э., а самым концом IX в. — временем, когда достаточно широкое распространение железа вряд ли может вызывать сомнения. Следует учитывать еще, что именно район Хазанлу, как то явствует из письма Саргона II к Ашшуру с описанием кампании 714 г. до н. э., был основным коневодческим районом всего региона. Неудивительно поэтому, что различные связанные с коневодством новшества должны были появляться здесь раньше, чем, например, в Ассирии и Урарту. Одним из таких новшеств и было использование железных удил (часто в сочетании с бронзовыми или роговыми псалиями): бронза окисляется достаточно быстро и использование бронзовых удил, в отличие от железных, чревато опасностью отравить коня продуктами окисления.

Таким образом, выдвинутые И. Н. Медведской аргументы передатировки Хазанлу IV не выдерживают критики. Хронологическая система авторов раскопок Хазанлу, которая опирается на совокупность археологических датировок и датировок, полученных с помощью радиоуглеродного метода, остается непоколебленной. Их историческая интерпретация также остается в силе — Хазанлу IV, скорее всего, действительно, было разрушено урартами. Точная дата этого разрушения нам, конечно, неизвестна — оно необязательно совпало с составлением надписи из Калатгаха, однако вряд ли было отделено от него значительным промежутком времени. Поэтому представляется, что разрушение поселения Хазанлу IV может уверенно датироваться самым концом IX в. до н. э. и обнаруженные в этом слое находки могут по-прежнему относиться к IX в. до н. э. Набор узды, происходящий из четвертого слоя Хазанлу был, следовательно, характерен для Манной рубежа IX–VIII вв. до н. э.

⁵⁶ С. Фолтини (Foltiny 1961, 296) для того, чтобы заполнить эту хронологическую лауну, предлагает датировать афинское погребение второй половиной IX в. до н. э.

⁵⁷ Müller-Karpe 1962, 66–67, Abb. 28, 7; Donder 1980, 65.

⁵⁸ Donder 1980, 65–66, Taf. 12, 112 A.

⁵⁹ Мартиросян 1964, 193–231. Об использовании железа на Хазанлу см. специально Pigott 1989, 67–79.

Отдельной проблемой является находка рядом с Хазанлу погребения, в котором было помещено четыре коня. Погребение было раскрыто в 1947 г., однако так и не опубликовано полностью. Р. Гиршман опубликовал его план и некоторую касающуюся погребения информацию⁶⁰, датировал его не позже середины VIII в. до н. э. и связал с проникновением скифов на эту территорию. Имеющихся данных, однако, совершенно недостаточно ни для датировки погребения, ни для такой его интерпретации. Среди инвентаря погребения, до сих пор неопубликованного, он упоминает бронзовые удила «с двухчастными перекрученными мундштуками, имеющими в месте прикрепления псалий и поводки плоские кольца в форме стремян», в качестве аналогии которым приводит удила из Келермесских курганов. Кроме того, упоминаются кабаньи клыки, служившие в качестве конских украшений (видимо, речь идет о пронизях известного как в Скифии, так и других местах, в частности повсеместно на Востоке в ахеменидскую эпоху, типа), бронзовая бляха с изображением головы оленя, толкуемая как пектораль, наконечники стрел лавролистной формы (именно эта находка, по словам Р. Гиршмана, позволяет датировать погребение не позже середины VIII в. до н. э.). Если в погребении действительно содержались стремечковидные бронзовые удила келермесского типа, то его действительно можно было бы отнести к раннескифской культуре. В корректности описания и сопоставления с келермесскими удилами, однако, можно усомниться — в частности потому, что единственные удила, проиллюстрированные в заметке иранских археологов, не соответствуют этому описанию⁶¹. Впрочем, неясно, происходят ли удила, рисунок которых приводится, из погребения или нет. Непонятно, какой конкретно тип стрел имеет в виду Р. Гиршман, говоря о «лавролистных» наконечниках — если речь идет о двухлопастных стрелах «келермесского» типа, то они могли бы позволить точнее датировать погребение внутри раннескифской культуры и причислить его к келермесскому этапу. Однако нет никакой уверенности, что Р. Гиршман имел в виду именно этот тип наконечников, и против такого предположения говорит тот факт, что он датирует их «не позже середины VIII в. до н. э.», относя одновременно Келермесские курганы к первой четверти VI в. до н. э. Тот факт, что погребенный в данном захоронении находится в скорченном положении не препятствует его возможному отнесению к раннескифской культуре — в погребениях этого периода встречаются не только вытянутые, но и скорченные костяки, особенно на Северном Кавказе⁶². Разумеется, факт наличия в погребении конских захоронений сам по себе никак не может служить аргументом в пользу его скифской или киммерийской принадлежности. Конские погребения известны во второй половине II и в начале I тыс. до н. э. как в Иране и Закавказье, так и, например, в Анатолии⁶³. В самом предположении о том, что в районе Хазанлу найдено погребение носителя раннескифской культуры, нет ничего невероятного. Присутствие киммерийцев здесь зафиксировано письменными текстами с 714 г. до н. э., а скифов — с 670-х гг. до н. э.⁶⁴ Кроме того, на самом Хазанлу, в слое III В, который датируется, очевидно, первой половиной VII в. до н. э.⁶⁵, обнаружены типичные для раннескифской культуры келермесского этапа костяные псалии с головкой грифобарана (см. выше) (Рис. 27, 1, 2)⁶⁶, что является материальным свидетельством присутствия в регионе носителей раннескифской культуры келермесского этапа и контактов с ними ман-

⁶⁰ Ghirshman 1964a, 24–29, 99, Abb. 131. Краткая информация: Rad, Nakemi 1950 (на персидском языке, non vidi), ее перевод приведен: Dyson 1965, 208–209.

⁶¹ Dyson 1965, 209.

⁶² Мурзин 1984, 53–54; Махортых 1991, 38–39.

⁶³ Сводку материала для Ирана и Закавказья см. Погребова 1977, 114–137. Ср. Young 1968, 160 (полный костяк лошади в погребении третьей четверти II тыс. до н. э.); Muscarella 1974, 78–79. Ср. определенные данные письменных источников о наличии развитого коневодства и всадничества в Иране и Закавказье в IX–VIII вв. до н. э.: Грантовский 1970, 276–279; Погребова 1977, 137–140.

⁶⁴ Ivantchik 1993, 47–51, 85–94; Иванчик 1996, 50–55,

90–97.

⁶⁵ Dyson, Muscarella 1989, 20–21.

⁶⁶ В публикации одного из этих псалий содержалось его ошибочное отнесение к слою Хазанлу IV: Dyson 1964, 372, fig. 3, затем: Dyson 1965, 211; Young 1967, 33 (очевидно, именно эта находка имеется в виду, когда речь идет о «one or two specifically Scythian elements in Hasanlu IV»); Moorey 1971, 109; Moorey 1971a, 121 (соответственно, подобные псалии с головками грифобаранов датируются IX в. до н. э.). Ошибка исправлена: Muscarella 1974, 79, n. 16, однако иногда повторялась и в более поздних работах, см., например Yamauchi 1982, 71; Yamauchi 1983, 92.

нейского населения Хазанлу, а также и еще одним свидетельством датировки келермесского этапа раннескифской культуры первой половиной VII в. до н. э. Впрочем, поскольку погребение из Хазанлу не опубликовано, все рассуждения о нем остаются сугубо гадательными и оно не может быть датировано или отнесено к определенной культуре⁶⁷. Соответственно, это погребение не может служить основой и каких бы то ни было выводов.

⁶⁷ См. об этом погребении еще: Muscarella 1975, 211–212 (не датируется из-за плохой публикации); Muscarella 1988, 219–220 (не раньше начала VII в. до н. э., по находке в погребении кабаньих клыков, служивших частью узды, здесь же справедливо отмечается необоснованность утверждений о присутствии скифов в Иране еще в IX в. до н. э.); Moorey 1982, 97 (рассматривает данное погребение, наряду со скифскими элементами «клада из Зивие», «скифскими» деталями узды из Хазанлу III и некоторыми другими данными как свидетельство скифского присутствия в иранском Курдистане во второй половине VII в. до н. э.); Погребова 1977, 81, 134–135 (при-

нимает датировку Р. Гиришмана временем не позже середины VIII в. до н. э., но связывает его не со скифами, а с группой населения (иранцы?), проникшей в Иран из Нижнего Поволжья через Кавказ в конце II–начале I тыс. до н. э. и оставившей также Мингечаурские и Кировабадские курганы), ср. Погребова 1984, 46; Курочкин 1982, 43–47 (неточное изложение точки зрения Р. Гиришмана — ему приписывается датировка погребения 750–600 гг. до н. э., причем удила, которые тот сравнивал с келермесскими, превращаются в «протокелермесские»; автор присоединяется к этой «псевдо-гиришмановской» датировке, и считает погребение скифским).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно констатировать, что исторические киммерийцы (*Gimirrāia*, Κιμμέριοι) были носителями той археологической культуры, которая именуется раннескифской. Переднеазиатские скифы (*Iškuzāia*), очевидно, принадлежали той же археологической культуре. Культура киммерийцев 70–40-х годов VII в. до н. э., когда их деятельность в Малой Азии описывается письменными источниками, может быть отнесена к келермесскому периоду раннескифской культуры. В принципе часть киммерийских комплексов Малой Азии (захоронения в Имирлере и в окрестностях Амасьи) могла бы датироваться и несколько более поздним временем, поскольку киммерийские группы сохранялись в Малой Азии, по-видимому, до правления лидийского царя Алиатта. Это, однако, маловероятно, учитывая достаточно архаичный состав колчанных наборов из этих памятников (отсутствие трехлопастных наконечников, наличие некоторого количества наконечников «жаботинского» типа, метка в виде «птичьей лапы», находящая аналогии на наконечнике из датированного второй четвертью – серединой VII в. до н. э. слоя Богазкёя). Сам келермесский этап раннескифской культуры, к которому принадлежат киммерийские памятники Анатолии, по видимому, начался еще раньше 670-х гг., скорее всего, в пределах VIII в. до н. э., так что возможность датировки малоазийских памятников и первой четвертью VII в. до н. э. не исключена, несмотря на то, что нам неизвестны прямые письменные свидетельства присутствия здесь киммерийцев в это время.

Малоазийские киммерийцы использовали железные мечи-акинаки с длинным лезвием, бронзовые втульчатые наконечники стрел в основном «келермесского» типа, но также и более архаичные «жаботинские» и, хотя и в меньшем количестве, трехлопастные наконечники. Узда их коней была так называемого «скифского» типа со стремечковидными удилами и украшенными в зверином стиле пронизиями; вероятно, использовались и железные трехпетельчатые псалии. В то же время киммерийцы, очевидно, многое заимствовали от местных народов, с которыми контактировали в Передней Азии, и, в частности, использовали, наряду со своей, закавказскую конскую узду и урартское оружие. Степной звериный стиль был также присущ киммерийской культуре (бронзовые пронизи в виде грифобаранов, костяное окончание ножен меча в виде свернувшегося зверя, возможно, также костяная пластинка с изображением птичьих голов).

Из-за незначительного количества археологического материала представляется рискованным говорить определенно о наличии каких-либо локальных особенностей культуры малоазийских киммерийцев внутри «раннескифской» культуры. Некоторые такие особенности можно все же в осторожной форме отметить. Это использование биметаллических клеветцов, не характерных для собственно скифской культуры, но известных в Минусинской котловине, Приаралье и Поволжье. Эта деталь могла бы указывать на исходную точку движения киммерийцев (или одного из элементов, входившего в состав их групп) в Переднюю Азию, однако наличный материал недостаточен для того, чтобы утверждать это уверенно. Кроме клеветцов, на наличие некоего среднеазиатско-южноуральского элемента в составе культуры келермесского периода указывают и другие данные (например, наконечники стрел из стеблевского комплекса, возможно, шлемы «кубанского» типа и др.). Киммерийцы, видимо, применяли в погребальном обряде углубленные или помещенные в яму каменные и каменно-сырцовые склепы.

Погребальный обряд и использование биметаллических клевцов объединяет киммерийские малоазийские памятники Малой Азии с группой раннескифских памятников центрального Предкавказья. Основываясь на этом сходстве можно в осторожной форме предположить и их принадлежность историческим киммерийцам.

Почти полная неразличимость археологической культуры киммерийцев и скифов вовсе не означает того, что они не различались как этносы. Напротив, аккадские письменные источники VII в. до н. э. разделяют их достаточно четко и, судя по их данным, речь идет о двух разных народах, занимавших различные территории и имевших различную историческую судьбу. Все же принадлежность киммерийцев тому же культурному типу, что и скифы, и почти полное совпадение их материальной культуры являются очень серьезным аргументом в пользу предположения об этнической близости двух народов. Таким образом, наиболее вероятно, что киммерийцы были близкородственным скифам иранским народом.

Кроме того, нам удалось получить ряд реперов для абсолютной хронологии предскифской и раннескифской культуры, указания которых, совпадая между собой, позволяют прийти к следующим выводам. Существование раннескифской археологической культуры в ее классическом виде («келермесский» этап) в пределах первой половины VII в. до н. э. надежно свидетельствуется находками этого времени на территории Малой Азии, где они связываются с историческими киммерийцами (Норшунтепе, Богазкёй, бутероль из Сард, Каяльдере и др.). Этой дате не противоречат и раннескифские курганы Северного Кавказа, содержащие ассирийские и урартские вещи (Келермесские¹, Нартановские², Краснознаменский³). Эти комплексы, определяющие для «келермесского» периода, датируются, в первую очередь благодаря находкам переднеазиатского происхождения, не позже середины – третьей четверти VII в. до н. э. Те же предметы убедительно свидетельствуют об участии погребенных в переднеазиатских походах⁴. Некоторые данные позволяют предполагать, что начало «келермесского» этапа может быть отнесено еще к VIII в. до н. э. В пользу такого предположения говорит полное отсутствие находок предыдущей эпохи («жаботинский» период) в Передней Азии и их редкость в Закавказье, при том, что переднеазиатские походы евразийских nomadов начались не позже 714 г. до н. э. Свидетельством этого является также урартская гробница рубежа VIII–VII вв. до н. э. в Алтынтепе, в инвентаре которой имеется конская узда, отражающая влияние узды «келермесской» эпохи. Один из причерноморских комплексов этого периода (курган 15 у Стеблева) также, возможно, датируется еще VIII в. до н. э. Наконец, гипотеза о происхождении шлемов «кубанского» типа, характерных для «келермесского» периода, из северного Китая, которая представляется хорошо обоснованной, также

¹ Галанина 1991, 15–29. Недавно было проведено специальное исследование декора келермесского и чрезвычайно близкого ему мельгуновского акинаков с точки зрения их соотношения с урартским искусством. Это исследование показало, что многие мотивы декора скифских акинаков особенно близки урартскому стилю эпохи Русы II. Сходство между ними настолько велико, что напрашивается предположение о происхождении мастеров, изготовивших оба акинака, из Урарту. В любом случае становится ясно, что эти мастера работали в традициях урартской художественной школы эпохи Русы II. Это, в свою очередь, не позволяет существенно разделять дату изготовления акинаков и время правления Русы II (695/685 – около 650 г. до н. э.) и служит лишним доказательством датировки комплексов, откуда они происходят, не позже середины – третьей четверти VII в. до н. э. См. Metdepenninghen 1997, 109–136.

² В курганах 7, 9 и 12 могильника Нартан обнаружены золотые серьги ассирийского типа: Махортых 1991, 76. Эти

серьги, вопреки мнению С. В. Махортых, характерны отнюдь не только для второй половины VII в. до н. э., но известны и в первой половине столетия, и в VIII в. до н. э.: Maxwell-Hyslop 1971, 235–246.

³ В этом кургане была обнаружена обивка дышла колесницы с изображением богини Иштар. Это изображение находит ближайшую аналогию на одном из рельефов северного дворца Ашшурбанипала (668–627 гг. до н. э.) в Куюнджике с изображением царской колесницы, на которой имеется аналогичная деталь: Петренко 1980, 15–19. Следует отметить, что данное изображение по стилю и некоторым деталям (прическа, головной убор) очень близко изображениям богини с луком на урартских вотивных пластинках конца VIII–VII вв. до н. э.; богиня при этом, правда, не окружена звездой: Keller 1991b, 286–295, № 1, 3, 5, 7, 8.

⁴ Ср. Алексеев 1992, 44–55; Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993, 82.

подтверждает эту дату. Шлемы, которые считаются прототипами «кубанских», выходят в северном Китае из употребления не позже первой половины VIII в. до н. э.

Существенное значение имеют данные, свидетельствующие о том, что предскифские памятники новочеркасского типа сменяются раннескифскими не позже середины VIII в. до н. э. Об этом говорят некоторые предметы, обнаруженные в составе самых поздних новочеркасских комплексов, часть которых содержит уже и предметы раннескифского облика. Так, железные наконечники копий из погребения Бутенки находят себе ближайšie аналогии среди памятников периода На В3, который завершается около середины VIII в. до н. э. Бубенцы, обнаруженные в относящемся к тому же переходному периоду погребении у Квиток, также не могут датироваться позже первой половины VIII в. до н. э. Псалии редкой формы, обнаруженные в кургане Уашхиту того же «поздненовочеркасского» периода и в погребении 47 могильника Калакент в Азербайджане, позволяют примерно синхронизировать эти два комплекса. Комплекс последнего вряд ли может датироваться позже рубежа IX–VIII вв. до н. э. Находки удила с жесткоскрепленными псалиями в памятниках того же переходного периода Енджа, Константиновка 376 и Чишхо также свидетельствуют о необходимости датировать эти памятники концом IX – первой половиной VIII в. до н. э. Применение трехдырчатых псалий «сиалковского» типа в памятниках «жаботинского» периода раннескифской культуры может быть указанием на их раннюю дату — в Закавказье и Иране такие псалии известны начиная со второй половины — конца IX в. до н. э. (второй Мингечаурский курган, слой разрушения Хазанлу IV).

Наконец, определенные данные имеются и в пользу датировки ряда комплексов классического «новочеркасского» облика не позже IX в. до н. э. Об этом свидетельствуют прежде всего центрально-европейские комплексы т. н. «фрако-киммерийского» типа, часть которых относится еще к периоду На В2 (например, клад у дер. Прюль). В этих комплексах имеются близкие аналогии новочеркасским памятникам. Поскольку «фрако-киммерийские» бронзы по общему мнению в значительной мере имеют степное происхождение, в степях они не могут датироваться позже, чем в Центральной Европе. Это определяет датировку классических памятников «новочеркасского» типа не позже IX в. до н. э. Данная датировка подтверждается не только центральноевропейскими, но и закавказскими данными. Так, комплексы Клинь-ярского могильника на Северном Кавказе, содержащие характерные предметы новочеркасского типа, синхронизируются с комплексами Колхидской культуры, относящимися к X–IX вв. до н. э.

Аргументы, приводившиеся в пользу участия новочеркасцев в переднеазиатских походах, не выдерживают критики. В некоторых случаях отмечавшееся сходство с переднеазиатскими предметами оказывается мнимым (носачевские бляхи). В других следует говорить не о переднеазиатских, а закавказских предметах, близкие аналогии которым найдены не на основной степной территории, а на Северном Кавказе, прежде всего в зоне Кобанской культуры. В этом случае мы имеем дело со свидетельством транскавказских связей, бывших чрезвычайно интенсивными на протяжении всего существования Кобанской культуры. Пекторали и шлемы из листовой бронзы, как и чешуйчатые наборные панцири, имеют давние традиции на Кавказе и не являются прямыми переднеазиатскими заимствованиями. Их находки на Северном Кавказе также не могут свидетельствовать о переднеазиатских походах, как и, например, находки бронзовых топоров колхидо-кобанского типа или кобанских бронзовых сосудов с обеих сторон Кавказского хребта. Находки в кобанских памятниках Северного Кавказа предметов не только закавказского, но и переднеазиатского происхождения, известны и в гораздо более раннее время (начиная по меньшей мере с XIII в. до н. э.) и являются скорее всего свидетельствами культурных и торговых связей, а не военных походов. Использование колесниц, отмечаемое в некоторых поздненовочеркасских комплексах, было давней иранской традицией и также ни в коей мере не может свидетельствовать о заимствовании из Передней Азии.

Карта археологических памятников 1. Восточная Европа и Передняя Азия

1. Енджа	55. Нартан	110. Тушпа, Ван
2. Белоградец	56. Кумбулга, Верхняя Рутха	111. Чавуштепе
3. Теремцы	57. Галиат, Фаскау	112. Азнавуртепе
4. Квитки	58. Кобан	113. Дизгинкале
5. Стеблево	59. Чми	114. Каялидере
6. Константиновка	60. Гудермес, Степной	115. Муш
7. Носачево	61. Тли	116. Бурмагечит, Тунджели
8. Дарьевка (Шпола)	62. Рук	117. Алтынтепе
9. Матусов, Захарейкова могила, Репяховатая могила	63. Куланурхва	118. Норшунтепе
10. Журовка	64. Анухва	119. Малагья, Имамоглу Хуюк
11. Гулай город	65. Красный маяк	120. Уние
12. Тенетинка	66. Эшери	121. Имирлер
13. Жаботин	67. Приморское	122. Амасья
14. Мельгунов (Литой)	68. Гудауга	123. Машат Хуюк
15. Волковцы	69. Сурмуши	124. Алишар
16. Басовка	70. Лайлаши	125. Богазкёй
17. Аксютинцы, Солодка, Старшая могила	71. Ксани	126. Каман-Кале Хуюк
18. Поповка	72. Цители-гореби	127. Гордион
19. Лубны	73. Насадгомари	128. Город Мидаса (<i>Cité de Midas</i>)
20. Бутенки	74. Мелаани	129. Измит
21. Куцеволовка	75. Берикдесеби (Карели)	130. Сарды
22. Новоалександровка	76. Маралын Дереси	131. Смирна
23. Александровка (Самарский)	77. Квемо-Сасирети	132. Клазомены
24. Радионовка	78. Мцхета, Самтавро, Набагреби	133. Эфес
25. Высокая могила (Балки)	79. Трели (Тбилиси)	134. Мелия
26. Малая Цимбалка	80. Бешташени, Цинцкаро, Так- Килиса	135. Самос (Герайтон)
27. Архангельская слобода	81. Садахло	136. Милет
28. Васильевка (Донецкая обл.)	82. Лори-берд	137. Тарс
29. Стрижена могила (Луганское Донецкой обл.)	83. Кировакан, Димац, Макаршен	138. Зинджирли
30. Орехово (Луганская обл.)	84. Качаган	139. Рас Шамра
31. Аксай	85. Мехчис-Цихе	140. Саламин, Энкоми
32. Новочеркасск	86. Лениакан	141. Амагонт
33. Жирноклеевский	87. Парни-Гех	142. Пале-Пафос
34. Красная деревня	88. Артик	143. Мегиддо
35. Ананьино	89. Шамирам	144. Самария
36. Морквашинский могильник	90. Аргитхинили (Армавир)	145. Иерусалим, Лахиш
37. Краснодар	91. Элар	146. Кархемиш, Деве Хуюк
38. Пшиш, Чишхо	92. Ереван, Эребуни (Арин-Берд), Нор-Ареш, Тейшебаини (Кармир-Блур)	147. Тиль Барсип
39. Николаевский могильник	93. Нор-Баязет (Камо)	148. Арслан-таш
40. Кубанский могильник	94. Лчашен	149. Тель-Халаф
41. Уляп	95. Дилижан, Хртаноц, Редкин лагерь	150. Мари
42. Уашхиту	96. Навур	151. Ашшур
43. Келермес	97. Калакент	152. Нимруд (Кальху)
44. Майкоп	98. Кировабад	153. Ниневия (Куюнджик)
45. Фарс	99. Ханлар (Еленендорф)	154. Дур-Шаррукин (Хорсабад)
46. Ставрополь	100. Мингечаур	155. Нузи
47. Алексеевский	101. Ходжалы	156. Хазанлу
48. Красное знамя	102. Арчадзор	157. Калатгах, Динха-тепе
49. Минеральные воды	103. Астхадзор	158. Аграб-тепе
50. Пятигорск, Перкаль, Бештау	104. Толорс	159. Зивие, Капланту
51. Кисловодск, Кабан-гора, Султан- гора, Индустрия, Клин-яр	105. Карабулаг	160. Вар-Кабуд
52. Лермонтовский разъезд	106. Малый курган	161. Чешмех-Махи
53. Каменномостское	107. Бастам	162. Годин-тепе
54. Гунделен	108. Аянис Кале	163. Нуш-и Джан
	109. Топраккале	164. Баба-Джан
		165. Тепе Гиан
		166. Марлик

Карта археологических памятников 2. Иран, Южный Урал, Центральная Азия

33. Жирноклеевский	163. Нуш-и Джан	174. Уйгарак
34. Красная деревня	164. Баба-Джан	175. Новая Белогорка
60. Гудермес, Степной	165. Тепе Гиан	176. Сулак, Оренбург
107. Бастам	166. Марлик	177. Гумарово
156. Хазанлу	167. Чога Замбил	178. Синташта
157. Калатгах, Динха-тепе	168. Сиалк	179. Дальверзин
158. Аграб-тепе	169. Эмам и Томаджан	180. Биже
159. Зивие, Капланту	170. Персеполь	181. Башадар
160. Вар-Кабуд	171. Туренг Тепе	182. Пазырык
161. Чешмех-Махи	172. Сакар-чага	183. Минусинск
162. Годин-тепе	173. Тагискен	184. Аржан

Библиография

- Абесадзе Ц., Бахтадзе Р., Двали Т., Джапаридзе О. 1958: К истории медно-бронзовой металлургии в Грузии (Тбилиси).
- Абрамишвили Р. М. 1961: К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. — ВГМГ 22-Б.
- Акишев К. А., Акишева А. К. 1978: Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры. — В: Археологические памятники Казахстана (Алма-Ата).
- Алексеев А. Ю. 1992: Скифская хроника. Скифы в VII–V вв. до н. э.: историко-археологический очерк (Санкт-Петербург).
- Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р. 1993: Киммерийцы: этнокультурная принадлежность (Санкт-Петербург).
- Анфимов Н. В. 1961: Протомеотский могильник с Николаевского. — В: Сборник материалов по археологии Адыгеи. II (Майкоп).
- Анфимов Н. В. 1971: Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. — В: Проблемы скифской археологии = МИА 177 (Москва).
- Анфимов Н. В. 1975: Новые памятники древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского). — В: Скифский мир (Киев).
- Апакидзе А., Николаишвили В., Мелитаури К., Сихарулидзе А., Садрадзе В., и др. 1982: Мцхетская археологическая экспедиция 1979 года. — В: Мцхета. Результаты археологических исследований. Т. VI (Тбилиси), на грузинском языке.
- Арешян Г. Е. 1983: Раскопки больших Шамирамских курганов. — В: АО 1981 (Москва).
- Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. 1959: Древний Мингечаур (Баку).
- Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И. 1981: О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска. — СА, № 2.
- Баркова Л. Л. 1983: Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Май-эмира. — АСГЭ 24.
- Батчаев В. М. 1985: Древности предскифского и скифского периодов. — В: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. II (Нальчик).
- Белинский А. В. 1990: К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе. — СА, № 4.
- Бидзия В. И., Яковенко Э. В. 1974: Киммерийские погребения Высокой могилы. — СА, № 1.
- Бобринской А. А. 1902: Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уезде Киевской губернии в 1901 году. — ИАК 4.
- Бокий Н. М., Горбул Г. П., Отрощенко В. В. 1991: Киммерийские захоронения на Кировоградщине. — СА, № 1.
- Бокий Н. М., Ольховский В. С. 1994: Раннескифский курган на днепровском Правобережье. — РА, № 2.
- Вальчак С. Б. 1994: К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана. — РА, № 2.
- Вальчак С. Б. 1997: Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпетельчатыми псалями (классификация и хронология). — В: Древности Евразии (Москва).
- Вальчак С. Б. 1997а: Предскифские колесницы и «новочеркасские клады» (некоторые дополнения к проблеме). — В: Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы = Материалы и исследования по археологии России 1 (Москва).
- Вальчак С. Б., Мамонтов В. И., Сазонов А. А. 1996: Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной

- Европе: происхождение и хронология. — В: Историко-археологический альманах 2 (Армавир, Москва).
- Вальчак С. Б., Эрлих В. Р. 1993: Еще раз о комплексах типа Новочеркасского клада. — В: Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов (Краснодар).
- Варенов А. В. 1992: К проблеме китайско-кавказских контактов (на материале бронзовых шлемов). — В: Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова (Санкт-Петербург).
- Виноградов В. Б. 1972: Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.) (Москва).
- Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. 1980: Киммерийско-кавказские связи. — В: Скифия и Кавказ (Киев).
- Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н. 1976: Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья. — В: Археолого-этнографический сборник 4 (Грозный).
- Вински З. 1955: «Трачко-кимерийски» налаз Адашевци у Сријему. — Рад Војвођанских музеја 4.
- Вишневская О. А. 1973: Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака = Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 8 (Москва).
- Воронов Ю. Н. 1969: Археологическая карта Абхазии (Сухуми).
- Воронов Ю. Н. 1980: О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур. — В: Скифия и Кавказ (Киев).
- Воронов Ю. Н., Вознюк А. С. 1975: Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР. — СА, № 2.
- Вязьмитина М. И. 1963: Ранние памятники скифского звериного стиля. — СА, № 2.
- Галанина Л. К. 1983: Раннескифские уздечные наборы. — АСГЭ 24.
- Галанина Л. К. 1991: Контакты скифов с ближневосточным миром (по материалам Келермесских курганов). — АСГЭ 31.
- Галанина Л. К. 1995: Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов. — АСГЭ 32.
- Галанина Л. К. 1997: Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи = Степные народы Евразии I (Москва).
- Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. 1990: Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время. — АСГЭ 30.
- Геннинг В. Ф. 1977: Могилиник Синташта и проблема ранних иранских племен. — СА, № 4.
- Геннинг В. Ф., Зданович Г. Б., Геннинг В. В. 1992: Синташта = Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей I (Челябинск).
- Горелик М. В. 1987: Раннее скульптурное изображение скифского воина. — В: Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина. Т. I (Кировоград).
- Горелик М. В. 1993: Оружие древнего Востока (Москва).
- Горішній П. А. 1978: Бронзові вудила з с. Теремці. — Археологія 27.
- Городцов В. А. 1928: К вопросу о киммерийской культуре = ТСА РАНИОН 3.
- Грантовский Э. А. 1970: Ранняя история иранских племен Передней Азии (Москва).
- Грантовский Э. А. 1994: О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии. — РА, № 3.
- Гриневич К. Э. 1951: Новые данные по археологии Кабарды. — В: Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа = МИА 23 (Москва, Ленинград).
- Грязнов М. П. 1980: Аржан. Царский курган раннескифского времени (Ленинград).
- Дандамаев М. А. 1977: Новые данные вавилонских документов VI–V вв. до н. э. о саках. — ВДИ, № 1.
- Даниелян О. А. 1973: К хронологии некоторых курганов Азербайджана. — В: Материальная культура Азербайджана 7.
- Деведжян С. Г. 1981: Лори-берд. I. Результаты раскопок 1969–1973 гг. (Ереван).
- Джапаридзе О. М. 1953: Бронзовые топоры западной Грузии (К вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры). — СА 18.
- Доманский Я. В. 1979: Новый комплекс Колхидской культуры в Абхазии. — ТГЭ 20.

- Дубовская О. Р. 1989:
Дударев С. Л. 1991:
Дударев С. Л. 1995:
Дударев С. Л., Махортых С. В. 1981:
Дьяконов И. М. 1951:
Дьяконов И. М. 1951а:
Дьяконов И. М. 1956:
Дьяконов И. М. 1994:
Егоров Н. М. 1955:
Есаян С. А. 1966:
Есаян С. А. 1976:
Есаян С. А., Погребова М. Н. 1985:
Заднепровский Ю. А. 1962:
Збруева А. В. 1952:
Зув В. Ю. 1993:
Иванчик А. И. 1996:
Иванчик А. И., в печати:
Иессен А. А. 1941:
Иессен А. А. 1953:
Иессен А. А. 1954:
Иессен А. А. 1965:
Ильинская В. А. 1968:
Ильинская В. А. 1971:
Ильинская В. А. 1973:
Ильинская В. А. 1975:
Ильинская В. А. 1982:
Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. 1980:
Ильинская В. А., Тереножкин А. И. 1987:
Исмагилов Р. В. 1988:
Итина М. А., Яблонский Л. Т. 1997:
Іллінська В. А. 1951:
Іллінська В. А. 1961:
Іллінська В. А. 1961а:
Іллінська В. А. 1973:
Каландадзе А. Н. 1980:
- К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада. — СА, № 1.
Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром (Грозный).
К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху (Армавир).
К толкованию иконографии некоторых античных изображений киммерийцев. — В: Античные государства и варварский мир (Орджоникидзе).
Последние годы урартского государства по ассиро-вавилонским источникам. — ВДИ, № 2.
Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. — ВДИ, № 2.
История Мидии (Москва, Ленинград).
Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке. — РА, № 1.
Могильник скифского времени близ г. Минеральные воды. — КСИА 58.
Оружие и военное дело древней Армении (Ереван).
Древняя культура племен Северо-восточной Армении (Ереван).
Скифские памятники Закавказья (Москва).
Древнеземледельческая культура Ферганы = МИА 118 (Москва, Ленинград).
История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху = МИА 30 (Москва).
Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в европейской Скифии на рубеже VII–VI вв. до Р. Хр. — Петербургский археологический вестник 6.
Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н. э. (Москва).
Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной традиции (Москва).
Археологические памятники Кабардино-Балкарии. — В: Материалы по археологии Кабардино-Балкарии = МИА 3 (Москва, Ленинград).
К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.). — СА 18.
Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — В: Вопросы скифо-сарматской археологии (Москва).
Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. — В: Труды Азербайджанской археологической экспедиции. Т. II (1956–1960) = МИА 125.
Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (Киев).
Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве. — СА, № 2.
Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин. — СА, № 3.
Раннескифские курганы бассейна реки Тясмин (Киев).
Изображения скифов времени переднеазиатских походов. — В: Древности степной Скифии (Киев).
Курганы VI в. до н. э. у села Матусова. — В: Скифия и Кавказ (Киев).
Скифия VII–V вв. до н. э. (Киев).
Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры. — АСГЭ 29.
Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) (Москва).
Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії. — Археологія 5.
Скіфські сокири. — Археологія 12.
Скіфська вузда VI ст. до н. е. (за матеріалами Посулля). — Археологія 13.
Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів. — Археологія 12.
Самтавро. Археологические памятники доантичной эпохи. — В: Мцхета.

- Результаты археологических исследований 4 (Тбилиси), на грузинском языке.
- Каталог 1993: Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области = Археологический альманах 1 (Донецк).
- Кеменцеи Т. 1986: Предскифская эпоха в восточной Венгрии. — В: Археология Венгрии. Конец II тыс. до н. э. — I тыс. до н. э. (Москва).
- Кисель В. А. 1994: Несколько замечаний об образе кошачьего хищника в раннем скифском искусстве. — В: Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (Санкт-Петербург).
- Клочко В. И., Мурзин В. Ю. 1987: О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры. — В: Скифы Северного Причерноморья (Киев).
- Клочко В. И., Мурзин В. Ю. 1989: О хронологии древностей черноморско-новочеркасского типа. — В: Проблемы археологии Поднепровья (Днепропетровск).
- Клочко, В. И., Скорый 1993: Курган № 15 біля Стеблева у Пороссі. — Археологія, № 2.
- Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н. 1978: Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» (Днепропетровского сельскохозяйственного института). — В: Курганные древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.) (Днепропетровск).
- Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Марина З. П., Костенко В. И., Попцов В. А., Ромашко В. А. 1978: Раскопки курганов в бассейне Самары. — В: АО 1977 (Москва).
- Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е. 1982: Скифское погребение конца VI—V вв. до н. э. у с. Александровка. — В: Древности степной Скифии (Киев).
- Ковпаненко Г. Т. 1962: Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворскла. — КСИАУ 12.
- Ковпаненко Г. Т. 1966: Носачівський курган VIII—VII ст. до н. е. — Археологія 20.
- Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д. 1984: Погребение воина у с. Квитки в Поросье. — В: Вооружение скифов и сарматов (Киев).
- Козенкова В. И. 1975: Связи северного Кавказа с карпато-дунайским миром (некоторые археологические параллели). — В: Скифский мир (Киев).
- Козенкова В. И. 1986: Пседахский могильник Кобанской культуры (по раскопкам 1976—1977 гг.). — В: Новое в археологии Северного Кавказа (Москва).
- Козенкова В. И. 1990: Хронология Кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы. — СА, № 3.
- Козенкова В. И. 1995: Оружие, воинское и конское снаряжение племен Кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант = САИ, В 2—5, вып. 4 (Москва).
- Козенкова В. И. 1996: Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития Кобанской культуры) (Москва).
- Комиссаров С. А. 1988: Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы (Новосибирск).
- Кореняко В. А., Лукьяшко С. И. 1982: Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона. — СА, № 3.
- Коридзе Д. Л. 1965: К истории колхской культуры (Тбилиси), на грузинском языке.
- Косиков В. А. 1992: Техника изготовления художественных бронзовых предметов конского снаряжения скифской эпохи. — В: Донецкий археологический сборник 2.
- Котович В. Г., Давудов О. М. 1980: О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на северо-восточном Кавказе. — СА, № 4.
- Крупнов Е. И. 1951: Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы). — В: Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа = МИА 23 (Москва, Ленинград).
- Крупнов Е. И. 1960: Древняя история Северного Кавказа (Москва).
- Кузьмина Е. Е. 1974: Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. — ВДИ, № 4.
- Кузьмина Е. Е. 1975: Рец.: Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в

- Кузьмина Е. Е. 1980: Еще раз о дисковидных псалях евразийских степей. — КСИА 161.
Кузьминых С. В. 1983: Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. Медь и бронза (Москва).
- Курочкин Г. Н. 1982: Хазанлу и скифы. — IA 17.
Курочкин Г. Н. 1990: Золотой сосуд из Марлика. — СА, № 2.
Курочкин Г. Н. 1993: Свернувшийся в кольцо хищник и «летающий» олень. — В: Античная цивилизация и варварский мир. II (Новочеркасск).
- Курочкин Г. Н. 1993а: Археологический поиск арийцев на Древнем Востоке: «царский» могильник Марлик в Северном Иране (вопросы хронологии, культурогенеза и этнической атрибуции). — Петербургский археологический вестник 7.
- Курочкин Г. Н. 1994: Хронология переднеазиатских походов скифов по письменным и археологическим данным. — РА, № 1.
- Курочкин Г. Н., Субботин А. В. 1993: Боевые чеканы (клевы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения). — В: Античная цивилизация и варварский мир. II (Новочеркасск).
- Куфтин Б. А. 1941: Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников (Тбилиси).
- Куфтин Б. А. 1949: Материалы к археологии Колхиды. I (Тбилиси).
Кушнарева К. Х. 1957: Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. — СА 27.
- Кушнарева К. Х. 1959: Археологические работы 1954 г. в окрестностях села Ходжалы. — В: Труды Азербайджанской (Орен-калинской) археологической экспедиции. Т. I = МИА 67 (Москва, Ленинград).
- Лесков А. М. 1964: Древнейшие роговые псаля из Трахтемирова. — СА, № 1.
Лесков А. М. 1972: Новые сокровища курганов Украины (Ленинград).
Лесков А. М. 1981: Курганы: находки, проблемы (Ленинград).
Лесков А. М. 1984: О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР. — В: Древности Евразии в скифо-сарматское время (Москва).
- Ложкин М. Н., Петренко В. Г. 1981: Узелный набор из Краснодарского края. — КСИА 167.
Ломтатидзе Г. А. 1955: Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мцхета (Тбилиси).
Лукашов А. В. 1984: Новый памятник VIII–VII вв. до н. э. в Заволжье. — В: Древности Евразии в скифо-сарматское время (Москва).
- Марсадолов Л. С. 1988: Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н. э. — АСГЭ 29.
- Марсадолов Л. С., Зайцева Г. И., Лебедева Л. М. 1994: Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая. — В: Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (Санкт-Петербург).
- Мартirosян А. А. 1954: О древнем поселении и могильнике близ Лениакана. — КСИА 55.
Мартirosян А. А. 1961: Город Тейшебаини. По раскопкам 1947–1958 гг. (Ереван).
Мартirosян А. А. 1964: Армения в эпоху бронзы и раннего железа (Ереван).
Мартirosян А. А. 1967: Раскопки Аргиштихинили. — СА, № 4.
Мартirosян А. А. 1974: Аргиштихинили (Ереван).
Мартirosян А. А., Мнацкян А. О. 1958: Урартский колумбарий Нор-Ареша. — Известия АН Арм. ССР 10, на армянском языке.
- Махортих С. В. 1992: Памятки типу Новочеркаського скарбу (за матеріалами Північного Кавказу). — Археологія, № 1.
- Махортых С. В. 1991: Скифы на Северном Кавказе (Киев).
Махортых С. В. 1994: Киммерийцы на Северном Кавказе (Киев).
Махортых С. В. 1994а: Об узелных принадлежностях юга Восточной Европы предскифского времени. — В: Тезисы докладов международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. II (Запорожье).

- Махортых С. В. 1996: Рец.: Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej (Kraków 1993). — РА, № 1.
- Махортых С. В., Черненко Е. В. 1994: Рец.: Дударев С. Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром (Грозный 1991). — Археология, № 1.
- Махортых С. В., Черненко Е. В. 1995: О кавказских «пекторалях» VIII–VII вв. до н. э. — РА, № 2.
- Медведская И. Н. 1972: Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. — СА, № 3.
- Медведская И. Н. 1983: Конский убор из могильника Сиатк В. — IA 18.
- Медведская И. Н. 1992: Периодизация скифской архаики и древний Восток. — РА, № 3.
- Медведская И. Н. 1994: Заключение по дискуссии. — РА, № 1.
- Мелентьев А. Н. 1967: Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени (Аксацкий клад). — КСИА 112.
- Мелокова А. И. 1964: Вооружение скифов = САИ Д 1–4 (Москва).
- Мещанинов И. И. 1926: Бусина с клинописью из Ходжалинского могильника. — Известия Общества обследования и изучения Азербайджана 2.
- Мещанинов И. И. 1926a: К вопросу об ассирийской бусине из Ходжалинского могильника. — Известия Общества обследования и изучения Азербайджана 3.
- Мещанинов И. И. 1926b: Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край, снаряженной в 1926 г. Обществом изучения Азербайджана. — СГАИМК 1.
- Минкевич-Мустафаева Н. В. 1962: О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. — Материальная культура Азербайджана 4.
- Мнацкян А. О. 1954: Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) Армянской ССР. — КСИИМК 54.
- Мнацкян А. О. 1960: Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. — СА, № 2.
- Мнацкян А. О. 1961: Лчашенские курганы (раскопки 1956 г.). — КСИА 85.
- Мурзин В. Ю. 1982: Погребальный обряд скифов в VII–V вв. до н. э. — В: Древности степной Скифии (Киев).
- Мурзин В. Ю. 1984: Скифская архаика Северного Причерноморья (Киев).
- Мурзин В. Ю. 1990: Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса (Киев).
- Ольховский В. С. 1978: Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным. — СА, № 4.
- Пассек Т. С., Латынин Б. А. 1926: Ходжалинский курган № 11. — Известия общества обследования и изучения Азербайджана 2.
- Переводчикова Е. В. 1983: О сюжетах на бутеролях акинаков ахеменидского времени. — ВДИ, № 3.
- Переводчикова Е. В. 1986: Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле. — КСИА 186.
- Переводчикова Е. В. 1994: Язык звериных образов. Очерки искусства Евразийских степей скифской эпохи (Москва).
- Петренко В. Г. 1980: Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье. — КСИА 162.
- Петренко В. Г. 1983: Скифская культура на Северном Кавказе. — АСГЭ 23.
- Петренко В. Г. 1989: Скифы на Северном Кавказе. — В: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Москва).
- Петренко В. Г. 1990: К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья. — В: Проблемы скифо-сарматской археологии (Москва).
- Петренко В. Г., в печати: Краснознаменские курганы (Москва).
- Петрунь В. Ф. 1969: До походження мінеральної сировини пам'ятоків III–I тис. до н. е. з басейну річки Ингулець. — Археологія 22.
- Пиотровский Б. Б. 1950: Кармир-Блур. Т. I (Ереван).
- Пиотровский Б. Б. 1952: Кармир-Блур. Т. II (Ереван).
- Пиотровский Б. Б. 1954: Скифы и древний Восток. — СА 19.

- Пиотровский Б. Б. 1955: Кармир-Блур. Т. III (Ереван).
- Пиотровский Б. Б. 1959: Ванское царство (Москва).
- Пиотровский Б. Б. 1959a: Город бога Тейшебы (Кармир-Блур). — СА, № 2.
- Пиотровский Б. Б. 1962: Искусство Урарту VIII–VI вв. до н. э. (Ленинград).
- Пиотровский Б. Б. 1963: Предисловие. — В: УПД.
- Пиотровский Б. Б. 1970: Кармир-Блур (Ленинград).
- Пиотровский Б. Б. 1989: Скифы и Урарту. — ВДИ, № 4.
- Пицхелаури К. Н. 1969: Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии. — В: Труды Кахетской археологической экспедиции 1 (Тбилиси).
- Пицхелаури К. Н. 1979: Восточная Грузия в конце бронзового века = Труды Кахетской археологической экспедиции 3 (Тбилиси).
- Пицхелаури К. Н., Менабде С. Н. 1982: Археологические памятники с. Гадрекли (Тбилиси), на грузинском языке.
- Погребова М. Н. 1977: Иран и Закавказье в раннем железном веке (Москва).
- Погребова М. Н. 1984: Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время (Москва).
- Погребова М. Н. 1993: О принципах датировки скифской архаики. — РА, № 2.
- Погребова М. Н., Раевский Д. С. 1992: Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры (Москва).
- Подобед В. А. 1994: К вопросу о биметаллических чеканах. — В: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. Материалы международной археологической конференции (Тирасполь).
- Полидович Ю. Б. 1994: О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле». — РА, № 4.
- Полин С. В. 1994: Вопросы хронологии черноголовских и новочеркасских древностей. — В: Тезисы докладов международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. II (Запорожье).
- Полин С. В. 1994a: О хронологии киммерийских древностей. — В: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. Материалы международной археологической конференции (Тирасполь).
- Полін С. В. 1987: Хронологія раннескіфських пам'яток. — Археологія 59.
- Попов Р. 1932: Могилиште гробове при с. Ендже. — ИБАН 6 (1930–1931).
- Пряхин А. Д., Беседин В. И. 1998: Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи. — РА, № 3.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А. 1997: Могилишник протомеотского времени Казазово 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища. — В: Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы = Материалы и исследования по археологии России 1 (Москва).
- Раевский Д. С. 1993: О логике построения раннескифской хронологии. — РА, № 2.
- Руденко С. И. 1960: Культура населения Центрального Алтая в скифское время (Москва, Ленинград).
- Самоквасов Д. Я. 1908: Могила русской земли (Москва).
- Семенов Л. П. 1955: Шлемы из Северной Осетии. — КСИИМК 57.
- Скаков А. Ю. 1997: К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров. — В: Древности Евразии (Москва).
- Скорий С. А. 1981: Скіфські довгі мечі. — Археологія 36.
- Скорий С. А. 1991: До питання про «культурну належність» старожитностей типу Новочеркаського скарбу 1939 р. — Археологія, № 3.
- Смирнов К. Ф. 1961: О древних всадниках Поволжско-уральских степей. — СА, № 1.
- Смирнов К. Ф. 1964: Савроматы (Москва).
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. 1977: Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий (Москва).
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. 1963: Савроматы Поволжья и южного Приуралья = САИ Д 1–9 (Москва).
- Смирнова Г. И. 1985: Основы хронологии предскифских памятников юго-запада СССР. — СА, № 4.

- Сорокин С. С. 1972: Свернувшийся зверь из Зивие. — СГЭ 34.
- Сорокин С. С. 1978: Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры. — В: Культура Востока. Древность и раннее средневековье (Ленинград).
- Спицын А. А. 1902: Археологические раскопки Э. Реслера в Елизаветпольской губернии в 1901 г. — ИАК 16.
- Стражев В. И. 1926: Бронзовая культура в Абхазии. — Известия Абхазского научного общества 4.
- Тереножкин А. И. 1965: Основы хронологии предскифского периода. — СА, № 1.
- Тереножкин А. И. 1971: Дата Мингечаурских удил. — СА, № 4.
- Тереножкин А. И. 1973: К истории изучения предскифского периода. — В: Скифские древности (Киев).
- Тереножкин А. И. 1975: Черноговорская и новочеркасская ступени киммерийской культуры. — В: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Часть 2 (Киев).
- Тереножкин А. И. 1976: Киммерийцы (Киев).
- Техов Б. В. 1977: Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. (Москва).
- Техов Б. В. 1980: Скифы и материальная культура центрального Кавказа в VII—VI вв. до н. э. (по материалам Глийского могильника). — В: Скифия и Кавказ (Киев).
- Техов Б. В. 1980а: Глийский могильник (комплексы XVI—X вв. до н. э.) (Тбилиси).
- Тирациян Г. А. 1978: Урартский Армавир (по данным археологических раскопок). — В: Культура Востока. Древность и раннее средневековье (Ленинград).
- Титенко Г. Т. 1954: Закавказские удила, найденные на Полтавщине. — КСИАНУ 3.
- Тов А. А. 1989: Протомеотский могильник Чишко близ аула Тауйхабль в Теучежском районе. — В: Меоты — предки адыгов (Майкоп).
- Толстов С. П., Итина М. А. 1966: Саки низовьев Сыр-дарьи (по материалам Тагискена). — СА, № 2.
- Тохтасьев С. Р. 1993: К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии. — РА, № 2.
- Уварова П. С. 1900: Могильники Северного Кавказа = Материалы по археологии Кавказа 8 (Москва).
- Фаркаш Э. 1992: М. И. Ростовцев и скифское искусство. — ВДИ, № 3.
- Флиттнер Н. Д. 1939: Сиро-хеттские памятники Эрмитажа. — В: Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа 1 (Ленинград).
- Фоменко В. П. 1953: Грунтовое погребение № 63. — Материальная культура Азербайджана 3.
- Халилов Д. А. 1971: Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «скифском царстве» на территории Азербайджана. — В: Проблемы скифской археологии = МИА 177 (Москва).
- Ханзадян Е. 1979: Элар-Дарани (Ереван).
- Хачатрян Т. С. 1963: Материальная культура древнего Артика (Ереван).
- Хачатрян Т. С. 1975: Древняя культура Ширака III—I тыс. до н. э. (Ереван).
- Хачатрян Т. С. 1979: Арктический некрополь. Каталог (Ереван).
- Хохоровски Я. 1994: Скифские набеги на территории Средней Европы. — РА, № 3.
- Хохоровски Я. 1994а: Хронология киммерийских памятников в Средней Европе. — В: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э.— V в. н. э. Материалы международной археологической конференции (Тирасполь).
- Чежина Е. Ф. 1984: Изображение свернувшегося в кольцо хищника в искусстве нижнего Поволжья и южного Приуралья в скифскую эпоху. — АСГЭ 25.
- Чердниченко Н. Н. 1976: Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы. — В: Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы (Киев).
- Чердниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж. 1991: Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в нижнем Поднестровье). — СА, № 4.
- Черненко Е. В. 1968: Скифский доспех (Киев).
- Черненко Е. В. 1980: Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес). — В: Скифия и Кавказ (Киев).

- Черненко Е. В. 1981:
Членова Н. Л. 1967:
Членова Н. Л. 1975:
Членова Н. Л. 1981:
Членова Н. Л. 1984:
Членова Н. Л. 1988:
Членова Н. Л. 1993:
Членова Н. Л. 1997:
Чубанишвили Т. Н. 1957:
Шаповалов Т. А. 1971:
Шкурко А. И. 1969:
Эрлих В. Р. 1990:
Эрлих В. Р. 1990а:
Эрлих В. Р. 1991:
Эрлих В. Р. 1994:
Эрлих В. Р. 1994а:
Эрлих В. Р. 1994б:
Эрлих В. Р. 1997:
Яблонский Л. Т. 1991:
Яблонский Л. Т. 1996:
Abramischwili R. und M. 1995:
Abramischwili R. 1995а:
Abu es-Soof B. 1963:
Aharoni Y. 1975:
Akurgal E. 1961:
Akurgal E. 1967:
Akurgal E. 1968:
Akurgal E. 1983:
Albenda P. 1986:
Скифские лучники (Киев).
Происхождение и ранняя история племен Тагарской культуры (Москва).
О связях северо-западного Причерноморья и нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху. — В: *Studia Thracica* 1. Фрако-скифские культурные связи (София).
Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века. — В: *Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа* (Новосибирск).
Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа) (Новосибирск).
О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелх и «отделившихся скифах». — *КСИА* 194.
О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «скифского мира». — *Петербургский археологический вестник* 7.
Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира (Москва).
Древнейшие археологические памятники Мцхета (Тбилиси).
Погребение предскифского времени в кургане Стрижена могила. — В: *Археологические исследования на Украине в 1968 г.* (Киев).
Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии. — *СА*, № 1.
Курган Уашкиту и проблема интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада. — В: *XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа* (Ставрополь).
К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени. — *СА*, № 1.
Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья. — В: *Древности Северного Кавказа и Причерноморья* (Москва).
У истоков раннескифского комплекса (Москва).
В защиту традиции о причерноморском происхождении киммерийцев. — *ВДИ*, № 3.
Об интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада. — *РА*, № 2.
К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период. — В: *Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы = Материалы и исследования по археологии России 1* (Москва).
Проблема формирования культуры саков южного Приаралья. — *СА*, № 1.
Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников) (Москва).
Archäologische Denkmäler in Tbilissi. — In: *Unterwegs zum Goldenen Vlies. Archäologische Funde aus Georgien*. Herg. von A. Miron und W. Orthmann (Saarbrücken).
Neue Angaben über die Existenz des thrako-kimmerischen ethnischen Elements und des sog. skythischen Reiches im Osten Transkaukasiens. — *AA*.
Further Investigations in Assur-nasir-pal's Palace. — *Sumer* 19.
Investigations at Lachish. The Sanctuary and the Residency = Lachish 5 (Tel Aviv).
Die Kunst der Hethiter (München).
Eine Silberschale aus dem Pontus. — *Ant. Kunst* 10.
Urartäische und Altiranische Kunstzentren (Ankara).
Alt-Smyrna. I. Wohnschichten und Athenatempel (Ankara).
The Palace of Sargon, King of Assyria. Monumental Wall Reliefs at Dur-Sharrukin, from Original Drawings Made at the Time of their Discovery in 1843–1844

- by Botta and Flandin = Synthèse 22 (Paris).
- Albizzati C. s.a.: Vasi antichi dipinti del Vaticano (Città del Vaticano).
- Amandry P. 1965: Un motif «scythe» en Iran et en Grèce. — JNES 24.
- Anbar M. 1991: Les tribus amurrites de Mari = OBO 108 (Freiburg Schweiz, Göttingen).
- Amiet P. 1972: Glyptique susienne des origines à l'époque des Perses Achéménides. Cachets, Sceaux-cylindres et empreintes antiques découvertes à Suse de 1913 à 1967 = Mémoires de la délégation archéologique en Iran 43. Mission de Susiane (Paris).
- Andrae W. 1923: Farbige Keramik aus Assur und ihre Vorstufen in Altassyrischen Wandmalereien (Berlin).
- Atzinger W. 1970: Ephesos. B (Archäologischer Teil). — In: RE, Suppl. XII.
- Azarpay G. 1968: Urartian Art and Artifacts. A Chronological Study (Berkeley, Los Angeles).
- Balkwill C. J. 1973: The earliest horse-bits of western Europe. — PPS 39.
- Bammer A. 1973/1974: Die Entwicklung des Opferkultes am Altar der Artemis von Ephesos. — IM 23/24.
- Bammer A. 1978: Der archaische und klassische Altar der Artemis von Ephesos. — In: The Proceedings of the Xth International Congress of Classical Archaeology. Ankara, Izmir, 1973 (Ankara).
- Bammer A. 1983/84: Chronologische und stratigraphische Probleme der archaischen Kultanlagen von Ephesos. — Hephaisistos, 5/6.
- Bammer A. 1984: Das Heiligtum der Artemis von Ephesos (Graz).
- Bammer A. 1988: Ephesos: Stadt an Fluß und Meer (Graz).
- Bammer A. 1988a: Gold und Elfenbein von einer neuen Kultbasis in Ephesos. — Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien 58.
- Bammer A. 1988b: Neue Grabungen an der Zentralbasis des Artemision von Ephesos. — Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. Beiblatt 58.
- Bammer A. 1990: A *Peripteros* of the Geometric Period in the Arthemision of Ephesus. — AnS 40.
- Bammer A. 1991: Les sanctuaires des VIIIe et VIIe siècles à l'Artémision d'Éphèse. — Revue archéologique.
- Bammer A. 1991–1992: Multikulturelle Aspekte der frühen Kunst im Artemision von Ephesos. — Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. Beiblatt 61.
- Bammer A. 1992: Ivories from the Artemision at Ephesus. — In: Ivory in Greece and the Eastern Mediterranean from the Bronze Age to the Hellenistic Period. British Museum Occasional Papers 85.
- Bammer A. 1993: Die Geschichte des Sekos im Artemision von Ephesos. — Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. Beiblatt 62.
- Bammer A., Brein F., Wolff P. 1978: Das Tieropfer am Artemisaltar von Ephesos. — In: Studien zur Religion und Kultur Kleinasien. Festschr. für F. K. Dörner, Bd. I = Etudes préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain 66 (Leiden, New York, København, Köln).
- Bammer A., Muss U. 1996: Das Artemision von Ephesos. Das Weltwunder Ioniens in archaischer und klassischer Zeit (Mainz).
- Barbier J.-P. 1996: Art des steppes. Ornaments et pièces de mobilier funéraire scytho-sibérien dans les collections du Musée Barbier-Mueller (Genève).
- Barnett R. D. 1948: Early Greek and Oriental Ivories. — JHS 68.
- Barnett R. D. 1950: Excavations of the British Museum at Toprak Kale Near Van. — Iraq 12.
- Barnett R. D. 1962/1963: A Review of Acquisitions 1955–62 of Western Asiatic Antiquities (I). — BMQ 26.
- Barnett R. D. 1963: The Urartian Cemetery at Igdyr. — AnS 13.
- Barnett R. D. 1975: A Catalogue of the Nimrud Ivories with Other Examples of Ancient Near Eastern Ivories in the British Museum. 2. Ed. (London).
- Barnett R. D. 1976: Sculptures from the North Palace of Ashurbanipal at Nineveh (668–627 B.C.) (London).
- Barnett R. D., Curtis J. E. 1973: A Review of Acquisitions 1963–70 of Western Asiatic Antiquities. — BMQ 37.
- Barnett R. D., Falkner M. 1962: The Sculptures of Assurnasirpal II, Tiglath-pileser III and Esarhaddon from the Central and the South-West Palaces at Nimrud (London).

- Barnett R. D., Forman W. 1959: Assyrian Palace Reliefs and their Influence on the Sculptures of Babylonia and Persia (Prag).
- Barnett R. D., Gökce N. 1953: The Find of Urartian Bronzes at Altın Tepe, Near Erzincan. — AnS 3.
- Barnett R. D., Lorenzini A. 1975: Assyrische Skulpturen im British Museum. (Toronto)
- Barnett R. D., Watson W. 1952: Russian Excavations in Armenia. — Iraq 14.
- Bayern F. 1885: Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien. — Zeitschrift für Ethnologie. Suppl.
- Beazley J. D. 1947: Etruscan Vase-painting (Oxford).
- Becking B. 1992: The Fall of Samaria. An Historical and Archaeological Study (Leiden).
- Belck W. 1893: Archäologische Forschungen in Armenien. — Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 25.
- Belli O. 1976–1977: Van Bölge Müzesindeki Çivi Yazılı Urartu Tunç Eserleri. — Anadolu Araştırmaları 4–5.
- Belli O. 1983: Oynar Yanaklıklılı Urartu At Gemleri. — Anadolu Araştırmaları 9.
- Belli O. 1983a: Urartu Kralı Išpuini'ye Ait Çiviyazılı ve Resimli Tunç Eserler. — Anadolu Araştırmaları 9.
- Belli O. 1992: Beschriftete Bronzegegenstände des Königs Išpuini im Museum von Gaziantep. — In: Hittite and Other Anatolian and Near Eastern Studies in Honour of Sedat Alp (Ankara).
- Belli O. 1993: Der beschriftete Bronzehelm des Königs Menua aus der Festung Burmageçit bei Tunceli. — In: Aspects of Art and Iconography: Anatolia and its Neighbors. Studies in Honor of Nimet Özgüç (Ankara).
- Belli O., Yalçın Ü. 1993: Van-Yukarı Anzaf Urartu Kalesi'nde Bulunan Bronz ve Demir Silahların Arkeometallurjik İncelenmesi. — Arkeometri Sonuçları Toplantısı 9.
- Beran T. 1962: Ausgewählte Einzelfunde. — In: Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Boğazköy in den Jahren 1958 und 1959 = MDOG 93.
- Bernard P. 1965: Le décor sculpté d'un édifice de Xanthos. — Syria 42.
- Bernard P. 1976: A propos des bourettes de fourreaux achéménides. — RA, Nr. 2.
- Besenal R. 1982: Un mors achéménide en provenance du Gorgan. — Iran 20.
- Bittel K. 1975: Altkleinasiatische Pferdetransen. — IM 25.
- Blegen C. W. 1952: Two Athenian Grave Groups of about 900 B.C. — Hesperia 21.
- Blok J. H. 1995: The Early Amazons. Modern and Ancient Perspectives on a Persistent Myth = Religions in the Graeco-Roman World 120 (Leiden, New York, Köln).
- Boehmer R. M. 1965: Zur Datierung der Nekropole B von Tepe Sialk. — AA.
- Boehmer R. M. 1972: Die Kleinfunde von Boğazköy = Boğazköy – Hattuša 5 (Berlin).
- Borchhardt J. 1972: Homerische Helme. Helmformen der Ägäis in ihren Beziehungen zu orientalischen und europäischen Helmen in der Bronze- und frühen Eisenzeit (Mainz).
- Born H., Seidl U. 1995: Schutzwaffen aus Assyrien und Urartu. Sammlung Axel Guttman. Bd. IV (Mainz).
- Bossert H. Th. 1951: Altsyrien (Tübingen).
- Botta P. E., Flandin E. 1849: Monuments de Ninive. T. I–II (Paris. Repr. Osnabrück 1972).
- Bouzek J. 1971: Openwork 'Bird-cage' Bronzes. — In: The European Community in Later Prehistory. Studies in honour of C. F. C. Hawkes (London).
- Bouzek J. 1971a: Caucasus, Luristan and Greek Geometric Bronzes. — Les Annales Archéologiques Arabes syriennes 21.
- Bouzek J. 1974: Graeco-Macedonian Bronzes (Praha).
- Bouzek J. 1983: Les Cimmériens en Anatolie. — In: Modes de contacts et processus de transformation dans les sociétés anciennes = Collection de l'École Française de Rome 67 (Pise, Rome).
- Brein F. 1978: Geometrisch dekorierte Keramik aus Ephesos. — In: The Proceedings of the Xth International Congress of Classical Archaeology. Ankara, Izmir, 1973 (Ankara).
- Brentjes B. 1994: Ortband, Rolltier und Vielfraß. Beobachtungen zur »skythischen« Akinakes-Zier. — AMI 27.
- Buchholz H.-G. 1980/81: Kälbersymbolik. — Acta Praehistorica et Archaeologica 11/12.
- Budge E. A. W. 1914: Assyrian Sculptures in the British Museum. Reign of Ashur-nasir-pal, 885–860

- B.C. (London).
- Buhl M.-L. 1974: A Hundred Masterpieces from the Ancient Near East in the National Museum of Denmark and the History of its Ancient Near Eastern Collection (Copenhagen).
- Bukowski Z. 1976: Elementy wschodnie w kulturze Łużyckiej u schyłku epoki brązu (Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk).
- Burney C. A. 1966: A First Season of Excavations at the Urartian Citadel of Kayalıdere. — *AnS* 16.
- Bywanck A. W. 1936/37: Untersuchungen zur Chronologie der Funde in Italien aus dem VIII. und VII. vorchristlichen Jahrhundert. — *Mnemosyne*, 3. Ser. 4.
- Calmeyer P. 1964: Altiranische Bronzen der Sammlung Bröckelschen (Berlin).
- Calmeyer P. 1969: Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah (Berlin).
- Calmeyer P. 1971: Glocke. — In: *RIA* III.
- Calmeyer P. 1972-1975: Helm. — In: *RIA* IV.
- Calmeyer P. 1985: Zur Genese altiranischer Motive. IX. Die Verbreitung des westiranischen Zaumzeugs im Achämenidenreich. — *AMI* 18.
- Calmeyer P. 1986: Zu einem ziselierten Bronzehelm des 8. Jahrhunderts. — *AMI* 19.
- Calmeyer P. 1991: Helmets and Quivers. — In: *Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium B.C.E. The Catalogue of Exhibition* (Jerusalem).
- Carrière B., Barrois A. 1927: Fouilles de l'École archéologique française de Jérusalem, effectuées à Neirab du 24 septembre au 5 novembre 1926. — *Syria* 8.
- Chavane M.-J. 1990: La nécropole d'Amathonte. Tombes 110–385. IV. Les petits objets = *Etudes chypriotes* 12 (Nicosia).
- Chochorowski J. 1993: Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej (Kraków).
- Çilingiroğlu A. 1990: Van-Ayanis (Ağarti) Kalesi Kazıları. — *Kazı sonuçları toplantısı* 12, 1.
- Cleuziou S. 1977: Les pointes de flèches «scythiques» au Proche et Moyen-Orient. — In: *Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique* (Paris).
- Contenau G., Ghirshman R. 1935: Fouilles du Tépé-Giyan près de Néhavend, 1931 et 1932 = *Musée du Louvre. Département des antiquités orientales. Série archéologique* 3 (Paris).
- Cook R. M. 1981: Clazomenian Sarcophagi = *Kerameus* 3 (Mainz).
- Crouwel J. H. 1981: Chariots and Other Means of Land Transport in Bronze Age Greece = *Allard Pierson Series* 3 (Amsterdam).
- Curtis J. 1984: *Nush-i Jan. III. The Small Finds* (London).
- Dandamayev M. A. 1979: Data of the Babylonian Documents from the 6th to the 5th Centuries B.C. on the Sakas. — In: *Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia* (Budapest).
- Dandamayev M. A. 1992: *Iranians in Achaemenid Babylonia = Columbia Lectures on Iranian Studies* 6 (Costa Mesa, New York).
- De Morgan J. 1889: *Mission scientifique au Caucase. Études archéologiques et historiques. T. I. Les premiers âges des métaux dans l'Arménie russe* (Paris).
- De Morgan J. 1896: *Mission scientifique en Perse. Vol. IV* (Paris).
- De Schauensee M. 1989: Horse Gear from Hasanlu. — *Expedition* 31, Nr. 2–3.
- De Schauensee M., Dyson R. H. 1983: Hasanlu Horse Trapping and Assyrian Reliefs. — In: *Essays on Near Eastern Art and Archaeology in Honor of Charles Kyrle Wilkinson* (New York).
- De Waele E. 1982: *Bronzes du Luristan et d'Amlash. Ancienne collection Godard* (Louvain-la-Neuve).
- Decamps de Mertzfeld C. 1954: *Inventaire commenté des ivoires phéniciens et apparentés découverts dans le Proche-Orient* (Paris).
- Dehn W., Frey O.-H. 1962: Die absolute Chronologie der Hallstatt- und Frühlatènezeit Mitteleuropas auf Grund des Südimports. — In: *Atti del VI Congresso Internazionale delle scienze preistoriche e protostoriche. Roma 29 Agosto – 3 Settembre 1962. Vol. I* (Firenze).
- Detweiler A. H., Hanfmann G. M. A., Mitten D. G. 1967: Excavations at Sardis, 1965. — *Türk Arkeoloji Dergisi* 14, 1965 (1967).
- DeVries K. 1990: The Gordion Excavation Seasons of 1969–1973 and Subsequent Research. — *AJA* 94.
- Diakonoff I. M. 1981: The Cimmerians. — *Acta Iranica* 21.

- Dietz U. L. 1995: Pferdegeschirr der frühen Reiternomaden im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. — JRGZM 37, 1990 (1995).
- Dietz U. L. 1998: Spätbronze- und früheisenzeitliche Trensen im Nordschwarzmeergebiet und im Nordkavkasus = PBF XVI, 5 (Stuttgart).
- Dikaios P. 1963: A «Royal» Tomb at Salamis, Cyprus. — AA.
- Donder H. 1980: Zaumzeug in Griechenland und Cypern = PBF XVI, 3 (München).
- Doumet C. 1992: Sceaux et cylindres orientaux: la collection Chiha = OBO. Series archaeologica 9.
- Drack W. 1989: Die Schweiz zur Hallstattzeit. — In: La Civilisation de Hallstatt, bilan d'une rencontre, Liège 1987 = Etudes et recherches archéologiques de l'Université de Liège 36 (Liège).
- Dušek M. und S. 1984: Smolenice — Molpír. Befestigter Fürstensitz der Hallstattzeit = Materialia Archaeologica Slovaca VI (Nitra).
- Dyson R. H. 1960: Hasanlu and Early Iran. — Archaeology 13.
- Dyson R. H. 1961: Excavating the Mannaeen Citadel of Hasanlu, and New Light on Several Millennia of Persian Azerbaijan. — Illustrated London News, 30.9.
- Dyson R. H. 1964: In the City of the Golden Bowl: New Excavations at Hasanlu, in Persian Azerbaijan. — Illustrated London News, 12.9.
- Dyson R. H. 1965: Problems of Protohistoric Iran as Seen from Hasanlu. — JNES 24.
- Dyson R. H., Muscarella O. W. 1989: Constructing the Chronology and Historical Implications of Hasanlu IV. — Iran 27.
- Ebert M. 1921: Südrußland im Altertum (Bonn, Leipzig).
- Edwards G. R. 1959: The Gordion Campaign of 1958: Preliminary Report. — AJA 63.
- Eichler S. 1984: Götter, Genien und Mischwesen in der urartäischen Kunst = AMI, Ergbd. 12 (Berlin).
- Elayi J. 1991: Deux «ateliers» de coroplastes nord-phéniciens et nord-syriens sous l'Empire perse. — IA 26.
- Erzen A. 1978: Çavuştepe. 1 (Ankara).
- Esayan S. A. 1984: Gürtelbleche der älteren Eisenzeit in Armenien. — BAVA 6.
- Esayan S. A. 1990: Schutzwaffen aus Armenien. — BAVA 9–10.
- Falk H. 1994: Das Reitpferd im Vedischen Indien. — In: Die Indogermanen und das Pferd. Festschr. B. Schlerath = Archaeolingua 4 (Budapest).
- Foltiny S. 1961: Athens and the East Hallstatt Region: Cultural Interrelations at the Dawn of the Iron Age. — AJA 65.
- Frankel D. 1979: The Ancient Kingdom of Urartu (London).
- Fridman A. 1969: Sargon II or Tiglath-Pileser III? — Revue Assyriologique 63.
- Gabrovec S. 1966: Zur Hallstattzeit in Slowenien. — Germania 44.
- Gabrovec S. 1975: Začetek halštatskega obdobja v Slovenii. — Arheološki Vestnik 24, 1973 (1975).
- Gadd C. J. 1936: The Stones of Assyria. The Surviving Remains of Assyrian Sculpture, their Recovery and their Original Position (London).
- Gadd C. J. 1952: Bronzes from the Raphael Bequest. — BMQ 17.
- Galanina L. K. 1985: Frühskythische Zaumzeug-Garnituren. — AMI 18.
- Galanina L. K. 1997: Die Kurgane von Kelermes. »Königsgräber« der frühskythischen Zeit = Steppenvölker Eurasiens I (Moskau).
- Gallus S., Horváth T. 1939: Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. Trouvailles archéologiques du premier âge du fer et leurs relations avec l'Eurasie = Dissertationes Pannonicae, Ser. II, 9 (Budapest).
- Ghirshman R. 1939: Fouilles de Sialk près de Kashan, 1933, 1934, 1937. Vol. II (Paris).
- Ghirshman R. 1964: Persia from the Origin to Alexander the Great (London).
- Ghirshman R. 1964a: Iran. Protoiranien, Meder, Achämeniden (München).
- Ghirshman R. 1966: Notes iraniennes XV: Deux bronzes des rois d'Urartu. — Artibus Asiae 28.
- Ghirshman R. 1977: La passe- bride en défense de sanglier chez les peuples iraniens. — AAHung 20.
- Ghirshman R. 1979: Tombe princière de Ziwiyé et le début de l'art animalier scythe (Paris).
- Ghirshman R. 1983: Les Cimmériens et leurs Amazons. Le manuscrit publié par T. de Sonnevill-David et T. Ghirshman (Paris).

- Gjerstad E. 1948: The Cypro-Geometric, Cypro-Achaic and Cypro-Classical Periods = The Swedish Cyprus Expedition. Vol. IV, 2 (Stockholm).
- Godard A. 1950: Le Trésor de Ziwiyé (Kurdistan) (Haarlem).
- Goff C. 1969: Excavations at Bābā Jan, 1967: Second Preliminary Report. — Iran 7.
- Goff C. 1978: Excavations at Baba Jan: the Pottery and Metal from Levels III and II. — Iran 16.
- Goldman H. 1950: Excavations at Gözlü Kule, Tarsus. Vol. I. The Hellenistic and Roman Periods (Princeton).
- Goldman H. 1963: Excavations at Gözlü Kule, Tarsus. Vol. III. The Iron Age (Princeton)
- Graef B., Langlotz E. 1925: Die antiken Vasen von der Akropolis zu Athen. Bd. I. (Berlin).
- Grayson A. K. 1975: Assyrian and Babylonian Chronicles = Texts from Cuneiform Sources 5 (Locust Valley).
- Greenwalt C. H. 1973: The Fifteenth Campaign at Sardis (1972). — BASOR 211.
- Greenwalt C. H., Cahill N. D., Dedeoğlu H., Herrmann P. 1990: The Sardis Campaign of 1986. Preliminary Reports of ASOR-sponsored Excavations 1983–87. — BASOR, Suppl. 26.
- Grjaznov M. P. 1984: Der Großkurgan von Aržan in Tuva, Südsibirien = Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 23 (München).
- Gropp G. 1981: Ein Pferdegeschirr und Streitwagen aus Urartu. — IA 16.
- Gröschel S.-G. 1986: Der Goldene Helm der Athena (Ilias V, 743/44). — AMI 19.
- Gutschmid, von A. 1894: Die beiden ersten Bücher des Pompejus Trogus. — In: Kleine Schriften. Bd. V (Leipzig).
- Hall H. R. 1928: Babylonian and Assyrian Sculpture in the British Museum (Paris, Brussels).
- Hall H. R. 1931: The Oldest Representation of Horsemanship? An Egyptian Axe in the British Museum. — AAA 18.
- Haller A., Andrae W. 1955: Die Heiligtümer des Gottes Assur und der Sin-Šamaš-Tempel in Assur = Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft 67 (Berlin).
- Hanfmann G. M. A. 1961: A Third Campaign at Sardis (1960). — BASOR 162.
- Hanfmann G. M. A. 1962: The Fourth Campaign at Sardis (1961). — BASOR 166.
- Hanfmann G. M. A. 1964: The Sixth Campaign at Sardis (1963). — BASOR 174.
- Hanfmann G. M. A. 1967: The Ninth Campaign at Sardis (1966). — BASOR 186.
- Hanfmann G. M. A. 1972: Letters from Sardis (Cambridge Mass.).
- Hanfmann G. M. A., Detweiler A. H. 1964: Excavations at Sardis in 1962 = Türk Arkeoloji Dergisi 12, 1962 (1964).
- Hanfmann G. M. A., Detweiler A. H. 1966: Sardis through the Ages. — Archaeology 19.
- Hanfmann G. M. A., Mierse W. E., Foss L. A. u. a. 1983: Sardis from Prehistoric to Roman Times. Results of the Archaeological Exploration of Sardis 1958–1975 (Cambridge Mass., London).
- Hanfmann G. M. A., Swift G. F. 1966: The Eighth Campaign at Sardis (1965). — BASOR 182.
- Hanfmann G. M. A., Waldbaum J. C. 1970: The Eleventh and Twelfth Campaigns at Sardis (1968, 1969). — BASOR 199.
- Hansen D. P. 1962: An Archaic Bronze Boar from Sardis. — BASOR 168.
- Haspels C. H. E. 1951: La cité de Midas. Céramique et trouvailles diverses = Phrygie. Exploration archéologique faite et publiée sous la direction de M. Albert Gabriel. T. III (Paris).
- Hauptmann H. 1972: Die Grabungen auf dem Norşun-Tepe, 1970. — In: Keban Projesi. 1970 Çalışmaları (Keban Project. 1970 Activities). Keban Project Publications, Ser. I, Nr. 3 (Ankara).
- Hauptmann H. 1976: Die Grabungen auf dem Norşun-Tepe, 1972. — In: Keban Projesi. 1972 Çalışmaları (Keban Project. 1972 Activities). Keban Project Publications, Ser. I, Nr. 5 (Ankara).
- Hauptmann H. 1983: Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien. — In: Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Festschr. Kurt Bittel. Bd. I (Mainz).
- Häusler A. 1981: Zur ältesten Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischen Raum. — Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift 22.
- Häusler A. 1984: Neue Belege zur Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischen Raum. — Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift 25.
- Häusler A. 1994: Archäologische Zeugnisse für Pferd und Wagen in Ost- und Mitteleuropa. — In: Die Indogermanen und das Pferd. Festschr. B. Schlerath = Archaeolingua 4

- (Budapest).
 Die Kunst des zweiten Jahrtausends in Vorderasien. — AMI 8.
 Die Kunst des zweiten Jahrtausends in Vorderasien. II. — AMI 9.
 Iran in the Ancient East (London, New York).
 Hallstatt. The Ramsauer Graves: Quantification and Analysis = Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Monographien 16 (Bonn).
 The Archaic Artemisium. Excavations of Ephesus (London).
 Die Ausgrabungen beim Athena-Tempel in Milet 1957. Das Abschnitt östlich des Athena-Tempels. — IM 9/10.
 Die Kulturgeschichte des assyrischen Flachbilde = Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 2 (Bonn).
 Exkurs zu den Rollsiegeln aus Artik und Arčadzor. — BAVA. 5.
 Altorientalische Kultur im Bilde (Leipzig).
 Zur westlichen Komponente des chinesischen Pferd-Wagen-Komplexes der Shang- und frühen Chou-Zeit. — BAVA 1.
 Bronzezeitliche Trensen in Mittel- und Osteuropa = PBF XVI, 2 (München).
 Riemenbesatz vom Typ Aržan: Eine »kimmerische« Leitform. — BAVA 3.
 Homer's Amazons. — La Parola del Passato 15.
 Les Cimmériens au Proche-Orient = OBO 127 (Fribourg Suisse, Göttingen).
 The Scythian 'Rule Over Asia': the Classical Tradition and the Historical Reality. — In: Ancient Greeks West and East. Ed. G. R. Tsetschkladze (Leiden).
 Am Vorabend der Kolonisation. Das nördliche Schwarzmeergebiet und die eurasischen Nomaden des 8.–7. Jhs v. Chr. in der griechischen Literaturtradition (Moskau)
 The Date of the Ephesian Foundation-Deposit. — JHS 71.
 Jahresbericht des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Forschungsinstitut für Vor- und Frühgeschichte, 1983. — JRGZM 31.
 Ägyptische und orientalische Bronzen aus dem Heraion von Samos = Samos 8 (Bonn).
 Die zentralasiatische Entstehung des Tierstils. — BAVA 1.
 Chronique des fouilles et découvertes archéologiques à Chypre en 1962. — BCH 87.
 Une tombe de guerrier à Palaepaphos. — BCH 87.
 Chronique des fouilles et découvertes archéologiques à Chypre en 1964. — BCH 89.
 Horse Burials on the Island of Cyprus. — Archaeology 18.
 Chronique des fouilles et découvertes archéologiques à Chypre en 1965. — BCH 90.
 Excavations in the Necropolis of Salamis. I = Salamis 3 (Nicosia).
 Nouvelles tombes de guerriers à Palaepaphos. — BCH 91.
 Excavations in the Necropolis of Salamis. III = Salamis 5 (Nicosia).
 Salamis. Die zyprische Metropole des Altertums. 2. Aufl. (Regensburg).
 Aus den Schatzkammern Eurasiens. Meisterwerke antiker Kunst. Kunsthaus Zürich, Katalog (Zürich).
 Urartu. Ein wiederentdeckter Rivale Assyriens. Katalog der Ausstellung (München).
 Eisen in Urartu. — In: Akten des VII. Internationalen Kongresses für Iranische Kunst und Archäologie (München 7.–10. September 1976) = AMI, Ergbd. 6 (Berlin).
 Bemerkungen zu den Helmen in Urartu. — Anadolu Araştırmaları 8, 1980 (1982).
 Datierungsfragen zu Urartu. — In: Skythika = Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse N.F. 98 (München).
 Gürtelbleche aus Urartu = PBF XII, 3 (Stuttgart).
 Grouping and Dating of Bronze Belts. — In: Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium B.C.E. The Catalogue of Exhibition (Jerusalem).

- Kellner H.-J. 1991b: Votive Plaques. — In: Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium B.C.E. The Catalogue of Exhibition (Jerusalem).
- Kellner H.-J. 1993: Ein assyrischer Beutehelm? — In: Aspects of Art and Iconography: Anatolia and its Neighbors. Studies in Honor of Nimet Özgüç (Ankara).
- Kemenczei T. 1981: Ostungarn in der Zeit der Frühhallstattkultur. — In: Die Hallstattkultur. Bericht über das Symposium in Steyr 1980 aus Anlaß der Internationalen Ausstellung des Landes Oberösterreich (Steyr).
- Kemenczei T. 1981a: A prügyi koravaskori kincslet. — *Communicationes Archaeologicae Hungariae* 1.
- Kemenczei T. 1984: Die Spätbronzezeit Nordostungarns. — *Archaeologia Ungarica* 51 (Budapest).
- Kemenczei T. 1991: Die Schwerter in Ungarn. II (Vollgriffschwerter) = PBF IV, 9 (Stuttgart).
- Kenyon K. M. 1957: Israelite Pottery. Stratified Groups. — In: J. W. Crowfoot, G. M. Crowfoot, K. M. Kenyon, The Objects from Samaria = Samaria-Sebaste. Reports of the Work of the Joint Expedition in 1931–1933 and of the British Expedition in 1935 3 (London).
- Kenyon K. M. 1957a: Miscellaneous Objects in Metal, Bone and Stone. — In: J. W. Crowfoot, G. M. Crowfoot, K. M. Kenyon, The Objects from Samaria = Samaria-Sebaste. Reports of the Work of the Joint Expedition in 1931–1933 and of the British Expedition in 1935 3 (London).
- King L. W. 1915: Bronze Reliefs from the Gates of Shalmaneser, King of Assyria 860–825 B.C. (London).
- Kirchner E. 1987: Zum Bildprogramm Klazomenischer Sarkophage. — *JDAI* 102.
- Kleiner G., Hommel P., Müller-Wiener W. 1967: Panionion und Melie = *JDAI*, Ergb. 23.
- Kohler E. L. 1964: Phrygian Animal Style and Nomadic Art. — In: Dark Ages and Nomads c. 1000 B.C. Studies in Iranian and Anatolian Archaeology = *Uitgaven van het Nederlands Historisch-archaeologisch Instituut Istanbul* 18 (Istanbul).
- Koridse I. 1995: Der Kurgan 4 von Berikldeebi. — In: *Unterwegs zum Goldenen Vlies. Archäologische Funde aus Georgien*. Herg. von A. Miron und W. Orthmann (Saarbrücken).
- Kossack G. 1959: Südbayern während der Hallstattzeit = *Römisch-Germanische Forschungen* 24 (Berlin).
- Kossack G. 1970: Gräberfelder der Hallstattzeit an Main und Fränkischer Saale = *Materialhefte zur Bayerischen Vorgeschichte* 24 (Kallmünz).
- Kossack G. 1980: »Kimmerische« Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa. — *Situla. Razprave Narodnega Muzeja v Ljubljani* 20/21.
- Kossack G. 1983: Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus. — *BAVA* 5.
- Kossack G. 1986: Zaumzeug aus Kelermes. — In: *Hallstatt Kolloquium Veszprém 1984 = Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften*, Beiheft 3 (Budapest).
- Kossack G. 1987: Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. — In: *Skythika = Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse N.F.* 98 (München).
- Kossack G. 1989: Fremdlinge in Fars. — *AMI* 20, 1987 (1989).
- Kossack G. 1994: Neufunde aus dem Novočerkassker Formenkreis und ihre Bedeutung für die Geschichte steppenbezogener Reitervölker der späten Bronzezeit. — *Il mar Nero* 1.
- Kroll S. 1976: Keramik urartäischer Festungen in Iran. — *AMI*, Ergbd. 2.
- Kroll S. 1979: Die Kleinfunde. — In: *Bastam. I. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1972–1975 = Teheraner Forschungen* 4 (Berlin).
- Kroll S. 1984: Urartus Untergang in anderer Sicht. — *IM* 34.
- Kroll S. 1988: Die Kleinfunde. — In: *Bastam. II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977–1978 = Teheraner Forschungen* 5 (Berlin).
- Kunze E. 1931: Kretische Bronzereliefs (Stuttgart).
- Kupper J.-R. 1953: Archives royales de Mari. Vol. VI. Lettres = *Textes cunéiformes du Musée du*

- Louvre 27 (Paris).
- Kupper J.-R. 1954: Correspondance de Baḫdi-Lim. Archives royales du Mari (traductions). Vol. VI (Paris).
- Kupper J.-R. 1957: Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari = Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège 142 (Paris).
- Kupper J.-R. 1989: Mari. A. Philologisch. — In: RIA VII, Lfg. 5/6.
- Layard A.H. 1849: Nineveh and its Remains. Vol. II (London).
- Leclant J. 1960: Astarté à cheval d'après les représentations égyptiennes. — Syria 37.
- Leskov A. M. 1990: Grabschätze der Adygeen. Neue Entdeckungen im Nordkaukasus (München).
- Littauer M. A., Crouwel J. H. 1979: Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East = Handbuch der Orientalistik. 7. Abteilung. Kunst und Archäologie. 1. Band. Der alte Vordere Orient. 2. Abschnitt. Die Denkmäler. B. Vorderasien. Lfg. 1 (Leiden, Köln).
- Luschan, von F. 1902: Ausgrabungen in Sendschirli. III. Thorskulpturen = Mitteilungen aus den Orientalischen Sammlungen 13 (Berlin).
- Luschan, von F., Andrae W. 1943: Ausgrabungen in Sendschirli. V. Die Kleinfunde von Sendschirli = Mitteilungen aus den orientalischen Sammlungen 15 (Berlin).
- Maaß M. 1987: Helme, Zubehör von Wagen und Pferdegeschirr aus Urartu. — AMI 20.
- Macalister R. A. S. 1912: The Excavation of Gezer, 1902–1905 and 1907–1909. Vol. II–III (London).
- Madhloom T. A. 1970: The Chronology of Neo-Assyrian Art (London).
- Maleki Y. 1964: Une fouille en Luristan. — IA 4.
- Mallowan M., Davies L. G. 1970: Ivories in Assyrian Style. Commentary, Catalogue and Plates = Ivories from Nimrud (1949–1963) 2 (London).
- Matthews D. M. 1990: Principles of Composition in Near Eastern Glyptic of the Later Second Millennium B.C. = OBO. Series Archaeologica 8.
- Maxwell-Hyslop K. R. 1971: Western Asiatic Jewellery, c. 3000–612 B.C. (London).
- Mayer W. 1980: Sargons Feldzug gegen Urartu — 714 v. Chr. Eine militärhistorische Würdigung. — MDOG 112.
- McClellan J. A. 1975: The Iron Objects from Gordion. A Typological and Functional Analysis. Ph.D. Diss. (Pennsylvania).
- Meade C. G. 1968: Luristan in the First Half of the First Millennium B.C. — Iran 6.
- Medvedskaya I. 1988: Who Destroyed Hasanlu IV? — Iran 26.
- Medvedskaya I. 1991: Once more on the Destruction of Hasanlu IV: Problems of Dating. — IA 26.
- Mellink M. J. 1966: Archaeology in Asia Minor. — AJA 70.
- Mercer R. J. 1970: Metal Arrow-heads in the European Bronze and Early Iron Ages. — PPS 36.
- Merhav R. 1991: Pairing and Grouping of Chariot and Horse Gear. — In: Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium B.C.E. The Catalogue of Exhibition (Jerusalem).
- Meščaninov J., Weidner E. F. 1931/1932: Votivperle mit assyrischer Königs-Inschrift aus Transkaukasien. — AfO 7.
- Metdepenninghen C. 1997: La relation entre l'art urartéen au temps du roi Rusa II et les épées-*akinakes* de Kelemès et de Melgounov. — IA 32.
- Meuszyński J. 1975: The Throne-Room of Aššur-našur-apli II (Room B in the North-West Palace at Nimrud). — ZA 64.
- Meuszyński J. 1981: Die Rekonstruktion der Reliefdarstellungen und ihrer Anordnung im Nordwestpalast von Kalḫu (Nimrūd) = Baghdader Forschungen 2 (Mainz).
- Minns E. H. 1913: Scythians and Greeks (New York).
- Mitten D. G. 1966: A New Look at Ancient Sardis. — Biblical Archaeologist 29, Nr. 2.
- Mitten D. G. 1968: Excavations at Sardis 1968. — Türk Arkeoloji Dergisi 17.
- Möbius H. 1938: Kaukasische Glocken in Samos. — Marburger Studien (Darmstadt).
- Moorey P. R. S. 1971: Catalogue of the Ancient Persian Bronzes in the Ashmolean Museum (Oxford).
- Moorey P. R. S. 1971a: Towards a Chronology for the «Luristan Bronzes». — Iran 9.
- Moorey P. R. S. 1975: Ancient Iran (Oxford).
- Moorey P. R. S. 1980: Cemeteries of the First Millennium B.C. at Deve Hüyük, near Carchemish, Salvaged by T. E. Lawrence and C. L. Wooley in 1913 = BAR Internat. Ser. 87 (Oxford).
- Moorey P. R. S. 1982: Archaeology and Pre-Achaemenid Metalworking in Iran: A Fifteen Year

- Moortgat A. 1966: Retrospective. — Iran 20.
Vorderasiatische Rollsiegel. Ein Beitrag zur Geschichte der Steinschneidekunst. 2. Aufl. (Berlin).
- Moortgat A. 1967: Die Kunst des Alten Mesopotamien (Köln).
- Müller-Karpe H. 1959: Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen = Römisch-Germanische Forschungen 22 (Berlin).
- Müller-Karpe H. 1962: Die Metallbeigaben der früheisenzeitlichen Kerameikos-Gräber. — JDAI 77.
- Müller-Karpe V. 1995: Atlı Göçebelenden Kalma Anadolu'daki Kovanlı Savaş Kazmaları. — In: In memoriam İ. Metin Akyurt Bahattin Devam Anı Kitabı (İstanbul).
- Murray A. S. 1898: Terracotta Sarcophagi Greek and Etruscan in the British Museum (London).
- Muscarella O. W. 1965: A Fibula from Hasanlu. — AJA 69.
- Muscarella O. W. 1973: Excavations at Agrab Tepe, Iran. — Metropolitan Museum Journal 8.
- Muscarella O. W. 1974: The Iron Age at Dinkha Tepe, Iran. — Metropolitan Museum Journal 9.
- Muscarella O. W. 1975: Rez.: Moorey P. R. S. Ancient Persian Bronzes in the Adam Collection (London 1974). — Archaeology 28.
- Muscarella O. W. 1978: Urartian Bells and Samos. — The Journal of the Ancient Near Eastern Society of Columbia University 10.
- Muscarella O. W. 1980: The Catalogue of Ivories from Hasanlu, Iran = University Museum Monograph 40. Hasanlu Special Studies 2 (Philadelphia).
- Muscarella O. W. 1984: Fibulae and Chronology, Marlik and Assur. — Journal of Field Archaeology 11.
- Muscarella O. W. 1988: Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art (New York).
- Muscarella O. W. 1989: Warfare at Hasanlu in the Late 9th Century B.C. — Expedition 31, Nr. 2-3.
- Nagel W. 1959–1960: Ein urartäischer Helm aus dem Argisti-Magazin. — AfO 19.
- Nagel W. 1963: Altorientalisches Kunsthandwerk = Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte 5 (Berlin).
- Nagel W. 1967: Die neuassyrischen Reliefstile unter Sanherib und Assurbanaplū = Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte 11 (Berlin).
- Nagel W., Strommenger E. 1985: Kalakent. Früheisenzeitliche Grabfunde aus dem transkaukasischen Gebiet von Kirovabad / Jelisavetopol = Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte N.F. 4 (Berlin).
- Negahban E. O. 1965: Notes on Some Objects from Marlik. — JNES 24.
- Negahban E. O. 1977: A Preliminary Report on Marlik Excavation. 2. Aufl. (Tehran)
- Negahban E. O. 1977a: The Seals of Marlik Tepe. — JNES 36.
- Negahban E. O. 1983: Metal Vessels from Marlik = PBF II, 3 (München).
- Negahban E. O. 1996: Marlik. The Complete Excavation Report. Vol. I, II (Philadelphia).
- Nicholls R. V. 1958/1959: Old Smyrna: The Iron Age Fortifications and Associated Remains on the City Perimeter. — BSA 53/54.
- Nioradze G. 1932: Der Verwahrfund von Kvemo-Sasirethi (Georgien, Rayon Kaspi). — ESA 7.
- Nunn A. 1988: Die Wandmalerei und der glasierte Wandschmuck im Alten Orient = Handbuch der Orientalistik. 7. Abteilung. Kunst und Archäologie. Bd. I. Der Alte Vordere Orient. 2. Abschnitt. Die Denkmäler. B. Vorderasien. Lfg. 6 (Leiden, New York, København, Köln).
- Oates D. 1963: The Excavations at Nimrud (Kalḫu), 1962. — Iraq 25.
- Öğün B. 1978: Die urartäischen Bestattungsbräuche. — In: Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens. Festschr. F. K. Dörner. Bd. I (Leiden).
- Öğün B. 1978a: Die urartäischen Gräber in der Gegend von Adilceviz und Patnos. — In: The Proceedings of the Xth International Congress of Classical Archaeology. Ankara, Izmir, 23–30 / IX / 1973. Vol. I (Ankara).
- Öğün B. 1979: Urartäische Fibeln. — In: Akten des VII. Internationalen Kongresses für Iranische Kunst und Archäologie, München, 7.–10. September 1976 = AMI, Ergbd. 6 (Berlin).
- Ökse A. T. 1994: Bronzene Pfeilspitzen des skythischen Typus aus Sivas. — Arkeoloji ve Sanat 16.
- Omura S. 1991: 1990 Yılı Kaman-Kalehöyük Kazıları. — Kazı Sonuçları Toplantısı 13/1.
- Oppenheim, von M. F. 1955: Tell Halaf. Bd. III. Die Bildwerke (Berlin).

- Orlandini P. 1956: Piccoli bronzi raffiguranti animali rinvenuti a Gela e Butera. — *Archeologia Classica* 8.
- Otto H. 1941: Achämenidische Kleinkunst in Anatolien. — *Antike* 17.
- Overlaet B. J. 1979: Pointed Helmets of the Iron Age from Iran. — *IA* 14.
- Özgen E. 1979: The Urartian Bronze Collection at the University Museum: the Urartian Armor. University of Pennsylvania, Ph.D. (Ann Arbor).
- Özgen E. 1983: The Urartian Chariot Reconsidered. I. Representational Evidence, 9th – 7th Centuries B.C. — *Anatolica* 10.
- Özgen E. 1984: The Urartian Chariot Reconsidered. II. Archaeological Evidence, 9th – 7th Centuries B.C. — *Anatolica* 11.
- Özgüç T. 1961: Excavations at Altuntepe. — *Türk Tarih Kurumu. Belleten* 98.
- Özgüç T. 1969: Altuntepe. II. Mezarlar, Depo Binası ve Fildişi Eserler (Tombs, Storehouse and Ivories) = *Türk Tarih Kurumu Yayınlarından, V. Seri, Nr. 27* (Ankara).
- Özgüç T. 1982: Maşat Höyük. II. A Hittite Center Northeast of Boğazköy (Ankara).
- Özgüç T. 1989: Horsebits from Altuntepe. — In: *Archeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe* (Gent).
- Pare C. F. E. 1992: Wagons and Wagon-Graves of the Early Iron Age in Central Europe (Oxford).
- Parker B. 1955: Excavations at Nimrud, 1949–1953. Seals and Seal Impressions. — *Iraq* 17.
- Parker B. 1977: Middle Assyrian Seal Impressions from Tell al Rimah. — *Iraq* 39.
- Parrot A. 1969: Assur (Paris).
- Parzinger H. 1988: Chronologie der Späthallstatt- und Frühlatène-Zeit. Studien zu Fundgruppen zwischen Mosel und Save. — *Quellen und Forschungen zur prähistorischen und provinzialrömischen Archäologie* 4 (Weinheim).
- Parzinger H. 1993: Vetttersfelde — Mundolsheim — Apres-lès-Corps. Gedanken zu einem skythischen Fund im Lichte vergleichender Archäologie. — In: *Kulturen zwischen Ost und West. Das Ost-West-Verhältnis in vor- und frühgeschichtlicher Zeit und sein Einfluß auf Werden und Wandel des Kulturraums Mitteleuropa*. Georg Kossack zum 70. Geburtstag (Berlin).
- Parzinger H., Stegmann-Rajtár S. 1988: Smolenice-Molpír und der Beginn skythischer Sachkultur in der Südwestslowakei. — *PZ* 63.
- Paterson A. 1915: Assyrian Sculptures. Palace of Sinacherib (The Hague).
- Petrescu-Dîmbovița, M. 1978: Die Sicheln in Rumänien, mit Corpus der jung- und spätbronzezeitlichen Horte Rumäniens = *PBF XVIII, 1* (München).
- Pézard M. 1922: Mission archéologique à Tell Nebi Mend (1921). Rapport sommaire. — *Syria* 3.
- Piggott S. 1968: The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence. — *PPS* 34.
- Piggott S. 1974: Chariots in the Caucasus and in China. — *Antiquity* 48.
- Piggott S. 1983: The Earliest Wheeled Transport. From the Atlantic Coast to the Caspian Sea (o. O.).
- Piggott V. C. 1989: The Emergence of Iron Use at Hasanlu. — *Expedition* 31, Nr. 2–3.
- Piotrovskii B. B. 1967: Urartu. The Kingdom of Van and its Art (London).
- Piotrovsky B. B. 1969: Urartu (Genf).
- Pittioni R. 1954: Urgeschichte des österreichischen Raumes (Wien).
- Pizchelaury K. 1984: Jungbronzezeitliche bis ältereisenzeitliche Heiligtümer in Ost-Georgien = *Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie* 12 (München).
- Podborsky W. 1970: Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle der Eisenzeit (Brno).
- Porada E. 1948: Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collections. Vol. I. The Collection of the Pierpont Morgan Library (Washington).
- Porada E. 1970: Tchoga Zanbil (Dur-Untash). Vol. IV. La glyptique = *Mémoires de la délégation archéologique en Iran* 42. Mission de Susiane (Paris).
- Potratz H. A. 1941–1942: Die luristanischen Pferdegebisse. — *PZ* 22/23.
- Potratz H. A. 1941–1944: Die Pferdegebisse des zwischenstromländischen Raumes. — *AfO* 14.
- Potratz H. A. 1966: Die Pferdetrensen des Alten Orients = *Analecta Orientalia* 41 (Rome).
- Rad M., Hakemi A. 1950: The Description and Results of the Scientific Excavations of Hasanlu, 'Solduz'. — *Guzārish-yi bāstān shinās* 1, in persischer Sprache.
- Rehm E. 1997: Kykladen und Alter Orient. Bestandskatalog des Badischen Landesmuseums

- Richlý, H. 1894: Karlsruhe (Karlsruhe).
Die Bronzezeit in Böhmen (Wien).
- Robinson E. S. G. 1951: The Coins from the Ephesian Artemision Reconsidered. — JHS 71.
- Robinson E. S. G. 1956: The Date of the Earliest Coins. — The Numismatic Chronicle 16.
- Rösler E. 1894: Archäologische Tätigkeit im Jahre 1893 in Transkaukasien. — Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 26.
- Rostovtzeff M. 1935: Dura and the Problem of Parthian Art. — Yale Classical Studies 5.
- Rostovtzeff M. 1943: The Parthian Shot. — AJA 47.
- Russell J. M. 1991: Sennacherib's Palace without Rival at Nineveh (Chicago, London).
- Salvatori S. 1976: Notes on the Chronology of Some Urartian Artifacts. — East and West, N.S. 26.
- Samadi H. 1959: Les découvertes fortuites. Klardasht, Garmabak, Emam et Tomadjan (Mazandéran et Guilan) (Teheran).
- Samadi H. 1959a: Les découvertes fortuites. — Arts Asiatiques 6.
- Schaeffer C. F. A. 1948: Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale (IIIe et IIe millénaires) (Oxford).
- Schaeffer J. S. S. 1997: The Corinthian Pottery. — In: Schaeffer J. S. S., Ramage N. H., Greenewalt C. H. The Corinthian, Attic, and Lakonian Pottery from Sardis = Archaeological Exploration of Sardis, Monograph 10 (Cambridge Mass., London).
- Schefold K. 1967: Die Griechen und ihre Nachbarn = Propyläen. Kunstgeschichte I (Berlin).
- Schiltz V. 1994: Die Skythen und andere Steppenvölker. 8. Jahrhundert v. Chr. bis 1. Jahrhundert n. Chr. (München).
- Schirmer W. 1969: Die Bebauung am unteren Büyükkale-Nord-Westhang in Boğazköy. Ergebnisse der Untersuchungen der Grabungskampagnen 1960–1963 = Boğazköy – Hattuša VI (Berlin).
- Schmidt E. F. 1932: The Alishar Hüyük. Seasons of 1928 and 1929. Part I = The University of Chicago, Oriental Institute Publications 19. Researches in Anatolia 4 (Chicago).
- Schmidt E. F. 1939: The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians (Chicago).
- Schmidt E. F. 1957: Persepolis. II. Contents of the Treasury and Other Discoveries (Chicago).
- Schmidt E. F., Krogman W. M. 1933: The Alishar Hüyük. Seasons of 1928 and 1929. Part II = The University of Chicago, Oriental Institute Publications 20. Researches in Anatolia 5 (Chicago).
- Schüle W. 1969: Die Meseta-Kulturen der Iberischen Halbinsel. Mediterrane und eurasische Elemente in früheisenzeitlichen Kulturen Südwesteuropas = Madrider Forschungen 3 (Berlin).
- Schulman A. R. 1957: Egyptian Representation of Horseman and Riding in the New Kingdom. — JNES 16.
- Seidl U. 1979: Die Siegelbilder. — In: Bastam. I. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1972–1975 = Teheraner Forschungen 4 (Berlin).
- Seidl U. 1985: Ein assyrisches Eimerchen. — AMI 18.
- Seidl U. 1986: Ein Pferde-Pektorale. — In: Insight Through Images. Studies in Honor of Edith Porada = Bibliotheca Mesopotamica 21 (Malibu).
- Seidl U. 1988: Die Siegelbilder. — In: Bastam. II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977–1978 = Teheraner Forschungen 5 (Berlin).
- Seidl U. 1989: Die babylonischen Kudurru-Reliefs. Symbole mesopotamischer Gottheiten. 2. Aufl. = OBO 87.
- Seidl U. 1991: Horse Trapping. — In: Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium B.C.E. The Catalogue of Exhibition (Jerusalem).
- Smith S. 1938: Assyrian Sculptures in the British Museum. From Shalmaneser III to Sennacherib (London).
- Šolle M. 1950: Halštatský hromadný nález z Ratají nad Sázavou. — Památky 48, 1947/48 (1950).
- Sorokin S. 1990: Horse-Drawn Vehicles of the Eurasian Forest-Steppe in Pre-«Centaurian» Times. — IA 25.
- Sprockhoff E. 1954: Nordische Bronzezeit und frühes Griechentum. — JRGZM 1.
- Stronach D. B. 1958: Metal Objects from the 1957 Excavations at Nimrud. — Iraq 20.

- Stronach D. B. 1959: The Development of the Fibula in the Near East. — Iraq 21.
- Stucky R. 1976: Achämenidische Ortbänder. — AA.
- Stucky R. 1985: Anatolisch-iranisches Zaumzeug in Ost und West. — AMI 18.
- Stucky R. 1987: Kleinplastiken. Nachträge zu AMI 18, 1985, 119 ff und AntK 28, 1985, 7 ff. — AMI 20.
- Sulimirski T. 1954: Scythian Antiquities in Western Asia. — Artibus Asiae 17.
- Sulimirski T. 1960: The Cimmerian Problem. — Bull. Inst. Arch. (London) 2.
- Sulimirski T. 1970: Prehistoric Russia. An Outline (London, New York).
- Tadmor H. 1958: The Campaigns of Sargon II of Assur: A Chronological and Historical Study. — Journal of Cuneiform Studies 12.
- Tallgren A. M. 1926: La Pontide préscythique. — ESA 2.
- Tarhan M. T. 1993: An Urartian Intramural «Pithos Burial» from the Mound of Van-Kalesi. — IM 43.
- Tarhan M. T., Sevin V. 1990: Van Kalesi ve Eski Van Şehri Kazıları. — Kazı Sonuçları Toplantısı 12/2.
- Taşyürek A. 1974: The Bronze Urartian Helmet in the Gaziantep Museum. — Türk Arkeoloji Dergisi 21/1.
- Taşyürek A. 1975: Some Inscribed Urartian Bronze Armour. — Iraq 37.
- Thompson C. R., Hutchinson R. W. 1931: The Site of the Palace of Ashurnasirpal at Nineveh, Excavated in 1929–30 on Behalf of the British Museum. — AAA 18.
- Thureau-Dangin F., Barrois A., Dossin G., Dunand M. 1931: Arslan-Tash = Bibliothèque archéologique et historique 16 (Paris).
- Thureau-Dangin F., Dunand M. 1936: Til-Barsib = Bibliothèque archéologique et historique 23 (Paris).
- Treister M. Yu. 1996: The Role of Metals in Ancient Greek History = Mnemosyne Suppl. 156 (Leiden, New York, Köln).
- Tufnell O. 1953: Lachish. III. The Iron Age (London, New York, Toronto).
- Ünal V. 1983: Zwei Gräber eurasischer Reiternomaden im nördlichen Zentralanatolien. — BAVA 4.
- Ussishkin D. 1982: The Conquest of Lachish by Sennacherib (Tel Aviv).
- Uzunoğlu E. 1988: Malatya İmamoğlu Höyüğü, 1987 Yılı Kazısı Sonuçları. — Kazı Sonuçları Toplantısı 10/1.
- Van Loon M. N. 1966: Urartian Art. Its Distinctive Traits in the Light of New Excavations = Uitgaven van het Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul 20 (Istanbul).
- Vanden Berghe L. 1967: La nécropole de War Kabud, ou le declin d'une civilisation du bronze. — Archéologia. Trésors des âges 18.
- Vanden Berghe L. 1978: Les fibules provenant des fouilles au Pusht-i Kuh, Luristan. — IA 13.
- Vanden Berghe L. 1983: Luristan. Een verdwenen bronskunst uit West-Iran (Gent).
- Vanden Berghe L., De Meyer L., Overlaet B., Haerincx E., Tanret M. 1983: Urartu, een vergeten cultuur uit het bergland Armenië (Gent).
- Vanden Boorn G. P. F. 1984: Oud Iran. Pre-Islamitische Kunst en Voorwerpen in het Rijksmuseum van Oudheden te Leiden (Leiden).
- Vetters H. 1973: Ephesos. Vorläufiger Grabungsbericht. 1972. — Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse 110.
- Vetters H. 1989: Ephesos. Vorläufiger Grabungsbericht 1986/87. — Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse 125, 1988 (1989).
- Voigt M. M. 1994: Excavations at Gordion 1988-89: the Yassihöyük Stratigraphic Sequence. — In: Anatolian Iron Ages. 3. The Proceedings of the Third Anatolian Iron Ages Colloquium held at Van, 6–12 August 1990 (Ankara).
- Voigt M. M., Young T. C. Jr. 1999: From Phrygian Capital to Achaemenid Entrepot: Middle and Late Phrygian Gordion. — IA 34.
- von der Osten H. H. 1937: The Alishar Hüyük. Seasons of 1930–32. Part II = The University of Chicago, Oriental Institute Publications 29. Researches in Anatolia 8 (Chicago).
- von der Osten H. H. 1937a: The Alishar Hüyük. Seasons of 1930–32. Part III = The University of Chicago, Oriental Institute Publications 30. Researches in Anatolia 9 (Chicago).
- von Merhart G. 1969: Donauländische Beziehungen der früheisenzeitlichen Kulturen Mittelitaliens. — In: Hallstatt und Italien. Gesammelte Aufsätze zur Frühen Eisenzeit in Italien und

- Mitteleuropa (Bonner Jahrb. 147, 1942, 1–90) (Mainz).
- Wäfler M. 1975: Nicht-Assyrer neuassyrischer Darstellungen = *Alter Orient und Altes Testament* 26 (Neukirchen-Vluyn).
- Waldbaum J. C. 1983: Metalwork from Sardis: the Finds through 1974 = *Archaeological Exploration of Sardis, Monograph 8* (Cambridge Mass., London).
- Waldbaum J. C. 1983a: An Unfinished Bronze Ibex from Sardis. — *Antike Kunst* 26.
- Ward W. H. 1910: *The Seal Cylinders of Western Asia* (Washington)
- Wartke R.-B. 1990: Toprakkale. Untersuchungen zu den Metallobjekten im Vorderasiatischen Museum zu Berlin = *Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients* 22 (Berlin).
- Wartke R.-B. 1991: Production of Iron Artifacts. — In: *Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium B.C.E. The Catalogue of Exhibition* (Jerusalem).
- Wartke R.-B. 1993: Urartu, das Reich am Ararat = *Kulturgeschichte der Antiken Welt* 59 (Mainz am Rhein).
- Weber H. 1944: Angriffswaffen. — In: *Olympische Forschungen* 1.
- Weber O. 1920: Altorientalische Siegelbilder. Bd. 2 = *Der Alte Orient* 17/18, 2 (Leipzig).
- Weidner E. F. 1926: Assyrische Emailgemälde vom achten Feldzuge Sargons II. — *AfO* 3.
- Welles C. B. 1966: *Royal Correspondence in the Hellenistic Period* (Roma).
- Wiesner J. 1968: *Fahren und Reiten = Archaeologia Homerica. Die Denkmäler und das frühgriechische Epos* I, F (Göttingen).
- Wiesner J. 1973: *Die Kulturen der früher Reitervölker* (Frankfurt a.M.).
- Winter I. J. 1977: Perspective on the «Local Style» of Hasanlu IVB: A Study in Receptivity. — In: *Mountains and Lowlands: Essays in the Archaeology of Greater Mesopotamia = Bibliotheca Mesopotamica* 7 (Malibu).
- Winter I. J. 1980: A Decorated Breastplate from Hasanlu, Iran. Type, Style, and Context of an Equestrian Ornament = *University Museum Monograph* 39. *Hasanlu Special Studies* 1 (Philadelphia).
- Winter I. J. 1983: The Programm of the Throneroom of Assurnasirpal II. — In: *Essays on Near Eastern Art and Archaeology in Honor of Charles Kyrle Wilkinson* (New York).
- Woolley C. L. 1921: Carchemish. Report on the Excavations at Jerablus on Behalf of the British Museum. Part II. The Town Defences (Oxford).
- Woolley C. L. 1938: The Excavations at Al Mina, Sudeida. — *JHS* 68.
- Woolley C. L. 1952: Carchemish. Report on the Excavations at Jerablus on Behalf of the British Museum. Part III. The Excavations in the Inner Town (London).
- Yadin Y. 1963: *The Art of Warfare in Biblical Lands* (London).
- Yamauchi E. M. 1982: Foes from the Northern Frontier. Invading Hordes from the Russian Steppes (Grand Rapids, Michigan).
- Yamauchi E. M. 1983: The Scythians: Invading Hordes from the Russian Steppes. — *Biblical Archaeologist* 46.
- Yıldırım R. 1987: Urartäische Trensens. — *Türk Tarih Kurumu. Belleten* 200.
- Yıldırım R. 1988: Burmageçit Urartu Miğferleri. *Fırat Üniversitesi Dergisi* 2/2.
- Young R. S. 1953: Making History at Gordion. — *Archaeology* 6.
- Young R. S. 1960: The Gordion Campaign of 1959: Preliminary Report. — *AJA* 64.
- Young R. S. 1963: Gordion on the Royal Road. — *Proceedings of the American Philosophical Society* 107.
- Young R. S. 1964: The Nomadic Impact: Gordion. — In: *Dark Ages and Nomads c. 1000 B.C. Studies in Iranian and Anatolian Archaeology = Uitgaven van het Nederlands Historisch-archaeologisch Instituut te Istanbul* 18 (Istanbul).
- Young R. S. 1964a: The 1963 Campaign at Gordion. — *AJA* 68.
- Young R. S. 1967: The Iranian Migration into the Zagros. — *Iran* 5.
- Young T. C. 1968: Godin Tepe. — *Iran* 6.
- Young T. C. 1969: Excavations at Godin Tepe: First Progress Report = *Royal Ontario Museum. Art and Archaeology. Occasional Paper* 17 (Toronto).
- Zawadzki S. 1988: The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopalassar Chronicle (Poznan).

Список сокращений

АО	Археологические открытия в СССР (Москва).
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа (Ленинград).
ВГМГ	Вестник Государственного Музея Грузии (Тбилиси).
ВДИ	Вестник древней истории (Москва).
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР (Москва).
КСИАУ	Краткие сообщения Института археологии АН УССР (Киев).
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (Москва).
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР (Москва, Ленинград).
РА	Российская археология (Москва).
СА	Советская археология (Москва).
САИ	Свод археологических источников
СГАИМК	Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры (Ленинград).
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа (Ленинград).
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа (Ленинград).
ТСА РАНИОН	Труды секции археологии Российской Ассоциации Научно-исследовательских институтов по общественным наукам.
УКН	Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи (Москва 1960).
УПД	Дьяконов И. М. Урартские письма и документы (Москва, Ленинград 1963).
АА	Archäologischer Anzeiger. Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts (Berlin).
ААА	Annals of Archaeology and Anthropology (Liverpool).
ААНung	Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae (Budapest).
АfO	Archiv für Orientforschung (Graz, Berlin).
AJA	American Journal of Archaeology (Princeton).
AMI	Archäologische Mitteilungen aus Iran (Berlin).
AnS	Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara (London).
BAR	British Archaeological Reports (Oxford).
BASOR	Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BAVA	Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie (München).
BCH	Bulletin de Correspondance Hellénique (Athènes).
BMQ	The British Museum Quarterly (London).
BSA	The Annual of the British School at Athens (London).
СТ	Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum (London).
ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua (Helsinki).
IA	Iranica Antiqua (Leiden).
JDAI	Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts (Berlin).
JHS	Journal of Hellenic Studies (London).
JNES	Journal of Near Eastern Studies (Chicago).
JRGZM	Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz (Mainz).
MDOG	Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft (Berlin).
OBO	Orbis Biblicus et Orientalis (Fribourg Suisse, Göttingen).
PBF	Prähistorische Bronzefunde (München, Stuttgart).
PPS	Proceedings of the Prehistoric Society (London).
PZ	Prähistorische Zeitschrift (Berlin, London, New York).
RA	Revue Archéologique (Paris).
RIA	Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie (Berlin, Leipzig, New York 1928 ff).

SAA 4   Queries to the Sungod, ed. by I. Starr = State Archives of Assyria, vol. IV (Helsinki 1990).
SAA 10   Letters from Assyrian and Babylonian Scholars, ed by S. Parpola = State Archives of Assyria, vol. X
                              (Helsinki, 1993).
ZA   Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Geschichte (Berlin).

Список иллюстраций

Рис. 1	План погребения на Норшунтепе. Кони 1 и 2	22
Рис. 2	План погребения на Норшунтепе. Конь 3	23
Рис. 3	Камера второго погребения на Норшунтепе	24
Рис. 4	Инвентарь погребения на Норшунтепе	25
Рис. 5	Раннескифские застёжки горитов. 1. Старшая могила; 2. Белоглинка; 3. Пруссы; 4. Журовка 447; 5, 16. Журовка 432; 6, 19, 20. Журовка 406; 7. Три Брата; 8. Осняги; 9, 10. Дарьевка; 11. Перебыковцы; 12. Койсуги; 13–15. Репяховатая могила; 17. Луки; 18. Комаровский могильник; 21. Эшкакон 4; 22. Залесье. Кость	26
Рис. 6	Ассирийский рельеф из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине (помещение б)	27
Рис. 7	Бронзовые предметы из погребения Малого кургана (Азербайджан)	28
Рис. 8	Железные наконечники копий. 1. Топраккале; 2. Хртаноц; 3. Навур; 4. Чоратан; 5, 6. Дилижан; 7. Старшая могила; 8. Келермес; 9, 10. Репяховатая могила; 11. Макеевка 491	29
Рис. 9	Инвентарь погребения В 10а, β 6 Динха-тепе II	30
Рис. 10	Костяные элементы конской узды (пронизи и наконечники псалий) из Келермесских курганов I и 2 Веселовского	31
Рис. 11	Инвентарь южного погребения кургана 1 у хут. Красное Знамя	32
Рис. 12	Уздечные наборы и наконечники стрел скифского типа с Кармир-Блура. 1–6. Конская уздечка из помещения 25; 7–10. Уздечка коня, погибшего при штурме крепости; 11–18. Конская уздечка из помещения 18; 19. Наконечники стрел	33
Рис. 13	Бронзовая пронизь из музея Метрополитен, Нью Йорк	35
Рис. 14	Изделия «скифского» типа из Кармир-Блура	37
Рис. 15	Бронзовые кольца с муфтой. 1, 2. «Пшишский клад» 1988 г.; 3. Хутор Алексеевский; 4. Лермонтовский разъезд; 5. Могильник Пшиш; 6. «Аксацкий клад»; 7. Квитки	38
Рис. 16	Инвентарь кургана Уашхиту в Адыгее	39
Рис. 17	Реконструкция колесниц из некрополя Саламина (Кипр). 1. Гробница 79, В; 2. Гробница 2	40
Рис. 18	Кольца от яра колесниц из некрополя Саламина (Кипр)	41
Рис. 19	Инвентарь погребения у Имирлера	43
Рис. 20	Инвентарь погребения у Лермонтовского разъезда	44
Рис. 21	Находки из могильника Самтавро (Грузия). 1–11. Инвентарь погребения 106; 12–30. Инвентарь погребения 27	45
Рис. 22	Боевые клевцы. 1. Минусинск; 2. Сулак у Оренбурга; 3. Ананьино; 4. Место находки неизвестно, Музей Метрополитен, Нью-Йорк; 5. Перкальский могильник у Пятигорска; 6. Могильник Гунделен; 7. Могильник Уйгарак, курган 84; 8. Погребение у Имирлера; 9. Район Муша; 10. Могильник Сакар-чага 6, курган 23; 11. Орехово Луганской обл.; 12. Анатолия, Археологический музей Стамбула	46–47
Рис. 23	Наконечники стрел из разграбленного погребения между Ташовой и Лядиком близ Амасьи	50–54
Рис. 24	Бронзовые наконечники стрел с рельефными метками в виде «следа птичьей лапы». 1–3. Гумарово; 4. Новая Белогорка, курган 2, погребение 38; 5–7. Разграбленное погребение между Ташовой и Лядиком; 8. Богазкёй	55

Рис. 25	Инвентарь погребения кургана 2 у с. Жаботин	63
Рис. 26	Инвентарь погребения кургана 16 могильника Нартан	64
Рис. 27	Костяные псалии «скифского» типа. 1, 2. Хазанлу III; 3. Капланту; 4–5. Чавуштепе; 6. Нуш-и Джан	65
Рис. 28	Бронзовые наконечники стрел из Богазкёя	66
Рис. 29	Трехпестельчатый железный псалий из Богазкёя	68
Рис. 30	Бронзовые наконечники стрел. 1–4. Нуш-и Джан; 5. Машат Хуюк; 6. Каялдыере	69
Рис. 31	Костяная пластинка из Сард с изображением свернувшегося хищника	74
Рис. 32	Костяные пластинки из Сард	75
Рис. 33	Изображения свернувшегося зверя в кочевническом зверином стиле. 1. Бутероль из с. Рук, Южная Осетия; 2. Бутероль из погребения 164 Тлийского могильника; 3. Бляха из кургана 482 у с. Басовка; 4. Бутероль из кургана 21 некрополя Нартан; 5. Бутероль из погребения 216 Тлийского могильника; 6. Бутероль из кургана 2 у Дарьевки; 7. Бутероль из погребения 258 Тлийского могильника; 8. Бутероль из Фаскау, Осетия; 9. Бутероль из кургана у хут. Степной близ Гудермеса; 10. Бляха из кургана 499 у с. Басовка; 11. Бляшка из кургана 33 могильника Уйгарак; 12. Бляшка из кургана 27 могильника Уйгарак; 13. Деталь бляхи в виде пантеры из Келермесского кургана 1 Шульца; 14. Бляха из кургана Аржан, Тува; 15. Ручка зеркала из района Краснодарского водохранилища; 16. Бляха из Зивие, иранский Курдистан; 17. Бляха из Сибирской коллекции Петра I; 18. Ручка зеркала из Келермесского кургана 2 Веселовского; 19. Бутероль из коллекции Барбье-Мюллер в Женеве, место находки неизвестно	78–79
Рис. 34	1–3. Костяные пронизи с изображением свернувшегося хищника из Келермесских курганов. 4–9. Бронзовые пронизи. 1. Курган 2, раскопки Н. И. Веселовского; 2, 3. Курган 24, раскопки Л. К. Галаниной; 4, 5. Сарды; 6–9. Место находки неизвестно; 6. Частное собрание, Германия; 7. Музей изящных искусств в Бостоне; 8, 9. Музей Метрополитен, Нью-Йорк	82
Рис. 35	1–7. Изображения головы хищной птицы в кочевническом зверином стиле. 8–15. «Клювовидные» и «когтевидные» пронизи. 1. Наконечник ножен из погребения 8 кургана 7 у с. Новоалександровка; 2. Пронизь из кургана 9 у хут. Поповка; 3. Деталь узды из кургана 2 у с. Дарьевка; 4. Наконечник ножен из кургана 6 могильника Нартан; 5. Бляшка из кургана 2 у с. Волковцы (раскопки 1897); 6. Наконечник ножен из погребения 246 Тлийского могильника; 7. Наконечник ножен из погребения 2 кургана Репяховатая могила; 8. Курган 466 у с. Аксютинцы; 9. Курган 478 у с. Волковцы; 10. Курган 38 у с. Гуляй город; 11. Погребение 1 кургана Захарейкова могила; 12. Погребение 2 кургана Репяховатая могила; 13. Каменномостский могильник; 14, 15. Персеполь	83
Рис. 36	Изображения коней ахеменидской эпохи. 1, 2. Персеполь, рельефы ападаны; 3. Расписная чаша из Машат Хуюка	85
Рис. 37	Бронзовые пластинки с изображениями горных козлов и кабанов. 1, 2. Сарды; 3. Измит; 4. Троада (?), Британский музей	87
Рис. 38	Бронзовые пластины и пронизи с изображениями горных козлов. 1. Место находки неизвестно, Цюрихское частное собрание; 2. Турция, частное собрание, США; 3. Сирия, Лувр	88
Рис. 39	Изображения горных козлов и кабанов. 1, 2. Пронизи из Малой Азии (?), Британский музей; 3. Пронизь из Гелы, Южная Сицилия; 4. Пластина из Богазкёя; 5. Предмет из Богазкёя	89
Рис. 40	Пронизи с изображениями горных козлов и кабанов. 1. Турция, Музей изящных искусств в Бостоне; 2. Место находки неизвестно, Музей изящных искусств в Бостоне; 3, 4. Эфесский Артемисий	91
Рис. 41	Пластины из слоновой кости с изображениями горного козла и барана. Эфесский Артемисий	92
Рис. 42	Бляшки с изображениями кабанов и горного козла. 1. Иран; 2. Курган у с. Архангельская слобода; 3. Курган 6 у с. Александровка; 4. «Зивие»	93
Рис. 43	Находки из эфесского Артемисия. 1. Золотая подвеска в виде головы быка, увенчанной головой льва; 2. Бронзовая подвеска-бубенец; 3. Статуэтка богини из слоновой кости	95
Рис. 44	Рельефы Ашшурнацирпала II из Нимруда. 1. Рельеф В.М. 124559 (помещение В, плита 27); 2. Реконструкция рельефов помещения В дворца Ашшурнацирпала II в Нимруде; 3. Рельеф на плите 28 из того же помещения	99
Рис. 45	Изображения конных лучников на ассирийских печатях	101

Рис. 46	Изображения конных лучников на урартских бронзовых поясах	103
Рис. 47	Разгром арабов ассирийцами. Рельефы Северного дворца Ашшурбанипала	104
Рис. 48	Батальная сцена на бронзовом ассирийском ведрке	106–107
Рис. 49	Изображение на клазоменском саркофаге из Британского музея (В.М. 96.6-15.1)	108
Рис. 50	Деталь изображения на клазоменском саркофаге из Британского музея (В.М. 96.6-15.1)	109
Рис. 51	Детали изображений на клазоменских саркофагах. 1. Измир, Basmahane 3493; 2. Париж, Лувр, СА 1024	110
Рис. 52	«Этрусская» амфора из музея Ватикана (№231)	111
Рис. 53	Аттический динос	112
Рис. 54	Деталь того же диноса	112
Рис. 55	Инвентарь погребения кургана 15 у с. Стеблево	116–117
Рис. 56	1–5. Клад бронзовых вещей из Сурмуши, Грузия. 6–11. Бронзовые предметы из погребения 39 Кубанского могильника	121
Рис. 57	Биметаллические кинжалы. 1–12. Северный Кавказ; 13–16. Памятники «фрако-кimmerийского» круга из Центральной Европы	126
Рис. 58	1–27. Инвентарь погребения у с. Бутенки. 28–32. Наконечники копий. 28. Клад Адерно, Сицилия; 29–31. Клад Комлод, Венгрия; 32. Некрополь Кум, Италия	127
Рис. 59	Инвентарь погребения 35 могильника Фарс	129
Рис. 60	Клад у дер. Прюдь, Венгрия	131
Рис. 61	1–14. Инвентарь погребения 186 могильника Клин-яр III у Кисловодска. 15, 16. Находки из разрушенного кургана у с. Радионовка	133
Рис. 62	Инвентарь погребения 34 могильника на территории Кисловодской мебельной фабрики	134–135
Рис. 63	Удила и псалии. 1. Дисковидный псалий из Микен; 2. Дисковидный псалий из могильника Синташта; 3–5. Удила с дисковидными псалиями из Лчашенских курганов; 6. Удила с прямоугольными псалиями из Микен; 7. Псалий из Фив	139
Рис. 64	Бронзовые предметы из клада в Квемо-Сасирети, Грузия	140
Рис. 65	Инвентарь погребения 79 могильника Артик	141
Рис. 66	Бронзовая конская пектораль ассирийской работы с батальной сценой	144–145
Рис. 67	Бронзовые удила с напускными псалиями. 1–4. Некрополь Саламина (Кипр); 5. Астхадзорский могильник, Армения; 6. Псалий из погребения 46 могильника Так-Килиса, Триалети	146
Рис. 68	Бронзовые удила с напускными псалиями. 1. Могильник Димац у Кировакана; 2. Погребение 9 некрополя Калакент у Кировабада; 3. Погребение 49 некрополя Калакент у Кировабада; 4. Курган 1 у Арчадзора; 5. Клад из Тола, Грузия; 6. Гробница 50 (XXI L) некрополя Марлик, Иран	147
Рис. 69	Находки в погребении 1 некрополя Нор-Ареш (Эребуни)	148–149
Рис. 70	Находки в погребении 2 некрополя Нор-Ареш (Эребуни)	150
Рис. 71	Бронзовые фигурки оленей из гробницы 50 (XXI L) некрополя Марлик, Иран	151
Рис. 72	Бронзовая фигурка оленя из Толорского кургана, Армения	152
Рис. 73	Находки из Мингечаурских курганов	156
Рис. 74	Бронзовые удила. 1. Могильник у с. Цинцкаро, Триалети; 2. Хазанлу IV; 3. Погребение 74 некрополя Сялалк В; 4, 5. Иран, точное место находки неизвестно; 6. Погребение 117 могильника Трели в Тбилиси	157
Рис. 75	Инвентарь погребения 433 могильника Артик	159
Рис. 76	Инвентарь погребения 218 могильника Артик	161
Рис. 77	Бронзовые удила. 1, 2. Погребение 112 некрополя Калакент у Кировабада; 3. Погребение 10 некрополя Так-Килиса; 4. Некрополь Садахло в районе Тбилиси; 5. Поселение у Ленинакана; 6. Погребение 67 некрополя Так-Килиса	163

Рис. 78	Инвентарь погребения 13 некрополя Бешташени, Триалети	164–165
Рис. 79	Клад бронзовых изделий из Лайлаши, Колхида	166
Рис. 80	Конская узда из Хазанлу IV	167
Рис. 81	Находки из погребения 15 некрополя Сиалк В	169
Рис. 82	Находки из погребения 3 некрополя Тепе Гиан	171
Рис. 83	Инвентарь кургана 23 могильника Сакар-чага 6	173–175
Рис. 84	Находки из кургана 524 у с. Жаботин	177
Рис. 85	1–8. Находки из кургана у хут. Алексеевский близ Ставрополя. 9–17. Находки из погребения 47 некрополя Калакент у Кировабада	179
Рис. 86	Бронзовые удила персидского типа. 1. Персеполь; 2. Афины, слой персидского разгрома; 3, 4. Деве Хуюк; 5, 6. Место находки неизвестно, Киевский исторический музей	181
Рис. 87	Урартская конская узда. 1, 3, 4. Удила с надписью царя Менуа; 2, 5. Удила с надписью царя Сардури II; 6–12. Узда без надписей. 1, 2. Кармир-Блур; 3, 8, 9. Музей Газиантепа; 4. Музей Вана; 5. Азнавуртепе; 6, 7. Музей Элязыга; 10, 11. Музей Аданы; 12. Филадельфийский музей	183
Рис. 88	1–3. Предметы конской узды из разрушенного погребения у с. Макарашен, Армения. 4–16. Находки из погребения на западной окраине Кировакана, раскопки 1961 г.	185
Рис. 89	Находки из «второго комплекса» святилища Мелаани, восточная Грузия	186–187
Рис. 90	Инвентарь погребения 19 могильника Набагреби близ Мцхеты, Грузия	189
Рис. 91	Клад бронзовых изделий из Мехчис-Цихе, Грузия	191
Рис. 92	Инвентарь погребения 16 могильника Трели II в Тбилиси	192–193
Рис. 93	Удила. 1. Белин (Румыния); 2, 3. Грансон (Швейцария); 4. Корселек (Швейцария); 5. Мериген (Швейцария); 6. Цюрих-Альпенке (Швейцария)	195
Рис. 94	Удила. 1. Арноальди (Северная Италия); 2. Угра (Венгрия); 3. Фюгод (Венгрия); 4. Верхнекобанский могильник; 5, 6. Иран, место находки неизвестно	197
Рис. 95	Бронзовые удила с жесткокрепленными псалиями. 1. Село Теремцы; 2. Место находки неизвестно, Кировоградский музей; 3. Курган 26 могильника Уйгарак; 4. Курган 55 могильника Южный Тагискен	199
Рис. 96	1–13. Находки из кургана 2 у с. Енджа (Болгария). 14–18. Находки из кургана 376 у с. Константиновка	200
Рис. 97	Находки из погребения на возвышенности Чишхо в Адыгее	201
Рис. 98	Перднеазиатские удила из самосского Герайона	204
Рис. 99	Деталь тех же удил	205
Рис. 100	Конская узда из гробницы 3 Алгынтепе, Турция	206–207
Рис. 101	Бронзовые псалии из грабительских раскопок. 1. Праисторическое государственное собрание, Мюнхен; 2, 3. Центральный Римско-германский музей, Майнц; 4. Университетский музей Филадельфии; 5. Музей Элязыга; 6. Музей Метрополитен, Нью-Йорк; 7. Музей Эшмолиен, Оксфорд	209
Рис. 102	Инвентарь Носачевского кургана	211
Рис. 103	Ассирийский рельеф из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине	212
Рис. 104	Стенные росписи из дворца Тиль Барсипа	213
Рис. 105	1–12. Бляшки. 13–19. Застежки. 20, 21. Реконструкция конской узды из слоя разрушения Хазанлу IV. 1–6. Курган Аржан, камера 26; 7. Курган Жирноклеевский 6; 8. Мериген, Швейцария; 9. Меллентин, северо-восточная Германия; 10. Кобанский могильник, погребение 31; 11. Курган Стрижена могила, Донецкая область; 12. Хазанлу IV; 13–15. Курган Аржан, камера 1; 16. Курган Аржан, камера 31; 17. Курган Высокая могила, гробница 2; 18. Курган Высокая могила, гробница 5; 19. Курган у с. Васильевка	215
Рис. 106	Находки из кургана у с. Квитки в Поросье	217–219

Рис. 107	Урартские бронзовые колокольчики из восточной Анатолии. 1. Колокольчик с надписью Менуа; 2. Колокольчик с надписью Аргишти I; 3, 4. Колокольчики без надписей	222
Рис. 108	Бронзовые бубенцы из Ирана. 1–3. Хазанлу IV; 4–8. Грабительские раскопки	223
Рис. 109	Бронзовые бубенцы. 1–11. Могильник Артик. 1. Погребение 92; 2, 3. Погребение 180; 4, 5. Погребение 196; 6, 10. Погребение 203; 7, 8. Погребение 322; 9, 11. Погребение 360; 12–21. Могильник Лори-берд. 12–16. Погребение 2; 17–21. Погребение 7	224
Рис. 110	Бронзовые бубенцы. 1. Раданья, Македония; 2. Хаухица, Македония; 3. Этос, Итака; 4. Линдос, Родос; 5. Угра, Венгрия; 6. Тржтено, Богемия; 7–10. Могильник Редкин лагерь; 11. Болонья-Савена, погребение 296; 12, 16–18. Мингечаур, грунтовый могильник и первый курган; 13–15. Болонья-Савена, погребение 94	225
Рис. 111	Находки из разрушенного погребения могильника Клин-яр III, раскопки 1987 г.	229
Рис. 112	1. Шлем из могильника Фаскау (Галиат). 2–10. Находки из погребения в Приморском, Абхазия	231
Рис. 113	Схематический план погребения в кургане 1 у с. Арчадзор, рисунок Э. Реслера	233
Рис. 114	Битва ассирийцев с урартами. Изображение на бронзовой обивке «Балаватских ворот»	237
Рис. 115	1. Нашечник урартского шлема с надписью Ишпуини. 2. Реконструкция шлема с этим нашечником. 3, 4. Шлемы из Хазанлу IV	239
Рис. 116	Урартские шлемы с надписями Аргишти I. 1. Могильник Верхняя Рутха; 2. Кармир-Блур	240
Рис. 117	Урартские шлемы. 1. Кармир-Блур; 2. Восточная Анатолия, Баденский Земельный музей, Карлеруэ	243
Рис. 118	Бронзовые шлемы. 1. Восточная Анатолия, Государственное праисторическое собрание, Мюнхен; 2, 3. Хазанлу IV; 4. Пале-Пафос, Кипр	244
Рис. 119	Шлемы. 1. Зинджирли; 2–4. Восточная Анатолия	245
Рис. 120	Клад у горы Бештау у Пятигорска	248
Рис. 121	Находки из погребения 1 Султангорского могильника	249
Рис. 122	Инвентарь погребения 14 могильника Клин-яр III	250
Рис. 123	Находки из погребения на холме Верещагина в Эшери, Абхазия	251
Рис. 124	Находки из погребения в с. Анухва, Абхазия	252–253
Рис. 125	Находки из погребения 11 Бешташенского могильника, Триалети	254
Рис. 126	Находки из погребения у Кабан-горы близ Кисловодска	258
Рис. 127	Находки из погребения 4 могильника «Индустрия-1»	259
Рис. 128	Панцирные пластинки. 1, 2. Алтынтепе, Турция; 3. Хазанлу IV; 4. Кармир-Блур; 5–7. Богазкёй	260
Рис. 129	Бронзовый конский наносник с надписью Ишпуини	265
Рис. 130	Пластинки из слоновой кости. 1. Мегиддо, Палестина; 2. Энкоми, Кипр	267
Рис. 131	1. Ассирийский рельеф В.М. 124544 из дворца Ашшурнацирпала II в Нимруде. 2. Ассирийская конница. Изображение на бронзовой обивке «Балаватских ворот»	268
Рис. 132	Ассирийские рельефы из дворца Тиглатпаласара III в Нимруде. 1. Плита В.М. 118907; 2. Плита В.М. 118905	269
Рис. 133	Костяные пластинки из Хазанлу IV	271
Рис. 134	Изображения всадников. 1, 2. Рельефы из Зинджирли; 3. Египетский рельеф из Турина; 4. Рельеф Рамсеса II из Абу-Симбела; 5. Среднеассирийская печать эпохи Салманасара I	273
Рис. 135	Ассирийский рельеф из дворца Тиглатпаласара III в Нимруде. Ог. Dr. III. Central XXIII	275
	Карта археологических памятников 1. Восточная Европа и Передняя Азия	284–285
	Карта археологических памятников 2. Иран, Южный Урал, Центральная Азия	286–287

Указатель личных имен

Абрамишвили, Р.	190	Галанина, Л. К.	82
Аладнирари I	154, 155	Геродот	16, 56, 73, 114
Аладнирари II	155	Гесихий	73
Аладнирари III	155	Гиг	73
Акургал, Э.	97	Гиршман, Р.	212, 266, 279, 280
Александр Македонский	180	Годар, А.	172
Алексеев, А. Ю.	49, 61, 214, 216	Горелик, М. В.	118
Алиатт	18, 20, 57, 72, 76, 84, 94, 281	Грантовский, Э. А.	60, 98, 102
Амандри, П.	94	Грязнов, М. П.	172
Анфимов, Н. В.	122	Гутман, А.	241, 246
Аргишти I	60, 158, 182, 184, 221, 222, 240–243, 246, 257, 272	Дайсон, Р.	270, 275, 276
Аргишти II	102, 190, 208	Дарий I	16
Ардис	73	Дитц, У. Л.	261
Артемиды Эфесская	72, 73, 90, 96, 97	Долбежев, В. И.	228
Архилох	73	Дударев, С. Л.	210, 234, 240
Асархаддон	16, 17, 18, 19, 56, 213	Дьяконов, И. М.	15, 18, 60, 155
Астарты	105, 272	Зайдль, У.	241
Атцингер, В.	90	Зимрилим	272, 274
Афина	71	Зуев, В. Ю.	62
Ахемениды	16, 60, 105	Иеремиа	59, 60
Ашшур	100, 238, 264, 278	Иессен, А. А.	120, 128, 247, 276, 277
Ашшурбанипал	16, 17, 57, 60, 100, 102, 143, 210, 212, 235–237, 270, 282	Ишпуини	184, 236, 239, 241, 242, 264, 265
Ашшурнацирпал II	98, 99, 100, 102, 105, 142, 143, 213, 214, 234, 235, 238, 240, 263, 266, 268, 270	Иштар	282
Баммер, А.	72, 96, 97	Йьлдырым, Р.	182
Барбье-Мюллер	79, 80	Каллимах	72
Бахдилем	272	Каллин	73
Белинский, А. Б.	234	Калисфен	73
Берри, Б.	81	Кальмейер, П.	168
Бёмер, Р.	70, 168	Кельнер, Х.-Й.	102
Бокхорис	123, 124	Кибела	84
Боузек, Я.	120	Кисель, В. А.	76
Брентьес, Б.	76	Клочко, В. И.	118, 122, 132
Бэлкуилл, С.	277	Ковпаненко, Г. Т.	125, 210, 214, 216
Вайднер, Е.	154	Козенкова, В. И.	130, 230, 240, 255
Вальдбаум, Дж.	81	Косиков, В. А.	119
Вальчак, С. Б.	128, 220	Коссак, Г.	18, 21, 24, 35, 48, 49, 124, 125, 154, 188, 230, 255
Вебер, О.	100	Крез	69, 72, 90
Веселовский, Н. И.	31, 34, 48, 49, 57, 68, 77, 79, 82, 115, 118	Кроль, С.	60
Вефлер, М.	98, 100, 213	Курочкин, Г. Н.	56, 119, 119, 154
Визнер, Й.	274	Куфтин, Б. А.	230, 232–234, 247
Воронов, Ю. Н.	232, 247, 256	Кушнарева, К. Х.	154
		Кюппер, Ж.-Р.	274
		Леклан, Ж.	272
		Лигдамис	70–73

Лисимах	71	Синаххериб	102, 210, 212, 234–237, 257, 270
Лэйярд, Г.	236	Скаков, А. Ю.	255
Мазараки	81	Скорый, С. А.	118
Мартirosян, А. А.	143, 153, 154, 158, 160, 184, 278	Смирнова, Г. И.	124
Маскарелла, О.	152, 153, 270, 275, 276	Сорокин, С. С.	74
Махортых, С. В.	118, 119, 216, 234, 256, 282	Страбон	70
Медведская, И. Н.	17, 27, 35, 57, 60, 62, 137, 155, 162, 170, 180, 210, 263, 264, 266, 270, 272, 274–278	Стронах, Д.	153, 210
Мелентьев, А. Н.	35, 36	Сулмирски, Т.	98
Менуа	60, 143, 182–184, 188, 221, 222, 241, 242, 246, 264	Тейшеба	241
Миннс, Э.	105	Темницкий	194
Митра	261	Тереножкин, А. И.	17, 120, 122–125, 128, 130, 154, 162, 190, 216
Мошинский, А.	230	Теушпа	56
Мурзин, В. Ю.	122, 132	Техов, Б. В.	230
Мури, П.	180	Тиглатпаласар I	238, 264
Мэдлум, Т.	235	Тиглатпаласар III	143, 212, 213, 234–237, 263, 264, 266, 269, 270, 274, 275
Набопаласар	59	Тукульти-Нинурта II	142, 238, 242
Навуходоносор	58	Тюро-Данжен, Ф.	212, 213
Нельсон	172	Унал, В.	42
Омура, С.	67	Фландан, Э.	26
Оюн, Б.	152	Фолтини, С.	278
Паркер, Б.	100	Форути	182
Петр I	79	Халди	241
Пиотровский, Б. Б.	232	Ханфманн, Дж.	69, 73
Плиний	72	Хауптманн, Х.	21, 23, 24, 27, 34, 42, 67, 81
Плутарх	102	Хачатрян, Т. С.	142, 160
Погребова, М. Н.	60, 97, 143, 153, 155, 256	Хвойко, В. В.	62
Подобед, В. А.	49	Херцфельд, Э.	34, 81, 100
Потрац, Й.	180, 194	Хогарт, Д.	90
Раевский, Д. С.	60	Холл, Г.	272
Рамсес II	257, 272, 273	Хохоровски, Я.	136
Рамсес III	257	Хроуда, Б.	153, 236
Рассам, О.	59	Хютгель, Х.-Г.	194, 214, 216
Рассел, Дж.	236	Чалишкан, М.	42
Рем, Э.	241	Черненко, Е. В.	256
Ремедж, Э.	73	Чжоу, Западное	76, 118
Реслер, Э.	233	Шамаш	17, 18, 19, 56
Ростовцев, М. И.	100, 105	Шамши-илу	213
Руса I	60, 62	Шеффер, Дж.	73
Руса II	59, 60, 67, 282	Штуки, Р.	94
Руса III, сын Эримены	60, 243	Шульц, Д. Г.	34, 48, 77, 79, 118
Салманасар I	273, 274	Эриксон, Э.	266
Салманасар III	213, 236, 238, 240, 242, 263, 266	Эримена	60
Салманасар V	213, 214	Эрлих, В. Р.	36, 120, 128, 130, 132, 134, 137, 176, 178, 194, 196, 198, 202, 228, 234, 235, 261, 262, 277
Саргон II	26, 27, 71, 100, 143, 210, 212–214, 234–238, 263, 264, 266, 270, 275, 278	^m Dug-dam-me-i	15
Сардури II	60, 170, 182–184, 190, 203, 221, 242, 243	Sand/ta	15
Сардури III	59, 60	^m Sa-an-dak-KUR-ru	15
Сардури, сын Сардури	60	^m Te-uš-pa-a	15
		Λύυδαμς	15

Указатель этнических и географических названий и археологических памятников¹

Аагста, погребение	255	Анатолия, ср. Азия, Малая	14, 18, 21, 42, 56, 67, 69, 115, 120, 221, 279, 281
Абхазия	56, 230, 231, 251, 253, 255	– восточная	172, 222, 236, 243–245, 257, 264
Абу-Симбел	272, 273	– центральная	68
Аграб-тепе (158)	236	Анкара, г.	67, 84, 172, 203, 205
Адана, г.	172, 182, 183, 246	Анухва Армянская, с., моги́льник (64)	247, 253, 255, 255, 256
Адашевцы	125	Антрацитовский р-н	48
Алерно, клад	125, 127	Арабы	102, 104
Адыгея	36, 39, 62, 94, 178, 198, 201	Аргиштихинили (90)	61, 62, 257
Азербайджан	28, 283	Аржан, курган (184)	76, 79, 80, 122, 176, 178, 203, 214, 214–216, 316
– иранский	208, 242	Армения	27, 142, 146, 151, 152, 184, 185, 261, 278
Азия	20, 56	Арноальди	194, 197
– Малая, ср. Анатолия	14, 15, 18, 21, 49, 55–58, 69, 71, 81, 84, 86, 89, 94, 96, 97, 114, 118, 136, 176, 281, 282	Арслан-таш (148)	235
– Передняя, ср. Восток, Передний	12, 13, 14, 16, 18, 20, 36, 48, 49, 57, 58, 62, 67, 84, 96, 98, 100, 118, 120, 137, 138, 142, 143, 180, 194, 196, 202, 205, 214, 220, 228, 236, 238, 240, 246, 256, 257, 261, 272, 276, 277, 281, 282, 283	Артик, моги́льник (88)	138, 141, 142, 154, 158–161, 176, 221, 224, 232, 233, 277
– Средняя	115, 118, 172, 176	Архангельская слобода, с., курган (27)	93, 94
– Центральная	49, 122	Арчадзор, с., курганы (102)	147, 151, 153, 154, 158, 160, 178, 232–234, 238
Азнавуртепе (112)	182, 183	Ассирийцы	14, 16, 17, 18, 56, 57, 71, 98, 100, 102, 104, 105, 210, 237, 238, 243, 262, 263, 266, 275
Аккашцы	272	Ассирия	17, 19, 20, 57, 70, 71, 100, 115, 142, 143, 154, 210, 213, 214, 220, 221, 227, 232, 234, 237, 238, 240, 242, 261, 264, 275, 278
Акса́й, клад (31)	35, 38	Астхалзор, моги́льник (103)	143, 146, 153, 154
Аксютинцы, с., курганы (17)	68, 83, 84, 119	Афины	143, 180, 181, 277
Алаверди	151, 232	Аштаракский район	142
Александровка, с., курганы (23)	93, 94	Ашшур (151)	70, 100, 221, 238, 264
Алексеевский, хут., курган (47)	34, 35, 38, 176, 179, 203	Аянис Кале (108)	67
Алишар (124)	69, 70, 172	Баба-Джан (164)	170
Алтай	76, 94	Балканы, западные	96, 226
Алтынтепе (117)	190, 203, 204, 207, 208, 236, 260, 282	Баллука	26
Альпийский регион	194, 202	Бамборская поляна, моги́льник	255
Альпийско-дунайский регион	202	Басовка, с., курганы (16)	79, 80
Альпы	202	Бастам (107)	27, 59, 60, 62, 67
Амазонки	97	Батинетида	71
Амасья (122)	42, 49, 50–54, 68, 281	Башадар, Башадарский курган (181)	94
Аматонт (Кипр) (141)	143	Белин	194, 195, 202
Америка	242	Белоглинка	26
Амлаш	119	Белоградец, курган (2)	119, 123, 203
Ананьино, моги́льник (35)	47, 48		
Ананьинская культура	49, 261		

¹ В указатель не включены повсеместно встречающиеся в работе названия: киммерийцы, скифы, Новочеркасский клад, Новочеркасская культура, Черногоровская культура, раннескифская культура, келермесский этап (фаза), жаботинский этап (фаза). В скобках указаны номера на картах.

Берикдееби (75)	142	Гудаута (68)	255
Берлин, г.	76, 172, 228, 241, 246	Гудермес, г. (60)	77, 79
Бештау, гора, клад (50)	247, 248	Гуляй город, с., курганы (11)	34, 83, 84
Бешташени, могильник (80)	26, 160, 165, 176, 232–234, 238, 254, 255	Гумарово, с., курганы (177)	55, 203
Бижэ (180)	176	Гунделен, с. (54)	47, 49, 56
Богазкёй (125)	49, 55, 66–68, 70, 89, 90, 96, 172, 221, 238, 260, 281, 282	Гунны	20
Богемия	96, 225, 226	Гурджаанский район	261
Болгария	198, 200, 202	Дальверзин (179)	172
Болонья-Савена, могильник	225, 226	Дарьевка, с. курганы (8)	24, 26, 77, 79, 81, 83
Бостон, г.	81, 82, 91, 242	Двин	154
Буксентласло, клад	130	Деве Хуюк (146)	97, 180, 181
Бурмагечит (116)	241	Дизгинкале (113)	264
Бутенки, с., курган (20)	35, 123, 125, 127, 283	Дилижан (95)	27, 29
Бьеннское оз.	194	Димац (83)	147, 151
Вавилон, ср. Нововавилонское царство	19	Динха-тепе (157)	30, 34, 168
Вавилоняне, ср. Нововавилонское царство	20, 58, 70	Днепропетровская обл.	94, 132
Вадена	194	Добруджа	125
Ван, оз.	21, 48, 67	Донецк	48
Ван, г. (110)	67, 183, 264	Донецкая обл.	214–216
Ван Кале	67	Дрезден, г.	134
Вар-Кабуд, могильник (160)	170	Дур-Шаррукин, ср. Хорсабад (154)	26, 27, 210, 212
Васильевка, с., курган (28)	215, 216	Европа	137, 180, 194, 202, 226, 241, 242, 276
Ватикан	105, 111	– Восточная	12, 128, 176, 196, 202, 214
Венгрия	96, 127, 131, 194, 197, 225, 226	– Западная	214, 227
Верхнекобанский могильник (58)	196, 197	– Центральная	13, 96, 123, 125, 126, 134, 136, 196, 202, 226, 227, 276–278, 283
Верхняя Рутха, могильник (56)	196, 228, 240–242, 246	– Южная	96
Византийцы	20	Евфрат, р.	21, 241
Вифиния	57	Египет	60, 71, 105, 257, 272
Во, кантон	194	Египтяне	272
Волковцы, с., курганы (15)	81, 83, 84, 119	Еленендорф (99)	226
Восток, Передний, ср. Азия, Передняя	58, 210, 242, 256	Енджа, с., курган (1)	123, 125, 198, 200, 203, 220, 283
Высокая могила, курган (25)	134, 215, 216	Ереван (92)	182
Гава, культура	130	Жаботин, с., курганы (13)	34, 62, 63, 176, 177, 178, 198
Гадрекити, с.	261	Женева, г.	79, 80
Газа	138, 142	Жирноклеевский, хут., курган (33)	214–216
Газиантеп, г.	183, 184	Журовка, дер., курганы (10)	24, 26, 27, 34
Галиат, с. (57)	228, 231	Заволжье	214
Гальштатская культура	123, 124, 277	Загрос	98
Гальштатский могильник	124	Закавказье	24, 26, 27, 42, 56, 114, 115, 120, 137, 138, 143, 151, 152, 154, 155, 158, 160, 162, 170, 176, 178, 180, 184, 190, 194, 196, 204, 220, 221, 226, 227, 234, 238, 240, 261, 262, 276, 277, 279, 282, 283
Гамир, «страна»	56, 62	– западное	151
Гезер	100, 142	– центральное	56, 188
Гела	86, 89, 90	Закарпатье	277
Германия	82	Закубанье	128, 214
– северо-восточная	214, 215	Залесье	26
Гиксосы	257	Запорожье	216
Годин-тепе (162)	168	Зауралье, южное	138, 262
Гордион (127)	24, 69	Захарейкова могила, курган (9)	34, 83, 84
Гори, г.	26, 138	Зендан-и Сулейман	70
Город Мидаса (<i>Cité de Midas</i>) (128)	69	Зивие, «клад» (159)	67, 76, 79, 80, 93, 94, 266, 280
Грансон, поселение	194, 195	Зинджирли (138)	221, 242, 245, 257, 272, 273
Греки	14, 16, 72, 97, 113, 119	Измит, г. (129)	86, 87
Греция	58, 97, 125, 138, 142, 221, 226, 266, 274, 278	Измир, г.	110
Грузия	45, 120, 121, 138, 140, 142, 147, 188, 189, 191, 232, 261	Иерусалим (145)	58
– восточная	154, 187	Имамоглу Хуюк (119)	67
– центральная	151		

Имирлер (121)	42–43, 47, 48, 49, 55, 56, 57, 68, 118, 172, 281		Келермесская стан., некрополь, курганы (43)	27, 29, 31, 34, 48, 49, 57, 61, 62, 68, 76, 77, 79, 82, 96, 115, 118, 279, 282
Индустрия, с., могильник (51)		257, 259	Киев, г.	181, 194
Иония		71, 94	Киликия	57, 70
Ираклион		102	Кипр	26, 36, 40, 41, 142, 146, 194, 236, 243, 244, 266, 267
Иран	24, 34, 58, 67, 80, 93, 94, 102, 114, 119, 137, 138, 147, 151–155, 157, 158, 170, 172, 176, 178, 182, 188, 194, 197, 202, 204, 208, 214, 216, 220, 221, 223, 226, 276, 277, 279, 280, 283		Кировабад, г., курганы (98)	147, 153, 163, 178, 280
– западный		68, 210	Кировакан, г. (83)	147, 151, 184, 185, 188, 190
– северный		27, 196, 208	Кировоград, г.	118, 198, 199
– северо-западный		208, 220, 241	Кисловодск, г. (51)	133–135, 228, 257, 258
Иранцы		98, 262, 280	Китай	76, 118
– западные		98	– северный	118, 282, 283
– северные		98	Клазомены (132)	105, 108–110
Исин		113	Клин-яр, с., могильник (51)	132, 133, 228, 229, 234, 235, 246, 247, 250, 256, 283
Испания		226	Кобан, могильник (58)	214, 215
Итака, о.		225	Кобанская культура	152, 196, 228, 230, 232, 234, 255, 256, 283
Италия	124, 125, 127, 226		Койсути	26
– Северная		96, 194, 197	Колхида	160, 166
Кабан-гора (51)		257, 258	Колхидская культура	230, 255, 256, 283
Кабардино-Балкария		21, 84	Комаровский могильник	26
Кавказ	13, 18, 49, 56, 118, 143, 152, 153, 178, 196, 228, 234, 237, 238, 240, 247, 256, 257, 280, 283		Комлод, клад	125, 127
– Северный, ср. Предкавказье	24, 26, 35, 55, 115, 118, 126, 134, 180, 194, 196, 202, 228, 234, 240, 246, 247, 257, 261, 277, 279, 282, 283		Константиновка, с., курганы (6)	84, 198, 200, 283
– северо-восточный		55	Корселет	194, 195
– Центральный		152, 196	Костромская, стан.	160
Кавказский хребет	56, 178, 180, 196, 230, 247, 283		Красная деревня, с., курганы (34)	214
Кадеш		272	Краснодар, г. (37)	196, 198
Казахстан		115	Краснодарское водохранилище	79, 80, 198
– восточный		76	Красное знамя, хут., курганы (48)	24, 32, 34, 55, 282
– северный		138	Красный маяк, могильник (65)	255
Калакент, могильник (97)	26, 27, 147, 151, 160, 163, 176, 178, 179, 226, 283		Крит	102
Калаподи		278	Крым	55, 77
Калатгах (157)		263, 278	Ксанское ущелье (71)	120
Каман-Кале Хуюк (126)		67, 84	Кубанский могильник (40)	121, 122
Каменноостское, с., могильник (53)		83, 84	Куланурхва, могильник (63)	255
Капланту (159)		65, 205	Кумбулта, с., могильник (56)	196, 228
Каппадокия, восточная		138	Кумы	124, 125, 127, 226
Карабахские курганы		153	Курдистан,	105
Карабулаг (105)		26	– иранский	79, 94, 275, 280
Карели, дер. (75)		26	– центральный	98
Карлсруэ, г.		241–243, 264	Куцеволовка, с., курганы (21)	118
Кармир-Блур, ср. Тейшебаини (92)	27, 33–35, 37, 59, 60, 61, 70, 84, 120, 154, 183, 205, 208, 226, 240, 241, 243, 260, 272		Куянджик, ср. Ниневия (153)	102, 210, 282
Карпато-дунайский регион		132	Кюр-Дере	255
Карпатский регион		194	Лайлаши, клад (70)	160, 166
Карсская область		188	Лахиш (145)	221, 236, 257
Кархемиш (146)	70, 71, 97, 105		Лейден, г.	242
Каспийское море		119	Ленинакан, г., поселение, некрополь (86)	160, 162, 163
Качаган, курган, могильник (84)		151, 170	Лермонтовский разъезд, погребение (52)	35, 38, 42, 44
Каяльdere (114)	67, 68, 69, 153, 282		Лидийцы	58, 72, 84
Квемо-Сасирети, клад (77)	138, 140, 160, 232		Лидия	18, 57, 71, 84, 94
Квитки, с., курган (4)	35, 38, 123, 125, 216–220, 227, 283		Линдос	225
			Лич, дер.	21
			Лондон	100
			Лори-берд, могильник (82)	138, 154, 221, 224, 226, 233
			Лубны, с., курган	194
			Луганская обл.	47, 48
			Луганское, с.	214

Луки	26	Надзанк, клад	130
Луристан	17, 170, 188, 212, 256	Нартан, с., могильник, курганы (55)	21, 64, 62, 77, 81, 83, 282
Лчашен, с., могильник, курганы (94)	138, 139, 142, 154, 226, 232, 233, 238, 262	Насадгомари, могильник (73)	261
Лядик	49, 50–55	Нейраб	105
Магарои, с.	261	Нейссе, р.	134
Майкоп, г. (44)	77, 196	Нешательское оз.	194
Майнц, г.	208, 209, 241	Нигозети, клад	188
Макаршен, с., погребение (83)	184, 185, 188, 190	Николаевский могильник (39)	122
Македония	96, 225, 226	Нимруд, ср. Кальху (152)	98, 99, 100, 232, 236, 257, 266, 268–270, 275
Макеевка, с., курганы	29	Ниневия, ср. Куянджик (153)	210, 236
Малаклю, могильник	256	Новая Белогорка (175)	55
Малагья (119)	21, 67	Новоалександровка, с., курганы (22)	81, 82
Малая Цимбалка (26)	134	Нововавилонское царство, ср. Вавилон, вавилонцы	20
Малый курган (106)	26, 28, 42, 170, 172, 190	Новы Бановицы	125
Манна	17, 18, 58, 115, 184, 257, 264, 278	Нор-Ареш (92)	143, 149, 150, 152, 154, 155, 158, 256
Маннеи	19, 238, 243, 263, 276	Нор-Баязет (93)	261
Маралын Дереси (76)	154	Норшунтепе (118)	21, 22–27, 34, 35, 36, 42, 55, 56, 57, 59, 68, 170, 172, 257, 282
Марды	102	Носачево (7)	119, 123, 210–212, 214, 216, 220
Мари (150)	238, 272, 274	Нубийцы	272
Марлик, могильник (166)	147, 151–154, 221	Нузи (155)	261
Машат Хуюк (123)	68, 69, 85	Нуш-и Джан (163)	65, 68, 69, 205, 210
Мегидло (143)	261, 266, 267	Нью-Йорк, г.	34, 35, 47, 81, 82, 182, 209, 242
Медвин	178	Одэр, р.	134
Мелани, святилище (74)	187, 188, 190	Оксфорд, г.	208, 209, 264
Мелид	56, 57	Ордос	212
Мелия (134)	71, 72	Оренбург, г. (176)	47, 48
Меллентин	214, 215	Орехово, с. (30)	47, 48
Мельгунов (Литой), курган (14)	48	Орхомен	138
Мемфис	105	Осетины	56
Мериген	194, 195, 214, 215	Осетия	79
Месопотамия	16, 58, 214, 238, 274	– Северная	228
– Северная	18, 19, 272	– Южная	77, 79
Мехчис-Цихе, клад (85)	188, 191	Осняги	26
Мидийцы	19, 70, 71	Ошакан	154
Мидия	17, 18, 58, 60	Пале-Пафос (Кипр) (142)	143, 244
Мидяне	98	Палестина	58, 67, 71, 221, 266, 267
Микены	138, 139, 142	Панионий	71
Милет (136)	71, 142	Париж, г.	110
Мильско-Карабахская степь	26, 42, 170, 172, 190	Парни-Гех (87)	138
Мингечаур, г., курганы, грунтовый могильник (100)	26, 42, 154, 155, 156, 158, 162, 168, 170, 172, 176, 178, 190, 225, 226, 278, 280, 283	Патнос, г.	21, 264
Минеральные воды, г. (49)	49	Перебыковцы	26
Минусинск, г. (183)	47, 48	Перкаль, могильник (50)	47, 49
Минусинская котловина	48, 281	Персеполь (170)	58, 83–85, 119, 180, 181
Молдавия	124	Персы	72, 84, 97, 98, 113
Монголия	76	Поволжье	48, 118, 281
Морквашинский могильник (36)	261	– Нижнее	214, 280
Мраморное море	86	Подунавье, ср. Придунавье	138, 277
Муш (115)	47, 48, 49, 57, 118	– центральное	202
Мушки	56	Полтавская обл.	125, 194
Мцен, с., могильник	151	Поповка, хут., курганы (18)	34, 81, 83
Мцхета, г. (78)	188, 189	Поросье	115–219
Мюнхен, г.	209, 241, 242, 244, 246	Предкавказье, ср. Северный Кавказ	56, 114, 115, 118, 123, 178, 196, 198, 234, 257, 261, 277
Набагреби, могильник (78)	188, 189	– центральное	55, 282
Навур (96)	27, 29	Преображенское	35

Приаралье	48, 49, 160, 172, 203, 281	Ставрополь, г. (46)	179
– южное	49	Ставрополье	176
Придунавье, ср. Подунавье	277	Стамбул	48, 49
Приена	71	Старшая могила, курган (17)	24, 26, 27, 29, 34, 48, 68, 119
Прикубанье	55, 122	Стеблево, с., курганы (5)	115, 117, 281, 282
Приморское, с. (67)	230–234, 238, 246, 247, 255, 256	Степной, хут. (60)	77
Приуралье	49	Стрижена могила, курган (29)	214–216
– южное	48, 49, 203	Сулак (176)	47
Причерноморье	20, 114, 119, 120, 122, 123, 137, 180, 257	Султан-гора, могильник (51)	247, 249
– Северное	16, 94, 114, 115, 118, 119, 125, 196, 220, 277	Сурмуши, клад (69)	120, 121, 162
Пруссы	26	США	88
Прюдь, дер., клад	130–132, 283	Сырларья, р.	203
Пфаттен	194	Табал	56, 70
Пшиш, клад, могильник (38)	35, 38, 214	Тагарская культура	48
Пятигорск, г. (50)	47, 49, 56, 248	Тагискен, Южный (173)	118, 176, 199, 203
Раданья	225	Так-Килиса, могильник (80)	146, 155, 162, 163, 188
Радионовка, с. (24)	132, 133	Тальш	154
Разменный, курган	160	Тарс (137)	70
Рас Шамра (139)	138, 261	Ташова	49, 50–55
Рагайе	226	Тбилиси, г. (79)	138, 157, 160, 163, 188, 193, 234
Редкин лагерь, могильник (95)	225, 226	Тегеран, г.	266
Репяховатая могила, курган (9)	24, 26, 27, 29, 34, 81, 83	Тейшебаини, ср. Кармир-Блур (92)	59, 60, 61, 62, 115, 154, 158, 170, 172, 182, 184, 208, 210, 232, 241, 242, 246, 257
Родос, о.	225	Тель-Амарна	138, 142
Рук, с. (62)	77, 79, 80	Тель-Халаф (149)	272
Румыния	194, 195	Темир-гора, курган	77
Савроматы	97	Тенетинка, с., курганы (12)	34, 176, 176, 178
Садахло, могильник (81)	160, 163	Тепе Гиян (165)	168, 171, 221
Сакар-чага, могильник, курганы (172)47,	49, 118, 172–175	Теремцы, с. (3)	198, 199
Саки	16, 18, 19, 20, 97, 105, 113	Тиль Барсип (147)	212, 213, 263, 264
Саламин (Кипр) (140)	26, 36, 40, 41, 143, 146	Тир	213
Самария (144)	70, 71	Тиринф	138
Самос, о. (135)	71, 96, 168, 204, 221	Тироль, Южный	194
Самсун, г.	97	Тли, могильник (61)42,	42, 77, 80, 81, 83, 152, 196, 230, 255, 255, 256
Самтавро, могильник (78)	42, 45, 62, 154, 196, 232	Тола, клад	147, 151
Сарды (130)	69, 73–77, 80–82, 84, 86, 87, 90, 94, 96, 282	Толорс, курган (104)	151, 152
Сахарна-Солончены, группа памятников	124	Томаджан, дер. (169)	119
Севан, оз.	262	Топраккале (109)	27, 29, 243
Семирежье, восточное	176	Трансильвания	194
Сиалк, могильник (168)	132, 137, 155, 157, 158, 168–170, 172, 178, 180, 190, 212, 214, 221, 232, 274, 276	Трахтемирово	138
Сибирь	48, 80, 81	Трели, могильник (79)	157, 160, 188, 190, 193, 232, 234, 338
– южная	48, 115, 118	Тржтено	225, 226
Сингашта, могильник (178)	138, 139, 262	Триалети	26, 146, 154, 155, 157, 160, 165, 188, 232, 238, 254, 255
Сиппар	16	Три Брата, курганы	26
Сирийцы	98	Троада	86, 87, 96
Сирия	58, 86, 88, 105, 221, 272, 275	Тува	76, 79, 122, 203, 214
– Северная	272, 275	Тунджели, г. (116)	241
Сицилия	125, 127	Туренг Тепе (171)	194
– Южная	86, 89	Турин, г.	272, 273
Славяне	20	Турция	48, 67, 80, 88, 86, 90, 91, 172, 182, 207, 242, 246, 260
Словакия, западная	135	– восточная	241
Словения	124	Тушпа (110)	67
Смирна (131)	58, 72		
Смоленце-Мольпир	135		
Солодка, курганы (17)	68		
Сотин	125		

Уашхиту, курган (42)	35, 36, 39, 123, 128, 178, 257, 262, 283	Чоратан	27, 29
Угра	194, 197, 225, 226	Чустская культура	172
Уйгарак, могильник, курганы (174)	47, 48, 76, 79, 80, 118, 160, 172, 176, 199, 203	Шамирам, курган (89)	142
Уляп, курганы (41)	94	Шаренград	226
Уние (120)	97	Шаркишла	138
Ур	113, 238	Шатт-эль-Араб, р.	26
Урарту	17, 18, 21, 24, 56, 59, 60, 67, 115, 138, 152, 153, 155, 182, 184, 190, 194, 196, 203, 204, 208, 220, 221, 226, 234, 236, 240, 242, 246, 256, 257, 261, 264, 272, 275, 276, 278, 282	Шаффаузен, г.	242
Урарты	14, 19, 57, 59, 61, 62, 84, 102, 138, 153, 172, 208, 236–238, 242, 243, 262, 263, 276, 278	Швейцария	194, 195, 214–216
Урмия, оз.	214	Шпола, с. (8)	77, 81
– приурмийский район	18	Шубрия	57
Фарс, могильник (45)	129, 130	Шумен, г.	202
Фаскау, могильник (57)	77, 80, 196, 228, 230–234, 240	Эгеида	84
Ферганская обл.	172	Элам	210
Фивы	138, 139, 142	Элар, могильник (91)	226
Филадельфия, г.	172, 183, 205, 209	Элязыг, г.	172, 183, 209, 241
Франция, восточная	226	Эмам, дер. (169)	119
Фригийцы	57	Энкоми (Кипр) (140)	266, 267
Фригия	57	Эребуни, ср. Арин-Берд (92)	62, 149, 150, 152, 154, 155, 158, 208, 210
Фюгод	194, 197	Этос	225
Хазанлу (156)	65, 67, 98, 152, 155, 157, 158, 162, 167, 168, 170, 172, 176, 182, 190, 194, 205, 210, 214–216, 220, 221, 223, 236, 238, 239, 242, 244, 256, 257, 260, 263, 264, 266, 270–272, 274–280, 283	Эфес (133)	72, 84, 86, 90–92, 94–97
Хайдубоссормени, клад	130	Эчмиадзин	143
Хамадан	34	Эшери, с., могильник (66)	230, 247, 251, 255, 255, 256
Ханейцы	272, 274	– Верхняя	255
Ханлар, курган (99)	154, 154	Эшакон	26
Хаслау-Регельсбрунн, клад	277	Юкары Анзаф Кале	67
Хаухица	225	Allemands	18
Херсонская обл.	94	Benacci	124
Хилакку	70	Berlin	235
Ходжалы, г., курганы, могильник (101)	26, 151, 153, 154, 155, 158, 160, 178, 190	Bologna	124
Хорватия	96, 226	Bombay	235
Хорсабад, ср. Дур-Шаррукин (154)	210, 212, 270	Brandebourgeois	18
Хрраноц, могильник (95)	27, 29	Csákberény	125
Хубушкия	18	Este	124
Хубушна	56	Franzosen	18
Хурриты	274	Gyula	125
Цинцкаро, с., могильник (80)	155, 157	Hasanlu	279
Цители-гореби, с., курганы (72)	261	Ispánlak	125
Цюрих, г.	88	Kisköszeg	125
Цюрих-Алпенке	194, 195	Lyoner	18
Чавуштепе (111)	65, 67, 205, 210, 236	Nagyenyed	125
Чернолесская культура	124	kurNi-kip-pa	266
Чешмех-Махи, могильник (161)	170, 188	Paris	235
Чишко, курган (38)	62, 123, 196, 198, 201, 283	Saka	16
Чми, с., могильник (59)	228	Somlyóhegy	125
Чога Замбил (167)	142, 261	Somlyóvásárhely	125
		Stillfried	125
		Székesfehérvár	125
		Tarquimia	123, 124
		Ugra	125
		kurŰ-pa-a	266
		Vácszentlászló	125
		Vetropác	125
		Zürich	235